

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ
**ЯН
ФЛЕМИНГ**

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

ЯН ФЛЕМИНГ

2

ЯН ФЛЕМИНГ

ТОМ 2

Баку
Концерт «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРЛИ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят
полки вашей библиотеки.*

ЯН ФЛЕМИНГ

Том 2

Сдано в набор 25.10.92. Подписано к печати 25.02.93. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88.
Усл. кр.-отт. 26,88. Зак. 2—1614.

Концерн «Олимп». 370000, Баку, ул. Ази Асланова, 78.

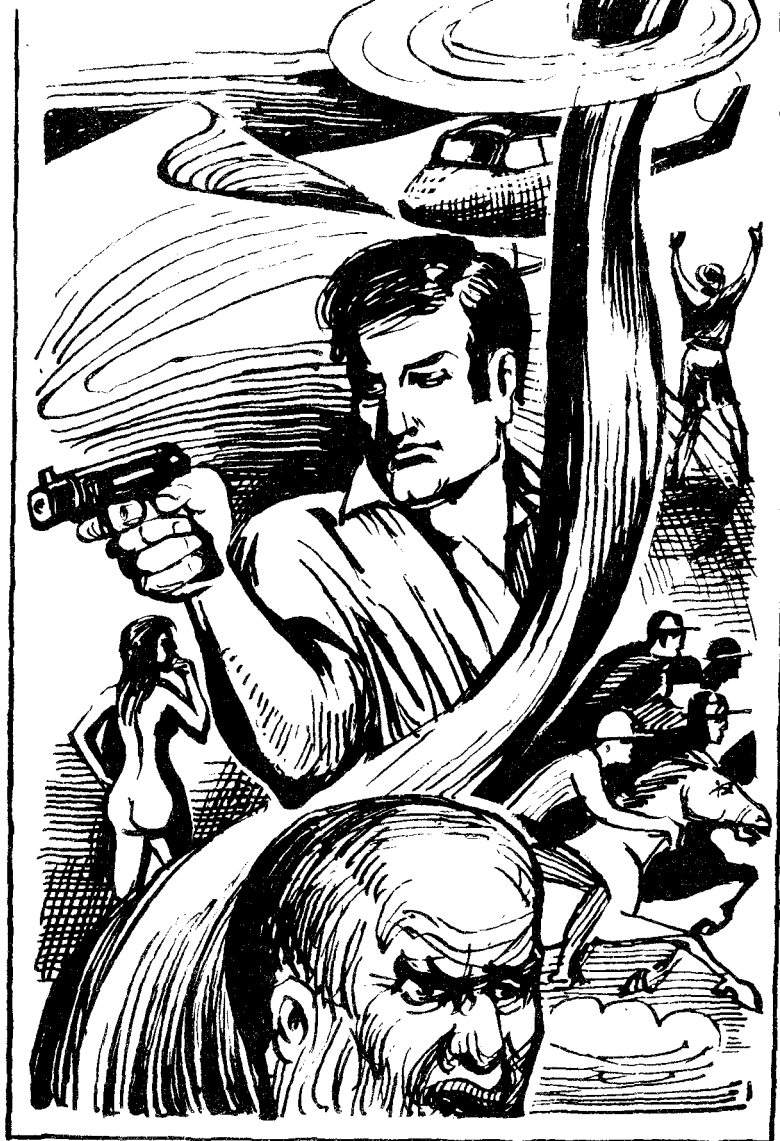
Главное предприятие республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3

Ф — 4703010100—057 без объявл.
93

ISBN 5-87860-104-4

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

БРИЛЛИАНТЫ ВЕЧНЫ

1

ЛИНИЯ ОТКРЫВАЕТСЯ

Раздался сухой шелест, и из узкой щели под камнем выполз большой черный скорпион, выставив вперед охотничьи клешни, словно это были руки борца. Оказавшись в самом центре твердого ровного земляного пятка, он балансировал на кончиках четырех пар лапок. Его мышцы были готовы к мгновенному отступлению, а нервные центры целую минуту анализировали малейшие изменения вокруг, выбирая следующее движение.

Лунный свет, пробивавшийся сквозь колючий кустарник, бросал сапфировый отблеск на твердую черную полировку членистого тела и бледно вспыхивал на влажном белом жале, торчащем из последнего сегмента хвоста, изогнутого вдоль плоской спины. Жало медленно втянулось, и нервные окончания в основании ядовитой железы наконец расслабились. Скорпион решился. Голод победил страх.

Чуть поодаль, по дну крутого песчаного ската, с трудом пробирался маленький жук. Скорпиону для броска потребовалось лишь мгновение. Жук был обречен. Его лапки протестующе дернулись, когда мощная клешня сомкнулась вокруг его тельца. Через секунду после того, как жало вонзилось в него, жук был мертв.

Около пяти минут скорпион оставался без движения. Все это время он изучал безжизненную жертву, прислушиваясь к своим ощущениям, и, убедившись в собственной безопасности, отдернул клешню от надвое рассеченного жука и впился в тело жертвы своими маленькими челюстями.

А потом в течение часа скорпион с величайшей осторожностью пожирал добычу.

Густой кустарник, в тени которого происходили эти

события, мог служить неплохим ориентиром на широкой полосе холмистой равнины, находящейся примерно 40 милями южнее Киссидоу, в юго-западной части Французской Гвинеи. На горизонте виднелись холмы и джунгли, но здесь, примерно на 20 квадратных милях, земля была усеяна множеством камней, вид которых оживляла лишь тропическая растительность, представленная диким колючим кустарником, порой достигавшим высоты одноэтажного дома. Это растение можно было увидеть за несколько миль.

Именно такой кустарник рос на границе трех африканских государств: во Французской Гвинеи, на протяжении не более десяти миль вдоль одной из оконечностей Либерии и пятью милями восточнее границы Сьерра-Леоне.

Здесь, вокруг Сефаду, располагались алмазные рудники, принадлежащие компании «Сьерра интернэшнл», в обороте у которой был приличный капитал, притекший когда-то с Британских островов.

Что же могло беспокоить скорпиона в его логове?

Слуховые нервные центры уловили странные колебания, некоторые из которых он определил сразу, — это было легкое царапанье лапок жука где-то неподалеку. Кроме того, членистоногого беспокоили непонятные звуки вокруг, которые неожиданно привели к страшному сотрясению его жилища. Именно это и насторожило его, обычно такого наглого и бесстрашного, и заставило быть осторожным на охоте. Звуки, испугавшие скорпиона, сопровождались мягким и ритмичным подрагиванием почвы, напоминавшим легкое землетрясение. Но шуршание лапок маленького жука для хищника, целый день скрывавшегося от своего главного врага — солнца, показалось настолько соблазнительным, что он забыл о других звуках и вышел из укромной норы на поверхность, освещенную призрачным лунным светом. Высасывая кусочки растерзанного жука, скорпион не подозревал, что его самого давно выслеживает смерть. Она медленно приближалась. Ее шаги были уже слышны и вняты для человека, но не для насекомого. Совсем недалеко сильная, непомерно короткая рука с обкусанными ногтями мягко и бесшумно подняла зазубренный каменный обломок, но, каким бы легким ни было это движение, скорпион почувствовал подозрительное колыхание воздуха над собой. В мгновение ока он приготовился к бою: полуоткрытые мощные клешни выглядели угрожающе, хвост напрягся, и из его кончика показалось зловещее белое жало. Но было слишком поздно.

— Черный притвора,— человек смотрел, как поверженное насекомое бьется в предсмертной агонии.

Зевнув и опустившись на колени напротив зарослей кустарника, где он сидел уже около двух часов, и вытянув за головой сцепленные руки, человек лениво потянулся. Шум двигателя, которого он так ждал и который в конечном итоге и явился причиной смерти ядовитого скорпиона, становился все слышнее и слышнее. Пока было видно только неуклюжую темную тень. Лишь на мгновение свет озарил вращающиеся лопасти винта.

Вытерев руки о свои грязные полувоенные шорты и быстро обогнув кустарник, он подошел к замаскированному мотоциклу, под откинутым сиденьем которого лежали аккуратно упакованные кожаные футляры. Из одного из них он извлек небольшой тяжелый пакет и спрятал его в своей широкой рубашке. В другом оказались четыре дешевых электрических фонарика. Прихватив их, человек направился к полосе ровной и, по всей видимости, твердой земли, напоминающей своими размерами и конфигурацией теннисный корт.

Разместив горящие фонарики по углам расчищенного участка, он отошел в сторону и в ожидании скрестил на груди руки.

Вертолет медленно приближался. Огромные лопасти вращались уже не более чем в ста футах над землей. Машина напоминала гигантское несуразное насекомое. Естественно, человеку на земле казалось, что она производит слишком много шума.

Вертолет, чуть наклонившись, завис прямо над его головой. Из кабины пилота показалась рука, держащая миниатюрный электрофонарик. Просигналив азбукой Морзе английскую букву «эй», он погас. Человек на земле поднял свой фонарь и, ответив буквами «би» и «си», отошел в сторону, защищая глаза от поднявшейся пыли. Наклон винта чуть изменился, и вертолет, вздымая облака песка, смешанного с грязью, мягко опустился точно в центре импровизированного аэродрома.

Чихнув в последний раз, двигатель умолк. Винт еще продолжал вращаться, но лопасти его бессильно обвисли. Наступившая тишина взорвалась хором свежих ночных звуков: стал слышен веселый звон цикад и беспокойное чириканье какой-то ночной птички. Когда пыль немного осела, пилот, чуть приоткрыв дверцу кабины, спустил на землю маленькую алюминиевую лесенку. Выбравшись из вертолета, он терпеливо ждал, пока его напарник собирал

сигнальные фонарики и укладывал их в футляр. Он опоздал с прилетом на полчаса и уже начал обдумывать ответы на неизбежные ругательства, которые, несомненно, будут направлены в его адрес. Вообще-то он презирал всех африканцев без исключения, но этого — особенно. Для него, сражавшегося в рейхсдойче и люфтваффе в небе Голландии за честь рейха, все они были полукровками — хитрыми, тупыми и грубыми. Конечно, этот парень нашел блатную работенку, но в сущности она ничего не представляла в сравнении с тем, что делал он. Кто еще рискнет вести вертолет в крошечной тьме над джунглями, а потом, немного отдохнув, мотать эти же 500 миль обратно?

Чуть приподняв руку и поприветствовав таким образом подошедшего напарника, пилот спросил:

— Все нормально?

— Надеюсь. Только ты снова опоздал, и мне придется переться через границу на рассвете.

— Магнитная буря. А потом, у каждого свои проблемы, и слава богу, что в году только тринадцать полнолуний, — он ухмыльнулся. — Ну ладно, если есть товар, давай его сюда, и я смотаюсь.

Получив изящный, но довольно тяжелый пакет, он сунул его в нагрудный карман рубашки и, презрительно поморщившись, вытер руки о шорты — сверток оказался влажным и скользким, видимо, пропитался потом этой скотины.

— Прекрасно, — сказал пилот и направился к вертолету.

— Минутку, — в голосе контрабандиста с алмазных рудников зазвучали угрюмые нотки.

Летчик обернулся и выжидающе посмотрел на него. «Ого, да это, кажется, голос раба, недовольного своей жратвой», — подумал он, но вслух сказал:

— Ну, что там еще?

— На рудниках запахло жареным. Я не в курсе всех подробностей, но кое-что известно. К нам пожаловал крупный сыскной туз. Его зовут Силитоу. Ты, наверное, читал о нем. Нанят будто бы «Даймонд корпорэйшн». Вводят новые правила, наказания удваивают. Накрыли, кстати, пару моих малюток. Да и мне приходится быть жестоким по отношению к ним. Я чувствую, кто-то из них вскоре серьезно залетит. Мы напряжены до предела. Я повысил ставки на десять процентов, но мои люди хотят большего. Со дня на день агенты Силитоу возьмут одного из моих лучших поставщиков. Ты знаешь этих черномазых свиней.

Они не остановятся даже перед бойней,— он на мгновение взглянул в холодные глаза летчика и продолжил: — В этом случае можете на меня не надеяться.

— Ты хочешь, чтобы я угрожал Эй-Би-Си?

— Я никого не пугаю,— последовал торопливый ответ.— Я только хочу, чтобы там знали обо всем, в том числе и о Силитоу. И поинтересуйтесь, кстати, годовым отчетом шефа нашей конторы. По его сведениям, рудники теряют около двух миллионов фунтов в год и правительство должно остановить эту утечку. А что это значит? Это значит — остановить меня!

— И меня,— пилот улыбнулся.— Что ты хочешь? Денег?

— Да. Плюс 20 процентов, или я пас,— он пытался увидеть на лице собеседника хоть каплю симпатии.

— Хорошо,— ответил тот безразлично.— Я передам это в Дакар, и, если они заинтересуются, я думаю, твоего сыщика отошлют в Лондон, но от меня ничего не зависит. Даже если ты прав, я не смогу оказать слишком большого давления на этих людей, которые намного сильнее Силитоу, твоей компании, да и любого правительства, поверь мне. Здесь только за последний год трое отправились на тот свет. Один — за свой поганный желтый цвет. Двое — за карманные кражи. Ты знаешь их. А не припоминаешь, какая неприятность случилась с твоим предшественником? Нет? Он, кажется, хранил под кроватью уголь. Никак не пойму, зачем. Ведь он был таким осторожным. Не забывай об этом.

В ответ контрабандист лишь пожал плечами:

— В любом случае мне нужно больше денег, иначе я не смогу дальше поддерживать этот участок линии. Если они поймут это, то прибавят нам жалкие 10 процентов, если нет..— он состроил гримасу и пошел прочь.

Пилот немного помялся и вдруг крикнул:

— Подожди. Я отолью тебе немного бензина.

Через несколько минут он уже сидел в кабине. Втянув лесенку, он на прощание помахал рукой:

— Все в порядке. Скоро увидимся.

Человек на земле вдруг почувствовал себя всеми брошенным и страшно одиноким. Ответив на прощальный жест, он отступил, защищая глаза от еще не поднявшейся пыли.

Пристегнувшись страховочными ремнями, пилот проверил работу рулевых педалей и тормозных колодок. Подав питание на высотомер и убедившись в нормальной подаче топлива, он нажал на стартер. Удовлетворенный мер-

ным гулом двигателя и сняв с тормоза рабочий винт, пилот выглянул в боковое стекло: лопасти пришли в движение, и откуда-то сзади пробился стрекот стабилизирующего винта. После того как скорость вращения достигла 200 оборотов в минуту, тормозные колодки мягко отошли в сторону. Лопасти выпрямились и со свистом вгрызлись в воздух. Окруженный сверкающим ореолом вертолет начал медленно подниматься. Наконец пилот опустил руль высоты и зажал его между коленей. Грузная машина на секунду зависла в ста футах над землей, а затем, набирая высоту и скорость, устремилась на восток.

Человек на земле провожал глазами удалявшийся вертолет, вместе с которым улетали алмазы на сто тысяч фунтов, которые его люди прошлым месяцем вынесли с рудников. Пока они заходили, пряча товар во рту, он стоял в своем стоматологическом кабинете и грубо спрашивал посетителей, какой же все-таки зуб у них болит. Не прекращая говорить о зубной боли, он забирал алмазы у подходивших людей и аккуратно складывал их на хирургический столик под яркий свет настольной лампы. После того как произносились заветные цифры: 50, 75, 100, они получали новые инструкции и покидали кабинет, унося с собой для оправдания таблетки аспирина.

Вынести камни с рудников было практически невозможно. Когда рабочие покидали территорию разработок — обычно они раз в году отлучались повидать друзей или похоронить кого-нибудь из родственников, — на выходе их просвечивали рентгеновскими лучами, да и кроме этого существовало множество различных методов и приспособлений.

А ведь это было так просто — записаться на прием к дантисту в тот день, когда дежурил он... Бумажные деньги, которые им платили, идентификации при выходе не подвергались.

Человек выкатил мотоцикл на ровную поверхность. Минутой позже он уже мчался в направлении все четче выступающих из темноты холмов Сьерра-Леоне. Если ничего не случится, времени хватит только-только на то, чтобы добраться до хибары Сьюзи. Его лицо скривилось от мысли, что ему придется заниматься любовью с ней под конец этой изнуряющей ночи. Но, черт возьми, разве это не было необходимо? Если имеешь дело с женщиной, денег для обеспечения себе твердого алиби явно недостаточно. Грязное животное, она только об этом и мечтает. А потом предстоит выслушивать сальные шуточки типа: «Я слышал, у нее луч-

шие ободы в провинции», ну и конечно, «Скажи-ка, док, что подарило тебе сегодняшнее полнолуние?».

Но каждые украденные сто тысяч приносили ему тысячу чистого дохода. Эти деньги после каждой операции переводились на его счет в лондонском банке. Такие желанные хрустящие банкноты. Они стоят риска, но не постоянного! Скоро у него будет двадцать тысяч, и тогда он определенно завяжет со своим опасным ремеслом. А потом... В его голове замелькали мысли одна фантастичнее другой, а мотоцикл продолжал быстро нести своего водителя навстречу новому дню.

Далеко позади остались густые заросли колючего кустарника, куда выходила одна из темных дорожек богатейшего преступного мира и где брал начало грандиозный алмазный путь, всасывая в себя все новые и новые драгоценные камни, которым суждено было высыпаться сверкающим дождем на прекрасные мягкие груди в пяти тысячах миль отсюда.

2

ЦЕНА КАМНЯ

— Закрепи, наконец, его нормально,— нетерпеливо сказал М.

Джеймс Бонд, составлявший под диктовку М. отчет шефу спецслужбы, поднял ювелирное увеличительное стекло, уже в который раз упавшее на стол, и надежно закрепил его в своей правой глазнице.

Хотя стоял поздний июль и вся комната была залита ярким солнечным светом, М. включил мощную лампу и направил ее прямо на Бонда. Джеймс поднес к свету небольшой бриллиант.

Камень вспыхивал всеми цветами радуги, и глаза быстро устали от нестерпимого яркого блеска.

Оставив алмаз в покое, он попытался сказать что-нибудь существенное. М. насмешливо посмотрел на него:

— Прекрасная вещь, правда?

— Потрясающая. Стоит, наверное, кучу денег.

— Несколько тысяч,— сухо ответил М.,— это кусок чистейшего кварца. Ну, а теперь попробуй еще раз.

С этими словами М. сверился со списком, лежащим напротив, автоматически разгладил складку на нем и передал Бонду. Тот положил первый камень в футляр и взял другой образец.

— Все это просто лишь для вас, сэр. Вы всегда делаете верные выводы,— Джеймс улыбнулся и принялся изучать следующий камень.

Не было оснований сомневаться в его подлинности. Имевший не более 32 и не менее 24 граней и весивший около 20 карат бриллиант полыхал голубовато-белым огнем. Мягкие световые лучи, проникавшие в его бездонную глубину, отражались там целым сонмом разноцветных мозаик. Левой рукой Бонд поднес к лицу поддельный алмаз. Это был безжизненный и тусклый камень. Его блеск нельзя было сравнивать с кристальной прозрачностью бриллианта, а цветовая радуга казалась грубой и чем-то замутненной.

Джеймс положил подделку на стол и снова взялся за настоящий алмаз. Только сейчас он понял, почему драгоценные камни во все века приковывали к себе столько внимания. Они пробуждали в человеке безумную, необузданную страсть, сродни внезапному любовному увлечению, они возбуждали и будоражили всех, кто имел с ними дело. Алмазы были воплощением гармонии и безупречного совершенства. Их безграничная духовная власть превращала все окружающее в дешевую глину.

В эти несколько минут Бонд поверил в алмазный миф и понял, что никогда не забудет того магического сияния, которое он увидел в сердце бриллианта.

Он взглянул во внимательные глаза М. и тихо произнес:

— Да. Я все понял.

М., удобнее усевшись в своем кресле, спросил:

— Знаешь, что сказал мне Якоби из «Даймонд корпорэйшн»? — не дождавшись ответа, он продолжил: — Если хочешь заняться алмазным бизнесом, попытайся понять, что стоит за этим делом. Не думай, что это только миллионные хрустящие купюры и эликсир против инфляции или прекрасные дорогие безделушки. Он показал мне как раз то, что ты видишь сейчас. Можешь смотреть на меня так же небрежно, как на тот кусок искусственного кварца,— губы М. растянулись в улыбке,— если ты не получишь удовольствия.

Бонд промолчал.

— А сейчас позволь им немного отдохнуть,— М. взглянул на грудку бумажных пакетиков и в последний раз пробежал глазами каталог.— Я позаимствовал у наших друзей несколько экземпляров камней. Они тебе помогут во многом разобраться.

Он сложил их в футляр, закрыл его и передал Джеймсу:

— Пришли их мне домой завтра утром. Кстати, то, что ты сейчас так внимательно изучал,— самое лучшее. Например, «Блю файр» или «Топ оф быутифул». Прекрасно обработан, весит не менее десяти карат, но стоит, правда, раза в два дешевле, зато содержит более богатый набор желтых оттенков. «Южноафриканский», который я собираюсь тебе показать, выдержан в нежных коричневых тонах. Рассчитан, похоже, на тонких ценителей, ибо, когда Якоби мне о нем распространялся, я не нашел и десятой доли тех достоинств, о которых он говорил.

Бонд покорно взялся за очередной алмаз и следующие пятнадцать минут занимался лишь тем, что слушал неинтересную, но довольно пространную лекцию М., посвященную сортам и сериям драгоценных камней, цветовым гаммам и их градациям. Уже заканчивая, М. высыпал на стол кучку маленьких, тусклых и невзрачных камешков. Оказалось, это промышленные алмазы.

— Конечно, не суперкласс, но презирать их не стоит. Только в прошлом году Америка закупила подобного товара больше чем на пять миллионов фунтов стерлингов, и это лишь на одном рынке. Практически незаменимы при бурении тоннелей и сверлении зубов.

Джеймс поморщился.

М. достал трубку и принялся ее набивать.

— Теперь ты знаешь о бриллиантах столько же, сколько я.

Бонд откинулся на спинку стула. Алмазы, рассыпью лежавшие на столе, вызвали у него невольный вопрос: «Неужели это все?».

М. тем временем раскурил трубку и, сунув спичечный коробок в карман, принял в кресле свою любимую позу.

Бонд взглянул на часы. Было 11.30. Он вдруг вспомнил, с каким сладким удовольствием оставил помещение архива секретных документов. Он мысленно благословил телефонный звонок, оторвавший его от кипы бумаг. Узнав, что шеф хочет встретиться с ним, Джеймс накинул пальто и вышел в соседний офис.

Молоденькая секретарша склонилась над внушительным списком регистрации посетителей.

— В картотеке я значусь под литерой М.,— предупредил Бонд.— Между прочим, Билл сказал, что подыскал мне, наконец, достойное занятие.

Девушка продолжала что-то писать.

Джеймс не мог допустить, чтобы такой веский аргумент повис в воздухе:

— Не будь занудой. Нет никакого удовольствия листать мое личное дело. Если уж так хочется, можешь почитать обо мне в «Дэйли экспресс». Я всегда ношу ее с собой.

Бонд усмехнулся:

Слушай, Лил, правда, что Севтон Делмор — твой дружок? Он годится только на фарш, поверь мне.

Бросив на Джеймса изучающий взгляд, секретарша холодно ответила:

— На редкость тонкий юмор. Кстати, мы с Делмором знакомы только вскользь.

Получив нужный бланк, Бонд улыбнулся ей и подумал, что пора бы и ему завести секретаршу с таким милым личиком и ай-ай-ай какой фигуркой.

Приятный ход его мыслей внезапно прервал скрип кресла М. Он взглянул на сидящего напротив человека, который умудрялся не изменять ни единой своей привычке и тем не менее соблюдать субординацию.

М. выпустил внушительное облако дыма:

— Давно вернулся из Франции?

— Две недели назад, сэр.

— Ну и как впечатления?

— Неплохо провел время, сэр. Но рано или поздно все надоедает.

— По моим наблюдениям, ты вышел на первое место в нашем ведомстве по числу опорожненных бутылок, но речь не об этом. Успехи в последних операциях и твоё физическое состояние без слов говорят о том, что ты в прекрасной форме.

М. сделал паузу:

— Я хотел бы дать тебе довольно щекотливое поручение. Не стоит говорить о том, что без тебя не обойтись.

— Конечно, сэр.— Бонд немного нервничал.

— Никаких ошибок в этом деле, 007. Когда я говорю об опасности, то не драматизирую. Тебе придется столкнуться с ловкими людьми. Они хорошо знают свой бизнес и не остановятся ни перед чем, поэтому не обижайся, если я два раза подумаю, прежде чем впутать тебя в это дело.

— Да, сэр.

М. перегнулся через стол, опершись на руки:

— Я расскажу тебе кое-что, а ты сам решишь, будешь делать там погоду или нет. Неделию назад я встретился с одним из ведущих лиц казначейства. При разговоре присутствовал также временный секретарь союза предпринимателей. Речь шла об алмазах, добываемых на территории Англии. Около 90 процентов проданных камней утекает

из страны, и делается это не без помощи «Даймонд корпорэйшн». — М. пожал плечами. — Не спрашивай меня, почему. Англия с начала века занимается этим бизнесом, и мы всячески должны ему содействовать. Это уже переросло в национальную традицию. 50 миллионов фунтов в год. Идеальная область для крупных капиталовложений. Но что-то со временем разладилось в этом механизме. Правительство обеспокоено.

М. пододвинулся к Бонду:

— Только за этот год через Африку контрабандой было вывезено алмазов на два миллиона фунтов стерлингов.

— Деньги действительно большие, — согласился Джеймс. — И где же они оседают?

— Им кажется, в Америке, и я с этим согласен. Там неплохой рынок, и их гангстеры — как раз те люди, которым под силу операции такого масштаба.

— Странно, почему алмазодобывающие компании не остановят их?

— Пытаются, еще как пытаются. Ты, наверное, знаешь из газет, что Де Бирс привлек к работе нашего друга Силитоу, а он в свою очередь задействовал южноафриканских секретных агентов. Я даже думаю, что он написал рапорт, в котором настаивал на официальном расследовании, но его бумага, по-моему, не произвела должного впечатления. Казначейство и союз предпринимателей считают, что могут справиться с этим сами.

М. снова улыбнулся:

— У них действительно есть причина избавить министерство обороны от лишних забот.

— И какая же?

— Сейчас через Лондон в Америку переправляется большая партия алмазов. Спецслужба вычислила курьера и навела справки о его связном. Началось все с того, что информация каким-то образом просочилась к людям Рони Валланса. Он счел своим долгом сообщить в казначейство, те проинформировали союз предпринимателей, и в конце концов последней инстанцией оказались мы. Сикрет Сервис займется этим делом.

— Почему бы его не поручить спецотделу? — спросил Бонд, в который раз поражаясь скорости, с какой М. вник в сущность довольно запутанных махинаций.

— Предположим, что при попытке пересечь границу они арестуют курьеров. Это не выход, транспортная сеть продолжит работу. Ее пополнят новые люди. Вот и все. Любое сопровождающее лицо — слишком мелкая сошка, чтобы

заинтересовать такую организацию, как наша. Скорее всего курьеры общаются друг с другом, как в том глупом фильме: один дядя передает что-то другому через третьего. Единственная возможность завалить их сеть на континенте — внедриться в нее и проследить, к кому какие ниточки ведут. Но ФБР, боюсь, не захочет нам помочь. Все это в принципе не наносит ни малейшего ущерба Соединенным Штатам, а бьет только по Англии. Никто, кроме Секрет Сервис, не может выполнить эту работу.

— Похоже, вы правы, — согласился Бонд. — Мы имеем какую-нибудь зацепку?

— Ты слышал когда-нибудь о «Дворце алмазов»?

— Конечно, сэр. Контора крупных американских ювелиров с филиалами на Вест-стрит, 46 в Нью-Йорке и на Руинде-Риволи в Париже. Сейчас они так же популярны, как в свое время Картер, Ван Клиф и Бушерон. Дело начали давно, но деньги к ним потекли только после войны.

— Да-да, — согласился М. — Именно этих людей я и имел в виду. Свое отделение, кстати, они открыли и в Лондоне — в Хаттон-гарден. Были до недавнего времени выгодными клиентами «Даймонд корпорэйшн» — скупали камни на их ежемесячных выставках, но последние три года занимаются только продажей. Заметь, при колоссальном сбыте товара объемы поставок сократились до мизерных размеров. По идее они давно уже должны были прогореть, но их фирма, как ни странно, процветает. Все это интересует прежде всего казначейство, но мы им пока ничем помочь не можем. Для начала я навел справки о главе лондонского отделения «Дворца алмазов». Довольно темная личность. Известно о нем всего ничего: зовут Руфус Б. Сайе. Проживает в «Савойе». Завтракает каждый день в американском клубе на Пикадилли. — М. взглянул на Бонда. — Алмазы — особый бизнес. Им должны заниматься честные люди, продолжая дело, начатое их предками много поколений назад. И даже если кому-то из них захочется пойти нелегальным путем, он не сделает этого, побоявшись огласки и позора. Англичане — слишком честлюбивый народ, но у кого-то, похоже, сложилось другое мнение на этот счет.

Джеймс почувствовал, что настал момент задать самый главный вопрос:

— Какова же во всем этом моя роль?

— Через час ты встретишься с Валлансом в Скотланд-Ярде. Это он предложил задействовать тебя. Ночью будет арестован один из курьеров. Ты заменишь его.

— А дальше?

— Ну, а потом ты займешься контрабандой алмазов из Англии в Америку. Вот и весь наш план. Всего-навсего. Как ты его находишь, Бонд?

3

ГОРЯЧИЙ ЛЕД

Прикрыв за собой внушительного вида дверь и выходя из апартаментов М., Джеймс Бонд одарил мисс Манипенни своей неотразимой улыбкой. Затем решительно направился в соседний офис к шефу секретной службы.

Это был худой, немного обрюзгший человек, быть может, чуть старше Бонда. Увидев агента 007, он отложил в сторону ручку и оторвал взгляд от бумаг. Джеймс неторопливо извлек из кармана зажигалку и сигарету и, подойдя к окну, принялся изучать из него вид Риджент-парка.

Уловив в движениях Бонда некоторую настороженность, шеф спросил.

— Значит, ты уже знаешь?

— Да.— Джеймс обернулся, и даже сквозь клубившийся дым было заметно, насколько он напряжен.— Скажи мне, Билл, какое дело этой старой кочерыжке до подобного рода махинаций? Уж если он не поленился порыться в результатах моего последнего медицинского обследования, представляю, что меня ожидает в недалеком будущем. Америка — цивилизованная страна, во всяком случае более или менее. Пусть сами ловят своих гангстеров. При чем тут М.?

Шеф закурил сигару и бросил погасшую спичку через плечо. Он обернулся и, убедившись, что она упала в урну, улыбнулся:

— Ежедневная практика,— и продолжил: — Я могу назвать очень много причин, заставляющих беспокоиться М. И ты, как никто другой в Сервис, прекрасно осведомлен о них и знаешь не меньше меня. Это прежде всего СМЕРШ. Кроме того, взломщики сейфов из Германии, китайские торговцы наркотиками — в общем, организованная преступность. Ну, а американская мафия имеет большой шанс вытеснить их с арены действий. У нее четкая и безотказная система плюс отработанные связи. Это намного серьезнее, чем может показаться на первый взгляд, а М. и без того хватает забот. А потом, грех упускать возможность предоставить свободу действий такому агенту, как ты.

— Не вижу в этом деле ничего необычного. С чего вы

взяли, что это американцы? Наверняка мы столкнулись с какими-нибудь безобидными итальянцами, которые каждый вечер собираются вместе для того, чтобы отведать спагетти или супа с фрикадельками.

— Своеобразное у тебя представление о мафии, — шеф встал и прошелся по комнате. — Никогда не думал, что в нашем ведомстве работает такая святая наивность. Ответь тогда на такой простой вопрос: кто поставляет товар десяти миллионам наркоманов? Уж не эти ли безобидные ребята? А подпольные азартные игры? Только в Лас-Вегасе двести пятьдесят миллионов долларов ежегодно оседает в карманах нелегальных делцов. А что творится в Майами и Чикаго? Все это дело рук мафиози и их дружков. Они прихлопнули даже Багси Сигеля только из-за того, что тот захотел урвать себе кусок пожирнее. А ведь опытный был подонок. Тебе известно, что подпольный азартный бизнес — крупнейшая отрасль США? Да, можешь не удивляться — много мощнее сталелитейной или автомобильной промышленности. Воспользуйся нашими информационными каналами, если не веришь мне. Теперь еще эти алмазы. Пойми, речь идет о крупных деньгах, и можешь не сомневаться, в случае удачной операции жизнь твоя станет много привлекательнее прежней, — шеф взглянул на высокую фигуру Бонда, облаченную в темно-синий однобортный костюм, и продолжил: — Возможно, ты читал отчет ФБР об уровне американской преступности. Довольно занимательно. 34 убийства в день, итого за последние 20 лет — 150 тысяч мертвецов.

Джеймс недоверчиво покачал головой.

— Это голые факты, а отчетами можешь полюбоваться лично. Теперь тебя, по-моему, не должно смущать, что М. навел справки в медицинском секторе. Он хочет быть уверенным в тебе на все сто. Ну, теперь все ясно?

Бонд улыбнулся:

— Если это правда, Билл, я закажу тебе ленч. Честно говоря, мне надоело возиться с бумагами. Давай наведаемся к Скоттам — попробуем фаршированных крабов и отменного кьянти.

— Ни пуха ни пера, Джеймс, — шеф проводил Бонда до двери.

Ровно в два часа дня агент 007 пожал руку подвижному, приятного вида мужчине, встретившему его в старомодном кабинете, стены которого хранили столько секретов, что могли бы соперничать со всем зданием Скотланд-Ярда.

Зная комиссара Валланса по делу Мунрэйкера, Бонд не стал терять времени на формальности. Комиссар положил на стол две фотографии. Джеймс увидел на них симпатичного темноволосого парня, веселый и наивный взгляд которого никак не вязался с его профессией.

— Это Питер Франкс,— объяснил Валланс.— Смазливый мальчик. Прекрасная семья, престижная школа и все такое, но до поры до времени. Потом его понесло не туда. Специализация — кража со взломом. Неплохо работает. Попадался несколько раз, но у нас тогда не хватало против него улики. Сейчас в поле зрения Скотланд-Ярда. Все они рано или поздно ударяются в разгульную жизнь, не разобравшись как следует, чем это грозит. На днях я беседовал с двумя весьма привлекательными девицами. Мои люди взяли их в Сохо. Занимались там черным бизнесом. Нет-нет, не проституцией. На кого работали, сами толком не знают, но я не к тому. От одной из них Франкс просто без ума. Чувствуется, он ей тоже глубоко не безразличен. Как я понял, она хотела задействовать его в своей сети, а когда Питер рассказал ей в форме шутки, чем занимается сам, она долго смеялась.

Бонд кивнул:

— Людям свойственно недооценивать друг друга,— похоже, он не собирался распространяться о своих увлечениях.

— Работа в своих кругах довольно престижная,— согласился комиссар.— Но он все-таки решил ее сменить. Теперь выполняет обязанности курьера — перевозит алмазы в Америку. Оплата при доставке товара в пункт назначения. Пять тысяч долларов за один рейс. Вообще-то он не такой дурак, каким кажется. Когда мой агент намекнул Франксу, что тот транспортирует наркотики, тот, рассмеявшись, ответил: «Нет, много лучше — горячий лед». Очередное задание Питер должен получить завтра вечером. У него встреча со связной в «Трафальгарском дворце». В пять часов в ее номере. Фамилия девчонки Кейз. Она скажет ему, что нужно сделать.— Валланс вышел из-за стола и принялся ходить по кабинету, время от времени выглядывая в окно.— Контрабандисты работают с напарником только в случае транспортировки крупных партий.

«Четкая сеть: курьеры, клиенты, связные»,— подумал Бонд, притушив сигару в изящной пепельнице. Он вдруг вспомнил свои прежние задания: сколько раз приходилось совершать долгий и утомительный вояж — через Страсбург

в Германии, через Негорелый в России. А дерзкий переход через Пиренеи, чтобы попасть в Симплон? Изнуряющая жажда. Потрескавшиеся губы. Испачканные в грязи и песке руки. И ни секунды, ни мгновения передышки. Что же, придется пройти через все это снова.

— Да, я согласен, — Джеймс отогнал прочь воспоминания. — Но я никак не уловлю главного. В каких операциях задействован Франкс?

— Алмазы, конечно, африканские, — Валланс прикрыл глаза. — Не думаю, что с американских рудников. Скорее всего камни переправляются через Сьерра-Леоне, где-то под носом у нашего друга Силитоу. Далее они следуют через Либерию или, что более вероятно, через Французскую Гвинею, откуда и попадают во Францию. Позже партия переправляется в Лондон на попечение английского отделения линии.

Комиссар повернулся к Бонду:

— Сейчас партия в Англии. Нетрудно догадаться, что с ней произойдет. Прежде всего ее отправят в Америку. Вряд ли необработанные алмазы сразу попадут на рынок — за них дадут лишь полцены. Все будет обставлено так, будто камни привезли с какого-нибудь подпольного рудника. Алмазы отшлифуют, зарегистрируют и пустят в официальную продажу.

Валланс сделал паузу и неожиданно спросил:

— Не обидишься, если я дам тебе совет?

— Только не слишком глупый.

— Думаю, он будет полезен. Деньги — самая слабая сторона подпольного бизнеса, а точнее — их выплата. Как, к примеру, заработанные пять тысяч попадут к Франксу? Через кого? Задействуют ли его вторично в случае удачной операции? Будь я на твоём месте, непременно начал бы с выявления финансовых слабостей. Постарайся проследить каналы движения денег сверху донизу. Если ты им понравишься, это будет нетрудно осуществить — даже мафия нуждается в пополнении.

— Никогда не сомневался в твоей каверзости, — Бонд внимательно посмотрел на комиссара. — Есть, правда, одна деталь, которая меня немного смущает, — первый контакт в Америке. Хотя я и свято верю в то, что мисс Кейз имеет пару премилых идей на счет переброски товара, но Джеймс Бонд — это не Питер Франкс. Как ты собираешься нас поменять?

— Не беспокойся, все пройдет удачно, — лицо Валланса озарило улыбкой. — Мы возьмем Франкса сегодня вече-

ром. Чтобы максимально тебя обезопасить, арест официально оформлен не будет. К сожалению, это испортит мои отношения с его девочкой — прекрасный агент, зато ускорит твою встречу с мисс Кейз.

— Знает она что-нибудь о Франксе?

— Только имя и словесный портрет. Сомневаюсь, что она имеет какое-нибудь представление о других его связях. Каждый выполняет свою работу в минимальном окружении и знаком из всей сети с двумя-тремя напарниками. Такую систему очень трудно завалить. Находясь на ее нижних ступеньках, чаще всего не понимаешь, что ты делаешь на самом деле. Постарайся пробраться повыше.

— А что известно о самой Кейз?

— Паспортные данные: американка, 27 лет, родилась в Сан-Франциско. Голубоглазая блондинка. Рост пять футов шесть дюймов. Профессия: одинокая женщина. Мы выходили на нее около десяти раз за последние три года. Часто появляется под чужими именами. Останавливается всегда в «Трафальгарском дворце». Номер покидает редко. Встречается, как правило, с несколькими «коллегами». Те останавливаются там же, но не более чем на две недели. Не причиняют гостиничной администрации никаких беспокойств. Вот и все. Постарайся, кстати, придумать себе соответствующую биографию, найди какие-нибудь веские причины, заставляющие тебя пойти на такую работу. В общем, тебе должны доверять от и до.

— Спасибо за помощь, комиссар.

— Ерунда, Джеймс. Мы можем сделать что-нибудь еще?

Бонд задумался.

— Что собой представляет «Дворец алмазов»? Их, кажется, зацепило казначейство.

— Если честно, я не имел с ними никаких эксцессов, — в голосе Валланса прозвучали извинительные нотки. — Но я проверял их шефа Сайе. Странный тип. Тоже американец. Сорок пять лет. Коммерсант. Часто бывает в Париже, во всяком случае последние три года катается туда каждый месяц. Наверное, завел себе подружку. Спросишь, почему не заинтересовался им подробнее? Сам не знаю.

— Кажется, у меня возникло желание познакомиться с ним поближе.

Вместо ответа комиссар нажал кнопку интеркома:

— Сержант, пришлите, пожалуйста, ко мне Данкверста и Лобинера. Да-да, прямо сейчас. И соедините меня с

«Дворцом алмазов». Попросите мистера Сайе из Хаттон-гарден.

Валланс достал из кармана зажигалку и рассеянно пошелкал ею.

Раздался стук в дверь, и вошел секретарь комиссара:

— Данкверст прибыл, сэр.

— Пригласите его, а Лобинера позовете по моему сигналу.

Появившийся вслед за этим неприметный человек в потрепанном костюме мог бы запросто сойти за младшего клерка из любой деловой конторы, хотя очки в тонкой оправе делали его солиднее.

— Добрый день, сержант,— Валланс никогда не забывал правил хорошего тона.— Это командор Бонд из министерства обороны. Он будет сопровождать вас. Зовите его сержантом Джеймсом и делайте вид, что он наш сотрудник и работает под вашим началом. Поедете во «Дворец алмазов» и скажете мистеру Сайе, он возглавляет английское отделение фирмы, что у нас имеются сведения о контрабанде алмазов из Аргентины в Америку. Спросите прямо, известно ли ему что-либо об этом и проинформирован ли нью-йоркский офис. Все должно быть сделано гладко и вежливо, чтобы не возникло поводов для жалоб. Никаких тонких намеков. Потом извинитесь и уйдете, а по дороге обратно все забудете. Следите внимательно за выражением лица этого Сайе. Есть вопросы?

— Нет, сэр,— коротко ответил сержант.

Валланс связался с кем-то по интеркому.

Через некоторое время в комнату вошел болезненного вида, элегантно одетый человек с изящным черным «дипломатом».

— Привет, сержант. Я позвал тебя, чтобы ты взглянул на моего друга.

Лобинер подошел к Бонду и вежливо повернул его к свету. Целую минуту Джеймс чувствовал на своем лице умный взгляд.

— Шрам продержится не более шести часов,— наконец сказал полицейский.— В такую жару может исчезнуть и раньше. Кто, кстати, этот парень? Я что-то его еще не встречал.

— Это сержант Джеймс из ведомства Данкверста.— Комиссар взглянул на часы.— Вполне хватит и трех часов.

Лобинер усадил Бонда в кресло напротив окна, положил «дипломат» на пол и открыл его. Следующие десять

минут Джеймс ощущал лишь мягкие прикосновения пальцев сержанта к лицу и волосам.

Откуда-то сзади слышался голос Валланса, беседовавшего с кем-то из «Дворца алмазов»:

— Не раньше 3.30? Передайте мистеру Сайе, что двое моих людей будут у него ровно в 3.30. Да, это срочно. Конечно, конечно, только формальности, и все. Никакой волокиты. Уверен, это займет не больше десяти минут. Большое спасибо. Что? Да, говорит комиссар Валланс. Ну да, из Скотланд-Ярда. Все. Кончаю. До свидания.— Комиссар положил трубку.— Секретарь сказал, что Сайе придет около 3.30. Полагаю, в 3.15 вам уже нужно быть на месте.

Лобинер протянул Бонду карманное зеркало. Шрам начинался у левого виска и пересекал все лицо. Под скулами наметились зловещие тени. Рот был чуть перекошен. Человек, на зеркальное отражение которого так внимательно смотрел Бонд, ничем не напоминал агента 007 секретной английской службы.

4

«ЧЕМ ОБЯЗАН?»

В машине сержант Данкверст не проронил ни слова. В полной тишине проехали Странд-стрит и Чансери-лайн. Наконец, водитель свернул к Хаттон-гарден и остановился напротив роскошного парадного входа в лондонский алмазный клуб. На отшлифованной латунной табличке, висевшей на резной двери, Бонд прочел: «Дворец алмазов» и ниже: «Руфус Б. Сайе. Вице-президент европейского отдела». Сержант позвонил. Миловидная горничная проводила их в усталую комнату для посетителей.

— Мистер Сайе скоро будет,— с этими словами она исчезла.

Вне всяких сомнений, комната отвечала самым изысканным требованиям: современность сочеталась со старинной столь гармонично, что поначалу трудно было понять, где находишься — в приемных покоях короля или в кабинете у процветающего бизнесмена. Массивный письменный стол, выточенный из красного дерева, мог привести в восторг даже избалованных роскошью ценителей антиквариата. Огонь, полыхавший за каминной решеткой, излучал приятное тепло, что окончательно дополняло возникавшее здесь ощущение уюта и комфорта. Стены украшал

живописный орнамент. Воздух был наполнен тончайшим ароматом роз — эти прекрасные цветы стояли прямо на полу в изящных китайских вазах.

Бонд взглянул на сержанта и невольно улыбнулся. Тот, как ни в чем не бывало, сидел в кресле, стоявшем никак не меньше 1000 фунтов стерлингов, и небрежно листал подшивку «Даймонд ньюс».

Засмотревшись на огромные настенные часы, Джеймс вздрогнул, когда услышал щелканье дверного замка и одновременно с этим спорящие голоса. Один, несомненно, принадлежал иностранцу:

— Я не могу принять столь невыгодные условия. Понимаете? Не могу! Сколько раз можно повторять, что этот бриллиант достался мне за десять тысяч. Вы не верите? Будьте здравомыслящим человеком — не стану же я торговать себе в убыток.

Послышался смех.

— Вилли, ты парень не промах,— говорил явно американец,— но торговля алмазами — не игра в кости. Эта безделушка не стоит больше девяти тысяч. Могу накинуть сотню сверху за твои старания. Если что-нибудь надумаешь, позвони. Всегда рад тебе.

В комнате появился высокий худощавый человек с лицом профессионального киноактера. Плотные сжатые губы придавали его лицу излишнюю суровость, но веселые и внимательные глаза, насмешливо смотревшие на все окружающее, компенсировали этот недостаток. Вслед за ним вошел пухлый коротышка с красной розой на лацкане пиджака.

Бонд поприветствовал их легким кивком головы. Извинившись, оба скрылись в холле.

Данкверст состроил гримасу.

— Мелко торгуются. Это Вилли Бехренс, недавно обанкротился. Другой, по-моему, клиент Сайе,— сержант снова уткнулся в газету.

Джеймс, подавив желание закурить, вновь занялся рассматриванием часов. Внутри них что-то скрипнуло, и бархатная обволакивающая тишина была нарушена многократным «ку-ку». Пробило полчетвертого.

Дверь распахнулась, и Бонд увидел перед собой внушительного вида мужчину.

— Меня зовут Сайе,— отчеканил он.— Чем обязан?

Полицейский встал и прикрыл за ним дверь.

— Я сержант Данкверст из спецотдела Скотланд-Ярда,— он говорил ровно и сдержанно и, сделав жест в сторону Бонда, продолжил,— а это сержант Джеймс. Нам бы хо-

телось задать вам пару вопросов, касающихся краденых алмазов. Это интересует комиссара.

— Да? — Сайе переводил недовольный пренебрежительный взгляд с Бонда на Данкверста, недвусмысленно давая понять, что лиц такого высокого ранга непристойно утомлять всякими глупыми расспросами. — Что ж, начинайте.

Пока Данкверст нарочито монотонным голосом излагал суть дела, сверяясь время от времени с записной книжкой и разбавляя свою речь такими фразами, как «известно из достоверных источников» или «в соответствии с параграфом таким-то», Бонд, не отрываясь, смотрел на Сайе, насколько не беспокоясь о том, раздражало того это или нет.

Босс «Дворца алмазов» выглядел плотным и на редкость здоровым человеком. Темные короткие волосы обрамляли хищное волевое лицо. Черные прямые брови могли бы сойти за признак высокого происхождения, если бы под ними не прятались колючие маленькие глазки. Тонкая, чуть изогнутая линия рта выказывала в нем злобность и жестокость, а выдающийся вперед подбородок делал его обладателя чем-то смахивающим на бульдога. Темный костюм в сочетании с белой рубашкой и черным галстуком смотрелся бы довольно неплохо, если бы из рукавов не высывались большие волосатые кисти с уродливо короткими толстыми пальцами.

«Милый мальчик», — подумал Бонд.

Сержант тем временем продолжал разыгрывать затеянный спектакль:

— А вот те камни, которые нас о с о б о интересуют, — он на секунду поднял глаза. Сайе по-прежнему оставался спокойным и невозмутимым. — «Весселтон», двадцать карат. Пара бриллиантов «Файн блю вайтс», в десять карат каждый. «Еллоу-премьер» — двадцать карат. «Топ кейп» — двадцать карат и два «Кейп юнионс» по пятнадцать карат.

— Не имею о местонахождении этих алмазов ни малейшего представления, — Сайе и не собирался оставлять свой холодно-любезный тон. — Уверен, вышеперечисленные камни не проходили ни через меня, ни через нашу фирму в Нью-Йорке. А сейчас, джентльмены, разрешите откланяться, — с этими словами он, нимало не беспокоясь о дальнейшей участи своих посетителей, вышел из комнаты.

— Мне всегда нравились вежливые люди, — Бонд, казалось, был удовлетворен встречей.

А на Данкверста, похоже, вообще ничто не могло произвести впечатления. Он, ни капли не смутившись, закрыл

записную книжку и сунул ее во внутренний карман пиджака, и, только выйдя на улицу, сержант позволил себе немного расслабиться. Джеймс не без интереса наблюдал, как строгое серьезное лицо блюстителя закона превращалось в довольную физиономию человека, только что выигравшего партию в бридж.

Бонд назвал шоферу свой адрес на Кинг-роуд, и, лишь когда они тронулись, Данкверст спросил:

— Хотите, чтобы я исполнил ваше желание, командор?

— Я в принципе не против, но только не сейчас, потому что сам не знаю, чего хочу.

— Напротив, слишком хорошо знаете. Не ломайте попусту голову.

Бонд вздохнул.

— Вы правы, сержант. По-моему, я упустил в разговоре что-то очень важное, но это уже не имеет никакого значения.

— Почему же?

— Шестое чувство, сержант. Сайе совсем не похож на бизнесмена. Нужно копнуть его глубже.

Данкверст улыбнулся.

— Браво, командор. Он такой же коммерсант, как мы с вами члены палаты лордов.

— Игра начинает мне нравиться,— Джеймс полез за сигаретами.

— Еще бы. Для меня это вообще была комедия. Помните, я упомянул «Еллоу-премьер» и парочку бриллиантов «Кейп юнион»?

— Ну да.

— Так вот, любой нормальный человек, хоть сколько-нибудь разбирающийся в алмазах, счел бы это либо за оскорбление, либо за мою непроходимую тупость. А уж этот чванливый придурок, выдающий себя за шефа «Дворца алмазов», никогда не упустил бы возможности сообщить мне об этом в соответствующей форме.

— Да-да,— Бонд по-прежнему не понимал, куда клонит Данкверст.

— Все дело в том, что камней с такими названиями не существует. Каждый профессионал помнит имена известных бриллиантов весом более десяти карат. Таких простых вещей мог не знать только круглый дилетант.

Джеймс расхохотался.

— Спасибо за комплимент, сержант.

Бонд несколько не удивился, заметив, как внимательно его разглядывал портье. «Трафальгарский дворец» — гостиница, прочно закрепившаяся на первом месте по уровню уголовной преступности. Помнится, Валланс продемонстрировал ему лондонскую карту, которой обычно пользуются в полицейском управлении. Джеймс отнюдь не пребывал в восторженном настроении от того, что находился сейчас в гостинице, одно лишь упоминание о которой вызывало у сотрудников Скотланд-Ярда гримасу недовольства. Это место на карте было отмечено множеством черных флажков — символов нераскрытых преступлений.

Дойдя до номера 350, Бонд прислушался. Из-за двери лилась медленная печальная музыка. Играл явно пианист-профессионал. Джеймс узнал мелодию. «Интересно, кто же это увлекается франко-итальянской фортепианной классикой?» — подумал он и постучал.

— Открыто, — ответил глухой и невнятный голос.

Бонд вошел в небольшую гостиную и плотно прикрыл за собой дверь.

— Защелкни замок, — приказал тот же голос, доносившийся, как показалось Джеймсу, из спальни. Выполнив поручение, отданное в такой категоричной форме, Бонд, наконец, получил возможность как следует оглядеться — абсолютно ничего интересного и впечатляющего. Обычный гостиничный номер, отличающийся от других лишь тем, что постояльцу взбрело в голову прихватить в дорогу магнитофон.

— Для начала все не так уж плохо, — чуть слышно пробормотал Бонд, — всегда мечтал встретиться с гангстером, ублажающим свой слух звуками «Ла ронде».

Обойдя по кругу гостиную, Джеймс заглянул в спальню и на время потерял всякую способность шевелить мозгами.

Перед зеркалом сидела молодая полуобнаженная женщина. Как правило, среди тысячи человек найдется лишь один любитель сидеть на стуле верхом, но она, видимо, принадлежала именно к их числу. Ее голова покоилась на сложенных крест-накрест руках, опирающихся на резную спинку стула. Бонд ощутил на себе холодный изучающий взгляд, но в эту минуту его ничего не интересовало, кроме ее тела. Грациозно изогнутая спина, неуловимо изящный поворот плеч и посадка головы явно бросали кому-то вызов. Джеймс решил, что до поры до времени не стоит принимать

его на свой счет. Ее вызывающе стройные ноги в сочетании с полурасстегнутым бикини могли поставить на колени даже короля, и Бонд почувствовал, что утрачивает над собой контроль.

— Меня можно поздравить с подкреплением,— звук ее низкого хриплого голоса сводил Джеймса с ума.— Сядь и наслаждайся музыкой. Это лучшее, что я могу тебе предложить.

Бонд выкатил на середину комнаты кресло и с трудом заставил себя опуститься в него, не теряя из вида это божественное создание. Похоже, настал решительный момент, от которого будут зависеть их дальнейшие отношения. С нарочитой небрежностью Джеймс произнес:

— Не возражаешь, если я закурю?

— Ты хочешь умереть от рака легких?

— Боже упаси,— Бонд глубоко затаился.

Наконец, мисс Кейз, последний раз взглянув на свое отражение, отвернулась от зеркала. Встав со стула, она сделала еле заметное движение головой, и волосы, ранее стянутые в узел, рассыпались по ее плечам тяжелыми золотисто-желтыми волнами.

— Если тебе понравится — продолжение на другой стороне. Думаю, с магнитофоном ты справишься,— с этими словами она закрыла дверь в спальню.

Включив настольную лампу, Бонд извлек кассету и, взглянув на ее номер, улыбнулся — студийная запись, серия VOX 500, но попытки определить фирменный номер самого магнитофона к успеху не привели. Джеймс удивленно пожал плечами и снова уселся в кресло.

Наверняка это ее любимая запись. Все мелодии подобраны слишком уж гармонично. Кассета, однако, студийная, редкой серии. Сделана, похоже, на заказ.

Бонд был уверен, что эта музыка отражает многие черты самой мисс Кейз,— утонченность ее манер, несмотря на кажущуюся грубость голоса, ярко выраженную сексуальную индивидуальность, оттенок мечтательности в прозрачных серо-голубых глазах.

Бонд никак не мог свыкнуться с мыслью, что его вид вызвал у нее лишь желание сказать что-нибудь не слишком лестное в его адрес. Прошлые встречи говорили совсем об обратном. Может быть, он был слишком неуверен или груб? А впрочем, теперь уже всё равно. Кстати, долго он ещё будет называть ее мисс? Невозможно придумать ничего глупее. Как же ее зовут? М., кажется, говорил, мисс Т. Кейз. Т.? Тереза, Тесс, Тельма, Тради, Тилли? А может быть,

Тони или Томми? Бонд так и не успел решить этой важной проблемы, когда снова увидел ее перед собой. Девушка стояла, опершись правой рукой о стену, и смотрела на Джеймса сверху вниз. Он набрался наглости и встал, и только тогда понял, что проиграл и второй раунд.

На ней была легкая светло-зеленая рубашка с открытым воротом, поверх которой был небрежно наброшен изящный тонкий плащ, поблескивавший серебряной вышивкой даже при комнатном освещении. Стройные ноги обтягивали темные трико. Бонд представлял, сколько изобретательности нужно было проявить, чтобы подобрать обувь, которая бы так гармонировала с обладательницей такой одежды. Но мисс Кейз задачи подобного масштаба решала, похоже, без особого труда. Джеймс уже успел это понять, поэтому ни капли не удивился, увидев на ней вместо обычных туфель лакированные сапожки из крокодиловой кожи. Ее правое запястье украшали миниатюрные золотые часы, а левую руку сверкающей змейкой обвивал платиновый браслет. Бонд уловил столь знакомое сияние и, подняв глаза, увидел бриллиантовые серьги в серебряной оправе. Какое варварство прокалывать ради украшений такие нежные уши.

Она была неотразима и прекрасно это понимала. Но что означал озорной блеск ее глаз? Черт возьми, неужели он прав? Что она хочет сказать?

Быть может: увереннее, парень. Подойди и попробуй, но учти, ты должен быть на высоте.

«Еще немного, и она добьется своего. Пора переводить стрелки в другую сторону. Что ж, начнем игру», — Джеймс подошел к девушке очень близко, но ее это нисколько не смутило.

— Итак, ты Питер Франкс?

Бонд не переносил, когда с ним говорили снисходительным тоном. Девчонку пора поставить на место.

— Да, — коротко ответил он. — Кстати, что означает Т.? Она на секунду задумалась.

— А ты не так прост, — голос снова звучал холодно и враждебно. — Меня зовут Тиффани, но для большинства я мисс Кейз. Ты понял?

Бонд сделал неопределенный жест и сел на подоконник. Его невозмутимость начала ее раздражать. Сев за стол, Тиффани сухо и строго произнесла:

— Теперь ближе к делу. Во-первых, что тебя привело к нам?

— К чему вам это? А впрочем, если желаете, пожалуйста. Скажем так — кое-кто умер.

— Ого,— она внимательно посмотрела на Бонда.— Меня вообще-то предупредили, что ты специализируешься на ночных кражах.

Джеймс поморщился:

— Какая разница?

— А все-таки? Горячая кровь или холодная?

— Горячая. Просто-напросто убийство. Теперь понятно?

— И ты хочешь скрыться?

— Только вместе с тобой и с деньгами.

— Немедленно перестань. Ну, а теперь о главном — у тебя деревянная нога или вставные зубы?

— С чего ты взяла? — Бонд опешил.— Все мое собственное.

Она нахмурилась.

— Какие же они кретины! Сколько раз просила их подыскать мне калеку.

— Поверь, не стоит огорчаться из-за таких пустяков. Ну и пусть, сейчас у меня настоящая нога. Но кто знает, что случится завтра.

Этот веский аргумент немного успокоил девушку.

— Ладно, черт с ним, с калекой. Кстати, у тебя есть какое-нибудь хобби? Пошевели немного мозгами. Или ты собираешься перевозить алмазы в кармане?

— Что ты, я целиком полагаюсь на твою гениальность, а насчет хобби... Играю в карты и гольф.

Она достала карандаш и записную книжку.

— Какими мячами ты пользуешься для гольфа?

— Их марка — «Данлоп-65».

— А как насчет паспорта?

— Полный порядок,— Бонд вытащил из кармана документы и бросил их на стол.— Только там указано мое настоящее имя.

— Ну, ты даешь, парень. И как же тебя зовут?

— Джеймс Бонд.

— Идиотское имя. Мог бы сменить.

— Ничего, мне нравится.

— А как ты собираешься оформлять визу на выезд в Штаты? Тебя же ловит криминальная полиция.

— Не вижу никаких препятствий. Бумаги будешь оформлять ты. Естественно, на фамилию Бонд, а не Франкс. Думаю, американская полиция пока не имеет ничего против меня.

— О'кей,— согласилась она.— Теперь слушай внимательно. Когда прибудешь в США, встретишься с человеком

по имени Три. С Майклом Три. Остановишься в Нью-Йорке в гостинице «Астория». Назовешься его другом. Ты познакомился с ним еще на войне. Понял? — Тиффани ненадолго замолчала.— Товар отдашь ему. Вообще-то его там не знают как Майкла. Большинству известна только кличка Шеди. Запомнил?

Джеймс улыбнулся.

— Все не так смешно, как кажется,— девушка оставалась серьезной.

Открыв один из многочисленных ящиков, она достала внушительную пачку пятидолларовых банкнот и поделила ее приблизительно пополам. Взяв половину, Тиффани перетянула деньги резинкой и бросила Бонду через всю комнату. Она явно недооценила его реакцию. Джеймс прервал полет купюр, едва они оторвались от ее ладони.

— Классный трюк.

Бонд понял, что ведет себя правильно.

— Пустяки.

— Там 500 фунтов. Оформись в отеле «Ритц». И передай свои координаты в отдел выезда. Да, чуть не забыла: у тебя найдется потрепанный «дипломат»?

— Не беспокойся.

— Так вот, ты едешь на гольф-шоу. В «дипломате» должна быть соответствующая экипировка. Не забудь удостоверение своего клуба. Билет купишь в четверг утром, иначе наше посольство не выдаст тебе визу. Вечером, в 6.30, за тобой подъедет машина. Возьмешь у водителя мячи для гольфа.— Тиффани посмотрела на Бонда с некоторым подозрением.— И не вздумай удрать с товаром. Украв эти камни, ты не сможешь основать своего дела, к тому же твой багаж будет под пристальным наблюдением до самого самолета. Я полечу с тобой, но мы незнакомы.

— Умыкнуть ваши бриллианты не проблема, но алмазы не мой стиль, накроюсь на сбыте.

— Рада, что ты такой понятливый.

— Ну а дальше? — Джеймсу показалось, что в последнее время он слишком часто задает этот вопрос.

— В Штатах тебя встретят прямо в аэропорту. Там же получишь дальнейшие инструкции. Хорошо запомни: если случится что-нибудь непредвиденное, ты ничего не знаешь. Понятия не имеешь, как мячи для гольфа оказались в «дипломате». Держись увереннее. Если тебя все-таки заметут, обратись в английское консульство, от нас помощи не жди. Если все пройдет о'кей, получишь хорошие монеты.

— Изумительные перспективы,— Бонд выглядел слег-

ка обеспокоенным.— Единственное, что меня не устраивает, так это твое участие во всем этом. Риск залететь, между прочим, не так уж мал. Никогда себе не прощу, если с тобой что случится. Я серьезно.

— Ерунда,— она окинула Джеймса презрительным взглядом,— не волнуйся за меня, дружок, тебе от этого все равно ничего не перепадет. Я не маленькая глупенькая девочка, и потом, мы на работе, и я уж как-нибудь постараюсь ее не завалить.

Бонд решил, что настал момент применить свое самое мощное оружие, он подошел к ней и, взяв за руку, тихо сказал:

— Не надо быть такой, какой ты сама быть не хочешь. Все пройдет удачно, поверь, моя квалификация намного выше той, какую твои друзья определили для такой мелкой сошки, как Джеймс Бонд. Людям свойственно ошибаться, но я не к тому. Можешь ты хоть на секунду забыть о своей работе, об этих дурацких алмазах? Ты мне нравишься, очень нравишься. Я хочу встретиться с тобой в Нью-Йорке,— Бонд чувствовал себя последним подонком, когда говорил эти слова. Он влюбился, он был просто без ума от нее, так умело скрывавшей свои истинные чувства под маской презрительного безразличия, но Джеймсу не давала покоя мысль, что он должен, просто обязан использовать ее для добывания информации.

Вспыхнувший было в ее глазах блеск угас и сменился выражением неподдельного удивления, губы чуть приоткрылись, и Бонд, наконец, увидел на ее лице какое-то подобие улыбки.

— Я... Я... Даже не знаю,— голос ее звучал неестественно.— Может, угостишь меня ужином в пятницу вечером? Клуб «21» на 52-й авеню. В восемь часов? Но только если все пройдет удачно. Согласен?

Джеймс понял, что она с нетерпением ждет ответа. Теперь он был уверен, что нисколько не прогадал, приняв предложение М.

— Отлично.

«Похоже, надо сматываться, иначе наделаю глупостей»,— подумал Бонд и, прекрасно зная себя, предусмотрительно перевел разговор на другую тему.

— Что-нибудь еще?

— Кажется, все.

Тиффани опустила голову.

— Слушай, сколько сейчас времени?

— Десять минут седьмого.

— Знаешь, мне надо закончить одно дело. Извини, но это очень срочно,— она неуверенно направилась к двери. Джеймс видел, что ей не хотелось его отпускать — ему все-таки удалось растопить ледяной барьер, которым она пыталась от него отгородиться.

Тиффани повернулась к нему. Бонд с удивлением отметил, что ее лицо заливают краска смущения.

— Что ж, мне пора,— он направился к выходу.

— Подожди.

Джеймс обернулся. Она выглядела неуверенной и еще более смущенной.

— Я хочу сказать, что, может, и неправа была вначале. Ты не похож на других. В общем... Если, конечно, хочешь, я подыщу тебе классную работу — попрестижней этой.

— Спасибо, не стоит. Я предпочел бы работать в паре с тобой.

Она открыла дверь. Бонд вышел в коридор. Господи, как ему хотелось найти какой-нибудь предлог, чтобы вернуться к этой милой девушке, которая слушает «Ла ронде» и без конца смотрится в зеркало, но вместо этого он сказал:

— Клуб «21». Ровно в восемь.

— Не сомневайся.

Тиффани закрыла дверь намного медленнее, чем стоило бы это сделать. Она не двинулась с места до тех пор, пока шаги Бонда не затихли вдали.

В глубокой задумчивости девушка подошла к столу и включила магнитофон. Комнату заполнили нежные и мелодичные звуки. Она никак не могла отогнать от себя видение человека, который за несколько минут смог сделать то, чего другим еще не удавалось. Неужели он всего-навсего опытный любовник, которому от нее нужно лишь одно? Но его взгляд! Нет, не масляный и пошлый, а открытый и не пытающийся скрыть то, что не стоит скрывать. Да, ее добились многие мужчины, но ни один из них не получил того, чего хотел. После той роковой ошибки она должна сделать правильный выбор.

Немного успокоившись, Тиффани вышла на улицу и направилась к Чаринг-кросс стэйшн, обдумывая, что будет говорить. Очутившись в здании вокзала, она вошла в просторную телефонную будку и набрала номер. Сначала ничего не было слышно, потом незнакомый мужской голос произнес лишь одно слово: «Слушаю». Тиффани говорила быстро, но внятно и отчетливо: «Кейз к Эй-Би-Си. Повторяю: Кейз к Эй-Би-Си,— она сделала паузу.— Курьер задействован. Его настоящее имя Джеймс Бонд. Играет в

гольф, имеет удостоверение клуба. Нуждается в игровых мячах марки «Данлоп-65». Полностью экипирован. Ожидая подтверждения между семью и восемью. Все».

Возвращаясь в гостиницу, Тиффани купила недорогого сухого martini и неплохо проводила время в обществе сигарет и стаканов, когда раздалась настойчивая трель телефонного звонка. Ровный и приятный голос слово в слово повторил ее инструкции.

Минуту спустя в глухом квартале на окраине Лондона яркий свет фар осветил из темноты ветхую полуразбитую дверь на ржавых петлях. Мягко заурчал мотор, и машина, мигнув подфарниками, скрылась за поворотом.

6

ТРАНЗИТ

Бонд стоял и смотрел на пустой распахнутый чемодан и аккуратно сложенные рядом вещи, которым суждено было в нем путешествовать: вечерние костюмы, пара смокингов, одежда и ботинки для гольфа, дюжина белых шелковых английских сорочек и несколько темно-синих исландских рубашек с коротким рукавом и отглаженными воротничками. Кроме того, Джеймс решил захватить свои любимые галстуки и, конечно же, домашний халат.

Ни одна из этих вещей не имела меток или инициалов. Закончив укладывать чемодан, Бонд проверил содержимое маленького черного «дипломата», лежавшего прямо на полу. Убедившись, что бритвенные и прочие приспособления на месте, Джеймс, помня наставления Тиффани, положил туда книгу Томми Армура «Техника игры в гольф». Здесь же находились и билеты с паспортом. Все это было сфабриковано для Бонда отделом О Сикрет Сервис. Кроме того, в «дипломате» был потайной отсек для огнестрельного оружия и небольшая камера для патронов 25-го калибра.

Джеймс как раз собирался проверить свою «беретту», когда раздался телефонный звонок.

«Что за черт,— подумал он.— Для машины рановато».

К его великому удивлению, звонил портье, сообщавший, что посыльный доставил для него письмо с инструкцией передать лично в руки.

Через несколько минут в дверь вежливо постучали, и Бонд впустил в номер человека, в котором без труда узнал одного из сотрудников «Универсал экспорт».

— Добрый вечер, сэр,— посыльный достал из нагрудного кармана большой белый конверт и протянул Бонду.— Я должен доставить его обратно, когда вы прочтете.

Внутри оказался в несколько раз сложенный лист голубой тисненной бумаги. Подойдя к окну, Бонд развернул письмо и облегченно вздохнул, поняв, что держит в руках сообщение от М. Тот писал следующее:

«Вашингтон уведомил нас, что Руфус Б. Сайе — не кто иной, как Джек Спанг, подозреваемый в связях с мафией. Его родной брат, Серафимо Спанг, разыскивается американской полицией. Является главарем крупной преступной организации, развернувшей широкую деятельность в Соединенных Штатах. Спанги нелегально приобрели «Дворец алмазов» пять лет назад. По сведениям ФБР, торговлей и скупкой бриллиантов ранее не занимались. Стараются максимально легализовать свой черный бизнес. Имеют связи в Неваде и Калифорнии. Там на них работают в основном букмекеры. Им принадлежит также отель «Тиара» в Лас-Вегасе, являющийся одним из штабов их группы. Здесь же расположены и некоторые филиалы «Дворца алмазов».

Занимаются также торговлей наркотиками и организацией проституции. Немаловажную роль в разработке и осуществлении крупных операций играет некий Майкл (Шеде) Три. Люди Спангов контролируют многие крупные города страны, в том числе Майами, Детройт и Чикаго.

По мнению Вашингтона, их организацию прикрывают некоторые высокопоставленные лица в федеральном правительстве и полиции. Работают по высшей квалификации.

Вашингтон не проинформирован о вашей миссии. Это не в наших интересах. Если вам удастся войти в контакт с этой, вне всякого сомнения, опасной группой и их главарями, немедленно сообщите в центр полученные данные. Приложите все усилия, чтобы они не попали в ФБР. Это приказ.

Отошлите письмо обратно. Это будет служить подтверждением вашего ознакомления с его текстом».

Внизу не было никакой подписи.

Бонд запечатал конверт и отдал его посыльному.

— Большое спасибо,— Бонд проводил курьера до двери.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Бонд сунул руки в карманы и принялся в задумчивости ходить по комнате. На мгновение он мысленно перенесся

в кабинет М. и представил его худощавое сосредоточенное лицо, изборожденное морщинами.

Джеймс прекрасно понимал, как горько было для М. отдавать такой приказ — действовать через голову ФБР. Многие английские агенты надолго забудут о спокойной жизни, если хоть что-нибудь станет известно Эдгару Гуверу. Конечно, Сикрет Сервис с лихвой вернет свой долг, но такие игры приносят слишком мало пользы, да и американские разведчики в общем-то неплохие ребята.

Да, странное письмо. Какие-то неясные намеки на опасность. Бонду все это не нравилось.

Он вдруг вспомнил Руфуса Б. Сайе. А почему бы и не повидаться с его братцем? Ах, какое экзотическое имя — Серафимо. Ну, вполне может подойти официанту или разносчику мороженого, но чтобы им гордился главарь мафии?

Джеймсу стало противно — все слишком дешево и театрально.

Он взглянул на часы. Доходила половина седьмого. Собранные вещи уже стояли у входа. Оставалось проверить лишь одно. Бонд вытащил из-за пазухи автоматическую «беретту» 25-го калибра. Рука ощутила привычную тяжесть. Поправляя кобуру, Джеймс улыбнулся, вспомнив, какой короткой фразой М. сопроводил вручение ему этого пистолета: «Возьми, малыш, может пригодиться».

Бонд извлек магазин, положил его на покрывало и не спеша проверил работу спускового механизма. Оружие было в идеальном состоянии. Вставив магазин обратно, Джеймс поставил «беретту» на предохранитель и отправил ее в кобуру.

Снова зазвонил телефон. Бонд взял трубку.

— Машина ждет вас, сэр.

«Вот и все», — подумал Джеймс и, подойдя к окну, взглянул на улицу. Риджент-парк тонул в темноте. Легкий ветерок колыхал листья деревьев, и в воздухе слышался едва уловимый шелест. Бонду было хорошо знакомо чувство одиночества, но никогда еще ему так не хотелось остаться в теплом уютном номере наедине с самим собой. Он знал, что никто не поможет ему, впрочем, ему никогда никто не помогал. Агент с правом на убийство имеет полную свободу действий, и Джеймс уже давно понял, что это означает лишь одно: вперед, парень, а в случае чего — вытывайся сам.

Не вызывая носильщика, Бонд взял вещи и вышел в тускло освещенный коридор. Он уже не думал о том, что ожидает его на улице или в аэропорту. Он просто покидал

отель «Ритц», уходил без малейшей тени страха или сомнения в темноту, прекрасно представляя, как сложно будет оттуда выбраться.

Около дверей стоял длинный черный «Сиддэй-Армстронг». Водитель, бросив чемоданы Бонда на заднее сиденье, буркнул:

— Садитесь вперед.

Когда они тронулись, Джеймс попытался получше разглядеть своего спутника. Все, что ему удалось увидеть, — это козырек фирменной кепки, темные очки, закрывавшие пол-лица, и затянутые в черные перчатки руки, небрежно лежащие на руле.

— Не волнуйтесь, мистер. Все будет о'кей. Езда по ночному городу — сплошное удовольствие. Сами убедитесь.

Бонд обратил внимание на сильный бруклинский акцент. «Ему лет сорок, — решил он. — Классный водитель, прекрасно ориентируется в лондонском движении. Не курит. Одет скромно. Бреется два раза в день. В общем, обычный парень, каких тысячи».

Не доехав до конца Грейт-Вест-роуд, они притормозили. Водитель достал из-за сиденья шесть аккуратно упакованных гольф-мячей «Данлоп-65». Выйдя из машины, он открыл заднюю дверь и сложив их в заранее приготовленный черный пакет, протянул его Джеймсу. Прodelав эти замысловатые упражнения, он снова уселся на свое место и повернул к аэропорту.

Бонд без труда прошел таможенный контроль и, весело насвистывая какую-то мелодию, купил «Ивнинг стандарт». Тут он заметил довольно симпатичного блондина, листавшего дешевый журнал и время от времени переглядывавшегося с шофером, доставившим сюда Бонда. Джеймс беспардонно пихнул его локтем и услышал возмущенное:

— Что вам угодно, сэр?

— Может, подбросишь мои вещички до самолета? — Бонд старался быть вежливым.

— Сколько дадите?

— Все, что у меня есть, — это три фунта и немного серебра.

— Идет, — парень взял деньги и поставил чемоданы Джеймса на аэрокар, отъезжавший в сторону посадочной полосы.

Бонд тем временем повернулся к водителю. Тот стоял за контрольным барьером. Губы его растянулись в тонкой улыбке:

— Счастливого пути.

— Спасибо, мой верный телохранитель.

Джеймс перехватил «дипломат» в другую руку и предъявил свой паспорт высокому человеку в форме таможенника. Тот внес его в список пассажиров, и Бонд поднялся по трапу в салон самолета. Вслед за ним появилась Тиффани Кейз и села чуть позади него.

Джеймс достал «Ивнинг стандарт» и принялся изучать остальных пассажиров. Не увидев знакомых лиц, он расслабился. «Обычный рейс»,— решил Бонд и улыбнулся, представив, что случится, если кому-нибудь в Штатах взбредет в голову мысль потщательнее проверить его багаж. Да, американская тюрьма все-таки не то место, куда он мечтал попасть. А потом, это отсрочит встречу с Тиффани. Как жаль, что она села сзади и ему несколько часов кряду придется созерцать серые скучные физиономии. К тому же Джеймс обнаружил, что пришел слишком поздно, тем самым лишив себя сна,— все спальные места оказались занятыми. «Интересно,— подумал он,— ведут меня сейчас или нет? Неужели они настолько доверяют молодой неопытной девушке? Само собой, это не первое ее задание, но не слишком ли самонадеянно целиком полагаться на одного человека?»

Бонд внимательно присмотрелся к своим соседям. Двое пожилых англичан. Те парни, конечно, американцы — только они могут под серые брюки надеть оранжевые носки. Смахивают на бизнесменов. Женщина с детьми не в счет. Внимание Бонда привлекла троица, сидящая в носовой части. Кажется, монахи. Неплохие ребята, но чего-то им все-таки не хватает. Почувствовав на себе чей-то взгляд, Бонд повернул голову, но увидел лишь пустые глаза человека, которого поначалу принял за американского бизнесмена. Похоже, он с таким же успехом смотрел бы на кого угодно. Его спутник только что вернулся из бара и принес пару бокалов двойного бренди со льдом. Тот с неохотой сделал маленький глоток и, достав из кармана пузырек, извлек из него таблетку и положил в рот.

«Печально,— подумал Бонд.— И какого черта я не сел на два ряда дальше?»

Самолет вздрогнул. Джеймс ощутил под ногами легкую вибрацию и услышал ровное гудение двигателей.

— Пристегнитесь, пожалуйста, страховочными ремнями,— в салоне появилась улыбающаяся стюардесса.— Через полтора часа посадка в Шэнноне. Там прекрасный ресторан. В вашем распоряжении будет около сорока минут.

Бонд прикрыл глаза.

«Боинг» медленно вырулил на взлетную полосу и начал быстрый и неудержимый разбег. В какое-то мгновение Джеймс ощутил характерный толчок — стальная махина оторвалась от бетонных плит аэродрома. Извне не проникало никаких звуков. Можно было лишь разобрать посапывание уснувших пассажиров и шуршание переворачиваемых листов газет и журналов. Следуя примеру других, Бонд достал из «дипломата» пособие по гольфу и углубился в чтение. Вскоре он понял, что его опасения начинают сбываться. Сидевший рядом американец то и дело пытался на него упасть. Джеймс видел его посеревшее от страха лицо. На лбу блестели крупные бисеринки пота, рот был полуоткрыт, а из ноздрей вырывалось шумное дыхание. Общими руками он прижимал к животу портфель, к мягкой ручке которого была припилена визитная карточка: «Мистер В. Винтер. 1-я группа крови».

«Трусливое животное,— Бонд отодвинулся.— Похоже, этот парень возомнил, что мы приземлимся в виде мясного фарша, смешанного с обломками корпуса. Господи, только бы его не стошнило».

Джеймс неторопливо нащупал в кармане носовой платок.

Сзади неожиданно раздался шорох, и кто-то тихо произнес «Извините». Он узнал этот голос. Мимо прошла Тиффани. Еле заметный кивок головы — и все.

«Ладно, ладно»,— Бонд никак не мог сосредоточиться на чтении. Ему очень хотелось заговорить с ней.

— Не желаете ли коктейль, сэр? — рядом стояла хо-рошенькая стюардесса.

— С удовольствием,— Джеймс подмигнул ей.

Холодное martini немного взбодрило его, и, когда они подлетали к Шэннону, Бонд уже осилил половину книги.

Внизу весело переливались разноцветные посадочные огоньки, и вскоре самолет мягко и благополучно приземлился.

Первым заведением, которое посетил Джеймс, оказался ресторан. Изумительные антрекоты с шампанским, омлет с горячим кофе и ирландское виски с мороженым заметно подняли его настроение, но нужно было лететь дальше.

Оставшиеся часы воздушного путешествия прошли в полудреме. Проснувшись, Бонд побрился и позавтракал. Восходящее солнце заливало салон призрачным розовым светом. Казалось, самолет просто висел на одном месте. Движение выглядело неправдоподобной иллюзией. За стек-

лами иллюминаторов изредка мелькали белые клочья облаков.

— Посадка через час, — стюардесса разносила кофе.

Джеймс с интересом смотрел вниз. Вот она, Америка, с высоты 20 тысяч футов. Маленькие игрушечные домики, окруженные со всех сторон зелеными газонами с угадывающимися на них точками поливальных установок. По миниатюрным дорожкам ездили микроавтомобильчики. Картина постепенно менялась. Мирные сельские пейзажи все чаще уступали место внушительным городским зданиям. Кое-где начали попадаться небоскребы. Это был Нью-Йорк.

Звук двигателей неожиданно изменился. Пройдя зону облачности, «Боинг» медленно опускался все ниже и ниже. Бонд представил, как из брюха самолета неуклюже выползают шасси.

Итак, он в Соединенных Штатах Америки, вдали от родной Англии, один — против Спангов. Хотя нет, с ним Тиффани. Правда, она этого еще не знает, ну и что — всему свое время.

Бонд пригладил рукой волосы и направился к выходу. Даже самый изощренный наблюдатель не смог бы заметить ничего необычного в его внешности, и уж тем более никто не мог предположить, что видит перед собой одного из самых опасных агентов секретной английской службы.

7

ШЕДИ ТРИ

Бонд стоял в просторном светлом холле аэропорта и ожидал таможенного контроля. Перед проходом к супервизору важно расхаживал потный, чуть сутуловатый толстяк, не спуская глаз с трех своих чемоданов. Джеймс услышал за спиной щелканье зажигалки и, обернувшись, увидел довольно симпатичную молодую особу, прятавшую в карман пачку «Парламентских». Он обратил внимание на длинные холеные пальцы, державшие сигарету. Женщина явно нервничала.

— Мистер Бонд? — появившийся рядом рослый парень в форме таможенника был настроен не слишком дружелюбно.

— Да.

— Это ваш багаж?

007 кивнул.

— Прошу на досмотр.

Икнув, супервизор всосал в себя вещи Джеймса и высветил на экране картинку. Краем глаза Бонд заметил подходивший сбоку армейский патруль.

— Будьте любезны, откройте «дипломат», — голос чиновника звучал тускло и вежливо.

Патрульный офицер положил руку на кобуру. Бонд, щелкнув замками, откинул крышку.

— Вы, должно быть, неплохой стрелок.

— И что из того? — Джеймс выгадывал время.

Таможенник вдруг виновато улыбнулся:

— Извините, но я захотел поближе взглянуть на ваши клюшки для гольфа. Тоже играю, удар пока, правда, слабоват.

Джеймс расслабился. Надо же, чуть не попался из-за того, что начисто забыл американский слэнг. Он засмеялся.

— Ерунда, все решает практика.

— Желаю удачно провести отпуск. Америка — прекрасная страна, — с этими словами чиновник приклеил на дипломат бумажку с печатью, не подозревая, что тем самым дал «добро» на нелегальный провоз самой крупной контрабандной партии, которая когда-либо следовала через Идлвуд.

Заверив полученные документы в инспекции, Бонд, наконец, вздохнул спокойно.

— Я тот, кого вы ждете, — голос принадлежал долговязому светловолосому парню с глазами карточного шулера. Новая рубашка нежно-кофейного цвета резко контрастировала с болтающимися штанинами засаленных коричневых брюк. — Машина на улице.

Джеймс обратил внимание на откровенно оттопыривавшийся боковой карман своего проводника. «Какой ребенок, — подумал он, — ходит с мини-автоматом. Новоявленный Майк Хаммер. От него же за версту тянет запахом дешевых кинотеатров».

Машиной оказался старенький «седан». Не ожидая приглашения, Бонд сел впереди, предоставив расплачиваться с носильщиком своему спутнику, и, когда тот занял свое место, Джеймс спросил:

— Как обстоят дела с погодой? Мне бы хотелось немного отдохнуть. Где-нибудь поближе к морю.

— 38 выше нуля.

Они резко рванули с места.

— А у нас в Англии не поднимается выше 30.

— Вот как?

Хоть парень и выглядел как последний хиппи, машину

он водил классно и относился к этому занятию весьма серьезно. Выехав на встречную полосу, он пытался обогнать большой запыленный автобус, но тот, как назло, задумал разогнаться. Все оставалось бы в пределах нормы, если бы не несущийся навстречу «кадиллак». 007 уже решил обратить внимание водителя на эту незначительную деталь, как тот, резко вывернул руль, вернулся в свой ряд и сбросил скорость.

— Куда мы едем?

— Шеди хочет с тобой познакомиться.

Бонд одернул себя. С такими людьми нельзя быть столь нетерпеливым. Один неверный шаг — и конец всей игре. Нет, этого нельзя допустить.

Проехав Манхэттен, они вылетели на Вест-стрит, 46 и, со скрежетом свернув на узенькую обсаженную деревьями аллею, затормозили около роскошного особняка, расположенного между ювелирной мастерской и многоэтажным магазином, фасад которого был отделан черным мрамором. На серебряной табличке красовалась знакомая надпись: «Дворец алмазов».

У двери их ждал человек богатырского телосложения:

— Все в порядке?

— Вроде бы. — Водитель повернулся к Джеймсу. — Босс ждет тебя. Захвати вещи.

Взяв с заднего сиденья «дипломат», Бонд вошел в дом. С улицы донесся шум отъезжавшей машины. Он напрасно надеялся избавиться от своего навязчивого компаньона. Дверь распахнулась, и Джеймс увидел своего верного проводника.

— Ключки для гольфа, — произнес тот ледяным тоном и протянул руку.

Бонду все больше и больше нравилась роль контрабандиста. То, что не мог себе позволить агент 007, квартирный вор делал без малейшего зазрения совести.

— Послушай, малыш, веди себя хорошо, а то мне придется напороть тебе попку.

Американец потянулся к кобуре, но, вовремя одумавшись, сделал резкий выпад правой рукой, целясь Джеймсу в печень. Тот без труда увернулся, и кулак противника оставил на белоснежной стене кровавый отпечаток.

— Не ушибся? — поинтересовался Бонд, отдавая ему ключки.

Гангстер бросил в ответ многообещающий взгляд и вызвал лифт. Поднявшись на четвертый этаж, они оказались в небольшой комнатке, где стояли два потертых кресла и

маленький журнальный столик. Пахло застоявшимся табачным дымом. Мягкая ковровая дорожка исчезала за двойными застекленными дверями. Американец постучал и, не дождавшись ответа, вошел. Джеймс последовал за ним. За столом сидел скрюченный рыжеволосый мужчина, держащий в руке стакан с молоком. При их появлении он встал, и только тогда стало заметно, что перед ними горбун. Рыжеволосых горбунов Бонду встречать еще не доводилось.

«М-да,— подумал он.— Занятное зрелище. Похоже, он сумел нагнать страху на всю эту мелюзгу».

Шеди Три вышел из-за стола, не спуская с Джеймса изучающего взгляда. На Бонда это не произвело ни малейшего впечатления. Он равнодушно посмотрел в узкие восточные глаза горбуна, выглядевшие настолько неестественно, что их легко можно было принять за стеклянный муляж, и отвернулся. Что и говорить, шеф нью-йоркской мафии не отличался особой красотой — большие уши, практически полное отсутствие шеи, сухие потрескавшиеся губы. Он носил вычурную желтую шелковую рубашку, несуразно вздымавшуюся в том месте, где у нормального человека ничего нет.

— Знаете, мистер Бонд, я всегда лично встречаюсь с людьми, которых собираюсь взять на работу.

Джеймс понимающе кивнул.

— Лондон сообщил, что на вас висит труп. Я им верю. Вы способны на это. Нам нужны такие люди. Будете работать у нас?

— Смотря кем, а потом...— Джеймс надеялся, что его слова прозвучат не слишком театрально,— все зависит от ваших финансовых возможностей.

Шеди противно захихикал и повернулся к водителю:

— Роки, достань из «дипломата» мячи и вскрой их. Да. Прямо здесь,— он сделал чуть заметное движение, и в его руке появился длинный обоюдоострый клинок, рукоятка которого была обмотана изолентой.— Возьми.

«А он трюкач,— отметил про себя Бонд,— я бы не сумел с такой ловкостью достать метательный нож».

Шеди вновь уселся в свое кресло и, с отвращением посмотрев на молоко, осушил стакан в несколько глотков. Взгляд Джеймса выразил участие:

— Язва?

— Черт возьми, кто-то уже успел доложить! — горбун не на шутку разозлился и, на время забыв о Бонде, выместил свое раздражение на Роки.— Чего ты ждешь? Выкладывай пакет на стол и начинай.

— Минуточку, босс,— первые пять мячей он небрежно отбросил в сторону, а шестой, немного повертев его в пальцах, рассек быстрым точным движением и протянул своему шефу.

На ладонь Шеди выпали три крупных необточенных алмаза, каждый весом примерно по 15 карат. Пока Три рассматривал их, Роки извлек и аккуратно сложил на стол остальные камни. Бонд прикинул, что за эту партию после шлифовки дадут не менее ста тысяч фунтов.

— Прекрасно,— Шеди был явно обрадован.— Восемнадцать штук за один раз. Очень хорошо. Роки, оформи этого джентльмена в «Астории», его вещи отправь туда же. Что это, кстати, у тебя с рукой? Опять с кем-то поцапался из-за своей девки? Ладно-ладно, можешь не отвечать.

Американец молча положил клюшки в «дипломат» и, оставив нож на столе, вышел.

Джеймс, сев в кресло, закурил:

— Итак, мистер Три, если вы удовлетворены, неплохо бы поговорить и о гонораре. Скажем, пять тысяч долларов.

Шеди сложил алмазы замысловатой горкой.

— Вы получите эти деньги, мистер Бонд,— его голос приобрел жесткие интонации,— а при желании сможете заработать намного больше. Вам еще не успели сообщить, поэтому, быть может, для вас это будет неожиданностью, но мы не проводим прямых оплат. Да-да, вы не ослышались, и сейчас поймете, почему. Здешние фараоны — неглупые ребята, отлично знают свое дело. Представьте, появляется новый человек, невесть откуда, с кучей денег в кармане. А уж если ведет он себя, скажем прямо, не как примерный гражданин, возникает естественный вопрос: где он смог столько заработать? Вам ясен ход моих мыслей?

— Вполне.— Джеймс понял, что отныне Шеди будет выделять его из всей своей банды. Похоже, почувствовал, что он не такой дурак, как все остальные.

— Поэтому деньги попадут к вам вполне законным путем. Не возражаете?

— Нисколько.

— Итак, какая сумма наличных имеется у вас сейчас?

— Три доллара.

— Замечательно, сегодня вы встретились со своим другом Шеди Три,— он указал на себя пальцем,— то есть со мной. Знаете меня с 1945 года. Познакомились мы в Англии. Запомнили? Я проиграл вам пятьсот долларов в бридж в «Савойе». Понятно?

Джеймс кивнул.

— Мы встретились сегодня, я решил отыграться, но вам опять повезло, и сумма выигрыша удвоилась. Вот мой долг.— Шеди достал из стола десять стодолларовых банкнот и протянул Бонду.

Джеймс сунул деньги в карман.

— Потом,— продолжил горбун,— вы изъявили желание побывать на ипподроме и попытать счастья на тотализаторе. Опять-таки по моему совету вы отправитесь в Саратогу — в понедельник как раз начнутся скачки. Поставьте свою тысячу как раз на призовую лошадь.

— А если ее кто-нибудь обгонит?

— Не волнуйтесь, не обгонит.

Джеймс вдруг ощутил всю шаткость и неустойчивость своего положения. Не издевается ли над ним этот горбатый китаец? Ясно лишь одно — в ближайшее время с него не спустят глаз.

— О'кей.— Бонд знал, что лезть открывает путь к самым темным и замкнутым душам.— Не сомневаюсь, ваши люди знают толк в подобных делах. Я верю вам. Мне нравятся смелые и осторожные люди.

В темных глазах горбуна не отразилось никаких чувств.

— Я хочу провести некоторое время вне Англии. Надеюсь, вы не будете возражать?

В комнате воцарилась тишина. Казалось, Шеди был занят лишь тем, что складывал из алмазов ровный квадрат. Наконец, он ответил:

— Мы поможем вам, но запомните — никаких ошибок. Забудьте о своем прошлом ремесле. Ни одного конфликта с полицией. Ясно? Позвоните мне из Саратоги, я скажу, на какую лошадь ставить.

Джеймс пожал плечами.

— Зачем прерывать работу? Я в отличной форме, да и вы только что предложили мне неплохой вариант с повышенной оплатой.

Губы горбуна перекосило от гнева. Он привстал со стула и прошипел:

— За кого ты нас принимаешь, парень? За мелких дешевых жуликов? Послушай, что я скажу,— он пытался взять себя в руки.— Запиши мой номер. Висконсиан 7-3697.

Шеди Три отрывисто и неприятно засмеялся.

— Четвертый рейс во вторник. Пиши, пиши. Скачка на мило с четвертью. Деньги поставишь прямо перед закрытием касс.

— Понял,— карандаш замер в руке Бонда.

— О'кей. Шай Смайл. Гнедой жеребец с белой звездой на лбу и четыремя светлыми пятнами. Первым придет он. Глаза Джеймса зловеще блеснули. Он взял след.

8

«НЕДРЕМЛЮЩЕЕ ОКО»

После прохладного кондиционированного воздуха «Дворца алмазов» улица казалась настоящим адом. Даже в тени было тяжело дышать. Бонд остановился перевести дух и прислонился к мраморной облицовке особняка. На ощупь камень был приятно холодным. Какого бы мнения ни придерживался Джеймс относительно хозяев этого дома, его красоту невозможно было не оценить — позолоченные лепные украшения, непривычно большие окна, затянутые темно-синим бархатом, — все это говорило о том, что над проектом этого самого настоящего дворца трудился не один талантливый архитектор.

Первый этаж, похоже, использовался для рекламы. Мягкие занавески, вышитые серебром, украшали редкой красоты бриллианты, под каждым из которых висела тускло отсвечивающая желтым табличка с надписью: «Алмазы вечны».

«Так-то, 007, значит, не ты первый доставил товар в Америку», — с этой грустной мыслью Бонд направился к ближайшему бару. Потягивая холодный апельсиновый тоник, он пытался найти объяснение некоторым странным противоречиям, которые он обнаружил, посетив Шеди Три. Ясно, старик многое повидал, но к чему столько театральности? Кажется, он понял, что новый курьер несколько непохож на Роки и его дружков. С другой стороны, зачем так распространяться о могуществе Спангов? Неужели сам Шеди сомневается в этом? Может, они на грани краха и эта партия — их последний шанс? А если рыжий горбун просто-напросто дурачит его?

Слишком мало он еще знает. Слишком мало, во всяком случае для того, чтобы делать выводы.

Бонд оставил недопитый стакан у стойки и вновь окунулся в уличное пекло, но, не пройдя и десяти шагов, ощутил то, о чем в последнее время уже успел забыть. Сигнал тревоги. Опасность. Здесь, где-то рядом. Нет, вокруг было все спокойно — спешащие куда-то люди, потоки автобусов и автомобилей — обычный будничный шум крупного города. И все-таки что-то не так. Предчувствия еще не разу не

обманивали его. Джеймс остановился у зеркальной витрины, но не заметил абсолютно ничего подозрительного на противоположной стороне 46-й стрит. Никто поблизости не вытирал носовым платком свое потное лицо и никто не поправлял галстук у соседних витрин. Пройдя еще несколько ярдов, 007 вновь остановился. Снова ничего. Свернув на Америкэн-авеню, Джеймс подошел к магазину нижнего женского белья. Молодой продавец пытался натянуть на кого-то черные полупрозрачные трусики. Бонд не сразу разобрал, что этим кем-то был манекен. Облокотясь на перила, Джеймс ждал. Э т о вот-вот должно было появиться. Он уже приготовился как следует его встретить, но то, что произошло дальше, никак не соответствовало построенным планам.

Бонд так и не смог оторвать свою правую руку от перил, он вообще перестал ее чувствовать — что-то стальными тисками сжало сосуды чуть выше локтя, и грубый голос над самым ухом прорывал:

— Порядок, Лимей. Держи его покрепче, если не хочешь сыграть в ящик.

Джеймс ощутил ствол пистолета между лопатками. Он склонил в сторону глаза и увидел, что его правый бицепс сдавлен железным крюком.

«Ого, да у этого парня только одна рука,— подумал 007.— Тем лучше».

Сделав резкий рывок вниз, Бонд саданул левым локтем туда, где, по его представлениям, должен был находиться пистолет, и одновременно освободился от захвата. Если бы противник надумал стрелять, первая пуля прошла бы витрину, а на второй выстрел у него бы попросту не хватило времени. Но ничего такого не произошло.

Никакого пистолета не было и в помине. Джеймс стоял и с восхищением смотрел на однорукого человека с приятным добрым лицом. Тот расхохотался.

— Плохо, Джеймс, плохо. Ты всегда выезжаешь на одном только везении. Твоя задница раздалась в размерах, старик, но ты по-прежнему силен и ловок.

Последний раз Бонд видел Феликса Лайтера, агента американских спецслужб, сплошь замотанного грязными бинтами на кровати, насквозь пропитанный кровью. Это было во Флориде.

— Какого дьявола ты здесь делаешь? Признаюсь честно, я наложил в штаны, когда ты меня прижал.— Джеймс извлек из кармана носовой платок.

— Нервы.— Лайтер все еще улыбался.— По-моему, ты

уже начал молиться и, бьюсь об заклад, не имел никакого представления, кто тебя сцапал — гангстеры или фараоны. Ну?

Джеймс виновато кивнул и обнял друга.

— Иди сюда, крючкорукий шпион. За тобой выпивка. Ей-богу, если ты не закажешь мне ленч, я съем твою ногу. Ну же, не скупись, угости своего старого товарища. А потом, я думаю, нам есть о чем поговорить.

— Будет исполнено, сэр.— Феликс засунул стальной крюк в правый карман и подал Бонду левую руку.

Они перешли через дорогу, и Джеймс с горечью сделал новое открытие. Слишком уж сильно Лайтер припадал на левую ногу, чтобы ее можно было счесть за настоящую — так ходят только люди, имеющие протез вместо голеностопного сустава.

— У нас в Техасе любая блоха достаточно богата, чтобы завести себе собственную собаку. Не отставай, англичанин.

Лайтер издавна не любил шумных фешенебельных ресторанов, где, по его словам, «вечно околачивается всякая шваль — бездарные кинозвезды да спившиеся суперписатели». Он предпочитал тихие укромные таверны, где можно просидеть целый день и никто тебя не потревожит, и сейчас они пришли именно в такое место.

Оставив Феликса за столиком, Джеймс вышел вымыть руки и только тогда дал волю своим чувствам. Он помнил Лайтера веселым здоровяком, для которого не составляло никакого труда пробежать десяток-другой километров и после такой увеселительной прогулки всю ночь не сомкнуть глаз, ощущая под пальцами ребристую поверхность автоматного магазина. А сколько раз Феликс выручал его, Бонда, и придавал этому не больше значения, чем утреннему бритью. И тогда, во Флориде, если бы не он... Группа ушла, но Джеймс не знал, что их остался прикрывать весь израненный, наполовину истекавший кровью Лайтер. Бонд сжал зубы. Если бы он только знал, то, не раздумывая ни секунды, вернулся бы. И, по всей вероятности, в картотеке Сикрет Сервис под индексом 007 значился бы кто-нибудь другой.

Ни слова упрека, никаких выворачивающих наизнанку душу воспоминаний — в этом весь Лайтер. По-прежнему в форме. Надо же, ни одного седого волоса в его соломенной шевелюре. Мягкие улыбающиеся глаза без малейшей тени страха или закомплексованности. Вновь полон энергии. Все нормально, если не считать изуродованной ноги

и ампутированной руки. Джеймс чувствовал, что их встреча не случайна. Феликс не оставил своей профессии, которую всегда любил, даже после того, как она сделала его калекой.

— Наконец-то, я уж думал, ты перед завтраком решил принять душ, — Лайтер разливал в стаканы сухой martini.

— Старый черт, еще не успел забыть мои вкусы. — Джеймс бросил в спиртное тонкую дольку лимона и, сделав глоток, понял, что там было не только martini.

— Ну как, понравилось? Смешано с «Кресто Бланка» — новый сорт из Калифорнии.

— Лучшее, что я когда-нибудь пил.

— Все еще куришь «Бризоллу»?

— Да.

— Отличные сигареты, — Феликс выложил на стол пачку. — Здесь полно разных марок, но «Бризолла» — королевский табак.

— Послушай, я чем-нибудь смогу тебя отблагодарить?

— Своим аппетитом. Значит, так. Для начала парные котлетки. Такого ты еще не пробовал. Пальчики оближешь. Потом антрекоты, обжаренные в томатном соусе. Ну как, пока устраивает?

— Можешь не перечислять. Съем все, что закажешь. Вы, американцы, знаете толк в набивании брюха.

Феликс сделал заказ и, когда официант ушел достаточно далеко, спросил:

— Джеймс, скажи мне только одно: какие у тебя могут быть дела с моим приятелем Шеди Три?

Бонд допил аперитив, закурил и как бы невзначай осмотрел соседние столики. Там никого не было.

— Феликс, ты первым должен ответить на один вопрос: на кого ты сейчас работаешь? Все еще на ЦРУ?

— Нет. — Лайтер поморщился. — С моей-то рукой? Не скрою, они предложили мне остаться — бумажная работа и все такое. Низкое жалованье. И я ушел. Одна фирма предложила мне работу. Там тоже все «бывшие». Частная сыскная контора «Недремлющее око». Слышал, наверное. Ну, и в один прекрасный день я официально отправился на пенсию. В общем, все как положено. Даже золотые часы не забыли подарить. Так что теперь я частный детектив — специалист по махинациям на тотализаторе, введению допинга рейсовым скакунам и тому подобной пакости. Неплохая, по-моему, работа для кадрового разведчика — катаюсь по всей стране.

— Звучит убедительно, — Бонд стряхнул пепел на пол, — но ты же никогда ни черта не смыслил в лошадях.

— Этого и не требуется. Достаточно хорошо разбираться в людях.— Феликс понизил голос.— Ну, а ты все еще вламываешь на старую контору?

Джеймс кивнул.

— При исполнении?

— Да.

— И действуешь, конечно, нелегально.

— Ты, как всегда, прав.

— С тобой все ясно.— Лайтер не спеша потягивал мартины.— Ты круглый дурак, что связался со Спангами. Да еще здесь, у нас. Накрыл бы их в Англии, и точка. Вам что, своих дел не хватает? Но это, в общем, неважно. Сегодня утром я набросил петлю на шею Шеди. С твоей помощью она затянется. Само собой, в твои планы никто вникать не собирается. Согласен?

— Зачем спрашивать, заранее зная ответ? Только не забывай, пожалуйста, что я работаю на правительство Англии. С удовольствием помогу тебе, если это не повредит ее интересам. Догадываюсь, кстати, что тебе бы очень хотелось узнать что-нибудь новенькое насчет очаровательной малютки с белой звездочкой на лбу и четырьмя светлыми пятнами по имени Шай Смайл. Правда?

— Никогда бы не подумал, что ваша фирма занимается такой мелочевкой.

Бонд заговорщически улыбнулся:

— Я поставлю на него 1000 долларов и выиграю пять — в качестве оплаты за одну услугу Спангам. Сегодня утром я контрабандой доставил в Америку крупную партию алмазов.

Лайтер присвистнул от удивления.

— Мальчик, ты котируешься по высшей категории. Я знаю об этом лишь постольку, поскольку Шай Смайл всего лишь ширма, дымовая завеса для дельцов черного бизнеса. Он должен скакать во вторник. К твоему сведению, этот жеребец проиграл три последние скачки, и, к моему великому сожалению, его застрелили.

Пришел черед Бонда удивиться.

— Вместо него поставят Пикапеппера — тоже гнедой конь с белой звездой на лбу и четырьмя светлыми пятнами. Как видишь, официально все о'кей, а устранить мелкие различия между двумя похожими жеребцами — пара пустяков. Спанги совсем недавно начали этим баловаться, а почувяв, что скачки приносят приличный доход, занялись этим делом всерьез. Представь, при минимальных ставках — двадцать пять тысяч за один заезд. А если повысить их до

пяти к одному или, скажем, до десяти к одному — на этом же можно сколотить целое состояние.

— Но, я слышал, каждой скаковой лошади татуируют губы.

— Джеймс, ты отстал от жизни. Все элементарно просто — пересадить кожу и скопировать старую татуировку. Это, кстати, уже устарело. Нашли новый метод идентификации — ночные глаза.

— Ночные что? — переспросил Бонд.

— Глаза.

Принесли вторую бутылку martin.

— Понимаешь, у лошадей, оказывается, специфическое строение коленных суставов. Их и называют ночными глазами. По ним можно четко определить, подменили коня или нет. В общем, аналогично человеческим отпечаткам пальцев. И что самое смешное, Спанги и здесь сумели выкрутиться. Они их подделывают.

— Признайся честно, Феликс, как тебе удалось столько узнать?

— Черная почта, Джеймс. У меня есть свои люди на ипподроме.

— Ну, и что ты намерен предпринять дальше?

— Поеду на скачки в Саратогу. Почему бы и тебе ко мне не присоединиться? «Сагамор» — прекрасный мотель. Что скажешь?

— Отлично. А сейчас, если ты не против, я отведаю этих яств, а заодно расскажу, какого черта меня сюда занесло.

Наполнив свой желудок в достаточной степени, Джеймс попробовал местный «Эспрессо» и авокадо по-французски.

Вообще-то он не любил разговаривать с набитым ртом, но нетерпеливый взгляд Лайтера вынудил его к этому...

— Ну, теперь ты знаешь все. — Бонд промакнул губы салфеткой. — Думаю, в Африке дела обстригают ребята Спангов, а Шеди взял на себя скромную роль — официальную продажу. По-моему, никаких неясностей. Просто, как апельсин.

Феликс закурил «Лакки стрейк» и задумчиво протянул:

— Все возможно, но я почти ничего не знаю о братце Серафимо — этом Джеке. Если он действительно «Сайе», то это первое, что я слышу о нем. О Джеке Спанге практически ничего не известно. Есть у нас, правда, запись голосов Серафимо и его дружков. Дурачились на одном пикнике. Грех было упускать такую возможность. Попал туда, кстати, и голосок Тиффани Кейз. Прелестный ребенок, но постоянно помни о том, что она не один год провела в

их дружной компании. Не знаю почему, но эти ублюдки хорошо к ней относятся. Как это ни смешно, Джеймс, она почти не знает жизни. Ее взгляды, наверное, не менялись с самой колыбели. Причиной тому была жизнь — слишком требовательная и порой жестокая, а девочка мечтала не о той грязи, которая ее окружала. Хотела подняться выше. Это и удерживало ее, сам понимаешь от чего. Вначале все было благополучно. Достаток, уважение и все такое. Ее мать держала один из доходнейших игровых домов в Сан-Франциско. Но в один прекрасный день в голову ей взбрела на редкость глупая мысль. Купив в округе всех фараонов, она решила, что о д н о й конторе можно прекратить делать взносы. Конторой этой был зарождающийся синдикат Серафимо. Ночью в их казино случился небольшой погромчик. Тиффани тогда было 16. Вовремя сообразив, что упорство матери ни к чему не приведет, девочка собрала вещи, прихватила весь запас денег на «черный день» и ушла из дома. Дальше стандартная карьера — случайные заработки: мытье посуды и так далее, танцовщица в ночных заведениях, официантка. Эта ниточка раскручивалась, пока ей не исполнилось 20. Потом, как обычно, разочарование в жизни в компании полупустых бутылок из-под ликера. В таком положении она бы протянула недолго, и скорее всего дело бы закончилось петлей на шее или вскрытыми венами. Ее спас случай. С волнореза в море упал ребенок. Там довольно опасное место — рядом порт, и никто не решился прыгнуть за ним. Она вытащила его и получила таким образом довольно широкую известность — фоторепортажи в газетах, интервью в известных журналах. Ей помогла «Ассоциация одиноких женщин» — в ней состоят очень богатые дамочки. Они и обеспечили ее. Само собой, ненадолго. Тиффани наплела им что-то насчет того, что возвращается под крылышко своей горячо любимой мамочки, чего, естественно, и не думала делать. Она подыскала себе работу в гарольдском ночном клубе. Тут-то ее и заметил Серафимо. Она отказалась лечь с ним в постель, и Спанг в качестве наказания поручил ей линию «Тиары» в Лас-Вегасе. Ею-то Тиффани и занимается последние два года. Постоянно ездит в Европу. Поверь, Джеймс, она хорошая девочка, только не понимает, для чего ее используют.

Бонд снова вспомнил недоверчивый взгляд ее серо-голубых глаз и вновь услышал нежные звуки «Ла ронде».

— Она мне очень нравится, Феликс.

Лайтер одобряюще кивнул.

— А сейчас извини, я хочу вздремнуть. Пойду, пожалуй, к себе в гостиницу. Где встретимся в воскресенье?

— Жди меня у «Плаза». Думаю, стоит выехать пораньше, чтобы проскочить пик уличного движения. Скажем, в девять утра на стоянке такси,— Феликс оплатил счет.— И еще, Джеймс. Тебе пока не приходилось сталкиваться с мафией. Не принимай мои слова за глупую шутку — не исключено, что они имеют связи со СМЕРШем. Спанги — гангстеры высочайшей квалификации. Свои люди на любом уровне. Они могут что-нибудь пронюхать о тебе. Будь осторожен.

Лайтер посадил Бонда в такси и, когда машина отъехала, с легкой усмешкой произнес:

— Мой милый наивный Джеймс, ты даже не представляешь, чем это дело может для тебя кончиться.

9

ГОРЬКОЕ ШАМΠΑНСКОЕ

— Я не собираюсь ложиться с тобой в постель.— Глаза Тиффани сверкали негодованием.— Только последний осел мог додуматься подарить женщине домашние трико. Удивляюсь, почему тебе не взбрело в голову преподнести мне дюжину-другую презервативов. И вообще у этого мартини противный привкус.

Джеймс рассмеялся и, взяв меню, с видом знатока произнес:

— Здесь прекрасно готовят заливную рыбу, а что касается рейнвейна... Думаю, тебе понравится.

— Послушай, Бонд,— ногти Тиффани оставили глубокие борозды на накрахмаленной скатерти,— я хочу, чтобы ты усвоил раз и навсегда — никогда не ставь на одну доску постель и фаршированных крабов и, если хочешь добиться моего расположения, веди себя прилично. И еще, в качестве информации: мне нравятся котлеты по-английски, икра и розовое шампанское.

Джеймс погладил ее по руке.

— Не будь гусыней, Тиффани. Я целую вечность ждал этой встречи и сделаю все, что ты пожелаешь. Сегодня мы можем себе позволить что угодно. Шеди Три раскошелится на пять тысяч.

Подозвав официанта, Бонд сделал заказ, заметив, как изменилось лицо девушки при упоминании имени Шеди.

— Ты должен попридержать деньги. Прошу тебя, не стоит тратить сегодня больше трехсот долларов.

Принесли слегка взболтанное неразбавленное мартини. Джеймс наполнил высокие бокалы и посмотрел на Тиффани сквозь искрящееся вино.

— Не будем пить за успех нашей работы, правда?

Она сделала несколько глотков. Уровень жидкости заметно упал.

— Негодник, я натерпелась столько страха в аэропорту, когда ты проходил мимо этого ненормального. Что он прицепился к твоему «дипломату»? Стоило только появиться малейшему подозрению, и ты бы пулей вылетел из гольф-клуба.

— Его заинтересовала дальность моего удара. Зря ты так. Хороший парень, просто у каждого своя работа.

Тиффани допила мартини и полезла за сигаретами. К ее удивлению, Бонд не потянулся за зажигалкой. Щелкнув несколько раз своей, Тиффани заметила улыбку, играющую на губах Джеймса.

— Ты настоящий джентльмен,— съязвила она.

— Возьми другую сигарету, у этой ты опалила весь фильтр,— Бонд достал из кармана «Парламентские».— Держи, твои любимые.

Закурив, девушка откинулась на спинку стула.

— Слушай, не стоит так серьезно принимать мои слова насчет денег. Я же сказала — трать, но остановись на трехстах долларах, а ты, похоже, решил притормозить на десяти. Между прочим, я хочу есть и наслаждаться жизнью, а ты пичкаешь меня всякой дрянью и надеешься, что я отключусь раньше, чем успею утолить свой голод.

— Тиффани, сегодня ты отведаешь моих любимых блюд. Я сделал заказ по телефону,— Джеймс вторично наполнил бокалы.— Знаешь, если у меня будет сын, я дам ему только один совет.

— Бедный мальчик, как ему не повезет с папой.

— Как ты можешь так говорить о своем ребенке?

Тиффани поперхнулась, а Джеймс как ни в чем не было продолжал:

— Я скажу: малыш, трать деньги как хочешь, но никогда никому не покупай домашних трико.

— Это и есть хваленый английский юмор?

— Что-то вроде него.

— Никудышний из тебя кавалер, Джеймс. Ни одного комплимента по поводу моей одежды или внешности. У нас

в Сан-Франциско в таких случаях говорят: «Если тебе не нравятся персики, какого черта трясешь дерево?»

— Я не хочу трясти дерево, а лишь покорно прошу разрешения обвить руками его ствол. А что касается одежды и внешности — ты неотразима. Черный бархат очень идет к золотистой от загара коже, и мне нравится, что на тебе почти нет драгоценностей — этих пустых никчемных погрешек, которыми часто пользуются те, кому, кроме них, нечего показать. Зачем надевать браслеты на такие руки? К чему колье? Оно будет только закрывать твою изящную шею. Никогда еще не встречал таких ослепительно красивых контрабандистов. Но мне грустно, Тиффани, очень грустно. Наверное, это сон, призрак. Я все время боюсь проснуться — ведь завтра ты можешь пойти в рейс с кем-то другим.

Девушка налила себе третий martini, задумчиво посмотрела на него и медленно выпила. Поставив стакан на стол, она потянулась к Бонду, и Джеймсу открылась удивительная долина, скрытая до этого черным бархатом. Бонд представил нежные округлости ее груди и, до боли сжав подлокотники стула, подавил желание. Коснувшись губами его лица, Тиффани прошептала:

— Ты нравишься мне. Только не будь нетерпеливым. Я не хочу обжечься во второй раз.

Джеймс вдруг обнаружил, что вокруг играет музыка, что он с Тиффани все еще сидит в ночном ресторане и что она действительно сказала ему то, что он услышал.

Принесли икру и охлажденное шампанское.

— Что я буду делать завтра? — она старалась явно для официанта. — Собираюсь прокатиться в Лас-Вегас, по пути обратно, быть может, загляну в Чикаго или Лос-Анджелес. Согласна, это длительный вояж, но на самолете я обернусь в несколько дней. А ты?

Когда метрдотель отошел, Бонд полусерьезно-полусуто сказал:

— Да ты профессиональная обманщица. Надо быть осторожней с тобой.

Это была единственная фраза, сказанная вслух, пока они ели икру. Джеймсу было хорошо знакомо это ощущение — весь мир у твоих ног. Оба знали ответ на главный вопрос, и все остальное казалось пустым и неважным.

Попробовав шампанское, Бонд ощутил легкий привкус клубники. Это придавало вину большую пикантность. Джеймса всегда увлекала игра света в глубине этого янтарно-розового напитка.

— Я должен ненадолго уехать, Тиффани. Эта поездка принесет мне много денег.

— Уже успел завести деловые шашни с Шеди,— она отхлебнула немного шампанского. Ее настроение вновь упало.— Неужели ты не понимаешь, что он хочет заставить тебя работать на эту шайку бездельников?

Бонд вдруг почувствовал, что между ними начал клубиться, все более сгущаясь, туман отчуждения и непонимания, но ему не было страшно. Слишком много усилий приложили они оба, чтобы так просто разрешить себе порвать ту нить, которая сейчас так крепко связывала их.

— Я люблю много зарабатывать, но не привык, чтобы меня использовали как пешку. О какой шайке ты говорила? — освещенное огоньком сигареты лицо Бонда на миг выступило из окружающего полумрака.

Тиффани не могла представить, какого нервного напряжения стоил этот вопрос сидящему рядом человеку. Джеймс с трудом заставил себя вернуться в жестокую реальность. Нет, он работает не против нее. Бонд скорее бы пожертвовал престижем Сикрет Сервис, чем причинил вред Тиффани Кейз. Он должен вытащить ее из этого грязного болота.

— Шайкой я назвала ее сгоряча. Это даже не банда, а целый синдикат — фирма Спангов. Спанги — два брата. Я работаю на одного из них в Лас-Вегасе. О другом мало что известно. Говорят, он в Европе. Ему почему-то дали кличку Эй-Би-Си. Когда я включилась в линию, все приказы и распоряжения шли от него. Мой босс — Серафимо. Его профиль — скачки и азартные игры. Нет ни одного казино в Вегасе, где бы не знали его, а потом, он хозяин гостиницы «Тиара».

— И тебе нравится работать с ними?

Девушка пропустила вопрос мимо ушей и продолжила:

— Со Спангами тесно связан Шеди. Просто не разлей водой. Обойтись, похоже, друг без друга не могут. Вообще Три по характеру неплохой парень, был бы вполне о'кей, если бы не горб с язвой. Следит за игральными домами, контролирует движение товара да присматривает за своими головорезами.

Она жестко посмотрела на Бонда:

— И ты хочешь с ними связаться?

— Работа не хуже других, а мне, сама понимаешь, нужны деньги.

— Существует много других способов заработать.

— Однако ты почему-то предпочитаешь этот.

— Я — другое дело, — она усмехнулась, и лед, разделявший их, снова растаял. — Но если в игру включишься еще и ты, боюсь, Спанги не выдержат конкуренции. Не скромничай, ты классно справился с заданием. Главное в общении с такими людьми — не делать ошибок, и все будет в порядке.

Их глубоко интеллектуальную беседу прервало появление кллет в чесночном соусе. Вслед за официантом к их столику подошел высокий молодой мужчина. Джеймс догадался, что это один из совладельцев заведения, в котором они сейчас пребывали.

— Хелло, мисс Кейз. Давненько вас не было видно. Как дела в Вегасе?

— Привет, Мак. — Девушка одарила его улыбкой. — Спасибо, «Тиара» процветает. Смотрю, ваш милый песик перестал гадить под ноги посетителям.

Он оценил шутку по достоинству:

— Никаких жалоб, мисс, — и добавил: — Тиффани, в нашем заведении никогда не бывает женщин прекраснее вас. Ей-богу, смотрю на каждую новую и все больше убеждаюсь — мы многое теряем оттого, что вы так редко сюда заглядываете.

Повернувшись к Бонду, он спросил:

— Все в порядке?

— У вас прекрасный ресторан.

— Это Мак Крендлер, — шепнула Тиффани Джеймсу.

Мак щелкнул пальцами, и к ним подошел один из метрдотелей.

— Сэм, принеси моим друзьям что-нибудь к кофе, — Крендлер учтиво поклонился и направился к соседнему столику.

Тиффани заказала коктейль с ликером и мороженое. Бонд последовал ее примеру.

Он готовился к следующему шагу. Уж если разыгрывать из себя простофилю в операциях контрабанды, так до конца. Потягивая коктейль, Бонд небрежно произнес:

— Тиффани, никак не могу понять одного. Раз все так просто, почему бы нам самим не заняться этим делом? У нас будут свои связи, клиенты, поставщики. Пара-тройка поездок в год нас прекрасно обеспечат.

Как он и предполагал, девушка не пришла от его предложения в неописуемый восторг.

— Дурачок, ничего у нас не выйдет. Спанги — профессионалы. Они никогда не нанимают одного курьера дважды. Не представляю, с чего это Шеди так расщедрился и пред-

ложил тебе работу. Видно, чем-то ты ему сильно приглянулся. Тот, кто играет против них, обычно кончает жизнь либо во взорвавшейся по неизвестной причине машине, либо в каком-нибудь другом «несчастном» случае. Пойми ты, наконец, это настоящая организация. А Эй-Би-Си я даже ни разу не видела в лицо. Хочешь знать, как я получаю задания от них и сообщаю информацию от себя? Пожалуйста. Звоню им по телефону в Лондоне. Мой голос записывается на магнитофон. Позже звонят мне, и я прослушиваю магнитофонную запись их инструкций.

Тиффани залпом допила коктейль. Бонд понял, что вечер безнадежно испорчен, и ему горько было сознавать, что виновником этого был он.

— Будешь еще что-нибудь?

— Нет,— она выглядела уставшей.— Отвези меня домой и выбрось из головы эти глупые мысли.

Джеймс оплатил счет, и они вышли из ресторана в ночную духоту, пропитанную запахом горячего асфальта. Бонд поймал такси.

— Я тоже остановилась в «Астории»,— Тиффани забилась в самый дальний угол заднего сиденья.

Бонд устроился впереди и, рассматривая в открытое окно броскую нью-йоркскую рекламу, проклинал свою работу. Единственное, что ему хотелось сказать этой немного испуганной, запутавшейся в жизни девушке: «Останься со мной. Я люблю тебя, и, пока мы вместе, никто не в силах причинить нам вред», но его долг — использовать ее. Единственный метод, к которому он никогда не прибегнет,— заставить Тиффани сделать что-нибудь под влиянием того чувства, которое она испытывает к нему. Даже М. как следует не представляет, чего ему будет стоить это задание.

Машина с легким скрипом остановилась против гостиницы. Бонд помог девушке выйти, и она покорно стояла рядом, пока он расплачивался с водителем.

Войдя в роскошный холл, Тиффани назвала свой номер и, получив ключи, направилась на следующий этаж. Джеймс безмолвно шел рядом.

Вставив ключ в замочную скважину, она резко обернулась.

— Послушай, ты...— но на этом ее гневная речь оборвалась.

Прочтя в глазах Бонда глухую, ничем невыразимую тоску, она обвила его шею руками и горячо прошептала:

— Очень прошу, будь осторожен, Джеймс. Не знаю, что со мной будет, если я потеряю тебя.

Продолжая и без того затянувшийся поцелуй, Бонд обнял ее и тесно прижал к себе, но Тиффани неожиданно отстранилась, и момент был упущен. Она вошла в номер и выглянула в коридор из-за двери:

— А сейчас уходи. Я должна во всем разобраться. Тихо щелкнул замок, и наступила полная тишина.

10

«СТУДЕЛЛАК»

В субботу Джеймс почти не выходил из «Астории». Как следует выспавшись, он принялся составлять отчет для Лондона. Послать его Бонд намеревался в виде шифрованной телеграммы, закодированной по времени. Это была любимая система М. В ее основе лежала точная дата — на этот раз шестой день недели и четвертый день восьмого месяца, то есть 6DW.04.08.

Доклад содержал следующую информацию:

«Установил: поставкой товара занимается Джек Спанг, реализацию осуществляет Серафимо Спанг с помощью конторы Шеди Три, контролирующего промышленную обработку камней и в дальнейшем их продажу.

Рекомендую: осуществлять систематическое прослушивание всех телефонных разговоров европейского отдела «Дворца алмазов», организовать постоянное наблюдение за Руфусом Б. Сайе; проверить, по возможности незаметно, официальную сторону сделок нью-йоркского и лондонского офисов фирмы Спангов; выяснить происхождение клички Джека Спанга Эй-Би-Си — вероятно, этот человек является ключевой фигурой организации, держащей под контролем африканские алмазные рудники.

В ближайшее время намерен: используя информацию, поставляемую Тиффани Кейз, выяснить принципы организации и функционирования синдиката Серафимо».

Отослав телеграмму, Джеймс поужинал и, купив вечерние газеты, вернулся в номер. Не найдя Шай Смайла в списке признанных фаворитов, Бонд загадочно улыбнулся и улегся спать.

На следующее утро ровно в девять он уже был на стоянке такси у «Плаза» и ждал Лайтера. Длинный черный «студебеккер» бесшумно подкатил к самому тротуару.

— Привет, Феликс, — бросил Джеймс, садясь в машину.

В ответ Лайтер удовлетворенно хмыкнул и нажал на панели какую-то кнопку. С легким шипением брезентовая

крыша над их головой сложилась в черную гармошку и улеглась за задним сиденьем.

Они вывернули на Сентрал-парк и влились в бесконечный поток автомобилей.

— Придется плюхать километров триста шестьдесят. Саратога недалеко от Гудзона — в штате Нью-Йорк. — Феликс успешно избежал столкновения со старым мятым «пежо-403» и увеличил скорость. — Совсем близко от канадской границы. По правде говоря, не хочется ссориться с полицией, но у них здесь ограничение скорости. Представляешь — до пятидесяти миль. Если мы будем ползти, как черепахи, моя консервная банка может перегреться. Не унывай, Джеймс. Если что, удерем от фараонов — и все дела.

Бонд недоверчиво покачал головой — насколько он помнил, Лайтер никогда не бахвалился попусту, но кто знает, что могло произойти с человеком, которого ты не видел много лет.

— Понимаешь, у меня никогда не было «студебеккера», — осторожно начал Джеймс, — но я хорошо знаю полицейские «индиансы». Они шутя разгоняются до ста шестидесяти.

Лайтер взглянул в зеркальце и, переключившись на третью скорость, вдавил в пол педаль акселератора. Жалобно взвизгнули покрышки, и машина резко прыгнула вперед. Бонда глубоко вдавило в сиденье. Скосив глаза на спидометр, он следил за судорожным движением стрелки: остановившись на мгновение у отметки сто сорок, она рывком переместилась на сто шестьдесят, потом на сто семьдесят, сто семьдесят пять, сто восемьдесят.

Звук мотора изменился — Феликс перешел на четвертую передачу. Видимо удовлетворенный, Лайтер начал сбавлять скорость.

— Вот так. — Американец ухмыльнулся. — Ладно, не дуйся. Не ты первый накололся, да я и сам был бы не лучше на твоём месте.

— Будь я проклят, если это «студебеккер».

Феликс поспешил развеять сомнения Бонда.

— Это действительно «студебеккер», только с двигателем от «кадиллака». Вот и вся разница, если не считать сделанных на заказ тормозов и коробки передач. Как видишь, моя букашка неплохо бежит. — Лайтер ненадолго замолчал. — Тебя, конечно же, интересует, где я купил такую игрушку.

Джеймс утвердительно кивнул.

— Их изготовлением занимается одна маленькая фирма в Нью-Йорке. Заказов мало, поэтому цены довольно высокие, но, будь уверен, ни один покупатель не пригнал им тачку обратно. Представляешь, миниатюрный «корвет» с мотором от «тандерберда». Да он же произведет фурор на дорогах штата. Куда же фараонам на их рухляди угнаться за такой малюткой, которая за двенадцать секунд разгоняется до ста миль в час. Но я это так, к слову. Сам знаешь, не люблю излишеств. Мне и «студебеккера» за глаза хватает. Главное — у него мощный кузов, остальное мелочи.

— Не скромничай, эту модель разрабатывал Раймонд Лойви.

— Совсем ничего не знаю о «студебеккерах», никогда на них не ездил,— Феликс скопировал интонацию Бонда один к одному.

— Ладно, кончай дразниться. Мне нравится твоя тачка. Я вообще в восторге от этой поездки, но меня сильно занимает один вопрос: у нас не отвалятся колеса?

Лайтер с укором посмотрел на Джеймса, так ничего и не ответив.

От нечего делать Бонд обхамил американские гоночные автомобили, и весь следующий час Феликс, жестикулируя своим стальным крюком, доказывал ему, что английские ничем не лучше. Устав от бесконечного спора, так и не придя к какому-то определенному выводу, оба рассмеялись и продолжили путь в тишине, нарушаемой только шуршанием колес по асфальту.

Дорога проходила по удивительно живописной местности. Приветливые лесные полянки чередовались с девственными зарослями папоротников и рощами невысоких стройных сосен. Встречающиеся изредка маленькие домики настолько естественно вписывались в окружающий ландшафт, что казались причудливыми созданиями самой природы, а не результатом работы человеческих рук.

Джеймс прикрыл глаза и мысленно представил, чем занята сейчас Тиффани и как они снова встретятся после скачек в Саратоге.

Лайтер затормозил, и, очнувшись от раздумий, Бонд увидел, что они остановились у закусочной. Ему были хорошо знакомы заведения такого рода — здесь можно было купить шоколад и любые сладости, приобрести пачку сигарет и при желании пару дорогих журналов. В гостиной, наверное, стоят массивные деревянные столы, покрытые сверху лаком. В холле — телефон. Меню, конечно же, стан-

дартное и обязательно включает зажаренного на вертеле цыпленка и «свежую горную форель», пролежавшую в холодильнике.

Но, против ожиданий, местные блюда показались Бонду вкусными и аппетитными. Он взял яйцо, сосиски и тосты с кофе. Запив все это приличной порцией виноградного муската, Джеймс почувствовал себя вполне сытым и удовлетворенным завтраком.

— Ты, кажется, не в курсе, что Саратога — мертвый город? — Феликс мягко тронулся с места.

— Что значит мертвый?

— Понимаешь, одиннадцать месяцев в году он пустует. В общем, захолустная провинция. Есть там, правда, одна приманка — сернистые грязи. Говорят, здорово помогают при ревматизме. Так вот, изредка кто-нибудь приезжает подлечиться — и все. В девять вечера все как один ложатся спать, а если туда, не дай бог, попадешь днем, сдохнешь от скуки. Единственно, кого там можно встретить, так это двух забавных стариканов — все время спорят, чаще всего о том, какого цвета фасад нью-йоркского отеля «Юнион» — черного или белого. Довольно красивое здание на окраине города, но они, поди, сто лет не были в столице штата.

— Никогда не слыхал об отеле «Юнион». Кстати, какого цвета у него фасад?

— Он облицован розовым мрамором.

— Прекрасно, — Бонду почему-то казалось, что Феликс его дурачит.

— Но август — совсем другое дело, — Лайтер выглядел вполне серьезным. — На скачки стекается народ со всей страны. Цены на номера в гостиницах подскакивают раз этак в десять, а городской комитет начинает проявлять активнейшую деятельность — красят ограды ипподрома, устанавливают скамейки для зрителей, чинят фонтаны, а на середину городского пруда невесть откуда выволакивают полусгнившую индейскую пирогу. На ней якобы приплыл из устья Гудзона основатель города.

— Разве пруд имеет протоку?

— Нет, конечно. Все это пустые бредни. Читал утреннюю «Пост»?

— Не успел. Что-нибудь интересное?

— На любителя. Статейка Джимми Каннона — парень дельно пишет, — посвященная приближающимся скачкам, — Феликс достал из кармана вчетверо сложенную мятую газету и протянул Бонду.

Ему понравилась фотография репортера — породистое лицо с играющей на губах легкой улыбкой. Джеймс устроился поудобнее и углубился в чтение.

«Не секрет, что самые престижные скачки Америки проходят в городе, снискавшем дурную славу, — писал Каннон. — Саратога — королевство людей, поставивших себя вне закона. Известнейшие гангстеры, скрывающиеся от полиции Лас-Вегаса, не стесняясь, заглядывают здесь в самые дорогие рестораны и фешенебельные гостиницы. Город по сути уже отделился от своего штата. Откровенная роскошь соседствует с ничем не прикрытой нищетой. Да, бедность — вот подлинная причина, по которой власти не могут справиться с обстановкой. Мафия хорошо платит, чего даже при большом желании нельзя сказать о государственных ведомствах по социальному обеспечению.

Увы, законностью в Саратоге и не пахнет, зато есть свои законы, которым подчиняется даже последний выпивоха, каждый день нагружающийся в баре. О, старые добрые времена! Они канули в Лету, остались одни лишь воспоминания. Разве десять лет назад, сорвав куш в казино, опасался кто-нибудь, что его на месте же и прихлопнут? Да, его могли почистить приезжие гастролеры, но и то при условии, если парень один и без оружия. Сегодня же дилер, щелкнув пальцами, созывает целую банду головорезов, и тут же поневоле придется «сыграть еще разочек». В отличие от...»

Джеймс зевнул и пропустил несколько абзацев.

«Саратога — груда сухого хвороста, готового вспыхнуть от малейшей искры. Успокаивает лишь одно — среди жокеев мы видим таких признанных лидеров, как Ал Вандербилт и Джек Витней. Скачки — их жизнь, их ремесло. Такие ребята на предложение попридержат лошадь ответят смачным плевком в физиономию».

Терпение Бонда иссякло. Он сложил газету и бросил ее на заднее сиденье.

— Ты не дошел до самого интересного, — Лайтер как примерный водитель ехал с положенной скоростью.

— Какая жалость, — Джеймс снова зевнул.

— Ты что, не выспался? — подозрительно спросил Феликс.

— На меня дурно действует езда в качестве пассажира. Давай поменяемся местами.

Предложение повисло в воздухе, — Лайтер успел сменить тему разговора.

— Наши друзья Спанги и не подозревают, какой им готовится подарок. Что им Витней или Вандербилт — так,

честные дурачки, и потом, зачем покупать жокея, если его лошадь накачана допингом? Знаешь, зачем они затеяли всю эту игру?

— Ну?

— Им нужен Гран-при.

— Деньги?

— Бешеные деньги плюс прикрытия и популярность.

— Не думаю, что они гонятся только за прибылью. Получать огромные барыши от алмазной жилы и не иметь возможности их тратить — вот что их угнетает, а получив первую премию, они спишут на нее все расходы.

— О, полюбуюсь, — Феликс указал на дорожную вывеску внушительных размеров, висевшую с правой стороны.

На ней крупными буквами было выведено:

«Мотель «Сагамор» ждет вас.

Уютные номера со всеми удобствами.

Обслуживание по высшему классу.

Всего пять миль от ипподрома.

Спешите, вас могут опередить».

— Джеймс, ты в курсе, что значит обслуживание по высшему классу?

— Вроде бы.

— И что же именно?

— Прежде всего вышколенная прислуга, — наставительным тоном произнес Бонд.

— Дурачок. Полнейшее самообслуживание. Да, и когда войдешь в номер, обрати внимание на унитаза.

— Что, новая конструкция?

— Нет, просто он наверняка будет опечатан ленточкой туалетной бумаги с надписью «стерильно».

— А сколько раз в неделю меняют постельное белье?

— Один, мой мальчик.

II

ШАЙ СМАЙЛ

Бонд не ожидал, что Саратога окажется столь эффектным и поистине удивительным зрелищем. Пессимистические прогнозы Лайтера нагнали на него тоску, но кипевшая вокруг жизнь вернула Джеймсу веселое расположение духа.

Сияние рекламных огней отбрасывало радужные блики на мокрый асфальт — город мыли и чистили, как перед приездом президента. На каждом шагу можно было наткнуться на фургоны для перевозки лошадей. Отовсюду слышалось конское ржание и цоканье копыт. Конюхи и наездники — белые, негры, мексиканцы — все перемешались в пестрой толпе. Необычайное оживление, царившее в городе, подстегивало воображение Бонда. Он прекрасно понимал, что веселая суতোлка выполняет роль дымовой завесы. Главные фигуры предстоящего спектакля пока оставались в тени. Ничего, когда подойдет время, они скажут нужное слово.

Лайтер довез Бонда до мотеля и куда-то уехал. Чтобы не привлекать к себе особого внимания, они договорились встречаться только на скачках. Кроме того, Феликс пригласил Джеймса «совершить утренний моцион» — на восходе солнца жокей должен был опробовать Шай Смайла. Лайтеру оставалось выяснить лишь одно — номер беговой дорожки. Он прекрасно знал Саратогу вместе со всеми ее значными местечками, и Джеймс был уверен, что Феликс, проведя всю ночь в каком-нибудь захолустном баре или ресторане, выудит нужную информацию. Бонд оформился в центральном офисе «Сагамора». В анкете он написал «Джеймс Бонд. Гостиница «Астория». Нью-Йорк». Заполняя документы, Джеймс все время чувствовал на себе внимательный взгляд администратора — сухой скуластой женщины с холодно-непроницаемыми глазами. Заплатив вперед тридцать долларов и взяв ключ от номера, он вежливо произнес:

— Вы так боитесь, что я украду простыню или полотенце, что даже побледнели. Поверьте, не стоит беспокоиться из-за таких пустяков.

Оставив чемоданы у входа, Бонд прошел в глубь номера. Половину комнаты занимали две огромные кровати. У окна стоял низенький журнальный столик и рядом — торшер. Венчало эту королевскую обстановку мягкое кресло, обитое бархатом. Заглянув в туалет, Джеймс обнаружил, что Феликс говорил правду. Унитаз действительно был заклеен тонкой полоской туалетной бумаги, на которой шариковой ручкой было небрежно написано: «Санитарная обработка произведена». Вид ванной его тоже вполне удовлетворил.

Спустившись вниз, Бонд плотно пообедал, выпил два «бурбона» и, улегшись на кровать, принялся изучать только что купленный «Саратогиан». Убедившись, что скачка с

участием Шай Смайла не перенесена, он отложил газету в сторону и попытался заснуть.

Около десяти в дверь тихо постучали, и Джеймс увидел довольную физиономию Лайтера. Он насквозь пропах дымом дешевых сигарет и каким-то вонючим ликером.

Устроившись в кресле, Феликс закурил и устало пробормотал:

— О, малыш. Да ты урвал себе номер для молодоженов. И с кем же ты собираешься провести медовый месяц?

— С чего ты взял?

— Как? А дубль-кровать? Сломаете первую, переберетесь на вторую. Согласен, неприятно иметь пол в качестве возможной альтернативы.

— На редкость оригинальная шутка,— Бонд нехотя встал.— Есть новости?

— Безусловно. Жокей будет объезжать Шай Смайла в пять утра. У дальних барьеров. Мне бы хотелось посмотреть, кто будет рядом с ним. Владельцем жеребца записан некий Писсаро. По-моему, так зовут одного из директоров «Тиары». Парень с вывихнутыми мозгами. Переправлял наркотики через мексиканскую границу. В Сан-Квентине на него вышло ФБР, но ему удалось улизнуть. Писсаро переметнулся к Спангам, и те, узнав о его прежних заслугах, дали ему работу в «Тиаре». А сейчас, как видишь, он выступает уже как владелец скаковых лошадей. Горю желанием познакомиться с ним поближе. Так вот, раньше он был крупной фигурой, заправлял делами в Сан-Квентине, пока все там не завалил. Думаю, ему кто-то помог.

Лайтер взглянул на Бонда:

— Где у тебя пепельница?

Джеймс перенес к креслу журнальный столик.

— Спасибо,— Феликс стряхнул пепел.— Теперь о жокее. Зовут его Тингалинг Белл. Прекрасный наездник, но нечист на руку. Кстати, неплохо бы с ним встретиться и поговорить.

Бонд выпустил в потолок струйку дыма и спросил:

— Зачем?

— Об этом позже. Так вот, тренер этого парня, Рози Бад,— натуральная сволочь. Не замечаешь, как они тяготеют к экзотическим именам — Типпи, Серафимо, Рози?

— Что и говорить, милые общительные ребята.

— Особенно Бад. Родился в Кентукки, можно сказать, с детства не слезал с лошади. В шестнадцать лет связался с какой-то компанией и попал на учет в полицию — воровство, хулиганство, изнасилования, но в последнее время

ходит тише воды, ниже травы. Одним словом, стал «примерным» гражданином. Спанги не любят строптивых.— Лайтер лениво потянулся.— Все они актеры, ожидающие своего выхода на сцену. Типичная картина — наглая улыбка на дубовой физиономии, а ведь и не ведает, что в следующую секунду на его башку свалится кирпич.

— Феликс, я согласен помочь любой твоей затее, но скажи, какого дьявола ты суешь голову в пасть крокодилу? Разве нельзя при желании шепнуть пару слов дирекции инпподрома?

— Я на них и работаю, а потом...— он задумался.— Вообще-то их задание уже выполнено. Мне было поручено выяснить, как обстоят дела с Шай Смайлом, и я сделал это. Абсолютно никакой реакции. Похоже, они заодно со Спангами, но, как говорится, «доверяй, но проверяй». Мне-то в принципе начхать на них на всех, но с их картелем у меня свои счеты, да и тебе лишняя информация не повредит. Ну, по рукам?

Бонд кивнул и проводил Лайтера до выхода.

Утро выдалось на редкость удачное. Еще не совсем рассвело, и небо отливало нежным серым перламутром. Начали просыпаться ранние птички, и воздух наполнился звонкими трелями их голосов. Вокруг витал еще не выветрившийся ночной аромат. За конюшнями жгли костры, и дым, причудливо извиваясь, поднимался высоко вверх. Издалека доносилось шумное храпение лошадей и сердитые окрики наездников.

Рядом беззвучно возникла фигура Лайтера.

— Сейчас они выедут на тренировку,— прошептал он, и словно в ответ на его слова из предрассветного мрака вынырнула группа всадников.

До Джеймса доносились отдельные реплики типа:

— Поправь стремя, олух.

Феликс снова наклонился к нему.

— Жokeи не любят утренних выездов. В это время приходят владельцы лошадей, и им приходится быть начеку.

Призрачная темнота вокруг постепенно таяла, уступая место яркому солнечному свету.

Лайтер тронул Бонда за рукав и махнул рукой в направлении лагеря жокеев. На дальнем конце внешней скаковой дорожки появился человек, ведущий под уздцы огромного гнедого жеребца. Рядом показались еще две темные фигуры.

— Смотри в другую сторону,— приказал Феликс.— Делай вид, что наблюдаешь за скачкой другой группы наезд-

ников. Под ними вудвардские скакуны. Впереди Джим Фитсимонс — лучший в Америке тренер.

Бонд повернулся спиной к Лайтеру и с интересом принялся наблюдать за скачкой, но Феликс вскоре прервал это приятное занятие.

— Не оборачивайся и слушай. Шай Смайла выгуливает какой-то конюх, а его спутники — наши друзья, Бад и Писсаро. Черт, какого красавца нашли взамен прежнего хилака. Мускулистые плечи, тонкие ноги. Чудо. Кажется, они набросили на него попону. Так, мистер Писсаро, помоему, боится получить копытом по физиономии, держится чуть поодаль. Бад помогает конюху забраться на жеребца. Тот выезжает на дорожку. Внимание, Джеймс! Они засекли нас. Ну-ка изобрази из себя фанатичного поклонника конного спорта — у них бинокли... Молодец, кажется, у тебя получилось. Отсюда вижу, как они ржут... Теперь Шай Смайл должен появиться в твоём поле зрения. Уже? Отлично. Обрати внимание на пятый барьер. К нему направился Писсаро.

Джеймс не мог оторвать глаз от несущегося жеребца. Ноги его, казалось, не касались земли. Взяв пару препятствий с удивительной лёгкостью, он повернул в сторону дальних барьеров. Ага, а вот и Писсаро. Надевает тёмные очки, делает рукой какие-то знаки. Всадник ещё ниже пригнулся к лошадиной шее. Шай Смайл всхрапнул, обнажив великолепные зубы, и из его ноздрей со свистом вырвались две струйки пара. Потные бока животного равномерно вздымались и опускались. Скорость все нарастала, и, как ни внимателен был Бонд, он все-таки не успел уловить момента, когда наездник и его конь оторвались от земли. Ещё мгновение назад они неслись во весь опор — и вот уже совершают стремительный бросок вперед. На секунду Джеймс потерял способность воспринимать что-либо другое, кроме этого затаенного прыжка. Напряжение достигло высшей фазы, но ничего особенного не произошло. Копыта выбили глухую дробь с противоположной стороны барьера, и всадник пустил скакуна легким галопом.

— Такие препятствия для него чистое баловство, — в голосе Лайтера звучало восхищение. — Настоящий Шай Смайл не был способен на подобные выкрутасы. Жаль только, что он не выиграет сегодняшнюю скачку. Да, Джеймс, у тебя не возникло желания уронить себе что-нибудь в желудок? Между прочим, приближается время завтрака, а азартные зрелища возбуждают во мне зверский аппетит.

Бонд промолчал, а Феликс, о чем-то задумавшись, тихо буркнул себе под нос:

— Ах, мистер Белл, в жизни все так сложно — никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Сегодня вот, например, вас дисквалифицируют, а вы даже и не подозреваете.

Позавтракав, Джеймс расстался с Лайтером и по его совету отправился на ипподром. Стоял прекрасный летний день, и, несмотря ни на что, Бонд наслаждался им. Ему было по душе царившее вокруг праздничное возбуждение. На его долю в последние годы выпадало слишком мало приятных сюрпризов, и Саратога была одним из них. Нет, его не манила пестрая толпа, пьяный шум и блеск рекламных огней. Просто он очень устал — не от своей работы, а от людей — либо хорошо знакомых, либо совсем неизвестных ему, но которые постоянно присутствовали рядом и неизменно толкали лишь в одну сторону — в пропасть. И он к этому привык, но на свете существуют такие привычки, от которых скоро устаешь, а у Джеймса это «скоро» и так слишком затянулось. Он уже не раз ловил себя на том, что просто выполняет задание, часто забывал о том, ради чего рискует головой. Обычно все звучит слишком абстрактно — защита интересов Англии. Пустые слова. Почему бы не сказать проще — у кого-то в кармане появилась огромная дыра, и ты должен ее залатать. Что ж, у каждого своя работа: если один делает дыры, другой обязательно должен ставить заплаты. Весь вопрос в том, кто кого опередит, и в конце концов ему за это хорошо платят и он, слава богу, доволен своей работой. Синдикат Спангов нужно уничтожить хотя бы потому, что это спасет Тиффани. Если она и дальше будет вести такую жизнь, рано или поздно все равно попадется, а там — бесконечные судебные разбирательства, апелляции. С ума сойдешь, так и не дождавшись конца этой волокиты.

Но эта перспектива никогда не перерастет в реальность.

За оградой, ожидая своей скачки, гарцевал негр на прекрасном арабском скакуне. «Америка без черных перестала бы быть Америкой. С какой небрежностью этот парень сидит в седле. Ему может позавидовать даже Бад,— подумал Джеймс.— Пожалуй, М. все-таки прав. Его долг — защищать людей, а если он попутно зашьет чей-то карман — тем лучше».

Организация мафиози в Штатах выглядит много лучше и крепче английской. За ее шикарным фасадом кроются безошибочные механизмы, ежегодно приносящие миллион-

ные прибыли. Случайные выигрыши сведены к минимуму — победители скачек известны заранее, а если происходит какая-то осечка — к примеру, кто-то чужой ставит на фаворита, — первой приходит другая лошадь. Потери мизерные.

В который раз поразившись элементарной простоте и незамысловатости подобного шулерства, Бонд направился в ресторан. Съез приличный кусок мяса, Джеймс заказал «бурбон» и воду со льдом. Несмотря на твердые убеждения Лайтера, что настоящие ценители виски пьют его только с чистой речной или родниковой водой, Бонд был уверен, что бесцветная жидкость, находившаяся в стакане, была налита прямо из-под крана.

Утолив голод, он решил заглянуть на аукцион. Туда обещал зайти и Феликс.

Торги велись прямо под открытым небом. В тени брезентового тента расставлены были скамейки и стулья для посетителей, а платформа аукционера, обтянутая по периметру толстым канатом, чем-то напоминала боксерский ринг. Продавали, естественно, лошадей. Каждую водили по кругу, ненавязчиво обращая внимание на обводы крупа, изящество ног, посадку головы, глубокое дыхание и прочие мелочи. Только после этого и начинался настоящий торг — перекрывая стук молотка распорядителя, выкрикивались цены, а потом все повторялось снова и снова.

Бонд сел сзади высокой худощавой женщины в черном вечернем платье, плечи и манжеты которого были оторочены норкой. В ее ушах сверкали бриллиантовые серьги. Она опиралась на руку скучного человека в белом смокинге и красном галстуке, который, вероятно, приходился ей мужем либо еще кем-нибудь.

Когда по кругу провели норовистого брыкающегося гнедого, по рядам зрителей прокатился гул одобрения.

— Итак, господа, перед вами номер 201. Начальная цена — шесть тысяч. Что? Повторите, пожалуйста. Ах, семь тысяч? Прекрасно. Семь тысяч, господа. Повышайте ставки, не упускайте свой шанс. Посмотрите, какой красавец! Ну же? О, на этот раз всех опередила дама — восемь тысяч, — без умолку болтал аукционер. — Позвольте, но кто же даст девять? Неужели вы считаете, что этот жеребец стоит меньше? Так, уже лучше — восемь семьдесят. Но кто же даст девять? Прекрасный двухлетка. Клянусь, за все лето я не продал ни одной такой лошади. Поглядите, какая грудь, мышцы.

Джеймс краем глаза видел ручку с золотым пером, бегающую по блокноту и производящую какие-то расчеты. Наконец, женщина, сидящая впереди, подняла руку.

— О, девять тысяч. Может быть, кто-то желает поднять ставки до десяти? Будьте смелее и увереннее. Итак, девять тысяч — раз, — глухо ударил молоток. — ...Два... Три. Продано. Спасибо, мадам.

Место проданного скакуна занял другой жеребец, испуганно шарахавшийся от яркого освещения и волны незнакомых запахов.

Сзади послышался смешок, и затем тихий голос Лайтера произнес:

— Смотри и учись, мой мальчик. Девять тысяч вместо трех. Запомни эту лошадку.

Джеймс знал, что оглядываться бесполезно — Феликс уже исчез. Бонд закурил и недовольно покачал головой. Шай Смайл — превосходный жеребец, и он, вне всяких сомнений, достоин первой премии, и потом, Тингалинг Белл — не такой уж и простой парень, раз решил вести свою партию со Спангами.

12

ХОД КОНЕМ

Бонд сидел на самой высокой зрительской трибуне и рассматривал в бинокль Писсаро. Тот обедал в маленьком ресторанчике. Хотя вся его обстановка и состояла из маленьких столиков и стульев, расставленных прямо под открытым небом, заведение это нельзя было именовать по-другому. Прекрасное меню и отменное обслуживание. Вот и сейчас перед Писсаро стояла тарелка с крабьим филе. Он неторопливо нарезал его, а затем кусочками отправлял в рот. Напротив, небрежно разваляясь, устроился Рози Бад, время от времени утолявший жажду пивом. Вокруг них суетились двое официантов.

Хозяин Шай Смайла чем-то напоминал Джеймсу гангстера из комедийного боевика — абсолютно круглая голова, смахивающая на мыльный пузырь, сердитые выпуклые глазки, сморщенный влажный ротик и сальный подбородок. Ко всему этому одет он был в мешковатый коричневый костюм, белую рубашку со стоячим воротником, а на шею болтался короткий галстук шоколадного цвета. Он не обращал абсолютно никакого внимания на приготовления к первой скачке, похоже, его больше занимала быстро пусте-

ющая тарелка сотрапезника, и Писсаро старался скорее прикончить свою порцию.

Почти полной его противоположностью являлся Рози Бад. Точеное лицо с резкими очертаниями — такими лицами обладают, как правило, профессиональные игроки в покер. Глаза, спрятанные глубоко под бровями, производили неприятное впечатление. Полурасстегнутый пиджак в сочетании с темно-синим галстуком неплохо смотрелся на нем. Перед тем как приступить к десерту, Рози мельком просмотрел программу скачек на день и налил себе стакан виноградного ликера. Писсаро тем временем торопливо поглощал мороженое с земляничными пенками.

Джеймс попытался определить их национальность, но так и не сделал для себя вполне ясных выводов. Русские? Пожалуй, нет. Те намного холоднее и напыщеннее. Немцы? Вряд ли. Их отличительная черта — врожденная манерность. Не смахивают они и на тихих улыбчивых европейцев и уж тем более нисколько не похожи на англичан.

Бонд отложил бинокль в сторону. Вокруг сновали возбужденные люди, только что сделавшие ставки на тотализаторе.

Джеймс пробежал глазами программку.

«Второй день. 4 августа,— гласила она.— Общий фонд — 25000 долларов. Вклады не менее 50 долларов. Список выплат выигрышей:

- 25000 долларов — Гран-при;
- 5000 долларов — первое место;
- 2500 долларов — второе место;
- 1250 долларов — третье место.

Скачка на 1,25 мили».

Ниже шел список лошадей, их владельцев и вероятный исход состязаний.

Фаворитами признавались Кам Эгейн Витнея и Прей Акшен Вудварда. Шай Смайл Писсаро помещался под номером десять.

Бонд выбросил программу в урну и снова взялся за бинокль. Ресторанчик опустел.

Джеймс зажег новую сигарету. Интересно, что имел в виду Лайтер, говоря о подворачивающейся работенке?

Час назад Феликс провел с Беллом душевную беседу. Предъявив жокею удостоверение частного сыщика, он коротко объяснил ему, чего хочет. Суть его «просьбы» заключалась в следующем: Шай Смайл должен прийти первым, но быть дисквалифицированным. В противном случае Тингалинг лишится жокейских прав, ибо его связь

с гангстерами носит практически очевидный характер, а представить доказательства — пара пустяков. Далее Лайтер подробно описал, что должен сделать наездник.

На последнем круге перед финишем нужно оттеснить лидирующего всадника. Если даже это не сочтут за силовой прием, судьи все равно не признают Шай Смайла победителем, а официальным оправданием Беллу послужит предлог, что его ногу заклинило между крупами лошадей и он был просто вынужден оттолкнуть жокея и его коня. Идеальное объяснение. Комар носа не подточит. Вряд ли Писсаро что-нибудь заподозрит. Какие это сулит выгоды? Две тысячи монет. Половину Феликс отдал сразу в качестве аванса. Вторая часть — после работы.

Белл взял деньги, не задумываясь. Окончательно расчитаться с ним предстояло Бонду. Место для получения гонорара Тингалинг выбрал довольно странное, но вполне приемлемое — грязево-сернистые бани. Он появлялся там каждый день — сгонял вес. Вся эта затея пришлась Джеймсу не по душе. Мало того, что он терял наличные из-за намечающегося проигрыша Шай Смайла, из своего кармана приходилось выкладывать и вторую тысячу для жокея.

Джеймс осмотрел в бинокль скаковые дорожки. Автоматические камеры были размещены довольно равномерно, но Бонда не порадовало то, что у финиша находились две из них. Пожалуй, завершающие кадры скачки судьи увидят во всей красе. Только бы парень не наделал глупостей.

До старта осталось всего пять минут. Джеймс почувствовал, как внутри нарастает возбуждение. Жокеи уже начали занимать исходные позиции. Ставки на Шай Смайла по-прежнему не превышали 1:18.

Вот появился Витней на норовистом гнедом жеребце. Это, конечно же, Кам Эгейн — фаворит номер два. Главное — запомнить одежду наездника: голубой жакет и коричневые штаны. Следующий — Лаки на лошади серой масти. О, у жокея заметный наряд — красный с белым. Замыкал кавалькаду Шай Смайл. Черная шелковая накидка всадника и верховые брюки того же цвета выглядели на редкость элегантно и сразу приковали к себе внимание толпы.

Джеймс ни капли не удивился, заметив, что ставки на лошадь Белла поползли вверх. Бонд не спеша подошел к кассе и, поставив на Смайла тысячу долларов, вернулся на свое место.

Спикер объявил заезд. Всадники выстроились ровной линией. Тотализатор закрылся. Джеймс представил, какое

количество телеграмм успел отстучать телеграф за эти минуты в Чикаго, Нью-Йорк, Сан-Франциско и Майами.

Стартовый звонок больно ударил по нервам. В ту же секунду глухая тишина сменилась невообразимым шумом — завопила толпа, послышалось сдавленное ржание до сих пор сдерживаемого жеребца, смачные ругательства жокеев, но звуком, в значительной степени перекрывшим все другие, был топот множества копыт. Последнее, что успел увидеть Бонд, это белую шапочку на голове Витнея. Потом все скрылось в поднявшейся пыли.

Когда лошади и их всадники наконец вырвались из-за непроницаемой завесы, перед зрителями предстала следующая картина.

Впереди шел пятый номер — никому неизвестный черный аутсайдер, но за ним четко держался первый и чуть позади — третий. Десятый оказался в лидирующей четверке. Так, проходят поворот, и вперед вырывается первый — Витней на своем черном дьяволе. Десятый по-прежнему в четверке сильнейших. Третий поравнялся с Шай Смайлом, и оба, обогнав пятого, лишь на метр отставали от первого. Пошел следующий круг. Кам Эгейн уступил первенство Прей Акшену. Отлично, десятый вырвался на вторую позицию. Какое захватывающее зрелище! Теперь борьба идет только между двумя жокеями. Последний круг! Бонд затаил дыхание. Кавалькада приближалась к финальному повороту. Сейчас он это сделает! Да-да! Сию минуту! Ну же! Джеймс слышал назойливое стрекотание камеры, которой еще предстояло отснять то, что неизбежно должно было произойти. Тингалинг медленно нагонял соперника. Дюйм за дюймом расстояние между ними сокращалось, и, наконец, их лошади соприкоснулись головами. Вдруг Шай Смайл резко взял вправо, притерев другую лошадь к оградительным перилам. Лаки, пытаясь сохранить равновесие, привстал на стремянах. Ему это удалось, но драгоценные секунды были упущены. Теперь скачку вел Тингалинг Белл. Финишная полоса стремительно приближалась, и толпа радостно взревела, когда всадник в черном на своем взмыленном жеребце пересек заветную черту. Следующим оказался Прей Акшен.

«Неплохо, — подумал Бонд, внимательно вглядываясь в лица окружающих и не забывая при этом улыбаться, — вовсе неплохо. Беллу удалось-таки всех провести».

И с каким блеском он проделал свой трюк! Так низко пригнулся к лошадиной шее, что даже Писсаро поверит в то, что жокей не видел соперника. Недурно разыграно. Да-

же просмотрев киноленту, судьи не смогут предъявить практически никаких серьезных претензий. Белла можно обвинить в чрезмерном азарте. Да, для профессионального наездника вещь непростительная, но все же лучше, чем фокус с ногой, предложенный Лайтером. Тингалинг — просто умница. Надо же, умудрился обогнать Лаки лишь на полкорпуса. Тонкий игрок.

Джеймс взглянул на табло, чтобы убедиться в своих предположениях. Он оказался прав. Результаты были следующими:

1. Номер десять: Шай Смайл.
2. Номер три: Прей Акшен.
3. Номер один: Кам Эгейн.
4. Номер семь: Пиранделло.

Конюхи расседывали взмокших лошадей и отводили их в весовую. Толпа все никак не могла успокоиться — отовсюду несло улюлюканье и свист. Тингалинг Белл легко соскочил на землю и потрепал за ухо всхрапывающего Шай Смайла. Его бока блеснули от пота. Поручив жеребца своему конюху, жокей повернулся к зрителям, и Джеймса поразила неестественная бледность его лица.

Но представление еще не кончилось. На табло против имени Шай Смайла высветилось злое слово: «Протест». Черные буквы ярко выделялись на белом фоне.

— Внимание, господа. Прошу внимания! — голос спикера, многократно усиленный микрофонами, звучал, как глас самого правосудия. — Мистер Лаки, скакавший на третьем номере — Прей Акшене, заявил протест по поводу нарушения правил мистером Беллом, скакавшем на десятом номере — Шай Смайле. Апелляция будет рассмотрена на судейской коллегии. Просьба не уничтожать билеты. Следите за табло.

Бонд вытащил из кармана платок и протер окуляры бинокля. Он представил, что делалось сейчас в комнате у судей. Наверняка просматривают киноленту. Белл и Лаки, наверное, тоже там. Стоят и сердито смотрят друг на друга, словно два молоденьких петушка. Тингалинг должен доиграть свой спектакль до конца, а для этого, к сожалению, придется кое-чем пожертвовать. И Писсаро пусть попотееет — уж ему-то это точно пойдет на пользу, может, его пухленькие щечки немного похудеют. Интересно, а как подействует эта легкая встряска на Спангов и Шеди Три? Похоже, они давно отвыкли от таких невинных шалостей.

Какой все-таки Лайтер безобразник — портить нервы стольким людям.

Размышления Бонда прервал оживший громкоговоритель:

— Внимание, пожалуйста. Десятый номер — Шай Смайл дисквалифицирован. Победителем скачки признается третий номер — Прей Акшен. Результаты пересмотру не подлежат.

Бонд сокрушенно вздохнул — из его кармана только что уплыли пять тысяч. Что же, чего хотел, то и получил. Джеймс направился в бар и, сидя за стойкой в компании двух «бурбонов», взвешивал все «за» и «против» своего нынешнего положения. Больше всего его беспокоила предстоящая встреча с Беллом. Грязево-сернистые бани. Не ловушка ли это для него? Вряд ли. Для Спангов он слишком маленькая фигура, чтобы те его проверяли, ну а вдруг просочилась информация из Лондона?.. С другой стороны, в Саратоге его никто не знает, так что вроде он ничего и не теряет, но на крайний случай неплохо оставить мостик для отступления. Нужно позвонить Шеди и напомнить о том, что работа до сих пор не оплачена. Таким выстрелом он убьет сразу двух зайцев — прежде всего обезопасит себя и заодно пополнит свою скудную казну, а Феликс пусть продолжает в том же духе.

Джеймс щелкнул пальцами. Бармен поднял голову.

— Два бифштекса и апельсиновый сок.

13

О ПОЛЬЗЕ ГРЯЗЕВЫХ ВАНН

Джеймс сидел в небольшом старом автобусике, где кроме него и водителя находилось всего двое пассажиров — пожилой негр, бережно державший на коленях свою левую руку, пораженную, видимо, полиомиелитом, и молодая женщина, лицо которой было полностью скрыто густой черной вуалью.

После того как они свернули с главной автострады, езда превратилась в сплошную муку. Дорога пребывала в том промежуточном состоянии, когда за нее уже взялись строители, но еще не успели довести товар до кондиции — закончено было только первичное покрытие, представляющее собой гравий, схваченный бетонным раствором. Подпрыгивая на сиденье, Бонд проклинал себя за лень. От гостиницы до сернистых бань было всего полчаса ходьбы, а про-

гулка на этом рыдване может отнять месяц жизни. Когда они миновали рошу молоденьких сосенок, Джеймс испытал необычайное облегчение. Вдали показалась группа серых невзрачных зданий, увенчанная высокой трубой, сложенной из желтого кирпича, которая выбрасывала в воздух жирные клубы дыма. Это и была конечная цель столь мучительного путешествия.

Сами бани производили унылое впечатление. Казалось, здесь уже много лет не ступала нога человека, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что дела обстоят не так уж и плохо. Стоило автобусу остановиться напротив входа, как прозрачные двери отворились и навстречу пассажирам вышла приятная женщина средних лет в сопровождении двух седовласых богатых. «Была бы совсем недурна, если бы не красила губы такой яркой помадой», — подумал Бонд. Больше он ничего подумать не успел. В нос ударил резкий запах серы, и Джеймс почувствовал, что его выворачивает наизнанку. Зажав ладонью рот, он кое-как добрался до стоявшей рядом скамейки, несколько не заботясь о том, какое мнение сложится о нем у «комиссии по встрече». Немного придя в себя, Бонд попытался установить источник столь несравненного аромата и с ужасом понял, что лечебные испарения насквозь пропитали все вокруг. Он представил, как через час будет пахнуть его пиджак, и, наградив Лайтера самым лестным эпитетом из своего лексикона, направился к дверям, но, не пройдя и двух шагов, остановился. Неужели придется туда войти? Нет, он с большим удовольствием посетил бы крематорий. Американцы все-таки свихнутые ребята. С ума сойти, этот жокей мотается сюда каждый день — и до сих пор жив. Пустяки, ничего страшного. Стоит только начать, а дальше все пойдет как по маслу. Главное — думать о чем-нибудь постороннем. Там наверняка есть обыкновенный душ или ванна. Отдать Беллу деньги — и бегом отсюда. За спиной Джеймса раздался хрип двигателя, и автобус, развернувшись, покатил за следующей партией желающих, лишив Бонда последней надежды на побег. Отчаявшись, он толкнул рукой дверь и вошел в просторный вестибюль. Джеймс окинул взглядом помещение. Стены украшали многочисленные грамоты, на некоторых из них болтались старинные сургучные печати. Под ними висели пожелтевшие от времени плакаты, написанные прямо от руки. Джеймс нашел несколько странным их содержание. Что, например, означало высказывание: «Развлекайся в одиночестве»?

Он собрался было осведомиться об этом у невзрачной девушки, сидящей за низким столиком, обитым железом, но, прочитав название книги, которую она так внимательно изучала, решил отложить выяснение столь важного вопроса на следующий раз. На обложке крупными буквами было выведено: «Техника любви».

Бонд кашлянул. Подняв голову, она оценивающе посмотрела на него и спросила:

— Что вам угодно?

Ее голос явно предназначался для новичка, впервые в жизни пришедшего в подобное заведение, и теперь она ожидала ответа, который бы помог ей четко определить, кто перед ней стоит — просто любитель экзотики или больной, увидевший в сере панацею от всех хворей. Но Джеймс ответил более чем осторожно:

— Хотелось бы вымыться.

— Вот как? И что же вы предпочитаете — грязи или серу?

— Грязи,— Бонд сказал это более торопливо, чем следовало бы.

— Быть может, приобретете билеты на несколько посещений? Выйдет дешевле.

— Нет-нет. Один, пожалуйста.

— Полтора доллара,— она оторвала от рулона розовый билетик и не выпускала его из рук, пока Джеймс не положил перед ней деньги.

— Идите направо по коридору. И было бы лучше, если бы вы оставили здесь все ваши ценности.— Она протянула небольшой белый конверт и демонстративно отвернулась, пока Бонд клал туда часы и какие-то бумаги.— Не забудьте надписать свое имя.

— Спасибо.

Он вернул конверт. В нем кроме часов лежали только удостоверение гольф-клуба и несколько долларов, а в нагрудном кармане его рубашки покоилась толстая пачка хрустящих купюр, но что поделаешь, половина из них предназначалась Тингалингу Беллу.

В задней части комнаты находилась небольшая дверь, над которой висели искусно выточенные из дерева две руки. Одна указывала направо, другая — налево. Протиснувшись в узкий лаз, Джеймс очутился в тускло освещенном сыром коридоре, пол которого полого спускался вниз. Откуда-то издали доносился веселый раскатистый смех. Бонд, стараясь не поскользнуться и не упасть, пошел в этом направлении и вскоре оказался в высоком сводчатом зале.

Сверху лился яркий свет, а по бокам стояли миниатюрные кабинки для переодевания.

Из-за поднимавшегося со всех сторон пара все вокруг плавало в невесомой призрачной дымке. К невыносимой жаре добавлялся отвратительный запах серы, и это окончательно усугубляло впечатление, что ты попал не иначе, как в ад. Роль чертей исполняли двое молодых парней. Их кожа лоснилась от пота, а из одежды можно было выделить лишь полотенце, обмотанное вокруг того самого замечательного места. Под ногами валялась пустая бутылка из-под джина, а на столе, где разворачивалась баталия в кости, стояла пепельница, доверху наполненная окурками. Увидев Бонда, один из них поднялся.

— Билетик, пожалуйста... Ага, все в порядке. Ваш номер 12.— С этими словами он отдал Джеймсу ключ и указал на одну из кабинок.

Кроме аккуратно сложенного вылинявшего полотенца, там ничего не было. Раздевшись, Бонд переложил пакетик с деньгами из рубашки в нагрудный карман пиджака, откуда торчал кончик носового платка. Во всяком случае это будет последним местом, куда мелкий воришка догадается заглянуть, а потом, если он действительно решит наведаться, его должна отпугнуть одна маленькая деталь — Джеймс повесил кобуру с пистолетом на свободный крючок и, усмехнувшись, вышел.

Если честно, ему еще не доводилось бывать в грязевых банях, но он никогда не предполагал, что это учреждение столь сильно смахивает на морг. Прежде чем Бонд успел опомниться, он оказался в компании огромного лысеющего негра, который почему-то решил отрастить усы, как у Сальвадора Дали.

«Ну и монстр»,— подумал Джеймс.

— Вас что-нибудь беспокоит, мистер? — Эта гора мяса, оказывается, еще умела и разговаривать.

— Нет, я абсолютно здоров. Просто захотелось принять грязевую ванну.

Негр понимающе кивнул.

— Сердечко в порядке?

— Не жалуюсь.

— Прекрасно, мистер, прекрасно.

Он усадил Бонда на длинную деревянную скамью, против которой стояли огромные баки, наполненные липкой жирной массой. Из одного из них торчала чья-то голова. Джеймс видел на губах безумца блаженную улыбку. Этот человек чем-то напоминал индейца. Рядом с ним оседлал

табурет дюжий метис. Похоже было, что он работал здесь массажистом. Бонд представил его пальцы на своей шее и благоразумно решил отказаться от массажа. Вообще в обществе цветных Джеймс всегда чувствовал себя довольно неуютно, но сейчас, глядя на него, любой сказал бы, что он добропорядочный англичанин и что проблема цвета кожи была решена в его стране еще тогда, когда он учился в школе. Бонд вспомнил урок, данный ему Лайтером во время одного из его первых посещений Америки. Как-то раз он за глаза обозвал следователя Бигга, одного из лучших гарлемских детективов, «проклятым ниггером». Немудрено, ведь он был тогда его подчиненным. Да, Феликс разразился таким потоком ругательств... Коротко суть их сводилась к следующему: «Послушай, малыш. Ты не в Англии, и будь на моем месте кто-нибудь другой, он живо сдал бы тебя в полицию. Пойми, у нас здесь все помешаны на уважении к цветным. Вбей это себе в башку, если не хочешь, чтобы ее тебе оторвали».

Немного привыкнув к обстановке, Бонд огляделся. Серый бетонированный пол, несколько тусклых лампочек, о которые то и дело разбивались тяжелые капельки воды, скапливавшиеся на потолке, и равномерно расставленные вдоль стен тяжелые тумбы, на каждой из которых стоял дубовый гроб, закрытый на три четверти, составляли всю обстановку. Джеймс не сразу сообразил, что в виде гробов были выполнены грязевые ванны. Он с удивлением заметил, что в некоторых находятся люди. Видны были лишь лица, и все они казались спящими. Один из саркофагов был открыт, крышка стояла рядом, и Бонд понял, что эту «квартиру» готовят для него. Вокруг суетился тот самый негр. Для начала он постелил на дно чистую простыню, затем, взяв две внушительного вида корзины, полностью заполненные грязью, с отвратительным чавканьем опрокинул их в ванну. Как следует все перемешав, он отвинтил на дне какой-то колпачок и спустил лишнее, оставив только двухдюймовый слой целительного вещества. Видимо, довольный собой, он отошел в сторону, извлек откуда-то несколько полотенец и, предварительно намочив их в чане с полурастаявшим льдом, положил на лоб некоторым из клиентов.

Рядом, похоже, располагалась душевая — оттуда несло радостное фырканье, а когда шум воды стих, Джеймс услышал хриплый грубый голос:

— Отлично, мистер Вейс. Сегодня вы просто на высоте.

Перед Бондом предстал мокрый человек, обросший по всему телу самой настоящей шерстью. Он стоял довольно

расставив ноги, и громко отдувался. Массажист принес ему нечто наподобие пижамы. Он облачился в нее, и оба вышли в ту самую дверь, через которую сюда попал Джеймс. Метис вскоре вернулся и, повинувшись таинственному знаку негра, направился в другой угол помещения. Словно призрачное видение, перед Бондом промелькнула волшебная картина — аккуратно подстриженные зеленые газоны, виднеющийся вдали розарий и над всем этим ясное лазурное небо. Кажется, это второй выход. Бонд помотал головой. Хотя этот прелестный вид предстал перед ним лишь на долю секунды, что-то там было не так — причем то, что мог заметить далеко не каждый. Вряд ли розарий попал в поле зрения массажиста. Была ли это промелькнувшая человеческая тень или просто замысловатая игра света? Нет-нет, глупости. С чего бы это кому-то прятаться в цветах? Разве что садовнику.

Метис возвратился нагруженный корзинами с грязью, одну из них он поставил прямо перед Джеймсом. Ну вот, кажется, и негр вновь заинтересовался им. Опустив руку в содержимое его ванны, он довольно почмокал языком и пробасил:

— Готово, мистер,— казалось, он действительно испытывал удовольствие при мысли, что Бонд сейчас нырнет в эту вонючую жижу.

Джеймс разделся донага и отдал негру ключ от кабинки. Повесив его на специальный крючок, тот осведомился:

— Мистер, вам раньше не приходилось принимать такие ванны?

— Нет, а что?

— Понимаете, понежиться у нас нравится каждому, но настоящее удовольствие можно получить лишь после нескольких посещений. Вся тонкость в том, чтобы подобрать нужную температуру грязи. Я остудил вашу до 110, но если вам покажется холодно, мы быстро подогреем ее до 120—130. Прошу вас.— Он сделал рукой широкий жест.

Бонд принял бодрый вид и с чувством собственного достоинства погрузился в горячую грязь. Аккуратно вытянув ноги во всю длину, он опустил голову на мягкую подушечку, покрытую влажноватым полотенцем. Но экзекуция на этом не закончилась.

По локоть запустив свои огромные руки в свежепринесенную грязь, негр принялся обляпывать ею беспомощно лежавшего Джеймса. Вот он уже по пояс покрыт слизистой шоколадной массой, но этого, кажется, недостаточно. Бонд

устремил в потолок тоскливый взгляд. За что? Он же не сделал ничего плохого.

Интересно, известно ли Лайтеру о местных процедурах? А может, это вообще одна из его очаровательных шуток? Джеймс предпочел не думать о том, что случится с Феликсом, если Белл не придет.

Наконец, негр кончил свою гнусную работу. Теперь из липкой коричневой жижи виднелось лишь лицо Бонда. Крупные капли пота стекали со лба и щекотали щеки.

Ловким движением негр схлестнул края простыни на груди Джеймса, и тот почувствовал себя окуклившейся гусеницей. Шевелить можно было только пальцами и головой в остальном же — свободы не больше, чем в смиренной рубашке. А уж когда его мучитель закрыл ванну тяжелой деревянной крышкой, 007 стало совсем не по себе, но тот, как ни в чем не бывало, нацарапал на стене мелом нужное время и, соорудив гримасу одобрения, спросил:

— Ну как, пробирает?

Бонд издал нечленораздельное мычание.

— Вот и чудесно, мистер. Наслаждайтесь, а я, к сожалению, вынужден вас оставить. Думаю, для начала хватит и двадцати минут, — с этими словами он вышел в раздевалку.

Оставшись один, Джеймс попытался согнуть ноги в коленях, но из этой затеи ничего не вышло, если не считать того, что он съехал на несколько сантиметров ниже. В надежде вернуть прежнее положение Бонд принялся извиваться, стараясь упереться пятками в одну из стенок, но добился не больших успехов, чем муха, дергающаяся в сети паука. Проклинаая Лайтера, Джеймс прикрыл глаза, защищая их от очередной волны пота.

Прошло несколько минут. Бонд лежал без движения. Вдруг откуда-то потянуло холодом и послышался звук хлопнувшей двери. Джеймс узнал в нескладном обнаженном человеке Тингалинга Белла. Его лисье лицо вполне сочеталось с худой угловатой фигурой. Похоже было, что этого человека постоянно морят голодом — при желании на нем вполне можно было изучать строение скелета.

— Ба, Тингалинг, — метис расплылся в широкой улыбке. — Признайся, у тебя сегодня неудачный день. Ты выглядишь словно лягушка, прячущаяся от цапли.

— Я всегда говорил, что ты не умрешь своей смертью — тебя доконает твой собственный язык. Хотя, в общем, ты прав, — жокей почесал затылок. — Эти ослы судьи решили, что я спихнул с трассы Томми Лаки. Врубился? Я подложил

свинью своему другу. На кой мне сдалась такая пакость? Одним словом, скачку зашили, а меня дисквалифицировали. Полнейшие идиоты.

Показался негр, нагруженный очередной партией корзи́н с грязью.

— Ах ты, мой очаровательный орангутанг,— Белл встал у него на дороге.— Сегодня тебе предстоит согнать с меня шесть унций. Слышишь? А не десяток, как в прошлый раз. Да, и приготовь мое коронное блюдо — французскую форе́ль. Еда придаст мне сил. Завтра я скачу в Окридже. По́нял, олух ты этакий?

— Не волнуйся, малыш. Я сгоню с тебя лишний жир. Ты меня знаешь.— Черный гигант опустил свой груз на пол.— А как насчет массажа?

Белл не успел ответить. Приоткрылась дверь, и в образовавшуюся щель просунулась чья-то голова.

— Эй, Боксер,— обращались явно к метису.— Майбл сказала, что не сможет приготовить все, что ты заказывал. Я хотел спросить, почему, но разговор прервали. Наверное, какая-то неисправность на линии.

— Спасибо, Чиссус.

И снова Бонд почувствовал непонятное беспокойство. Неполадки в телефонной связи в Штатах — редкая вещь. Странно. Как много случайностей.

Прошло уже более десяти минут. Осталось совсем немного. Джеймс с нетерпением ждал того момента, когда, наконец, вылезет из этой могилы, и поэтому, когда негр положил на его разгоряченный лоб холодное полотенце, он почувствовал необычайное облегчение. Предметы снова обрели привычные очертания, и состояние полунаркотического забытья исчезло.

Размяв суставы, жокей улегся в ванну прямо напротив него, и по тому, как он беспокойно ворочался и что-то бормотал, Джеймс догадался, что температура его припарки никак не меньше 130 градусов. Когда крышку его новообретенной обители плотно закрыли, он затих. Негр нацарапал на доске шесть-пятнадцать и не спеша удалился.

Бонд уставился в потолок и предался невеселым размышлениям. Где отдать Беллу деньги? В раздевалке или в вестибюле? А может, лучше в автобусе? Нет, только не там. Их не должны видеть вместе.

Джеймса вновь кольнула острая игла беспокойства. Замереть, слиться со всем окружающим. Проклятый негр! Связал его по рукам и ногам. Черная бестия. Он напряг

мышцы ног, и простыня начала медленно ослаблять свои объятия.

Совсем рядом прозвучал тихий ровный голос:

— Все в порядке. Никто не шевелится. Без шума! Запомни, кроме него, никто не должен пострадать. И обойдись без стрельбы.

Бонд освободил одну руку. Все-таки он оказался прав — в розарии прятался не садовник. Зачем было обманывать себя? Почему он не ушел раньше? Почему? Его мозг лихорадочно искал выход. Он надавил рукой на крышку. Она немного подалась вверх. О'кей, уже лучше.

Стало светлее, и Джеймс на фоне голубого неба и зеленой травы увидел две темные фигуры. Так, эти ребята проникли через запасной вход. На их головы были натянуты эластичные чулки с прорезями для рта и глаз. Несмотря на трагичность момента, Бонд усмехнулся — та же театральность. Ах, Шеди Три, Шеди Три. Когда-нибудь ты заплатишься за свою любовь к дешевым эффектам.

Вошедшие были вооружены автоматическими пистолетами. Видимо, пар застилал им глаза, и они никак не могли сориентироваться. Да, в такой обстановке нелегко сохранить самообладание. Неприятно находиться в помещении, где стоит так много гробов, пусть даже и не совсем обычных. Но Джеймс, похоже, ошибался относительно тонкости их чувств. Пройдя мимо неподвижно замершего метиса, все еще сжимавшего в руке шланг с хлеставшей из него водой, один из гангстеров направился прямоком к негру. Тот взирал на все происходящее с легким удивлением. Корзины с грязью, покоившиеся на его покатых плечах, мерно покачивались в такт его дыханию. Богатырь даже не пошевелился при приближении вооруженного человека. Еще мгновение — и вороненый ствол учерся ему в солнечное сплетение. Огромный негр, секунду назад напоминавший неприступную скалу, вздрогнул, и корзины с грохотом упали на пол, причудливо расплескав свое содержимое. Затем он медленно опустился на колени, и непонимание, застывшее в его глазах, сменилось испугом, постепенно перераставшим в животный страх.

— Где жокей? — Угроза была настолько очевидной, что вопрос не требовалось повторять два раза, но говоривший, похоже, предпочитал действовать наверняка. — Я имею в виду Тингалинга Белла. Ну?

Дрожащим пальцем негр указал на стойку, где голова к голове лежали Бонд и жокей.

Человек опустил пистолет и, несколько раз прокрутив

его на пальце, медленно подошел к саркофагу, где находился Джеймс. Несколько секунд он не сводил напряженного взгляда с каменно-непроницаемого лица Бонда, потом повернулся влево и встал над Беллом. Простояв неподвижно какое-то мгновение, он вдруг уперся свободной рукой о стойку и, небрежно запрыгнув на крышку ванны жокея, склонился над ним.

— Так, так. А вот и Тингалинг Белл. Здравствуй, старина.

Зловещее дружелюбие, ясно обозначившееся в его интонациях, не предвещало ничего хорошего.

— В чем дело? — это был почти крик.

— О, какая у тебя плохая память, — гангстер сокрушенно покачал головой. — Ты еще спрашиваешь. Можно подумать, не понимаешь, о чем речь.

Белл судорожно сглотнул.

— Ты ведь никогда и не слышал о таком жеребце — Шай Смайле. Правда? И наверняка запомнил, что срезал сегодня главную скачку. Не так ли?

— Это была случайность, понял? Здесь нет моей вины. С каждым бывает, — жокей стал говорить много тише, но все равно его шепот напоминал хныканье провинившегося ребенка, пойманного с поличным «на месте преступления».

Бонд разминал пальцы.

— Ну да, всего лишь случайность, а моим друзьям почему-то кажется, что ты ведешь двойную игру. Они, конечно, неправы, ведь мистер Белл — честнейший человек. Только вот в его комнате в настольной лампе — надо же было умудриться изобрести такой тайник — лежит тысяча долларов. Откуда капуста, Тингалинг?

Звонкая пощечина и резкий вскрик прозвучали одновременно.

— Отвечай, подонок, а то я вышибу твои мозги.

Щелкнул взведенный курок.

— Это все мои сбережения. Да, я копил на черный день. Ну и что? Что в этом плохого? Почему ты не веришь мне?

Джеймсу было жаль Белла. Кто, как не он с Лайтером поставили его под удар, а теперь он вынужден выкручиваться своими силами, рыдать и унижаться перед каким-то вонючим подонком.

Гангстер презрительно ухмыльнулся и, соскочив на пол, попал в поле зрения Бонда, и тот отчетливо разглядел огромную бородавку на большом пальце руки, сжимавшей пистолет. Его голос снова приобрел мягкость.

— Тебе нужно отдохнуть, Тингалинг. Ты в плохой фор-

ме.— Он перешел на шепот.— Может быть, даже придется подлечиться. Нервы — вот наша беда. Полный покой и тишина. О таком можно только мечтать.

Он отходил все дальше и дальше, пока не достиг стены, у которой стояли корзины с грязью. Спрятав оружие, гангстер прихватил одну из них и, кивнув напарнику, вернулся к жокею, ни на секунду не прекращая своей несурзной болтовни.

— Все, как я сказал, Тингалинг. Полнейший покой. И главное — ничего не есть некоторое время. Знаешь, режим голодания — полезная штука. А какая обстановка! Прекрасная тенистая комната с бархатной ночной драпировкой, через которую не проникает ни один лучик света.

Воцарилась полнейшая тишина, а корзина с грязью поднималась все выше, выше, выше... Белл, поняв, что с ним хотят сделать, начал еле слышно стонать.

— Нет, нет, нет, нет...

Вязкая жижа выходила сгустками — видимо, ее еще не успели как следует размешать.

— Тара свободна,— гангстер противно захихикал, и надев пустую корзину на голову так и не очнувшегося метиса, пошел к выходу.

Перед самой дверью он обернулся.

— Без глупостей. Фараонов не будет — телефон не работает... Да, и постарайтесь откопать парня до того, как он окончательно сварится.

Хлопнула дверь. Из шланга по-прежнему хлестала вода.

14

ОШИБКИ ДОРОГО СТОЯТ

— Ну, и что было дальше?

Лайтер сидел в номере у Бонда и нетерпеливо теребил бахрому обивки кресла. Сам Джеймс расхаживал по комнате, время от времени отпивая виски из бокала, стоявшего на подносе на журнальном столике.

— Кровавый хаос, Феликс. Страшное дело. Каждый пытался быстрее выскочить из своей ванны. Помочь Беллу додумался только метис, а для того, чтобы разгрести такое количество грязи, сам понимаешь, одного человека мало. Негр — так тот вообще долго не мог очухаться. Кому не удалось вылезти из саркофагов, дергались и извивались, словно цыплята, которым вот-вот отрубят голову. Словом, Тингалинга выгнали лишь тогда, когда прибежали парни,

игравшие в кости в раздевалке. Еще немного, и ему пришел бы конец. Кошмарное зрелище. Он наполовину сварился. Все лицо было покрыто вздувшимися волдырями... Остальных достали позже. Представляешь, двадцать человек, обляпанных грязью, столпились поглазеть, что стало с жокеем? Среди них все-таки нашелся один нормальный. Он повел Белла в амбулаторию. Знаешь, я даже попытался ненавязчиво выяснить, не узнал ли кто налетчиков. Бесплезно. Все думают, что это дело рук банды, не связанной с Саратогой. Никто и понятия не имел о том, кому мог не угодить жокей. Пойми, Феликс, всеми владело лишь одно желание — побыстрее оттуда смотаться. — Бонд снова глотнул виски и закурил.

— А сам-то ты не заметил ничего особенного в этих ребятах? — Лайтер был похож на гончую, пытавшуюся найти утерянный след. — Не припоминаешь ничего странного или необычного в них?

— Я почти не видел мерзавца, стоявшего у двери. — Джеймс, разгоняя дым, помахал в воздухе рукой. — Наверняка могу сказать лишь то, что он был меньше и явно пожиже второго. Одет был в темные брюки и серую рубашку. Естественно, без галстука. Пистолет, по-моему, 45-го калибра. Похож на «кольт». Другой — тот, что делал всю работу, довольно пухленький здоровячок. Двигался быстро, но не очень-то решительно. Черные брюки. Рубашка коричневая, в белую полоску. Да, этот придурок разгуливал по бане в новеньких лакированных туфлях — все боялся поскользнуться. Оружие, кажется, 38-го калибра... Подожди, подожди... Ну, конечно! На руке у него, у основания большого пальца, огромная то ли бородавка, то ли родинка. Первое наверняка ближе к истине. Она еще налилась кровью, когда он крепче сжал рукоятку пистолета.

— Уинт, — Лайтер имел вполне довольный вид. — А второй ублюдок — Кидд. Всегда работают вместе. Можно сказать, ударная группа Спангов, а точнее — каратели. Уинт — особый фрукт. Редкостная скотина. Настоящий садист. Кстати, очень любит сосать свою бородавку. Ему дали прозвище — Уинди. Очередное экзотическое имечко. Все они прямо-таки свихнулись на экзотике. Но, несмотря на все это, Уинт — хреновый путешественник и телохранитель. Абсолютно не выносит транспорта. Машину и поезд он, видите ли, еще может выдерживать с переменным успехом — его там частенько тошнит, а уж что касается самолета — туши свет. Только под пистолетом его можно заставить на нем прокатиться. Понимаешь, Джеймс, самолете-

ты частенько разбиваются, а он весьма дорожит собственной шкурой. Но это все пустяки. Когда эта падаля стоит на твердой земле, то чувствует себя вполне уверенно.

Феликс выдержал паузу.

— Кидди — прелестный мальчуган. Все зовут его Буффи. Развлекается преимущественно с Уинтом. На них висит парочка убийств. Кидду — около тридцати. Спанги любят привлекать к работе молодежь. Кстати, я понял, с кем мы имеем дело, как только ты описал их. Думаю, через часик в полиции появится информация о местонахождении этих красавцев. Конечно, конечно, Джеймс. О тебе не будет сказано ни слова. — Лайтер с сожалением вздохнул. — И возьмут этих ребятков в поезде в Албанию. Сегодня же. Так-то. Я уже сообщил, куда следует, всю подноготную Шай Смайла. Естественно, там нет ничего о Тингалинге Белле. Теперь этот вонючий отстойник тряхнут как следует. Не огорчайся так из-за жокея. Давай пошлем ему деньги почтой. В конце концов он заработал их, маленький притворщик.

Феликс подал Бонду руку.

— Ладно, отдыхай. Встретимся за обедом.

Проводив Лайтера, Джеймс принял душ, смывая с себя последние напоминания о грязевых банях, и перед зеркалом привел в порядок свой внешний вид.

Не надевая пиджак, он спустился в гостиничный холл и заказал телефонный разговор с Шеди Три.

— Линия занята, сэр, — оператор просто излучал вежливость. — Повторить вызов?

— Да, пожалуйста.

Бонд позвонил вовремя — теперь у него будет причина сказать Шеди, что он пытался связаться с ним раньше. Если после скачек Джеймс был уверен, что Три удивится проигрышу Шай Смайла, то сцена в грязевых банях убедила его совсем в обратном. Нет, синдикат Спангов силен и вынослив. Какая реакция — Белла моментально вычислили. Успели побывать даже у него на квартире. Что и говорить — впечатляет.

Джеймс решил вести себя осторожнее.

Телефон издал короткий резкий сигнал, свидетельствовавший о том, что абонент находится в Соединенных Штатах — слишком уж характерный вызов.

— Заказывали Висконсиан 7-3697?

— Да.

— Соединяю. Пожалуйста, Нью-Йорк.

В трубке послышался высокий тонкий голос горбуна.

— Алло, кто это говорит?

— Джеймс Бонд. Я пытался прорваться к вам реньше, но безуспешно. Линия постоянно занята.

— Знаю, знаю.

— Шай Смайл дисквалифицирован.

— Мне уже сообщили. Жокей оказался поганцем. Что еще?

— Деньги,— коротко ответил Бонд.

Несколько секунд Джеймс ничего не мог разобрать, кроме шумного дыхания Шеди. Наконец, тот, по-видимому, что-то решил.

— Хорошо. Попробуем еще разок. Я вышлю вам тысячу по скорой почте. Вы выиграли ее у меня. Еще не забыли?

— Нет.

— Пока никуда не уходите. Я перезвоню вам через несколько минут. Хорошо?

— Буду ждать.

— Кстати, где вы остановились?

— В «Сагаморе».

— Прекрасно.

Телефон дал отбой.

Джеймс не переставал поражаться расчетливости этих людей. Как тонко они вели свое дело, стараясь официально оформить любой шаг и избежать малейших неприятностей. Да, они, безусловно, правы. Осторожны и защищены со всех сторон. А вот что делать ему? Конечно, неплохо бы выиграть пять тысяч. Можно считать, что они уже лежат у него в кармане. Но каким будет их следующий ход? Задействуют ли они его вторично — вот в чем вопрос.

Портье вновь позвал его к телефону.

— Это вы, Бонд?.. Слушайте внимательно. Отправитесь в Лас-Вегас. Туда каждые полчаса летает самолет из Лос-Анджелеса, формальности с билетами я улажу сам. В отеле «Тиара» для вас будет забронирован номер. Для начала осмотритесь... Теперь все запоминайте досконально — во вторник вечером, в пять минут одиннадцатого, зайдете в игровой зал. Это рядом с баром. Нечто вроде мини-казино. Понятно?

— Да.

— Сядете за средний стол. Пять раз поставьте на кон по тысяче. Думаю, вам не стоит объяснять правила игры в покер. Вы просто сорвете куш — и все. После этого встанете и уйдете. Из «Тиары» не уезжайте. Вы нам скоро понадобитсяесь. Ясно?

— Вполне.

— А теперь повторите все сначала.

Бонд слово в слово пересказал полученные инструкции.

— Да, и постарайтесь не наделать глупостей. Ошибки дорого стоят. Вы поймете, что я имел в виду, прочтя завтрашние утренние газеты.

Услышав короткие гудки, Джеймс положил трубку и вернулся к себе в номер.

Покер! Как он любил в детстве эту игру. Когда они собирались вместе с друзьями, родители приносили к чаю огромные пирожные, но детям было не до них. Сбившись в тесный кружок, они делили поровну цветные карточки и составляли партию. Бонд до сих пор не забыл того наивного волнения, когда выпадало двадцать одно и ощущение легкого холодка разочарования при нескольких проигрышах подряд. А «пролететь», набрав, к примеру, двадцать шесть, — о, для них это была настоящая катастрофа.

Что ж, придется освежить детские воспоминания. Только на этот раз он купит дорогие жетоны — фунтов по триста за штуку. Сядет за стол и начнет чистить карманы своих партнеров, равнодушно наблюдая, как крупные сгребает их карточки в его кассу.

Интересно, правда, какой это будет покер — дубль или обычный английский.

Джеймс лежал на кровати. По комнате клубами плавал табачный дым.

Значит, Вегас. Черная яма подпольного бизнеса. Азартные игры, проституция, наркотики. Одним словом, местечко не для приличных людей. Хотя кто знает? Саратога — прекрасное развлечение, несмотря на то что кто-то недурно греет здесь руки. Не стоит судить предвзято о городе, где еще ни разу не был. А потом — там Тиффани. Как он соскучился по ней — по ее недовольно надутым губам и столь резким сменам настроения. Любопытно, кем же она работает в «Тиаре»?..

К приходу Феликса в пластиковой пепельнице красовалось пять обожженных фильтров. По их виду и отсутствующему взгляду Бонда Лайтер понял, что его друг впал в меланхолию, и без труда угадал ее причину.

— Джеймс, ты что, не веришь мне? Я же говорил, она хорошая девочка. Просто вынуждена иметь дело с такой мразью, как Спанги. Наверняка сейчас ее хорошенькие глазки затуманены грустью и она с нежностью вспоминает какого-то англичанина.

Бонд рассмеялся.

— Феликс, ты мой исцелитель.

Лайтер воспринял комплимент без ложной скромности.

— Не только твой, дорогой мистер Икс. Я доктор, привыкший бороться с недугами куда более серьезными, чем этот.

— Вот как? — Джеймс разыграл легкое удивление.

Однако ответ на свой вопрос он получил лишь тогда, когда они садились в машину.

— Именно так, мой друг.

Мотор «студеллака» работал практически бесшумно.

— Сегодня, к примеру, я сделал нашему обществу инъекцию против весьма опасных и коварных вирусов. Писсаро, Бад, Уинт и Кидд — под колпаком. За ними наблюдает полиция. Думаю, это придется Серафимо немного не по душе. М-да. А с Шай Смайлом все в порядке. Сейчас он преспокойно едет в Неваду. Правда, у него что-то с ногой — после последней скачки.

— Что-нибудь не так, Феликс? — Джеймс чувствовал, что Лайтер неспроста завел разговор на подобную тему.

— В игру включилось ФБР. Оказывается, они давно присматривают за Спангами, а после Саратоги почуяли, что у них под боком действует чья-то чужая рука. Но они не возьмут быка за рога. В лучшем случае — пойдут по моим следам. Так что можешь не беспокоиться. Кстати, я связался со своей конторой. Мне порекомендовали смотаться в Лас-Вегас — навести некоторые справки о настоящем Шай Смайле. Так-то.

Феликс затормозил у входа в «Павильон» — лучший ресторан Саратоги. Оставив «студеллак» на попечение швейцара, они вошли в зал. Бонд нисколько не удивился, что Лайтер завез его сюда. Он вообще любил пышно отмечать успехи своих маленьких шалостей.

— Джеймс, клянусь тебе, ты еще никогда не пробовал столь искусно приготовленных омаров. Здесь их запекают в жаровне. А соус! Он просто тает во рту. Кстати говоря, в этот ресторанчик частенько навещается Серафимо, так что если увидишь его за соседним столиком, будь пожеливее.

Однако ожидания Феликса не оправдались. Для обеда было уже слишком поздно, и посетители, успев утолить голод, медленно расходились.

Лайтер выбрал угловой столик и заказал два крепких martini, смешанных с «Кресто Бланка».

— Итак, ты отправляешься в Вегас. — Джеймс закинул ногу на ногу и вкратце пересказал свой разговор с Шеди Три. — Завятое совпадение, правда?

— Нисколько,— Феликс отрицательно покачал головой.— И ты, и я идем по тем неправедным путям, которые могут привести лишь в злачные вертепы. Абсолютно ничего странного. Знаешь, в этом сыском агентстве я буквально сбил себе пальцы, строча рапорты начальству. Но со Спангами — другое дело. Просто не успеваешь ничего писать. Уверен, так и будет и в Вегасе. Не успею приехать, как придется уже смываться, так и не посмотрев на плоды своего кропотливого труда.

— Ах ты, мошенник, плетешь очередную интригу?

— Боже упаси, просто хочу немного тебе помочь. У нас ведь тоже есть своя секретная полиция. В том числе и в Лас-Вегасе. Там работает отличный парень — Эрни Курео. Пожалуй, стоит, чтобы он тебе посодействовал. Прекрасно ориентируется в этой помойке. Всегда в курсе всех событий. С местными гангстерами, кстати, на дружеской ноге. Словом, покажет тебе все, что нужно. Да-а, потеряешь полжизни, если не полюбишься жемчужиной Вегаса — вторым Бродвеем. Ночная иллюминация, словно на Рождество. Монте-Карло! Представляешь, пять длинных миль — игральные дома, казино и прочая гадость. Но оформляли их, мерзавцы, лучше некуда.

Бонд улыбнулся.

— И сколько же нулей у них на рулетке?

— Два, наверное.

— Прекрасный ответ. Второй нуль всегда остается в тени. Ты меня скоро убедишь в том, что американские мафиози — благороднейшие люди.

— Смейся, смейся. Между прочим, Америка — единственная страна, где казино получает лишь один процент от сумм, имеющихсх у него в обороте.

— Брось, Феликс. Все это детские сказки. Несчастные владельцы игорных домов, имеющие на счету в банке с десятков-другой миллионов.

— Поверь, не так-то просто обжулить кого-нибудь на рулетке. А, хотя тебе без разницы — ведь твоя победа уже обеспечена и по возвращении в Лондон можешь похвастаться погромом в «Тиаре». — Лайтер отхлебнул martini. — Я открою тебе несколько секретов. — Зная их, ты более уверенно поставишь свою карманную мелочь против чьих-то мешков с золотом.

— Ну-ну,— Джеймс занялся martini.

— Именно так, мой мальчик. Видишь ли, в Неваде через Рено и Лас-Вегас проходят золотоносные жилы. При чем родились они абсолютно на пустом месте. Необузданный

азарт богача плюс чей-то азарт наживы — и хоп, появляется новоиспеченный миллионер. Вот в этом и есть смысл того глупого мифа — кое-что из ничего. Увы, так не бывает. Сколько людей ежегодно летают в тот же Вегас. Глядишь, а местные авиалинии уже под контролем тех же хозяев, что и казино. За двадцать четыре часа в игральном зале около восьмидесяти раз меняют кости, примерно сто раз — колоды карт. При желании можно приобрести свои. О, а сколько там автоматов! Стоит опустить в щель монетку — и развлекайся, сколько угодно. Никогда не наблюдал, как под утро их вычищают? Проходит по залу суровая пожилая леди в толстых перчатках, и слышно только: динь-динь-динь — в ведерко сыплются пятакки, гривенники, двадцатипятицентовики. Ей-богу, не было бы у бабульки перчаток, натерла бы на руках мозоли.

Бонд молчал.

— Правда, у каждой работы есть и свои недостатки. Постоянно бывая в казино, приобретаешь таких приятелей, как стенокардия, вегетососудистая дистония и прочие милые заболевания. А нервы — те вообще становятся ни к черту. Однако не будем забывать и о том, что каждый маломальски приличный игровой дом содержит небольшую клинику. Так-то.

Феликс бросил в бокал лимонную дольку.

— Бьюсь об заклад, тебе никогда не приходилось изучать статистику выигрышей в бинго или в рулетку, а я помню ее наизусть. Запиши, если хочешь.

Джеймс был заинтригован. Оторвав полоску бумаги от тисненого листа меню, он достал карандаш.

Лайтер уставился в потолок.

— Так, кости — пять процентов, рулетка — пять с половиной, бинго — семнадцать, колесо фортуны — аналогично. Ну, и процентов пятнадцать-двадцать — у игровых автоматов. Совсем недурно. Одиннадцать миллионов посетителей ежегодно — представляешь, сколько людей не обходят стороной заведения Спангов. Даже если брать по минимуму — пусть каждый потеряет на этом около двухсот долларов, — можно догадаться, какие суммы оседают в Вегасе.

— Спасибо за информацию, Феликс. — Бонд спрятал в карман карандаш и импровизированный блокнот. — Но ты, по-моему, забыл, что я еду туда не развлекаться.

— Напротив. Просто я хочу тебе кое о чем рассказать. Ты связался с хитрыми бестиями. Осторожность — вот твое главное оружие. — Феликс перелнул через столик. —

Недавно в Вегасе произошла весьма любопытная история. Наша фирма занималась этим, поэтому я в курсе некоторых подробностей. Однажды во время игры в карты — думаю, речь идет об одном из казино Серафимо — некий дилер вздумал поправить свои финансы и незаметно стянул несколько банкнот со стола. На следующее утро некто, не стоит называть его имени, ехал на машине в Болдер-Сити. На рукаве его рубашки виднелось несколько красных пятнышек. Нет-нет, не горчичный соус и не кактусовый сок. Странная случайность, но такие же пятнышки были и на манжете другой мужской сорочки. Одет в нее был кто-то, находившийся, по всей видимости, под землей. На поверхности торчала только судорожно сжатая кисть, и рядом — смятая колода карт. Явились полицейские и откопали — да-да, того самого дилера с простреленным затылком. Ну, как тебе это нравится?

— Чудесно, Феликс, — Джеймс приступил к уничтожению омара.

— Заметь, — Лейтер запихнул в рот приличный кусок, — парень был не промах. Работал в казино не первый год и наверняка успел нанести на свою карту многие подводные рифы. Однако ему не повезло. Ты плохо знаешь тамошнюю акваторию, так что смотри в оба. Над тобой могут подшутить, если ты где-нибудь ошибешься. Да, кстати, обрати внимание на освещение игорных домов.

Феликс поучительно поднял вверх указательный палец.

— Вполне современная техника, — Джеймс вовсе не собирался отрываться от еды только затем, чтобы обсудить достоинства или недостатки люстр или плафонов.

— Прямо-таки на редкость современная. Какой яркий и в то же время мягкий и рассеянный свет, чтобы не раздражать посетителей. И что уж совсем удивительно — не проникает в соседние холлы. Идиллия. Правда, Джеймс?.. Нет-нет, друг мой. Все не так просто. Каждый стол находится под пристальным наблюдением — все фиксируют телекамеры. Стоит только кому-то позволить себе подозрительный жест, и его начинают рассматривать крупным планом. Таковы правила, и дилеры прекрасно осведомлены о них, а тот бедолага допустил непростительную оплошность — он имел глупость понадеяться, что камеры направлены в другую сторону.

— Досадных промахов не будет, Феликс, — пообещал Бонд. — Я должен наконец добраться до их линии и проследить ее всю. У меня имеются некоторые претензии к мистеру Серафимо Спангу. Скажу тебе больше, мне вообще

не нравится их синдикат. Поганцы, значит, они будут подглядывать в мои карты?

— Ба, да ты никак решил всерьез взяться за них... — начал было Лайтер, но тут же осекся, поняв, что Джеймс и не собирался шутить.

— Я не знаю, в чем дело, но во мне зреет что-то страшное. Против тех ублюдков с чулками на головах, для которых вылить на человека кипящую грязь — пара пустяков, против Писсаро и Бада, Шеди Три и его людей. — Глаза Бонда полыхнули зловещим огнем. — Спасибо за предостережение, Феликс, но я зашел слишком далеко, чтобы останавливаться.

— О'кей. — Лайтер отодвинул от себя пустую тарелку. — Я шепну Эрни пару слов насчет тебя. Думаю, не нужно объяснять, что, если ты засветишься, бесполезно обращаться к английскому консулу. На территории США лишь одна фирма может гарантировать твою безопасность — «Смит и Вессон». Ладно, давай-ка лучше займемся нашими «бурбонами». Обязательно пей его с содовой — довольно крепкий напиток. Да, и после того, как поставишь бокал на стол, попытайся не разбить о него свою физиономию.

— Не нагоняй тоску, — Джеймс был рад отвлечься от своих неприятных мыслей. — Пойми, без толку учить меня американскому образу жизни, а что касается тебя, авантюра с Шай Смайлом прошла на высоте. Прошу лишь об одном — не суйся в пекло в одиночку. Предоставь это мне.

— Если удастся раскопать что-нибудь об их выходах с Шай Смайлом, эх, и загремят же они. Думаю, их арест ускорит твоё возвращение в Англию. Никто и в голову не держит, что сюда впуталась Сикрет Сервис. Под крылышком у М. тебя не разыскать даже мне. Но учти, Джеймс, что я-то останусь здесь и никуда не уеду. Если кто-то вычислит Феликса Лайтера... Даже при условии, что Серафимо прихлопнут, его дружки не дадут мне житья. Совсем невесело, возвратившись домой, обнаружить его в развалинах, и рядышком — труп сестры с простреленной головой. В нашей стране все возможно. О мафиози сейчас пишут в газетах, показывают их по телевидению. Да, теперешние гангстеры оккупируют не ночные бары, а федеральные правительства и муниципалитеты, — Феликс неестественно засмеялся. — Быть может, во имя свободы и своей собственной безопасности тебе придется пролить кровь. Чужую, конечно. Ты ведь готов к этому? Вернее, не ты, а то, что у тебя за пазухой. Все еще «беретта»?

— Да, — просто ответил Джеймс. — Все еще «беретта».

— И, конечно же, на твоём досье в конторе перед порядковым номером стоят два нуля?

— Стоят, Феликс.

— Прекрасно, Джеймс. Так, значит, у тебя в кармане лицензия на убийство?

— Пока, как видишь, не отобрали.

Лайтер поднялся. Лицо его было серьезно, как никогда.

— Иди спать, мой мальчик. Думаю, она тебе скоро понадобится.

15

РЮ ДЕ ЛА ПЭ

Самолет заложил плавный вираж — полет над океаном закончился, и его искрящаяся под лучами солнца поверхность осталась где-то позади. Вскоре должны были показаться Голливуд и Каджен Пасс со своим золотым утесом.

Внизу тянулись бесконечные линии автострад, широкие проспекты, обсаженные пальмами, кое-где виднелись высокие свечки небоскребов.

Этот пейзаж чем-то напоминал Джеймсу картинки из детского лото. Особенно интересно было наблюдать, как возводятся декорации на киностудиях. Прямо под открытым небом рождались миниатюрные домики и грандиозные особняки, по соседству с ними возводился дворец с привидениями, и вокруг всего этого сновали маленькие точки — они-то и были истинной причиной происходивших изменений. Но вершиной творения кинематографического гения оказалась средневековая пиратская шхуна. Неважно, что пока она стояла на земле. Это действительно был настоящий морской корабль со всеми своими причиндалами.

Только что перед глазами Бонда кипела активная жизнь, и вот уже они пролетают над неприступными горными вершинами, гордо вздымающимися неприступной стеной, словно вечное напоминание человеку о том, что не везде он может чувствовать себя хозяином.

Но кончилась и эта полоса, и сквозь облачную дымку Джеймс разглядел пригороды Лос-Анджелеса. Вот и Бастроу, служащий как бы границей между просторами Санта-Фе и плато Колорадо, и где-то там наверняка затаились пустоши Долины смерти, умертвляющие все живое, посмевшее посягнуть на их владения.

И снова потянулись бесконечные горы. Только здесь был более заметен красноватый оттенок скал, столь похо-

жих на клыки огромного монстра, нежившегося на солнышке после вкусного завтрака.

Самолет медленно снижался, и вслед за этим последовало неизменное: «**Всем** пристегнуться страховочными ремнями. Потушить сигареты».

...Покинув прохладный салон самолета, Джеймс окунулся в неимоверную жару. Быстро дойдя до здания аэропорта, он очутился перед абсолютно прозрачными застекленными дверями. Еще шаг вперед — и они плавно открылись. Бонд уже привык к тому, что в Америке чуть ли не каждая дверь управлялась фотоэлементами. Еле слышно гудели кондиционеры, и охлажденный воздух приятно обдувал разгоряченную кожу. Справа от входа толпились люди, и при ближайшем рассмотрении Джеймс обнаружил игральные автоматы. Они представляли собой стеклянные резервуары, заполненные апельсинами, лимонами, грейпфрутами и манго. Кое-где виднелись даже ягодки вишни. Игравший опускал в щель монетку, и все это скопище цитрусовых и прочих начинало прыгать, скакать и кататься. Сфера с плодами, притягивающая столько вожделенных взглядов, вращалась под разными углами. Весь смак заключался в том, чтобы вовремя дернуть рычаг, открывавший небольшое отверстие. Все, что успевало высыпаться, тут же съедалось.

Сыграв три раза — на пять, десять и двадцать пять центов, Бонд стал обладателем грейпфрута и двух вишеноч.

Но, как выяснилось позже, автоматы не были единственной местной достопримечательностью. Неподалеку от них располагалась странная на вид установка. Табличка, прикрепленная к ней, гласила: «Кислородный бар». Ниже было приписано: «Дышите чистым кислородом. Полезно и абсолютно безвредно. Способствует быстрому восстановлению сил. Рекомендуются при переутомлении, вялости, сонливости, излишней нервозности и других тревожных симптомах. Спешите. Вас выручит глоток кислорода».

Опустив в прорезь монетку, Джеймс, как было указано в прилагавшейся инструкции, плотно прижал губы к резиновому мундштуку и нажал кнопку. Целую минуту он медленно вдыхал прохладный воздух, лишенный запахов. Раздавшийся сухой щелчок возвестил о том, что отведенное для «быстрого восстановления сил» время истекло. Бонд пожал плечами. Абсолютно никаких ощущений — только слегка закружилась голова.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Джеймс обернулся и заметил ироничную улыбку на губах высокого мужчины.

небрежно державшего в руках небольшой походный рюкзак. Повернувшись, он неторопливо направился к выходу.

Бонд недовольно покачал головой и, получив багаж, вновь очутился в объятиях раскаленного полудня.

— Вам случайно не в «Тиару»? — рядом стоял коренастый человек с приятными чертами лица.

Его большие карие глаза смотрели прямо и уверенно. От палящего солнца его голову защищала фирменная кепка с длинным козырьком. В уголке рта торчала зубочистка.

— Предположим.

— О'кей. Идите за мной.

Он не выразил ни малейшего желания помочь Джеймсу что-нибудь донести. Остановившись у новенького «порше», его проводник открыл багажник, и Бонд забросил туда свой чемодан. На капоте красовалась обнаженная женская фигурка, у ног которой покоился пушистый енотий хвост. «Недурной талисманчик», — подумал Джеймс.

Расположившись сзади, он оглядывал обгонявшие их машины. Сами они ехали очень медленно по самой правой полосе. Бонд знал, что водитель внимательно изучал его в зеркальце. Джеймс посмотрел на идентификационную карточку. На ней было крупно написано: «Эрнест Курео. Номер 02584». Рядом располагалась фотография все того же человека.

В салоне витал запах застоявшегося табачного дыма. Бонд чуть приоткрыл форточку, но встречный поток воздуха захлопнул ее — они набирали скорость.

— Машина оснащена кондиционером, мистер Бонд, — водитель на мгновение, обернулся. — Сейчас эту пакость быстренько высосет.

— Если не ошибаюсь, вы друг Феликса Лайтера?

— Можете быть в этом уверены. Отличный парень. Он звонил мне и попросил помочь вам. Буду очень рад оказаться вам полезным. Надолго к нам?

— Трудно сказать, Эрни. Думаю, на несколько дней, не больше.

— Понятно, — они резко затормозили на светофоре. — Не считите только, что я набиваюсь в компанию. Просто мы могли бы поработать вместе. Нанять такси на целый день не слишком дорогое удовольствие — всего пятьдесят долларов, но мне тоже надо на что-то жить. На жалованье агента «Недремлющего ока» не слишком-то разбежишься, хотя на жизнь вполне хватает. У меня неплохие отношения с ребятами из всех местных гостиниц. Случается их немного покатасть. Одно удовольствие. Все они страшные болтуны.

Что-нибудь вытягивать из них — пустое дело, зато сами расскажут все, что знают и не знают. А уж придурков из казино я знаю всех наперечет.

— Прекрасно. Можно считать, сделка состоялась.— Бонду все больше и больше нравился этот спокойный общительный парень.

— О'кей.— В голосе водителя прозвучали нотки одобрения.— Вообще-то здесь нехорошее место, мистер Бонд. Порой начинаешь подозревать в дурных намерениях даже вилку, которой ешь. Взять хотя бы вас. Смахиваете на туриста, приехавшего сюда потратить лишние монеты, а заодно и избавиться в этом пекле от хронического насморка. Но как только вы с кем-нибудь заговорите, первоначальное впечатление моментально исчезает. Возникает невольный вопрос: что в Лас-Вегасе может делать на редкость вежливый, по-видимому, весьма образованный и не страдающий никакими недугами человек? В аэропорту все время окололачивается кто-то из них. И пошло-поехало. То-то и так-то — он внушает нам подозрение. Лучше присмотреть за ним... Не заметили, кстати, парня с рюкзаком через плечо? Он стоял в холле.

— Да, я помню его. Только рюкзак он держал в руках.

...Перед глазами Джеймса вновь возник кислородный бар. Вот он, подышав, отошел в сторону, а за спиной — этот парень. Кажется, кислород вдобавок ко всему лишает еще и осторожности...

— Каких картинок он наснимал,— Курео потерял свой довольный вид.— И анфас, и в профиль. Он прошел, никуда не сворачивая, шагов шестьдесят. Да, весьма профессионально. Они теперь завалятся вашими фотографиями.

— Жаль, что он не попросил у меня автограф.

— Да, шестнадцатимиллиметровая камера в рюкзаке. Стоит только расстегнуть молнию и снять спуск, а дальше включается режим автоматической съемки. Вы явно им не понравились, к тому же давненько не смотрелись в зеркало. По-моему, у вас ослабла лямка кобуры — пиджак под левой рукой слишком уж оттопырен. А потом, сразу видно, что вы не из тех, кто любит таскаться с вещами. Однако ваш чемодан весьма внушительных размеров.

— Всего-навсего мой гардероб. И спасибо за предупреждение, Эрни. Я позволил себе непростительную глупость.

Курео промолчал.

«Порше» на полной скорости влетел в ту часть Лас-Вегаса, о которой ходило столько полусказок-полулегенд.

Зона игорных домов. Непонятно, что здесь творилось ночью, но днем это зрелище абсолютно не впечатляло. По сторонам дороги тянулись бесконечные рекламные щитки. Красочно расписывались услуги отелей, мотелей и дешевых ресторанов, баров и бензоколонок. Они миновали спортивный комплекс. В его состав входил небольшой бассейн, представлявший собой маленький павильон с полностью прозрачными стенками. Джеймс успел заметить изящное женское тело, скользившее в вихре пузырьков в зелено-голубой воде.

У бензоколонки Эрни сбросил скорость. Рядом располагался уютный ресторанчик. На огромной вывеске Бонд прочитал:

*«Что за езда на голодный желудок.
Будьте благоразумны и перекусите.
Здесь есть все, что вам нужно.
Кофе и горячие бутерброды.
Гамбургеры и тонизирующие напитки.
Мы ждем вас».*

Тут же стояли несколько автомобилей, и около них сустились официанты в двубортных костюмах и начищенных до блеска ботинках.

Шестиполосная автострада уводила их все глубже и глубже в город. Все вокруг плавилось от жары. Не спасал даже кондиционер. Солнце стояло в зените и палило, как сумасшедшее. Джеймс не позавидовал бы тому, кому пришлось бы сейчас торчать на улице. Ни намек на тень. Мокрая от пота рубашка прилипла к телу, и Бонд мечтал лишь об одном — побыстрее добраться до ванны.

— Этот райончик называют еще Рю де ла Пэ.— Погода несколько не влияла на настроение Эрни.— О, смотрите.

Они проезжали мимо небольшого приземистого отеля, но, несмотря на кажущуюся невзрачность, его стены чем-то притягивали к себе. Выстроенное в новом архитектурном стиле здание казалось образцом совершенства.

— Занятная игрушка,— Джеймс был восхищен.

— Да, это «Фламинго». Его построил Багси Сигель в 1946 году. Он сразу почуял запах долларов, как только попал в Вегас, а постольку-поскольку у него самого тогда были полны карманы, он решил выгодно поместить капитал. Что и говорить, этот парень умел отличить золотую жилу от одиночного выброса.

— Эрни, где это ты набрался таких словечек? Признайся, твой дедушка был первым проходимцем на Клондайке.

Курео весело рассмеялся. Он понял, что официальная часть знакомства окончена и что рядом с ним сидит не только друг Феликса Лайтера, но и его друг тоже.

— И все-таки я прав. Багси видел выгоду на три мили вперед. Жаль, он не продержался здесь и года. В один прекрасный вечер его нашли изрешеченным пулями. Н-да, неприятная история.

— Не стоит расстраиваться, Эрни. Чем больше они друг в друга будут палить, тем меньше нам придется работать.

Они повернули налево.

— А вот это «Десерт Инн» — заведение Уилбора Кларка. Не слышал о таком? По-моему, личность известная даже в Нью-Йорке.

— Боюсь, что нет.

— Странная личность. Монеты текут к нему из Кливленда, а эта контора не приносит никаких доходов. Как-то раз здесь произошел довольно смешной случай. Это казино почистили на пятьдесят тысяч за одну ночь. Над Кларком потешался весь город, а он и ухом не повел. Говорят, после этого его счет в банке почему-то резко подскочил.

— Ничего удивительного. Кстати, далеко еще до «Ти-ары»?

— Уже приехали.

Курео выключил двигатель, и «порше», мягко шурша покрышками, остановился.

Перед Бондом возвышалось ультрасовременное здание в коконе стекла и пластика. Яркие солнечные блики мешали разглядеть гостиницу во всех подробностях, но и без того было ясно, что это творение какого-то архитектурного гения.

— Еще несколько шагов, и твои мучения окончатся. — Эрни улыбнулся. — Думаю, прежде чем что-либо предпринимать, тебе нужно как следует осмотреться. Слышал когда-нибудь об индийских башнях тишины?

— Нет. — Джеймс не спешил вновь отдать себя в объятия неумолимой жары.

— Говорят, туда помещали смертников, и за несколько минут стервятники обглаживали их до костей.

— Интересная подробность.

— В Лас-Вегасе есть свои башни тишины.

— Очень приятно.

— Я знаю только одного человека, который умудрился смыться из Вегаса с сотней тысяч в кармане.

— Ну, и как же ему это удалось?

— Сел в машину и уехал.

— И все?

— И все, если не учитывать одной незначительной детали.

— Какой же?

— Он приехал сюда с полумиллионом.

Швейцар в форме нежно-голубого цвета уже успел вытащить из багажника чемодан Бонда и услужливо распахнуть дверцу машины.

Небрежно бросив на ходу: — Доставьте багаж в мой номер, — Бонд направился к парадному входу.

Перед тем как дверь закрылась за ним, он услышал громкий шепот Эрни, говорившего, по-видимому, со швейцаром.

— Отличный клиент. Нанял меня на целую неделю. Представляешь, отваливает каждый день по пятьдесят монет.

Бонд улыбнулся — Курео прекрасно играл свою роль.

Прохладный гостиничный холл встретил Джеймса жужжанием вентиляторов и гулом кондиционеров, но это несколько не порадовало его. Ему не понравился холодный поцелуй дворца, полновластным хозяином которого был Серафимо Спанг.

16

«ТИАРА»

Джеймс завтракал в гостиничном ресторане «Санбарст Рум», находившемся неподалеку от плавательного бассейна. Несмотря на неимоверную жару, купались немногие. Видимо, как и он сам, они предпочитали прохладную ванну и после нее — уютную постель.

Все шесть этажей «Тиары» имели свои собственные имена. Причем все они были связаны с названиями ювелирных камней. Бонд находился сейчас в царстве Бирюзы. Бархатная голубая драпировка окон прекрасно гармонировала с темно-синей обивкой стульев и диванов. Стены украшала живописная роспись, а с потолка свисала огромная хрустальная люстра. Пол, облицованный белым мрамором, приятно контрастировал с окружающей обстановкой.

Как и обещал Шеди Три, для Джеймса зарезервировали номер. О лучшем невозможно было и мечтать. Замечатель-

ная мягкая мебель, которую так любил Бонд, не была единственным украшением его комнаты, выдержанной в светло-серых тонах. На каждой вещи лежала печать изысканности. Казалось, предметам невозможно было подыскать иное место, где они выглядели бы еще более привлекательными. Даже резной стол, выточенный, похоже, из березы, был не лишен экстравагантности и неповторимости всего интерьера. Над кроватью висело радио, а в дальнем углу на полированной тумбочке стоял телевизор.

Бонд выглянул в окно. Внизу располагалось небольшое патио. Там были расставлены столики и стулья — наверное, для тех, кто любит завтракать в одиночестве.

Уже укладываясь спать, Джеймс обнаружил еще одно немаловажное достоинство своего номера — сюда не проникало абсолютно никаких звуков.

Целых четыре часа магнитофон, замаскированный в ножке журнального столика, фиксировал лишь мерное дыхание спящего человека.

Когда Бонд проснулся, уже доходило семь. Он сразу взялся за телефон. В трубке раздался вежливый женский голос.

— Что вам угодно, мистер?

— Мне бы хотелось поговорить с мисс Тиффани Кейз.

— Очень сожалею, но ее сейчас нет. Что-нибудь передать ей?

— Да, пожалуйста. Скажите, что ее хочет видеть Джеймс Бонд. До свидания, — он поставил телефон на место и, одевшись, вышел из номера.

Полчаса спустя щелкнул дверной замок, и в комнату Бонда вошел человек, одетый как официант. В его руках была объемистая корзина, доверху наполненная свежими фруктами. Записка, припиленная к ручке, гласила: «За отменную работу». Оставив корзину на подоконнике, вошедший, отвинтив два шурупа, извлек из образовавшейся в столике полости магнитофон и, поменяв пленку, установил его на прежнее место.

Джеймс тем временем сидел в баре и, медленно потягивая сухой martini, изучал казино, о котором говорил Шеди.

Оно имело два входа: один — с улицы и второй — со стороны первого этажа и бассейна. Причем ни в один из них невозможно было войти без того, чтобы не купить пару газет или пачку сигарет или не выпить в двух уютных ресторанчиках чего-нибудь крепкого, а заодно и поужинать, а многие не прочь были заглянуть в парикмахерские или,

на худой конец, сделать себе массаж в соседней комнате. Но если кому-то и удавалось избежать всех этих искушений, существует такое заведение, без которого человек никак не может обойтись. Даже направляясь в туалет, он непременно должен был пройти мимо игровых автоматов и карточных столов. Очутившись в круговороте столь разных, но привлекательных звуков, запахов, моментально сменяющих друг друга лиц, любой сдается. Отовсюду слышится мягкий звон опускаемых в прорези монеток и утробное урчание оживших автоматов. Можно пройти мимо крупье, то и дело выкрикивающего: «Господа, не найдется ли еще одного желающего? Только один человек. Неужели вам не хочется сыграть в покер?» Но невозможно отказать прелестной даме и не составить с ней партию. Ну, а увидев бешено вращающееся колесо рулетки и деньги, веером разложенные на зеленом бархатном сукне, нужно иметь поистине каменное сердце, чтобы не предаться общему возбуждению.

Работая в Сервис, Бонд ко многому успел привыкнуть, но был в американской жизни один штрих, который часто заставлял его проникаться не то чтобы неприязнью, а скорее неприятием неписаных законов Соединенных Штатов. Контрасты, всюду контрасты. Вот богатые денди небрежно выкладывают на стол пухлые пачки банкнот, а что делается у них за спиной?

Доходило восемь. Обычно в это время все идут либо к рулетке, либо к карточным столам. Близился момент выемки денег из игровых автоматов. Как и предупреждал Лайтер, занимались этим пожилые женщины. Однако Джеймс не слышал радостного динь-динь-динь-динь. Серебряный дождь, проливавшийся в подставленные ведра, сопровождался звуками, напоминавшими кланание износившихся частей двигательного агрегата старенького грузового катера, который ведут в док на демонтаж.

Вот одна монетка упала на пол, и женщина, неловко согнувшись, полезла за ней под приземистую стальную стойку.

Джеймс никак не мог понять, кто же ими управлял. Вряд ли Серафимо доверял кому-то бесконтрольно иметь дело со своими деньгами. И тут он вспомнил о камерах. Наверняка в первую очередь они наблюдали за автоматами.

Несчастные старушки окончательно теряли голову от блеска золотых украшений посетителей и вида таких банкнот, которых им в руках-то никогда не доводилось держать. Они походили на подопытных собак доктора Павлова:

заслышав звонок, те мчались к обеду, и обильно выделявшаяся слюна клочьями свисала с их полураскрытых пастей.

Бонд вновь занялся своим мартини. В баре играла тихая приятная музыка. Джеймс заметил, что часть первого этажа отведена под маленькие магазинчики. Над витриной одного из них горела яркая неоновая надпись: «Дворец алмазов».

Бонд повернулся к бармену.

— Скажите, мистер Спанг был здесь этой ночью?

— Не видел его сегодня,— ответил тот.— Вообще-то он заглядывает сюда примерно около одиннадцати, да и то не всегда. А вы знакомы с ним?

— Лично — нет.

Джеймс оплатил счет и направился к столам, где шла партия в покер. Да, во вторник вечером и он испытает свои силы.

Средний стол ничем не отличался от всех остальных и так же, как и другие, был обтянут мягким зеленым сукном. Игроки сидели на высоких стульях, обратив свои напряженные лица к дилеру. Им оказался маленький человечек с добродушно-хитроватыми глазами и намечавшимся животиком. Он только что закончил принимать ставки и теперь раздавал карты. Одет он был так же, как и дилеры во всех других казино,— белая рубашка с запонками, тонкий темный галстук и черные брюки. Кроме того, спереди был виден тряпичный фартук. Обычно им пользовались для того, чтобы защитить штаны от вытирания. Из нагрудного кармана его рубашки торчал краешек носового платка.

Играли «по маленькой». Ставки не превышали десяти серебряных долларов.

Пока дилер занимался своей работой, можно было заказать выпивку — официанты с полными подносами спиртного часто проходили рядом.

В центре зала стояли двое высоких парней и непрерывно оглядывали все вокруг. На боку у каждого висела кобура.

Джеймсу стало скучно. Он никогда еще не наблюдал за такой бездарной игрой. Никто не хотел даже чуть-чуть пошевелить мозгами. Одна за другой следовали стандартные комбинации. Так могли играть машины, но не люди.

Сочтя их беспросветными тупицами, Бонд решил заглянуть в курительную. По дороге туда он встретил дружную компанию «шерифов». Коричневые штаны с длинной бахромой, легкие ботинки, приталенные рубашки, латунные звезды на лацканах замшевых накидок — можно было подумать, что эти ребята сошли с экрана какого-то остро-

сюжетного вестерна. Особенно впечатляли их патронташи, тускло отсвечивающие в полумраке коридора хромированными головками пуль. «Кольты», упрятанные в кожаные чехлы, при ходьбе больно колотили своих хозяев по ляжкам.

Джеймс постепенно приходил к выводу, что у Серафимо Спанга наблюдаются некоторые сдвиги в психике, но когда он, зайдя в курительную, прочитал на стене: «Почему ты пришел один? Разве у тебя, кроме сигареты, ничего не поднимается?» — это окончательно убедило его в ярко выраженной шизофрении владельца «Тиары». Бонд усмехнулся. Он представил, насколько содержательными будут его отчеты для М. Как бы он не принял их за веселый розыгрыш.

Поправив у зеркала свой галстук, Бонд направился в комнату, носившую название опаловой. Идеальное обслуживание и шикарная обстановка вполне удовлетворяли его, а что касается того, что хозяин этого великолепного дворца спятил, это в конце концов его проблемы.

Царство опала оказалось ничем иным, как великолепным рестораном. Джеймс еще не успел ничего предпринять, как уже оказался в компании ослепительно красивой женщины. Если ее длинное платье и оставляло хоть какой-то простор для воображения, то почти полностью открытая грудь начисто исключала такую возможность. Отпилотировав Бонда за дальний угловой столик, она быстро сменила цветы в вазе и, одарив Джеймса многообещающей улыбкой, упорхнула.

Через пару минут подошедшая официантка поставила перед Бондом тарелку, на которой были аккуратно разложены несколько маслин и тонко нарезанный сыр в обрамлении сельдерея. Другая девушка положила на стол меню и, многозначительно взглянув на Джеймса, проговорила:

— У нас богатый выбор. Можете не стесняться в своих желаниях.

Бонд на секунду задумался. Меню содержало столько изысканных блюд, что выбрать из них какие-то конкретные яства представляло значительную сложность. В конце концов он остановился на говяжьем филе, вишневом десерте и бокале кьянти. Официантка записала заказ и, предупредив, что вино принесут позже, отправилась на кухню.

Поглощая роскошный ужин, который вскоре был доставлен на его стол вместе с отменным кьянти, Джеймс удивлялся, как в такой обстановке он умудрился сохранить плохое настроение. Явных причин для беспокойства не

наблюдалось, и все-таки Бонду было немного не по себе. Слишком уж быстро он продвигался по «служебной лестнице» у Спангов. Какая глупость — беспокоиться о том, получишь у них постоянную работу или нет. Бонда сильно раздражали условия сделки, по сути дела уже предложенной ему. Да они и не заикались ни о каких условиях. Всего лишь тонко намекнули: парень, если ты подойдешь нам, то в ближайшее время можешь не дрожать за свои финансы. Наверняка и сейчас сидят где-нибудь наверху и крупным планом рассматривают, как он ест и правильно ли держит вилку, обсуждают, насколько квалифицированно он справился с предыдущим и сможет ли осилить более тонкие поручения. Интересно, под каким предлогом они наведут о нем медицинские справки. Не предложат же ему пройти полное обследование, хотя кто знает. Этим придуркам в голову может взбрести любая шальная мысль. Слава богу, не будут спрашивать, храпит он во сне или нет. Поди, уже прослушали магнитофонную запись.

Джеймс поедал мясо с таким видом, будто перед ним в тарелке лежал кусочек вырезки из свежезажаренного мистера Серафимо. Бонд проклинал ту идиотскую роль, которую ему приходилось играть. Может, его еще заставят надеть ковбойскую шляпу, сесть на лошадь и скакать по прериям? Но, как бы там ни было, он должен пройти линию до конца, вернее — до самого начала, находившегося, скорее всего, в приемной Спанга, который со своим братцем, окопавшимся в Лондоне — этим мистическим Эй-Би-Си возомнил, что крупнейшие контрабандные операции, угрожающие интересам могущественнейших стран, могут беспрепятственно осуществляться на их же территории.

Джеймс сделал приличный глоток кьянти. Да, это всего лишь секунда — эмоции на мгновение вышли из-под контроля, но за это мгновение Бонда чуть не стошнило от отвращения. Вдобавок ко всему эти ублюдки считают себя аристократами и ведут «грациозную» жизнь. Надо же, какое дерьмо. Предположим, что с Серафимо он еще не знаком, но этот Эй-Би-Си... Максимум, на что он годится, — так это на уборку улиц.

И, наконец, черт с ними со всеми — и со Спангами, и с их игральными домами, и вообще с этим Лас-Вегасом.

Джеймс закурил и взглянул на часы. Стрелка приближалась к десяти. Он встал и направился к выходу.

Проходя мимо игровых столов, Бонд обернулся. М-да, к сожалению, существуют лишь два способа выиграть в

казино — или быть паинькой, свято надеясь на везение, или... Или рассчитывать на то, что неизбежно должно случиться.

17

ВА-БАНК

Казино полностью преобразилось. После всего увиденного вчера Бонд никак не ожидал таких разительных перемен.

Отсутствие какой бы то ни было суеты и нездорового возбуждения вселяло в душу спокойствие и уверенность.

Оркестр исполнял приятную медленную композицию. Недоставало только танцующих пар. Вместо этого все вели тихую светскую беседу. Дамы понимающе улыбались неловким шуткам кавалеров, и вообще, казалось, все забыли, зачем сюда пришли на самом деле.

За рулеткой и карточными столами царило полнейшее запустение. Но Джеймса больше всего удивило то, как много приятных женских лиц окружало его в этот вечер. Желание поставить деньги на кон выразил пока лишь один человек. Он стоял у стены, крепко вцепившись руками в стул, и то, как его заметно покачивало, выдавало, что этот джентльмен был не совсем трезв.

Отправляясь в казино, Бонд и не подозревал, какой сюрприз ему подготовил Шеди Три, но, подойдя к столу, за которым должен был играть, оценил всю изворотливость его ума. Место вчерашнего толстяка-дилера занимала Тиффани Кейз. Так вот в чем заключалась ее работа в «Тиаре».

Джеймс незаметно оглядел другие столы. За каждым из них роль дилеров исполняли молодые привлекательные женщины, одетые в лучших традициях Дикого Запада — короткие серые юбки из замши с широкими черными поясами, блузки перламутрового цвета, на шее — черные косынки, завязанные узлом, ну и, конечно же, ковбойские шляпы с загнутыми вверх полями, а их стройные ноги были обтянуты кроваво-красными трико.

Тиффани красовалась в таком же наряде, с тем только отличием, что ее шляпа болталась где-то за спиной на длинном черном шнурке.

Джеймс еще раз окинул взглядом комнату и медленно вошел. Итак, девушка, от которой он был без ума, вдобавок ко всему еще снабдит его и наличными. Ну и ну! Такого с ним не случилось даже во Франции. Похоже, играть они

будут только вдвоем. Шеди Три — великий перестраховщик, хочет, наверное, доказать ему, что «фирма гарантирует».

Бонд усмехнулся — не так уж все и плохо, главное — свидетелей не предвидится.

Он взглянул на часы. Десять ноль-пять. Джеймс, не торопясь, подошел к столу и уселся рядом с Тиффани.

— Добрый вечер, — Бонд никогда не забывал о правилах хорошего тона.

Она еле заметно улыбнулась.

— И каковы же сегодня максимальные ставки?

— Тысяча.

Джеймс извлек из кармана десять столдолларовых банкнот и веером разложил их на бархатном зеленом сукне.

Видимо, это произвело некоторое впечатление на парня, стоявшего рядом. Кобура, висевшая сбоку, выдавала, какие обязанности он здесь исполнял.

— Мисс Тиффани, ради бога, извините, — осторожно начал он, — но, быть может, клиент хочет сменить колоду?

Бонд в знак согласия кивнул.

Девушка небрежным жестом отдала охраннику свои карты и взяла новую колоду в запечатанной фабричной упаковке.

Парень с пистолетом отступил на несколько шагов назад и, казалось, потерял всякий интерес к дальнейшим событиям.

Тиффани разорвала обертку и приступила к тасовке. Движения ее пальцев были настолько неуловимы и отточены, что практически невозможно было проследить за перемещением отдельных карт. Закончив, она разделила колоду на две равные части и на мгновение положила их на стол, как бы убеждая партнера в том, что все в порядке и его не надули.

Джеймс смотрел на них лишь какую-то долю секунды, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы определить обман. Из колоды явно исчезли несколько карт, но зато взамен них появились новые.

Для дилера такие выкрутасы, как правило, связаны с большим риском. Если клиент решит повторить тасовку, изъятые карты придется немедленно возвратить на место, что тоже не вполне безопасно, так как партнер неожиданно может потребовать начать раздачу.

Даже для профессионального игрока распознать изощренное жульничество порой составляет значительное затруднение, но Бонд нисколько не гордился своей малень-

кой победой, о которой никто и никогда не узнает. К тому же не вся заслуга принадлежала ему — на помощь Джеймсу вновь пришла фортуна. Карты лежали рубашкой вверх, и это значительно упрощало дело. Несмотря на то что рисунок на обратной стороне верхних карт был вроде бы идентичным, они, несомненно, были взяты из разных колод. Заметить такую мизерную деталь, как различие в фактуре бумаги, мог только профессионал. Часы, проведенные Бондом в технических лабораториях Секрет Сервис, не прошли даром.

Джеймс пожал плечами и любезно попросил повторить тасование. Без тени смущения Тиффани снова проделала ту же операцию. На этот раз он одобрил раздачу и, несколько не удивившись, обнаружил, что им «случайно» выпало разыгрывать одну из самых сложных комбинаций.

Крапленая колода в фабричной упаковке. Ай-ай-ай, какое коварство. Бонд пришел в восторг от своей партнерши — сам он не был способен на подобные фокусы.

Джеймс взглянул в смеющиеся глаза Тиффани. Неужели ей доставляет удовольствие дурачить его?

Интересно, а как себя вести ему? Играть по правилам или находить какие-то свои комбинации?

Сейчас на руках у каждого было по две карты. Валет и десятка давали кое-какие шансы, но Джеймс хотел действовать наверняка. Он отрицательно покачал головой.

Тиффани сбросила короля и взяла следующую карту. Всего лишь шестнадцать очков. Не густо. Бонд предложил вскрыться и выиграть партию по набранным очкам.

В кассе у девушки лежало только несколько серебряных долларов, но охранник моментально принес чек. Тиффани заверила его и щелчком переправила на сторону Джеймса.

Следующую партию Бонд снова отказался разыгрывать прямо — исходные семнадцать очков внушали ему некоторые подозрения. Тиффани имела на руках двенадцать, но, два раза пополнив свои запасы из общей колоды, «пролетела», набрав двадцать четыре, и в кармане у Джеймса прочно обосновался второй чек на тысячу долларов.

Третья партия окончилась на редкость быстро. Бонду сразу приплыло девятнадцать, а девушка, видимо, не удовлетворенная своими картами, взяла еще, но не набрала больше шестнадцати, и к Джеймсу перекочевал очередной чек.

Итак, еще одна партия, и они с Шеди будут в расчете. Неожиданно со стороны бассейна послышался какой-то

шум, двери распахнулись, и в казино ввалилась возбужденная толпа, жаждавшая острых ощущений после бурных возлияний за ужином. Вскоре вокруг их стола образовался кружок любопытных. Бонд взглянул в свои карты. Двадцать очков. Девушка сбросила две десятки. Он улыбнулся приятному разнообразию — действительно, свинство какое-то ни разу не позволить даме выиграть. В глазах Тиффани засквозило нетерпение. Она быстро достала себе и ему по две карты. Джеймсу выпало девятнадцать, а ей шестнадцать. Он снова победил.

На этот раз охранник не стал передавать ему чек через девушку, а протянул его сам, изобразив при этом на лице нечто смахивающее на восхищение, в действительности — больше похожее на насмешливую ухмылку.

— Ну и проходимец, — один из наблюдателей, видимо, очень жаждавший промотать свои деньги, сегодня явно перебрал, и Бонд никак не отреагировал на его слова.

Джеймсу не хотелось уходить, никак не поблагодарив Тиффани.

— Спасибо за компанию. Вы прекрасно играете, — его голос прозвучал неожиданно мягко.

Девушка подняла голову.

— А вы идеальный партнер, мистер Икс...

Остальное он прочитал в ее глазах.

Тиффани вновь вернулась к раздаче карт. Похоже, ей предстояло весь вечер провести за этим столом.

— Я же говорю, жулик... — начал было тот же подвыпивший игрок, но Бонд, вежливо отодвинув его в сторону, направился к бару неподалеку.

На полпути он обернулся. Отсюда стройная фигурка Тиффани казалась такой хрупкой. Сейчас вокруг нее столпилось целое стадо полупьяных «джентльменов», не считая тех, кто участвовал в игре.

Игла глупой ревности больно кольнула Джеймса. «Животные, тупые животные, — думал он, идя к стойке, — и от того, что у них завелись деньги, они не стали несколько привлекательнее». Бонд заказал «бурбон» и, пока бармен трудился над его изготовлением, осведомился:

— Не знаете случайно, откуда сюда поступает виски? Бармен принял обиженный вид.

— Первоклассный товар, сэр, — с Болдер Дама. Не сомневайтесь, вам он придется по душе.

— Что вы, что вы. Я верю вам. — Джеймс отдал ему серебряный доллар. — Сдачи не надо.

Прихватив бутылку с содовой, он отошел в сторонку.

Опустошая бокал маленькими глотками, Бонд припоминал подробности своего последнего разговора с Шеди. Что он тогда сказал ему? Ах, да — не смей больше садиться ни за один игральный стол. Интересно, интересно.

Прикончив «бурбон», Бонд напрямик направился к ближайшей рулетке.

— Сколько по максимуму? — спросил он у пожилого лысеющего мужчины, лениво катавшего пальцем по колесу рулетки шарик из слоновой кости.

— Пять тысяч.

Джеймсу показалось несколько странным, что все предпочитали сегодня бинго и карты. Уж не отважился ли Шеди Три расплатиться с кем-нибудь через рулетку? Что ж, он с удовольствием заменит этого счастливчика.

Бонд достал четыре чека и тысячу наличными и небрежно бросил все это перед крупье, своевременно добавив:

— Ставлю на красное.

Тот, выпрямившись на стуле, воззрился на Джеймса с нескрываемым удивлением, затем быстро вскочил, сложил чеки в аккуратную стопку и передвинул ее своей длинной тростью на красное поле. Пересчитав наличные, крупье, соорудив угодливо-лакейскую физиономию, слащавым голоском спросил:

— Быть может, желаете обменять деньги на чек?

— Не возражаю.

Вскоре пятый чек присоединился ко всем остальным.

Колесо рулетки начало быстро раскручиваться. Краем глаза Бонд заметил, как крупье шарит коленом под столом.

Услышав характерное жужжание шарика о гладкую поверхность колеса, охранник, стоявший до этого рядом с Тиффани, подошел ближе.

Джеймс достал сигарету, закурил и с удовлетворением заметил, что его руки нисколько не дрожат. Ну наконец-то, наконец-то он перехватил инициативу в свои руки. Он уже более не сомневался в правильности своей догадки. Еще мгновение — и шарик остановился около нужной цифры. Бонд отвернулся.

— Выиграл номер тридцать шесть. Красное.

Крупье раздал по несколько серебряных долларов игрокам, повторившим ставку Джеймса, а к нему самому придвинул пухлую пачку чеков.

— Черное, — произнес Бонд, не забыв выдержать интригующую паузу.

Крупье передвинул «кассу» Джеймса на черное поле и приготовился пустить шарик еще раз.

Вокруг уже слышалось оживленное перешептывание, и Джеймс чувствовал на себе восхищенно-завистливые взгляды, но он, кроме как на подошедшего охранника, ни на кого не обращал внимания. Глаза того сузились до маленьких щелочек, а выражение лица не предвещало ничего хорошего. Бонд приветливо помахал ему рукой.

Дз-зинь — шарик вновь пустился в увлекательное путешествие...

— Номер семнадцать. Черное.— Крупье переправил Джеймсу вторую пачку чеков, по толщине несколько не уступавшую первой. По толпе пробежал легкий вздох. К столу, где расположился Бонд, уже невозможно было протиснуться.

Между тем к охраннику успел присоединиться какой-то человек. Его тусклые ничего не выражавшие глаза смотрели на окружающих, словно линзы телекамер, а дымившаяся сигара, торчавшая в зубах, была направлена на Бонда, словно ствол пистолета. Человек этот отличался мощным телосложением, и темно-голубой фрак, прекрасно сидевший на нем, был сшит явно на заказ. Его лицо выражало крайнюю степень недовольства и какое-то обреченное ослиное упрямство. Бледный цвет кожи никак не подходил к его почти квадратному лицу, зато подбородок был далеко выпячен вперед, брови — такие же густые, как и у брата в Лондоне.

«Добро пожаловать, господин Серафимо», — подумал Джеймс, но вслух произнес:

— Повторная ставка.

Вновь раздалось столь приятное для слуха жужжание бегущего шарика.

— Двойной ноль.

Проигрыш несколько не огорчил Бонда. Крупье опять-таки соблюдал «дипломатию».

— Красное,— Джеймс был доволен — вечер не прошел даром. Сейчас он встанет и уйдет, унося в своем кармане двадцать тысяч долларов. Да-да, мистер Серафимо, плакали ваши денежки.

Спанг по-прежнему стоял на том же месте. Он взял себя в руки, казалось, абсолютно безучастно наблюдал за всем происходившим.

Шарик закончил свой утомительный вояж напротив цифры пять.

— Номер пять. Красное.— Крупье в очередной раз отдал Бонду чеки.

— Я ухожу.— Он поднялся.— Спасибо за развлечение. У вас счастливая рука.

Крупье пожал плечами.

— Вам просто повезло сегодня. Вот и все.

Джеймс поднялся и направился к кассе. Предъявляя чеки к оплате, он произнес:

— Пожалуйста, три по пять и пять по одной.

Получив деньги, Бонд неаккуратно смял их и опустил в карман пиджака.

Купив конверт авиапочты, он уселся за письменный стол, располагавшийся неподалеку. Сунув в конверт три банкноты по пять тысяч, он заклеил его и надписал сверху:

«Передать лично в руки коммерческому директору «Универсал экспорт». Риджент-парк. Лондон. N. W. I. Англия».

Наклеив авиамарки почты США, Джеймс опустил свое «послание» в почтовый ящик.

Взглянув на свои часы, Бонд убедился, что уже наступило «завтра». Было несколько минут первого. Он опять вернулся в казино и, пройдя через всю комнату, вышел со стороны бассейна. Ему очень хотелось еще раз взглянуть на Тиффани, но вместо нее за столом сидел кто-то другой.

Бонд чувствовал легкое утомление. Ночной воздух вопреки всем ожиданиям не освежил его.

Вернувшись в номер, он запер за собой дверь на два оборота и набросил цепочку, потом разделся и, сунув «беретту» под подушку, лег в постель и быстро заснул, ощущая под пальцами рифленую рукоятку пистолета.

18

НОЧНАЯ ЗАПАДНЯ

— Я смотрю, ты снова вышел сухим из воды, — Эрни Курео сощурил глаза, защищаясь от яркого света пронесшегося навстречу «мерседеса».

Машина ехала медленно, и Бонд, сидевший вполоборота на переднем сиденье, наслаждался видами ночного Лас-Вегаса. После сногшибательного успеха в казино он постоянно ощущал некоторое беспокойство, но шли дни, и ничего не происходило.

Эрни молодец. Сразу ему поверил и ничего не стал спрашивать. Отличный парень. Что и говорить, неплохо иметь знакомых полицейских.

— Да, не спорю. Мне удалось облапошить их на рулетке, но вряд ли это сильно беспокоит нашего друга. Он не играет по мелкому счету.

— Знаешь, что я тебе скажу? — Курео потянулся. — Контрабанда алмазов — это великий риск плюс азарт. Спангу абсолютно наплевать, получишь ты на тысячу больше или меньше. Вся беда в том, что это может не понравиться тем, кого он прижал, и они сгоряча могут тебя прихлопнуть. Не думаю, что босс из-за таких пустяков станет сердиться. Мало ли что он тебе обещал. Всем дороже собственная безопасность.

— К чему это ты?

— К тому, что он катается на «кадиллаке» с пуленепробиваемыми стеклами. Вообще-то Серафимо малость с прибабахом. Свихнулся на Диком Западе. Купил солидный участок земли рядом с хайвэй-95 и построил там целый городок. Да-да, не смейся. Своя гостиница, салун, обсаженные деревьями домики — всюду чистота и порядок. Есть даже старинная железная дорога. Они называли это местечко Спектрвиллом. Чудесный воздух, ландшафт. А сколько денег вбухали в тоннель?! Представляешь, они проложили дорогу через горы до Райлайта — целых 50 миль. Это туристический центр. Посетители — круглый год. Самое популярное зрелище — заводик по производству бутылок для виски. Одним словом, прекрасное прикрытие. Попав в Спектрвилл, алмазы переправляются в Райлайт, а оттуда — на побережье. Кстати, Серафимо приобрел древний паровозик и выкупил из какого-то музея один из первых пульмановских вагонов, вылизал их — игрушка получилась дай бог. Так вот, теперь он катается на своем экспрессе вместе с друзьями — водит его сам, на нем также возят шампанское и всякие деликатесы. Но я пересказываю все с чужих слов. Сам там никогда не был. Как видишь, Спанг неплохо живет — швыряет деньги черт знает на что. Говорю же, ненормальный.

«Интересно, интересно, — наконец-то Джеймс получил столь необходимую зацепку. — Вот почему не было никаких известий от Серафимо и его людей. Оказывается, в пятницу все они собрались наведаться в Спектрвилл — поразвлечься, а он, как последний идиот, безвылазно сидел в «Тиаре», плохо спал и все время чего-то ждал, не снимая руки с кобуры. Замечательно, 007. Вы полнейший осел. Да, и еще под конец дня умудриться поймать хвост, хотя, кто знает, быть может, за ним уже давно присматривали. Ясно одно: кто-то пытался его вести — секретные ли агенты американской полиции, ребята ли Серафимо. Не исключено и вмешательство ФБР».

Пока что фортуна не изменяла Бонду, но везение, к со-

жалению, не может быть вечным. Не упустил ли он в пятницу что-нибудь важное?

...Итак, в десять часов утра, приняв душ и позавтракав, он решил наведаться в парикмахерскую. Там кроме него оказался всего один клиент, так что нельзя было не обратиться на него внимания. Человек этот был одет в красный костюм противного оттенка. Сидел он спиной к входу, поэтому рассмотреть его лицо не представлялось абсолютно никакой возможности. Вокруг его головы было обмотано влажное полотенце — видимо, волосы готовили к укладке. Правая рука столь странной личности возлежала на подлокотнике кресла, и над ней склонилась прелестная маникюрщица. Ее кукольное личико побледнело от напряжения, а светлая челка, похоже, мешала ей работать, и она то и дело поправляла ее. Более чем короткая юбка открывала взору длинные стройные ноги, и Джеймс уже всерьез начал подумывать о том, не сделать ли маникюр и ему.

Время от времени парикмахер, деликатно извиняясь, отходил и менял полотенца на голове дорогого клиента, который являлся, по-видимому, очень важной фигурой, если даже здесь все ходили по струночке. Другой мастер хлопотал над его носом, по одному выстригивая волосики из ноздрей.

Эта процедура проходила в глубокой тишине, нарушаемой только еле слышным щелканьем ножниц вокруг головы Бонда и легким позвякиванием инструмента в эмалированной ванночке, стоявшей на коленях у маникюрщицы.

Парикмахер поднес к лицу Джеймса карманное зеркальце, чтобы тот смог рассмотреть свой затылок, но осуществить это намерение ему помешал звериный рев, неожиданно раздавшийся сзади. Бонд, не оглядываясь, понял, что произошло. Девушке приходилось ловить двух зайцев одновременно: работать и удерживать равновесие, сидя на низком стуле с грузом на коленях. Видимо, в какой-то момент она немного расслабилась и, сорвавшись, пилочка сделала легкий надрез на коже клиента. Дальнейшие события Джеймс наблюдал в зеркало.

Вскочив, человек в красном содрал со своей головы все полотенца и засунул порезанный палец в рот. Влепив маникюрщице увесистую пощечину так, что она, ударившись о подлокотник кресла, упала, он в неистовстве принялся топтать разлетевшиеся по полу пипочки, миниатюрные ножницы и щипчики. Бонд гадал, вопьются они в подошвы его ботинок или нет, но его ожидания не оправдались. Уто-

лив свой гнев, это животное повернуло к парикмахеру перекошенное злобой лицо.

— Уволь дуру,— и, в очередной раз облизав свой палец, вышел на улицу.

— Да, слушаюсь, мистер Спанг. Вы только не волнуйтесь,— запричитал мастер и, обернувшись к девушке, прошипел такую гадость, что покорило даже Бонда.

Джеймс не мог равнодушно взирать на слезы, катившиеся по щекам этого милого создания. Она всхлипывала и не смела вставить даже слова в лившийся на нее поток оскорблений.

— Заткнись,— Бонд, как всегда, был краток.

Парикмахер уже собрался соответствующе возразить этой реплике, но, заметив странный блеск в глазах своего второго клиента, расплылся в масляной улыбке.

— Конечно, конечно,— он нагнулся и помог маникюрщице собрать сломанные инструменты.

Словно очнувшись, девушка быстро-быстро начала говорить:

— Я не виновата, мистер Лючиан. Он слишком нервный сегодня. У него даже руки дрожат. Никогда не видела его таким возбужденным. Наверное, какие-нибудь неприятности.

Услышав о «каких-то неприятностях» Серафимо Спанга, Джеймс соорудил своему отражению довольную гримасу.

...Размышления Бонда прервал слегка взволнованный голос Эрни.

— Господи, мы, кажется, подцепили хвост... О, даже два. Не оглядывайся, Джеймс. Присмотрись-ка повнимательнее к тому черному «седану», что впереди нас. Да, там двое пассажиров. Мы не отрываемся от них вот уже минут тридцать. Это не случайно. А сзади едет маленький ярко-красный «ягуар» — гоночная модель. Да, точно. По-моему, у них там дополнительное сиденье, так что черт знает, может, их трое, может, двое. Плохо видно, зато я разглядел кое-что другое. У них в руках зачехленные клюшки для гольфа... Я встречался с этими ребятами раньше. За ними давно охотится шериф Детройта. Сам понимаешь, гольф — не их профиль. Не догадываешься, что у них в чехлах?.. Старик, да ты с годами не теряешь сообразительности... Теперь слушай: я попытаюсь обогнать развалину впереди, а ты, Джеймс, поинтересуйся, чем заняты водитель и его спутник. Может, я все-таки ошибся?

Он вырулил в соседний ряд и резко увеличил скорость.

На миг они поравнялись с «седаном», и Бонд заметил, как рука парня в цветастом пиджаке метнулась за пазуху.

— Ты прав, Эрни,— Джеймс на секунду замолчал.— Высади меня где-нибудь поблизости, дружище. Я не хочу, чтобы ты рисковал впусую.

— Ерунда,— казалось, Курео это приключение доставляло настоящее удовольствие.— Думаю, стоит пугнуть их. Если что, ты заплатишь только за повреждения машины. Она не моя — казенная. Идет?

Бонд, откинув крышку своего «дипломата», извлек оттуда тысячедолларовую банкноту и сунул ее в карман полицейского.

— Это окупит любые неприятности с твоим начальством,— и, улыбнувшись, добавил: — спасибо, Эрни. Я твой должник.

Джеймс достал «беретту» и взвесил ее в руке. То, чего он ждал и что предчувствовал, вот-вот должно было совершиться. Ну и пусть. Нет ничего мучительнее тяжелого беспросветного ожидания.

— По-моему, пора,— Курео тронул Бонда за плечо.— Я постараюсь предугадать их выкрутасы на дороге. Не хотят же они в конце концов в кого-нибудь влопаться. Но ты тоже будь начеку.

— Только не забывай, что в наши планы не входит автомобильная катастрофа,— Джеймс снял предохранитель.

Вокруг не было почти никакого транспорта, а впереди тянулась ровная полоса автострады. Вдалеке выступали замысловатые очертания гор, как бы подсвеченные изнутри кровавыми бликами заходящего солнца. Подобным зрелищем можно было любоваться только в сумерки.

Хитрость Эрни, кажется, оправдывала себя. Скорость, не превышавшая 40 миль в час, ввела их преследователей в заблуждение. Они были вполне спокойны — жертва и не подозревала, что рядом бродит хищник.

Курео, выбрав удачный момент, снова вырулил на соседнюю полосу. Теперь «ягуар» и они находились на одной линии. Бонд прекрасно представлял, что должно произойти дальше, но он никак не ожидал, что Эрни настолько искусно выполнит этот маневр.

Тормоз выжат до отказа, и все вокруг заполнил душе-раздирающий визг покрышек. Еще мгновение — и машина вздрогнула от мощного удара в задний капот. Противный скрежет железа смешался с глухим хлопком — лопнуло чье-то лобовое стекло. Не успела смолкнуть вся эта како-

фония, а Курео уже до упора вдавил в пол акселератор. Раздался подозрительный шелест, запахло жженой резиной — колеса вращались как бешеные, но, как ни странно, на одном месте — нечто прочное удерживало разбитые автомобили друг подле друга. Казалось, не осталось ни малейшей надежды вырваться, но жалобный хруст и легкое позвякивание возвестили о том, что ждать осталось совсем недолго. Сбросив на долю секунды газ, Эрни выжал из мотора полную мощность, и, оставив в обломках «ягуара» половину заднего бампера, их машина рванула вперед.

— По-моему, мы немного подняли им настроение, — Эрни не отрывал глаз от дороги. — Как они себя чувствуют?

— Пустяки, легкие повреждения, — Бонд отстегнул ремни безопасности. — Разбит радиатор, с передними крыльями тоже не все в порядке, куда-то делось лобовое стекло. Подожди, подожди, помню, что у них был фартук. Где же он? А, вон что-то лежит на асфальте. Черт, в нем застрял кусок нашего бампера. Кстати, где это ты научился таким штучкам?

— Не отвлекайся, Джеймс. Наша прогулка еще не кончилась. Присмотри за «седаном». Похоже, они надумали развернуться. Да, кстати, если тебе не лень, можешь немного пострелять.

Курео низко пригнулся, и Бонд понял, что шутить больше не стоит. Когда они пронеслись мимо «седана», в левом боковом стекле появились две маленькие дырочки. Резко вильнув вправо, Эрни сумел-таки вырваться вперед.

Джеймс перебрался назад и ударом рукоятки «беретты» выбил заднее стекло, обеспечив себе прекрасный обзор. Преследователи не отставали. Яркий свет их фар освещал покореженный багажник машины Курео.

— Держи их на мушке, — прокричал Эрни. — Я чуть-чуть поупражняюсь в фигурном вождении. Стреляй, как только остановимся.

Вновь раздался ласкающий слух визг покрышек, и, встав на два колеса, их «порше» развернулся поперек дороги и, вновь приняв нормальное положение, замер.

Рывком распахнув дверцу, Бонд выскочил. Водитель «седана», почуяв неладное, попытался обойти их справа, но скорость была слишком велика.

Бах.

«Беретта» вздрогнула в руках Джеймса.

Бах. Бах. Бах.

«Седан» уже не ехал прямо. Потеряв управление, он три раза перевернулся и, чудом встав на колеса, перелетел через

бордюр и ткнулся радиатором в фонарный столб. Бонд увидел языки пламени, вырвавшиеся наружу. За приборным щитком поднялась чья-то голова. Джеймс растянулся на асфальте и вновь приготовился открыть огонь, но этого не потребовалось. Глухо рванул бензобак, и то, что минуту назад было машиной, превратилось в груды истерзанного металла.

Бонд стряхнул с брюк пыль и засунул пистолет в кобуру. «Порше» стоял на том же месте. Где же Эрни? Неужели он тоже успел выйти? Бонд заглянул внутрь. Курео, неловко согнувшись, лежал в луже крови на маленьком пятачке под рулевой баранкой. Его сиденье было забрызгано чем-то красным. И тут Джеймс вспомнил, что, когда они разворачивались и тормозили, он на мгновение потерял опору и его нога наткнулась на что-то мягкое, а потом он выскочил наружу.

— Эрни! — Бонд приподнял друга и похлопал его ладонью по щеке.

Тот открыл глаза и прошептал:

— А-а, значит, мы все-таки выиграли.

— Конечно, старина.— Джеймс поудобнее усадил его.

— Надо быстрее мотать отсюда... И еще, за нами обязательно увяжется «ягуар». Мы уделили ему мало внимания — эта модель на редкость живуча.

— О'кей.— Бонд занял место водителя и мягко тронулся.

Шум от взрыва и пожара — не лучшая маскировка. Вокруг уже сновали люди, но зрелище догоравшего «седана», похоже, лишило их способности действовать.

— Главное — не останавливайся,— Курео постепенно приходил в себя, но время от времени на его лицо набегала сумрачная тень — поврежденная рука давала себя знать.— Я должен был высадить тебя на Болдердамской дороге. Давай туда. Кстати, в зеркальце ничего не видно?

— Ты прямо пророк. За нами плюхает какая-то тачка. Смахивает на спортивную. Может, и «ягуар». Но еще далеко.

Джеймс пролетел перекресток на желтый свет.

— Отлично, должны успеть,— Эрни вытер потный лоб рукавом пиджака.— Если мы не спрячемся, они догонят нас. Тебе не знакомо такое заведение «Пашшен пит» на 95-й стрит? Хотя ладно, сам покажу... Медленнее, медленнее. Так, теперь направо. Видишь ту рекламу? Чеши туда... Умница, Джеймс. Теперь припаркуйся между теми двумя колымагами... Отлично...

«Порше» слился с длинной темной вереницей других автомобилей. Двигатель смолк. Бонд вышел. Прямо над ним возвышался гигантский рекламный стенд — огромный парень в обнимку с высоченной девицей. Заведение напротив походило на приличный ночной клуб. Не заметив признаков погони, Джеймс вернулся к машине. Около нее стояла симпатичная молодая девушка. На ее плече висела объемистая сумка.

— Привет,— за минувший день он разучился удивляться.

— Здравствуйте,— она приветливо улыбнулась,— я здесь работаю.

— Очень рад.— Бонду вдруг все стало абсолютно безразлично. Плевать на всех. Он только что отправил двух человек на тот свет, и еще неизвестно, что ждет его в будущем.

— Не хотите кока-колы или шоколада? Может быть, сигарет?

— Спасибо, ничего не нужно.— Джеймс протянул ей деньги.

— Тогда возьмите вот это.— Она достала из сумки небольшой приемничек.— Может, он вас немного развеселит?

— Разве я такой грустный, что меня хочется развеселить?

Она пожала плечами.

— Нет, просто вы чем-то очень озабочены.

— Да, возможно,— он виновато развел руками.— Извините, но у меня ничего нет, кроме денег.

— Вы и так были достаточно щедры. Если будете здесь еще, обязательно заходите. У нас прекрасный бар.

Бонд проводил ее глазами и сел за руль.

— Уже успел снять по мне траур? — Эрни был бледнее обычного.

— Не волнуйся, дружище. Все в полном порядке. Я слышал, ваши костоломы в два счета сращивают переломы.

— С детства не любил больницы.

— Не дрейфь, Эрни. За тобой будет ухаживать молоденькая сиделка.— Бонд крутил ручки настройки приемника. Из динамика неслись страшные хрипы и шипение. Поймав какую-то станцию, Джеймс, наконец, успокоился и, выключив транзистор, сунул его в бардачок.

Было по-прежнему тихо, но Бонду определенно что-то не нравилось. Сзади все тонуло в крошечной мгле, а стоявшие рядом автомобили не представляли никакой опасности. Правда, в одном из них однажды мелькнул зеленоватый

отсвет, но Джеймс вовремя понял, что это донышко бутылки — кто-то пополнял запасы спирта в организме. За спиной заворочался Курео.

Бонд глубоко вздохнул и закашлялся — откуда-то потянуло запахом дешевого лосьона, и тут же из темноты материализовалась призрачная фигура с пистолетом в руках.

— Мы не опоздали?

Джеймс глянул в одутловатое лицо человека, столь эффектно появившегося перед ним. Тот растянул губы в наглой улыбке, но глаза его оставались холодными и злыми.

— Что же ты молчишь? — Он сделал шаг назад. — Выходи, и без вывертов, иначе будешь молиться за упокой своего дружка.

Бонд обернулся. Черный цилиндр глушителя упирался Курео в висок.

— Конечная станция, Эрни, — Джеймс похлопал его по колену. — Один все-таки лучше, чем двое. Я пойду провожу этих ребят. Думаю, что быстро управлюсь, а когда вернусь, поедем к врачу. Береги себя. Прикрой форточку, а то простудишься.

— Повеселись напоследок, — процедил гангстер. — Быстро наружу.

Бонд поднялся и встал рядом с машиной.

— Извини, Джеймс. Я знаю, что помешал тебе. Не...

Пуф-ф. Никакого выстрела — всего лишь сухой щелчок. Пуля пробила голову Эрни за ухом, и он мешком повалился на заднее сиденье.

Волна ярости медленно поднималась изнутри. Еще секунда, и она полностью захлестнет его и он, безоружный, бросится на них, словно загнанный в угол зверь. Нет. Нет, 007. Остановись! Они боятся тебя. Видишь, как дрожат от страха их руки? Они убили Эрни, чтобы вселить в тебя ужас. Стой. Не двигайся. Замри. И ты победишь их. А сейчас ты не волен распоряжаться собой. Нужно выжить — это главное, а потом они ответят за все. Он принесет их в жертву на алтарь правосудия или сам покарает виновных, если не найдет другого выхода.

В какое-то мгновение мышцы Бонда напряглись до боли, и вдруг все вернулось на свои места.

Ах, как бы они хотели убить и его. Он видел их бесцветные трусливые глаза — глаза ночных шакалов. Нет, он не даст им повода.

— Иди к входу в эту забегаловку. И запомни, дергаться — не в твоих интересах.

Оба спрятали оружие, но держали руки в карманах. Джеймс неторопливо повернулся и нарочито медленно зашагал в указанном направлении.

Гангстеры держались чуть поодаль. Взошла луна, и ее мягкий свет посеребрил одежду Бонда. Он горько усмехнулся и пошел быстрее, стараясь догнать свою собственную тень.

19

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СПЕКТРЕВИЛЛ»

Спортивный красный «ягуар» притаился в тени у самого входа в ночной клуб.

Джеймс отдал должное своим преследователям — он совсем не ожидал удара с этой стороны.

Позволив себя обезоружить, Бонд уселся впереди — рядом с водителем.

— Без глупостей, иначе в твоей башке появится не одна дырка, — второй гангстер устроился на заднем сиденье.

— А не тесновато ли вдвоем в двухместной машине? — осведомился Джеймс. — По правде говоря, я чувствую некоторые неудобства.

— Если ты сейчас же не заткнешься, то продолжишь путь в бессознательном состоянии.

— Понятно. Последний вопрос...

— Ну?

— Куда мы едем?

— А вот это ты увидишь попозднее.

Водитель пытался завести мотор, но сделать это ему удалось лишь тогда, когда он вручную выкатил «ягуар» на дорогу и пустил его под горку. В салоне сразу же стало прохладнее.

Джеймс заметил, что с машиной произошли довольно странные изменения с тех пор, как он видел ее в последний раз. Напрасно он надеялся, что радиатор разбит и полностью вышел из строя. Пострадала лишь защитная решетка, кусок которой теперь болтался между покореженными крыльями, словно морской вымпел на ветру. Удивительно, но лобовое стекло тоже стояло на месте. Похоже, его спасло слабое уплотнение.

Да, резиновый жгут не меняли, наверное, лет пять, и за это время он успел утратить свою эластичность. Вот почему вместо того, чтобы разбиться от удара головы одного из пассажиров или сразу обоих, стекло выпало на капот и ос-

талось цело. Хотя даже в этом случае, десять шансов против одного, оно должно было превратиться в мелкую крошку.

Что ж, на этот раз фортуна благоволила к чужим. Ничего, всему свой черед.

Джеймс уже не восхищали красочные зрелища ночью Лас-Вегаса, хотя сейчас они ехали погруженные в море разноцветных огней, а впереди по-прежнему виднелись причудливые очертания гор в призрачной серебряной дымке.

Бонд прикрыл глаза, защищая их от мелких песчинок, то и дело влетающих в отверстие, где по идее должна была находиться форточка.

Итак, каковы же его возможности?

Эти парни, вне всяких сомнений, посланы Спангом. Ясно, что Серафимо сделал ответный ход. Весь вопрос в том, расценивает ли он его поведение в казино как вызов их синдикату? Маловероятно, иначе зачем посылать за ним четверых? Для того чтобы пристрелить человека, вполне хватит одного, в крайнем случае двух исполнителей. Интересно, что же тогда от него хотят?

Они резко свернули у дорожного знака с отметкой «95». Джеймс на мгновение приоткрыл глаза, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы определить конечную цель их пути — Спектрвилл.

Столбики с отметками миль замелькали слишком уж часто. Бонд взглянул на спидометр. Стрелка прочно удерживалась у восьмидесятимильной черты.

Джеймс без всякого удовлетворения обнаружил, что не знает ответов на многие важные вопросы. Правда, он не сжег за собою мосты и надежда выкрутиться при удачном стечении обстоятельств не покидала его. Элементарным аргументом против любых обвинений могло послужить даже то, что он неправильно понял инструкции, переданные по телефону Шеди. В конце концов на рулетке он рисковал своими деньгами и в случае проигрыша не предъявил бы никаких претензий. А потом, пусть объяснят, какого черта за ним гонялись по дороге на машинах, хотя без труда могли найти его в гостинице? Извините, но близкое соседство четверых вооруженных людей вызовет подозрение даже у ребенка. Он и в мыслях не держал ничего плохого — хотел только избавиться от хвоста. Кто же виноват в том, что ребята в «седане» заволновались и начали палить из пистолетов? Они не оставили ему никакой лазейки, кроме одной — снести им головы.

Да, он испугался и принял их за представителей конкурирующего клана... Джеймс уже слышал свой возмущенный голос, споривший с Серафимо. Итак, интонация отработана. Осталось только проиграть наиболее вероятные ситуации.

По крайней мере он показал Спангу, что может подыскать себе работу не только в его конторе.

Пока Бонд не строил никаких предположений, насколько он приблизился к своей главной цели, удастся ли ему заманить Серафимо в Англию или же придется обезвреживать его на территории Соединенных Штатов. Естественно, Джеймс не вполне одобрительно относился ко второму варианту.

Все зависело от того, как поведет себя Серафимо. Пока он командировал Бонда в свой «центральный штаб», не подозревая, что тем самым поджигает фитиль к взрывчатке, уже подложенной под самые основы его благополучия.

Бонд не испытывал ни малейшего страха. Гибель Эрни стерла те неуловимые границы между жизнью и смертью, хрупкость и ненадежность которых так пугали всех. Курео успел стать частью жизни Джеймса, и, стреляя в него, стреляли и в Бонда. За все нужно платить, и так получилось, что за его спокойствие кто-то заплатил вечным покоем Эрни. Бонда не будоражили никакие чувства, но он знал, что где-то глубоко внутри копится неприятный горький осадок, который станет вскоре его вечным спутником, и еще одно лицо пополнит богатые архивы его памяти — лицо человека с большими карими глазами и такой доброй улыбкой.

...Бонд все еще мысленно репетировал диалоги с Серафимо, когда «ягуар» заметно снизил скорость. Два часа езды в качестве пленника несколько не утомили Джеймса. Он был готов к предстоявшей встрече с Серафимо.

Впереди высилась внушительная бетонная ограда, уходившая в стороны, насколько хватало глаз. Водитель вырулил к массивным стальным воротам, путь к которым преграждала металлическая решетка, и остановился.

Ночь выдалась удивительно ясная, и подсвеченная прожекторами надпись слишком ярко выделялась на угрюмом сером фоне стен.

«СПЕКТРЕВИЛ. ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ. ВХОД ВОСПРЕЩЕН»

Посигналив, водитель вышел.

Ожил динамик, закрепленный, похоже, где-то наверху.

— Да? — голос прерывался хрипением и потрескиванием.

«Замечательная аппаратура», — подумал Бонд.

— Фриссо и Макгонгл.

— О'кей.

Динамик умолк.

Через некоторое время решетка с легким скрипом утянулась куда-то вбок и ворота медленно раскрыли свои створки. «Ягуар» с надсадным воем въехал на территорию Спектрвилла — и все-таки с двигателем было не все в порядке. Обернувшись, Джеймс успел заметить ворота, закрывавшиеся за ним с поразительной быстротой, и еще одну незначительную деталь, которая немного подняла его настроение. Заляпанное грязью и кровью лицо Макгонгла и его сильно распухший нос без слов говорили о том, что совсем недавно с ним произошла какая-то неприятность.

Около мили они тряслись по ухабистой, плохой накатанной дороге. Фары выхватывали из темноты кактусы, застывшие в странных неестественных позах. Скорее всего местная «автострада» проходила сквозь кактусовый лес. Впереди угадывались невысокие холмы, и по тому, насколько хорошо было видно их низменную часть, можно было догадаться, что она освещалась не только луной.

Очутившись ближе, Бонд рассмотрел группу приземистых домиков. Их число не превышало двадцати — двадцати пяти. Слева тускло поблескивало железнодорожное полотно, убегавшее далеко за горизонт.

Они проезжали мимо серых невзрачных зданий. Перед Джеймсом, сменяя друг друга, мелькали вывески: «Аптека», «Парикмахерская», «Банк свободных фермеров»... О, а вот и салун — чудесная двухэтажная забегаловка. В окнах горел свет, и Бонд услышал обрывок типично ковбойской песни «Я удивлюсь, если еще хоть кто-нибудь ее поцелует...» У входа стоял автомобиль непонятной марки выпуска приблизительно 1920 года. Сбоку притулился маленький магазинчик — «Пиво и вина». Такое соседство наверняка привело бы в восторг Феликса Лайтера.

«Ягуар» развернулся и затормозил.

— Выметайся. — Водитель распахнул дверцу.

Джеймс вышел из машины. Вслед за ним, кряхтя, вылез Макгонгл. Бонд нагнулся и принялся усиленно массировать затекшую ногу, не выпуская при этом из вида свой конвой.

— Ой-ой-ой, не вызвать ли деточке врача? — Фриссо ткнул ствол пистолета между лопатками Джеймса.

До самых дверей Бонд заметно прихрамывал.

— Добро пожаловать в Спектревилл, — Макгонгл сделал рукой пригласительный жест. Его губы растянулись в ехидной улыбке, и ничего бы не произошло, если бы в этот момент он не опустил оружие, понадеявшись на напарника.

Как бы оступившись, Бонд с легким вскриком припал на левую ногу. «Колыт» Фриссо плавно повернулся влево, но человек, на которого он был направлен, исчез. Дала себя знать школа, пройденная Джеймсом в Японии. Со скоростью пушечного ядра он врезался в Макгонгла. Тот, наполовину оглушенный ударом о землю, все-таки попытался встать, но на помощь ему вовремя пришел Бонд. Приподняв гангстера, он швырнул его на Фриссо. Тот за это время только-только успел повернуть пистолет на девяносто градусов, и, надо же, какая неудача, так и не смог выстрелить, приняв на себя восемьдесят килограммов живой массы.

Но Макгонгл вовсе не был слабаком. Подхватив выпавшее из рук оружие, он сам бросился на Джеймса, но его бравая атака захлебнулась в самом ее начале. Он никак не мог привыкнуть к невероятно быстрым перемещениям своего противника, а когда нога Бонда соприкоснулась с его подбородком, было уже слишком поздно. Не издав ни единого звука, гангстер рухнул на деревянный тротуар. Его «смит-вессон» с глухим стуком упал рядом. Джеймс растянулся на земле и схватил оружие. Где-то совсем близко раздался глухой хлопок, и пуля чиркнула его по уху. Бонд выбрал прекрасную позицию. Лежавший рядом Макгонгл служил надежным прикрытием. Джеймс перекатился вправо и два раза выстрелил.

Ду-дут, ду-дут. Веские фразы, сказанные «смит-вессоном», похоже, дошли до своей аудитории. Фриссо лежал, не подавая признаков жизни, уткнув голову в полусогнутый локоть. Бонд глянул на шлепнувшиеся рядом гильзы от патронов 44-го калибра и прикинул, отверстие какого диаметра оставили пули в теле второго гангстера.

Из размышлений его вывел мощный удар, обрушившийся откуда-то сбоку, и еще через мгновение Джеймс увидел злобную физиономию Макгонгла. Он поразился его живучести. Видимо, такой здоровый парень требовал к себе особого подхода. Вскоре Бонд понял, что допустил непростительную оплошность, позволив пистолету выпасть из своих рук. Дело осложнялось еще и тем, что противник, похоже, разгадал его тактику боя на дальних дистанциях и старался сократить расстояние до минимума. В конце концов ему это удалось. Схватив Джеймса за отвороты пиджака, он попытался выйти на переднюю подножку, но резкий удар

в солнечное сплетение почему-то изменил его намерения. Обезумев от ярости, Макгонгл ринулся на Бонда, словно раненый бык на матадора. Джеймс, избегая столь нежелательного столкновения, метнулся в салун. Бар был абсолютно пуст, а песню, услышанную им ранее, играла механическая пианола.

Почувствовав на своем горле железные пальцы, Бонд саданул противника ребром ладони по печени. Гангстер тихо охнул и ослабил схватку. Джеймс почти вырвался, но Макгонгл умудрился захватить его за шею сзади.

Со стороны эта сцена мало напоминала благородную схватку двух античных богатырей. Перекошенные от ярости и напряжения лица, одежда, успевшая неоднократно потерять свой привлекательный вид,— все это было больше похоже на схватку двух взбесившихся волков, не поделивших кусок мяса.

Гангстер, словно поршнем, помогал своей руке правой ногой, все крепче и крепче сдавливая горло Бонда, но тот приберег напоследок свой коронный прием. Сделав обманное движение плечами, Джеймс перенес всю тяжесть тела на левую ногу. Макгонгл вынужден был изменить свое положение, освободив тем самым правую руку Бонда. Джеймс ударил противника растопыренными пальцами в пах. Свои излюбленные приемы он отрабатывал месяцами, а этот взял на вооружение в Турции несколько лет назад.

Казалось, человек не был способен издать такой крик. Звук, исторгнутый глоткой Макгонгла, без труда можно было принять за рев гибнущего мамонта, но Бонд еще не забыл, что этот человек после дугового удара в челюсть поднялся и продолжил бой. Похоже, именно это он собирался сделать и сейчас.

Вот пришли в движение его руки, вот он уже встал на колени. В глазах Макгонгла светилась бешеная злоба. Она и была причиной его исключительной выносливости.

Должно быть, гангстеру показалось, что его бросок вперед был молниеносным и неожиданным, но движения уже утратили свою прежнюю гибкость и скорость.

Бонд встретил его прямым ударом в переносицу. Что-то хрустнуло, и из обеих ноздрей Макгонгла брызнула кровь, но он еще не был полностью выведен из строя.

«По прочности парень несколько не уступает своему «ягуару»,— подумал Джеймс, уклоняясь от кулака противника.

Мощный апперкот решил проблему, с которой не мог справиться даже дуговой удар. Гангстера приподняло на

несколько сантиметров над полом, и он совершил свой второй полет за день, который завершился далеко не так благополучно, как первый.

Встретившаяся на пути Макгонгла пианола помешала ему удачно приземлиться. От удара его головы передняя крышка инструмента раскололась пополам, обнажив миниатюрные молоточки, бьющие по струнам. В следующую секунду пианола опрокинулась, оставив висеть в воздухе мажорный аккорд так и не оконченной песни.

Бонд шумно вздохнул и потрогал свой лоб. Убедившись, что шишек и синяков там не предвидится, он занялся ушибленным локтем. Рука заметно распухла, и это Джеймса вовсе не радовало.

— Нокаут.

Джеймс узнал бы этот голос из тысячи. Он принадлежал Тиффани Кейз.

Бонд резко обернулся.

За его спиной стояли четыре человека. Джеймс улыбнулся, почувствовав весь комизм ситуации. Агент английской разведки сражается с ковбоями. Дай журналистам такую тему для развлечения, так они месяц будут кипятком писать.

Джеймс взглянул на бар. Старинные неуклюжие бутылки с непривычно большими наклейками, массивная стойка, обитая медью, — все, это, наверное, было дорого, ну, к примеру, предкам Феликса Лайтера, а для него самого сгодились бы разве только в роли декорации для собственной виллы, да и то вряд ли. Феликс — неженка и обожает удобства.

Бонд внимательно рассматривал вошедших людей.

Впереди всех, словно статуя, стоял Спанг. Видимо, Серафимо считал, что его нелепые позы производят на окружающих неизгладимое впечатление, поэтому даже в одежде смахивал на безжизненный манекен. Его богатый наряд подчеркивал, что он, несомненно, самый влиятельный и уважаемый человек Спектрвилла. Бонду стало смешно при мысли, что, быть может, местный губернатор ждет, чтобы перед ним расшаркались, а потом учтиво поклонились.

Обшлага роскошного костюма Серафимо были сплошь вышиты серебром, а его руки небрежно лежали на рукоятках длинноствольных пистолетов, покоившихся в добротных кожаных чехлах на длинных ремнях, свисавших с пояса. Вопреки ожиданиям Спанг вовсе не выглядел смешным. Его глаза обдавали ледяным холодом и каким-то странным безразличием.

Справа от него стояла Тиффани Кейз. Воздушное старомодное платье шло ей ничуть не меньше, чем прошлый ковбойский наряд, в котором она чем-то напоминала героиню нашумевшего вестерна «Анни, дай-ка взглянуть на твой пистолет». Девушка смотрела на Джеймса с нескрываемым восхищением, а ее глубокое дыхание можно было объяснить и весьма пикантными причинами.

Двое других тоже были знакомы Джеймсу. Уинт и Кидд. Все-таки они удрали от полиции. В руках у обоих были пистолеты 38-го калибра, а на головах — излюбленные шелковые чулки.

Вдоволь насладившись этим зрелищем, Бонд достал из кармана носовой платок и промокнул взмокший лоб. Все происходило в гробовом молчании.

Первым нарушил тишину Серафимо.

— Проводите его, куда следует. — Говорил он довольно быстро, что было весьма удивительно при наличии такой тяжелой и неповоротливой на вид челюсти. — Да, и передайте детройтским парням, чтобы они как следует организовали встречу, а здесь пусть кто-нибудь приберется.

Развернувшись и звякнув серебряными шпорами своих сапог для верховой езды, Спанг вышел.

Перед тем как последовать за ним, Тиффани выразительно посмотрела на Бонда, и он прочел в ее взгляде нечто большее, чем просто предупреждение об опасности.

— Ты все слышал? — Уинт указал пистолетом на дверь.

Джеймс направился вслед за девушкой. Замыкали кавалькаду вооруженные гангстеры. Оказывается, не все помещение было отведено под салун. Соседняя с баром комната выходила окнами прямо на железнодорожное полотно. На стенах были наклеены пожелтевшие от времени расписания поездов, которые здесь никогда не ходили, и на каждом шагу встречались маленькие плакатики с предупреждениями: «Не плевать и не бросать окурки».

Да, декорации были сделаны на совесть. Если сюда ввести кого-нибудь с завязанными глазами, то несчастный мог бы подумать, что машина времени все-таки кем-то изобретена.

— Направо, — предупредил Уинт.

Свернув в указанном направлении, Джеймс очутился на миниатюрной деревянной платформе.

— Стой.

Хотя никто и не пытался близко подойти к Бонду, он прекрасно понимал, что на этот раз его охранники настояще. Между тем к платформе, обиженно пыхтя и поскри-

пывая, подползал маленький паровозик. Срок изготовления его паровой машины Джеймс датировал 1870 годом. Он видел подобный образец только в Лондонском историческом музее. Однако нельзя было сказать, что это древнее создание находится не в рабочем состоянии. Напротив, экспресс Спанга смотрелся нисколько не хуже многих современных поездов. Полированные латунные детали по блеску могли соперничать даже с хромированной защитной решеткой. Пар, с легким шипением выходящий из компрессорных баллонов, окутывал паровозик белой невесомой пеленой, но Джеймс успел рассмотреть надпись, выбитую на нелепо больших ведущих колесах с золотистыми ободками, — «Суперэкспресс». Это слово многократно дублировалось на стенах поезда. Кубик кабинки машиниста нелепо выдавался в сторону и вверх относительно сигарообразного корпуса паровоза. У самого окна болтался доблеска начищенный колокол — наподобие судовой рынды. Длинная узкая труба почти не дымила — ей еще предстояло продемонстрировать себя на ходу.

Вслед за паровозиком тянулась запыленная платформа тендера, разделенная на две части. В одной из них лежал уголь, в другой — сухие березовые дрова.

А пульмановский вагончик — так тот вообще был выше всяких похвал. Резные арочные окна на кремовом фоне, облицовка из красного дерева и прочие аксессуары безбедной жизни наводили на подозрение, что внутренняя отделка ничем не хуже внешней. Под самой крышей золотым на голубом было выведено: «Красавица Сьерры».

— Ну как, нравится? — осведомился Уинт. Его прямо-таки распирало от гордости. — Бьюсь об заклад, такого ты еще не видел.

Эластичный чулок заметно приглушал голос гангстера.

Джеймс шагнул в тамбур. Первое, на что он обратил внимание, так это на никелированное колесо аварийного тормоза, являвшееся, похоже, самым варварским предметом окружавшей его обстановки.

В первый момент Бонд даже не понял, что все-таки вошел в вагон. Нет, это был не поезд, а самый настоящий дворец на колесах.

Вместо привычной фанерной или пластиковой обивки красовались полированные плиты розового дерева. Приглушенный свет миниатюрных хрустальных плафонов отражался от серебряной отделки мебели и позолоченной панели изумительной настольной лампы. Чешские и китайские вазы из цветного стекла необычайно разнообразили

и обогащали и без того великолепный интерьер. На полу лежали мягкие турецкие ковры с длинным ворсом, а окна были забраны бордовыми бархатными портьерами, придававшими комнате некоторый оттенок изысканности, а между ними располагались неповторимые шедевры кисти известнейших мастеров Венеции. На картинах были преимущественно изображены интереснейшие виды Италии, правда, несколько композиций посвящались религиозным темам. Именно они и вносили ту долю торжественности и, быть может, излишней чопорности, которые свойственны всем светским салонам без исключения.

Посреди гостиной стоял небольшой столик, накрытый на двоих. В его центре красовалась огромная плетеная корзина с фруктами, а рядом — откупоренная бутылка шампанского в серебряном ведерке со льдом.

Пройдя комнату и выйдя в узенький коридор, Бонд заметил три двери, располагавшиеся одна рядом с другой, — вероятно, входы в спальни и туалет.

Но Уинт указал Джеймсу на четвертую дверь, которую он сначала не заметил, поскольку ее скрывала портьера. Бонд вошел и обнаружил, что попал не иначе, как в рабочий кабинет Спанга.

Сам он стоял, опершись рукой о верхнюю часть камина. Сбоку Джеймс увидел стенной шкаф, полностью заполненный книгами в дорогих кожаных переплетах. На корешках поблескивало золотое тиснение.

Справа от входа в глубоком мягком кресле сидела Тиффани Кейз. Сигарета в ее руке чуть подрагивала, и пепел падал на пол.

Сделав несколько шагов вперед, Бонд устроился на великолепной софе как раз напротив Тиффани. Как он и предполагал, гангстеры чувствовали себя не совсем ловко в такой обстановке с пистолетами в руках. Глянув на Серафимо, оба, немного помявшись, спрятали оружие.

Джеймс закинул ногу и, нимало не смутившись, достал сигарету и закурил. Выпустив дым, он улыбнулся девушке.

Спанг жевал нераскуренную сигару и, казалось, о чем-то размышлял. Наконец, переправив ее изо рта в пепельницу, он произнес:

— Уинт, останешься здесь. Ты, Кидд, иди и сделай то, о чем мы говорили.

Серафимо повернулся к Бонду.

— Ну-с, а вы кто такой, молодой человек?

Бонд поднял голову.

— Вы это и без меня прекрасно знаете. А потом, если хотите, чтобы вышел дельный разговор, прикажите принести чего-нибудь выпить.

— Виски? — глаза Серафимо по-прежнему оставались холодными и непроницательными.

— «Бурбон» с содовой. Половина на половину, пожалуйста.

— Уинт, принеси парню выпивку.

Буркнув себе под нос что-то нечленораздельное, гангстер направился к бару.

Джеймсу не нравилось спокойствие Спанга. Он вновь мысленно прокрутил свой вариант ответов на возможные вопросы. Все вроде бы звучало правдоподобно.

Уинт явно перестарался. Он наполнил бокал до самого верха, но в какой-то момент рука его дрогнула, и часть драгоценного содержимого вылилась прямо на ковер.

— Спасибо, приятель,— Бонд сделал несколько глотков.

«Бурбон» был отменного качества.

Поставив бокал на пол рядом с собой, Джеймс выпрямился.

— Терпеть не могу, когда меня держат за идиота.— Говорил он твердо и убедительно.— Я выполнил свою работу и получил гонорар. Вполне заслуженный гонорар. И никто не может мне указывать, как тратить заработанные деньги. Что я, хуже других? Кто-то может развлекаться на рулетке, а мне запрещено? И уж если на то пошло, какого дьявола высылать вдогонку банду головорезов, когда можно просто-напросто позвонить мне в гостиницу и встретиться там? Должен признаться, что испытываю некоторые неудобства, когда в меня палят из пистолета.

— Не мели чепухи, парень.— На Серафимо пламенная речь Бонда не произвела абсолютно никакого впечатления.— Я помогу тебе кое-что вспомнить. Вчера из Лондона на мое имя пришло весьма занятное письмо.

Спанг извлек из кармана мятый листок бумаги и помахал им перед носом Джеймса. Ни одна черточка не дрогнула на лице Бонда. Он прекрасно понимал, что для квартирного вора позволил себе слишком многое.

— Это от моих друзей,— продолжал Серафимо.— И что же они пишут? Питер Франкс арестован специальным отделом Скотланд-Ярда. Человек, выдающий себя за него, скорее всего является либо сотрудником, либо осведомителем английской или американской полиции. Ну-с, что теперь скажешь?

Бонд переваривал новость лишь какую-то долю секунды. Только теперь он понял то, о чем должен был давно догадаться. Итак, задание М. выполнено. Линия оказалась много короче, чем они предполагали. Один конец ее располагался в Лондоне — у Эй-Би-Си, второй — здесь, в Спектрвилле. Остальное служило только ширмой, чтобы прикрыть контрабанду алмазов на случай вмешательства ФБР. Его дело — информация. Он добыл ее и выяснил слабые места линии. Теперь с чистой совестью можно выходить из игры.

Джеймс допил «бурбон» и, погоняв по дну так и не растаявший кусочек льда, поставил бокал на место.

— Я действительно не Питер Франкс. И что из того? Ему не понравилось ваше предложение, а я нуждался в деньгах.

— Придумай что-нибудь поумнее. Ты фараон или частный детектив, и, будь спокоен, я выясню, с кем имею дело, на кого ты работаешь и что успел пронюхать. Мне уже многое известно — например, о твоём визите в грязевые бани, о близком знакомстве с секретным агентом Эрнестом Курео, выдававшим себя за таксиста. Одного только не могу понять — для фараона ты слишком хорошо владеешь оружием, а если учесть еще и то, что в салуне слег Макгонгл — профессиональный дзюдоист, ты превращаешься в весьма подозрительную личность. — Спанг понемногу утрачивал свое спокойствие. Резко повернувшись к Тиффани, он прошипел: — Как ты не раскусила его в самом начале, сука безмозглая?

— Прикрой свой поганный рот, — Тиффани бросила сигарету через всю комнату. Она спикировала точно в пепельницу. — Его рекомендовал Эй-Би-Си. По-твоему, я должна была позвонить ему и вежливо попросить подыскать другого исполнителя? А потом, ты сам не уверен, что парень врет.

Глаза Тиффани сверкали гневом, но где-то в глубине их таился страх, страх за него — Бонда.

— Ладно-ладно, увидим, кто прав, кто виноват. — Серафимо умерил свой гнев. — Уинт, прихвати Кидда и бегом за шиповками. Потом возвращайся сюда.

Джеймс сидел, не проявляя ни малейших признаков беспокойства. Дальнейшая беседа со Спангом не привела бы ни к каким положительным результатам. Упрямый осел.

Бонд уже давно оценил свои шансы. Кто мог помочь ему в этой стране? Только Эрни и Феликс. И, конечно, Тиффани. А в остальном придется надеяться на себя.

Тиффани тоже выглядела абсолютно спокойной. Видимо, ее очень увлекло рассматривание собственных ногтей.

За спиной слышались шаги. Вернулись Уинт и Кидд.
— Выведите его на платформу, — приказал Серафимо. — Что делать дальше, знаете без меня.
— О'кей, босс.

Уинт предвкушал удовольствие от скорого развлечения. Оба гангстера сняли с себя ботинки и принялись натягивать футбольные шиповки.

20

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

...Теплая вода нежно обнимала ставшее невесомым тело, но он не мог позволить себе ни секунды отдыха. Течение сносило его на рифы. Вот уже совсем близко виднеются их цепкие коралловые щупальца. Нет, не дать им захватить себя, проскользнуть между ними в тихую и спокойную заводь. Что же случилось с рукой? Почему она не хочет подчиняться ему? И откуда доносится этот голос? Неужели еще кто-то помнит о нем?..

— Джеймс. Ради бога, очнись, Джеймс.

Губы Тиффани почти касались его уха, и она изо всех сил сжимала окровавленную кисть Бонда.

Наконец глаза его приоткрылись, и из груди вырвался сдавленный стон.

Медленно, очень медленно, он поднялся на колени и прислонился спиной к стене. Пустота в его глазах постепенно уступала место трепещущему живому огоньку. Низко опущенная голова придавала позе Бонда первобытную свирепость, и фигура, его напоминала бронзовую статуэтку раненого хищника, приготовившегося к последнему решительному прыжку.

— Ты можешь идти? — голос Тиффани срывался от волнения.

— Подожди.

Он тихо застонал и еще раз повторил:

— Подожди.

Лицо сидевшей рядом девушки постоянно меняло цвет и как-то странно пульсировало, и Джеймс никак не мог четко зафиксировать его в своем сознании.

Странно, но он ничего не хотел. Да, руки и ноги полностью подчинялись ему, и с шеей вроде бы было все в порядке, но зачем, зачем двигаться? Не лучше ли улечься прямо здесь, на жестком деревянном полу, и погрузиться в сладкий дурманный сон? Он снова закрыл глаза, но вместо Тиффани увидел вдруг каких-то людей с натянутыми на

головы чулками. Они били его, и каждый удар отдавался во всем теле волной страшной боли. А рядом стоял еще какой-то человек, но он слышал только его голос, без конца повторявший: «О'кей... О'кей...» А потом... Потом наступила темнота, и боль куда-то ушла...

...Бонд тяжело вздохнул.

— Умница, Тиффани. Ты заставила-таки меня очухаться. Где мы?

— Они называют это место комнатой для гостей.— Девушка говорила шепотом.— Тебе надо выйти скорее отсюда. Слышишь, Джеймс?

Он усмехнулся.

— Что ж, попробуем поползть... Открывай дверь.

Исполнив его просьбу, Тиффани вернулась обратно.

Джеймс дотянулся до порога и, уцепившись за него, мощным рывком перебросил свое тело наружу — на дощатую платформу, возле которой по-прежнему стоял экспресс Серафимо.

Теперь Бонд во всех подробностях вспомнил то, что произошло после разговора со Спангом, и на какую-то секунду его поглотила волна дикой необузданной злобы и жажда мести.

Он рывком поднялся на ноги и чудом удержал равновесие — перед глазами замельтешили красные расплывчатые круги, и здание станции стало раскачиваться, словно маятник.

— Осторожнее, дурачок,— Тиффани подхватила падающего Джеймса и вернула его в прежнее положение.

Он обвил ее рукой за шею и почувствовал себя намного увереннее. Свежий ночной воздух и ярость, кипевшая внутри, возвращали ему силы с фантастической быстротой.

Тиффани помогла ему спуститься с лестницы, и после этого Джеймс отказался использовать ее в качестве собственной опоры.

— Смотри.— Она указала на густую тень, заметно выделяющуюся в ночной темноте.— Это моторная дрезина. Обычно на ней проверяют состояние путей. Не хочешь прокатиться?

Бонд подошел ближе. Дрезина представляла собой паровоз в миниатюре — та же маленькая кабинка и сигарообразный корпус, только вместо котла стоял старенький двухтактный двигатель. Для собственной безопасности Серафимо все-таки сделал исключение и позволил двигателю внутреннего сгорания появиться на территории Спектрвилла.

— Когда мы заведем эту развалину, боюсь, она наделает столько шума, что разбудит половину Америки. Для наших друзей нужно быстренько придумать какое-нибудь веселое развлечение, чтобы они не заскучали без нас.— Джеймс нагнулся и обследовал колеса. Пока не было никаких оснований опасаться, что по дороге они отвалятся.

— Пара пустяков, Джеймс. Давай устроим им небольшой фейерверк.

— Неплохая мысль. Жаль только, что я не захватил с собой бенгальских огней.

— Они и не понадобятся.— Тиффани легко запрыгнула на платформу.— Видишь?

Вдоль стены аккуратными рядами были расставлены объемные металлические баки.

— Неужели бензин? — Бонд не мог поверить в такую удачу, но уверенный кивок девушки рассеял все его сомнения.— У тебя найдутся спички?

— Обойдемся и зажигалкой.

Следующие пять минут Джеймс занимался только тем, что с невиданной энергией опустошал баки. Успокоился он только тогда, когда с полдюжины пустых стальных цилиндров улеглось рядом с ним. Воздух наполнился удушливыми испарениями.

— Иди и подготовь к старту нашу колыхагу,— шепнул Бонд Тиффани, и та скрылась в темноте.

Тот факт, что для возведения вокзала Спанг использовал деревянные конструкции, теперь должен был сослужить ему дурную службу. Вся платформа и часть передней стены были залиты бензином. Джеймс зашел в комнату, через которую его проводили Уинт с Киддом, содрал со стены какой-то плакат и скомкал его. Выйдя на улицу, он поджег бумагу от пламени зажигалки и, последний раз взглянув на сооружение, обреченное им на гибель, бросил ее на пол.

Яркая вспышка озарила все вокруг колеблющимся оранжево-голубоватым светом, но раньше, чем огонь сумел подобраться к окнам, Джеймс вскочил в дрезину. Ее двигатель издавал такой треск, что барабанные перепонки грозили лопнуть, но буквально через минуту его заглушил мерный стук колес.

— Слушай, как управляется этот агрегат? — прокричал Бонд.

— Очень просто, вот этим рычагом.— Девушка щелкнула пальцем по стальному обрубку, торчавшему из пола.—

Вперед — максимальный ход. Тормозить — вот этой педалью. Достаточно нажать на нее один раз.

— Понятно,— Джеймс глянул на спидометр. Стрелка замерла у тридцатимильной отметки.

Похоже, дрезину никто еще не разгонял до таких скоростей. В кабине не было стекол, и врывающийся внутрь ветер не способствовал повышению комфортабельности и без того замечательного путешествия.

Золотые локоны Тиффани растрепались. Весело рассмеявшись, она прильнула к Джеймсу. Он обнял и поцеловал ее.

— Представляешь, как они, полуголые, выскакивают наружу, спасая свои драгоценные задницы? — Девушка не без удовольствия смотрела на зарево пожара, полыхавшего уже довольно далеко позади.

Однако Бонд вовсе не был полон оптимизма. Он не исключал, что пламя перекинется на тендер паровоза и вагончик останется без тягача, но в это почему-то слабо верилось. Им хватит проблем и без погони.

Интересно, сколько времени у них в запасе? Луна совсем низко. Значит, сейчас около четырех.

Джеймс усадил девушку на сиденье водителя, а сам устроился у ее ног. Удивительно, но, несмотря на неимоверный грохот, дрезина шла мягко и ровно и ее пассажиров почти не трясло.

Положив голову на колени Тиффани, он слушал ее голос и улыбался.

— Ты смотрел когда-нибудь боевики Бастера Китона?

— Про ковбоев?

— Да.

— Видел пару фильмов.

— По-моему, мы с тобой чем-то смахиваем на главных героев.

— Серьезно? — Бонд состроил удивленную физиономию.

— Не гримасничай.— Тиффани показала ему язык.— А потом, ты ужасно выглядишь.

— Как, неужели я не похож на доблестного рыцаря твоего романа?

— Был бы похож, если бы причесался.

— Намек понял.— Джеймс пригладил волосы, обнажив страшный кровоподтек на левом виске.— Меня немножко побили, Тиффани. Пожалей своего несчастного спутника.

С этими словами он стащил ее на пол, и неизвестно, чем бы закончился их долгий поцелуй, если бы дрезина резко не вильнула вправо.

Бонд мгновенно поднялся, но ничего страшного не произошло — просто они слишком быстро проскочили поворот, проходить который рекомендуется на низких скоростях.

Девушка серьезно посмотрела на него.

— Если мы будем часто отвлекаться, то рано или поздно эта развалина сойдет с рельсов.

Джеймс покорно кивнул и, чтобы заполнить неловкую паузу, спросил:

— Как ты нашла меня?

— Этого и не нужно было делать. Утолив свой гнев, Серафимо велел Уинту выбросить тебя с поезда, что тот и исполнил с величайшим усердием. Потом Спанг решил, видимо, поглумиться еще и надо мной — ты представить себе не можешь, как он орал и брызгал слюной. В общем, я закатила ему истерику, и он умотал. Тогда, переодевшись вот в это, — Тиффани потрепала широкие штаны своих брюк для верховой езды, кроме которых на ней была клетчатая ковбойка, — я пошла к тебе, предварительно убедившись, что Серафимо и его ублюдки улеглись спать. Знаешь, что было самое трудное?

— Догадываюсь — заставить меня очухаться.

— Именно. Ты такой слон. Стоило только тронуть тебя за руку, так ты чуть не вывихнул мне плечо. И все время болтал про какие-то рифы, моряк.

Бонд чмокнул ее в щеку.

— Тиффани, ты моя богиня.

— Не подлизывайся. — Она смешно надула губы и снова рассмеялась.

— Послушай, спасая меня, ты подвергаешь себя серьезной опасности.

— Не волнуйся, Джеймс. Все будет хорошо, они не догонят нас.

Бонд недоверчиво покачал головой.

— Кстати, тебе известно что-нибудь об Уинте и Кидде? По-моему, они довольно странные ребята. И потом, почему, кроме них, в Спектревилле никого нет?

— Остальные в Детройте. А что касается этих двоих, отвратительная парочка. На побегушках у Серафимо, выполняют все его секретные миссии. Шваль, которая ради денег согласна на все, но они очень осторожны. Я еще ни разу не видела их лица открытыми — при мне

они всегда появляются только в своих маскарадных чулках.

— Боюсь, они уже пустились по нашему следу.

— Возможно, но мы намного опередили их. А потом, наша цель совсем близко.

— Дорога ведет в Райлайт?

— Да. Там мы достанем машину и доберемся на ней до Калифорнии.

— А потом?

— Потом искупаем тебя в ванне, покажем доктору и купим что-нибудь из одежды, а то твой нынешний наряд оставляет желать лучшего.

— Да уж.— Бонд окинул критическим взглядом свой рваный пиджак и мятые грязные брюки.

— Но у нас есть одно средство и на крайний случай.— Тиффани растегнула рубашку и достала из-за пояса «беретту».— Он был у Фриссо.

— Этот бедолага еще жив?

— Вряд ли. Ты прострелил ему шею.

Она протянула пистолет Бонду. Он взял его и почувствовал, как стальная рукоятка нагрелась от долгого соприкосновения с ее телом. Привычным жестом он вытащил магазин — недоставало трех патронов. Защелкнув его обратно, он заткнул «беретту» за пояс.

С неудовольствием обнаружив, что одна из пуговиц на сорочке висит на тоненькой ниточке, Джеймс оторвал ее и выкинул в окно. Пошарив в правом кармане и не найдя там сигарет, он мысленно назвал Уинта весьма благозвучным словом и принялся за исследование второго кармана. Там лежали паспорт и бумажник. Остались целы даже деньги, несмотря на то что содержимое бумажника явно кто-то проверял. Паспорт тоже не пострадал, если не считать того, что он излишне помялся. Пожав плечами, Бонд положил все это обратно.

Тиффани о чем-то задумалась и молчала, и единственными звуками, сопровождавшими их, было клацание двигателя, ставшее немного тише, и ритмичное бум-бум, бум-бум колес по рельсам.

Железнодорожное полотно убегало далеко вперед и где-то там соединялось с горизонтом, и, если бы не тусклый рассеянный свет луны, они совсем потерялись бы в этой темной глухой ночи. По словам Эрни, где-то рядом должен был находиться тоннель, а значит, совсем скоро покажутся горы.

Слева расстилалась бесконечная ширь прерии. Джеймс

иногда замечал тени высоких толстых кактусов, раскинувших свои отростки в разные стороны. А им еще нужно было ехать и ехать, чтобы, наконец, достичь неприметного дорожного знака с надписью «Хай-вэй-95».

Со стороны дрезина, должно быть, представляла весьма занятное зрелище, и если бы она передвигалась совсем бесшумно, то, вероятно, была бы похожа на призрак — маленький черный призрак в темной ночи.

Спидометр по-прежнему показывал тридцать миль в час, но все попытки заставить стрелку подняться хоть на одно деление выше потерпели полное фиаско.

Шли минуты, а вокруг ничего не менялось. Тиффани внимательно следила за дорогой и только по одним ей известным признакам угадывала повороты и уводила рычаг от крайнего верхнего положения.

Близился рассвет. Вскоре небо за их спиной приобрело нежно розовый цвет, словно где-то на недостигаемой высоте распускался огромный цветок чайной розы. Воздух наполнился тем необыкновенным ароматом, вдохнуть который можно лишь ранним утром.

Прошел еще час.

Тиффани сбавила скорость перед очередным поворотом, когда вдруг изощренный слух Бонда уловил в воздухе странный звук, похожий на низкое пульсирующее гудение. Обернувшись, он ничего не увидел, но, присмотревшись внимательнее, заметил на светлеющем фоне неба тоненькую черную полоску.

Джеймс тронул девушку за плечо.

— Ты не слышишь ничего подозрительного?

Тиффани обернулась и нажала педаль тормоза, проехав по инерции еще метров пятьдесят, с жалобным скрипом остановилась.

Теперь не оставалось никаких сомнений — причиной столь необычного звона были сами рельсы.

— Это «Красавица Сьерры», — тихий спокойный голос девушки доходил до Бонда сквозь липкую красную пелену, вновь вставшую перед его глазами.

В голове Джеймса заработал мощный кузнечный молот, и его удары глухо отдавались в ушах. Сжав зубы так, что свело мышцы челюсти, он подавил проснувшуюся боль и спросил:

— Малютка быстро бежит?

— Шестьдесят миль — максимум.

— А сколько до Райлайта?

— Тридцать.

В точных математических расчетах не было никакой необходимости, оба и без того прекрасно понимали, что их нагонят раньше, чем они покроют хотя бы половину оставшегося расстояния.

— Чудесно, наконец-то я рассмотрю паровозик во всех подробностях.— Бонд произнес это таким тоном, словно речь шла о какой-то рядовой выставке шедевров транспортных средств.— Нельзя ли как-нибудь растянуть это удовольствие?

— Движок работает на пределе, и я не смогла бы увеличить скорость, даже если бы мое имя было не Тиффани Кейз, а Казей Джон.

Джеймс пожал плечами.

— Нет ничего приятнее, чем ночная прогулка на такой чудесной дрезине, и я согласен на дюжину спангов за своей спиной, лишь бы моим спутником была ты.

Тиффани потрепала его шевелюру.

— Придумай что-нибудь, Джеймс, или они сметут нас с дороги.

— Ну, а вдруг у них взорвется котел?

— Или с Серафимо случится приступ?

Оба натянуто рассмеялись, и следующие пятнадцать минут прошли в гробовом молчании.

Бонд видел снопы искр, вылетающих из трубы несущегося экспресса, не далее чем в пяти милях позади. Возникло ощущение, что их преследовал огромный бенгальский огонь.

Темнота ночи с каждой минутой уступала власть светлым краскам раннего утра, и вскоре без труда можно было рассмотреть облака черного дыма, изрыгаемого паровозом.

Значит, они сумели-таки увести его от горящей станции.

Как бы между прочим Джеймс осведомился:

— Бензина хватит?

— С этим без проблем,— голос Тиффани звучал вполне уверенно.— Дрезину совсем недавно заправляли, а ее бак вмещает не менее галлона.

— Неужели наша тележка не снабжена указателем горючего?

Словно в ответ на его слова, двигатель чихнул, и затем послышался легкий, еле различимый хруст.

— Что за черт? Ты слышал?

Бонд ничего не ответил, он уже знал, что произойдет дальше.

Пф-ф. И снова — пф-ф, пф-ф.

Тиффани потянула рычаг управления на себя, а потом снова выжала его до отказа.

— Ну же, миленький, осталось совсем немного. Только не глосни, пожалуйста.

Длинное протяжное пфф-фф прервало девушку на полуслове, и шум двигателя, который в начале пути так действовал на нервы, умолк. Они так жаждали услышать его снова, что он казался им пением райских птиц.

Стрелка спидометра медленно поползла вниз. Двадцать пять... двадцать... пятнадцать... пять... ноль.

— ...— только и смог произнести Джеймс.

Одним прыжком преодолев расстояние от сиденья водителя до крыши резервуара, куда заливалось горючее, он вытащил из кармана брюк окровавленный носовой платок и свернул его фитилём. Отвернув крышку, Бонд опустил внутрь свой импровизированный датчик и через секунду вытащил его обратно — платок остался совершенно сухим.

— Придется нам немного прогуляться пешком. — Бонд прыгнул на землю.

Слева — прерия. Укрыться там можно лишь одним способом — превратиться в кактус. Справа, примерно в четверти мили — горы. Если они осият подъем, шансы на спасение возрастут.

Земля под ногами подрагивала. Интересно, где сейчас экспресс? В двух милях или уже ближе?

Джеймс взглянул на дрезину. Сможет ли им помочь это маленькое неуклюжее сооружение? Быть может, при столкновении «Красавица Сьерры» сойдет с рельсов? Вряд ли. Они успеют затормозить. А если нет? И тут Бонд вспомнил о массивной хромированной решетке паровоза — она в два счета сметет дрезину со своего пути.

Нет, задержать Серафимо не удастся. Нужно уходить.

— Тиффани, — крикнул он. — Попытаемся скрыться в горах. Идем скорее.

Где же она? От сомнения и страха за нее сердце Бонда сжалось. Неужели их окружили?

Он выхватил пистолет и, крадучись обойдя дрезину спереди, сразу же увидел Тиффани. Она подбежала к нему и, задыхаясь, прошептала:

— Там впереди — стрелка, ответвление на запасной путь. Если мы спрячем там нашу колымагу, Спанг может проскочить мимо, не заметив нас.

— Бог ты мой, Тиффани. У тебя золотая голова.

С этими словами Бонд налег плечом на ребристый выступ кабины, пытаясь сдвинуть дрезину с места. Девушка

делала то же самое — только с другой стороны. Наконец после нескольких попыток несуразный механизм все-таки тронулся и, тихо шурша колесами, покатился в нужном направлении.

Джеймс позволил себе перевести дыхание лишь тогда, когда они отделились от стрелки ярдов на двадцать.

— Что случилось? Почему мы проехали стрелку? — Лицо Тиффани выражало крайнюю степень недоумения и недовольства.

— Успокойся. Мы останемся здесь, а на запасной путь пусть чапает Серафимо.

— Ну, ты — монстр. — В глазах девушки светилось восхищение.

Рычаг стрелки проржавел, и Джеймс опасался, как бы он не сломался, прежде чем выполнит свою важную миссию. Он схватил его у самого основания и потянул в сторону, но им, похоже, давно не пользовались, и соприкасающиеся части рельсов прикипели друг к другу.

— Нужно что-нибудь тяжелое, Тиффани.

— Камень подойдет?

— Попробуем.

Через минуту девушка вернулась, неся в руках довольно тяжелый валун. Бонд вытер рукавом пиджака пот, ручьями струившийся по лицу, и, приподняв камень, с силой ударил им в месте сочленения рельсов основного и запасного пути.

После этого он вновь взялся за рычаг. Раздался отвратительный скрежет — ржавое железо поддавалось, и в тот момент, когда рычаг переломился пополам, из груди Джеймса вырвался торжествующий крик — он успел перевести стрелку.

Неожиданно силы изменили ему, и, упав на колени, он выругался. Тиффани склонилась над ним. Экспресс был уже совсем близко. Еще мгновение — и его прожектор выхватит их из темноты.

— Прошу тебя, уйди и ляг за дрезиной, — прохрипел Бонд, отталкивая от себя девушку.

Едва он поднялся на ноги, как в глаза ему ударил нестерпимо яркий луч света.

В облаке огня и дыма на него неслось ужасное чудовище. Неужели это творение рук человеческих? Нет, «Красавица Сьерры» сейчас больше походила на кошмарное исчадие ада.

Казалось, никакая сила не была способна повернуть экспресс вспять и через какую-то секунду человек, осме-

лившийся встать на его пути, превратится в груды истерзанного мяса и костей.

Дз-зинь. Пуля отрикошетила от рельса и ударила в заднюю стенку дрезины.

Бах. Бах. Бах.

Теперь сквозь шум двигательной установки Джеймс четко различал хлопки пистолетных выстрелов, но его «беретта» пока молчала. Четыре пули, всего лишь четыре, и они должны безошибочно поразить цель.

Бонд медленно поднял пистолет. Расстояние между ним и паровозом стремительно сокращалось. Сто ярдов... шестьдесят... двадцать... Неужели стрелка не работает?

И тут произошло невозможное — на полном ходу экспресс свернул на запасной путь, и на платформе тендера Джеймс заметил скорчившегося от страха человека, стрелявшего в него, но он уже не представлял абсолютно никакого интереса — даже в качестве мишени.

Тормозные колодки соприкоснулись с бешено вращающимися колесами, и в уши ударил пронзительно-визгливый скрежет металла о металл. Широкоплечий великан в съехавшей на затылок ковбойской шляпе, уцепившись одной рукой за дверную панель, второй пытался повернуть колесо аварийного тормоза. Серебряное шитье роскошного костюма слишком ярко выделялось на окружавшем его темном фоне.

«Беретта» Бонда повторила одно и то же четыре раза.

Человек, запрокинув кверху лицо, медленно осел на пол. На накрахмаленном воротничке его белоснежной рубашки проступило яркое красное пятно.

«Красавица Сьерры» была обречена, и печальный звон раскачавшегося сигнального колокола сопровождал ее в последний путь, который совсем скоро должен был окончиться у подножия высоких отвесных скал.

К неподвижно стоявшему Джеймсу подбежала Тиффани, и они, словно замороженные, смотрели на удалявшийся локомотив, которому суждено было стать саркофагом Се-рафимо Спанга. Когда поезд, сойдя с рельсов, врезался в огромную базальтовую глыбу, девушка еще теснее прижалась к Бонду.

Через мгновение ветер донес до них многоголосое эхо взрыва, а потом наступила глухая тишина, нарушаемая только глубоким дыханием двух человек, минуту назад балансировавших на краю пропасти.

Последний раз взглянув на огненный вихрь, бушевав-

ший над местом катастрофы, Джеймс опустил пистолет в карман.

— Вот и все,— он обнял Тиффани.

— Давай побыстрее уйдем отсюда,— ее была нервная дрожь.— На сегодня с меня хватит.

— Да-да, конечно. Нам нужно выбраться на дорогу.

— По-моему, где-то рядом должна проходить автомагистраль на Райлайт.

— Вот и прекрасно. Только тебе придется мне немного помочь — я несколько сомневаюсь в своей способности полноценно передвигаться.

Бонд оперся о ее плечо и, приблизительно определив направление, махнул рукой в сторону восходящего солнца.

Из всего их двухмильного перехода Джеймс запомнил лишь мелкие штрихи — каждый шаг давался ему невероятным напряжением сил, и, казалось, это путешествие состояло из одних только привалов, но между ними они двигались, медленно, но все-таки двигались.

Последним усилием воли Бонд заставил себя подняться на дорожную насыпь. На этом его энергия иссякла, и, потеряв сознание, он упал навзничь на узкой пыльной обочине.

В течение трех часов Тиффани, как могла, ухаживала за ним, нетерпеливо поглядывая на дорогу, но мимо них так и не проехала ни одна машина.

Уже давно рассвело и солнце позолотило ломаные зубцы гор, а Джеймс по-прежнему неподвижно лежал на земле и изредка беззвучно шевелил губами.

Но вот вдали появилась маленькая черная точка. Стремительно приближаясь, она приобретала очертания открытого длинного лимузина. Тихо скрипнув тормозами, он остановился рядом, дверца распахнулась, и из автомобиля вышел широкоплечий человек с загоревшим лицом и копной коротких соломенных волос.

Приветливо кивнув Тиффани, он с легким техасским акцентом произнес:

— Мадам, Феликс Лайтер к вашим услугам.

21

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Тот факт, что «студеллак» летел со скоростью 80 миль в час, несколько не мешал Феликсу Лайтеру делиться впечатлениями с Тиффани.

— ...Ну, а когда я приехал в Вегас, то сразу же позвонил Эрни. Джеймс знаком с этим парнем. Так вот, его жена, поняв, что мы вместе работаем, наградила меня таким словом — просто язык не поворачивается повторить, но в конце концов после получаса беседы я вытянул-таки из нее, что Эрни каким-то образом умудрился загреметь в больницу. Через десять минут я был уже там и лицезрел смеющегося Курео. Из его рассказа я выяснил, что какие-то негодяи пытались продырявить ему голову, но благодаря тому, что основное внимание уделялось персоне Бонда, Эрни удалось обдурить этих недоносков. Едва я услышал, что Джеймс укатил с ними на «ягуаре», как сразу же сообразил, что дальше Спектрвилла они не поедут. Благо моя кобылка, — Феликс похлопал ладонью по приборному щитку машины, — стояла под парами, то я вслед за Бондом отправился в гости к Спангу. Признаюсь честно, мне стало как-то не по себе при виде горящей станции. Зарево от пожара я заметил издали, но никак не ожидал, что буду наблюдать столь увлекательное зрелище в такой непосредственной близости. Ворота оказались распахнутыми, и в голову мне взбрела шальная мысль: уж не меня ли здесь ждут?

Заговорившись, Лайтер слишком поздно заметил камень, лежавший на дороге. Тормозить не имело смысла, и Феликс, резко вывернув руль, пустил «студеллак» юзом. Что-то гулко ударило в днище, и, чиркнув бампером по бетонному бордюру, автомобиль выровнялся.

Осуществляя эти замысловатые маневры, Феликс про-бормотал:

— Быть может, легкая встряска поможет очнуться нашему другу?

Но его надежды не спешили сбываться.

Взглянув в зеркальце и убедившись, что камень раздробился на более мелкие составляющие, Лайтер продолжил свое повествование:

— Трудно поверить, но поблизости не было ни единой живой души, и когда я наткнулся на парня с простреленной ногой и к тому же малость контуженного — пулей ему снесло кусочек челюсти, радости моей не было предела. Внешне он походил на одного из молодчиков, сопровождавших Джеймса. Эрни называл его то ли Фрассо, то ли Фриссо — он знаком со всей здешней шушерой. Так вот, что самое обидное, этот молокосос не мог говорить — только жестикулировал, но я и так догадался, что вы удрали по железной дороге. Как только эта мысль укрепилась у меня

в башке, я сказал себе: «Феликс, следующая остановка — Райлайт». И теперь, по-моему, подошло время извиниться за то, что я заставил вас так долго ждать.

...Джеймс приоткрыл глаза. До него не сразу дошел смысл увиденного, казавшегося поначалу продолжением сна. Неужели это «студеллак» и его голова сейчас покоится на коленях Тиффани? И разве этот человек за рулем Феликс Лайтер? А если все это не грезится ему, то куда они едут? Если туда, где его осмотрит врач и где найдется хоть немного еды и выпивки, а рядышком сыщется ванна и мягкая постель, то он будет боготворить своего спасителя до самой смерти. Бонд зашевелился и сразу же почувствовал на щеке теплую ладонь девушки, рассказывавшей Феликсу историю их бегства из Спектрвилла.

По его лицу трудно было что-либо понять, но, узнав о неприятности, которая произошла с Серафимо, он присвистнул и, сделав рукой неопределенный жест, задумчиво протянул:

— Да-а, веселое приключение...

Тиффани пожала плечами.

— Двое очаровательных молодых людей отправляют на тот свет одного из главарей преступного мира, причем наиболее могущественного из них, даже приблизительно не представляя, какие последствия это за собой повлечет. Небось гибель Спанга не всем придется по душе. — Лайтер вопросительно взглянул на девушку.

— Да, Серафимо создал мощный синдикат, и без него он вряд ли сможет полноценно функционировать. В первую очередь нас попытается уничтожить Шеди Три. Уверена, что и эти два проходимца — Уинт с Киддом улизнули из Спектрвилла. Сомневаюсь, чтобы Уинт решился прокатиться на «Красавице...» Он прекрасно видел, в каком состоянии был Спанг, и наверняка догадывался, с какой скоростью пойдет экспресс.

— Редкостная предусмотрительность.

— Кстати, куда мы едем?

— Через десять минут будем в Битти, потом нам предстоит совершить вояж через Долину смерти, и, оставив позади горы, мы прикатим в Олахо. Там обязательно покажем Джеймса врачу и перекусим, а вам обоим, думаю, надо принять ванну. Дальше без остановок доедем до Лос-Анджелеса. Придется, правда, пару раз погоняться с дорожной полицией, но их развалины не идут ни в какое сравнение с моей лошадкой. В Анджелесе дадим себе небольшую передышку, — Феликс посмотрел на часы. — Вам необхо-

димо покинуть страну как можно быстрее. Едва только Шеди узнает о смерти Спанга, он всех на ноги поднимет. Мы должны успеть в аэропорт к ночному рейсу в Нью-Йорк. Уверен, Джеймс одобрит мой план.

— Кстати, я просто сгораю от любопытства, — Тиффани улыбнулась. — Неужели я спасла полицейского?

Феликс наморщил лоб. Бонд видел, как друг осторожничал и медлил с ответом.

— Он проснется и объяснит все сам, — в конце концов произнес Лайтер и тут же добавил: — Но кое-что мне все-таки известно: Джеймс любит тебя, Тиффани. Он и в казино из-за этого дурачился.

Бонд улыбнулся и, устроившись поудобнее, задремал и не просыпался до тех пор, пока «студеллак» не разогнался до ста миль, удирая от патруля. Оказалось, что они уже проехали половину Калифорнии.

Вскоре Феликс вырулил на всемирно известный бульвар Сансет с его пальмовыми аллеями и нескончаемыми рядами «корветов» и «роллс-ройсов», затмевающих солнечный свет блеском своих хромированных бамперов, радиаторов и крыльев. На фоне подобного великолепия запыленный «студеллак» выглядел бедно и невзрачно, но это ни в коей мере не смущало его пассажиров. ...Джеймс сквозь искрящееся мартины смотрел на сидящих рядом Тиффани и Феликса.

— Этот док в Олахо просто волшебник. За несколько часов поднял меня на ноги.

Лайтер усмехнулся.

— Старайся пореже хвалить врачей, иначе станешь их вечным пациентом.

Все трое находились в ночном баре отеля «Бeverли хилс». Костюмы, только что купленные в лучших магазинах Лос-Анджелеса, прекрасно сидели на Бонде и Лайтере, а Тиффани в черной узкой мини-юбке и белоснежном пушистом свитере была просто неотразима. Теперь они ничем не отличались от «голливудских ребят». Джеймса с его утомленной, невыспавшейся физиономией легко было принять за продюсера, недавно закончившего работу над новым фильмом, а Тиффани — за исполнительницу в нем главной роли. Феликс вполне сошел бы за технического консультанта.

Лайтер отхлебнул из бокала и отодвинул от себя телефон. За то время, пока они здесь прохлаждались, он уже четыре раза успел кому-то позвонить.

— Ты беседовал с парнями из своей конторы? — осведомился Бонд.

— Да,— Феликс кивнул.— Прекрасные новости. В Англию поплывете на лайнере «Элизабет». Очень комфортабельное судно. Стояло в порту из-за какой-то пустяковой поломки. Отправляется завтра вечером в восемь часов. Утром вас встретят в Ла Гуардии с билетами. На борт подниметесь днем. Кстати, Джеймс, мои друзья забрали из «Астории» твои вещи — «дипломат» и клюшки для гольфа, а для Тиффани уже готов паспорт. Не волнуйтесь, с ним не возникнет никаких проблем — бумаги оформлял госдепартамент США. Сейчас там служит мой старый товарищ. Что касается Серафимо, то его исчезновение пока никого не взволновало. Газетчики тоже ничего не пронюхали. Но учти, Джеймс, за тобой следят. Видимо, Спанг перед отъездом отдал своим ребятам кое-какие распоряжения, но, пока они в неведении, что случилось с их боссом, бояться нечего. Как я понял, у вас у обоих неплохие отношения с полицией, но все-таки лучше не иметь с ней вообще никаких отношений. Так, вроде ничего не забыл... Ах, да, вот еще что. На корабль пройдете поодиночке. Сразу же по своим каютам и сидеть тихо, как мышки. Я постараюсь вас прикрыть. У нашей конторы имеется кое-какая информация относительно махинаций Шеди и Серафимо. Если отдельные факты их биографии появятся в ФБР, думаю, им будет не до вас.

— Феликс, оставив свою прежнюю работу, ты несколько не прогадал,— Джеймс похлопал Лайтера по плечу.— Я смотрю, у вашей фирмы агентурная сеть много шире, чем у ЦРУ.

Тиффани переводила изумленный взгляд с Джеймса на его друга.

— Так, значит, он цэрэушник?

— Бывший,— Бонд поучительно поднял вверх указательный палец.— Он вовремя одумался.

— Я надеюсь, сам-то ты не имеешь ничего общего с этой организацией?

— Боже упаси!

Девушка облегченно вздохнула.

— Да,— Джеймс достал сигарету.— Американские гангстеры переплюнули своих итальянских прародителей. Притязания тех не шли дальше тарелочки с пищей и жирного бульона...

— С фрикадельками,— закончила Тиффани.— Скажи спасибо, что тебе не снесли голову в этой заварушке.

В отличие от корсиканских мафиози детройтские гангстеры — людоеды.

— А в отличие от капитана Кука Джеймс не позволит себя никому съесть.

Лайтер поднялся.

— Ба, да ты никак собрался произнести тост? — Бонд остановил проходившего мимо официанта и, взяв с подноса бутылку охлажденного джина, наполнил бокал Феликса, но тот отрицательно покачал головой.

— Мне пора. К ночи я должен вернуться в Вегас и взглянуть на косточки бедолаги Шай Смайла. — Он сделал паузу и, сложив руки словно для молитвы, пробасил: — Дети мои, святой отец, исполнявший при вас роль ангела-хранителя, вынужден удалиться, но перед тем, как покинуть своих чад, он даст им последний совет. Остерегайтесь сатаны! Он будет преследовать вас повсюду, но силы его не безграничны, и да поможет вам Бог! Аминь.

— Феликс, неужели ты работал осведомителем в церкви? — Тиффани маленькими глотками допила свой мартина.

— Нет, девочка моя, — Лайтер стряхнул с пиджака крошку пирожного. — Я никогда не был ни резидентом, ни тем более осведомителем. И хватит об этом...

Он проводил их до здания аэропорта и, поцеловав в щеку Тиффани и попрощавшись с Бондом, зашагал в сторону автомобильной стоянки.

Глядя на удалявшуюся фигуру Феликса, Джеймс чувствовал, как к горлу подкатывает противный вязкий комок. Этот человек значил для него слишком много, однако сам он должен был улететь, исчезнуть, оставив его здесь одного.

— У тебя прекрасные друзья. — Девушка взяла Бонда под руку.

— Да, Феликс просто прелесть.

Выбравшись со стоянки, «студеллак» развернулся, помигал подфарниками и, резко набрав скорость, влился в густой поток транспорта. Вскоре его габаритные огни исчезли где-то вдалеке.

Над головой Джеймса ярко засветилось табло: «Объявляется посадка на рейс номер 93 Лос-Анджелес — Чикаго — Нью-Йорк». То же самое несколько раз повторил диспетчер.

Бонд обнял Тиффани, и, миновав огромные стеклянные двери, они сделали свой первый шаг, который должен был послужить началом их долгого пути в Англию.

...За иллюминатором властвовала ночь, и, когда самолет

поднялся выше облаков, в салоне погасили свет. Бонд не шевелился, боясь разбудить Тиффани, задремавшую у него на плече.

Он не мог и не хотел верить в то, что сейчас, когда все более или менее наладилось, кто-то сможет помешать им.

Бонд припомнил сцену в казино, когда сквозь маску равнодушия на лице девушки проскальзывали нотки нежности и немного восхищения им. А ее улыбка? Она сразила его сразу, еще тогда, в Лондоне. Тиффани, ну почему, почему ты еще не сказала: «Дай мне руку, Джеймс, и я приведу тебя в свой замок. До тебя в нем еще никто не бывал, и, поверь, там есть все, что нужно для счастья. Я хочу всегда быть рядом с тобой, и никто другой мне не нужен. Только ты. Мы будем вместе, правда? Поцелуй же меня скорее. Неужели я должна просить еще и об этом?..»

Как странно порой распоряжается нами судьба. Почему-то именно ему, английскому разведчику, суждено было избавить эту милую девушку от оков, мешающих ей нормально жить. Он сумел отыскать ту извилистую тропку, ведущую к ее сердцу, по которой так жаждал пройти кто-то еще — тот, кто вселил в ее душу отвращение и неприязнь ко всем мужчинам в мире. Значит, так было нужно — небо хранило ее для него, Бонда. Скоро, совсем скоро сменятся декорации, и наконец-то он снова сможет стать самим собой, не играя более никакой театральной роли. Как ему надоело использовать Тиффани, пусть и без вреда для нее, в целях, которые как следует могли осознать лишь люди на уровне английского или американского правительства. Ничего, скоро все это кончится, но, прежде чем выйти из игры, он обязан увидеться с М. Только он, с его нестандартным мышлением и восприятием, способен принять верное решение. Ситуация обострилась до такой степени, что агент уже не может справиться с ней в одиночку, пусть даже в его личном деле и стоит двойной ноль перед порядковым номером.

Да, вне всяких сомнений, часть линии разрушена. Весь вопрос в том, надолго ли? Сможет ли Шеди восстановить ее? А потом, не грех было бы узнать, что он утробил — голову дракона или его хвост? В любом случае, даже при вмешательстве полиции и ФБР, мистер Три сумеет выкрутиться и переждать шторм в тихой гавани, а Серафимо — так того уже вообще перестали интересоваться все проблемы. Но, куда бы ни спрятался Шеди, ниточка, ведущая к нему, прочно зажата в пальцах Бонда. И стоит только за нее подергать, как рыжий горбун выскочит из укрытия, словно

паук, почувявший трепыхание запутавшейся в сети мухи. А что касается Джека Спанга с его таинственной кличкой Эй-Би-Си и железным официальным прикрытием, дела обстоят совсем неважно. Спровоцировать его на какие-то действия будет не так-то просто. Это ларчик с таким замочком, ключик к которому можно подбирать всю жизнь и в конце концов остаться с носом.

Единственная надежда — на Тиффани, на тот телефон, по которому она звонила в Лондоне. А может быть, не стоит все так усложнять? У них прекрасно отработаны связи, значит, не сегодня, так завтра по каналу Шеди в Англию просочится информация о дезертирстве Тиффани и его побеге. Неужели Джек никак не отреагирует? Вряд ли он настолько глуп, что не приостановит операции в Африке, а уж после этого займется расправой с виновными.

Да, пожалуй, это было бы идеальным вариантом. Люди Валланса сидели бы тихонечко на рудниках и не спеша подбিরались к рядовым исполнителям, а заодно отсняли бы пару пленочек и о связных Джека. И вот тогда, дорогой Эй-Би-Си, Скотланд-Ярд выйдет и на вас и следующий визит сержанта Данкверста во «Дворец алмазов» завершится несколько иначе, чем предыдущий.

А потом... Бесконечные кипы отчетов и рекомендаций, ежедневные беседы с М., и, наконец, когда его оставят в покое, он уедет с Тиффани куда-нибудь далеко-далеко, где их не смогут отыскать ни гангстеры, ни агенты М., и даже сам Феликс Лайтер вынужден будет признать, что бессилие определить местоположение своего лучшего друга.

Голова Бонда опускалась все ниже и ниже, мысли утрачивали четкость, и он уже не старался удержать их в нужном порядке. Вскоре Джеймс погрузился в глубокий, спокойный сон — первый раз после того, как он ступил на землю Соединенных Штатов Америки.

...Ровно через десять часов после вылета из Лос-Анджелеса «Боинг» приземлился в Ла Гуардии.

Здание аэропорта выглядело заброшенным, но Бонд нисколько не удивился. Утренние рейсы никогда не пользовались у американцев особой популярностью, а по воскресеньям напряженность работы крупных транспортных линий снижалась вдесятеро.

У трапа их встретили двое приятных молодых людей и проводили до стоявшего неподалеку «понтиака». Как только Тиффани и Джеймс сели, машина тронулась, и их спутники предусмотрительно задернули шторы на заднем и боковых стеклах.

Бонд уже успел оценить габариты и быстроходность автомобиля Феликса Лайтера, но «понтиак» его сослуживцев превзошел все ожидания. Не уступая размерами среднему автобусу, он с необычайной легкостью развивал такие скорости, что на спидометр страшно было взглянуть.

Пока улаживались необходимые формальности, Джеймса и Тиффани отвезли в роскошный особняк. Там абсолютно никого не было. Им отвели второй этаж. Уничтожив приличные запасы провизии, они сыграли несколько партий в бильярд и бридж. Возможно, они занялись бы и чем-нибудь другим, если бы не находились под бдительным надзором частного детектива из «Недремляющего ока». Наконец, вместе с билетами прибыли и выездные визы, и около четырех часов пополудни Джеймс вместе со своей спутницей поднялись на борт великолепного океанского лайнера «Королева Элизабет». Они поступили в соответствии с требованиями Лайтера и до отплытия решили не выходить из своих кают.

Спустя три часа у пирса притормозил черный «седан», и из него вышли двое американских бизнесменов. Быстро получив бумаги в отделе оформления выезда, они заняли свои места на корабле.

Один из них был одет в свободный светлый плащ, и легкая походка выдавала в нем человека, уделяющего много внимания спорту. В руке он нес небольшой черный атташе-кейс, к крышке которого была прикреплена визитная карточка. Судя по ней, обладателя «дипломата» звали Б. Киттеридж. Его сопровождал лысеющий полноватый мужчина, глаза которого странно блестели. Под мышкой у него была зажата пухлая папка. К ее верхнему уголку тоже была припиленна полоска бумаги. На ней красными буквами выведено: «В. Винтер. I группа крови».

22

ЛЮБОВЬ И ПИКАНТНЫЙ СОУС

В восемь часов вечера, огласив воздух пронзительным воем сирены, «Королева Элизабет» отдала швартовы и медленно отошла от пирса. После запуска силовых турбин легкая вибрация корпуса судна прекратилась, и о том, что плавание все-таки началось, напоминал лишь приглушенный гул, доносившийся откуда-то снизу.

Река была достаточно глубоководна даже для такого огромного морского лайнера, но его осторожный капитан

предпочитал строго соблюдать фарватер, оставляя опасные мели и донные наносы далеко в стороне. Вскоре спаренным винтам «Элизабет» суждено было вспенить океанскую гладь и описать огромную петлю между 45 и 50 параллелями, на которой располагалась точка одной из недолгих стоянок корабля — Саутгемптон.

Сидя в своей каюте и прислушиваясь к звукам, проникавшим сюда извне, Джеймс проверял работу спускового механизма «беретты».

На столике, привинченном к полу у изголовья кровати, были аккуратно разложены паспорт, расческа и карандаш, причем карандаш катался по матовой деревянной поверхности и все время норовил упасть.

Бонд улыбнулся. Он еще не забыл свою прошлую прогулку на «Элизабет». Только тогда движение корабля не было таким спокойным и размеренным — то он развивал максимальную скорость, то замирал в ночной темноте и, погасив бортовые огни, отдавал себя на волю волн и течений. С тех пор облик лайнера сильно изменился — исчезли носовые пулеметные турели и вытянутые цилиндры торпедных аппаратов, а с надпалубной надстройки сняли защитные броне плиты. Одним словом, «Элизабет» из охотника за немецкими подводными лодками превратилась в мирное рейсовое судно, причем весьма и весьма комфортабельное.

Джеймс поднял телефонную трубку и попросил мисс Кейз. Услышав голос девушки, он поцеловал микрофон.

— Это все, на что ты способен?

Бонд представил выражение лица Тиффани и невольно рассмеялся.

— Дорогая, дай мне еще несколько дней, я войду в прежнюю форму, и тогда...

— И тогда мы, наконец, вместе будем ходить обедать, — закончила Тиффани.

— Вот и прекрасно, а пока закажи себе шампанского и поштудируй местную библиотеку.

— О'кей.

— Послушай, я хотел бы спросить тебя кое о чем, касающемся Эй-Би-Си. — Бонд сделал паузу. — Мне необходимо знать телефон, по которому ты звонила в Англию. Я расскажу, почему Спанги так интересуют меня, только немного позже. А сейчас ты должна доверять мне. Слышишь?

— Да, я понимаю.

Зафиксировав в памяти ответы на заданные вопросы, Джеймс поблагодарил девушку и, положив трубку, уселся

писать пространный отчет М., отправить который намеревался отсюда.

...Выйдя в открытый океан, «Элизабет» оставила позади себя берег, встретивший Бонда столь гостеприимно и так жестоко обманувший его. Приятными воспоминаниями об Америке он был обязан Тиффани, Феликсу и Эрни, а в остальном — погони, перестрелки, рукопашные схватки. Удручающее однообразие и абсолютно никакого удовлетворения.

Джеймс закурил и, выпустив в потолок струйку дыма, задумался. Он не мог знать, что в этот момент корабельный радист отправлял срочную телеграмму следующего содержания:

«Эй-Би-Си. Дворец алмазов. Хаттон-гарден. Лондон.

Объекты локализованы. Если вы будете настаивать на принятии жестких мер, оплата через наш банк.

Винтер».

А минутой раньше в эфир ушло сообщение, адресованное коммерческому директору «Универсал экспорт». Через час на стол М. лег расшифрованный отчет Бонда.

А еще через час корабельная радиостанция приняла ответную телеграмму из Лондона:

«Винтеру, пассажиру первого класса.

Лайнер «Королева Элизабет».

Немедленно привести объект «Кейз» в надлежащий вид.

Детонатор необходимо доставить в лондонское отделение нашей фирмы. Цена операции — двадцать тысяч долларов.

Эй-Би-Си».

Сверившись со списком пассажиров, оператор заклеил телеграмму в аккуратный белый конверт и по пневмопочте отправил его в нужную каюту.

...Официанту, выходявшему из номера «49 А», показалось несколько странным восклицание толстяка, спрятавшего при его появлении какой-то лист бумаги. Эти слова предназначались, видимо, его худощавому другу, сидевшему напротив, и звучали они приблизительно так: «Не дрейфь, Буффи. Двадцать кусков стоят того, чтобы за них поработать. А потом, она заслужила это».

...Шел третий день плавания. Почувствовав, что силы возвратились к нему, Джеймс изменил свой режим и проводил все свободное время рядом с Тиффани. На сегодня они запланировали посещение бара и, как выразилась Тиффани, «роскошный обед в ресторане». Что ж, вовсе не-

дурная мысль. Тем более погода явно баловала их — ярко светило позднее летнее солнце, а вокруг разноцветными бликами переливалась бескрайняя ширь океана.

Бар располагался на застекленной верхней палубе, и его прозрачные стены позволяли посетителям любоваться причудливой игрой света на зелено-голубом зеркале воды.

Выбрав самый дальний угловой столик, Джеймс прочел в глазах Тиффани вполне законный упрек и виновато развел руками.

— Что за выходки, радость моя? — в голосе девушки прозвучала легкая насмешка. — И главное, он не чувствует за собой никакой вины. С наглой улыбкой указывает в какой-то темный угол. Ну, и как я должна теперь, по-твоему, поступить?

— Подойти ко мне поближе и поцеловать.

— Нахал, — сказала Тиффани и обняла его. — Ты, слушаем, не успел обзавестись здесь подружкой?

Бонд хитро улыбнулся.

— У меня есть лучшая альтернатива.

Они заказали два сухих martini и нарезанный дольками лимон.

— Твоя откровенность приводит меня в восторг. Подумать только — одна из самых красивых женщин Америки уделяет внимание какому-то англичанину, а он и ухом не ведет. Может, он привык шевелить чем-нибудь другим?

Джеймс удивленно вздернул брови. Неожиданно она встала со стула и пересела ему на колени.

— Ты просто не представляешь, как я счастлива. Мне так хорошо с тобой. Почему мы не встретились раньше?

Бонд провел рукой по ее волосам.

— Не обращай внимания на мои глупые шутки, ладно?

Он кивнул и потерся щекой о ее подбородок. Мягкая ткань ее рубашки заскользила у него под пальцами. Но девушка поднялась и, поправив юбку, вернулась на свое место.

На шее у нее сверкало алмазное кольцо. Больше Джеймс не видел никаких украшений, но и этого кольца было вполне достаточно, чтобы над головой Тиффани засверкал божественный ореол. А с полуоткрытых губ, казалось, вот-вот сорвутся слова, которые он так хотел услышать.

Она опустила глаза и тихо спросила:

— Кто ты, Джеймс? Тогда, в Лондоне, я подумала, что встретила очередного ловеласа, но потом поняла, что ошиблась. Ты показался мне немного странным, а в круг моих обязанностей входила и проверка курьеров. Но я не стала никуда звонить, потому что...

— Не надо, Тиффани, — Бонд бросил в мартини лимонную дольку. — Поверь, я не заслуживаю того, чтобы ты меня о чем-то просила, и знаю, что должен все объяснить. Да, Серафимо почти угадал, но именно это «почти» и стоило ему жизни. Я работаю на правительство Англии. Контрабанда алмазов приносит моей стране огромные убытки.

— Значит, ты секретный агент?

— Да.

— И место твоей службы — министерство обороны?

— Опять угадала.

Тиффани положила голову на скрещенные руки и внимательно посмотрела на Джеймса.

— И когда мы приедем в Англию, то...?

— Да, будем жить вместе.

— И я стану такой же собственностью вашей королевы, как и ты сам? Вообще-то я предпочитаю принадлежать самой себе.

— Королева не предъявит к тебе никаких претензий, чего нельзя сказать обо мне. Я хочу, чтобы ты была моей. Навсегда.

— Это нужно расценивать как предложение?

Джеймс прочел в ее взгляде немой вопрос. Казалось, будто Тиффани подумала, но так и не решилась сказать: «Я ждала чего угодно, но только не этого. И если ты действительно сделал мне предложение, то неужели сомневалась в себе?»

Бонд кивнул в знак согласия.

— Ты женат?

— Нет. Как-то все времени на это не хватало.

— Понятно. Ты из тех старомодных джентельменов, которые любят спать с женщинами, но не более того. Правда?

— Не совсем. Просто мне всегда казалось, что женитьба не делает людей ближе друг к другу, а чаще всего — наоборот.

Тиффани задумчиво потрепала свой локон.

— Может, что-то в этом и есть. Однако ты изменил свое мнение на этот счет, а последнее слово оставил за мной.

— И каким же оно будет?

Девушка усмехнулась:

— Я тоже никогда не была замужем. За кого, по-твоему, я должна была выйти? За Шеди Три?

— Неужели и он предлагал тебе руку и сердце?

— Не обижай меня, Джеймс, — в голосе ее послышались просительные нотки. — Да, я была слишком крепко

связана со Спангом и его людьми, но лишь потому, что сделала когда-то один-единственный неверный шаг. Это бывает с каждым, и порой в этом нет их вины.

Бонд подвинул свой стул ближе и нежно обнял ее.

— Я все знаю, Тиффани. Феликс рассказал мне вкратце твою биографию, вот почему я и не спрашиваю тебя о многом. Не думай о грустном. Мы живем в сегодня, а вчера осталось где-то в тумане нашей памяти.

Девушка промолчала, а Джеймс предусмотрительно сменил тему разговора.

— Кстати, Тиффани, могу тебя поздравить. Тогда, в казино, ты здорово меня надула. Я так и не смог понять, когда же ты успела подменить карты. Мое воображение рисует такие сложные комбинации, что я начинаю сомневаться в своем умении играть в покер.

Она рассмеялась.

— Я не лстила тебе. Ты действительно прекрасно играешь. А что касается того, как я стала дилером, то это совсем короткая история. Когда я родилась, мой любезный папаша оставил матери тысячу долларов и умотал. В конце концов его прихлопнули где-то в Иво-Джиме. Моя мать вынуждена была как-то существовать, поэтому не гнушалась и незаконных заработков, но в то же время хотела, чтобы я поднялась значительно выше ее. Не слишком приятно звучит для уха блюстителя правопорядка, не так ли?

— Особенно если учесть, что сам он не раз преступал черту законности. Правда, это случалось в других странах, но все-таки...

Тиффани пожала плечами.

— Лайтер наверняка не упустил возможности упомянуть, что у нас был игорный дом.— Тиффани отхлебнула martini.— Так вот, он попал в сферу влияния одной из мафиозных группировок. Я вынуждена была уйти из дома и решила попытать счастья в Рено. Там как раз шел набор на курсы дилеров, и меня зачислили. Я прошла все ступени и стала, можно сказать «дипломированным специалистом». Широкий профиль — бинго, карты, рулетка. Неплохо зарабатывала. Двести долларов в неделю для меня тогда были целым состоянием. И вообще мужчинам почему-то нравится, когда дилер — женщина. Им кажется, что ее легче обмануть.

Тиффани повернулась и, легонько укусив Бонда за ухо, прошептала:

— Теперь купи мне второй martini и расскажи: какую женщину ты хочешь видеть рядом с собой в постели?

Небрежным жестом подозвав официанта, Джеймс повторил заказ и, закулив сигарету, уставился в потолок.

— Прежде всего,— начал он,— она должна уметь приготовить пикантный соус с не меньшим блеском, чем яичницу.

— О, это так характерно для кривоногих мымыр, которым, кроме своих кулинарных способностей, нечем похвастать.

— Напротив, Тиффани, напротив. Она обладает всеми женскими прелестями. Золотые локоны. Серые глаза. А линии ее губ — они просто созданы для поцелуев. Ее ноги и грудь способны поставить на колени любого. Ну и, кроме того, она остроумна, немного хитровата, прекрасно играет в карты. А улыбка — боже мой, я готов выпрыгнуть за борт, только бы увидеть ее снова!

— Неужели ты женишься на этой красотке, если встретишь ее в жизни?

— Не исключено, что и да. Но все дело в том, что я уже почти женат. На мужчине. Его имя начинается с М. Если я решу жениться на женщине, это может вызвать его неудовольствие.

— Скажи, Джеймс, ты хочешь, чтобы у тебя были дети? Бонд пожал плечами.

— Можно в принципе одного-двоих. Но лишь после того, как я уйду в отставку, иначе они вряд ли доживут до совершеннолетия. А что думаешь по этому поводу ты?

— Каждая девушка, наверное, мечтает прийти вечером домой и обнаружить в прихожей солидную мужскую шляпу. Вся беда в том, что она украшает не всегда достойную голову. Я знаю, что блестяще выгляжу в обществе, но я такая только на людях. Тебе трудно понять это, твоя работа не терпит рутины. Ну, а что касается остального, то путь салонной девочки не по мне. Приобретая деньги, теряешь друзей. А я не хочу оставаться в одиночестве. Как сказала одна проститутка с Бродвея: «Что это за утро, если, проснувшись, ты не нашла кого-нибудь рядом с собой?»

Джеймс натянуто засмеялся.

— Сейчас ты выбралась из рутины, но все-таки я хочу узнать одну вещь. У тебя было что-нибудь с Серафимо? Что означали эти спальни в экспрессе и столик, накрытый для двоих?..

Прежде чем он успел закончить, она резко поднялась и направилась к выходу из бара.

Оставив на столе десять долларов, Джеймс бросился за ней. Догнав ее в коридоре, он заслонил дорогу.

— Послушай, Тиффани...

— Как ты мог, Джеймс,— она повернула к нему заливающее слезами лицо.— Зачем, зачем ты испортил все?

Тиффани вытащила из сумочки носовой платок.

— Ты нисколько не изменился после нашей первой встречи. Такой же недоверчивый и прямолинейный.

Он быстро нагнулся и взял ее на руки.

— Любовь моя, поверь, я должен был спросить об этом, иначе между нами встала бы такая стена, разрушить которую мы бы уже не смогли. Для меня та ночь навсегда останется диким кошмаром, а когда я увидел этот столик...

— Пусти.

Бонд аккуратно поставил ее на пол. Всхлипнув, Тиффани отвернулась к иллюминатору. Наконец, взяв себя в руки, она тихо прошептала:

— Ты читал когда-нибудь «Алису в Стране чудес» Кэрролла?

— Очень и очень давно.— Он был заинтригован.

— Там есть такая строчка: «Маленький мышонок, сможешь ли ты вывести меня из этого моря слез?» Вместо того чтобы помочь, ты утопил меня в нем, Джеймс. Вот почему я ушла.— Она посмотрела на него снизу вверх.— Ты не сердись?

Бонд привлек ее к себе, и, обнявшись, они пошли к лифту.

— Я должна привести себя в порядок и подобрать на вечер что-нибудь из одежды. Не могу же я появиться перед тобой в чем попало! — Тиффани подергала его за рукав.— Кстати, если мистера секретного агента так интересует, спала ли я со своим боссом, то пусть он не мучается — Серафимо не удостоился такой чести. А сейчас иди и прими ванну, она тебя немного успокоит — по-моему, ты чрезмерно возбуждился.

Оба расхохотались. Проводив Тиффани до каюты, Бонд отправился к себе.

Вняв мудрому совету Тиффани, он принял ванну и, сбросив домашний халат, улегся в постель.

Включив бра, он собрался было прочесть утренние газеты, но в дверь кто-то постучал.

Джеймс сел и, мгновенно вытащив из-под подушки пистолет, сунул его в глубокий карман халата и только после этого громко сказал:

— Открыто.

Вошел стюард и, поставив на столик небольшой поднос, поклонился.

— Что за чертовщина? — обе руки Бонда были опущены в карманы.

— Сюрприз, сэр. Велели принести вам с кухни.

— Благодарю вас.

Дав стюарду на чай, Джеймс принялся за изучение подноса и того, то на нем стояло: на четверть полной бутылки «Болингера», тарелки с аккуратно нарезанными кусочками вареного мяса. Рядом обнаружил чашечку с ароматным соусом. К горлышку бутылки была прикреплена записка:

«Этот пикантный соус был приготовлен мисс Т. Кейз без моей помощи.

Шеф-повар».

Бонд наполнил бокал принесенным шампанским и, намазав мясо соусом, недоверчиво поднес угощение ко рту. Откусив маленький кусочек, он тщательно его прожевал и проглотил. Такое блюдо мог приготовить только мастер. Джеймс решил позвонить Тиффани, но, сняв трубку, вместо мягкого голоса телефонистки услышал грубую мужскую речь и неприятный хриплый смех.

— Твоя шлюха чудесно готовит, но тебе не придется попользоваться ее услугами.

Бонд достал пистолет, поднес его к микрофону и щелкнул предохранителем.

23

ВЕЧЕР ТРУДНОГО ДНЯ

Меню ресторана «Королевы Элизабет» было отменным. Известнейшие сорта вин и прохладительных напитков соседствовали с не менее знаменитыми французскими и английскими десертами, а что касалось супов, бульонов и прочих утех обожателей первого, то местной кухне наверняка не нашлось бы равных на всех остальных морских лайнерах. Не меньшее внимание уделялось и вторым блюдам. Феликс Лайтер умер бы от зависти, узнав, каких кулинарных шедевров удалось отведать его другу.

Ресторан располагался на корме, и его стены, так же как и в баре, были из хрустально-прозрачного стекла. Мерное дыхание дремлющего океана чуть покачивало огромный корабль, и светлая лунная дорожка, ярко выделявшаяся на темном, почти черном фоне воды, повторяла это движение.

Мужчина и женщина, сидевшие в самой глубине обеденного зала, о чем-то увлеченно беседовали, не обращая

абсолютно никакого внимания на то, что делалось вокруг. Табачный дым, клубившийся над их столиком, приобретал в приглушенном ночном освещении темно-красный оттенок, что создавало впечатление сказочной нереальности всего происходившего.

Рука мужчины, лежавшая поначалу спокойно на коленях спутницы, постепенно перемещалась все выше и выше, и то, что девушка прикрыла ее своей ладонью, пытаясь ускорить и без того быстрое продвижение его руки вверх, без слов говорило о том, что любовь — это быстро прогрессирующая болезнь. Подошедший официант прервал их безмолвное объяснение. Бонд оплатил счет и, улыбнувшись так, как умел только он один, прошептал что-то на ухо Тиффани.

Они поднялись и направились к выходу.

— Не желаешь продолжить праздник чревоугодия? — полюбопытствовал Джеймс.

— Пожалуй, я бы не отказалась от чашечки кофе и десерта со сливками.

— Недурно, вовсе недурно.

— Думаю, мы сумеем доставить себе двойное удовольствие. Где-то внизу должен сейчас начаться аукцион. Успокаивая желудок мороженым, вполне можно рассчитывать на успех.

— Дорогая, поверь, без тебя я бы погиб здесь от скуки.

Они спустились на вторую палубу и, миновав игровой зал, где многочисленные посетители пытались счастье в бинго, оказались в курительной. Как правило, на кораблях аукционы проводились именно тут. Длинные ряды мягких стульев и диванов подтвердили правильность догадки Тиффани. Обнаружив много незанятых мест, Джеймс несколько не удивился — на лайнере и без того было предостаточно развлечений. Но не успели они заказать десерт со сливками и кофе, как толпа, хлынувшая из кинозала, заполнила все помещение.

— Ого, так, значит, местные торги пользуются не меньшей популярностью, чем продукция Голливуда?

— Боюсь тебя разочаровать, — она поправила прическу, — но это не совсем обычные торги.

— Вот как?

— Сейчас сам все поймешь.

Призывая к тишине, распорядитель аукциона, седой полноватый мужчина в белом костюме, постучал по столу своим молоточком. К лацкану его пиджака была приколотая алая гвоздика. Дождавшись, пока публика уgomонится, он

объявил торги открытыми и сделал следующее сообщение:

— Леди и джентльмены. Наши вечерние встречи превратились в замечательную традицию, я просто уверен, что вы ждете их с величайшим нетерпением. И я согласен с вами, господа. Нет ничего приятнее, чем купить то, что никто не продает. Итак, приступим к делу, уважаемые гости. Его предложение вызвало одобрительный гул.

— Знаете, сегодня утром я побывал у капитана, и он сообщил мне приблизительный прогноз нашего плавания, но лишь приблизительный, господа. Вам предстоит сделать это с точностью до одной мили. И тот, кто решит такую невероятно сложную задачу, станет обладателем 2.400 фунтов стерлингов, и ни пенни меньше!.. Внимание, прошу внимания! Наш всеми уважаемый капитан считает, что за завтрашний день «Элизабет» покроет расстояние от 720 до 739 миль. Все слышали?.. Прекрасно! Так вот, господа, у меня имеются пронумерованные жетоны. Не удивляйтесь, среди них могут попасться числа и меньше 720 — их мы будем называть нижним полем, и больше 739 — как вы уже догадались, они получают название верхнего поля, есть и такие, что лежат в промежутке между названными числами. Ну, к примеру, 721... Джентльмены, прекратите отвлекать дам, иначе они лишатся обещанного гонорара... Итак, вам предстоит купить один или несколько жетонов, и, если ваши предсказания сбудутся, все проигравшие с удовольствием поздравят победителя. Не так ли?

Аплодисменты заглушили конец его речи. Учтиво поклонившись, распорядитель, пользовавшийся, по-видимому, бешеным успехом у публики, пригласил на сцену какую-то женщину и любезно попросил ее достать первый жетон.

— О-о, мадам, у вас счастливая рука, номер 738! Надеюсь, что перед тем, как прийти сюда, вы убедились, что море спокойно и шторма не предвидится, а значит, погода не окажет никакого влияния на ваш прогноз. Смелее, господа!.. Ах, вы боитесь сделать первый шаг? Ну, хорошо, я помогу вам. Ставлю 50 фунтов! Для новичков повторяю — в правилах нашего аукциона записано, что ставки могут понижаться, — все подчиняется только ходу торга. Итак, кто даст больше или, наоборот, меньше?.. Вы? Еще раз повторите, пожалуйста! О! Двадцать фунтов! Безобразие, он сбил мою цену! Господа! Неужели вы настолько бессердечны, что не поможете в беде вашему покорному слуге?.. Простите! Сколько? Тридцать? О, вы льете бальзам на мою рану. Так, сорок пять от моего друга мистера Розблатта.

Спасибо, Чарли! Я твой должник. Ай-ай-ай, видно, вы все-таки сговорились меня сегодня засыпать?.. Как? Не снится ли мне это? Вы действительно предложили 50?.. Мадемуазель, поверьте, я счастлив, что получил такой подарок из ваших рук. Итак, 50 фунтов раз!..

Гулко ударил молоточек.

— ...два! Никто не хочет сказать 55? Нет? Ну и чудесно!.. Три! Продано!

— У этого парня язык без костей,— в голосе Бонда проскользнули одобрительные интонации.— И продали, кстати, вовсе неплохой номер. Ветер почти на нуле. Океан спокоен, и по курсу, по-моему, не предвидится никаких сильных течений, то есть просто-таки идеальные условия для нижней границы верхнего поля.

Тиффани хитро улыбнулась и спросила:

— Сколько у тебя с собой денег?

— Около двухсот фунтов. Может, больше. Точно не помню. Помяни мое слово, следующие жетоны пойдут дороже, но тот, кто купил первый, все равно проиграл. Здесь существует такая интересная закономерность — первый выигрывает в одном случае из тридцати.

Пока Джеймс высказывал столь ценную мысль, распорядитель уже успел продать второй жетон за 90 фунтов. Он достался довольно миловидной девушке, сидевшей рядом с пожилым представительным мужчиной.

— Поторопись, Джеймс, иначе ты прозеваешь третий.— Тиффани выразительно посмотрела на него.— Бери пример с настоящих джентльменов.

— Опомнись, радость моя, ему уже далеко за шестьдесят. Такие субъекты привлекают хорошеньких девушек только благодаря двум достоинствам — во-первых, солидным капиталом и, во-вторых, умением рассказывать анекдоты, причем они предпочитают пользоваться первым.

— И почему же?

— Менее утомительно.— Бонд откинулся на спинку стула.

— Не будь ты таким тщеславным.— Тиффани ущипнула его за щеку.— А потом, к твоему сведению, перешагнув некоторую возрастную черту, мужчины становятся более ласковыми и любят женщину совсем не так, как в молодости.

— Да, действительно,— вздохнул Джеймс.— Совсем не так.

— Пошляк.— Девушка отвернулась и, неожиданно рассмеявшись, спросила: — Так ты купишь мне сегодня жетон или нет?

— Вне всяких сомнений,— Бонд взял со стола программку аукциона. На ее обложке ярко выделялись печатные черные буквы: «Памятка участнику аукционных распродаж «Королевы Элизабет»».— Позволю себе зачитать вслух несколько отрывков.

Джеймс перелистнул страничку и продолжил:

— Ввиду многочисленных просьб и пожеланий постоянных клиентов нашей «Компании...» дирекция рассмотрела вопрос о лотерейных распродажах. Еще раз подчеркиваем, что их проведение не является инициативой «Компании...» и получаемые при этом доходы проходят мимо нашей кассы.— Бонд сделал паузу.

— Ну и что из того? По-моему, никакого криминала.— На лице Тиффани появилось недоумение.

— Если не считать одной маленькой оговорки о том, что пассажиры имеют право избирать свой комитет, который контролировал бы этого проходимца.— Он кивнул в сторону распорядителя.— А управитель и администрация распродаж обязаны выполнять лишь чисто формальные функции по подготовке, проведению и так далее, а в остальном — полное подчинение комитету.— Джеймс заговорщически улыбнулся.— Дураку понятно, что никто из пассажиров не пожелает участвовать в работе этого самого комитета — разве что дети. Однако тут не забыли упомянуть о том, что необходимо тщательно следить за выполнением указа английского управления финансов и что чеки, полученные в результате подобных игр, должны предъявляться к оплате на месте. Они даже должны быть снабжены специальной меткой, что вряд ли здесь делается, так как помеченные чеки не оплатит ни один банк — уж они-то по крайней мере стараются придерживаться закона.

Бонд отложил программку в сторону.

— Итак, выигравшим выдаются абсолютно чистые чеки, которые они элементарно могут обратить в наличные. В итоге организаторы этой легкой аферы получают чистый навар, не вложив в это дело ни единого пенни. Если бы здесь соблюдались инструкции казначейства, чеки оплачивались бы только тем, кто провозил бы их под лямками своих подтяжек. Вовсе неплохо.

— Не вижу в этом ничего особенного,— Тиффани пожала плечами.— Из всей твоей тирады я поняла лишь то, что рядом со мной сидит скряга.

— Скоро ты разуверишься в этом. Как я понял, главное представление еще впереди.

Распорядитель вдруг замолчал и, когда в комнате стало совсем тихо, торжественно объявил:

— Леди и джентльмены, мы подошли к решающему моменту нашей сегодняшней встречи. Сейчас вам надлежит строго определиться, какому полю вы отдаете большее предпочтение. Начальная ставка сто фунтов. Кто даст больше за свое поле? Смелее, господа. Ничего страшного, что ваши мнения разделились. Но не забывайте, уважаемые прагматики, что погода может измениться, несмотря на самые точные прогнозы, и тогда вы останетесь — боюсь произнести это слово, но не вижу другого выхода вас расшевелить — в дураках! Итак?

...О, раздаются первые голоса. Это настоящие первопроходцы, господа! Да-да, они всегда рядом с нами, и я очень им благодарен. Их суммы — сто десять, сто двадцать и сто тридцать фунтов. Спасибо. Есть еще желающие поднять ставки?

— Сто пятьдесят.

Бонду показалось, что человек, сказавший это, сидит прямо позади него.

— Сто шестьдесят.

На этот раз говорила женщина, но предложенная ею цена продержалась ровно секунду и затем поднялась до 190.

— Двести фунтов.

Опять тот же голос.

Что-то заставило Джеймса обернуться и посмотреть на того, кто так страстно желал заполучить самый дорогой жетон.

Столь азартным игроком оказался очень крупный полноватый мужчина с лоснящимся одутловатым лицом. Маленькие глубоко посаженные глазки под редкими бровями производили неприятное впечатление, а половину лба закрывали длинные курчавые волосы. Несмотря на то что курительная прекрасно кондиционировалась, на переносице у него блестели капельки пота и он то и дело лазил в карман за носовым платком. Массивный подбородок, несколько выдававшийся вперед, чем-то напомнил Бонду физиономию Серафимо, но властный взгляд того никак не вязался с лакейскими замашками этого. Джеймс сам не мог понять, почему он вдруг пришел к выводу, что видит перед собой человека, больше склонного к беспрекословному повиновению, чем к проявлению твердости характера. Странно все-таки, что этот тип вызывает какие-то неприятные ассоциации. Может быть, его голос? Или внешность? Ясно лишь одно — они где-то встречались, но как давно

это было? Где? В Англии, Америке или во Франции? Не исключено, что и в Турции. Но самым занимательным во всей этой истории был тот факт, что и его сосед казался Бонду небезызвестной личностью. Светлые волосы, приятные черты лица, обаятельная улыбка — одним словом, симпатичный парень, только вот глаза слишком холодные и бесстрастные.

Ставки тем временем подскочили до 250 фунтов.

Бонд наклонился к Тиффани.

— Взгляни-ка на тех двух американцев. Они тебе никого не напоминают?

Девушка почувствовала в интонациях Джеймса некоторую неуверенность и, оглядев задний ряд, отрицательно покачала головой.

— Нет, я не знакома с ними. Смахивают на выходцев из Бруклина, у того толстяка характерный акцент. А чем они тебя так заинтересовали?

— Внешне похожи на бизнесменов, и я просто-таки уверен, что и в списке пассажиров против их имен стоит что-нибудь типа «консультант по маркетингу» или «биржевой маклер».

— И что из того?

— Ничего особенного, просто они не те, за кого себя выдают. Даже второй, тот, что помоложе, слишком напряжен для развлекающегося американца, а судя по их одежде, они не принадлежат к бедствующим слоям населения.

Тиффани не успела ничего ответить. Зал взорвался аплодисментами — видимо, распорядитель пустил гулять очередную остроту. Когда шум немного утих, он поднялся из-за стола и прервал торг следующим заявлением:

— Леди и джентльмены. Позвольте от всей души приветствовать вашу сегодняшнюю активность. Да-да, вы правильно поняли. Мои слова в большей степени относятся к очаровательной даме в розовом вечернем платье.

По рядам пошло оживленное перешептывание, но распорядитель продолжил:

— И, конечно же, к господину, сидящему за столиком у самого выхода. Не возражаете, если и я внесу малую лепту в ваш замечательный дуэт? Я поднимаю ставки до 325.

— Триста пятьдесят!

Толстяк вовсе не собирался сдаться, но и дама не желала уступать первенства.

— Четыреста! — таким был ее ответ.

— Пятьсот!

В зале смолкли все разговоры. И без того было ясно, что поднимать цену выше мог только безумец.

— Итак, последней была названа сумма в пятьсот фунтов.— Удар молоточка известил присутствующих о том, что если они еще не оставили надежды принять участие в столь дорогой игре, то нужно поторопиться.— ...Два!.. Три! Жетон продан, и я официально объявляю о том, что право выбора поля принадлежит всем вам известному джентльмену! Поздравим его!

На лице победителя не отразилось абсолютно никаких чувств — ни намек на радостное возбуждение или что-нибудь, хоть отдаленно напоминавшее его.

Распорядитель, напротив, сиял от счастья. Первый раз за весь рейс ему удалось вытянуть столько денег — и это всего лишь за один жетон. Переждав гвалт и прочие несдержанные выражения своих эмоций публикой, он торжественно произнес:

— А сейчас, господа, опять-таки в соответствии с нашими традициями дадим слово тому, кому на этот раз повезло больше других. Итак, какое же поле вы предпочтете?

Даже самые несообразительные уловили в этой фразе ироничный намек, но ответ ошеломил всех.

— Нижнее поле.

Действительно, нужно быть полнейшим идиотом, чтобы, имея на руках все козыри, соглашаться на проигрыш. Погода — лучше не придумаешь, а при таком мизерном волнении даже маломощный траулер покроеет огромное расстояние, не говоря уже о том, что «Королева Элизабет» без всяких усилий дает тридцать узлов. Неужели на решение этого толстяка повлиял какой-то никому неизвестный важный фактор?

Даже распорядитель был настолько поражен, что стал заикаться:

— П-п-простите, мистер, но вы действительно сказали слово «нижнее»?

— Да.

Выжав из себя жиденькую улыбочку, администратор продолжил:

— А сейчас, думаю, стоит разыграть жетон на верхнее поле.

Его предложение было встречено бурными овациями. Джеймс пожал плечами.

— Станный тип. На небе ни тучки, в океан можно смотреться, словно в зеркало. Или он пронюхал что-нибудь из сводок военной метеослужбы, или он чокнутый. Не нра-

вится мне все это, а потом, они проявляли к нам повышенный интерес.

— С чего ты взял? — Тиффани улыбнулась ему. — Тебе не пришла в голову такая простая мысль, что эта парочка — обычные наркоманы? Давненько я не видела таких отупевших рож. Вряд ли они соображают, что делают. О, полюбуйся! Твой толстяк сосет палец.

— Что, сосет палец? — Бонд вновь напряг свою память, но это словосочетание почему-то ассоциировалось только с хитроватой физиономией Феликса Лайтера.

Неожиданно Тиффани взяла Джеймса за руку и наклонилась к нему настолько близко, что он ощутил ее дыхание на своей щеке.

— Забудь про них, и потом, мне скучно здесь. Ты не мог бы предложить место, куда бы мы могли наведаться?

Не сказав ни слова, Бонд поднялся, и они направились к выходу. Он обнял Тиффани, и ее голова легла ему на плечо — это получилось как-то само собой. Расстояние от курительной до его каюты показалось Джеймсу ничуть не короче пути от Лондона до Северного полюса, и когда после четвертой попытки он все-таки открыл дверь и выпустил Тиффани, терпение его было уже на исходе. Она обвила руками его шею, и эта маленькая комнатка вдруг показалась Бонду королевской спальней, а в общем-то так оно и было, ведь в своих объятиях он держал самую настоящую королеву.

Еще мгновение, и ее легкое платье невесомой паутиной скользнуло куда-то вниз.

— Я хочу тебя, Джеймс. Покажи, что ты можешь предложить даме. Ну же?.. О-о-о, Джеймс...

— Иди же сюда, любовь моя, — прошептал Бонд, и в следующий момент их губы соединились. Он целовал ее и чувствовал, как каждое его прикосновение вызывает у нее сладкую истому.

Тиффани тихо застонала и еще сильнее прильнула к нему:

— О-о-о, Джеймс, на полу... это же совсем не по-английски...

24

ХОЛОД И МРАК СМЕРТИ

Открыв глаза, Бонд не сразу понял, почему проснулся. Перед ним все еще стояло улыбающееся лицо Тиффани, и он прекрасно помнил, что перед тем, как уйти к себе, она

разбудила его и, поцеловав, перевернула на другой бок, предупредив, что врачи не рекомендуют спать на левой стороне.

Джеймс собрался было досмотреть свой столь некстати прерванный сон, но вдруг обнаружил, что не сможет сделать этого по той простой причине, что над его ухом переливчатыми трелями заливается телефон.

Сняв трубку, он не очень-то вежливо произнес:

— Слушаю.

— Простите за беспокойство, сэр, с вами говорят из радиорубки. Только что на ваше имя поступила зашифрованная телеграмма из Лондона. Вы не будете возражать, если вам доставят ее в каюту?

— Спасибо за предупреждение. Несите.

О, господи, до утра никак нельзя было подождать. Бонд поднялся и, с сожалением взглянув на пустую постель, натянул халат и скрылся в душевой. Ополоснувшись, он высушил полотенцем голову и причесался. Не найдя брюк и рубашки на привычном месте — на стуле у изголовья кровати, Джеймс включил свет и обнаружил их на полу. Пробормотав что-то насчет своей забывчивости, он оделся и закурил.

В дверь тихо постучали, и посыльный, учтиво поклонившись, передал Бонду телеграмму, занимавшую половину листа машинописного текста. Уж если Секрет Сервис разорилась на такую длинную депешу, значит, для этого были веские основания.

По мере того как он усваивал смысл прочитанного, лицо его постепенно вытягивалось, а хорошее настроение моментально куда-то улетучилось. Джеймс без труда узнал слог и манеру построения предложений шефа секретной службы:

«1. Согласно вашим рекомендациям, за Руфусом Б. Сайе был установлен негласный надзор. Уведомляю вас о том, что не далее как вчера он получил с борта «Королевы Элизабет» срочную телеграмму, подписанную неким Винтером. В ней запрашивались указания относительно вас и мисс Кейз. Ответ Сайе был перехвачен нами со значительным опозданием. Его инструкции однозначны: мисс Кейз — ликвидировать, вас — доставить в английский офис «Дворца алмазов».

2. Эй-Би-Си — французская аббревиатура имени А. Бэй Сайе.

3. Вчера же Сайе вылетел в Париж — вероятно, в Лондон просочилась какая-то информация с рудников. Согласно данным Интерпола, он остановился в Дакаре. Это лишь

подтверждает наши предположения относительно того, что контрабандные алмазы через Сьерра-Леоне переправляются во Французскую Гвинею. Проанализировав все варианты, мы пришли к выводу, что одной из главных фигур, участвующих в широкомасштабных африканских операциях, является один из сотрудников медицинского сектора «Сьерра интернэшнл» — предположительно стоматолог.

4. В Сьерра-Леоне желательно ваше присутствие. Завтра ночью вылетайте самолетом в Канберру».

Мгновение Бонд сидел без движения.

Замечательно, кто-то из компании Спангов плывет вместе с ними. Кто? И где?

Джеймс снова взялся за телефон.

— Мисс Кейз, пожалуйста.

Он услышал щелчок переключаемого тумблера — их аппараты соединили в одну линию. Первый гудок... второй... третий... еще один.

Бонд положил трубку и выскочил в коридор. В несколько прыжков преодолев расстояние до ее каюты, он рывком распахнул дверь и, бросившись на пол, перекатился в дальний угол. Его левое плечо плотно прижалось к мягкой стеной обивке, но «беретта», сжатая в правой руке, напрасно искала цель — вокруг никого не было.

Он опустил пистолет и быстро осмотрелся. Кровать заправлена. Включен торшер. И тут Джеймс заметил сумочку Тиффани, небрежно брошенную на ковер. Из нее выпали пудреница и портмоне. Значит, она все-таки вошла сюда, но сзади, за дверью, кто-то стоял. Бонд заглянул в душевую. Ничего.

Идиот, он повел ее в свою каюту, а у нее все это время преспокойно сидел убийца и терпеливо ждал, пока она вернется. Но быть того не может, чтобы Тиффани убили сразу. Для начала из нее должны вытянуть все, что ей известно о нем, Бонде.

Джеймс шумно вздохнул. Ясно, что ее чем-то усыпили. Разве удивился бы кто-нибудь, встретив мужчину, несущего на руках женщину? Конечно, нет. Всем прекрасно известно, что от больших доз шампанского кружится голова. Где же они? В каком номере?

По всей видимости, времени у него в обрез. Сейчас три часа, а она ушла где-то в два десять — два пятнадцать.

Черт возьми, он перевернет этот вонючий корабль сверху донизу, заставит весь экипаж ловить этих ублюдков. Если они даже и выбьются из расписания, не произойдет ничего страшного.

Стоп! Выбьются из расписания? Задержатся?

Джеймс нервно рассмеялся. Надо же быть таким крепким! Вот оно — нижнее поле.

Он бегом вернулся к себе и отыскал памятку со списком пассажиров. Ну, конечно, вот и Винтер — номер 49 А. Палубой ниже. Ах, дружище Уинт, как мне хочется тебя покрепче обнять! А вот и малыш Кидд. Да, он подобрал себе вполне аристократическую фамилию — Киттеридж. Та же каюта. Молодой, обаятельный блондин и трясущийся от страха толстяк, прижимавший к груди чемоданчик с визитной карточкой. Первая группа крови. Проклятье, их с Тиффани вели даже в самолете. Невозможно придумать ничего смешнее — еще в Англии умудриться попасть под колпак.

Что там говорил Лайтер? Как зовут Уинта его дружки — Ветерок? «На побегушках у Спанга...— зазвучал у него в голове голос Тиффани,— ...забудь о них, Джеймс. Вряд ли они соображают, что делают. О, полюбуйся! Твой толстяк сосет палец...» И снова Феликс: «Поверь, он рано или поздно погорит из-за своей бородавки...»

Бородавки? Ах, да — на руке, державшей пистолет, направленный на Тингалинга Белла. И двое вчерашних американских бизнесменов на аукционе — тоже они, детройтская парочка — Уинт и Кидд. Все просто, как дважды два. Тиффани — за борт. Но при суточном распорядке «Королевы Элизабет» это исчезновение вряд ли осталось бы незамеченным. Корабль непременно возвратился бы назад и начал поиски тела. Вот поэтому-то Уинт и выбрал нижнее поле...

Воображение Бонда рисовало ему картины одну ужаснее и чудовищнее другой. Он навинтил на ствол «беретты» глушитель и сунул в карман запасную обойму. Его мозг ни на секунду не прекращал своей лихорадочной деятельности — просчитывались и оценивались возможные варианты стечения обстоятельств, проигрывались различные ситуации, которые могли неожиданно возникнуть.

Он извлек из «дипломата» вдвое сложенный план «Элизабет», который вместе с билетом передали ему люди Лайтера.

Ага, вот 49-я каюта. Прямо под ним.

Так. Выбить дверь и взять их обоих на мушку, прежде чем они его продырявят, вряд ли удастся. Можно, конечно, стрелять на звук голоса — у него это неплохо получалось, но каковы гарантии не попасть в Тиффани? Значит, отпадает. А если прихватить кого-нибудь из команды и, культурно постучавшись, попросить их открыть? Ну и что? Они

выбросят ее в иллюминатор, и, войдя внутрь, мы застанем двоих премилых американцев, убивающих время за покером. Есть, правда, еще один шанс...

Джеймс заткнул пистолет за пояс и, широко распахнув иллюминатор, выглянул наружу. Убедившись, что диаметра отверстия вполне хватит для того, чтобы вылезти, он попытался определить местоположение иллюминатора в каюте Уинта. Да, вот они — два светящихся внизу круга. Но далеко ли до них? В любом случае не больше восьми футов. Теперь уже слишком поздно что-либо обдумывать. Другого пути нет, тем более что для осуществления его идеи погода создала идеальные условия — никакого ветра, луна с противоположной стороны судна, так что ему пока не грозит никакой опасности быть замеченным. Весь вопрос в том, открыт ли хоть один из иллюминаторов.

Бонд подошел к кровати и, откинув одеяло, рывком сорвал с матраса простыню. Аккуратно разорвав ее на три части, он принялся связывать их наподобие каната. Испробовав ткань на прочность, он остался доволен. И тут же в его голове мелькнула абсолютно неуместная, дикая мысль: а как же он объяснит администрации пропажу своей простыни? Усмехнувшись, Джеймс решил, что возместит эту потерю, позаимствовав постельное белье из номера 49, — если, конечно, повезет. А если нет... — тогда ему не придется и отчитываться.

Он прочно закрепил один конец своего импровизированного троса на дуговом запоре и взглянул на часы. С тех пор как он прочел телеграмму Билла, прошло всего двенадцать минут.

Джеймс протиснулся в стальной лаз и, упершись ногами в приваренную к борту скобу, повис над океанской бездной.

Главное сейчас — ни о чем не думать, и не смотреть вниз. Страховка не подведет. Спускаться медленно — дюйм за дюймом, но все-таки спускаться. Его слегка покачивало — сказывалось движение судна, перед глазами маячили огромные металлические заклепки листовой обшивки. Где-то там, ниже, пенилась и бурлила вода, разрезаемая форштевнем судна, и до Бонда иногда долетали соленые, холодные брызги. А наверху, вокруг длинных мачт «Элизабет», замысловатый хоровод водили звезды.

Только бы выдержали узлы, иначе, упав в море, он не успеет отплыть достаточно далеко и его засосет под днище корабля — туда, где мощные винты взбивают воду в пенистый коктейль. Да, неприглядная перспектива. Гораздо приятнее и спокойнее представить, что он — маленький

мальчик, совсем еще безобидный ребенок, слезает в своем саду с яблони и ничего страшного, если рука вдруг сорвется — он просто-напросто шлепнется в мягкую шелковистую траву, и не более того.

Качнувшись в очередной раз, Джеймс больно ударился костяшками пальцев о шероховатую поверхность борта. Как хорошо, что он догадался снять ботинки — теперь ему не составит никакого труда нащупать жесткую раму иллюминатора.

Есть! Правым носком он коснулся ребристого металлического обрамления. Нужно остановиться. Терпение. Только терпение и полнейшее самообладание. Одно неверное движение, и можно потерять точку опоры.

Так он и думал! Иллюминатор настежь распахнут. Он нащупал латунный фиксатор, но между ним и ногой ясно угадывалась какая-то прокладка, и Бонд не сразу понял, что это краешек занавески. Прекрасно, теперь можно не прятаться — его все равно не увидят.

Еще мгновение — и он ухватился левой рукой за выступ иллюминатора и, изогнувшись, перенес всю тяжесть на ногу, не выпуская при этом канат. Наконец-то можно на секунду расслабиться и дать отдых измученным мышцам рук, но первым делом он проверил, на месте ли пистолет. Немного успокоившись, Джеймс оценил занятую им позицию. Вовсе неплохо, если не считать того, что он висит почти над самой ватерлинией «Элизабет», да еще не слишком-то в удобной позе. Дыхание постепенно приходило в норму. Сдерживая гулкое сердцебиение, Бонд прислушивался к тому, что делалось внутри.

Из каюты доносилось какое-то неразборчивое бормотание. Вдруг раздался громкий женский крик: «Нет!» и вслед за этим — звонкая пощечина. Она прозвучала, словно хлопок пистолетного выстрела, и Бонд, подобно отпущенной пружине, сорвался с места и, миновав иллюминатор, совершил благополучную посадку на огромном дорожном чемодане. Защищая голову левой рукой, он, еще не успев встать на ноги, выхватил «беретту».

Больно заломило ушибленную скулу, но в остальном он нисколько не пострадал. Джеймс держал оружие двумя руками — мушка находилась прямо против его прищуренных глаз, так что не оставалось ни малейших сомнений в том, что выпущенная пуля наверняка поразит свою цель.

— О'кей, — сказал Бонд, поднимаясь во весь рост.

Теперь его пистолет был направлен на узкий участок стены между двумя гангстерами.

— Значит, тебе все-таки кто-то донес, сам-то ты ни о чем не подозревал.— Уинт говорил вполне спокойно, и в его голосе не угадывалось ни намек на панику.— Будешь пить джин? Мы не ожидали столь быстрого твоего появления, придется обойтись без «бурбона».

Он развалился в низком мягком кресле. Рукава его рубашки были засучены, а маленькие злобные глазки глядели на Бонда изучающе. Напротив него, спиной к Джеймсу, на полированном деревянном стуле сидела Тиффани. Ее ноги были обтянуты короткими красными полупрозрачными трико, кроме которых на ней ничего не было, а ступни плотно зажаты между щиколоток Уинта. На неестественно бледной коже лица кое-где проступили яркие розовые пятна. Во взгляде ее сквозила ярость попавшей в капкан пантеры, но по щекам струились слезы от сознания собственного бессилия.

По бокам каюты стояли две кровати. На одной из них устроился Кидд, положив пальцы на рукоять «кольта», торчавшего из кобуры. На губах его играла бессмысленная улыбка, а деревянная зубочистка, расщепившаяся от долгого жевания, торчала изо рта, словно кончик змеиного языка.

Не обратив никакого внимания на слова Уинта, Джеймс заговорил с девушкой.

— Тиффани, опустишь на колени и пригни голову. Так, хорошо. Теперь переместись на середину комнаты.

Он не смотрел на нее, стараясь удерживать пистолет точно посередине между этими двоими. В этот момент как люди они перестали для него существовать и превратились в мишени, живые мишени.

— Все в порядке, Тиффани?

— Да,— голос ее дрожал от нервного возбуждения.

— Вот и прекрасно. Теперь иди в душевую, закрой за собой дверь и ляг в ванную.

На какую-то долю секунды он скосил на нее глаза и, убедившись, что она готова выполнить его приказ, вновь переключил внимание на гангстеров.

Губы его сжались еще плотнее: видимо, ей выворачивали руки — Бонд заметил, что кожа на них приобрела малиновый оттенок.

Шелкнула щеколда.

Все, для пуль она теперь недостижима. А потом, ей вовсе не обязательно быть свидетельницей того, что сейчас должно будет здесь произойти. Расстояние между Уинтом и Киддом, вероятно, не превышало пяти ярдов, и Бонд отлично понимал, что если оба они одновременно решат достать

оружие, то, пока он возится с одним, другой успеет его уложить. С людьми такого сорта не мешало быть осторожным, имея в руках даже автомат. Но, пока его «беретта» молчит, ситуация по-прежнему будет оставаться такой же неопределенной. Что ж, он не сделает первого шага. Пусть его предпримут они.

48, 65, 86 — это было условным сигналом для проведения одной из их излюбленных комбинаций, которую они отработывали сотни раз.

Уинт бросился на пол, и его рука метнулась к ремню с кобурой. Одновременно с этим Кидд молниеносным движением извлек свой «кольт», но, прекрасно понимая, что выстрелить не успеет, прыгнул на Джеймса, пытаясь нанести ему удар головой в лицо.

Вся эта операция заняла меньше секунды, но Бонд все-таки опередил их. Сухой щелчок — не больше, и пуля взьерошила густую шевелюру Кидда, он вздрогнул всем телом, а его указательный палец судорожно нажал на спуск. Глухо грохнул выстрел, и в ковре образовалось дымящееся отверстие. Вслед за этим послышался шум падающего тела.

Уинт взвизгнул — еще немного, и его дружок угодил бы ему прямо в затылок.

— Оставь свою пушку приятелю, иначе ты присоединишься к нему намного раньше, чем думаешь.

Гангстер положил пистолет рядом с отлетевшим в сторону «кольтом» Кидда.

— Встань, — коротко приказал Джеймс.

Уинт медленно поднялся и сцепил руки за головой, хотя Бонд вовсе не просил его об этом. Сделав несколько шагов назад, он остановился, как бы спрашивая, можно ли сесть.

Он стоял лицом к Джеймсу и смотрел на него, как туберкулезник на пятна крови на своем носовом платке. Бонд отступил и прислонился спиной к стене. Уинт, видимо, приняв это за начало переговоров, опустил руки и облегченно вздохнул. Но как странно он держит свою правую кисть... В это мгновение гангстер резко взмахнул рукой, и в воздухе сверкнула белая молния. Паф-ф, и в полет отправился увесистый кусочек свинца.

Неуловимо малый промежуток времени ничего не менялось — грузный человек у кресла оставался все в той же позе, а мужчина у стены так и не опустил свой пистолет. Оба ждали, чем закончится их безмолвный поединок.

Что-то больно ударило Джеймса в грудь, и он непонимающе посмотрел на алое пятно, расплывавшееся на его рубашке.

Уинт ничком повалился на стул, на котором совсем недавно сидела Тиффани, и, отломав у него спинку, рухнул на пол. Пуля ужалила его в сердце.

Бонд отвернулся.

Легкий ветерок трепал мягкие тюлевые занавески, и они тихо шуршали в такт дыханию океана. Джеймс подошел к иллюминатору и с наслаждением вдохнул свежий ночной воздух, прислушиваясь к плеску воды где-то совсем недалеко от него. Этот мир остался ему и Тиффани, для тех же двоих его краски угасли навсегда.

Широкое лезвие метательного ножа неглубоко засело между ребер с правой стороны и вызывало острую боль при каждом движении. Поморщившись, Бонд вытащил его и выбросил в темный зев иллюминатора. Пошевелив пальцами и убедившись, что они подчиняются ему, он поставил «беретту» на предохранитель и неожиданно онемевшей и отяжелевшей рукой засунул пистолет за пояс. Выпрямившись, Джеймс окинул критическим взглядом комнату, превратившуюся в мясоразделочный цех, и, переступив через труп Кидда, направился в душевую.

— Тиффани, открой, это я.

Он удивился, уловив в своем голосе нотки усталости и безразличия. Девушка не отвечала, и Бонд, постучавшись, потянул дверь на себя. Она была незаперта.

Тиффани не могла его слышать. Она лежала на дне ванны, зажав уши ладонями, и даже когда он приподнял ее, все еще не могла поверить в то, что опасность осталась позади, но, увидев на лице Джеймса улыбку, она вскочила и обняла его.

Бонд тихо вскрикнул, и девушка резко отстранилась от него, переводя взгляд со своих пальцев, испачканных в чем-то красном, на его окровавленную рубашку.

— Боже мой, ты ранен?!

Тиффани моментально забыла обо всех своих страхах и, промыв обширный порез водой, наложила повязку, используя в качестве бинта разорванное полотенце.

Она ни о чем не спрашивала Бонда, пока он собирал и подавал ей ее вещи, разбросанные по всей каюте, так же спокойно восприняла она его просьбу не выходить из душевой, пока он не закончит «уборку помещения», и что самое удивительное — Тиффани не промолвила ни единого слова даже тогда, когда Джеймс поцеловал ее.

Выразив молчаливое одобрение столь примерному поведению, Бонд оставил девушку одну.

В каюте необходимо было кое-что поменять местами,

чтобы полиция, которую, естественно, пригласят на борт в Саутгемптоне, не забивала себе голову всякой дребеденью. Джеймс сделал все очень аккуратно и после каждой удачной перестановки не без удовольствия взирал на плоды своего нелегкого труда. Первым делом он взял со стола тяжелую пепельницу и, завернув ее в свою рубашку, выбросил в иллюминатор.

За дверью на плечиках висели вечерние костюмы гангстеров. Придя к выводу, что носовые платки, кончики которых торчали из нагрудных карманов смокингов, уже не понадобятся их владельцам, Бонд соорудил из них подобие перчаток и принялся за исследование гардеробного шкафа. Выбрав одну из сорочек Кидда, он положил ее на кровать, но потом, передумав, повесил обратно.

Взглянув на расprostертое тело Уинта, Джеймс поморщился и, взяв труп под мышки, придал ему сидячее положение. Стянув с него рубашку, он отошел к иллюминатору, достал «беретту», приложил дуло к кругленькой, аккуратной дырочке в ткани и спустил курок. Убедившись, что краешки отверстия обгорели, он вновь одел мертвеца. Теперь у полицейских не возникнет сомнений, что стреляли в упор.

Тщательно протерев рукоятку пистолета, Джеймс вложил его в еще теплую кисть Уинта так, что указательный палец лег на спуск.

После минуты раздумий Бонд снял с вешалки смокинг Кидда и облачил в него бывшего владельца. Потом он по полу перетащил тело к иллюминатору и отправил его вслед за своей рубашкой. Эта операция стоила ему острой рези в боку.

Переведя дыхание, Джеймс подошел к журнальному столику, где все еще лежали карты после неоконченной партии в бридж. Он опрокинул столик и, вернувшись к трупу Уинта, вытащил у него из кармана внушительную пачку пятидесятидолларовых банкнот и разбросал их по полу.

Вот и все. Вполне ясная картина. В каюте обнаружат лишь один след от пули — в ковре. Даже тупым фараонам станет ясно, что это последствия выстрела умиравшего Кидда. Поблизости найдут три пистолетные гильзы — все от «беретты». Понятно, что из трех пуль две сидят в теле несчастного красавца-блондина, останки которого, по всей видимости, покоятся на дне океана. Однако следователи не обнаружат постельных простыней и наверняка сочтут, что Уинт использовал их в качестве савана для своего приятеля. Поскольку многие подтвердят, что эти двое были

неразлучны, самоубийство Уинта объясняют элементарно просто — состоянием депрессии после убийства своего лучшего друга из-за карточной ссоры.

Бонда порадовало, что все эти выводы полиция сделает уже тогда, когда он с Тиффани будут очень и очень далеко от «Королевы Элизабет», оставив здесь одну-единственную улику — «беретту». Но его личный пистолет, впрочем, как и все оружие в Секрет Сервис, не имел номера, хотя и был изготовлен как обычный серийный образец.

Смотав импровизированный канат, по которому он сюда спустился, Джеймс вместе с запасной обложкой выбросил его в воду.

Вполне удовлетворенный проделанной работой, он стянул с обеих кроватей простыни и пошел за Тиффани. Она не должна видеть всего этого безобразия. Сейчас они вернутся в его каюту, и он вновь обнимет ее, и никто, никто больше не помешает им. Когда люди любят друг друга, ничто не в силах разделить их. Ничто и никогда.

Так уж и никогда?

Бонд вздрогнул от этой мысли и медленно обернулся. Уинт по-прежнему полулежал на ковре, его остекленевшие глаза были устремлены прямо на Джеймса, и в них он прочел ответ на свой вопрос.

Ничто не вечно. Все проходит и уходит. А навсегда остается только холод и мрак смерти.

25

АЛМАЗЫ ВЕЧНЫ

Огромные рыжие муравьи, время от времени совершавшие миграции вблизи своей излюбленной территории, не подозревали, насколько неудачно выбрали они место для новой колонии. Быть может, их привлекли густые заросли кустарника, колючие ветви которого запросто могли отпугнуть любого охотника за муравьиными яйцами. Возможно, это объяснялось и другими причинами, но факт оставался фактом — непрерывное передвижение насекомых раздражало человека, расположившегося неподалеку от их тропы.

Впрочем, в последнее время его недовольство вызывали не только муравьи. Он устал, устал от страха и нервного напряжения. Нет, если дело так пойдет и дальше, ему не выдержать. Это его последняя операция. Как хотят — или они найдут замену, или прогорят. Что и говорить, перспектива сесть в одну камеру со своим бывшим боссом никого не утешит. Сколько раз он предупреждал их! Так нет же,

этот Эй-Би-Си упрям как осел и готов заниматься своим бизнесом даже в полицейском участке. Конечно, имея полный карман денег, всегда можно удрать и, как только всерьез запахнет жареным, шеф, поджав хвост, юркнет в кусты. А кого сцапают фараоны? Его и ему подобных, обычных, рядовых исполнителей.

Человек подложил под голову рюкзак и лег на спину. Нет никаких сомнений, что он попал под подозрение, и самое печальное — администрация фирмы даже не пытается скрыть этого. Вчера к нему в кабинет явился какой-то парень и заявил, что «Сьерра интернэшнл» приняла в его медсектор второго стоматолога. Какого дьявола держать двух специалистов того же профиля, когда на рудниках и одному-то нечего делать. А потом, этот «врач» понимает в лечении зубов столько же, сколько в полетах на Марс. Осторожные умные глаза, аристократические манеры — не исключено, что он и работал где-нибудь в центральных европейских клиниках, но только не стоматологом. К тому же он сильно смахивает на англичанина, а они, как правило, появляются здесь либо в качестве сотрудников фирмы, либо по служебным делам иного рода.

Контрабандист набрал полную пригоршню песка и высыпал ее на живой муравьиный поток, но это вызвало у насекомых лишь секундное замешательство. Их первые шеренги рассыпались в одиночные цепи, и дальнейшие действия муравьев напоминали атаку роты солдат по фронту, мгновение — и песчаный завал был разобран, и многомиллионная армада продолжила свое движение.

Человек снял ботинок и с силой ударил подошвой по бегущей извивающейся ленте. На этот раз у раздавленных тушек своих собратьев скопилось гораздо больше муравьев. И вновь они нашли выход — заработали их челюсти, и дорога снова освободилась. Зарывав от ярости, человек в неистовстве принялся колотить кулаком по земле — насекомые гибли сотнями, но сзади наползали все новые и новые.

Вконец обессилев, контрабандист смахнул со лба пот и прислушался. Откуда-то издали ветер доносил легкий стрекот.

Слава богу, все в порядке. Он подошел к мотоциклу и вытащил из-под сиденья сверток с алмазами и сигнальные фонарики.

Он не знал, что в этот самый момент милей южнее огромное ухо акустического детектора тоже уловило шум, издаваемый двигателем вертолета.

Оператор снял наушники и тихонько свистнул.

Из кабины военного грузовика на землю мягко прыгнули три человека, облаченные в пятнистые маскировочные костюмы.

— Докладывайте, сержант,— негромко приказал один из них.

— Цель зафиксирована на удалении в тридцать миль. Скорость сто двадцать. Высота девятьсот.

Бонд взглянул на часы.

— Похоже, он скоро будет здесь, капитан.

— Да,— согласился тот.— Минут через десять. И вообще не мешало бы проверить, не создает ли помех наша маскировочная сетка. Слишком уж приблизительно мы определили расстояние.

Джеймс кивнул.

Их грузовик полностью скрывала натянутая в виде тента темнозеленая металлизированная ткань. Даже днем разглядеть машину не представлялось абсолютно никакой возможности, а в ночной темноте она становилась совсем невидимой.

Они находились на территории Французской Гвинеи. Час назад наблюдатели Валланса сообщили, что стоматолог собирается прокатиться на мотоцикле. Они отправились вслед за ним и вели его по звуколокатору до тех пор, пока он не заглушил мотор. Ехать пришлось с потушенными фарами чуть поодаль, и вот теперь их усилия, кажется, начали оправдываться. Бонд старался угадать, каким образом сюда прибудет курьер — скорее всего на мотоцикле или на авиэтке, а может быть, и верхом, но сержант разочаровал их всех.

— Вертолет.

— Джеймс усмехнулся. Джеку не отказать в сообразительности. Он решил использовать самый подходящий для таких случаев транспорт.

— Приготовьтесь по команде убрать маскировку,— распорядился Бонд.— Делайте все как можно тише, иначе можно спугнуть эту осторожную птичку. Сержант!

— Да, сэр.

— Как у вас обстоят дела?

— Вертолет завис, сэр,— ответил акустик.— Видимо, пилот готовится к посадке.

— Смотрите,— капитан тронул Бонда за плечо и указал на четыре тусклых пучка света, неожиданно вспыхнувших примерно в миле справа от них.

Вот он, Джек Спанг — последний из тех, кто возглавлял англо-американский подпольный синдикат, кто был хозя-

ином Хаттон-гарден и чье имя вызывало в Вашингтоне благоговейный трепет. Тут Джеймс вспомнил о Шеди. Несчастный горбун останется наедине со своей язвой, ибо его друзья уже никогда не придут к нему в гости — ни Серафимо, ни Джек, ни их ребята.

Да, поручая ему это задание, М. не предполагал, с какими трудностями будет связано его выполнение. Слишком много крови — пять трупов и один калека, и еще неизвестно, чем окончится задержание седьмого. Но, видит бог, он, Бонд, не желал их смерти. Напротив, они сами всеми способами пытались уничтожить его. Насилие, насилие и жестокость — вот их оружие. Двое парней в «седане», стрелявших в него и Эрни, и парочка в «ягуаре», и Серафимо на своей «Красавице Сьерры» — для них продолжительность человеческой жизни измерялась в долларах, и если находился какой-нибудь бедолага, пытавшийся помешать им зарабатывать эти самые доллары, он моментально превращался в труп. А Уинт и Кидд, столь блестяще провернувшие операцию с Тингалингом Беллом? Разве заслужили они иную участь, кроме пули? Разве не они до полусмерти избили его самого и хотели сбросить Тиффани с корабля в открытом океане?

Но бог с ними, каждый рано или поздно получает то, к чему стремится. И теперь испить до дна сияю горькую чашу предстояло Джеку — человеку, без задней мысли подписавшему смертный приговор ему и Тиффани. М. опять попал в точку, направив на задержание Эй-Би-Си именно его, Бонда. Джеймс восстановил в памяти подробности своего последнего разговора с шефом. Телефонная связь между Лондоном и Канберрой не вызвала претензий, и тон, заданный М. с самого начала беседы, располагал к откровенности.

— Рад слышать твой голос, мой мальчик.

— Благодарю вас, сэр.

— Кстати, все вечерние газеты пестрят леденящими душу заголовками. Я имею в виду убийство на «Королеве Элизабет». Ты не в курсе событий?

Бонд прекрасно понимал, куда клонил М.

— Мне известно кое-что, сэр. Это касается двух наемников синдиката Спангов. На лайнере плыли под вымышленными именами — Винтер и Киттеридж. Стюард сказал мне, что ночью они поссорились. Будто бы из-за того, что один из них слишком много проиграл другому в карты.

— И ты поверил этому парню?

— Во всяком случае его версия звучит убедительно.

— М-да,— М. сделал паузу.— А что думает полиция по этому поводу?

— Не знаю, сэр. Я сошел на берег до того, как прибыли детективы.

— Понятно. Я побеседую с Валлансом.

— Да, сэр.

Бонд догадывался, что шеф неспроста упомянул имя комиссара Скотланд-Ярда. Он давал понять, что Секрет Сервис сумеет уладить любые неприятности с полицией и останется при этом в стороне.

— Нас вовсе не интересуют такие мелкие фигуры, как наемные убийцы,— М. кашлянул.— Нужно выбить синдикату мозги, а это можно сделать лишь одним способом — обезвредить Джека Спанга. Думаю, он намерен свернуть линию до лучших времен. Мы вышли на его главного поставщика. Билл сообщил тебе о нем в своей телеграмме. В общем, собрали на него уйму материалов, так что отвертеться не удастся, но существует один нюанс. Эй-Би-Си необходимо арестовать при получении им контрабандного товара. Я уверен, что он лично заявится за последней партией. Это твоя последняя операция, связанная с синдикатом. Потом я намерен вернуть тебя на прежнюю работу. Слишком много суматохи, мой мальчик. Я знаю, ты любишь путешествовать, но чтобы из Англии в Америку, а оттуда — сразу в Африку, это уж слишком.

Джеймс рассмеялся.

— Да, сэр.

— И последнее. Только что мне звонил Валланс и сообщил весьма интересную новость. Ты действительно сильно беспокоишься о дальнейшей судьбе мисс Тиффани Кейз?

«Проклятый фараон уже успел все разнюхать», — подумал Бонд, но ответ его прозвучал вполне убедительно.

— Сэр, она оказала нам неоценимую помощь, и я полагаю, вы сможете принять окончательное решение, прочтя мой рапорт, который я собираюсь написать сразу по прибытии в Англию.

— Хорошо, хорошо, мне только бы хотелось знать, где она сейчас.

Джеймс почувствовал, как у него вспотели ладони.

— Она скоро будет в Лондоне, сэр. Я дал ей ключ от своей квартиры. Тиффани присмотрит за ней до моего приезда. Думаю, она справится, — он достал носовой платок и промакнул неожиданно взмокший лоб.

— Не сомневаюсь в том, что она прекрасная хозяйка,—

в голосе М. не ощущалось никакой иронии.— Береги себя, Джеймс. Не забывай, Тиффани ждет тебя.

— Да, сэр.

— До свидания, мой мальчик.

— До свидания, сэр.

...Бонд поднял голову и посмотрел на усеянное звездами небо. Неужели весь этот кошмар скоро кончится и наконец-то можно будет вернуться домой?

Вертолет завис в двадцати футах над землей. Пилот, как всегда, просигналил английскую букву «эй» и, дождавшись ответа на пароль, мягко посадил машину.

Еще не успела осесть поднимающаяся пыль, а дверца кабины уже распахнулась. Контрабандист с рудников сунул фонарик в карман и, не торопясь, направился к вертолету, но на полпути что-то заставило его остановиться. Человек, прилетевший за алмазами на этот раз, нисколько не напоминал прежнего курьера. Тот был намного ниже и гораздо уже в плечах. Что за дьявол? Кто это?

— Где товар? — лицо летчика полностью скрывал натянутый на голову эластичный чулок с прорезями для глаз, поверх которого был надет защитный кожаный шлем.

Контрабандист отступил в сторону. Он не любил столь неожиданных поворотов событий.

— Где немец? Я всегда имел дело только с ним, а вас вижу в первый раз.

— Он больше не прилетит, — в голосе пилота чувствовалось нетерпение. — Меня зовут Эй-Би-Си. Я сворачиваю этот участок линии.

Контрабандист вздрогнул:

— Вот как?

— Обойдемся без лишних вопросов. Где алмазы?

— Возьмите, — стоматолог протянул Джеку пакет с камнями.

— Поможешь мне дозаправиться, горючее в салоне. — Спанг отдал приказ голосом, не терпящим возражений.

Контрабандист поочередно вытащил из кабины два тяжелых бидона, и вдвоем они за пять минут заполнили основной и дополнительный баки. Небрежным кивком поблагодарив напарника, Спанг по приборам проверил уровень горючего и вновь соскочил на землю.

Контрабандиста внезапно насторожило то, что Эй-Би-Си держал руки в карманах. Он почувствовал себя немного лучше скорпиона, на которого вот-вот упадет камень.

Джек усмехнулся и вытащил пистолет:

— Мне очень жаль.

Громкие хлопки трех выстрелов прокатились по равнине многоголосым эхо, но не успело оно смолкнуть, как тишину ночи вновь нарушил другой звук — звук многократно усиленного человеческого голоса:

— Не двигаться! Вы окружены!

И где-то совсем недалеко взревел автомобильный мотор.

Секундой позже Спанг уже сидел в кресле пилота. Огромные лопасти пришли в движение, и, вздымая облака песка и грязи, вертолет взмыл вертикально вверх.

Бонд сорвал с шеи громкоговоритель и, приказав заглушить двигатель, забрался в кузов, где размещалась скорострельная зенитная установка. Прильнув к окуляру прицела, Джеймс заметил маленькую черную точку, медленно уходившую за левый край поля обзора.

— Влево десять, сержант!

— Слушаюсь, сэр.

Пушечный ствол плавно повернулся в указанном направлении, и вертолет попал в перекрестье длинных тонких нитей.

— Режим одиночной стрельбы!

— Есть!

Капитан подал саржанту обойму. Шлифованные головки узких длинных снарядов тускло поблескивали в лунном свете.

— Готовность один!

— Огоны!

Ду-дут-т!

Высоко в небе расцвело ярко-оранжевое облачко взрыва.

— Влево два!

— Есть!

— Огонь!

Ду-дут-т!

На этот раз злобещий красный цветок распустился в нескольких метрах над вертолетом.

— Режим автоматической стрельбы! Прицел прежний!

Отдав этот приказ, Джеймс выпрямился. Спанг был обречен. Что ж, он сам выбрал свой путь. Так же, как и Уинт с Киддом.

— Огоны!

Ду-дут-т — ду-дут-т — ду-дут-т — ду-дут-т — ду-дут-т!

Пять ярких всполохов вздулись друг подле друга, и один из них — совсем рядом с тонкой хвостовой частью вертолета.

Капитан опустил бинокль.

— Повреждены стабилизаторы. А потом...

— Что?!

— У меня создалось впечатление, что кабина вращается вместе с винтом.

— Все? — Бонд вопросительно взглянул на офицера.

— Да, сэр.

— Разрешите, — Джеймс взял у него бинокль.

Действительно, смотреть было уже не на что. Пилот потерял управление, и машина рыскала из стороны в сторону, каждую секунду грозя опрокинуться. Видимо, взрывная волна вывела из строя и главный винт. Вертолет, словно огромное раненое насекомое, боролся за свою жизнь, но у этой борьбы мог быть лишь один исход.

Джек Спанг. Он же Руфус Б. Сайе, он же Эй-Би-Си. Вице-президент европейского отделения «Дворца алмазов». Основной бизнес — бриллианты. Прекрасно играет в гольф. Возглавляет преступный синдикат, занимающийся контрабандой драгоценностей и торговлей наркотиками, а также организацией убийств.

Замечательная характеристика. Губы Бонда растянулись в улыбке. Он представил, что происходило сейчас в тесной кабине вертолета. Джеймс видел перед собой напряженное лицо Джека Спанга. Одной рукой он, наверное, держится за приборный щиток, а второй — щелкает тумблерами и переключателями, пытаясь нарастить обороты винта. А в глазах его застыл страх, обычный животный страх, и он пронизывает его тем больше, чем ниже опускается стрелка высотомера. Как обидно, должно быть, умирать, зная, что в твоём кармане лежат алмазы на многие тысячи долларов.

Джеймс затаил дыхание.

Вертолет завалился набок и, ломая лопасти, рухнул в густые заросли кустарника. Раздался глухой взрыв, и вверх взметнулся свирепый огненный вихрь.

— Вот и все. — Джеймс отвернулся.

— Да, сэр. Хорошо, что у нас хорошие отношения с французскими гвардейцами. Поверьте, они сюда скоро заявятся, а местный губернатор немедленно свяжется с Дакар. Сколько шума будет!

Бонд промолчал.

— Мои люди устали, сэр. Вы не будете возражать, если они отдохнут?

— Вам тоже не мешало бы поспать, капитан. Присоединяйтесь к своим парням. Часа через четыре встанет солнце, тогда и тронемся.

— А вы?

— Обо мне не беспокойтесь. Я хочу еще немного полюбоваться этим фейерверком.

Капитан с удивлением посмотрел на странного и одновременно загадочного человека, который волею судеб стал его командиром на один только день, а точнее ночь. Его прибытие в гарнизон сопровождалось такой суматохой, что всем офицерам в голову пришла одна и та же мысль — уж не прибыла ли военная комиссия из Лондона. Но оказалось, что приехал всего лишь один человек, да и тот в штатском. А потом позвонили из министерства обороны и любезно попросили выполнять все указания этого мистера Икс. Сообщили только, что он командирован специальным отделом. И все.

— Спасибо, сэр,— капитан отдал честь.

Джеймс залез в кузов и сквозь окошечко прицела вновь увидел догоравший вертолет. Нашупав в кармане своего маскировочного комбинезона сигареты и зажигалку, он закурил и, выпустив дым через ноздри, усмехнулся. Великий алмазный путь прекратил свое существование, и эти огненные блики венчали его пышные похороны. Да, вместе с Джеком Спангом погиб и его синдикат, но не сами алмазы. Они уцелели даже в чреве этого бушующего пламени. Камни продолжают свое долгое путешествие, все время оставаясь такими же холодными и прекрасными. И через многие столетия люди еще будут любоваться их волшебным сиянием.

Смерть не властна над ними. Алмазы вечны, и века не в силах замутить их таинственного блеска.

Бонд спрыгнул на землю. Вся эта история слишком театральна. Бриллианты и смерть, любовь и погони. Да, на счет Сикрет Сервис запишут еще одну успешно проведенную операцию, и он уже знает, что по этому поводу скажет Тиффани, и она, как всегда, окажется права. Джеймс закрыл глаза и представил себе ее улыбающееся лицо.

— Мой милый секретный агент,— прошепчет она ему на ухо,— забудь обо всех, кроме меня, потому что если кто-то и выиграл эту сумасшедшую гонку, так это мы!

**ИЗ РОССИИ
С ЛЮБОВЬЮ**

Часть I

ЗАГОВОР

Глава I

СТРАНА ЦВЕТУЩИХ РОЗ

Возле плавательного бассейна лежал, уткнувшись лицом в траву, обнаженный мужчина. Он лежал неподвижно, словно труп. На первый взгляд казалось, что он утонул, был вытаскен из бассейна и оставлен здесь, на траве, до приезда полиции или родственников. Те несколько дорогих вещей, которые были возле него, принадлежали, несомненно, богатому человеку: толстая пачка ассигнаций в зажиме из золотой мексиканской монеты, золотая зажигалка «Данхилл», овальный золотой портсигар с бирюзовой кнопкой, изготовленный самим Фаберже, и, наконец, книга, которую берут из шкафа, чтобы почитать, нежась на солнце, — «Маленький самородок», одна из ранних повестей Вудхауса. Рядом лежали и массивные золотые часы — модель Жирар-Перрийо, которую любители часов обожают из-за множества разных приспособлений: здесь и секундомер, и в маленьких окошечках на циферблате — цифры, показывающие месяц, день и фазу луны. Сейчас на часах было десятое июня, половина третьего пополудни, и луна входила в третью четверть.

Эти вещи были сложены возле лежавшего горкой на траве, словно бы для того, чтобы никто не подумал, что достававшие утопленника из бассейна что-то украли.

Сине-зеленая стрекоза вылетела из-за кустов цветущих роз и застыла над неподвижно распростертым телом, быстро перебирая прозрачными крылышками. Яркий отсвет золотого июньского солнца на тонких светлых волосах у копчика мужчины неодолимо тянул ее к себе. С моря донесся слабый порыв ветра. Крошечная полоска волос шевельнулась. Стрекоза нервно рванулась в сторону и повисла над левым плечом неподвижного тела.

Тоненькие стебельки молодой травы возле открытого рта мужчины заколебались. Капля пота скатилась по мясистому носу в траву. Стрекоза метнулась за кусты роз, за острые грани бутылочного стекла, вцементированного в верх высокого кирпичного забора, окружающего усадьбу, и скрылась. Человек, лежавший неподвижно в центре отлично ухоженного сада, возле бассейна, был жив.

Возможно, он просто дремал. С трех сторон высокой ограды тянулись кусты разноцветных — желтых, белых, красных — роз, от которых исходил дурманивший аромат. В глубине кустов сонно жужжали пчелы. С четвертой стороны доносился грохот морских волн, разбивающихся далеко внизу о подножье прибрежных утесов.

Самого моря из сада видно не было. Впрочем, из сада не было видно ничего, кроме неба и облаков над четырехметровой каменной оградой. Заглянуть за ее пределы можно было только поднявшись на верхний этаж виллы, откуда открывался необъятный морской простор прямо перед виллой, а слева и справа — верхние этажи соседних особняков и вершины деревьев, растущих в ближних садах, — средиземноморских вечнозеленых дубов, ниний, казуарин и, иногда, даже пальм.

Сама вилла была современной и невыразительной — приземистое удлиненное строение без украшений, она ничем не радовала глаз архитектора. Четыре окна в металлических рамах и застекленная дверь выходили в сад. Перед дверью — небольшой квадрат, выложенный светло-зелеными глазурованными плитками, сливающимися с аккуратным газоном. Та сторона виллы, которая выходила на пыльную дорогу, выглядела куда более строгой, чем та, что была обращена в сад: окна, закрытые железными решетками и настороженно глядящие на дорогу, массивная дубовая дверь.

На верхнем этаже виллы находились две одинаковые небольшие спальни, на нижнем — гостиная и кухня, рядом с которой был туалет. Ванной в особняке не было.

Сонная предвечерняя тишина была нарушена звуком приближающегося автомобиля, который остановился у калитки в стене. Хлопнула дверь, автомобиль уехал. В саду прозвенел звонок, и от этого звука внезапно широко открылись глаза обнаженного человека, лежавшего на газоне рядом с бассейном. Затем — так же мгновенно — сузились, как у животного, постоянно находящегося настороже. Мужчина сразу же вспомнил, где он находится, какой сегодня день недели, примерно определил время. Тут же веки его с короткими рыжеватыми ресницами опустились,

закрыв сонные светло-голубые, даже матовые, словно невидящие глаза. Узкие жесткие губы раздвинулись, он широко зевнул, сплюнул на траву и стал ждать.

Хлопнула дверь виллы, ведущая в сад, и на лужайку вышла девушка в белой хлопчатобумажной блузке, короткой синего цвета рабочей юбке, с сеткой в руке. Широкими мужскими шагами она направилась по подстриженной траве газона к лежащему мужчине. Остановившись в нескольких шагах от него, она поставила сетку на траву, села и сняла дешевые пыльные туфли. Затем встала, расстегнула блузку, аккуратно стащила ее через голову и положила рядом с сеткой.

Никакой другой одежды под блузкой не было. Загорелая нежная кожа, обнаженные плечи и красивые, немного полные груди — все светилось здоровьем и молодостью. Она наклонилась и принялась расстегивать юбку. Под мышками были видны пучки светлых волос. Широкие бедра, обтянутые тесными, выцветшими от солнца и соленой воды купальными трусиками, мускулистые икры ног только усиливали впечатление молодости, исходившее от этой здоровой крестьянской девушки.

Сложив одежду на траву, девушка достала из сетки бутылку, наполненную густой бесцветной жидкостью, подошла к обнаженному человеку и опустилась на колени. Несколько капель оливкового масла, имеющего, как и все благовония в этой стране, запах роз, она вылила на спину лежащего, между лопатками, затем пошевелила пальцами, подобно пианистке перед трудным пассажем, и принялась массировать трапециевидные мускулы мужского тела — в том месте, где шея переходила в широкие плечи.

Это была нелегкая работа. Выпуклые мышцы у основания шеи были невероятно упруги и едва поддавались давлению больших пальцев массажистки, даже когда она нажимала на них со всей силой. После такой работы девушка станет мокрой от пота и настолько обессиленной, что окунувшись в бассейн, будет отдыхать в тени, пока за ней не приедет автомобиль. Но сейчас она продолжала работать, разминая мощные мускулы на спине лежащего мужчины.

Девушка привыкла к своему нелегкому труду, но почему-то была не в силах преодолеть инстинктивный ужас перед этим самым совершенным мужским телом, которое ей только приходилось видеть. Она всячески подавляла признаки непонятного чувства: по бесстрастному лицу массажистки, по ее слегка раскосым глазам нельзя было понять, что ей страшно и сердце ее сжимается, как у маленького

затравленного зверька, и кровь пульсирует с необыкновенной частотой.

В который раз за последние два года она вновь подумала, как яростно ненавидит это великолепное мужское тело, распростертое сейчас перед ней, и снова попыталась отыскать причину этого отвращения. Может быть, подумала она, хоть на этот раз удастся избавиться от этого чувства, которое не должно возникать у человека ее профессии, обязанного обслуживать других.

К примеру, его волосы... Девушка посмотрела на небольшую круглую голову на литой жилистой шее. Голова была покрыта тугими завитками кудрявых красно-золотистых волос, похожих на те, что украшают мраморные античные статуи. Но у мужчины эти завитки казались слишком уж тугими, слишком плотно приплюснутыми к голове и друг к другу. Сзади они покрывали шею, спускаясь слишком низко, почти — она не могла не прибегнуть к профессиональному термину — до самого последнего, пятого, шейного позвонка.

Девушка, решив передохнуть, присела на корточки. Ее великолепный торс лоснился от пота. Но только на минуту! Она провела по лбу тыльной стороной кисти, вновь взяла бутылку с оливковым маслом, отвернула крышку и налила немного его — примерно с чайную ложку — в небольшую впадину у основания спины, заросшую волосами. Потом она снова размяла уставшие пальцы и принялась за работу.

...Этот крошечный, напоминающий кончик хвоста завиток из тончайших золотистых волос в том месте, где раздваивались ягодицы, — разве не способен он вызвать волнение, прилив страсти? Почему же он кажется ей каким-то скотским, звериным? Нет, скорее змеиным. Но у змей нет волос. Она не могла объяснить себе, почему эти волосы казались ей змеиными... Девушка положила ладони рук на выпуклые холмы ягодичных мышц. В этот момент некоторые из ее постоянных пациентов, в особенности молодые футболисты из сборной команды, начинали заигрывать с ней. Особенно настойчивых она утихомиривала резким нажатием на седалищный нерв. Но нередко, когда мужчина казался ей привлекательным, недвусмысленные намеки и короткая борьба завершались страстным объятием и наслаждением капитуляции.

Но с этим все и всегда было по-другому. Совершенно по-другому. С самого первого раза он вел себя подобно куску неодоушевленной плоти. За все два года он не сказал

ей ни единого слова. Когда девушка кончала массировать спину и ей нужно было, чтобы он перевернулся, она просто хлопала его по плечу. Он переворачивался, смотрел в небо полузакрытыми глазами и время от времени широко зевал. Это было единственным знаком, что у него оставались какие-то человеческие чувства. Ни его глаза, ни его мышцы никак не отзывались на прикосновения женских рук, на полунаготу прекрасного тела.

Девушка передвинулась в сторону и приступила к массажу его правой ноги. Спустившись к ахиллесову сухожилию, она повернула голову и окинула взглядом великолепное мужское тело. Может быть, ее отвращение было чисто физическим и объяснялось красноватым загаром, сделавшим его молочно-белую кожу похожей на кусок недожаренного мяса? Или строением самой кожи — глубокие редкие поры покрывали ее лоснящуюся поверхность. Может, отвращение вызывают мелкие коричневые веснушки, густо осыпавшие плечи и верхнюю часть спины? Или все-таки оно вызвано его полным равнодушием, отсутствием полового влечения, несмотря на эти поразительные, будто высеченные резцом скульптора мышцы? Нет, отвращение было скорее интуитивным: животный инстинкт подсказывал девушке, что это великолепное тело таит в себе что-то чудовищное. Болезнь? Скрытый порок?

Массажистка встала, выпрямилась и потянулась. Небольшая гимнастка: повернуть голову из стороны в сторону, расслабить плечи, вытянуть руки прямо перед собой, затем вскинуть их вверх и на мгновение застыть в этой позе, пока кровь не отойдет от набрякших мышц... Закончив, она подошла к сетке, лежащей на траве рядом с одеждой, достала оттуда грубое полотенце и вытерла пот с лица и тела.

Когда девушка снова повернулась к мужчине, тот уже лежал, перевернувшись на спину, и смотрел в небо, положив голову на открытую ладонь руки. Другая рука была откинута в сторону. Массажистка подошла к мужчине и села на корточки рядом с ним. Она растерла масло между ладонями, подняла полуоткрытую массивную кисть мужчины и начала разминать короткие толстые пальцы.

Не прерывая работы, она вскользь, с опаской, взглянула на красновато-коричневое лицо под шапкой густых золотистых волос. На первый взгляд оно было привлекательным — лицо молодого здорового мясника с пухлыми красными губами, вздернутым носом и круглым подбородком. Лишь присмотревшись повнимательнее, она начинала

замечать что-то жестокое в уголках плотно сжатого рта, что-то свиное — в широких ноздрях вздернутого носа, непроницаемую матовость светло-голубых глаз, которые мертвенно, без малейшего интереса смотрели на окружающий мир и были похожи, скорее, на глаза мертвеца. Вообще, можно подумать, размышляла девушка, что кто-то взял лицо фарфоровой куклы и раскрасил его пугающими красками.

Сильные пальцы массажистки принялись за могучий бицепс. Откуда у него такие фантастические мышцы? Зачем ему эта физическая сила? Ходят слухи, что вилла принадлежит секретной службе. Слуги готовят пищу и следят за чистотой, но они же являются одновременно и охранниками. А этот мужчина исчезает куда-то каждый месяц, и тогда несколько дней за ней не приезжают. Бывает, что ее не беспокоят в течение недели или даже месяца. Однажды, после того как он отсутствовал особенно долго, ей было трудно работать: его шея и торс оказались покрыты массой царапин и кровоподтеков. В другой раз целый фут хирургического пластыря закрывал еще не совсем зажившую рану на левой стороне груди, рядом с сердцем. Девушка никогда не осмеливалась ни о чем спрашивать — как его самого, так и в больнице, где работала, и в городе. Когда ее привезли на виллу первый раз, один из охранников предупредил, что если она посмеет рассказать об увиденном, то будет отправлена в тюрьму. Главный врач больницы, никогда раньше не замечавший массажистку, вызвал ее к себе в кабинет и еще раз строго наказал сохранять в тайне все, что она знает о вилле и ее жильцах.

Пальцы девушки разминали дельтовидную мышцу плеча. Разумеется, она и сама догадывалась, что дело связано с государственной безопасностью. А может, именно это и было причиной ее отвращения к великолепному телу — страх перед организацией, к которой принадлежал ее пациент. Она невольно закрыла глаза при мысли о том, кем он может быть или что он может приказать сделать с ней. И тут же в панике снова открыла их. Вдруг он заметит? Но мужчина продолжал смотреть отсутствующим взглядом.

Теперь наступила очередь массировать лицо, и девушка вновь потянулась к бутылке с маслом. Едва ее пальцы коснулись лица мужчины, в доме зазвонил телефон. Резкий звук нарушил сонную тишину сада. Мужчина мгновенно вскочил и замер на одном колене — как спринтер, ждущий сигнал стартера. Звонок стих. Раздался приглушенный голос охранника. Слова невозможно было разобрать, но го-

лос звучал почтительно, будто говоривший отвечал на вопросы вышестоящего. Затем голос стих, и на пороге появился тот, кто говорил по телефону. Он сделал жест рукой, подзывая мужчину, и скрылся внутри. Это было лишнее: едва фигура охранника появилась на пороге, мужчина уже сорвался с места. Массажистка успела только заметить, как мелькнула загорелая спина, — и он скрылся за дверью. Пусть они не думают, решила она, будто их разговоры представляют для нее интерес. Девушка встала, подошла к бетонному краю бассейна и нырнула в воду.

Содержание телефонного разговора, возможно, могло бы объяснить ей причину инстинктивного отвращения, испытываемого к мужчине, тело которого она только что массировала. Но для ее душевного спокойствия было куда лучше, чтобы она не слышала ничего.

Имя мужчины было Донован Грант или «Красный Грант», однако на протяжении последних десяти лет он был известен под кодовой кличкой «Красногранитский» или «Гранит».

Он был главным палачом СМЕРШа, аппарата убийств, пыток и насилия МГБ. И в этот момент он стоял у телефонного аппарата, прислушиваясь к инструкциям, которые шли по прямой линии из Москвы.

Глава 2

МЯСНИК

Все еще глядя на телефон, Грант медленно положил трубку.

— Собирайтесь побыстрее, — сказал коренастый охранник, стоящий рядом.

— Вы не знаете, какое задание мне предстоит на этот раз? — Грант говорил по-русски отлично, хотя и с заметным акцентом, по которому его можно было принять за жителя Прибалтики. Голос его был высоким и невыразительным, как будто он не говорил, а читал по невидимой книге что-то скучное.

— Нет. Передали только одно — вам нужно срочно прибыть в Москву. Самолет уже вылетел. Через час он будет здесь. Полчаса на заправку — и затем еще три или четыре часа полета. К полуночи будете в Москве. Собирайтесь. Я вызову машину.

Грант встал.

— Да-да, вы правы. Но разве они не сказали, что пред-

стоит операция? Я хотел бы знать об этом заранее. Это прямая линия, гарантированная от прослушивания. Обычно меня предупреждают...

— На этот раз не предупредили.

Грант повернулся и медленно вышел в сад. Если он и заметил девушку, сидящую на дальнем краю бассейна, то не подал вида. Он наклонился, поднял книгу, золотые трофеи своей профессии, вернулся в особняк и по узкой лестнице поднялся к себе в спальню.

Унылая комната была обставлена по-спартански: железная кровать, с которой свисали мятые простыни, плетеное кресло, некрашенный платяной шкаф, металлический умывальник. Американские и английские журналы были разбросаны по полу. На подоконнике лежали стопки дешевых детективных романов в ярких кричащих обложках.

Грант наклонился и вытащил из-под кровати потрепанный фибровый чемодан, сделанный в Италии. Раскрыл его, уложил стопку хорошо выстиранного дешевого белья, пару потрепанных, но все еще респектабельных костюмов, которые он достал из шкафа и уложил в чемодан вместе с вешалками, и защелкнул крышку. Затем он поспешно умылся холодной водой из-под крана и тщательно вытер тело одной из простыней, которую сдернул с кровати.

Снаружи донесся шум автомобиля. Грант натянул трусы и майку, надел такой же неприметный костюм, как и те, которые лежали в чемодане, застегнул ремешок часов, разложил по карманам остальные вещи, взял чемодан и спустился вниз.

Массивная дубовая дверь и калитка в стене были открыты. Охранники стояли у черного «ЗИСа» и разговаривали с шофером.

«Идиоты, подумал Грант (он еще не отвык думать на английском языке). Не иначе предупреждают шофера, чтобы не спускал с меня глаз, пока я не поднимусь по трапу самолета. Наверно, никак не могут поверить, что иностранец может и готов жить в их проклятой стране».

Грант поставил чемодан на пол, ощущая пристальное наблюдение, выбрал себе плащ из тех, что висели у входа. Перебросив его через руку, он поднял чемодан, подошел к открытой двери машины, грубо потеснил плечом ближайшего охранника и опустился на сиденье рядом с водителем.

Охранники молча сделали шаг назад, не спуская с него холодных цепких глаз. Шофер отпустил педаль сцепления, и длинная машина рванулась по пыльной дороге.

Вилла была расположена на юго-восточном берегу Крыма, между Ялтой и Феодосией. Это была одна из многих государственных дач, разбросанных по фешенебельному, изрезанному горами побережью, называемому русской Ривьерой. «Красный» Грант знал, что ему оказали огромную честь, поселив его именно здесь, а не в какой-нибудь мрачной даче в пригороде Москвы. Пока автомобиль поднимался по извилистой дороге все выше и выше в горы, он думал о том, что его, несомненно, неплохо опекают, хотя, конечно, эта забота о его благополучии не имеет ничего общего с благотворительностью.

Расстояние в сорок миль — от виллы до аэродрома в Симферополе — они проехали за час. По дороге им не встретилось ни одного автомобиля. Редкие повозки, выезжавшие на шоссе с виноградников, поспешно сворачивали на обочину, едва заслышав сигнал машины. Как и повсюду в России, автомобиль означал власть, и встреча с ее представителями могла закончиться неприятностями.

Вдоль всего шоссе тянулись кусты роз, перемежающиеся с виноградниками. Недалеко от аэродрома они проехали мимо огромной клумбы. Цветы на ней были посажены так, что из соединения их получалось изображение красной звезды на белом фоне из роз. Гранту до смерти надоели розы. Он устал от их сладкого, всюду проникающего запаха и мечтал поскорее оказаться в Москве и забыть об этой красоте хотя бы на время.

Автомобиль миновал гражданский аэропорт. Далее шла высокая стена, и они ехали еще больше миль — к военной части аэродрома. У ворот из металлической сетки шофер остановился, показал документы двум часовым с автоматами и выехал на бетон аэродрома. У входов в ангары стояли огромные военные транспортные самолеты, окрашенные в маскировочный цвет, небольшие двухмоторные тренировочные самолеты и пара военных вертолетов. Шофер было затормозил, чтобы спросить, к какому из самолетов подвести Гранта, но тут из громкоговорителя донесся металлический голос: «Поверните налево. В дальнем углу Бортвой номер — 5-Б-0».

Шофер послушно повернул машину и пересек посадочную полосу. Через несколько мгновений металлический голос скомандовал снова: «Немедленно остановитесь!»

Водитель изо всех сил нажал на тормоза, машина остановилась, и над их головами раздался рев реактивных двигателей. Грант и шофер инстинктивно наклонили головы: рядом с ними со стороны заходящего солнца на по-

садочную полосу один за другим опустили четыре МИГ-17 с выпущенными воздушными тормозами-закрылками. Истребители коснулись широкой и кажущейся бесконечной посадочной полосы, из-под колос вылетели синеватые дымки. Затем развернулись в конце полосы и направились к ангарам.

— Продолжать движение! — донесся до них металлический голос.

Еще через сто ярдов они увидели двухмоторный ИЛ-12 с бортовым номером 5-Б-0. Из дверцы кабины уже была спущена небольшая алюминиевая лестница, и машина затормозила возле нее. В просвете люка появился один из членов экипажа, сошел вниз, проверил пропуск водителя и удостоверение личности Гранта, затем отпустил машину и жестом пригласил Гранта подняться в самолет. Когда оба оказались в самолете, летчик поднял лестницу внутрь, захлопнул широкий люк и прошел в кокпит.

Внутри кабины было двадцать пустых кресел. Грант опустился в ближайшее и пристегнул ремень. Из кокпита донесся голос пилота, запрашивающего разрешение на взлет. Один за другим кашлянули и заревели моторы, самолет развернулся, не останавливаясь промчался по взлетной полосе и поднялся в воздух.

Грант расстегнул пристяжной ремень, закурил, откинул спинку кресла и задумался: времени в полете ему хватит и на то, чтобы вспомнить прошлое, и попытаться разгадать, что предстоит впереди.

...Донован Грант появился на свет в результате полного союза профессионального немецкого тяжелоатлета и официантки из Южной Ирландии. Союз длился четверть часа, начавшись и закончившись на сырой траве, за шатром странствующего цирка, на окраине Белфаста. Потом отец дал матери полкроны, и она, довольная, вернулась к себе на кухню станционного буфета. Когда наступило время появиться на свет ребенку, она поехала к тетке в маленькую деревушку Аумаклой на границе между Ирландией и Ольстером, где и родила мальчика весом в двенадцать фунтов. Вскоре после этого мать умерла от родильной горячки, наказав перед смертью, чтобы мальчика назвали Донован — в честь отца (тяжелоатлет называл себя «Могучий О'Доннован»). Фамилия Грант была ее собственной.

Тетка с неохотой взялась за воспитание племянника, который рос здоровым и исключительно сильным, но молчаливым и необщительным. У него не было друзей, потому что сверстники побаивались его: если Доновану что-нибудь

нравилось, он отбирал это силой. Но если в школе его боялись и не любили, то на местных ярмарках мальчик стал завоевывать известность победами в борьбе. Неистовая ярость его атак в сочетании с расчетливой хитростью помогали ему одерживать верх над более крупными и взрослыми соперниками.

Вскоре на него обратили внимание шинфейнеры, пользовавшиеся деревней Аумаклой для перехода границы в Северную Ирландию и обратно, а также местные контрабандисты, обосновавшиеся в деревне с той же самой целью. После окончания школы Донована стали привлекать в качестве телохранителя руководители обеих групп. Ему хорошо платили, но общаться с ним старались как можно меньше.

Начиная примерно с этого возраста, Донован стал испытывать на себе воздействие каких-то странных и неистовых сил. Однажды в октябре, когда Гранту Доновану шел шестнадцатый год, его охватили «чувства» — как юноша называл эти странные переживания. Мучимый этими странными переживаниями, он тайком вышел из дома и, поймав в темноте кошку, задушил ее. Грант сразу почувствовал, что его «отпустило», и хорошее настроение не покидало его целый месяц — до ноября, когда он убил большую овчарку. Под Рождество, в полночь, он перерезал горло соседской корове, стоявшей в сарае. В этой странности Гранта была одна закономерность: «чувства» появлялись у него в полнолуние, и никогда — в другие дни.

У Гранта хватило ума сообразить, что долго это продолжаться не может и жители деревни скоро начнут искать виновника таинственных смертей. Он купил велосипед и раз в месяц, ночью, уезжал подальше от Аумаклоя в поисках жертвы. Иногда очень далеко. Вскоре Грант перестал довольствоваться только гусями и курами. Первой человеческой жертвой его стал спящий бродяга. Грант перерезал ему глотку.

По вечерам из своих домов выходило так мало людей, что он начал выезжать пораньше, попадая в отдаленные деревни в сумерки, когда крестьяне возвращались с полей, а девушки шли на свидания.

Когда Грант убивал девушек, он «не прикасался» к ним, и хотя при нем часто говорили о сексе, чувство влечения к женщине было ему чуждо. Он получал удовольствие только от самого процесса убийства. И ни от чего другого.

Ужасные слухи охватили графства Тирон, Фермана и Арма. Когда была найдена женщина, убитая днем и спры-

танная в стоге сена, слухи стали паническими. В деревнях спешно создавались группы бдительности, сюда прибывали полицейские с собаками-ищейками. Сенсационные новости о «лунном убийце» привлекли в эти места множество репортеров. Несколько раз Гранта, ехавшего на велосипеде, останавливали и допрашивали, но он пользовался хорошей репутацией в Аумаклое, и его рассказ о том, что он совершает дальние поездки с тренировочными целями, вырабатывая выносливость для будущих спортивных состязаний, всегда подтверждался жителями его родной деревни — ведь теперь Грант был знаменитостью, гордостью Аумаклоя и претендентом на звание чемпиона Северной Ирландии в полутяжелом весе.

Возможно, полицейские со временем и докопались бы до сути, но его спасла природная интуиция. Грант отправился в Белфаст и подписал контракт с разорившимся импрессарио, занимающимся молодыми боксерами. Дисциплина в грязном спортивном зале была спартанской. Гранту это напоминало тюрьму, и, когда при наступлении полнолуния кровь снова закипела у него в жилах, он чуть не убил одного из своих спарринг-партнеров. Несколько человек два раза оттаскивали Гранта от его противника на ринге, и импрессарио не выгнал тогда Гранта только потому, что он все-таки завоевал звание чемпиона.

Грант стал чемпионом Северной Ирландии в 1945 году, в день своего восемнадцатилетия. Вскоре его призвали в армию, и он стал шофером в королевском корпусе связи. Несколько месяцев подготовки в Англии утихомирили его или, по крайней мере, сделали более осторожным. Когда при наступлении полнолуния Гранта охватывали «чувства», он начинал пить. Скрывался из лагеря с бутылкой виски и в лесу, недалеко от Олдершота, опустошал ее до дна, доводя себя до бесчувствия. На следующее утро, с трудом держась на ногах, он возвращался в казарму. Алкоголь не полностью подавлял жажду крови, но все же Грант был уже не так опасен для окружающих. Если его самовольная отлучка не проходила незамеченной, то ему угрожала только гауптвахта: командир части не хотел нарушать тренировки Гранта, готовящегося к армейскому чемпионату.

Неожиданно русские закрыли границу, и транспортный батальон Гранта перебросили в Берлин. Постоянное чувство опасности понравилось Гранту и сделало его еще более хитрым и осторожным. Он все еще напивался до потери сознания во время каждого полнолуния, но с интересом следил за происходящим и строил планы. Ему

навивалась жестокость русских, их пренебрежение к человеческой жизни, и вскоре Грант решил перебежать к ним. Но какие доказательства он принесет с собой и поверят ли ему?

Все решил чемпионат британских оккупационных войск в Германии. По чистой случайности финалы проходили в день полнолуния. Донован Грант, выступавший под флагом корпуса связи, получил несколько предупреждений за захваты и удары ниже пояса и в третьем раунде был дисквалифицирован. Когда он уходил с ринга, весь стадион свистел, и громче всех — солдаты его части. На следующий день командир соединения холодно сообщил Гранту, что его поведение на ринге покрыло позором всю британскую армию и скоро его отошлют обратно в Англию. Ни один из его бывших товарищей-шоферов не желает больше ездить с ним...

Гранта перевели в подразделение курьеров.

Это как нельзя лучше отвечало планам Гранта. Через несколько дней вечером, получив документы из управления военной разведки на Рейхсканцлерплац, Грант направился на своем мотоцикле к русскому сектору, подождал, не выключая мотора, когда откроется шлагбаум братинского сектора, чтобы пропустить такси, и на скорости сорок миль в час промчался через закрывающиеся ворота. В русском секторе он затормозил у бетонного дома пограничной охраны.

Его стащили с мотоцикла и привели в караульную. Равнодушный офицер спросил, что ему нужно.

— Доставьте меня к начальнику советской Секретной службы,— спокойно заявил Грант.

Офицер холодно посмотрел на него и что-то сказал по-русски. Солдаты, которые привели его в караульное помещение, попытались было вытащить его наружу. Одним движением Грант отбросил их в стороны. Солдат, стоящий у дверей, щелкнул затвором автомата.

— У меня в сумке мотоцикла много секретных документов,— сказал Грант, стараясь говорить медленно и отчетливо. Внезапно ему пришла в голову блестящая мысль.— Если вы не отправите меня вместе с этими документами в секретную службу, у вас будут большие неприятности.

Офицер что-то скомандовал солдатам, и они отошли в сторону.

— У нас нет секретной службы,— произнес он по-английски с заметным акцентом.— Садитесь и заполните этот бланк.

Грант сел за стол и заполнил пространную анкету, которую давали всем изъявившим желание посетить восточную зону: имя, фамилия, адрес, цель приезда и так далее. Офицер тем временем снял телефонную трубку и произнес несколько коротких фраз.

Когда Грант закончил заполнять анкету, в караульное помещение вошли два сержанта, одетые в зеленую форму со знаками отличия на рукаве. Офицер пограничной охраны передал им заполненную Грантом анкету. Сержанты вывели Гранта из здания, с помощью солдат погрузили мотоцикл и его самого в кузов автофургона, закрыли дверцу, и машина тронулась с места. Через четверть часа она остановилась и, когда Грант сошел на землю, то увидел, что находится во внутреннем дворе большого мрачного здания. Его подняли на лифте и заперли в камере без окон. Здесь не было ничего, кроме металлической скамейки, прикрепленной к стене.

По истечении часа, который потребовался (так решил Грант), чтобы прочитать секретные документы, его привели в просторный, хорошо обставленный кабинет. За письменным столом сидел полковник с тремя рядами орденовских колодок на груди. В середине пустого стола стояла ваза с розами.

Десять лет спустя Грант, глядя вниз на огни Харькова, проплывающие в двадцати тысячах футов под их самолетом, безрадостно улыбнулся своему отражению в плексигласе иллюминатора.

Да, розы... С самого первого момента они словно сопровождали Гранта. Розы, розы — на всем его пути.

Глава 3

ОБУЧЕНИЕ

— Итак, вам хочется жить и работать в Советском Союзе, мистер Грант?

Через полчаса полковнику МГБ изрядно надоела беседа с полуграмотным английским солдатом. По его мнению, он сумел получить от этого не слишком приятного англичанина всю информацию, какую тот знал. Теперь несколько вежливых фраз, чтобы отблагодарить его за весьма интересные документы, найденные в фельдъегерской сумке, и можно отправить этого солдата обратно в камеру, откуда его доставят в Воркуту или другой трудовой лагерь.

— Да, мне хотелось бы работать на вас.

— А что вы умеете делать, мистер Грант? У нас достаточно неквалифицированной рабочей силы. Нам не нужны шоферы, а если речь идет о боксе,— полковник улыбнулся,— в Советском Союзе много отличных боксеров, включая олимпийских чемпионов.

— Я хочу убивать.

Полковник заметил, как в бледно-голубых глазах под белесыми ресницами на мгновение мелькнул какой-то красный огонек. «Да,— подумал он,— этот парень, пожалуй, не обманывает. Он не только неприятный, но и сумасшедший». Полковник взглянул на Гранта холодным оценивающим взглядом. Стоит ли переводить на него пищу в трудовом лагере? Может быть, приказать расстрелять его? Или вернуть обратно в британский сектор, и пусть англичане сами разбираются.

— Я вижу, что вы не верите мне,— торопливо заговорил Грант. «Наверно,— подумал он,— это не тот офицер, не тот департамент, который мне требуется».— Кто занимается у вас мокрыми делами? Дайте мне поговорить с ними. Я убью, кого они прикажут. Немедленно.

Полковник посмотрел на загадочного гостя. Может быть, лучше все-таки сообщить об этом безумце?

— Ждите меня здесь,— сказал он и вышел из кабинета, не закрывая дверь. Тут же появился охранник и замер у порога, держа руку на рукоятке пистолета.

Полковник зашел в соседний кабинет. Там было пусто. На письменном столе — три телефона. Он поднял трубку аппарата прямой телефонной связи с Москвой.

— Соедините меня со СМЕРШем,— сказал он офицеру связи. Когда ответил дежурный СМЕРШа, полковник вызвал начальника оперативного отдела.

Через десять минут он положил трубку. Какое простое, конструктивное решение проблемы! Независимо от исхода дела результат будет успешным. Если англичанин выполнит задание — отлично. Если будет пойман, то доставит массу неприятностей властям западного сектора: англичанам — потому что это их человек; немцам — так как покушение напугает их; американцам — потому что они финансируют разведывательную деятельность группы Баумгартнера и решат, что эта группа раскрыта. Довольный, полковник вернулся к себе в кабинет и сел за стол, глядя на Гранта.

— Вы действительно готовы сделать все, что вам прикажут?

— Разумеется.

— У вас хорошая память?

— Да.

— В британском секторе проживает немец Баумгартнер, доктор Баумгартнер. Его адрес — Курфюрстендам, 22, квартира 5. Вы знаете, где это находится?

— Знаю.

Сегодня вас переправят вместе с мотоциклом в британский сектор. Номерные знаки будут другими. У вас будет конверт с пометкой «доставить лично». Поскольку вы одеты в форму британской армии, вас пропустят в дом, где живет доктор Баумгартнер. Вы заявите, что обязаны передать конверт лично в руки Баумгартнера, причем без свидетелей. Вы убьете его, как только останетесь наедине. — Полковник испытующе посмотрел на Гранта. — Вам все ясно?

— Если я справлюсь с заданием, мне можно будет рассчитывать на продолжение сотрудничества такого рода? — спросил Грант.

— Не исключено, — равнодушно кивнул полковник. — Но сначала покажите, на что вы способны. После выполнения задания возвращайтесь в советский сектор и спросите полковника Бориса.

Он нажал на кнопку звонка. Дверь открылась, и вошел человек в штатском.

Полковник повернулся к Гранту:

— Сейчас вас покормят. Ближе к вечеру вам передадут пакет и острый нож, сделанный в Америке. Это отличное оружие. Желаю успеха.

Грант встал.

— Спасибо, сэр, — сказал он с благодарностью.

Полковник протянул руку и взял из вазы одну из роз. Он даже не посмотрел на Гранта, когда тот вышел из кабинета.

Самолет мчался над русской равниной. Уже остались позади пылающие доменные печи Донбасса, на западе промелькнула серебряная нитка Днепра. Проплыли огни Курска. Теперь под самолетом была полная темнота. Грант знал, что они пролетают над бескрайними полями созревающей пшеницы. Оазисы света не встретятся им до тех пор, пока они не пролетят последние триста миль, отделяющих их от Москвы. Это примерно час...

...Убийство крупного немецкого шпиона вызвало на Западе сенсацию. Как только Грант вновь перебрался в

русский сектор и с трудом разыскал полковника Бориса, его тут же переодели в штатское, посадили в пустой самолет МГБ и отправили прямо в Москву.

Далее был год почти тюремного заключения, на протяжении которого Грант учил русский язык и тренировался. Его допрашивали, осматривали доктора и психиатры, к нему подсаживали осведомителей. Советские шпионы в Англии и Северной Ирландии тщательно копались в его прошлом.

Потом Гранта выпустили на свободу — насколько это возможно для иностранца в Советском Союзе. Шпионы подтвердили все факты его биографии. Сидевшие с ним английские и американские «сокамерники»-осведомители сообщили, что Грант не проявляет никакого интереса к политическому строю или социальной структуре какой-либо страны мира. Врачи и психиатры единодушно признали, что он страдает маниакально-депрессивным психозом, активные периоды которого совпадают с полнолунием. Они добавили, что Грант ни в какой форме не интересуется сексом и что его болевой порог необычайно высок. Если исключить психические отклонения, заявили они, то его здоровье великолепно, физическая сила исключительна, и, хотя умственное развитие находится на очень низком уровне, Грант обладает поразительной природной хитростью. Они пришли к выводу, что Грант представляет крайнюю опасность для общества и подлежит немедленному направлению в психбольницу.

Когда досье Гранта легло на стол начальника управления кадров МГБ и он был готов уже написать в углу «В расход», как вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль.

В стране было много убийств — не из-за жестокости русских, а из-за требований политики. Те, кто не хотят подчиняться требованиям государства, становятся его врагами, а в стране нет места врагам, потому что еще слишком много предстоит сделать на пути достижения светлого будущего. В стране с населением в двести миллионов можно убивать много тысяч в год — и никто не заметит этого. Если понадобится избавиться от миллионов, что случалось во время самых крупных чисток, — это тоже не будет такой уж большой потерей. Проблема заключалась в том, что постоянно не хватало исполнителей приговоров. У них слишком короткая жизнь. Убив десять, двадцать, сто человек, палачи, какими бы жестокими они ни были, теряют

интерес к своей профессии. Микроб смерти, подобно раку, проникает к ним в души и уничтожает их. Ими овладевает меланхолия, они начинают пьянствовать, становятся вялыми и апатичными. Начальству, заметившему симптомы болезни, не остается ничего другого, как устранять их и искать других исполнителей.

Начальнику управления кадров МГБ была известна эта проблема. Он знал, что существует постоянная нужда не только в утонченных убийцах, но и в самых обычных палачах. Человек, досье которого лежало перед ним, был создан природой для такой работы. Если верить врачам...

Начальник взял ручку, написал несколько слов на первой странице досье Гранта, пометил его: «СМЕРШ. Второй отдел» и отправил секретарю.

Второй отдел СМЕРШа, оперативный, принял в свои объятия душу и тело Донована Гранта, дал ему новое имя — Гранитский, — и взялся за его подготовку.

Следующие два года оказались непростыми для Гранта. Ему пришлось опять начать учиться, причем так, что школа его детства с рядами парт и жужжанием сонных мух казалась ему раем. На окраине Ленинграда, в тесных комнатах разведывательной школы для иностранцев, среди немцев, чехов, поляков, прибалтов, китайцев и негров, внимательно слушавших преподавателей и постоянно записывающих что-то у себя в тетрадях, он пытался понять предметы, совершенно для него непостижимые.

Он слушал лекции по общей политической подготовке, включая историю мирового рабочего движения, по истории коммунистической партии и промышленных рабочих мира, учению Маркса, Ленина и Сталина. Он безуспешно пытался запомнить массу странно звучащих имен, которые ему никак не удавалось правильно написать. Постоянно меняющиеся преподаватели читали лекции о классовой борьбе, капитализме и фашизме, об агитации и пропаганде, проблемах малых народов, колониальных и зависимых стран, негров и евреев. В конце каждого месяца слушатели сдавали экзамены, во время которых Грант писал и нес неграмотную чепуху, перемежая ее полузабытыми отрывками из английской истории и безнадежно запутанными коммунистическими лозунгами. Его сочинения неизменно возвращались обратно перечеркнутыми крест накрест, а однажды преподаватель, прочитав его сочинение, тут же порвал его перед всеми слушателями.

Но Грант был терпелив, и, когда началось обучение техническим предметам, он оказался более способным уче-

ником. Основы кодов и шифровального дела давались Гранту легко, потому что ему хотелось это понять. Он хорошо проявил себя во время курса связи и без труда разобрался в сути запутанного лабиринта изолированных ячеек, тайных почтовых ящиков, курьеров, знаков и паролей. Наконец на занятиях по проверке бдительности, осторожности, бесстрашия и хладнокровия он оказался единственным слушателем, получившим высшие оценки.

По окончании учебного года в СМЕРШ поступила характеристика на Гранта: «Политическая ценность равна нулю. Великолепный оперативник». Именно это и требовалось Второму отделу.

Следующий год прошел в школе диверсантов и террористов, расположенной недалеко от Москвы, в Кучино. Среди нескольких сотен русских, обучавшихся в школе, было всего три иностранца, один из них — Донован Грант. Здесь ему не было равных в дзюдо, боксе, атлетических дисциплинах, фотографии и радио. Более всего знаний Грант перенял у полковника Аркадия Фотиева, крестного отца современных советских шпионов. В стрельбе его наставником оказался подполковник Николай Годловский, чемпион страны по стрельбе из винтовки.

Дважды в течение года, безо всякого предупреждения, в ночь полнолуния за Грантом приезжал автомобиль, отвозивший его в одну из московских тюрем. Там ему надевали на голову черный капюшон с прорезями для глаз, и он приводил в исполнение смертные приговоры, пользуясь при этом топором, веревкой, огнестрельным оружием. Перед, во время и после казней у него снимали электрокардиограммы, измеряли кровяное давление и делали другие медицинские тесты, о цели которых ему не было известно.

Для Гранта это был хороший год, и он справедливо считал, что и им тоже остались довольны.

В 1949 году Гранту начали доверять несложные операции с подвижными группами в странах-сателлитах: избиение или убийство советских шпионов — сотрудников разведки, на которых пало подозрение в измене. Грант выполнял свои обязанности точно и хладнокровно, ни в чем не отклоняясь от полученных указаний. И хотя с него по-прежнему не спускали глаз, он ни разу не проявил нерешительности и не сделал технических ошибок. А это могло произойти, если бы ему доверили самостоятельную работу в период полнолуния, но руководители понимали, что в это время они не смогут контролировать его поступки, и поэтому выбирали безопасные дни. А в период полнолуния

Гранту хватало работы в тюрьмах, и ему предоставляли ее, поощряя за образцовое поведение.

В 1951 и 1952 годах способности Гранта получили официальное признание. За отличную работу в восточном секторе Берлина он получил советское гражданство и высокое жалование, которое к 1953 году составляло уже пять тысяч рублей в месяц. В том же году ему присвоили звание майора: стаж его работы исчислялся со дня встречи с «полковником Борисом». Кроме того, ему выделили виллу в Крыму. Вместе с Грантом здесь постоянно проживали два телохранителя — отчасти для охраны, отчасти для того, чтобы он «не выбрал свободу» (жаргон МГБ). Раз в месяц его отвозили в ближайшую тюрьму и позволяли убивать столько приговоренных, сколько в этот момент там находилось.

Естественно, что у Гранта не было друзей. Ему завидовали, его ненавидели и боялись все, с кем ему приходилось сталкиваться. У него не было даже знакомых по службе — тех, кто заменяет друзей в узком и замкнутом мире советских чиновников. Он знал это, но не обращал внимания: его интересовали только жертвы.

И, разумеется, — у Гранта был СМЕРШ. У любого жителя Советского Союза, которому покровительствовал СМЕРШ, не было оснований для беспокойства.

...Самолет начал снижаться в направлении московского аэродрома Тушино. Грант продолжал размышлять. В своей профессии он достиг вершины: он был главным палачом СМЕРШа, следовательно, и главным палачом всего Советского Союза. Он достиг вершины, и ему больше не к чему стремиться. Да и что ему требовалось? Новые золотые безделушки? Более высокий чин? Больше жертв? Высокое техническое мастерство? Может, это выяснится сейчас, в Москве...

Глава 4

ВЛАСТЕЛИНЫ СМЕРТИ

СМЕРШ является официальной террористической организацией Советского Союза. Его представители действуют как внутри страны, так и за границей. В 1955 году сорок тысяч мужчин и женщин были сотрудниками этой организации. СМЕРШ — это сокращенная фраза «Смерть шпионам». Название это употребляется лишь внутри самой организации и высокопоставленными советскими чиновни-

ками. Ни один здравомыслящий советский гражданин не позволит себе произнести это слово вслух.

Штаб-квартира СМЕРШа расположена в огромном мрачном доме на улице Сретенка. Прохожие опускают глаза и спешат быстрее пройти мимо двух часовых с автоматами, стоящих у широких ступенек возле большой железной двери.

Управление всей деятельностью СМЕРШа производится со второго этажа. Самый главный кабинет — здесь: очень большая комната, стены которой окрашены в светло-зеленый цвет. Два широких окна за звуконепроницаемой дверью выходят на внутренний двор. Пол в кабинете застлан роскошным восточным ковром. В дальнем левом углу кабинета — массивный дубовый письменный стол, покрытый красным бархатом, с лежащим на нем толстым огромным стеклом. На правой стороне письменного стола — четыре телефонных аппарата.

От середины стола, образуя заглавную букву Т, протянулся наискось длинный стол для совещаний. Рядом с ним стоят восемь мягких стульев, обтянутых красной кожей. На столе по всей его длине — пепельницы, хрустальные графины с водой, стаканы.

Четыре большие картины в позолоченных рамах украшают стены. В 1955 году это были портреты Сталина — над дверью, Ленина — между двумя окнами и на стенах, портреты Булганина, а там, где до середины 1953 года висел портрет Берии, — портрет генерала армии Ивана Александровича Серова, возглавляющего Комитет государственной безопасности.

Слева у стены, под портретом Булганина — большой телевизор в красивом корпусе из полированного дуба. В нем скрыт магнитофон, который включается с письменного стола, другие спрятаны вдоль всего стола для совещаний. Провода скрыты в ножках. Рядом с телевизором — дверь, ведущая в туалет и ванную комнату, а также в небольшой кинозал.

Под портретом генерала Серова — книжный шкаф с многотомными сочинениями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. На свободных полках — книги по шпионажу, контрразведке, методам полицейской работы и криминалистике на многих языках. К шкафу придвинут длинный узкий стол с разложенными на нем альбомами в кожаных переплетах, которые заполнены множеством фотографий людей — советских граждан и иностранцев, — ликвидированных СМЕРШем.

Примерно в то время, когда в аэропорту Тушино заходил на посадку самолет с Грантом на борту, в этом кабинете коренастый мужчина с жестким лицом просматривал фотографии в альбоме, на корешке переплета которого золотыми цифрами стояла дата — 1954.

Начальник СМЕРШа, генерал-полковник Грубозабойщиков, чаще называемый сотрудниками этого огромного здания по первой букве фамилии — Г., был одет в аккуратный китель цвета хаки с высоким воротником, темно-синие брюки-галифе с двумя красными полосами по бокам. На ногах у него были высокие кавалерийские сапоги из мягкой, до блеска начищенной кожи. Над рядами орденских колодок на кителе сияла Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Лицо генерала было узким и суровым, будто тесанным из камня. Голова начисто выбрита, и на туго натянутой желтой коже отражался свет большой хрустальной люстры. Широкий рот с плотно сжатыми губами, глубокая ямка на подбородке — все говорило о том, что этот человек привык к беспрекословному повиновению.

Негромко зазвонил один из телефонов, стоящих на столе. Генерал не спеша, четким, уверенным шагом обошел стол, сел в кресло и поднял трубку телефона, на диске которого виднелись две крупные буквы «ВЧ» (высоко-частотный). Это был телефонный аппарат правительственной связи, и лишь отдельные министры и руководители отделов имели право пользоваться такими телефонами, проходившими через небольшой коммутатор в Кремле, который обслуживали офицеры государственной безопасности. Эта линия не прослушивалась, но все другие телефонные разговоры автоматически записывались на магнитонные ленты.

— Слушаю.

— Говорит Серов. Какие меры приняты по решению Президиума, утвержденному сегодня утром?

— Через несколько минут у меня состоится совещание, товарищ генерал, — РУМИД, ГРУ и, разумеется, МГБ. Если на совещании будет одобрен план действий, я тут же встречусь для обсуждения основных деталей с начальником оперативного отдела и начальником отдела планирования операций. Я уже дал команду, чтобы наш лучший оперативник прибыл в Москву. На этот раз я лично буду руководить операцией. Нам не нужно повторение дела Хохлова.

— Ни в коем случае, черт побери. Сообщите мне о результатах сразу после первого совещания. Завтра утром я докладываю Президиуму о принятых мерах.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Генерал Г. положил трубку и нажал кнопку звонка. Одновременно он включил магнитофон. Адьютант генерала, капитан МГБ, вошел в кабинет.

— Все собрались?

— Так точно, товарищ генерал.

— Пусть войдут.

Через несколько минут шесть человек один за другим вошли в кабинет и сели за длинный стол. Пять из них были в военной форме, трое руководили отделами. В Советском Союзе никто не ходит на совещания поодиночке, и потому каждого из вошедших сопровождал адъютант. Ради своей собственной безопасности, а также для защиты интересов управлений, которыми они руководят, главы отделов неизменно приходят в сопровождении свидетелей, которые внимательно прислушиваются к ходу обсуждения и готовы, в случае необходимости, предоставить свою версию происшедшего. Это может оказаться решающим в случае последующего расследования. На подобных совещаниях не ведется никаких записей, и принятые решения передаются устно.

На дальней стороне стола сидел генерал-лейтенант Славин, возглавляющий ГРУ — Главное разведывательное управление, военную разведку Генерального штаба Вооруженных Сил. Рядом с ним — полковник из его отдела. Напротив расположился генерал-лейтенант Воздвиженский из РУМИД, Разведывательного управления Министерства иностранных дел, и мужчина, одетый в штатское. Спина к двери сидел в сопровождении майора полковник государственной безопасности Никитин, глава разведывательного отдела МГБ, советской секретной службы.

— Добрый вечер товарищи.

Все три руководителя отделов кивнули головами и вежливо ответили на приветствие. Каждый из них знал, что все сказанное в кабинете записывается на магнитофон, и решил говорить как можно меньше — лишь то, что потребуется при обсуждении проблем, касающихся безопасности государства.

— Можете курить. — Генерал Г. достал из кармана пачку папирос и, чиркнув дешевой американской зажигалкой, закурил. После глубокой затяжки он заговорил:

— Товарищи, я собрал вас здесь по поручению генерала Серова, получившего указание Президиума. На своем утреннем заседании Президиум принял решение государственной важности. Нам дано указание разработать

план действий по осуществлению этого решения. Необходимо принять меры как можно быстрее. Разработанный нами план исключительно важен для политики государства, поэтому мы должны продумать его до мелочей.

Генерал Г. сделал паузу и внимательно оглядел присутствующих. Каждый из этих людей обладал почти неограниченной властью и каждый был внутренне обеспокоен: предстояло узнать государственный секрет — все равно, что заглянуть внутрь печи, где плавился металл. Когда-нибудь это обстоятельство может иметь самые опасные последствия. Сидя в этом тихом кабинете, они чувствовали, что на них падает мрачный отсвет сияния исходящего из центра власти страны — самого Президиума.

Пепел догоревшей папиросы упал на китель генерала Г., он стряхнул его на ковер и осторожно положил картонную трубочку папиросы в пепельницу.

— Мы должны дать рекомендации по поводу демонстративного террористического акта на вражеской территории в течение следующих трех месяцев.

На главу СМЕРШа смотрело шесть пар бесстрастных глаз. Все молчали.

— Товарищи,— произнес генерал Г., откинувшись на спинку своего кресла и обращаясь к присутствующим тоном лектора,— политика СССР претерпела изменения. Раньше это была жесткая политика — политика,— он улыбнулся и позволил себе шутку, связанную с именем Сталина,— «стали». Несмотря на всю свою эффективность, такая политика вела к возникновению напряженности в отношениях с Западом, особенно в отношениях с Америкой, и эта напряженность достигла опасного высокого уровня. Американцы истеричны, и их поведение непредсказуемо. Из сообщений наших агентов видно, что мы подталкиваем их к грани, когда они могут решиться нанести атомный удар по Советскому Союзу. Вы читали эти материалы и знаете, о чем я говорю. Сейчас нам не нужна такая война. Влиятельные американцы и, в особенности, Пентагон во главе с адмиралом Рэдфордом используют для разжигания подобных настроений успехи нашей внешней политики. Настало время других методов. Мы не отказываемся от наших целей, всего лишь меняем тактику. На свет появилась новая внешняя политика СССР, где сочетаются «жесткие» и «умеренные» методы. Началом такой политики стала Женева. Там мы пошли на уступки. Китай угрожает Куэмой и Матсу. Мы занимаем жесткую позицию. Мы открываем наши границы, выпускаем в СССР множество журналистов, актеров и уче-

ных, хотя и знаем, что многие из них — шпионы. Наши руководители улыбаются и шутят на приемах в Кремле. В разгар веселья мы проводим испытание самой большой атомной бомбы. Товарищи Булганин, Хрущев и генерал Серов (генерал Г. намеренно включил в этот перечень имя Серова, зная, что каждое слово записывается на пленку) совершают дружеские поездки в Индию и на Восток, где клеймят англичан. После возвращения они приглашают посла Великобритании и в теплой беседе обсуждают с ним предстоящий визит советских руководителей в Англию. И так продолжается дальше — кнут и пряник, улыбка и пощечина. Запад в замешательстве. Напряженность спадает. Противник дезориентирован и не знает, как реагировать на нашу политику. Тем временем простые люди радуются ослаблению напряженности, аплодируют советским футбольным командам, а также приветствуют добрые намерения Советского Союза, когда мы освобождаем нескольких военнопленных, которых нам не хочется больше кормить.

На лицах присутствующих появились довольные улыбки. Действительно, какая дальновидная политика, позволяющая успешно дурачить этих капиталистов!

— И в то же самое время,— продолжает генерал Г., наслаждаясь произведенным впечатлением,— мы незаметно двигаемся вперед — революция в Марокко, поставки оружия в Египет, дружба с Югославией, напряженность на Кипре, беспорядки в Турции, забастовки в Англии, укрепление политических позиций во Франции. Наше наступление идет по всем фронтам.

Генерал Г. увидел, как оживились сидящие за столом. Итак, предварительная обработка закончена, можно переходить к основному. Теперь он объяснит им, что такое новая политика на самом деле. Генерал Г. чуть наклонился вперед и поднял над столом правую руку, сжатую в кулак.

— Но, товарищи,— начал он мягким голосом,— кто допускал ошибки в проведении нашей генеральной линии? Кто проявил недостаточную твердость? Кто терпел поражения, тогда как другие министерства одерживали победы? Кто совершал идиотские ошибки, из-за которых Советский Союз глупо выглядел в глазах всего мира? Кто, я спрашиваю? КТО?

Голос сорвался в крик. Генерал Г. решил, что обвинение, порученное ему Президиумом, звучит убедительно. Несомненно, когда магнитофонная запись будет прослушана генералом Серовым, тот останется доволен.

Его глаза пробежали по лицам всех сидевших за столом. Кулак с грохотом обрушился вниз.

— Разведка Советского Союза, товарищи! — Крик перешел в свирепый рев. — Да-да, это мы оказались лентяями, предателями и саботажниками! Мы тормозили движение Советского Союза к светлому будущему и стали препятствием в его славной и великой борьбе! Мы! — Он обвел рукой присутствующих. — Все мы! — Голос генерала Г. стал нормальным.

— Сукины сыны, посмотрите на события последних лет. Сначала мы теряем Гузенко, весь наш канадский аппарат и ученого Фукса, далее разваливается американская агентура, мы теряем таких людей, как Токаев. Следует скандал с Хохловым. Наконец нас предают Петров и его жена в Австралии — этот список можно продолжать до бесконечности! Поражение следует за поражением, неудача за неудачей — а ведь я не упомянул даже половины!

Генерал Г. перевел дыхание, затем заговорил так же мягко, как в начале речи:

— Должен предупредить вас, товарищи, что если сегодня мы не разработаем общий план действий и не осуществим его должным образом, нас ждут неприятности. Сейчас нам необходим успех.

Он постарался отыскать заключительную фразу, которая звучала бы достаточно угрожающе. Наконец такая фраза пришла ему в голову.

— Иначе это может вызвать неудовольствие.

Глава 5

КОНСПИРАЦИЯ

«Мужики почувствовали вкус кнута», — подумал генерал Г. Он дал им несколько минут, чтобы опомниться от потрясения, вызванного перспективой официального недовольства.

Никто даже и не пытался оправдываться. Никто не пробовал опровергнуть обвинения, возразить, что успехи советской разведки намного превышают неудачи. Ни один из присутствующих в кабинете не поставил под сомнение слова главы СМЕРШа, разделяющего, кстати, вместе с ними вину за провалы, и не пожелал опровергнуть ужасные обвинения. Указание поступило с самого Верха, и генералу Г. было поручено сообщить им об этом. Доверие Верха

указывало на то, что он пользуется покровительством, его влияние в высших эшелонах власти растет. Каждый участник совещания понял это и принял к сведению. Теперь генералу Г. и СМЕРШу предстоит сделать еще один шаг...

Глава РУМИД, генерал-лейтенант Воздвиженский, представитель Министерства иностранных дел, задумчиво следил, как расходится дымок его папиросы (он курил только «Казбек»), и думал о том, как прав был Молотов, сказавший ему в личной беседе, что теперь, когда Берия мертв, генерал Г. пойдет далеко. Пожалуй, для такого заявления не требуется большого ума, решил Воздвиженский. Берия ненавидел генерала Г. и постоянно мешал его продвижению, назначая на второстепенные должности второстепенных отделов Министерства государственной безопасности. Когда началась очередная чистка аппарата, генерал Г., работая под руководством Серова, направил свою энергию на устранение Берии.

Серов, Герой Советского Союза и талантливый ученик создателей Чека, ОГПУ, НКВД и МВД, во всех отношениях был более крупной фигурой, чем Берия. Это он руководил устранением неугодных советскому руководству миллионов людей в 30-х годах, он был режиссером большинства московских показательных процессов, он организовал кровавый геноцид народов Центрального Кавказа. Именно он, генерал Серов, был вдохновителем депортации населения Прибалтийских государств и похищения немецких ученых-атомщиков, позволивших России достичь такого стремительного технического прогресса в послевоенные годы.

Берия и его окружение были казнены. Генерал Г. получил СМЕРШ. Что касается генерала армии Серова, он вместе с Булганиным и Хрущевым правил сейчас страной. Возможно, наступит день, когда Серов будет стоять выше всех на сверкающей вершине власти. «Но,— подумал генерал Воздвиженский, глядя на блестящую, как бильярдный шар, голову генерала Г.,— глава СМЕРШа будет всегда рядом с ним».

Желтый череп повернулся, и холодные выпуклые глаза в упор глянули на генерала Воздвиженского, сидевшего с непроницаемым лицом.

«Достойный противник,— подумал генерал Г.— Неплохо было бы прощупать его поглубже».

— Товарищи,— улыбнулся он присутствующим,— не стоит предаваться отчаянию. Даже самое высокое дерево подвластно топору дровосека. Конечно, наши службы не настолько идеальны, чтобы быть неподвластными критике.

То, что мне поручили передать, не будет для вас неожиданностью. К делу!

Как я уже говорил, нам поручено разработать общий план проведения террористического акта против одной из разведывательных служб Запада, и одному из наших отделов — я не сомневаюсь, что для этой цели будет выбран мой, — выпадет честь осуществить его.

Еле слышный вздох облегчения прозвучал за длинным столом. По крайней мере, ответственность за исход операции несет СМЕРШ. Это уже неплохо.

— Однако выбор цели будет непростым делом, и ответственность за это ложится на всех нас. Речь идет не о том, чтобы взорвать какое-нибудь здание или убить премьер-министра. Подобные буржуазные развлечения не для нас. Операция должна быть деликатной, тонкой, но сокрушительной для разведывательного аппарата Запада. Она должна вызвать скандал, показать всему миру глупость наших врагов, покрыть их позором. Естественно, правительства Запада сразу поймут, что это работа наших разведчиков, но в том и заключается цель: показать, на что мы способны, проводя «жесткую» политику. Вражеские агенты и шпионы капитализма поймут это. Предатели и перебежчики задрожат от страха. Наши сотрудники станут еще решительнее. Разумеется, мы заявим, что не имеем никакого отношения к этому делу. А народу Советского Союза совсем необязательно знать правду.

Генерал Г. перевел взгляд на представителя Министерства иностранных дел.

— А теперь давайте перейдем к выбору вражеской организации и конкретного представителя, по которым нам предстоит нанести удар. Генерал Воздвиженский, поскольку вы наблюдаете за разведывательной деятельностью западных спецслужб с нейтральной точки зрения, — (всем было известно о непримиримой вражде и соперничестве между ГРУ и МГБ), — может быть, вы проинформируете нас, кто представляет сейчас наибольшую опасность.

Генерал Г. откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники и устремил взгляд вдаль — подобно учителю, готовому выслушать обстоятельное объяснение своего лучшего ученика.

Вопрос не застал генерала Воздвиженского врасплох. Он занимался разведкой тридцать лет, главным образом за границей: при Литвинове был «швейцаром» в советском посольстве в Лондоне, работал в ТАСС в Нью-Йорке, затем в Амторге, советской торговой организации; в течение пяти

лет он был военным атташе в Стокгольме под началом блестящего дипломата, мадам Коллонтай. Это он участвовал в подготовке знаменитого советского разведчика Зорге перед тем, как тот отправился в Токио. Во время войны Воздвиженский был резидентом в Швейцарии, где заложил основы поразительно умно организованной, но трагически бездарно использованной шпионской организации, известной под названием «Группа Люси». Ему пришлось несколько раз побывать в фашистской Германии в качестве курьера «Красного оркестра». В послевоенные годы генерал едва избежал ареста, когда руководители «Красного оркестра» были репрессированы. Воздвиженский был профессиональным разведчиком, и вопрос Г. не был для него сложным.

— При анализе этой ситуации, — начал генерал Воздвиженский, тщательно выбирая слова, — не следует отождествлять человека с организацией, которой он служит. Хорошие разведчики есть во всех странах, но далеко не всегда самые крупные государства имеют лучшие разведывательные службы и лучших агентов. На секретную службу идут солидные средства. Малые страны не могут позволить себе роскошь тратить их на получение высококачественной информации: для этого требуются специалисты по изготовлению фальшивых документов, развернутая радиосеть, надежные архивы, опытные специалисты, перерабатывающие и дающие оценку сообщениям агентов. В таких странах, как Норвегия, Голландия, Бельгия и даже Португалия, есть отдельные разведчики, которые могли бы доставить нам немало неприятностей, если бы руководство этих стран больше ценило их сообщения. Но эти страны не представляют для нас интереса, — он помолчал. — Кроме Швеции. Она вела разведку против нас на протяжении столетий и всегда имела достоверные и полные сведения обо всем, что происходит на Балтике и побережье, — куда более точные, чем Финляндия и Германия. Швеция представляет для нас опасность. Было бы неплохо положить конец их деятельности.

— Мелко, — прервал его генерал Г. — Шпионский скандал в Швеции не вызовет интереса в мире.

— Италия не представляет для нас особой важности, — продолжал Воздвиженский, будто не заметив реакции генерала Г. — Ее агенты активны и находчивы, но они проявляют интерес к Средиземному морю. То же самое относится к Испании, правда, испанская контрразведка очень

мешает деятельности компартии. Мы потеряли там немало хороших сотрудников. Операция в Испании приведет к дальнейшим потерям и мало что даст. Испания еще не созрела для революции. Во Франции наши агенты есть в большинстве секретных служб, но Второе бюро по-прежнему очень опасно. Его возглавляет человек по имени Матис, назначенный Мендес-Франсом. Это заманчивая цель, да и во Франции действовать нетрудно.

— Франция сама о себе позаботится, — заметил генерал Г.

— Особое место принадлежит Англии. Мы все испытываем уважение к ее разведке. — Генерал Воздвиженский обвел глазами присутствующих. Осторожные кивки всех участников совещания, включая генерала Г., свидетельствовали, что оратор на правильном пути. — Английская служба безопасности великолепна. Англия — островное государство, что само по себе — большое преимущество. В ее контрразведке работают отлично подготовленные и знающие специалисты. Секретная служба Англии за последние годы добилась немалых успехов. При проведении некоторых операций мы часто сталкиваемся с тем, что они нас опередили. Английские агенты оплачиваются не очень высоко — две тысячи в месяц — но они преданно служат своей родине. Это тем более странно, потому что у сотрудников английской разведки нет особых привилегий. Они платят такие же налоги, как и все, не имеют доступа в закрытые магазины, где можно приобрести качественные товары по дешевой цене. Им крайне редко дают награды и не спешат с повышением по службе. Несмотря на все это, разведчики прекрасно делают свою опасную работу. Возможно, это дань традиции, перешедшей из частных школ и университетов. Или любовь к приключениям. — Генерал Воздвиженский спохватился: его слова могут быть истолкованы как восхищение противником. — Разумеется, успехи английских спецслужб несколько преувеличиваются ими самими и основываются на мифах: Скотленд-Ярд, Шерлок Холмс, секретная служба. В общем, эти джентльмены не представляют для нас большой опасности. Но все-таки мифы устойчивы, и было бы неплохо развеять их.

— А каково ваше мнение об американцах? — Генерал Г. поторопился прервать Воздвиженского, чтобы не дать ему возможности обосновать свой задний ход в отношении английской разведки. Придет время, и эти выска-

звания могут прозвучать — и неплохо — на судебном процессе. А если генерал Воздвиженский сейчас заявит, что Пентагон могущественнее Кремля, то...

— У американцев самая крупная и лучше всех финансируемая разведка и контрразведка. Говоря о технических аспектах — радиопрослушивание, радиоперехваты, оружие и специальное снаряжение — они не имеют себе равных. Но им недоступна сущность разведки. Они переполняются энтузиазмом, выслушав заявления какого-нибудь балканского шпиона, утверждающего, что в его распоряжении тайная армия на Украине. Американцы тут же снабжают его деньгами, чтобы этот тип мог купить сапоги для своей армии. С их благословения этот шпион тут же уезжает в Париж и тратит деньги на карты и женщин. Американцы считают, что деньги — это самое главное в разведке. Хорошие разведчики редко работают только за деньги — к обогащению в разведке стремятся случайные люди. Потому плохих разведчиков у американцев — несколько дивизий.

— Они добились определенных успехов, товарищ генерал, — произнес генерал Г. вкрадчивым голосом. — Вы их недооцениваете.

Воздвиженский пожал плечами.

— Успехи должны были придти к ним, товарищ генерал. Нельзя посеять миллион семян и не собрать несколько ростков. Лично мне кажется, что американцы не заслуживают внимания участников нашего совещания, — глава РУМИД откинулся на спинку стула и открыл портсигар.

— Очень интересное сообщение, — заметил генерал Г. холодно. — Вы не хотите что-нибудь добавить, генерал Славин?

Начальник ГРУ не хотел обременять себя какими-нибудь высказываниями, а также ставить под удар Генеральный штаб.

— Я внимательно выслушал генерала Воздвиженского. Мне нечего прибавить.

Полковник государственной безопасности Никитин, поразмыслив, пришел к выводу, что будет весьма кстати подчеркнуть, что у ГРУ вообще нет никаких свежих идей и предложений, а затем согласиться с мнением всех присутствующих на совещании — в особенности, если оно совпадает с мнением генерала Г. К тому же полковник Никитин знал, что Секретная служба поддержит его рекомендацию.

— Предлагаю выбрать объектом террористического

акта английскую спецслужбу,— заявил он решительным голосом.— Видит бог, мое управление не испытывает с этой стороны особых трудностей, но с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Но генералу Г. не понравилась решительность, прозвучавшая в тоне полковника Никитина, а также то, что полковник опередил его: генерал тоже хотел высказать предложение провести операцию против английской секретной службы. Он постучал зажигалкой по столу, как бы напоминая о своей роли председателя.

— Итак, ни у кого нет возражений, товарищи? Террористический акт против английской разведки?

Сидящие за столом кивнули.

— Единодушно. Теперь нам предстоит выбрать конкретную кандидатуру в этой организации. Генерал Воздвиженский сказал что-то относительно мифа, на котором основывается так называемая сила английской секретной службы. Как, по-вашему, можно разрушить этот миф и одновременно подорвать деятельность самой организации? Кто олицетворяет это миф? Глава секретной службы? Кто возглавляет английскую секретную службу?

Адъютант полковника Никитина что-то прошептал ему на ухо. Полковник предложил собравшимся ответ на этот вопрос.

— Это адмирал, известный по инициалу М. У нас есть на него досье, но довольно скудное. Он почти не пьет и слишком стар для женщин. Широкой общественности о нем ничего не известно. Устранить его будет нелегко: он почти не выезжает за границу, а застрелить его на улице в Лондоне хотя и можно, но чего мы добьемся этим?

— Вы рассуждаете весьма логично, товарищ полковник,— согласился генерал Г.— Но разве так уж трудно найти цель, которая отвечала бы всем нашим требованиям? Разве среди агентов английской секретной службы нет легендарного героя, которым восхищаются остальные и чья смерть вызовет смятение? Мифы тоже не создаются на пустом месте, они — следствие героических поступков. Неужели там нет такого разведчика?

Воцарилась тишина. Присутствующие задумались, пытаясь вспомнить имя подходящего человека.

Тишину снова нарушил полковник Никитин.

— В общем-то, есть. Это разведчик по имени Бонд.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

— Е...мать! — выпалил свое любимое ругательство генерал Г. Его ладонь опустилась на поверхность стола с шумом пистолетного выстрела. — Товарищ полковник, разумеется, у них есть разведчик по имени Бонд. Джеймс Бонд. И ни один из нас, включая меня, не вспомнил сразу это имя. Действительно, у нас что-то случилось с памятью. Немудрено, что наша разведывательная служба подвергается критике.

Генерал Воздвиженский решил, что он сам и его управление нуждаются в защите.

— В мире множество врагов Советского Союза, товарищ генерал, — запротестовал он. — Когда мне требуются их имена, я обращаюсь в отдел документации. Разумеется, я помню имя английского шпиона Бонда. Он неоднократно срывал наши операции. Но сейчас я думаю о других именах — именах тех, кто стоит у нас на пути сейчас, сегодня, на этой неделе. Я люблю футбол, но не собираюсь запоминать имя каждого иностранца, забивающего гол в ворота «Динамо».

— Вам угодно шутить, товарищ генерал, — холодно ответил генерал Г., всем своим видом подчеркивая неуместность такой шутки. — Мы занимаемся здесь серьезными делами. Я признаю свою ошибку, состоящую в том, что не вспомнил тут же про этого печально известного нам шпиона. Полковник Никитин, я уверен, сообщит нам подробности, связанные с деятельностью Бонда, но я припоминаю, что этот шпион по крайней мере дважды помешал успешному проведению операций СМЕРШа — правда, еще до того, как я был назначен руководителем этой организации. К сожалению, мой предшественник не принял меры к его устранению.

— У нас тоже были неприятности с этим Бондом. Готовился запуск ракеты с атомной боеголовкой из Южной Англии в Лондон. Бонд помешал осуществлению этой крайне важной операции, которая могла бы принести отличные результаты. Последствия оказались настолько серьезными, что их удалось уладить с большим трудом.

Генерал Славин из ГРУ понял, что должен вмешаться. Запуск ракеты готовился армейской разведкой, и в неудаче обвинили ГРУ. Никитину это было отлично известно. МГБ стремилось как всегда во всем обвинить соперника.

— Товарищ полковник,— начал генерал Славин ледяным голосом,— запрос был, но по нему не было принято каких-нибудь действий. Иначе Бонд не смог бы нам помешать.

Полковник Никитин задрожал от ярости и с трудом сдержался.

— Прошу извинить меня, товарищ генерал,— ответил он,— но предложение ГРУ не было поддержано наверху. Отношения с Англией были тогда слишком напряженными, и, по-видимому, вы забыли об этом. В случае одобрения нашего запроса исполнение было бы поручено СМЕРШу.

— Мы не получали никаких указаний,— отрезал генерал Г.— иначе этот шпион был бы немедленно устранен. Но сейчас не время заниматься историей. Может быть, МГБ проинформирует нас более подробно о недавней деятельности Бонда?

Полковник Никитин опять посовещался с адъютантом и повернулся к столу.

— У нас очень мало свежей информации, товарищ генерал,— произнес он извиняющимся тоном.— Мы знаем только, что его последнее задание было связано с контрабандой алмазов, их доставкой из Африки в Америку. Но это дело не имело к нам никакого отношения. Может быть, есть какие-либо новые сведения в его досье.

Генерал Г. кивнул и поднял трубку местного телефона.

— Отдел документации? Говорит генерал Грубозабойщиков. Досье Джеймса Бонда — английского шпиона. Немедленно.— Он услышал ответ: «Будет исполнено, товарищ генерал» — и положил трубку.

— Мне представляется, товарищи,— сказал он,— что этот шпион является подходящей целью. Это — опасный враг государства. Его ликвидация отвечает интересам всех управлений разведывательного аппарата. Вы согласны?

Утвердительные кивки.

— Смерть Бонда будет чувствительным ударом для английской секретной службы. Но изменит ли его исчезновение ее деятельность? Поможет уничтожить миф, о котором мы только что говорили? Является ли этот человек героем своей организации и всей страны?

Генерал Воздвиженский решил, что вопрос предназначен для него.

— Англичане не проявляют длительного интереса к героям, если только это не футболисты, жокеи или игроки в крикет. Если человек поднимется на ранее недостижимую вершину или быстрее всех бежит, он становится героем

для отдельных личностей, но не для широких масс. Королева Англии тоже героическая личность, равно как и Черчилль. Но военные герои не слишком интересуют английский народ, и Бонд ему неизвестен. Даже если был известен, все равно не считался бы героем: в Англии ни открытая война, ни секретная не вызывают энтузиазма. О таких вещах стараются не думать или забыть как можно быстрее. Что же касается секретной службы, то этот человек может быть предметом восхищения для ее сотрудников, но может и не быть. Это зависит от его внешности и личных качеств. Не исключено, что он жирный, неопрятный и отталкивающего вида человек. Такая личность не может быть героем, какой бы успешной ни была ее деятельность.

— Захваченные нами английские шпионы хорошо о нем отзываются,— заметил Никитин.— В разведке его любят. Говорят, что он всегда действует в одиночку, но хорошо относится к окружающим и внешне выглядит привлекательно.

Зазвонил внутренний телефон. Генерал Г. снял трубку, послушал и ответил: «Принесите сейчас же». Раздался стук в дверь. Вошел адъютант с толстой папкой в руках, положил ее перед генералом Г. и тут же вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Папка была черного цвета с белой полосой, пересекающей ее по диагонали. В правом верхнем углу было напечатано белыми буквами: «Совершенно секретно». В центре было написано: «Джеймс Бонд» и ниже — «Английский шпион».

Генерал Г. развязал тесемки, открыл папку и достал большой конверт с фотографиями. Он наклонил его и высыпал фотографии на стол. Затем стал брать их одну за другой и внимательно рассматривать — иногда с помощью увеличительного стекла, которое он достал из ящика стола. Каждая фотография попадала потом к Никитину, который, посмотрев, передавал ее дальше.

На первой фотографии было написано: «1946 год». Темноволосый молодой человек сидит в уличном кафе. На столе — стакан и сифон с газированной водой. Правая рука покоится на краю стола, пальцы небрежно сжимают сигарету. Конечно, не предполагает, что его фотографируют.

Следующая была сделана в 1950 году. На снимке виднеются лишь лицо и плечи. Изображение нечеткое. «Скрытая миниатюрная камера», — подумал генерал Г.

На третьей стояла дата: «1951». Тот же темноволосый

мужчина, без шляпы, торопливо идет по пустой улице. Резкий профиль, напряженный взгляд, тело устремлено вперед и так собрано, словно готовится к прыжку, рука — в правом кармане. Генерал Г. решил, что снимок сделан из автомобиля с левой стороны, вплотную к Бонду.

На последней, четвертой, фотографии была пометка: «Паспорт, 1953». Виден угол печати и надпись «Форин Офис». Фотография, по-видимому, была переснята при пересечении границы или консьержем отеля, которому Бонд сдал паспорт для регистрации. Генерал Г. взял увеличительное стекло и стал тщательно вглядываться в изображение на фотографии.

Смуглое, будто высеченное из камня лицо с длинным, в три дюйма, шрамом на правой щеке. Глаза большие и холодные, брови густые. Волосы темные, с пробором на левой стороне. Прямой нос. Широкий, резко очерченный рот.

Генерал Г. снова посмотрел на фотографию. Решительность, уверенность в себе, безжалостность — эти качества были очевидны. Он передал фотографию Никитину и наклонился к досье, читая каждую страницу.

Фотографии вскоре вернулись к нему. Генерал Г. поднял взгляд.

— Действительно, опасный противник, — мрачно заметил он. — Досье подтверждает это. Сейчас я прочитаю вам несколько отрывков, и затем мы примем решение. Уже поздно. — Он вернулся к первой странице и начал читать наиболее интересные места.

«Фамилия — Бонд, имя — Джеймс. Рост 183 см, вес 76 кг. Стройный. Глаза — синие, волосы — черные. Шрамы на правой щеке и левом плече. Следы пластической операции на правой руке. Отлично подготовлен физически. Великолепный стрелок, мастер рукопашной схватки, блестяще владеет ножом. Не меняет своей внешности. Свободно говорит на немецком и французском языках. Много курит (сделанные по заказу сигареты с тремя золотыми полосами). Слабости: пьет, но умеренно, увлекается женщинами. По слухам, взятки не берет».

Генерал Г. пропустил страницу и продолжал.

«Всегда вооружен автоматическим пистолетом марки «Беретта» 25-го калибра (6,35 мм) в кобуре под левой рукой. В обойме восемь патронов. Носит нож, прикрепленный к левому предплечью; пользуется ботинками со стальными набойками. В рукопашной схватке борется до конца. Хорошо переносит боль».

Заключение. Этот человек исключительно опасный профессиональный террорист и шпион. Является сотрудником секретной службы с 1938 года. В настоящее время ему присвоен секретный номер «007». Два нуля означают, что агенту позволено убивать при проведении операций. Считают, что такие номера присвоены всего лишь трем английским агентам. То обстоятельство, что агент награжден орденами Святого Михаила и Святого Георга, что обычно делается лишь при уходе в отставку, показывает, насколько высоко его ценят. В случае получения о нем дополнительных сведений немедленно сообщить в Центр (СМЕРШ, МГБ и ГРУ)».

Генерал Г. закрыл папку и решительно хлопнул по ней ладонью.

— Ну как, товарищи, все согласны?

— Да, — громко ответил полковник Никитин.

— Согласен, — сказал генерал Славин, которому эта процедура уже надоела.

Генерал Воздвиженский разглядывал ногти. Он устал от убийств. Да и о пребывании в Англии у него остались приятные воспоминания. «Да, пожалуй», — пробормотал он наконец.

Рука генерала Г. сняла трубку внутреннего телефона. Ему ответил адъютант.

— Ордер на осуществление смертного приговора, — произнес генерал резким голосом. — Имя приговоренного — Джеймс Бонд. Совершенное преступление — английский шпион, действующий во вред государственным интересам, — он положил трубку и откинулся на спинку кресла. — Теперь я со своими подчиненными займусь разработкой оперативного плана. Причем такого, чтобы неудача была исключена. Нам не нужно еще одного дела Хохлова.

Открылась дверь, и вошел адъютант с желтым листом бумаги в руке. Он положил его перед генералом Г. и вышел из кабинета. Генерал пробежал глазами текст смертного приговора и написал внизу: «Смерть. Грубозабойщиков», потом передал ордер полковнику Никитину, который прочитал печатный текст и расписался: «Ликвидировать. Никитин». Далее ордер лег перед главой ГРУ, который подписал его не читая: «Смерть. Славин». Мужчина, одетый в штатское, встал, взял ордер и положил его перед генерал-лейтенантом Воздвиженским.

Воздвиженский внимательно прочел каждую фразу, затем посмотрел на генерала Г., не сводившего с него глаз,

и написал: «Согласен. Воздвиженский». После этого он оперся руками о стол и встал.

— Это все, товарищ генерал? — спросил он, отодвигая стул.

Непроницаемое выражение на лице генерала Г. скрыло его чувства, но сердце забилося от радости. Да, он не ошибся в оценке этого человека. Надо организовать за ним слежку и сообщить о подозрениях генералу Серову.

— Одну минуту, товарищ генерал, — сказал он. — Я решил кое-что добавить к приговору.

Генерал Г. взял ордер и ручкой, которую он достал из внутреннего кармана, перечеркнул свою резолюцию. Затем стал писать, произнося вслух каждое слово: «Бесчестная и позорная смерть. Грубозабойщиков».

Он оглядел участников совещания и приветливо улыбнулся.

— Спасибо, товарищи. Можете быть свободными. Я сообщу о вашем решении на заседании Президиума. До свидания.

Когда кабинет опустел, генерал Г. потянулся, широко зевнул, выключил магнитофон и вызвал адъютанта. Капитан вошел в кабинет и вытянулся по стойке «смирно».

Генерал Г. передал ему желтый лист бумаги.

— Немедленно отошлите генералу Серову. Найдите Кронштейна, пошлите за ним машину. Если он спит, разбудите его. Через десять минут пригласите ко мне полковника Клебб.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — ответил адъютант, повернулся и вышел из кабинета.

Генерал Г. снял трубку аппарата правительственной связи и вызвал генерала Серова. В течение нескольких минут он четко и сжато проинформировал своего начальника о результатах совещания.

— Сейчас я поручу разработать план операции полковнику Клебб и начальнику отдела планирования Кронштейну. Они представят свои соображения завтра. Вы не возражаете, товарищ генерал?

— Не возражаю, — последовал спокойный голос генерала Серова, члена Верховного Президиума. — Ликвидируйте его. Но чтобы все прошло идеально. Завтра утром Президиум утвердит ордер.

Линия замолчала. Генерал Г. тоже положил трубку телефона «ВЧ».

Зазвонил местный телефон. Генерал Г. поднял трубку,

выслушал адъютанта, сказал: «Да, пусть войдет», — и положил трубку.

Дверь отворилась, в кабинете появилась жабья фигура, одетая в светло-зеленую форму, и быстрыми короткими шагами подошла к столу.

Генерал Г. указал на стул.

— Добрый вечер, товарищ полковник. Садитесь.

Сладкая улыбка появилась на круглом лице.

— Добрый вечер, товарищ генерал.

Глава Второго отдела СМЕРШа, ответственного за оперативную работу и осуществление смертных приговоров, чуть приподняла юбку и опустилась на стул.

Глава 7

ЛЕДЯНОЙ МАГ

Циферблаты шахматных часов «смотрели» на шахматную доску подобно глазам какого-то морского чудовища, выглянувшего из-за края стола, чтобы понаблюдать за игрой.

На двух циферблатах было различное время. Часы Кронштейна показывали без двадцати минут час. Длинный красный маятник, отсчитывающий секунды, раскачивался под циферблатом его часов, тогда как часы его противника стояли и маятник был неподвижен. Но на часах Макарова было без пяти минут час. Он потратил слишком много времени в середине игры, и теперь у него оставалось всего пять минут. Макаров знал, что его дело плохо, и если Кронштейн не совершит какую-нибудь безумно глупую ошибку (что было крайне маловероятно), то партия проиграна.

Кронштейн сидел, прямой и неподвижный, с непроницаемым лицом, напоминая зловещего попугая. Большая голова его покоилась на сжатых кулаках рук, поставленных локтями на стол. Черные, слегка раскосые глаза под широким лбом и нависающими бровями глядели на шахматную доску с равнодушным спокойствием. Но за этой непроницаемой маской кровь отчаянно билась у него в висках и частота сердечных сокращений достигала ста ударов в минуту. В последние два часа и десять минут ему пришлось немало попотеть, и опасность неверного хода все еще висела над ним невидимой угрозой. Но для Макарова и зрителей он оставался «ледяным магом», игру которого сравнивали с манерой есть рыбу: сначала он очищает кожу, затем вынимает кости и, наконец, съедает. На протяжении двух

последних лет Кронштейн был чемпионом Москвы, играл сейчас в третьем финале и в случае победы становился гроссмейстером.

Тишину нарушало лишь тиканье часов Кронштейна. Двое судей замерли в своих высоких креслах. Как и Макаров, они понимали, что предстоит решающий момент. Кронштейн сделал блестящий ход, отойдя от классического истолкования варианта Мерана в королевском гамбите. Макаров играл на равных до двадцать восьмого хода, когда потратил на обдумывание слишком много времени. Возможно, именно тогда он и допустил ошибку. А может быть, это произошло на тридцать первом или тридцать третьем ходу. Кто знает? Эта игра будет обсуждаться во всей стране в течение нескольких недель.

Кронштейн медленно протянул руку к шахматной доске. Раздался дружный вздох тысяч зрителей. Его большой и указательный пальцы раздвинулись подобно клешне розового краба, опустились, подняли фигуру и переставили ее на другую клетку шахматного поля.

Зрители ожили и зашушукались, наблюдая, как на огромной настенной доске был продублирован сорок первый ход. Неужели это конец игры?

Кронштейн медленно протянул руку и нажал на кнопку своих часов. Маятник остановился. Стрелки на циферблате показывали без пятнадцати минут час. В тот же самый момент ожил и забился красный маятник на часах Макарова.

Мужчина в штатском проскользнул под белый канат, подошел к судье, что-то прошептал ему и передал конверт. Судья отрицательно покачал головой, кивнув на часы Макарова, показывающие сейчас без трех минут час. Штатский прошептал короткое слово, которое заставило судью покорно склонить голову. Он включил микрофон.

— Срочное сообщение лично для товарища Кронштейна,— прозучал в динамиках голос судьи.— Объявляется перерыв на три минуты.

В зале раздался шум множества голосов. Хотя Макаров, соблюдая правила игры, тут же отвел глаза от доски и уставился в потолок, зрители понимали, что положение фигур отпечаталось у него в уме. Перерыв на три минуты просто означал, что Макарову потом добавят эти три минуты.

Кронштейн почувствовал раздражение, но его лицо осталось непроницаемым. Судья спустился со своего высокого кресла и передал ему чистый, безо всяких пометок,

конверт. Кронштейн вскрыл его, извлек лист бумаги, на котором было напечатано большими, такими знакомыми буквами: «ТРЕБУЕТСЯ ВАШ НЕМЕДЛЕННЫЙ ПРИЕЗД».

Кронштейн сложил записку и спрятал ее во внутренний карман пиджака. Потом записка будет изъята у него и уничтожена. Человек в штатском, стоявший рядом с судьей, смотрел на него властно, словно требуя беспрекословного повиновения. «К черту их всех»,— подумал Кронштейн. Он не признает себя побежденным в уже выигранной игре, когда до победы оставалось всего три минуты. Это унижительно для профессионального игрока. Он сделал знак, что готов продолжать, и наклонился к шахматной доске, хотя внутри у него все дрожало от страха, и он старался избегать взгляда человека, который остался стоять рядом с судьей.

— Игра продолжается,— объявил судья.

Макаров перевел взгляд на доску. Стрелки его часов уже перешли за пределы времени, отведенного на игру, а он все еще продолжал борьбу.

Кронштейн не мог справиться с дрожью, охватившей его. Он совершил поступок, наслуханный не только для сотрудника СМЕРШа, но и для сотрудника любого государственного учреждения. Несомненно, об этом станет известно. Неповиновение, отказ от выполнения своих обязанностей — какими будут последствия? В лучшем случае — суровое предупреждение со стороны самого генерала Г. и выговор с занесением в личное дело. А в худшем? Кронштейн не мог себе этого даже вообразить. Каким бы ни был исход, наслаждение от победы исчезло, осталась одна горечь.

Но, к счастью, игра подошла к концу. Когда на его часах оставалось всего пять секунд, Макаров поднял глаза от доски и наклонил голову, официально признавая свое поражение. Раздался звонок арбитра, и зал разразился громом аплодисментов.

Кронштейн встал, поклонился сопернику, судьям, самый низкий поклон — зрителям. Затем в сопровождении человека в штатском нырнул под канаты и начал проталкиваться, грубо и бесцеремонно, к выходу.

У шахматного зала на Пушкинской улице стоял с включенным двигателем черный автомобиль «ЗИС» без номеров. Кронштейн опустился на заднее сиденье, мужчина в штатском поспешно вскочил в машину рядом с водителем, дверцы захлопнулись, и машина сорвалась с места.

Кронштейн знал, что бессмысленно извиняться перед

офицером в штатском. К тому же это было бы нарушением дисциплины. В конце концов, он, Кронштейн, занимает пост начальника отдела планирования операций в СМЕРШе, имеет звание полковника. Он важен для организации, его мозг для СМЕРШа ценнее алмазов. Может быть, ему удастся объяснить правильность сделанного им шага. Взгляд Кронштейна рассеянно скользил по улицам с мостовыми, уже мокрыми после того, как здесь прошли ночные поливальные машины. Кронштейн сконцентрировал все свои незаурядные умственные способности в поисках выхода из положения. Машина сделала круг по огромной площади, проехала по Сретенке и остановилась у входа.

Сопровождающий подвел Кронштейна к адъютанту генерала Г., которому вручил также и небольшую записку. Адъютант бегло прочитал ее, затем вопросительно и удивленно посмотрел на Кронштейна и, пожав плечами, снял трубку телефона.

Затем уже адъютант проводил Кронштейна к генералу Г., где вручил хозяину кабинета эту же записку. Тот прочитал ее, поднял холодный взгляд на Кронштейна и смотрел на него до тех пор, пока адъютант не вышел и не закрыл за собой дверь.

— Ну так что, товарищ? — произнес генерал Г. мягким голосом, обращаясь к Кронштейну, сидящему напротив полковника Клебб.

Самообладание уже вернулось к Кронштейну. Он нашел тактику защиты и знал, что генерал Г. будет вынужден признать его правоту.

— Для московской общественности, товарищ генерал, — начал он спокойно и уверенно, — я — профессиональный шахматист. Сегодня вечером я завоевал звание чемпиона Москвы третий год подряд. Если бы до конца игры оставалось три минуты и мне сообщили, что у входа в зал убивают мою жену, я даже пальцем не шевельнул бы ради ее спасения. Мои болельщики знают это. Признай я после того, как мне передали конверт, поражение в явно выигранной партии сегодня вечером, на глазах у пяти тысяч зрителей, все сидящие в зале сразу поняли бы, что я сделал это, повинаясь какому-то приказу вашего департамента. По всей столице пошли бы слухи, которые положили бы конец моей карьере в СМЕРШе. В интересах безопасности государства я подождал три минуты, прежде чем исполнить приказ. Но даже сейчас мой поспешный отъезд вызовет недоумение. Мне придется положить одного из своих детей в больницу хотя бы на неделю, чтобы объяснить такую внезапную спешку.

Я извиняюсь за задержку при выполнении полученного мной приказа. Мне было нелегко принять такое решение. Но я сделал это в интересах службы.

Генерал Г. задумчиво глянул в раскосые глаза Кронштейна. Он виновен, в этом нет сомнения, но и объяснение весьма разумное. Генерал еще раз прочитал записку, будто взвешивая важность обвинения, потом взял зажигалку и сжег записку. Он не произнес ни единого слова, но уничтожение вещественного доказательства было самым важным для Кронштейна. Теперь его личное дело останется чистым. Он испытывал чувство огромного облегчения и благодарности. Генерал Г. проявил поразительное великодушие. Кронштейн не пожалеет усилий, чтобы отблагодарить его.

— Передайте ему фотографии, товарищ полковник, — произнес генерал Г., как будто этого короткого трибунала и не было. — Итак, перед нами — следующая задача...

...Речь идет о приведении в исполнение очередного смертного приговора, понял Кронштейн, слушая генерала, разглядывая смуглое безжалостное лицо мужчины на фотографиях (английский шпион) и одновременно запоминая основное: необходим международный скандал, но без явного участия Советского Союза. Слабость к женщинам (следовательно, не гомосексуалист). Пьет (хотя никакого упоминания о наркотиках). Не берет взятки (кто знает? Любого можно купить, вопрос лишь в цене). Все спецслужбы готовы оказать содействие. Завершение операции не позже чем через три месяца. Сейчас необходимо высказать основные наметки плана. Детали можно разработать позднее.

— Каково ваше мнение, полковник Клебб? — холодные глаза генерала остановились на лице начальника оперативного отдела.

Женщина повернулась к генералу Г., и ее квадратные, без оправы, очки отразили свет хрустальной люстры. Бледные влажные губы под желтыми от никотина усиками начали быстро двигаться — женщина излагала свою точку зрения. Голос ее был хриплым, но невыразительным, без малейшего намека на эмоции. «...напоминает мне в некоторых отношениях дело Штольценберга. Как вы помните, товарищ генерал, тогда речь тоже шла о том, чтобы не просто ликвидировать предателя, но и уничтожить его репутацию. Но в том случае ситуация была проще. Шпион оказался дегенератом. Тогда мы...»

«Слушать эту болтовню бесполезно», — решил Кронштейн. Ему были отлично знакомы подобные операции: он сам планировал осуществление большинства из них, и

память сохранила их бесчисленное множество, словно шахматные гамбиты. Отключившись, не слыша ни единого звука, он сконцентрировал внимание на лице этой страшной женщины... Сколько времени ему еще придется работать вместе с ней? Долго ли он сможет удержаться на этом посту?

Почему страшной? Кронстейна не интересовали люди. Даже его собственные дети. В его словаре не было таких категорий, как плохой и хороший. Люди были для него всего лишь фигурами на шахматной доске. Кронстейна интересовала только их реакция на движения других фигур. Для того чтобы предсказать их реакцию — а это было главным в его работе, — необходимо знать индивидуальные характеристики людей. Основные инстинкты банальны и непоколебимы. Самосохранение, секс и стадное чувство... Разница — в темпераменте: жизнерадостный, флегматичный, вспыльчивый или меланхоличный. Темперамент оказывает решающее влияние на эмоции и чувства. Характер в огромной степени зависит от воспитания и — что бы ни утверждали Павлов и бихевиористы — находится под значительным влиянием характера родителей. Жизненные привычки и поведение определяются, безусловно, еще и тем, обладает человек физической силой или он слаб.

Именно исходя из этих основных принципов, незаурядный ум Кронстейна клинически оценивал женщину, сидящую напротив него. Ему уже приходилось заниматься этими психологическими задачами сотни раз, и теперь, когда ему предстояли недели совместной работы с этой женщиной, он решил освежить свою память: никакие человеческие чувства не должны помешать осуществлению операции.

Инстинкт самосохранения у Розы Клебб был, несомненно, очень силен — иначе она не стала бы одной из самых могущественных (и уж, конечно, вселяющих наибольший страх) женщин в стране. Кронстейн вспомнил, что ее карьера началась во время гражданской войны в Испании. Там она была двойным агентом в ПОУМе — одновременно работала по указаниям ОГПУ и испанской разведывательной службы. С 1935 по 1937 годы она была правой рукой и, по слухам, любовницей своего начальника, знаменитого Андреаса Нина. И когда его убили по указанию Москвы, то, по мнению многих, это сделала именно Роза Клебб. С этого момента она медленно, но неуклонно поднималась вверх по лестнице власти — через неудачи, войны, заговоры, через все испытания, выдерживая их и

выживая, потому что Клебб не присоединялась к союзам, не имела друзей, не проявляла никакой личной преданности. К 1953 году после всех чисток и процессов ее кровавые руки уже держались за ту ступеньку лестницы, которая была почти у самой вершины: она стала начальником оперативного отдела СМЕРШа.

Кронстейн подумал, что этот успех во многом зависел от ее второго могучего инстинкта — полового. Роза Клебб относилась, несомненно, к самому редкому из половых типов: она была бесполой. В этом Кронстейн был уверен. Рассказы о ней тех, кто хоть что-то знал, сводились к одному: Роза могла получать удовольствие от полового акта, но инструмент, вызывающий удовольствие, для нее не имел значения. Секс для Розы Клебб был чем-то вроде щекотки, и это физиологическое и психологическое безразличие освобождало Клебб от множества человеческих эмоций, чувств и страстей. Природа преподнесла ей редкий и бесценный дар — бесполость, это олицетворение равнодушия и холодности у человека.

У Розы Клебб полностью отсутствовал и стадный инстинкт. Стремление к власти требовало, чтобы она была волчицей, а не овцой. И она действовала в одиночку, никогда не страдая от чувства одиночества, потому что тепло человеческого общения было ей совершенно ненужным. По своему темпераменту она была, несомненно, флегматичной — равнодушной, не испытывающей боли, вялой. Кронстейн предположил, что основной ее грех — лень. Она неохотно вылезает по утрам из своей теплой грязной постели, дома неопрятна, мирится с грязью. Знакомство с интимной стороной ее жизни, когда она приходит со службы и снимает военную форму, может вызвать только отвращение. Если правда, что Роза Клебб была на гражданской войне в Испании, то ей сейчас около пятидесяти...

Фигура женщины, приземистая и толстая, с грушевидными бедрами, напоминала Кронстейну виолончель...

— Спасибо, товарищ полковник. Вы сообщили нам немало интересного. А теперь, товарищ Кронстейн, что бы вам хотелось добавить? Только покороче, пожалуйста. Уже два часа ночи, и нам всем предстоит трудный день. — Глаза генерала Г., покрасневшие от напряжения и бессонницы, уставились в пространство. Напоминать Кронстейну о краткости было лишним: он всегда говорил мало, но каждое его слово было более ценным, чем длинные выступления остальных помощников генерала Г.

Кронстейн еще в начале разговора знал, что он скажет,

иначе не позволил бы себе роскошь думать сейчас об этой женщине, сидевшей напротив. Он откинул голову назад и стал смотреть куда-то в пустоту потолка. Голос Кронстейна был поразительно мягким и тихим, но настолько выразительным, что заставлял прислушиваться к каждому слову.

— Товарищ генерал, много лет тому назад жил француз по имени Фуше, в некотором отношении ваш предшественник. Однажды он высказал соображение, что бессмысленно убивать человека, если вместе с ним не будет уничтожена его репутация. Разумеется, убить этого Бонда будет нетрудно. Это может сделать любой наемный убийца. А вот вторая часть операции — подрыв его репутации — намного труднее и важнее. На данном этапе мне ясно лишь одно — операция должна быть проведена за пределами Англии, в стране, где мы в состоянии влиять на средства массовой информации. Если вы спросите меня, как выманить его из Англии, я отвечу, что если приманка покажется привлекательной и доступной только ему одному, его пошлют за этой приманкой. Чтобы операция не походила на западню, я попробую сделать так, чтобы все выглядело несколько эксцентрично. Англичане гордятся своей любовью к необычному, странному. Они рассматривают эксцентричное предложение как вызов. Считаю целесообразным воспользоваться этой чертой их характера, чтобы вынудить их клонуть на нашу приманку.

Кронстейн замолчал, опустил взгляд, и теперь его глаза смотрели чуть выше головы генерала Г.

— Я начну разрабатывать такую западню, — произнес он равнодушным голосом. — А пока могу сообщить, что если наша ловушка сработает и этот Бонд клонет на нее, нам понадобится убийца, родным языком которого является английский.

Взгляд Кронстейна упал на стол, покрытый красной бархатной скатертью. Задумчиво, как будто именно в этом заключалась суть всей проблемы, он добавил: «Кроме того, будет нужна надежная и очень красивая девушка».

Глава 8

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ПРИМАНКА

Сидя у окна своей комнаты и глядя на тихий июньский вечер, на первые розовые краски заката, отражающегося в окнах дома на противоположной стороне улицы, на купол старой церкви, пламенеющий, подобно факелу, на

зубчатом горизонте московских крыш, сержант государственной безопасности Татьяна Романова думала о том, как она счастлива.

Ее счастье не было романтическим. Оно не имело никакого отношения к восторгу влюбленности — тем дням и неделям, когда на горизонте еще не видно мрачных туч. Это было спокойное счастье безопасности, уверенности в завтрашнем дне, ощущение, которое становилось еще более приятным из-за малозначащих, второстепенных мелочей — похвалы профессора Деникина после урока английского языка, запаха вкусного ужина, разогревающегося на электрической плитке, доносящихся из радиоприемника звуков ее любимого вступления к «Борису Годунову» в исполнении Московского симфонического оркестра и, самое главное, прихода лета после длинной унылой зимы и короткой весны.

Комната была одной из сотен подобных в огромном современном здании на Садовой-Черногрязской улице, где размещалась женское общежитие сотрудниц Министерства государственной безопасности. В этом красивом восьмиэтажном здании, построенном в 1939 году заключенными, было две тысячи комнат. Часть, как, например, ее комната, представляли собой всего лишь маленькие клетушки с телефоном, умывальником, одной лампочкой, ванной и туалетом в коридоре. Другие, размещающиеся на двух последних этажах, были двух- и трехкомнатными квартирами с ванными. Эти квартиры выделялись для сотрудниц, занимающих ответственные должности. Жилищные условия улучшались в соответствии со званием, и сержанту Романовой еще только предстояло получить звание лейтенанта, капитана, майора и подполковника, прежде чем она достигнет роскоши последнего, восьмого, этажа, где проживали полковники.

Но сейчас — видит бог! — она была довольна своей судьбой. Жалованье в 1200 рублей в месяц (на треть больше, чем в любом министерстве), собственная комната, хорошая дешевая пища и одежда, которые можно купить в закрытом «распределителе» на первом этаже, полностью оплаченный двухнедельный отпуск каждый год. Но самое главное — постоянная работа с хорошими перспективами в Москве вместо какого-нибудь мрачного провинциального городка, где месяцами ничего не происходит и где выход на экраны нового фильма или приезд цирка считается настоящим праздником.

Конечно, за работу в МГБ приходится расплачиваться. Форма сотрудника государственной безопасности отделяет

тебя от всего мира. Тебя боятся и обходят стороной, так что не остается ничего другого, как присоединиться к обществу других сотрудниц и сотрудников МГБ. Когда-нибудь придется выйти замуж за одного из них, если хочешь продолжать работу в министерстве. И приходится напряженно трудиться: с восьми утра до шести вечера, пять с половиной дней в неделю, а отдых в течение дня — всего сорок минут на обеденный перерыв в служебной столовой. Но там хорошо кормят, так что можно почти не ужинать и копить деньги на шубку из соболя, которая заменит когда-нибудь шубу из изрядно потрепанной сибирской лисы.

Вспомнив про ужин, сержант Романова встала со стула у окна и подошла к плитке, чтобы взглянуть на кастрюльку с густым супом, в котором плавало несколько крошечных кусочков мяса. Он был уже почти готов и пахнул очень вкусно. Девушка выключила плитку, чтобы суп остыл, а сама принялась мыть руки и накрывать на стол, как ее приучили с детства.

Вытирая руки полотенцем, она посмотрела в большое овальное зеркало над умывальником.

В институте один из парней, влюбленных в нее, сказал, что Таня похожа на молодую Грету Гарбо. Какие глупости! Но сегодня она действительно выглядела хорошо. Шелковистые каштановые волосы, отброшенные назад с высокого лба, падали на плечи, края их слегка завивались вверх (Татьяна Романова видела однажды такую прическу у Греты Гарбо и не стыдилась признаться, что скопировала ее); мягкая бледная кожа оттенка слоновой кости; широко расставленные синие-синие глаза под прямыми бровями (Таня закрыла один глаз за другим — да, ресницы были, несомненно, достаточно длинными), аристократический нос... А вот что можно сказать про ее рот? Может быть, слишком широк? Когда она улыбается, он выглядит ужасно широким. Таня улыбнулась своему отражению в зеркале. Да, рот был действительно широк, но ведь и у Гарбо такой же. И этот недостаток исправляли пухлые, хорошо очерченные губы. К тому же от улыбки на ее щеках появляются такие славные ямочки. Нет, никто не осмелится сказать, что у нее холодный рот! А овал лица? Не слишком ли он длинен? Подбородок не очень острый? Таня повернула голову, чтобы посмотреть на себя в профиль. Тяжелая волна волос метнулась вперед и закрыла правую половину лица. Таня отбросила волосы обратно. Ну что ж, подбородок очерчен несколько резковато, но он не острый. Она снова повернулась к зеркалу и стала расчесывать свои длинные

густые волосы. Грета Гарбо! Конечно, Таня не была дурнушкой, раз столько мужчин говорили ей комплименты и столько девушек обращались за советами, как им ухаживать за кожей лица, волосами... Но кинозвезда — и к тому же такая знаменитая! Таня скорчила перед зеркалом рожицу и пошла ужинать.

Говоря по правде, сержант Татьяна Романова была очень красивой, очаровательной девушкой. У нее было прелестное лицо, стройное тело, и двигалась она с поразительной грацией. Таня училась в балетном училище в Ленинграде, но вынуждена была оставить его: ее рост на дюйм превысил предписанный. А выглядела она воплощением здоровья еще и благодаря своей страсти к фигурному катанию, которым занималась на стадионе «Динамо». Когда-то Таня выступала на соревнованиях в первой команде своего общества. У нее были точеные руки и высокая грудь. Ревнитель классической красоты мог бы найти мелкие недостатки в ее фигуре: бедра и ягодицы были так развиты физическими упражнениями, что несколько утратили плавные женственные очертания и чуть-чуть походили на мужские.

Красота сержанта Романовой вызвала восхищение далеко за пределами английского отдела управления документации МГБ. Все были уверены, что пройдет немного времени и кто-то из высших чинов заметит ее и сделает своей любовницей. Может быть, и женой.

Девушка налила горячий суп в тарелку, на которой были нарисованы волки, мчащиеся за санями, покрошила туда черный хлеб, села за стол и начала медленно есть, любуясь красивой блестящей ложкой. Эту ложку она незаметно сунула в сумочку, когда несколько недель тому назад вместе с веселой компанией ужинала в ресторане «Москва».

Поев, девушка вымыла посуду, вернулась к окну и закурила свою первую за день сигарету. В России не принято, чтобы женщины курили при людях, за исключением ресторана. Если бы она закурила на работе, ее бы немедленно уволили. Из черной тарелки репродуктора, прикрепленного к стене, доносилось завывание какого-то оркестра из Туркменистана. Снова эта ужасная музыка, которую исполняют по радио на радость обитателям варварских провинций! Неужели нельзя исполнять что-то более культурное? Современный джаз, например, или классическую музыку... Музыка, звучавшая сейчас, казалась ей просто ужасной. И что еще хуже — старомодной.

Резко зазвонил телефон. Таня подошла и сняла трубку.

— Сержант Романова?

Это был голос ее любимого профессора Деникина. Но в свободное время он всегда звал ее Татьяной или даже Таней. Что это может значить?

— Да, товарищ профессор.

Голос в телефонной трубке казался чужим и холодным.

— Через пятнадцать минут, в половине девятого, вам надлежит явиться к полковнику Клебб из Второго отдела. Она ждет вас у себя в квартире номер 1875, на восьмом этаже вашего здания. Вам все понятно?

— Но почему? Что...что случилось?

Ее прервал странно напряженный голос любимого профессора:

— Это все, товарищ сержант.

Девушка посмотрела на телефонную трубку, будто надеясь получить какое-то объяснение.

— Алло! Алло! — Трубка молчала.

Таня почувствовала, что от напряжения, с которым она сжимает трубку, у нее болят мышцы. Она медленно наклонилась и опустила ее на рычаг.

Может быть, позвонить ему? Нет, это исключается. Он говорил с ней таким тоном потому, что знал, как знала и она, что все телефонные разговоры прослушиваются или записываются. Вот почему он не тратил лишних слов. Речь идет о безопасности государства. В таких случаях передаешь, что тебе было поручено передать, и стараешься забыть об этом как можно быстрее. Тебе удалось избавиться от пиковой дамы, и твои руки снова чисты.

Девушка, не спуская глаз с телефона, прикусила зубами костяшки пальцев. Зачем она понадобилась им? В чем ее обвиняют? Она лихорадочно попыталась вспомнить события последних дней, месяцев, лет. Может быть, какая-то ужасная ошибка на работе и им стало известно об этом лишь сейчас? Или она рассказала какой-то анекдот? Сделала неосторожное замечание и на нее донесли? Это не исключено. Но какое замечание? Когда? Девушка не могла припомнить ничего похожего. Ложка! Ведь она совершила кражу государственного имущества! Выбросить ее из окна, с другой стороны здания, как можно дальше! Нет, вряд ли. Это слишком незначительное преступление. Таня недоуменно пожала плечами и подошла к шкафу. На глазах выступили слезы отчаяния. СМЕРШ не занимается такими мелочами. Произошло что-то куда более серьезное.

Девушка вытерла слезы и посмотрела на часы. Осталось всего семь минут! Таню охватила паника. Она распахнула

дверцу шкафа и достала парадную форму. Не хватало еще опоздать! Она принялась с лихорадочной поспешностью расстегивать пуговицы белой хлопчатобумажной блузки.

Даже не принимая во внимание причину, по которой ее вызвали, положение казалось ей загадочным. Любой контакт с одним из щупальцев СМЕРШа был наслуханным. Само слово «СМЕРШ» было ужасным. Оно звучало подобно дыханию смерти. Но самое страшное заключалось в том, что ее вызвали к начальнику Второго отдела, этому олицетворению зла, занимающемуся пытками и убийствами.

И этим начальником была женщина, Роза Клебб! О ней рассказывали невероятные вещи, которые могут присниться лишь в самых страшных кошмарах.

Ходили слухи, что ни одна пытка не проходила без личного участия Розы Клебб. В ее кабинете в шкафу висел халат, покрытый пятнами крови, и стоял раскладной стул. Когда она выходила из своего кабинета, одетая в этот халат, с раскладным стулом под мышкой, и шла подземными коридорами, об этом сразу становилось известно, и даже сотрудники СМЕРШа замолкали и наклонялись над столами, пока она не возвращалась обратно.

Шепотом рассказывали, что она входила в камеру и ставила стул у лица мужчины или женщины, пристегнутых к столу пыток. Затем садилась и внимательно смотрела в глаза жертвы, тихо произнося номер 1 или номер 10, или номер 25. Инквизиторы понимали, что она имеет в виду, и принимались за дело. А Роза Клебб не отрывала глаз от лица жертвы, наклонялась к ней вплотную и вдыхала крики, как аромат духов. В зависимости от того, как менялось выражение лица мученика, она отдавала приказ об изменении пытки (...номер 36 или номер 64), и истязания начинались заново. Когда силы и самообладание покидали жертву и начинались мольбы о милосердии, Роза Клебб склонялась над измученным телом и принималась ворковать нежным голосом: «Ну-ну, мой голубок. Расскажи мне все, маленький, и муки прекратятся. Ведь тебе так больно! А от боли ужасно устаешь. Хочется, чтобы все окончилось наконец, и ты смог отдохнуть. Твоя мама рядом, и она не хочет, чтобы ты страдал. Тебя ждет мягкая удобная постель, ты уснешь и забудешь обо всем, обо всем. Расскажи мне,— продолжала она мягким голосом,— и тебя оставят в покое. Больше не будет боли и мучений».

Но если она видела в глазах жертвы упрямство, тихий голос говорил: «Но ты дурачок, мой милый, такой дурачок. Эта боль — только начало, пустяк. Ты не веришь мне? Тог-

да, голубок, твоя мама вынуждена попробовать немного, совсем немного, чего-то другого. Номер 87»,— обращалась она к инквизиторам. И те снова меняли инструменты и методы пытки, а Роза Клебб сидела на стуле и наблюдала, как сознание и жизнь медленно покидают человека, и тогда ей приходилось кричать прямо в ухо умирающего.

Но такое бывало очень редко. Мало кто обладал такой силой воли, чтобы пройти до конца путь мучений СМЕРША, мало кто отказывался подчиниться нежному голосу, обещающему тишину и покой. Истязаемые почти всегда сдавались, потому что Роза Клебб инстинктивно угадывала момент, когда взрослый сильный человек превращался в беспомощного ребенка, способного только на то, чтобы позвать свою маму. Когда она принимала образ матери, воля человека, которую жесткие требования мужчины только бы укрепили, ослабевала.

После того как ей удавалось добиться признания очередного арестованного, Роза Клебб опять возвращалась в свой кабинет со стулом под мышкой, снимала халат, покрытый свежими пятнами крови. Слух об этом быстро облетал сотрудников, работающих в подвальных помещениях, и они с облегчением вздыхали...

Татьяна взглянула на часы. Еще четыре минуты. Она провела ладонями по бедрам, разглаживая форму, посмотрела на свое отражение в зеркале. После этого девушка повернулась и сказала последнее «прощай» своей миллой комнатке. Вернется ли она сюда?

Таня вышла в длинный коридор и вызвала лифт.

Когда двери лифта открылись перед ней, девушка расправила плечи, подняла подбородок и вошла в лифт, как на платформу гильотины.

— Восьмой,— сказала она лифтерше и встала лицом к дверям. Глядя прямо перед собой, она молча повторяла фразу, которую не произносила с детства: «Боже мой, боже мой, боже мой!»

Глава 9

ТРУД ЛЮБВИ

Стоя перед безликой, ничем не отличающейся от других дверью, окрашенной в кремовый цвет, Татьяна уже почувствовала запах, царящий в квартире. Когда после короткой команды войти Татьяна открыла дверь, то чуть не задохнулась от этого запаха жилища Розы Клебб. Татьяна замерла у входа, глядя в глаза женщины, сидящей за столом и освещенной люстрой, свисающей с потолка.

Да, воздух такой же, как в метро в жаркий летний день — дешевые духи, которыми словно пытаются смыть запах пота и немых тел. Русские щедро пользуются духами и одеколоном независимо от того, мылись они или нет, но главным образом тогда, когда не мылись. И здоровые, любящие чистоту девушки предпочитают возвращаться с работы пешком, чтобы избежать духоты и этого запаха, и спускаются под землю, лишь когда идет сильный дождь или снег.

Лицо Татьяны чуть исказилось гримасой отвращения. Но именно оно, это отвращение, и презрение к человеку, способному жить в такой духоте и затхлости, дало ей силы смотреть, не мигая, в желтоватые глаза, уставившиеся на нее через линзы квадратных, без оправы, очков. Это были изучающие глаза, не выдающие чувств своего хозяина. Они разглядывали Романову с ног до головы, по частям, подобно объективу кинокамеры.

— Вы — красивая девушка, товарищ сержант, — произнесла полковник Клебб. — Пройдите по комнате до стены и обратно.

Что значат эти ласковые слова? Вспомнив об отвратительных личных привычках этой женщины и охваченная уже иным беспокойством, Татьяна подчинилась.

— Снимите китель. Повесьте его на спинку стула. Поднимите руки над головой. Выше. Теперь наклонитесь и достаньте кончиками пальцев пол, не сгибая коленей. Хорошо. Садитесь. — Клебб разговаривала, как врач. Она указала на стоящий рядом стул и принялась читать папку на столе.

«Должно быть, это мое личное дело», — подумала Татьяна. Как интересно было бы увидеть документ, который решает всю ее судьбу. И какая толстая эта папка — почти два дюйма. Что в ней?

Полковник Клебб просмотрела последние страницы и захлопнула загадочную папку оранжевого цвета с черной полосой по диагонали. Что могут означать эти цвета?

— Слушайте меня внимательно, товарищ сержант. — Это был повелительный голос старшего офицера. — О вашей работе отзываются весьма похвально. Ваше поведение безупречно как на службе, так и вне ее. Государство очень вами довольно.

Татьяна не верила своим ушам. Ее охватила слабость от чувства облегчения. Она покраснела и оперлась рукой о край стола.

— Я очень благодарна, товарищ полковник, — еле слышно пробормотала она.

— Мы высоко ценим вашу образцовую службу, поэтому вам доверили исполнение исключительного по важности задания. Это большая честь. Вы понимаете меня?

Как бы то ни было, это куда лучше, чем она предполагала.

— Так точно, товарищ полковник.

— Задание, порученное вам, очень ответственное, и я рада сообщить вам, что после его завершения вам будет присвоено звание капитана государственной безопасности.

Такое было совершенно неслыханно для девушки в двадцать четыре года! Татьяна инстинктивно почувствовала опасность. Она вся напряглась подобно зверю, заметившему стальные челюсти капкана под куском мяса.

— Это большая честь для меня, товарищ полковник, — ответила она, безуспешно пытаясь скрыть подозрительность.

Роза Клебб удовлетворенно кивнула. Она отлично понимала чувства девушки, получившей приказ явиться к ней. Неожиданно мягкий прием, чувство облегчения, охватившее ее, затем вновь пробудившиеся опасения — ничто не укрылось от опытного глаза Розы Клебб. Перед ней стояла красивая, бесхитростная, наивная девушка — именно такая требовалась для предстоящего заговора. Теперь нужно успокоить ее.

— Милая моя, — произнесла она доверительно. — Я совсем забыла. Такое событие, как ваше новое задание, нужно отметить. Не следует думать, что у нас, старших офицеров, нет человеческих слабостей. По такому случаю неплохо открыть бутылку французского шампанского.

Роза Клебб встала и подошла к буфету, где все уже было приготовлено ее ординарцем.

— Попробуйте шоколадные конфеты, пока я буду бороться с пробкой. Это всегда непросто. Нам, девушкам, для такой работы требуются мужчины, верно? Берите, берите. Это отличные конфеты. Только что из Швейцарии. Круглые — с мягкой начинкой, квадратные — с твердой.

Татьяна шепотом поблагодарила хозяйку, протянула руку и взяла круглую конфету. Во рту у нее пересохло, и конфету с мягкой начинкой легче проглотить. Она с ужасом ждала, когда стальные челюсти капкана сомкнутся вокруг ее шеи: в том, что за этим спектаклем скрывается что-то ужасное, она не сомневалась. Шоколад прилип к ее деснам подобно жевательной резинке. К счастью, внезапно она почувствовала в руке бокал шампанского.

Роза Клебб подняла свой бокал, весело улыбаясь.

— За ваше здоровье, Татьяна! Поздравляю вас!

Лицо Тани исказилось в мучительной улыбке. Она тоже подняла бокал.

— За ваше здоровье, товарищ полковник!

Она выпила вино до дна, как это принято в России, и поставила бокал на стол перед собой.

Роза Клебб тут же снова наполнила его, пролив немного шампанского на скатерть.

— А теперь за ваше новое назначение!

Ее губы раздвинулись в сладкой улыбке. Глаза напряженно следили за выражением лица девушки.

— За СМЕРШ!

Татьяна встала неуклюже, как манекен, и взяла бокал.

— За СМЕРШ,— пробормотала она, двумя глотками опустошила бокал и села.

Роза Клебб не дала ей времени для размышлений. Она села напротив Татьяны и положила ладони на стол.

— А теперь за дело,— ее голос прозвучал как команда.— У нас много работы.

Она наклонилась вперед.

— Вам никогда не хотелось жить за границей? В одной из западных стран?

Шампанское ударило Татьяне в голову. Наверно, это и есть ловушка, но пусть тогда она захлопывается как можно быстрее.

— Нет, товарищ полковник. Мне нравится жить в Москве.

— И вам не приходило в голову, как приятно жить на Западе — красивая одежда, джаз, модные прически?

— Нет, товарищ полковник,— девушка говорила правду. Она никогда не задумывалась об этом.

— А если в интересах государства от вас потребуют, чтобы вы жили за границей?

— Я исполню приказ.

— С охотой?

Татьяна нетерпеливо пожала плечами:

— С приказами не спорят.

Женщина замолчала. Следующий вопрос прозвучал заговорщицки:

— Вы девственница, Татьяна?

«Господи»,— подумала девушка.

— Нет, товарищ полковник.

Роза Клебб облизнула губы.

— Сколько было их?

Татьяна покраснела до корней волос. Русские девушки

скрытны и очень неохотно говорят о своих любовных связях. Этот вопрос прозвучал тем более отталкивающе, потому что был задан офицером безопасности, которого она никогда раньше не встречала и который теперь ее допрашивал. Татьяна набралась мужества и посмотрела прямо в желтоватые глаза.

— Какое право вы имеете задавать такие интимные вопросы, товарищ полковник?

Роза Клебб выпрямилась. Ее голос прозвучал, как удар хлыста.

— Не забывайтесь, товарищ сержант. Здесь задаю вопросы одна я. Вы забыли, с кем разговариваете. Отвечайте на мой вопрос!

Решимость Татьяны исчезла.

— Трое, товарищ полковник.

— Когда? Сколько вам было лет? — Холодные желтые глаза впились в синие измученные глаза девушки и повелевали.

Татьяна была готова разрыдаться.

— В школе. Мне было тогда семнадцать лет. Затем в институте иностранных языков, когда мне исполнилось двадцать два. И в прошлом году. Мне было двадцать три года. Я встретила его на катке.

— Имена, пожалуйста. — Роза Клебб взяла карандаш и придвинула к себе блокнот.

Татьяна закрыла лицо руками и заплакала.

— Нет, никогда, — воскликнула она, когда рыдания стихли. — Делайте со мной что хотите. Вы не имеете права.

— Прекратите глупости, — прошипела Роза Клебб. — Я могу узнать от вас эти имена через пять минут — или вообще любые сведения, которые понадобятся. Вы занимаетесь опасной игрой, товарищ. Мое терпение тоже имеет предел. — Роза Клебб замолчала. Может быть, она ведет себя с этой девушкой слишком жестко? — Хорошо, опустим пока этот вопрос. Вы ответите на него завтра. Уверяю вас, им ничего не угрожает. Им будут заданы вопросы о вас — несколько элементарных технических вопросов. А теперь успокойтесь. Мы не можем тратить время на чепуху.

Роза Клебб встала и обошла вокруг стола. Она остановилась рядом с Татьяной. Голос ее стал мягким и вкрадчивым.

— Не надо расстраиваться, миленькая. Вы должны доверять мне. Ваши сокровенные тайны никто не узнает. Вот, выпейте шампанского и забудем о неприятностях. Будем друзьями. Ведь нам предстоит работать вместе.

Относитесь ко мне, милая Татьяна, как к своей матери. Возьмите бокал.

Татьяна достала платок, вытерла заплаканные глаза. Потом дрожащей рукой взяла бокал шампанского.

— Пейте все сразу, милая.

Роза Клебб стояла над девушкой, как огромная жирная утка, и ободряюще крикала.

Татьяна послушно допила бокал. Она чувствовала, что последние силы оставили ее, у нее нет больше воли к сопротивлению. Ей хотелось как можно быстрее покончить с этим допросом, вернуться к себе в комнату и заснуть. Так вот как, подумала она, чувствуют себя жертвы на допросе. Трудно не сломаться, если тобой занимается Роза Клебб. Да, теперь Татьяна стала покорной и выполнит все, что от нее потребуют.

Роза Клебб опустилась на стул. Все это время она внимательно следила за девушкой.

— А теперь, милая, еще один интимный вопрос. Между нами, девушками. Вы испытываете наслаждение в объятиях мужчины?

Татьяна снова закрыла лицо руками. Опустив голову, она произнесла сдавленным, еле слышным голосом: «Да, товарищ полковник. Естественно, когда ты с человеком, которого любишь...» И умолкла. Что еще можно сказать? Какого ответа добивается от нее эта женщина?

— Но предположим, милая, что вы не влюблены в мужчину? Будете ли вы испытывать наслаждение от его объятий и в этом случае?

Татьяна нерешительно покачала головой. Она убрала руки от лица. Густые волосы упали вперед, закрыв лицо. Девушка старалась найти ответ, но ей было трудно представить такую ситуацию.

— Это будет зависеть от мужчины, товарищ полковник.

— Разумный ответ, моя милая.— Роза Клебб выдвинула ящик стола, достала фотографию и протянула ее девушке.— Предположим, речь идет вот об этом мужчине.

Татьяна осторожно взяла фотографию и посмотрела на твердые, жестокие черты привлекательного лица. Она попыталась вообразить...

— Мне трудно сказать, товарищ полковник. У него мужественное лицо. Если он будет нежным...— Она оттолкнула фотографию от себя.

— Нет-нет, возьмите ее. Поставьте фотографию рядом с кроватью и думайте об этом мужчине. Потом, на своей новой работе, вы узнаете о нем гораздо больше. А теперь,—

ее глаза сверкнули за квадратными линзами очков, — разве вам не хочется узнать, в чем будет заключаться задание, для выполнения которого вас выбрали из всех русских девушек?

— Это было бы очень интересно, товарищ полковник. — Татьяна послушно посмотрела на Розу, уставившуюся на нее подобно охотничьей собаке, сделавшей стойку перед затравленной птицей.

Мокрые резиновые губы раздвинулись в подобие улыбки.

— Вас выбрали, товарищ сержант, для исполнения простого задания, которое доставит вам удовольствие, — если хотите, это труд любви. Вам нужно влюбиться, вот и все. Влюбиться в этого мужчину.

— А кто это? Я ведь даже не знаю его.

Роза Клебб ожидала этого вопроса. Ответ на него потрясет эту глупую девчонку.

— Этот мужчина — английский шпион.

— Боже мой! — от неожиданности Татьяна зажала рукой рот и в страхе замерла, глядя на Розу Клебб испуганными глазами.

— Совершенно верно, — кивнула Роза Клебб, довольная произведенным эффектом. — Это английский шпион. Один из самых знаменитых. И вам нужно полюбить его. Так что привыкайте к этому. И без глупостей, товарищ. Я не шучу с вами. Это важное государственное задание, для осуществления которого выбрали именно вас. Теперь займемся деталями.

Роза Клебб помолчала, потом скомандовала: «Уберите руку от лица и перестаньте смотреть на меня, как испуганная корова. Сядьте прямо и внимательно слушайте. Иначе вам несдобровать. Понятно?»

— Так точно, товарищ полковник. — Татьяна выпрямилась на стуле и положила руки на колени, как будто она снова сидела на занятиях в школе государственной безопасности. В голове у нее носились сотни отрывочных мыслей, но сейчас не было времени для личных чувств. Она понимала, что намечена операция государственной важности и ей нужно защищать интересы своей родины. Она выбрана для участия в крупном заговоре. Как служащей МГБ ей предстоит выполнить свой долг и выполнить его хорошо. Татьяна с профессиональным вниманием прислушивалась к каждому слову Розы Клебб.

— Пока, — в голосе Розы Клебб снова зазвучали начальственные нотки, — я посвящу вас в общие наметки плана. Подробности вам сообщат позднее. На протяжении

предстоящих недель вы пройдете самую тщательную тренировку и будете готовы ко всем неожиданностям, которые могут возникнуть. Вас научат носить красивую одежду, научат западным обычаям. Вы узнаете тонкости искусства соблазнения мужчин. Затем вас пошлют в одну из стран Европы. Там вы встретите этого мужчину и соблазните его. У вас не должно быть никаких угрызений совести. Ваше тело принадлежит государству. С самого рождения государство кормило и воспитывало вас. Теперь ваше тело должно работать на государство. Это понятно?

— Понятно, товарищ полковник.

Логика Розы Клебб была несокрушимой.

— Вы поедете с этим мужчиной в Англию. Несомненно, там вас подвергнут допросам. Об этом не следует беспокоиться. Англичане не применяют суровых методов при допросах. На заданные вопросы вы дадите ответы, не наносящие ущерба безопасности государства. Мы дадим вам кое-какую информацию, которая должна попасть в руки англичан. Затем вас отправят, по-видимому, в Канаду. Туда английские власти переселяют некоторых иностранцев. Вас вызволят оттуда и вы вернетесь в Москву.

Роза Клебб посмотрела на девушку. Судя по всему, она поверила в это.

— Как видите, задание относительно простое. У вас есть вопросы?

— Что будет с мужчиной, товарищ полковник?

— Нас это мало интересует. Мы воспользуемся им, чтобы вы смогли попасть в Англию. Цель операции — предоставить англичанам ложную информацию. Конечно, товарищ, мы будем рады узнать ваше впечатление о жизни в Англии. Доклад такой хорошо подготовленной и умной девушки принесет немалую пользу государству.

— Вы так думаете, товарищ полковник? — Татьяна почувствовала важность поставленной перед ней задачи. Внезапно все это показалось ей таким захватывающим. Она приложит все усилия, чтобы справиться с заданием. А вдруг ей не удастся соблазнить этого английского шпиона? Она посмотрела на фотографию. Лицо мужчины было, несомненно, привлекательным. Что это за «искусство соблазнения мужчин», о котором говорила Роза Клебб? Поможет ли оно ей?

Довольная собой, Роза Клебб встала из-за стола.

— А теперь нам нужно немного отвлечься, милая. Достаточно работы на сегодня. Я пойду переоденусь, а потом мы побеседуем по душам. Ешьте шоколад, а то он пропа-

дет.— Роза Клебб показала рукой на стол и исчезла за дверью соседней комнаты.

Татьяна откинулась на спинку стула. Значит, вот в чем дело! Какая честь быть выбранной для такой работы! А она так испугалась сначала. Разумеется, народные вожди, руководители государства не допустят, чтобы пострадал невинный человек, так усердно работающий и в личном деле которого нет ни единой пометки. Внезапно ее охватило чувство бесконечной благодарности к государству, вырастившему ее, и гордость, что ей дали возможность отплатить за проявленную заботу. Даже эта Клебб не казалась ей больше такой страшной.

Татьяна все еще была охвачена эйфорией облегчения, когда дверь спальни открылась и в комнату вошла «эта Клебб».

— Вам нравится, милая? — спросила полковник Клебб, расставив пухлые руки и повернувшись на носках подобно манекенщице.

Татьяна открыла от удивления рот, не зная, что ответить.

Начальник Второго отдела СМЕРШа была одета в полупрозрачную ночную рубашку из оранжевого крепдешина, украшенную у низкого выреза на груди кружевами такого же цвета. Под рубашкой виднелся бюстгальтер с чашечками в виде двух больших атласных роз красного цвета, старомодные панталоны из красного атласа с резинками над коленями, походившими на желтые кокосовые орехи. Роза Клебб была без очков, и ее лицо было покрыто толстым слоем румян, пудры и губной помады.

Она напоминала самую старую и безобразную в мире потаскуху.

— Очень красиво,— с трудом выговорила Татьяна.

— Действительно красиво,— прошептала женщина и подошла к широкому дивану, покрытому безвкусным ярким покрывалом. У его спинки валялись три грязные диванные подушки.

Взвизгнув от удовольствия, Роза Клебб бросилась на диван и улеглась в позе, напоминающей Жюли Рекамье. Она протянула руку и включила стоящую на соседней тумбочке лампу с розовым абажуром, затем хлопнула по дивану рядом с собой.

— Выключите люстру, милая. Выключатель рядом с дверью. И садитесь рядом. Нам нужно познакомиться поближе.

Татьяна подошла к двери, выключила свет, затем решительно повернула дверную ручку и рванулась в коридор.

Здесь самообладание покинуло ее. Захлопнув дверь, она побежала по коридору, зажав ладонями рот, чтобы удержать в себе пронзительный крик, так и рвущийся наружу. Крик не раздался.

Глава 10

ФИТИЛЬ ЗАЖЖЕН

Наступило утро следующего дня.

Полковник Клебб сидела за столом своего просторного кабинета в подвале здания СМЕРШа. Впрочем, это был скорее командный пост, чем кабинет. Одну из стен полностью закрывала огромная карта Западного полушария. Такая же карта, но Восточного полушария, висела на противоположной стене. За ее столом, в пределах досягаемости, стоял телетайп, дублирующий аналогичный аппарат, передающий уже расшифрованные донесения и расположенный в шифровальном отделе под высокими радиомачтами на крыше здания. Время от времени полковник Клебб протягивала руку, отрывала бумажную ленту и читала поступившее донесение. Впрочем, это было простой формальностью. Как только поступало важное сообщение, на ее столе тут же звонил телефон. Из этого кабинета осуществлялось руководство деятельностью всех агентов СМЕРШа в самых разных странах мира, и этот контроль был бдительным, не прекращающимся ни на мгновение.

Тяжелое лицо выглядело мрачным и усталым. Под покрасневшими глазами набрякли мешки.

Негромко зазвонил один из трех телефонов, стоящих на столе. Клебб сняла трубку и сказала: «Пусть войдет».

Она повернулась к Кронштейну, который сидел в кресле под очертаниями юга Африки и ковырял в зубах разогнутой скрепкой для бумаг.

— Это Гранитский.

Кронштейн медленно повернулся к двери.

«Красный» Грант вошел в комнату, подошел к столу и остановился, послушно глядя в глаза своего начальника. Кронштейн подумал, что он походит на огромного проголодавшегося мастиффа, ждущего, что ему бросят кусок мяса.

Роза Клебб внимательно осмотрела Гранта.

— Вы готовы к работе?

— Да, товарищ полковник.

— Хорошо, сейчас проверим. Раздевайтесь!

Грант ничуть не удивился. Он снял пиджак, оглянулся по сторонам, не зная, куда повесить его, потом бросил на пол. С привычным равнодушием он разделся догола и сбросил ботинки. Могучее красно-коричневое тело, поросшее золотистыми волосами, словно осветило мрачную комнату. Грант стоял, опустив руки и согнув одно колено, будто позируя художнику.

Роза Клебб поднялась из-за стола и подошла к нагому мужчине. Она внимательно осмотрела тело, трогая его рукой в одном месте, щупая в другом, будто покупала лошадь. Затем она обошла его сзади и осмотрела. Кронстейн заметил, что, когда полковник Клебб обходила Гранта, она достала из кармана что-то металлическое и надела это «что-то» на руку. Встав рядом с обнаженным мужчиной и вначале спрятав за спину правую руку, она вдруг с невероятной быстротой и силой ударила его в солнечное сплетение. На кулак был надет тяжелый кастет.

Грант вздрогнул от боли и неожиданности. Его колени чуть-чуть подогнулись, потом снова выпрямились. На мгновение его глаза закрылись от страшной боли, но тут же открылись. Красные зрачки уставились в холодные желтые глаза полковника Клебб, скрытые за квадратными стеклами очков. Если не считать кровоподтека, появившегося на месте удара, Грант никак не прореагировал на потрясение, которое заставило бы любого нормального мужчину корчиться на полу в ужасных муках.

Роза Клебб удовлетворенно улыбнулась, сунула кастет в карман, обошла стол и села. Она с гордостью посмотрела на Кронстейна. «По крайней мере, он в хорошей физической форме», — сказала она.

Кронстейн то-то невнятно пробормотал.

Голый мужчина довольно ухмыльнулся и потер кровоподтек на животе.

Роза Клебб задумчиво посмотрела на него.

— Товарищ Гранитский, — сказала она наконец, — у меня есть задание для вас. Это очень важное задание. Более важное, чем те, что поручались вам раньше. После его успешного завершения вас наградят орденом, — глаза Гранитского сверкнули, — потому что вам придется ликвидировать очень опасного человека. Вы будете действовать один, в иностранном государстве. Вам все ясно?

— Да, товарищ полковник.

Грант был взволнован. Это его большой шанс, возможность подняться на самую вершину. Интересно, каким орденом наградят его? Орденом Ленина?

— Этот человек — английский шпион. Вам хочется ликвидировать английского шпиона?

— Очень хочется, товарищ полковник, — произнес Грант с подлинным энтузиазмом. Для него не было ничего более приятного, чем убийство англичанина. Он еще не закончил сведение счетов с этими ублюдками.

— Вам понадобится несколько недель на подготовку. Во время этой операции вы будете играть роль английского агента. Сейчас у вас плохие манеры и вы не похожи на джентльмена. Вам придется научиться поведению настоящего джентльмена, — она усмехнулась, — хотя бы внешне. Этим займется один англичанин, раньше служивший в Форин Оффис, в Лондоне. Он научит вас, как выдать себя за английского агента. Их спецслужбы используют самых разных людей, так что я не вижу особых трудностей. Кроме того, вам придется научиться еще и другим вещам. Операция назначена на конец августа, но ваша подготовка начнется немедленно. Одевайтесь и подойдите к моему адъютанту. Ясно?

— Ясно, товарищ полковник. — Грант никогда не задавал лишних вопросов. Он поспешно оделся, не обращая внимания на устремленные на него взгляды, застегнул пиджак и направился к выходу. У двери он обернулся. — Спасибо, товарищ полковник.

Роза Клебб что-то писала в блокноте. Она не подняла голову и ничего не ответила. Грант вышел из кабинета, повернулся и закрыл дверь.

Женщина кончила писать и положила ручку.

— К делу, товарищ Кронстейн. У вас есть какие-нибудь вопросы перед тем, как мы начнем операцию? Я забыла сказать, что Президиум одобрил выбор цели и утвердил смертный приговор. Я сообщила об основных направлениях вашего плана генералу Грубозабойщикову. Он согласен. Исполнение приговора поручено мне. Персонал, который будет заниматься детальным планированием и осуществлением конспирации, подобран и ждет указаний. Итак, вы хотите что-нибудь добавить?

Кронстейн сидел, глядя в потолок, соединив перед собой кончики пальцев. Снисходительный тон женщины оставил его равнодушным.

— Этот ваш Гранитский надежен? Вы уверены, что ему можно доверить операцию за рубежом. Он не будет искать свободу?

— Гранитский работает у меня почти десять лет. У него были возможности скрыться и до этого. За ним внима-

тельно следили в течение длительного времени. У нас не возникло ни малейшего повода подозревать его в подобных намерениях. Дело в том, что Гранитский связан с нами теснее и надежнее, чем наркоман с поставщиком кокаина. Это — мой лучший исполнитель.

— А девушка, Романова? На нее можно положиться?

— Она очень красива,— неохотно ответила Роза Клебб,— и справится с той частью операции, которая будет ей поручена. Она не девственница, но стыдлива и еще не познала все наслаждение, которое приносит занятие сексом. Ее должным образом подготовят. Она готова принять участие. Если у нее возникнут колебания, в нашем распоряжении адреса родственников, включая детей. Кроме того, у меня будут имена ее бывших любовников. В случае необходимости ей объяснят, что до самого завершения операции эти люди будут заложниками. Она — любящая и преданная по своей природе. Одного намека будет достаточно. Думаю, она не доставит нам неприятностей.

— Но ее фамилия — Романова! Странно, что для операции выбрана девушка с такой фамилией.

— Ее родители — дальние родственники царской семьи. Но она не связана с монархическими кругами. К тому же все наши родители — из бывших. Тут уж ничего не поделаешь.

— Но у наших родителей не было такой фамилии,— сухо заметил Кронстейн.— Ну хорошо, раз вы ручаетесь за нее...— Он задумался.— Теперь о Бонде. Вам удалось обнаружить, где он сейчас?

— Да. Наш английский резидент передал, что он в Лондоне. Днем он отправляется на работу. Ночь проводит у себя в квартире, в районе Лондона, который называется Челси.

— Это хорошо. Будем надеяться, что его никуда не отправят в течение еще нескольких недель. Таким образом, когда приманка будет готова, ему тут же сообщат об этом. Тем временем,— темные, непроницаемые глаза Кронстейна не отрывались от какой-то точки на потолке,— я приложил немало усилий для выбора нашего зарубежного центра для проведения операции и решил, что первый контакт состоится в Стамбуле. У нас там отличный аппарат, тогда как английская секретная служба состоит всего из нескольких человек. Правда, во главе ее — опытный и надежный агент. Его предстоит ликвидировать. Центр удобен для нас в географическом отношении: на Черном море, рядом с болгарской границей и относительно далеко от Лондона. Я раз-

рабатываю план убийства и думаю о том, как заманить Бонда к месту его ликвидации после того, как он вступит в контакт с девушкой. Это произойдет во Франции или где-то недалеко от нее. У нас значительное влияние на французскую прессу. Они раздуют дело в настоящую сенсацию — секс и шпионаж. Кроме того, я еще не решил, когда в игру вступит Гранитский. Но это второстепенные детали. Нам нужно также выбрать кинооператора и других сотрудников и незаметно перебросить их в Стамбул. Следует всячески избегать увеличения аппарата и его необычной активности. Мы сообщим всем управлениям, что радиосвязь с Турцией должна оставаться на прежнем уровне — никаких изменений до начала операции и во время ее. Иначе английский радиоперехват тут же заметит неладное. Шифровальный отдел дал согласие на передачу наружной оболочки машины «Спектр». Это привлечет интерес английской секретной службы. Наружную оболочку передадут в отдел специальной подготовки. Там сделают все необходимое.

Кронстейн замолчал. Его взгляд медленно опустился с потолка. Он встал, оглянулся и посмотрел на лицо полковника Клебб.

— В настоящее время у меня больше нет рекомендаций. Несомненно, в ходе подготовки возникнут вопросы, которые мы будем решать. Я считаю, что операцию можно начинать.

— Я согласна с вами, товарищ, и дам необходимые распоряжения,— прозвучал ледяной голос Розы Клебб.— Благодарю вас.

Кронстейн слегка наклонил голову, принимая это как должное, повернулся и вышел из кабинета.

Раздался звонок шифровального телетайпа. Он застрекотал, и из него начала выползать узкая бумажная лента. Роза Клебб протянула руку к одному из телефонов и набрала номер.

— Оперативный центр,— раздался мужской голос в трубке.

Бледно-желтые глаза женщины пробежали по карте Западного полушария и остановились на розовом пятне Англии. Ее влажные губы приоткрылись.

— Говорит полковник Клебб. Операция против английского шпиона Бонда начинается.

Часть II

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАГОВОРА

Глава 11

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Бархатные шупальца тихой, спокойной жизни обняли Бонда и медленно душили его. Он был человеком действия и, когда наступало затишье, начинал томиться от скуки. Его вынужденная передышка продолжалась уже почти год, и Бонд основательно затосковал.

В четверг, 12 августа, в половине восьмого утра, Джеймс Бонд проснулся в своей уютной квартире на Кингз Роуд и с отвращением представил, что впереди — длинный день, такой же скучный, как все предыдущие.

Он протянул и нажал на кнопку звонка, предупреждая Мэй, свою прислугу, что он скоро будет завтракать. Затем сбросил простыню и встал.

Есть всего лишь один способ избавиться от скуки — встряхнуться. Бонд лег на пол, уперся в него руками и медленно отжался двадцать раз. Затем перекатился на спину и начал сгибать и выпрямлять ноги. Это продолжалось до тех пор, пока не устали брюшные мышцы. Далее он встал, выпрямился и перешел к упражнениям для рук и туловища. Тяжело дыша от напряжения, Бонд вошел в ванную комнату и провел пять минут под душем, чередуя горячую воду с ледяной.

Наконец он насухо вытерся большим полотенцем, побрился и вышел из ванной, довольный тем, что сумел, по крайней мере на некоторое время, подавить ощущение скуки.

Стол был уже накрыт. Возле него стояла пожилая шотландка Мэй, которую Бонд не променял бы ни на какие сокровища.

— Этот мужчина заходил снова и спрашивал про телевизор, — заметила она.

— Какой мужчина? — рассеянно спросил Бонд, разворачивая утреннюю газету.

— Тот самый, который ходит почти каждую неделю. Начиная с июня, приходил уже раз шесть. Когда он был здесь последний раз, я сказала ему все, что думаю о сегодняшнем телевидении. Надеюсь, что после этого он больше не придет. Подумать только, он еще предлагал телевизор в рассрочку!

— Да, эти торговцы, которые ходят от одного дома к другому, очень настойчивые парни.— Бонд положил газету и протянул руку за кофейником.

— Ну я ему устроила! Сказала, что нечего беспокоить людей, и попросила показать документы.

— Ага! Ну, теперь он, наверно, больше не придет.

— Как бы не так! Ничуть не смутился и показал карточку члена профсоюза электриков и связистов. Объяснил, что имеет полное право зарабатывать себе на жизнь. Как вы думаете, сэр? Не в этом ли союзе заправляют коммунисты?

— Вроде бы,— Бонд почувствовал смутную тревогу.— Скажите, Мэй, а что он говорил вам?

— Он объяснил, что продает телевизоры в свободное от работы время. Зашел к нам, потому что у нас на крыше не заметил телевизионной антенны. Все время спрашивал, дома ли хозяин — хотел поговорить с вами лично. Какая наглость! Удивительно еще, что он не поджидал вас у входа. Конечно, я не сказала ему, когда вы уходите на службу и когда возвращаетесь. Вообще-то, респектабельный, спокойный мужчина.

«А что, вполне может быть»,— подумал Бонд. Есть немало способов проверить, в городе ли хозяин. Появление прислуги по утрам, ответы на вопросы. Если хозяин в отъезде, служанка ответит скорее всего: «Напрасно тратите время — его нет». Может быть, предупредить службу безопасности? Бонд раздраженно пожал плечами. Какая ерунда! Зачем «им» интересоваться в Лондоне он или нет? К тому же службе безопасности может прийти в голову потребовать, чтобы он переехал на другую квартиру.

— Думаю, на этот раз вы спугнули его,— улыбнулся он.

Во время завтрака Бонду пришло в голову, что причина его апатии и плохого настроения заключается в том, что Тиффани Кейс, которая жила у него и провела вместе с ним несколько счастливых месяцев, переехала в отель и в конце июля улетела обратно в Америку. Без Тиффани Бонд чувствовал себя одиноким и никак не мог примириться с ее отъездом. К тому же на дворе был август, и в Лондоне царила душная и жаркая погода. Подошло время его отпуска, но он не мог собраться с мыслями, где и с кем его провести. Поэтому Бонд продолжал ежедневно появляться в полупустом здании секретной службы, ссорился со своей секретаршей и огрызался в ответ на замечания сотрудников.

Наконец даже главе секретной службы М. надоел этот

посаженный в клетку тигр, бесцельно бродящий по своему кабинету этажом ниже. Он издал приказ назначить его членом комиссии, работающей под руководством начальника финансового отдела капитана первого ранга Тропа. В приказе говорилось, что Бонду, одному из старших офицеров департамента, следует получше познакомиться с административными проблемами. К тому же все остальные сотрудники были заняты работой, а секция агентов «00» бездействовала. Бонду надлежит явиться на очередное заседание комиссии сегодня, в половине третьего, в комнату 412.

Судя по всему, подумал Бонд, закуривая первую сигарету, именно Троп стал катализатором плохого настроения.

В каждой крупной организации есть человек — местный тиран и деспот, — которого дружно ненавидят все сотрудники. Он, сам того не зная, играет важную роль в деятельности фирмы, потому что на нем концентрируются недовольство, опасения и ненависть тех, кто работает рядом. Благодаря такой удобной мишени, разрушительная сила подобных настроений уменьшается с каждой насмешкой по его адресу. Это обычно управляющий или начальник отдела кадров. Именно он — тот незаменимый человек, который следит за правильностью мелких расходов, за теплом и электричеством, за мылом и бумажными салфетками в туалете, канцелярскими принадлежностями, очередностью отпусков, функционированием столовой, рабочей дисциплиной. Человек, исполняющий эти обязанности, должен, без сомнения, обладать особыми качествами: быть скупым, методичным, наблюдательным, всюду совать свой нос, любить дисциплину, порядок — и быть равнодушным к тому, что о нем думают. «Букет» этих качеств идеально раздражает окружающих. В секретной службе им обладал начальник финансового отдела, капитан первого ранга в отставке Троп, обязанности которого, по его собственным словам, заключались в наведении «морского порядка».

Не было сомнений в том, что все эти качества Тропа неизбежно приведут его к столкновению с большинством сотрудников секретной службы. Особенно неудачным оказалось назначение Тропа председателем именно этой комиссии, призванной изучить причины очередного шпионского скандала и разработать рекомендации, осуществление которых не допустит его повторения.

На первом же заседании Бонд высказал свою точку зрения на кадровую политику английских спецслужб. По его

мнению, в атомный век сотрудниками разведки и контрразведки неминуемо должны быть и представители интеллигенции. Отставные офицеры, утверждал Бонд, не могут понять логику мышления ученых.

— Вот как,— с ледяным спокойствием отозвался Троп.— Значит, вы предлагаете, чтобы в составе секретной службы находились длинноволосые извращенцы. Очень оригинальная мысль... Мне казалось, мы уже пришли к той точке зрения, что гомосексуалисты представляют особую опасность для нашей службы.

— Интеллигенция не состоит из одних гомосексуалистов. Я всего лишь предлагаю, чтобы...— и такие споры шли на протяжении трех последних дней, причем остальные члены комиссии более или менее соглашались с точкой зрения Тропа. Сегодня предстояло утвердить окончательные рекомендации, и Бонду не улыбалась перспектива оказаться единственным представителем меньшинства.

«Почему я так яростно отстаиваю свое мнение? — думал Бонд, спускаясь по ступенькам крыльца к своей машине.— Может, просто из упрямства? Или скука охватила меня до такой степени, что я решил досадить своей собственной организации?» Бонд не мог найти ответа на этот вопрос. К тому же его почему-то не оставляло чувство какого-то смутного беспокойства.

Когда он сел за руль машины, повернул ключ в замке зажигания и из-под капота раздалось успокоительное ворчание двенадцати цилиндров «бентли», в его памяти промелькнула забытая цитата: «Когда боги хотят уничтожить кого-нибудь, они лишают его разума».

Глава 12

ПРОСТОЕ ЗАДАНИЕ

Получилось так, что Бонду не пришлось принимать участие в составлении рекомендаций.

Он лестно отозвался по поводу нового летнего платья своей секретарши и успел просмотреть половину донесений, поступивших за ночь, когда зазвонил красный телефон, соединявший его с начальником штаба.

Бонд снял трубку:

— Ноль-ноль-семь.

— Ты не мог бы подняться к нам?

— А что, М.?

— Приготовься к продолжительной беседе. Я уже со-

общил Тропу, что ты не сможешь принять участие в заседании комиссии.

— Ты не знаешь, в чем дело?

— Строго между нами — знаю, — в трубке раздался смех, — но пусть уж лучше тебе расскажет сам М. У тебя уши повиснут от удивления. Такого у нас еще не бывало!

Когда Бонд надел пиджак и вышел в коридор, ему почему-то показалось, что прозвучал выстрел стартера — и скучные дни остались позади. Поднимаясь в лифте и направляясь по коридору к двери кабинета М., Бонд чувствовал, как в нем нарастает возбуждение, радостное чувство предвкушения опасности. Он вспомнил, как раньше, после таких вызовов по красному телефону, он всегда мчался на другой конец света, подобно снаряду, выпущенному из орудия, — по направлению к отдаленной цели, выбранной М. И по глазам секретарши главы английской секретной службы, мисс Манипенни, было видно, что она уже знала причину вызова Бонда. Она загадочно улыбнулась ему и нажала на кнопку переговорного устройства.

— Прибыл 007, сэр.

— Пусть войдет, — прозвучал из динамика металлический голос, и над дверью загорелся красный свет, означающий, что М. занят и его запрещено беспокоить.

Бонд вошел в кабинет и тихо закрыл дверь. В комнате было прохладно, хотя, может быть, такое впечатление создавалось из-за жалюзи, закрывающих окна. Они отбрасывали на темно-зеленый ковер перемежающиеся полосы света и тени. Солнечный свет достигал только большого письменного стола. Неподвижная фигура в кресле была в полумраке. На потолке, над столом, медленно кружился большой тропический вентилятор, перемешивающий августовский воздух, который даже высоко над Риджент-Парком оставался душным и тяжелым после недели жаркой погоды.

М. жестом указал на кресло напротив. Бонд сел и взглянул в спокойное, морщинистое лицо старого моряка, которого он уважал и которому с готовностью повиновался.

— Вы позволите мне сначала задать вам вопрос личного характера, Джеймс? — М. никогда не задавал своим подчиненным личные вопросы, и Бонд не мог понять, о чем пойдет речь.

— Конечно, сэр.

М. взял трубку из большой медной пепельницы и начал набивать ее табаком, задумчиво глядя на свои пальцы.

— Я не требую от вас ответа. Можете не отвечать, если не хотите,— произнес он угрюмо,— но это касается вашей, э-э, знакомой, мисс Кейс. Как вы знаете, я не интересуюсь такими вещами, но мне стало известно, что после этого дела с алмазами вы встречались с ней довольно часто. Шел даже разговор, что у вас намечена свадьба.— М. сунул в рот трубку и поднес к ней горящую спичку.— Вы не хотели бы посвятить меня в подробности?

«А это зачем? — подумал Бонд.— Черт бы побрал всех этих сплетников!»

— Действительно, у нас были близкие отношения, сэр,— пробормотал Бонд,— и мы собирались пожениться. Но потом она встретила сотрудника аппарата военного атташе в американском посольстве, майора морской пехоты. Насколько я понял, она выходит за него замуж. Они уже уехали обратно в Штаты. Может быть, это и к лучшему. Смешанные браки часто распадаются. Мне рассказывали, что этот майор — отличный человек. Да и ей было бы трудно жить в Лондоне. Она прекрасная девушка, правда, чересчур нервная. У нас постоянно были ссоры. Скорее всего, это моя вина. Как бы то ни было, мы с ней расстались.

М. улыбнулся. Это была одна из тех редких улыбок, когда улыбаются не только губы, но и глаза и лицо человека хорошеет, как освещенное солнцем.

— Я искренне вам сочувствую,— сказал он, но Бонд не заметил в его тоне никакого сочувствия. Конечно, М. не нравилось, что Бонд «путался с бабами», как это он называл, но в то же время М. понимал, что это был предрассудок его пуританского воспитания. Да и зачем ему, разведчику Англии, быть привязанным к женской юбке.

— Пожалуй, так действительно будет лучше. Женщина мешает четко видеть цель — надеюсь, вы понимаете меня, Джеймс. Извините за вторжение в личную жизнь. Но это было необходимо. Вы поймете почему, когда узнаете подробности. Было бы трудно поручить это дело человеку, который готовится к свадьбе.

Бонд молча смотрел на своего начальника.

— Ну что ж, отлично,— произнес М. Он откинулся на спинку кожаного кресла и сделал несколько затяжек.— Значит, произошло следующее. Вчера поступила длинная шифровка из Стамбула. Из нее следует, что во вторник начальник станции Т. получил анонимную записку, отпечатанную на машинке. В ней ему предлагалось совершить путешествие туда и обратно на пароме, отправляющемся

от Галата Бридж до входа в Босфор в восемь вечера. Больше ничего в записке не было. Начальник станции Т.— человек, любящий острые ощущения,— принял предложение. Он стоял на носу, держась руками за поручни, и ждал. Через четверть часа после отплытия к нему подошла очень красивая девушка, русская. Они поговорили о панораме Стамбула, о том, о сем, затем девушка изменила тему разговора и рассказала ему невероятную историю.

М. замолчал и поднес спичку к погасшей трубке. Бонд воспользовался паузой, чтобы задать вопрос.

— Кто стоит во главе станции Т., сэр? Мне не приходилось работать в Турции.

— Его зовут Керим, Дарко Керим. Отец — турок, мать — англичанка. Поразительный человек. Занимает этот пост с начала войны. Один из лучших агентов за рубежом. Ему нравится эта работа. К тому же он знает Ближний Восток и Балканы, как свои пять пальцев,— М. махнул рукой, указывая на то, что они отвлеклись от темы.— Девушка сказала ему, что она — сержант МГБ. Недавно ее перевели в Стамбул шифровальщицей. Она сама изъявила желание поехать в Стамбул, потому что хочет покинуть Россию и просить политического убежища на Западе.

— Очень хорошо,— согласился Бонд.— Неплохо побеседовать с одной из шифровальщиц. Но почему ей захотелось перебраться на Запад?

М. посмотрел на Бонда проницательным взглядом.

— Она влюблена,— пояснил он, помолчал и добавил немного саркастически: — Она утверждает, что влюблена в вас.

— В меня?

— Вот именно. По крайней мере, так она говорит. Ее зовут Татьяна Романова. Вам не приходилось слышать это имя?

— Боже мой, конечно нет! Извините, сэр, я хотел сказать — нет, не приходилось.

М. невольно улыбнулся, глядя на Бонда.

— Но почему? Разве она встречалась со мной? Откуда она знает о моем существовании?

— Ну что ж,— кивнул М.— Это действительно кажется невероятным. Но вся эта история, рассказанная девушкой, настолько безумна, что вполне может оказаться правдой. Ей двадцать четыре года. Она работала в отделе документации сотрудницей английского сектора несколько лет. Ей часто приходилось заниматься вашим досье.

— Мне очень хотелось бы посмотреть на него,— заметил Бонд.

— По ее словам, ей понравилось ваше лицо на фотографиях. Ее восхитила ваша внешность и тому подобное.— Лицо М. сморщилось, будто он проглотил лимон.— Она прочитала информацию о ваших приключениях. Пришла к выводу, что вы — настоящий мужчина, привлекательный и бесстрашный.

Бонд смущенно посмотрел вниз. Физиономия М. была непроницаемой.

— Девушка объяснила, что вы напомнили ей героя книги, написанной писателем Лермонтовым. По-видимому, это ее любимый герой. Он любил играть в карты, то и дело подвергался опасности, и всякий раз ему удавалось спастись. Короче говоря, она решила, что вы очень похожи на него. Сказала, что не могла думать ни о ком другом, и тут ей пришла мысль просить о переводе в один из зарубежных центров в надежде, что ей удастся связаться с вами, вы приедете и спасете ее.

— Прямо как в сказке! Надеюсь, начальник станции Т. не поверил ей?

— Одну минуту,— раздраженно заметил М.— Не спешите делать заключение, исходя из того, что раньше вам никогда не приходилось встречаться с чем-нибудь подобным. Предположим, вы были бы не нашим агентом, а кинозвездой. Масса девушек посылала бы вам письма с заверениями, что не могут жить без вас, влюблены и прочее. А здесь молодая глупая девушка, работающая в Москве кем-то вроде секретаря. Может быть, у них весь отдел документации укомплектован женщинами, как и у нас. Ни одного мужчины. И вот она открывает ваше досье, видит мужественное, э-э, лицо и влюбляется. Такое сплошь и рядом случается в жизни, когда девушки влюбляются в привлекательных мужчин, фотографии которых печатаются в журналах.— М. ткнул в грудь Бонда мундштуком трубки.— Видит бог, я плохо разбираюсь в таких делах, но, согласитесь, такое случается.

Бонд улыбнулся.

— Действительно, сэр, подобное могло случиться. Почему бы русской девушке не быть такой же глупой, как и английской. Но чтобы поступить так, как поступила она, требуется назаурядная смелость. Разве начальник станции Т. не объяснил ей, какому риску она подвергается?

— Из его сообщения следует, что она дрожала от страха. Все время оглядывалась по сторонам, будто опасаясь, что за ней следят. Но вокруг были обычные пассажиры, к тому же на этом последнем рейсе их было немного. Но

это еще не все.— М. глубоко затянулся и выпустил облако сизого дыма, поплывшего вверх, к медленно вращающемуся вентилятору на потолке.— Она сказала Кериму, что охватившее ее чувство настолько сильно, что она возненавидела русских мужчин. Постепенно эта ненависть перешла на весь советский режим, причем особую неприязнь она стала испытывать к своей работе, которую она исполняла для государства и, следовательно, во вред человеку, ставшему для нее любимым. Она попросила о переводе в один из зарубежных центров, и, поскольку она отлично владеет двумя языками — английским и французским,— ей предложили работу в Стамбуле, если она согласится стать шифровальщицей. Работа не так хорошо оплачивается, но девушка сразу дала согласие, закончила шестимесячные курсы и три недели назад приехала в Стамбул. Там она быстро узнала, что представителем нашей секретной службы является Дарко Керим. Он занимает этот пост так долго, что об этом известно всей Турции. Самому Кериму это безразлично, а нам даже полезно, потому что, когда мы время от времени посылаем туда агентов со специальными заданиями, они остаются незамеченными. Кроме того, раз все знают, что он работает на английскую секретную службу, к нам обращается через него немало клиентов, которые в противном случае не знали бы, где найти нашего представителя.

Итак, она послала Кериму письмо. Рассказав ему историю своей жизни, она спросила, чем он может помочь ей.— М. замолчал и уставился на дымок, поднимающийся из трубки.— Стоит ли говорить, что первая реакция Керима была точно такой же, как ваша, и он решил, что это какая-то ловушка. Но чем больше он размышлял, тем труднее было ему понять, какую цель могли преследовать русские, подослав нам эту девушку. А между тем пароход плыл все дальше и дальше по Босфору и скоро должен был направиться обратно. Девушка начала терять надежду. И тогда она решилась на крайнюю меру.— Глаза М. сверкнули в полумраке кабинета.— У нее осталась последняя карта. Но козырная! Если ей предоставят убежище, сказала она, нам будет передана последняя модель «Спектра». Она не могла не знать, что за эту машину мы готовы заплатить любую цену.

— Господи, боже мой! — невольно воскликнул Бонд, осознав невероятную ценность того, что предложила им девушка. Новый «Спектр»! Аппарат, который позволит расшифровывать самые секретные сообщения русских, все

донесения их агентов! Даже если исчезновение шифровального аппарата будет тут же обнаружено и будет использоваться другой код, это нанесет чувствительный удар по русской секретной службе.

Последние сомнения исчезли у Бонда. Он тут же согласился с доводами М. относительно достоверности предложения девушки, каким бы безумным оно ни казалось на первый взгляд. Для советского гражданина подобный поступок был смертельно опасен и мог быть продиктован только отчаянием... Или отчаянной любовью? Нет, не имеет значения, правду говорит девушка или нет — ставки в этой игре очень высоки!..

— Надеюсь, теперь вы меня понимаете, 007? — спокойно и тихо спросил М., но волнение, промелькнувшее за маской равнодушия, не укрылось от проницательных глаз Бонда.

И все-таки Бонд попытался уклониться от прямого ответа.

— Она не сказала, как собирается сделать это?

— Если вы имеете в виду подробности — нет, не сказала. Но Керим утверждает, что у нее не было ни малейших сомнений. Она упомянула что-то о ночном дежурстве. По-видимому, пару раз в неделю она дежурит ночью и спит у себя в рабочей комнате на раскладушке. Она отдавала себе отчет в том, что ее тут же пристрелят, если проникнут о ее замысле. Потребовала даже от Керима, чтобы он лично зашифровал сообщение о встрече с ней и тут же уничтожил черновик. Разумеется, он так и поступил. Как только девушка упомянула «Спектр», Керим понял, что это может оказаться самым крупным успехом нашей службы за весь послевоенный период.

— А что произошло дальше, сэр?

— Пароход приближался к городку под названием Ортакей. Она сказала, что сойдет там. Керим пообещал послать шифровку этим же вечером, сразу после того, как вернется в Стамбул. Девушка категорически отказалась от всех дальнейших контактов и сказала, что выполнит свое обещание, если мы исполним ее просьбу. Попрощалась, спустилась по трапу и исчезла в толпе. Больше Керим ее не видел.

М. внезапно наклонился вперед и посмотрел на Бонда.

— Конечно, Керим не мог гарантировать, что мы примем это предложение.

Бонд молчал. Он уже догадывался о том, что последует дальше.

— Эта девушка поставила одно условие.— Глаза М. совсем сузились, но взгляд был пронизательным и суровым.— Вы должны отправиться в Стамбул и доставить ее в Англию вместе с шифровальным аппаратом.

Бонд пожал плечами. Он не видел особых затруднений. Но... Он в упор посмотрел на М.

— Это — простое задание, сэр. Есть всего лишь одна загвоздка. Она видела мои фотографии и читала о моих увлекательных приключениях. Но разве не может случиться так, что, когда она увидит меня воочию, я не оправдаю ее ожиданий?

— Именно в этом заключается ваше задание,— мрачно ответил М.— Потому я и спросил о ваших отношениях с мисс Кейс. Сделайте все, чтобы не разочаровать ее.

Глава 13

«БРИТИШ ЭРУЭЙЗ» ДОСТАВИТ ВАС КУДА УГОДНО

Четыре небольших пропеллера медленно, словно нехотя, повернулись один за другим и превратились в прозрачные сверкающие диски. Глухой рев турбореактивных двигателей перешел в пронзительный вой, и «Вайкаунт» вырулил на взлетную полосу Лондонского аэропорта с зависшим над ней маревом раскаленного воздуха.

Через несколько минут первый пилот увеличил обороты двигателей, вой которых превратился в безумный визг. Самолет вздрогнул, освобождаясь от тормозов, и рейс «ВЕА-130» Рим—Афины—Стамбул отправился точно по расписанию — в 10.30. Самолет устремился по взлетной дорожке, легко оторвался от земли и начал набирать высоту.

Через десять минут они достигли 20 тысяч футов и по широкому воздушному коридору, вдоль которого самолеты летают из Англии к Средиземному морю, направились на юг. Вой моторов снова перешел в глухой равномерный рев. Бонд расстегнул пристяжные ремни и закурил. Потом он протянул руку к лежащему под сиденьем плоскому атташе-кейсу, достал оттуда «Маску Димитриоса» Эрика Эмблера и положил кейс — очень тяжелый, несмотря на небольшой размер,— на сиденье рядом. Вот удивилась бы девушка, регистрировавшая его билет, подумал Бонд, если бы вместо того, чтобы разрешить ему взять кейс с собой как ручной багаж, поставила его на весы. И если бы таможенники,

заинтригованные необычным весом небольшого чемоданчика, пропустили бы его под лучами «Инспектоскопа».

Отдел специального снаряжения секретной службы — «Кью Бранч» — много поработал над этим симпатичным чемоданчиком, изготовленным фирмой «Суэйн энд Адени». Сначала ободрали кожу, сняли замки и ручку. Между наружной обивкой и изнанкой сотрудники отдела уложили пятьдесят патронов калибра 6,35 мм, а вдоль торцов — по одному плоскому, острому как бритва ножу для метания. Стоило нажать особым образом на шов в углу, как рукоятка ножа выскальзывала из-под обшивки. Не обращая внимания на насмешки Бонда, искусники отдела «Кью» спрятали в ручку кейса таблетку цианистого калия — на случай, если он будет захвачен в плен русской разведкой. (Как только чемоданчик попал в руки Бонда, он тут же выбросил таблетку в туалете). Его гораздо больше интересовал толстый тюбик с кремом для бритья, находящийся в походном несесере, укомплектованном в остальном обычными туалетными принадлежностями. Вся верхняя половина тюбика снималась, и там хранился глушитель для его «Беретты», упакованный в вату. На случай, если Бонду понадобится валюта, в крышке чемоданчика хранилось пятьдесят золотых sovereignов.

Хитроумный чемоданчик изрядно позабавил Бонда, который не мог не признать, что, несмотря на тяжесть, это весьма удобный способ незаметно возить с собой инструменты своей профессии, которые в любом другом случае ему пришлось бы рассовывать по карманам и зашивать в одежду.

На борту самолета кроме него было еще двенадцать пассажиров. Он улыбнулся при мысли о том, как была бы потрясена его секретарша, Лозла Понсонби, узнай она о тринадцати пассажирах. Накануне, когда он вернулся от М. и начал собираться в путь, она отчаянно возражала, узнав, что вылет назначен на пятницу тринадцатого числа.

— Но ведь именно тринадцатого путешествовать лучше всего, — терпеливо объяснил Бонд. — В этот день всегда мало пассажиров, можно удобно расположиться в самолете, и обслуживание куда лучше. Я всегда стараюсь летать тринадцатого числа — если у меня есть выбор.

— Раз уж вы так решили, ничего не поделаешь, — неохотно согласилась Лозла. — Но я буду беспокоиться о вас до самого вечера. И ради бога, будьте поосторожнее. Сердце подсказывает мне, что вам угрожает опасность.

— Ах, это нежное сердце! — поддразнил ее Бонд. —

Сразу после возвращения я приглашу его отобедать в ресторане.

— Ничего подобного! Оно категорически откажется! — холодно отрезала девушка. Но позднее, когда он уже собрался уходить, она неожиданно обняла его и поцеловала. И Бонд в который раз подумал: зачем ему нужны все эти женщины, когда самая желанная находится рядом.

Самолет продолжал лететь над бесконечным океаном облаков, похожих на взбитые сливки и казавшихся отсюда настолько плотными, что на них можно было бы безопасно совершить посадку. Внезапно облака разошлись, и далеко слева, в голубой дымке, показался Париж. На протяжении часа они летели над выжженными полями Франции, пока после Дижона земная поверхность на склонах Юрских гор не начала становиться все более темно-зеленой.

Принесли ленч. Бонд отложил в сторону книгу и принялся за еду. Внизу промелькнуло стальное зеркало Женевского озера и сосновые леса, поднимающиеся к заснеженным пикам Альп. Самолет пролетел совсем рядом с огромным клювом Монблана. Бонд посмотрел вниз — на серые, как слоновья шкура, языки ледников — и вдруг увидел себя, семнадцатилетнего юношу, на вершине скальной расщелины с веревкой, обвязанной вокруг пояса, страхующего двух своих товарищей из Женевского университета, которые поднимались к нему по отвесной скале.

А что теперь? Бонд хмуро улыбнулся своему отражению в плексиглазе иллюминатора. Если бы тот юный Джеймс Бонд подошел к нему на улице и заговорил с ним, что подумал бы юноша о нем, секретном агенте 007, повзрослевшем Бонде? Узнал бы он себя в этом человеке с надменным холодным взглядом, шрамом на щеке и пистолетом под мышкой левой руки — в постаревшем, прожившем нелегкие годы Бонде, знающем цену и предательству и безжалостности? И если бы этот юноша узнал о новом задании Бонда, каким могло бы быть его мнение о бесстрашном секретном агенте и его романтической роли британского сутенера?

Бонд выбросил из головы мысли о юноше, оставшемся там, в его далекой юности. Не надо думать о прошлом, о том, что могло бы произойти, если бы... Следуй своей судьбе, будь ею доволен и радуйся, что ты — не странствующий коммивояжер, не репортер провинциальной газеты, спившийся и пропахший никотином, не калека и не мертвец.

Глядя на Геную, освещенную солнцем, на ласковые лазурные волны Средиземного моря, проплывающие под

крыльями самолета, Бонд постарался забыть о прошлом и сконцентрировать мысли на ближайшем будущем, на предстоящем задании, где ему придется выполнять роль британского сутенера, служащего интересам Англии.

Действительно, как ни посмотри на данное ему поручение, именно такую роль ему предстояло сыграть — соблазнить, причем как можно быстрее, девушку, которую он никогда раньше не встречал и имя которой впервые услышал лишь вчера. И на протяжении этих нескольких дней его мысли будут не о ней, какой бы красивой она ни была, — а начальник станции Т. назвал ее «прелестной», — а о «приданом», которое она обещала принести с собой. «Все равно, что жениться на богатой женщине из-за ее денег», — мрачно подумал Бонд. Удастся ли ему сыграть эту роль? Возможно, он сумеет улыбаться и говорить надлежащим образом, но сможет ли он заставить себя быть мужчиной, когда дело дойдет до постели? Может ли мужчина доставить наслаждение женщине, когда все его мысли сконцентрированы на ее счете в банке? Разве есть хоть что-то эротическое, когда ты обнимаешь мешок с золотом? Но шифровальный аппарат?

В пятидесяти милях от Рима самолет начал снижаться в аэропорту Джампино. Полчаса на земле, два великолепных коктейля, и они снова в пути, по направлению к носку итальянского сапога. Мысли Бонда опять переключились на встречу, к месту которой он приближался со скоростью трехсот миль в час.

Неужели все это какой-то изощренный заговор, придуманный МГБ? Неужели он вот-вот попадет в ловушку, которую не сумел разгадать даже хитроумный М.? Действительно, М. тоже был обеспокоен этим. Все аспекты ситуации были самым тщательным образом изучены М., обсуждались на оперативном совещании руководителей всех отделов секретной службы, закончившемся поздно вечером накануне. Но с какой бы стороны ни рассматривали эту проблему, никто не мог понять, какую пользу могли извлечь для себя русские. Возможно, они решили похитить Бонда и допросить его. Но почему именно Бонда? Он — полевой агент, не посвященный в детали самой секретной службы, мог рассказать на допросе лишь о подробностях своего очередного задания и дать некоторую общую информацию о своей организации. Но это вряд ли представляло такой уж большой интерес. Или они решили убить Бонда, отомстить ему. Тогда почему именно сейчас? Бонд не выполнял заданий, направленных против русских,

уже более двух лет. Если бы они просто хотели ликвидировать его, это можно было сделать на улице Лондона — застрелить его или подложить бомбу в автомобиль.

Голос стюардессы прервал размышления Бонда. «Застегните пристяжные ремни», — и тут же самолет резко бросило вниз, затем он взлетел вверх с надсадным ревом двигателей. Снаружи внезапно стало темно, как ночью. По плексигласу иллюминаторов забарабанил дождь, мелькнула ослепительная молния, и прогремел гром, будто в самолет попал артиллерийский снаряд. Самолет начало швырять в объятьях свирепой грозы, подстерегавшей их в устье Адриатического моря.

Бонд почувствовал запах опасности. Это был не ображаемый, а настоящий запах — смесь пота и электричества. Снова сверкнула молния, и раздался сокрушительный раскат грома. Внезапно самолет показался Бонду очень маленьким и беззащитным. Тринадцать пассажиров! Пятница, тринадцатого августа! Бонд вспомнил предостережения Лоэлы Понсонби, и его ладони, лежащие на подлокотниках кресла, покрылись потом. Сколько лет эксплуатировался этот самолет? Сколько летных часов уже налетал? Может быть, усталость металла подточила основание крыльев? Возможно, он так и не долетит до Стамбула — рухнет и погибнет в Коринфском заливе.

В минуту смертельной опасности, когда ход событий не зависел от Бонда, он предоставлял себя судьбе, полностью отключаясь от происходящего. Только в полной безучастности было убежище для мятущихся чувств — страха, отчаяния, бессилия. И Бонд укрывался в этой безучастности, как укрываются в глубоких подвалах старинных домов люди, переживающие разрушительный ураган. И вот теперь он удалился в это убежище, перестал обращать внимание на грохот, молнии и яростные броски самолета и сосредоточил внимание на неровном шве кресла прямо перед собой. Расслабившись, он ожидал окончания испытаний, выпавших на долю рейса «BEA-140».

В кабине стало неожиданно светло. Ливень не стучал уже по иллюминаторам самолета, а надсадный вой двигателей снова перешел в успокоительный глухой рев. Бонд выглянул из своего укрытия, убедился, что опасность миновала, и покинул его. Он медленно повернул голову и с любопытством посмотрел через овальный иллюминатор. Далеко внизу по синей глади Коринфского залива скользила крошечная тень их самолета. Бонд с облегчением вздохнул, достал из кармана бронзовый портсигар и закурил. Он с

удовлетворением отметил, что его рука, доставшая из портсигара сигарету с тремя золотыми кольцами, не дрожала. Не сообщить ли Лоэле, что она чуть не оказалась права? Бонд решил, что если сумеет найти в Стамбуле достаточно неприличную открытку, то напишет ей.

Снаружи тускнел умирающий день. Внизу промелькнула гора Гиметтус, синяя в вечерних сумерках. «Вайкаунт» промчался над ярко освещенными пригородами Афин, мягко коснулся колесами бетонной посадочной дорожки и подрулил к зданию аэропорта.

Вместе с горсткой молчаливых бледных пассажиров Бонд спустился по трапу и прошел в транзитный зал. Там он заказал стакан узу, залпом проглотил его и запил ледяной водой. Крепкая анисовая водка обожгла горло. Он поставил стакан и заказал еще порцию.

Когда громкоговорители объявили о посадке, уже стемнело, в безоблачном небе над городскими огнями плыла ущербная луна. Воздух был мягок от вечерней прохлады и аромата цветов, отовсюду доносился стрекот цикад. Вдали слышалась песня. Голос певца был отчетлив и грустен. Рядом с аэропортом залаяла собака. Бонд неожиданно вспомнил, что на Востоке сторожевые собаки не лают — воют всю ночь. По какой-то странной причине это вызвало у него ощущение радости и предвкушения удачи.

До Стамбула над темной поверхностью Эгейского и Мраморного морей полет продолжался всего полтора часа. Наконец самолет приземлился на бетонной дорожке аэропорта Эсилкой, пропеллеры замерли, и от недавно построенного современного здания аэропорта подкатили трап. Бонд поблагодарил стюардессу, прошел паспортный контроль и стал ждать, когда прибудет его багаж.

Итак, эти маленькие, аккуратно одетые служащие с насмотренными лицами и есть современные турки? Бонд вслушивался в незнакомую речь и наблюдал: это были люди, недавно спустившиеся с гор; их глаза, темные и яростные, на протяжении многих столетий привыкли следить за овечьими стадами, сторожить их и замечать появление врагов на горизонте; следить за рукой со сжатым в ней ножом и за купцом, разменивающим монеты. Потому их глаза полны жестокости, подозрений и доверия. Они как-то сразу не понравились Бонду.

Когда он вышел из таможенного зала, от стены аэропорта отделился высокий худощавый мужчина в плаще и шоферской фуражке. Он поднял руку в знак приветствия, не спрашивая имени Бонда, взял из его рук чемодан и

направился к сверкающему аристократу автомобильного племени — черному открытому «роллс-ройсу», изготовленному в двадцатых годах, предположил Бонд, по заказу какого-то миллионера.

Когда автомобиль выехал на шоссе, ведущее от аэропорта, и беззвучно помчался по асфальту, мужчина повернул голову и вежливо произнес на безупречном английском языке.

— Керим-бей просил передать, что сегодня вечером вам надо отдохнуть. Я приеду за вами завтра в девять утра. В каком отеле вы остановились, сэр?

— «Кристэл Палас».

— Отлично, сэр.— Шины «роллс-ройса» чуть слышно шуршали по гладкому асфальту.

Где-то далеко позади, на стоянке аэропорта, слышался треск мотороллера. Этот звук не привлек внимания Бонда. Он откинулся на мягкое кожаное сиденье и закрыл глаза.

Глава 14

ДАРКО КЕРИМ

Рано утром Джеймс Бонд проснулся в грязной комнате гостиницы «Кристэл Палас» на вершине Пера — возвышенной части Стамбула. Он рассеянно почесал правое бедро. Какая-то тварь укусила его. «Ну что ж, — подумал он раздраженно, — это следовало ожидать».

У входа в отель вчера вечером его встретил угрюмый портье в мятых брюках и рубашке без галстука. Бонд увидел вестибюль гостиницы с засиженными мухами пальмами в бронзовых кадках, пол из выцветших плиток мавританского кафеля и сразу понял, что его ожидает. Первое, что пришло ему в голову, — вернуться в машину и поискать другой отель. Но остановила Бонда охватившая его усталость. Тяжело вздохнув, он решил остаться, расписался в журнале для приезжих и последовал за портье.

Они поднялись на третий этаж в старомодном лифте с задвигающимися решетками. Номер с расштанной мебелью и металлической кроватью оказался именно таким, каким ожидал увидеть его Бонд. Он посмотрел на стену возле кровати, убедился, что на обоях нет пятен от раздавленных клопов, и отпустил портье.

Тут же выяснилось, что с этим он поторопился. Когда Бонд вошел в ванную и повернул кран с горячей водой,

оттуда послышались глубокий вздох, потом нечто вроде презрительного бормотания, и наконец из крана шлепнулась в раковину умывальника маленькая сороконожка. Он обреченно пожал плечами и смыл ее тонкой струей коричневой холодной воды. «Сам виноват,— подумал он мрачно,— расплачивайся теперь за то, что выбрал гостиницу только из-за звучного названия. Вот тебе и «Хрустальный дворец!»» Это была не полная правда: Бонд выбрал эту гостиницу еще и потому, что решил держаться подальше от роскошных многолюдных отелей.

Тем не менее, Бонд сразу заснул и отлично выспался. Теперь оставалось купить порошок от клопов, выбросить из головы мелочи жизни и заняться делом, ради которого он приехал сюда.

Бонд подошел к окну, раздвинул красные плюшевые шторы, и перед ним открылась одна из самых знаменитых и прекрасных панорам мира — справа виднелась спокойная гладь залива Золотой Рог, слева — волны Босфора, а между ними — уходящее вниз море крыш, высокие минареты и мечети Пера «В конце концов,— подумал он,— выбор оказался не таким уж плохим. Одна панорама может с лихвой компенсировать укусы клопов и прочие неудобства».

Минут десять Бонд стоял, не в силах оторвать взгляда от сверкающих вод пролива, отделяющего Европу от Азии, затем подошел к телефону и заказал завтрак. После этого он принял прохладный душ и терпеливо выдержал мучительную процедуру бритья холодной водой, надеясь, что завтрак окажется съедобным.

Завтрак превзошел все ожидания. Простокваша в голубой фарфоровой кружке была с желтоватым оттенком и густая, как сметана. Инжир — зрелым и мягким, а кофе — черным как смоль и свежемолотым. Бонд придвинул стол к открытому окну и позавтракал, глядя на проплывающие вдали пароходы и пересекающие водную гладь каики. Интересно, подумал он, как пройдет его встреча с Керимом и есть ли для него свежие новости?

Ровно в девять утра элегантный «роллс-ройс» бесшумно подкатил к подъезду гостиницы и повез Бонда через площадь Таксим, оживленные улицы Истиклала и мост Галата Бридж, переброшенный через Босфор, обратно в Европу. Огромный автомобиль пробирался по мосту среди бесчисленного множества повозок и велосипедов, обгоняя трамваи и расчищая себе дорогу могучим ревом воздушного гудка, на резиновый баллон которого то и дело нажимал шофер.

Наконец они съехали с широкого моста, и перед ними открылась старая европейская часть Стамбула с тонкими минаретами, вонзающимися в голубое небо, подобно копьям, и куполами древних мечетей, напоминающих огромные выпуклые груди. Все это походило на иллюстрации к «Тысяче и одной ночи», но Бонду, видевшему европейский Стамбул из-за грохочущих трамваев и огромных реклам, протянувшихся вдоль улиц, город напомнил когда-то прекрасные декорации, выброшенные теперь за ненадобностью современной Турцией и замененные бетоном и сталью безликого прямоугольника отеля «Стамбул-Хилтон».

Тем временем автомобиль свернул на узкую, мощенную булыжником улицу, и остановился перед крытым крыльцом.

Из сторожки вышел коренастый охранник, одетый в потрепанные куртку и брюки цвета хаки, улыбнулся и поднял руку в знак приветствия. Затем открыл дверцу автомобиля и жестом предложил Бонду выйти. Повернувшись, он вошел в сторожку, открыл внутреннюю дверь, и они пошли по небольшому дворику, покрытому аккуратно уложенным гравием. В центре двора рос старый искривленный эвкалипт, под которым деловито сновали два белых голубя. Городской шум остался далеко позади. Во дворе было спокойно и тихо.

Они пересекли дворик, открыли еще одну маленькую дверь и Бонд оказался в огромном сводчатом складе с высокими круглыми и пыльными окнами. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь них, освещали длинные ряды ящиков и пакетов. Пахло специями, кофе, а когда Бонд, идущий вслед за охранником, приблизился к середине склада, то оттуда донесся запах мяты.

В дальнем конце огромного хранилища находилась платформа, возвышающаяся над полом и окруженная балюстрадой. Там за письменными столами сидели молодые мужчины и женщины и что-то писали в толстых старомодных бухгалтерских книгах. Эта картина словно была иллюстрацией к романам Диккенса. Бонд заметил, что на каждом столе рядом с чернильницей лежали допотопные счета. Ни один из служащих не поднял взгляда, когда он проходил мимо, лишь из-за стола в самом углу встал высокий смуглый мужчина с твердым, будто высеченным из гранита лицом и неожиданно яркими синими глазами. Он улыбнулся, знаком отпустил охранника и провел Бонда к двери в стене склада. Постучался, не ожидая ответа, распахнул ее, впустил Бонда и тут же закрыл дверь.

— А, добро пожаловать, мой друг, добро пожаловать! — Крупный широкоплечий мужчина в искусно сшитом чесучовом костюме вышел из-за стола и пошел навстречу Бонду, протягивая руку.

В громком приветливом голосе мужчины слышалась властная нотка, которая напомнила Бонду, что перед ним — начальник станции Т., и, строго говоря, Бонд находится в его подчинении.

Огромная сухая ладонь Дарко Керима крепко сжала руку Бонда. Чувствовалась незаурядная сила в этой ладони: да, начальник Т. мог так пожать руку, что только кости затрепчат.

Рост Бонда превышал шесть футов, но мужчина, стоящий перед ним, был на пару дюймов выше и казался в два раза шире. Смуглое лицо было украшено сломанным носом и широко расставленными, улыбающимися синими глазами, которые чуть-чуть слезились, были покрыты крошечными кровяными сосудами и напоминали глаза волкодава, привыкшего лежать слишком близко к камину.

Обветренное лицо Керима делало его похожим на бешеного искателя приключений, и маленькая золотая серьга в мочке правого уха только усиливала это впечатление. Это было удивительно выразительное лицо, жестокое и беспутное, и все-таки излучающее радость жизни. Бонд подумал о том, что ему еще никогда не приходилось видеть столько жизненной силы и человеческого тепла в чьем-то лице. Бонд почувствовал, что испытывает глубокое расположение к Кериму.

— Спасибо, что послали за мной машину.

— Ха! — засмеялся Керим. — Наши друзья тоже заслуживают благодарности. Они участвовали в церемонии встречи. Всякий раз, когда мой автомобиль отправляется в аэропорт, они сопровождают его.

— Это была «веспа» или «ламбретта»?

— А, и вы его заметили? «Ламбретта». У них целый парк мотороллеров для своих маленьких людишек. Я называю их «незаметными»: настолько похожи один на другого, что трудно отличить. Надеюсь, однако, на этот раз он соблюдал дистанцию. С того дня, как мой шофер резко затормозил и тут же включил задний ход, они не решаются ездить близко к машине. На «роллсе» тогда была поцарапана краска и пришлось долго выскребать чьи-то мозги из-под шасси, но я преподал им правила хорошего тона.

Керим сел в свое кресло и жестом показал Бонду на такое же, стоящее напротив. Он протянул Бонду плоскую

белую пачку сигарет, одну из которых тот закурил. Это была лучшая сигарета, когда-либо попавшаяся ему, — мягкий и сладкий запах турецкого табака в тонкой папиросной бумаге с золотым полумесяцем.

Пока Керим вставлял сигарету в длинный мундштук из слоновой кости, пожелтевший от никотина, Бонд огляделся. Кабинет пропах краской и лаком, как будто ремонт закончился перед самым его приходом. Стены большой квадратной комнаты были покрыты панелями из красного дерева. Кроме одной — за спиной Керима. Там висел широкий восточный ковер, закрывающий стену от потолка до пола. Он чуть шевелился от дуновения ветра, как будто за ним скрывалось большое открытое окно. Бонду это показалось маловероятным, потому что комнате освещали три больших круглых окна под потолком. Может быть, за ковром находится балкон, выходящий на Золотой Рог, волны которого доходили почти до стен здания? На стене справа висела в позолоченной раме копия портрета королевы кисти Аннигони. На левой стене, прямо напротив портрета королевы, была фотография Уинстона Черчилля военных времен. Он сидел за письменным столом, похожий на разъяренного бульдога, и свирепо смотрел в объектив. У одной стены стоял книжный шкаф, у другой — широкий кожаный диван.

Керим закурил, глубоко затянулся и кивнул головой в сторону ковра.

— Наши друзья решили навестить меня вчера, — произнес он равнодушным тоном. — Подплыли на лодке и прикрепили мину к стене. Рассчитывали застать меня за письменным столом. К счастью, именно в это время я расположился на диване с молодой румынской девушкой, все еще думающей, что можно узнать военные секреты в обмен на любовь. Взрыв произошел в самый неподходящий момент. Я, конечно, не стал реагировать, но для девушки потрясение оказалось слишком серьезным: с ней случилась истерика. А может, моя любовь показалась ей слишком уж неистовой. — Керим обвел мундштуком вокруг себя. — Нам пришлось торопиться, чтобы привести комнату в порядок к вашему визиту — вставить вылетевшие стекла, кое-что покрасить. Вот почему здесь так пахнет краской.

Керим откинулся на спинку кресла, на его лице появилось недоумевающее выражение.

— Меня, признаться, озадачило это внезапное начало военных действий, — произнес он, качая головой. — Мы привыкли жить дружно. Каждый из нас занимался своей

работой. Просто неслыханно, чтобы наши друзья вот так внезапно объявили войну. Меня все это очень беспокоит. Я буду вынужден наказать человека, ответственного за это безобразие — как только узнаю, кто он. Хочется надеяться, что происшедшее не имеет отношения к вашему делу.

— Но зачем было так рекламировать мой приезд? — осторожно спросил Бонд. — Мне совсем не хочется вовлекать вас в эту историю, но появление вашего «роллса» в аэропорту ясно говорит о нашей связи.

— Дорогой друг, — снисходительно засмеялся Керим, — давайте я объясню вам положение в Стамбуле. У нас, американцев и русских в каждом отеле есть свой человек. Кроме того, все мы подкупили чиновника, работающего в штабе секретной службы, и он снабжает нас списком всех иностранцев, въехавших в Турцию поездом, автомобилем или прилетевших самолетом. В случае необходимости я мог бы тайно переправить вас через греческую границу. Но какой в этом смысл? Ваш приезд не должен остаться незамеченным другой стороной, чтобы девушка смогла связаться с вами. Она поставила условие, что именно она организует встречу с вами. Возможно, она не доверяет нам и опасается утечки информации. Кто знает? Она заявила совершенно определенно, что их центр тут же узнает о вашем приезде. — Керим пожал широкими плечами. — Так что зачем все запутывать? К тому же мне просто хотелось сделать ваше пребывание в Стамбуле более приятным — на тот случай, если оно окажется безуспешным.

— Тогда извиняюсь, — улыбнулся Бонд. — Я забыл, что нахожусь на Балканах и что здесь распоряжаетесь вы. Скажите, как мне поступать, и я все исполню.

— Раз мы заговорили о вашем пребывании в Стамбуле, то как вам понравился «Кристэл Палас»? Признаться, я был озадачен тем, что вы решили остановиться именно в этом отеле. Он пользуется дурной славой и там всегда останавливаются русские. Впрочем, это неважно.

— Он не так уж плох. Просто мне не хотелось жить в «Хилтоне» или другом фешенебельном отеле.

— Теперь о деньгах. — Керим выдвинул ящик и достал оттуда пачку новеньких зеленых ассигнаций. — Здесь тысяча турецких фунтов. Они стоят на черном рынке двадцать за английский фунт стерлингов. Официальный валютный курс — семь к одному. Когда вы израсходуете эту тысячу, скажите мне, и я дам вам столько, сколько потребуется. Бухгалтерией займемся потом. К тому же это не

деньги, а дерьмо. С того момента, когда первый миллионер Крез изобрел золотые монеты, ценность денег стала падать. Сначала на монетах изображали профиль богов, затем королей. Далее стали печатать банкноты с портретами президентов. А теперь на бумажках какое-то здание и подпись кассира! — Керим бросил Бонду пачку. — Поразительно то, что на них что-то еще можно купить. Дальше. Сигареты? Курите только вот эти — «Дипломатические». Я pošлю вам в гостиницу несколько сотен. Это самые лучшие. Их трудно достать. Распределяют по министерствам и консульствам. Что еще? Не беспокойтесь о питании и свободном времени. Это моя забота. Мне это будет только приятно, и вы уж меня простите, но пока вы здесь, я буду рядом с вами.

— Да, вы ничего не забыли, — кивнул Бонд. — Только обещайте когда-нибудь приехать в Лондон. Там вы будете моим гостем.

— Никогда! — решительно покачал головой Керим. — И погода, и женщины там слишком холодные. А теперь, — он позвонил в колокольчик, стоящий на столе, — что вы будете пить? Кофе с сахаром или без? Мы в Турции не можем вести серьезный разговор без кофе или ракии, но для ракии сейчас еще слишком рано.

— Без сахара.

Дверь за спиной Бонда открылась, и Керим что-то сказал по-турецки. Когда дверь снова захлопнулась, он выдвинул ящик стола, достал оттуда папку и, положив ее перед собой, звучно шлепнул по ней ладонью.

— Дорогой друг, — с мрачной задумчивостью произнес он, — я не знаю, что и думать о вашем деле. Он откинулся назад, закинул руки за голову и сцепил на затылке пальцы. — Вам никогда не приходило в голову, что наша работа чем-то напоминает съемки фильма? Вот мне удалось наконец расставить всех по местам, и я собираюсь приступить за съемку. А тут вдруг подводит погода, или среди актеров начинается недовольство или происходит несчастный случай. Кроме того, при съемке фильма может случиться еще что-то — скажем, между двумя главными героями вспыхивает любовь. Меня это сбивает с толку больше всего. И в вашем деле есть этот загадочный фактор. Действительно ли девушка влюбилась в вас? Не охладет ли она, когда вас увидит? Наконец, сумеете ли вы заставить себя полюбить ее?

Бонд молчал. Раздался стук в дверь. Старший клерк вошел в кабинет, поставил перед каждым из них по небольшой чашечке с золотой росписью, вежливо поклонился и вышел. Кофе был горячим и крепким, он по своей кон-

систенции напоминал кашицу. Керим одним глотком выпил содержимое чашки, вставил сигарету в мундштук и закурил.

— Но с любовью, замешанной в это дело, мы бессильны что-нибудь предпринять,— продолжал Керим, словно размышляя с самим собой.— Ладно, поживем — увидим, а сейчас перед нами встали другие проблемы.

Он наклонился вперед и посмотрел в лицо Бонду жестким пронизательным взглядом.

— Во вражеском лагере что-то происходит, мой друг. Я думаю так не из-за того, что от меня решили избавиться. Неожиданно сюда приехало несколько человек. У меня нет никаких других фактов, но вот этому надежному другу я доверяю,— Керим постучал пальцем по своему носу.— Он не подводит меня. Если бы на карту не было поставлено так много, я сказал бы вам: «Отправляйтесь домой, дружище. Лучше отправляйтесь домой. Здесь происходит что-то непонятное и зловещее».

Керим снова откинулся на спинку кресла. Из его голоса исчезла напряженность.

— Но мы разговорились, как старые бабы. Это наша работа, так что давайте забудем про мой нос и займемся делом. Во-первых, есть ли подробности, которые вы хотели бы знать? Что я могу добавить к уже сказанному? После того, как я послал шифровку в Лондон, девушка не подавала признаков жизни. Но, может быть, вас интересуют подробности моей встречи с ней?

— Меня интересует только один вопрос.— Бонд посмотрел на Керима.— Каково ваше мнение о ней? Верите вы сами ее рассказу или нет? Все остальное не имеет значения. Если она не влюбилась в мою фотографию, то вся эта история — изощренный заговор, который состряпан МГБ и пока не разгадан нами. Вы поверили ей?

— Эх, дорогой друг,— Керим вздохнул и покачал головой.— Я задавал себе этот же вопрос с самого момента встречи с ней. Кто может поручиться, врет ли женщина, рассказывая нам о своих любовных делах, или говорит правду? Ее глаза, эти прекрасные невинные глаза, блестящие. Голос звучал искренне и испуганно, руки, сжимающие перила, побелели от напряжения, но что было у нее на сердце? — Керим развел руками, сжал губы и посмотрел прямо в глаза Бонду.— Есть всего лишь один способ убедиться, что женщина действительно любит тебя, но даже при этом необходим опыт подлинного эксперта.

— Да, я понимаю,— Бонд кивнул,— что вы имеете в виду. Убедиться в этом можно лишь в постели.

Глава 15

БИОГРАФИЯ ШПИОНА

Снова принесли кофе, потом еще. В большой комнате висели сизые клубы табачного дыма. Мужчины подробно обсудили каждую мелочь, даже самую незначительную, но не пришли ни к какому решению. Бонду одному предстояло разгадать тайну девушки, и, если подтвердится предположение М., то вывезти ее вместе с шифровальным аппаратом из Турции.

Все организационные вопросы Керим взял на себя. Он тут же позвонил в аэропорт и зарезервировал два места на всех самолетах, вылетающих на будущей неделе из Стамбула — ВЕА, Эр Франс, САС и Тюркэйр.

— Теперь о паспорте, — сказал он, покончив с одним делом. — Одного будет достаточно, потому что она будет сопровождать вас в качестве жены. Мои люди сфотографируют вас и постараются отыскать фотографию молодой Греты Гарбо, более или менее похожей на нее. Я нахожу, что они очень похожи. Я поговорю с генеральным консулом. Он мой хороший приятель и любит играть в заговоры. Обожает все эти тайны плаща и кинжала. Паспорт будет готов сегодня вечером. Какое имя вам больше нравится?

— Не имеет значения.

— Тогда пусть будет Сомерсет. Моя мать приехала оттуда. Итак, вы будете Дэвидом Сомерсетом. Профессия — директор фирмы. А девушка? Назовем ее Кэролайн. Она выглядит, как Кэролайн. А вы оба — как пара молодых симпатичных англичан, любящих путешествовать. Таможенную декларацию я подготовлю сам. Там будет указано, что у вас восемьдесят фунтов стерлингов чеками и справка об обмене пятидесяти фунтов за время вашего пребывания в Турции. О таможене можете не беспокоиться: они никого не проверяют при выезде. Скажете, что купили несколько пачек рахат-лукума для знакомых в Лондоне. Если понадобится немедленно уехать, я позабочусь о вашем багаже и заплачу за гостиницу. В «Паласе» меня хорошо знают. Что еще?

— Больше ничего не приходит в голову.

Керим взглянул на часы:

— Двенадцать. Вас ждет автомобиль. Отправляйтесь в гостиницу. Может быть, там вас поджидает записка. И внимательно осмотрите номер — не исключено, что за время вашего отсутствия кто-нибудь проявил к нему излишнее любопытство.

Керим встал и проводил Бонда до двери. Крепкое дружеское рукопожатие на прощание.

— Когда отдохнете, за вами приедет автомобиль и отвезет вас в маленький ресторанчик на базаре.— На его лице появилась довольная улыбка.— Я рад вашему приезду и тому, что мы будем работать вместе.— Он отпустил руку Бонда.— А теперь мне нужно сделать кое-что и как можно быстрее. Может быть, не все, что я собираюсь предпринять, окажется правильным, но что поделаешь? Такова жизнь,— снова довольная улыбка на лице Керима.

Старший клерк (видимо, исполняющий у Керима обязанности начальника штаба) распахнул перед Бондом маленькую дверь, которая вела в узкий коридор. По обе стороны его были комнаты. В одной из них находилась современная, хорошо оснащенная фотолаборатория. Через десять минут Бонд вышел на улицу к ожидавшему его «роллс-ройсу». Автомобиль беззвучно тронулся с места и направился к Галата Бридж.

В гостинице дежурил новый портье — маленький подобострастный человечек с желтым лицом и угодливыми глазками. При виде Бонда он кинулся навстречу, сложив руки на груди в извиняющемся жесте.

— Эффенди, мои самые глубокие извинения. Портье, дежуривший вчера вечером, поселил вас в неудобной комнате. Он не знал, что вы друг Керим-бея. Мы перевели вас в номер 12 — это лучшая комната нашего отеля. Ваш багаж уже там. Обычно этот номер мы сдаем новобрачным,— портье ухмыльнулся.— Там вам будет намного удобнее, чем в старом. Еще раз прошу извинения, эффенди. Предыдущая комната не предназначена для таких видных клиентов.

Он низко поклонился, подобострастно потирая руки.

Бонд не выносил, когда ему лижут ботинки, и холодно посмотрел на портье.

— Вы так считаете? Сначала мне хотелось бы посмотреть на эту новую комнату. Может быть, она мне не понравится. Меня вполне устраивала прежняя.

— Конечно, конечно, эффенди,— человечек снова поклонился и показал рукой в сторону лифта.— К сожалению, в той комнате, где вы ночевали, испортился водопровод. Там работают сантехники, и нам пришлось отключить...

Лифт начал подниматься и голос затих.

«Ну что ж,— подумал Бонд,— с водой действительно было не все в порядке. В конце концов, почему не поселиться в самом лучшем номере?»

Портье распахнул высокую дверь и отступил.

Бонд вошел и оглянулся по сторонам. Несомненно, комната была отличной. Солнечный свет заливал ее через широкие двойные окна, выходящие на балкон. Стены были покрашены в розовые и белые цвета. Мебель, хотя и несколько поцарапанная, сохраняла элегантность начала века. На полу лежали роскошные бухарские ковры. С потолка, украшенного изысканной лепниной, свисала хрустальная люстра. Справа стояла поистине огромная кровать, а стену за ней украшало большое зеркало в позолоченной раме. Бонда это позабавило. Комната для новобрачных! Не хватало только зеркала на потолке. Просторная ванная, примыкающая к спальне, была оборудована буквально всем, включая биде и душ. Бритвенные принадлежности Бонда были аккуратно разложены на полочке над умывальником.

Бонд сказал, что номер ему нравится, и портье, угодливо кланяясь, исчез за дверью.

Действительно, почему бы и нет? Бонд снова обошел комнату. На этот раз он внимательно осмотрел стены и телефон. Кому придет в голову устанавливать здесь скрытые микрофоны или устраивать в стенах потайные двери? Какой в этом смысл?

Чемодан стоял на скамейке рядом с сервантом. Бонд наклонился. На замке и вокруг него не было видно ни единой царапины. Волосок, который он осторожно закрепил в пряжке замка, был на месте. Бонд достал ключ, открыл замок и вынул из чемодана маленький атташе-кейс. И здесь никаких следов назойливого любопытства. Он уложил кейс обратно в чемодан, запер его и выпрямился с чувством облегчения.

Бонд умылся холодной водой, вышел из комнаты и спустился по лестнице. Нет, для эффенди ничего не было. Никаких писем или телефонных звонков. Портье вышел вслед за Бондом на тротуар и с глубоким поклоном открыл перед ним дверцу «роллс-ройса». Какое-то заговорщицкое выражение на мгновение мелькнуло на его лице. Или Бонду показалось это? Он решил, что показалось. Да и какое это имеет значение? Так или иначе игра должна начаться, и если смена комнат была началом игры — тем лучше.

Автомобиль поехал вдоль улицы, ведущей к берегу Золотого Рога, и Бонд подумал о Дарко Кериме. Как же все-таки удачно выбран человек на пост начальника станции Т.! Уже один рост и широкие плечи выделяют его среди всех остальных в этой стране, низкорослых, маленьких людей, а любовь к жизни и бьющая через край энергия не могут не

располагать к нему окружающих. Но как удалось завербовать его в секретную службу? Откуда взялся этот хитрый жизнерадостный разбойник? Керим относился к той редкой категории людей, которые нравились Бонду с первого взгляда, и он был уже готов причислить его к своим друзьям. Другам, а не просто знакомым.

Автомобиль по широкому мосту пересек Босфор и остановился перед сводчатыми аркадами восточного базара. Шофер пригласил Бонда следовать за ним и повел его по истертым ступеням лестницы, ругательствами расчищая дорогу через толпу нищих и тяжело нагруженных носильщиков. Наконец он остановился и показал Бонду на небольшую арку в массивной стене.

— Эффенди, Керим-бей ждет вас в верхней комнате по левой стороне коридора. Назовите его имя, и вас проведут. Керим-бея знают все.

Бонд с благодарностью кивнул и начал подниматься по узкой крутой лестнице. Наверху, в небольшом вестибюле, его встретил официант и повел через лабиринт крошечных живописных комнаток. В одной из них Бонд увидел Керима, который сидел у окна, выходящего на центральную часть базара.

— Как раз вовремя, мой друг! — шумно приветствовал его Керим. — А сейчас немедленно стакан ракии! Вы устали, наверно, после поездок по Стамбулу?

Бонд опустился на стул, и официант тотчас поставил перед ним небольшой стакан с белой матовой жидкостью, в которой плавали кусочки льда. Бонд выпил жидкость, по вкусу походившую на узу. Официант тут же снова наполнил стакан.

— Что вы хотите на обед? У нас в Турции едят одни лишь отбросы, приготовленные на прогорклom оливковом масле. Но в Мизир Карсарси отбросы готовят, по крайней мере, лучше, чем в других ресторанах.

Улыбающийся официант что-то произнес по-турецки.

— Он говорит, что сегодня отличный кебаб. Я не верю ему, но не исключено, что это правда. Кстати, для справки: кебаб — это молодой барашек, жаренный на углях с пряным рисом и луком. Или вы хотите что-нибудь другое? Может, пилав? Или этот паршивый фаршированный перец, который жрут все? Отлично. Однако начнем с жареных сардин. Они вполне съедобны. — Керим повернулся к официанту, что-то скомандовал ему, откинувшись на спинку стула, и улыбнулся Бонду. — С этими турками только так и можно обращаться. Они любят, когда их ругают и дают пинки под

зад. Это им сразу понятно. А демократия прямо-таки убивает их. Им нужны султаны, войны, насилие и развлечения. Бедняг заставили носить европейские костюмы и колготки на голове вместо фесок. Ну ладно, хватит об этом. Есть что-нибудь новое?

Бонд покачал головой, потом рассказал о неожиданной смене комнат и о том, что чемодан остался нетронутым.

Керим покачал головой, опрокинул стакан и вытер губы.

— Когда-нибудь игра должна начаться,— произнес он, повторяя вслух мысли Бонда.— Я тоже кое-что предпринял. Теперь остается ждать. После обеда мы совершим набег на вражескую территорию. Это будет очень интересно. Не беспокойтесь, нас никто не увидит. Мы будем двигаться в темноте, под землей,— Керим заразительно расхохотался.— А теперь поговорим о чем-нибудь другом. Как вам понравилась Турция? Впрочем, не отвечайте, я и так знаю.

В этот момент появился официант. Жареные сардины оказались самыми обычными. Перед Керимом официант поставил большую тарелку с чем-то похожим на ломтики сырой рыбы. Керим заметил интерес Бонда.

— Это, действительно, сырая рыба. Сейчас мне принесут свежий салат, сырое мясо, а на десерт простоквашу. Не думайте, что у меня какой-то заскок в отношении пищи. Просто я в молодости был профессиональным силачом. Это очень популярное занятие в Турции, ведь здесь признают только сильных людей. Мой тренер настаивал, чтобы я ел одну сырую пищу. Это стало привычкой и понравилось мне. Но я не утверждаю, что такое питание подходит всем. Ешьте, что хотите, только с удовольствием.

— Почему же вы прервали свою прежнюю карьеру? И как попали к нам?

Керим подцепил вилкой ломтик сырой рыбы и разорвал его зубами.

— Ну что ж,— произнес он с улыбкой,— почему бы не поговорить обо мне, если нет иной темы? Только вкратце, потому что это длинная история. Если она вам наскучит, дайте знать. Согласны?

Бонд кивнул и закурил сигарету.

— Родом я из Трабзона. Вырос в огромной семье. У моего отца было много жен. Ни одна женщина не могла устоять перед ним. Женская психология такова: в глубине души каждой хочется, чтобы мужчина схватил ее, унес в пещеру и взял силой. Именно так относился к женщинам мой отец. Он был знаменитым рыбаком и прославил-

ся на все Черное море. Ловил он главным образом рыбу-меч. Ее трудно поймать, но отец всегда возвращался с большим уловом. Женщины любят, чтобы их мужчины были героями, а мой отец был героем в той части Турции, где живут сильные и смелые мужчины. Он любил женщин и не раз убивал из-за них соперников. Естественно, что у него было много детей. Мы жили в огромном полуразвалившемся доме, и многочисленные «тети» содержали его в порядке. По сути дела, все эти «тети» вместе — гарем моего отца.

Среди них была и английская гувернантка. Отец встретил ее в цирке, влюбился и тем же вечером увез в Трабзон на своем кайке. Думаю, что она не пожалела об этом. Отец стал для нее всем. Она умерла сразу после войны, шестидесятилетней. За год до моего рождения появился мальчик у итальянки. Он был блондином, и его называли Бьянко. Я был смуглым и черноволосым, и мне дали имя Дарко. У отца было пятнадцать детей, и наше детство было восхитительным. Мы часто ссорились друг с другом, да и наши «тети» не отставали от нас. Отец щедро отшествовал подзатыльники женщинам и детям, когда мы слишком уж шумели. Но когда в семье было тихо и мирно, он был очень добрым. Вам, наверное, трудно представить себе такую семью?

— Ну почему же? Вы рассказываете о ней с такой теплотой.

— Таким и было мое детство. Я вырос и стал похож на отца, разве что воспитание у меня лучше. Об этом позаботилась моя мать. Отец научил нас регулярно мыться и не стыдиться ничего на свете. Мать научила меня уважать Англию. К тому времени, когда мне исполнилось двадцать лет, у меня была уже своя рыбацкая лодка и я неплохо зарабатывал. Но из-за моего необузданного характера никто не мог найти на меня управу. Я ушел от семьи и поселился в двух маленьких комнатах на набережной. Мне не хотелось огорчать мать тем, что я часто вожу к себе женщин. И тут мне повезло. В горах, недалеко от Стамбула, я встретил цыган и украл у них бессарабскую девушку. Они погнались за мной, но мне удалось ускользнуть от них на лодке. Девушка отбивалась от меня, как сумасшедшая, и мне пришлось так ударить ее, что она потеряла сознание. Когда мы вернулись в Трабзон, она попыталась убить меня. Я раздел ее догола, спрятал одежду и приковал цепью к ножке стола. За ужином я бросал ей объедки — пусть поймет, кто хозяин. Но тут случилось непредвиденное. Моя мать пришла навестить меня, увидела девушку и устроила невероятный скандал. Она назвала меня жестоким негодяем, недостойным быть ее

сыном, и потребовала, чтобы я немедленно вернул девушку домой. Она привезла ей одежду, но, когда я освободил девушку, та отказалась покинуть меня.— Дарко Керим расхохотался.— Вот и пойми женщин. Пока моя мать занималась девушкой и получала от нее в благодарность одни ругательства, я встретился с отцом. Тогда к нему приехал высокий худой англичанин, один глаз которого был закрыт черной повязкой. Они говорили о русских. Англичанину были нужны сведения о том, что они предпринимают в своей пограничной зоне, в Батуми, и на их военно-морской базе, расположенной всего в пятидесяти милях от Трбзона. Он был готов хорошо заплатить за такие сведения. Я знал английский и русский. У меня было отличное зрение и такой же слух. Наконец, даже своя рыбацкая лодка. Отец решил, что я буду работать на англичанина. Этот англичанин, майор Дэнси, стал моим другом, предшественником на посту начальника станции Т. Остальное вам известно.— Керим вставил в мундштук сигарету.

— А как же подготовка к профессии силача?

— Это помогло мне, хотя стало всего лишь побочным делом. Наш странствующий цирк был единственной труппой турок, которую беспрепятственно пропускали через границу. Русские не могут жить без цирка. Я гнул рельсы, рвал цепи и поднимал тяжести. Часто мне приходилось бороться с местными силачами. Должен сказать вам, что некоторые грузины — настоящие гиганты. К счастью, они полагались только на свою силу, и я почти всегда одерживал верх. А потом начинался праздник, выносили вино, языки развешивались. Я притворялся дураком, делая вид, что не понимаю, о чем они говорят. Иногда я задавал невинные вопросы. Они смеялись над моей глупостью, но отвечали на них.

Принесли второе блюдо и с ним бутылку каваклидере — красного вина, похожего на бургундское, только с более резким букетом. Кебаб с перцем и разными специями понравился Бонду. Керим ел что-то вроде бифштекса по-татарски — огромный плоский гамбургер из тщательно перемолотого сырого мяса с чесноком и перцем, политый яйцом. Он предложил Бонду попробовать. Бифштекс тоже был удивительно вкусным.

— Его нужно есть каждый день,— серьезно посоветовал Керим.— Очень полезен для тех, кто часто занимается любовью. Для этого существуют также определенные упражнения. Это очень важно для мужчин, по крайней мере для меня. Подобно моему отцу, я потребляю женщин

в большом количестве. Но в отличие от него — я пью и курю, а это мешает любви, как и моя работа. Из-за слишком большого умственного напряжения кровь приливает к голове, а не к тем частям тела, которым она больше всего нужна. Но я жаден до жизни и часто перехожу разумные границы. Когда-нибудь сердце у меня неожиданно остановится. В него вцепится Железный Краб, как это случилось с моим отцом. Но я не боюсь Железного Краба. На моем памятнике напишут «ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМЕР ПОТОМУ, ЧТО СЛИШКОМ ЛЮБИЛ ЖИТЬ».

— Не торопись умирать, Дарко,— засмеялся Бонд.— Этим ты расстроишь М., который тебя очень ценит.

— Правда? — Керим внимательно посмотрел на Бонда. Убедился, что тот не шутит и весело улыбнулся.— В таком случае я не позволю Железному Крабу схватить меня.— Он взглянул на часы.— Пошли, Джеймс. Ты напомнил мне о моих обязанностях. У нас мало времени. Ежедневно в половине девятого русские собираются на свой совет. Сегодня мы с тобой окажем им честь и примем в нем участие.

Глава 16

КРЫСИНЫЙ ТУННЕЛЬ

Когда они вернулись в кабинет Керима, он открыл стеновой шкаф и достал оттуда два синих рабочих комбинезона. Керим разделся, натянул на себя комбинезон и надел высокие резиновые сапоги. Бонд последовал его примеру.

Пока они одевались, старший клерк принес чашечки с кофе и два мощных электрических фонаря, которые он положил на стол.

— Это один из моих сыновей. Самый старший,— заметил Керим, когда клерк вышел из кабинета.— Те, что сидят в зале, тоже мои дети. Шофер и охранник — братья отца. Кровные узы — лучшая гарантия преданности. А компания, торгующая восточными пряностями,— великолепная крыша. Между прочим, М. помог мне основать ее. Он поговорил со своими знакомыми в лондонском Сити, и те ссудили меня деньгами на очень выгодных условиях — почти без процентов. Теперь я превратился в главного торговца специями на Ближнем Востоке. Долги уже давно оплачены. Мои дети — акционеры компании. Им уже не приходится экономить. Если требуется провести какую-то тайную операцию, я выбираю того, кто лучше всех для этого

подготовлен. Каждый из них обучен одной из разведывательных специальностей. Все они — смелые и умные. Некоторым уже приходилось убивать противников. Они готовы умереть за меня — и за М. Я воспитал их в духе бесприкословного повиновения М., и они считают, что его место — где-то чуть ниже господ бога, — Керим махнул рукой, будто извиняясь. — Мне хотелось сказать, чтобы ты ни о чем не беспокоился. Ты в надежных руках.

— Я в этом не сомневался.

— Ха! — с сомнением покачал головой Керим. Он взял один из фонарей и передал его Бонду. — А теперь за работу.

Керим подошел к широкому книжному шкафу и сунул руку за стенку. Раздался щелчок, массивный шкаф плавно откатился влево, открыв маленькую дверь. Керим на что-то нажал, дверь распахнулась, Бонд увидел темный туннель с каменными ступенями, ведущими вниз. Из темноты в комнату ворвался сырой промозглый воздух.

— Ты иди первым, — сказал Керим. — Спускайся по ступенькам и обожди меня внизу. Я должен закрыть дверь.

Бонд включил фонарь, наклонился, вошел в дверной проем и начал осторожно спускаться. Прыгающий свет фонаря выхватывал из темноты кирпичную кладку. Где-то внизу, футах в двадцати, луч осветил поверхность воды. Спустившись, Бонд увидел, что по дну древнего туннеля, круто заворачивающего направо, течет узкий поток воды. Бонд решил, что, судя по всему, туннель идет к Золотому Рогу.

В темноте, куда не доставал луч фонаря, слышался какой-то шорох. Он разглядел: в двадцати ярдах от Бонда сидели и перебегали от стены к стене тысячи крыс. Их беспокоил незнакомый запах, в глазах сверкали красные огоньки. Бонд представил себе, как седые крысиные усы поднимаются над острыми желтыми зубами, и на мгновение с ужасом подумал о том, что с ним будет, если фонарь вдруг погаснет. Рядом послышались шаги Керима.

— Нам придется идти вверх не меньше четверти часа. Надеюсь, ты любишь животных, — эхо его хохота разнеслось по туннелю. — К сожалению, у нас нет выбора. Здесь полно крыс и летучих мышей. Целые дивизии. Точнее, армия и военно-воздушные силы. И мы будем гнать их перед собой. В конце туннеля нам всем будет очень тесно. Ну, пошли. По крайней мере, здесь не приходится беспокоиться о воздухе, потому что он чистый. Видишь, по дну туннеля течет всего небольшой ручеек, а вот зимой здесь настоящая река, и приходится пользоваться легким водо-

лазным костюмом. Направь свет фонаря себе под ноги. Если в волосах запутается летучая мышь, смахни ее. Впрочем, такое бывает редко — у них великолепные радиолокаторы.

Они медленно двинулись вверх. Вонь и сырость становились все сильнее. Бонд подумал, что вряд ли ему удастся быстро избавиться от этого запаха, когда они вернутся обратно.

С потолка туннеля свисали летучие мыши, похожие на связки высохшего винограда. Время от времени, когда головы Керима или Бонда касались их, летучие мыши оживали и с писком улетали в темноту. По мере того как они продвигались вперед, лес красных точек становился все гуще. Иногда Керим поднимал свой фонарь, и перед ними открывалось отвратительное зрелище: сплошное серое движущееся поле мерзких животных со сверкающими зубами и поблескивающими в электрическом свете усами. Когда на крыс падал яркий свет фонаря, их охватывало какое-то безумие. Они в панике карабкались друг другу на спины, чтобы побыстрее скрыться в темноте. Тысячи серых тел сбивались во все более плотную массу, а последние их ряды становились все ближе и ближе к людям.

Прошло минут пятнадцать, они достигли наконец своей цели. В стене туннеля была вырыта глубокая ниша, облицованная свежей кирпичной кладкой. С потолка ниши свисал какой-то массивный предмет, тщательно завернутый в брезент. Слева и справа от него Бонд увидел скамейки.

Они вошли в нишу. Еще несколько ярдов, подумал Бонд, и обезумевшая крысиная орда, плотно сбившаяся в тупике туннеля, повернулась бы и кинулась на них несмотря на пугающий запах и два ослепительно горящих глаза.

— Смотри внимательно, — сказал Керим.

В туннеле наступила тишина. Крысиный писк прекратился как по команде. Внезапно мимо ниши понеслась серая волна крысиных тел. С визгом, в панике кусая друг друга, крысы промчались мимо и исчезли в темноте.

Керим с сожалением покачал головой.

— Наступит время, когда эти крысы начнут умирать. Тогда в Стамбул снова придет чума. Иногда меня охватывает чувство вины из-за того, что я скрыл от городских властей существование этого туннеля, который давно надо было бы вычистить. Но пока русские остаются здесь, в доме над нами, я не могу сделать этого. — Он посмотрел на часы. — До начала еще пять минут. Сейчас они рассаживаются и просматривают бумаги. За столом будут трое постоянно работающих в Турции — двое из МГБ и один пред-

ставитель ГРУ, армейской разведки. С ними еще трое. Двое из них приехали две недели назад — один из Греции, второй из Персии. Третий прибыл в понедельник. Цель их приезда мне неизвестна. Иногда в комнату приходит эта девушка — Татьяна — с шифровкой, кладет ее на стол и снова уходит. Надеюсь, сегодня она тоже заглянет. Ты будешь поражен. Она настоящая красавица.

Керим снял тесьму, обвязанную поверх брезента, и убрал его. Бонд понял, что за предмет скрывался под брезентом. Конечно же перископ подводной лодки... Капли воды поблескивали на густой смазке.

— Где ты его раздобыл, Дарко? — засмеялся Бонд.

— Купил на военном складе, — коротко ответил Керим. — Сейчас технический отдел в Лондоне пытается как-нибудь прикрепить микрофон с объективу наверху. Это совсем не просто. Верхняя линза размером не больше зажигалки, и, когда я поднимаю перископ, объектив находится на уровне пола. В углу комнаты мы вырезали маленькое отверстие. Очень похоже на мышиную работу. И я однажды поднял перископ, заглянул в окуляр и увидел прямо перед собой мышеловку с кусочками сыра, — Керим засмеялся. — Уж не знаю, удастся ли нашим кудесникам найти место для чувствительного микрофона. Снова проникнуть в дом под видом ремонта мы уже не сумеем. Мне удалось установить этот перископ после того, как я уговорил моих знакомых в министерстве общественных работ выселить русских из этого дома на несколько дней. Мы объяснили им, что трамваи, проходящие по этой улице, сотрясают грунт и расшатывают основания близлежащих домов. Необходимо, мол, провести геологическое обследование. Это обошлось мне в несколько сот фунтов, которые я переложил из своего кармана в чужие. Инспектора министерства общественных работ обследовали с полдюжины домов по обеим сторонам улицы и заявили, что беспокойство оказалось напрасным. К этому времени я со своей семейкой успел сделать все необходимое. Но русские сразу почуяли неладное. По-видимому, они обшарили весь дом, каждый квадратный сантиметр — искали микрофоны, бомбы и тому подобное. Жаль, что нельзя проделать такой фокус еще раз. Если только технический отдел не придумает что-то невероятно хитрое, мне придется ограничиться одним наблюдением за ними. Когда-нибудь удастся заметить что-нибудь очень важное. Например, они будут допрашивать человека, вызывающего у нас интерес, или что-то вроде этого.

Неожиданно Бонд заметил под самой крышей рядом с объективом перископа какую-то огромную выпуклую полусферу.

— А это что? — спросил он, указывая вверх.

— Нижняя половина мины. Мощной мины. Если со мной что-нибудь случится или начнется война, она будет взорвана подрывной машинкой из моего кабинета. Очень грустно, — Керим совсем не выглядел грустным, — что при взрыве погибнет немало невинных людей. Но тут ничего не поделаешь. Когда закипает кровь, люди, как и природа, не выбирают своих жертв.

Керим достал мягкую тряпку и тщательно протер окуляры перископа, расположенные между двумя ручками управления в его торцевой части. Затем взглянул на часы, наклонился, взялся за ручки и медленно поднял основание перископа на уровень глаз. Труба перископа с шипением начала подниматься вверх и исчезла в потолке. Керим заглянул в окуляры, отрегулировал резкость и медленно повернул перископ.

— Как я и говорил, — шестеро, — произнес он и пригласил Бонда посмотреть.

Бонд сделал шал вперед и взялся за ручки перископа.

— Смотри на них повнимательнее, — услышал он шепот Керима. — Мне их лица хорошо знакомы, но тебе нужно запомнить их. В торцевой части стола сидит резидент. Слева от него — два заместителя. Напротив сидят трое, которые приехали недавно. Тот, кто приехал последним, сидит рядом с резидентом. Судя по всему, он занимает высокое положение в иерархии МГБ. Если заметишь что-нибудь необычное, скажи.

Бонд наклонился и заглянул в окуляры. Ему тут же захотелось попросить Керима, чтобы он говорил еще тише. Оптика была такой хорошей, а резкость настолько высокой, что ему показалось, будто он находится в комнате вместе с русскими и сидит в углу — словно секретарь, стенографирующий выступления участников совещания.

Широкоугольный объектив, рассчитанный на слежение не только за поверхностью моря, но и за воздухом, развернул перед Бондом необычную панораму — лес ног под столом и несколько голов владельцев этих ног. Он отчетливо видел лица резидента и его заместителей. Типичные бесстрастные лица. Резидент походил на профессора — массивные очки, широкий подбородок и глубокая залысина. Рядом, слева от него, сидел коренастый мужчина с квад-

ратным тупым лицом, морщинами по обеим сторонам рта, светлыми коротко остриженными волосами и рассеченной мочкой уха. Третий сотрудник резидентуры был худым, с хитрым армянским лицом и умными миндалевидными глазами. Он говорил о чем-то, фальшиво улыбаясь.

Лица вновь приехавших почти не были видны. Они сидели спиной к Бонду, и он отчетливо видел только профиль самого молодого из них, который был ближе остальных к их наблюдательному пункту. Смуглая кожа — судя по всему, он тоже родился в одной из южных республик, — скулы плохо выбриты, мясистый, покрытый крупными порами нос. Верхняя губа нависала над мрачным ртом и началом двойного подбородка. Жесткие черные волосы пострижены очень коротко. Скорее всего, военная стрижка... На толстой шее — большой воспаленный фурункул. Синий костюм, коричневые туфли. Он сидел за столом неподвижно и ни разу не произнес ни единого слова.

Старший из приехавших, сидевший рядом с резидентом, откинулся на спинку стула и заговорил. Теперь, когда он отодвинулся назад, Бонд видел его лицо — волевое, будто высеченное из камня, с выдающимся вперед подбородком и усами, как у Сталина. На стороне лица, обращенной к Бонду, он увидел серый холодный глаз, почти закрытый мохнатой бровью, и низкий лоб с нависающими над ним седеющими волосами. Он был единственным курильщиком среди присутствующих и то и дело затягивался. В маленькую трубку была вертикально вставлена половина сигареты. Время от времени он вынимал трубку изо рта и стряхивал пепел на пол. У него было лицо человека, привыкшего командовать, и Бонд решил, что в Москве он занимает довольно высокий пост.

Глаза начали слезиться от напряжения. Бонд нажал на ручки и медленно повернул перископ, пытаясь осмотреть комнату, насколько это позволяли края вырезанного в плинтусе отверстия. Ничего интересного — два металлических шкафа для документов, вешалка у двери, на которой висели более или менее похожие плащи и шляпы, сервант, где стоит графин с водой. Бонд выпрямился и отошел от перископа, потирая глаза.

— Если бы мы могли слышать, о чем они говорят! — с досадой покачал головой Керим. — Такие сведения ценились бы на вес золота!

— Действительно, это было бы весьма полезно, — согласился Бонд. — Между прочим, Дарко, как ты нашел этот туннель? И вообще, что это за туннель?

Керим наклонился, заглянул в окуляры и снова выпрямился.

— Это утерянный сток из Колонного Зала,— пояснил он.— Сам Колонный Зал — одно из достопримечательных мест Стамбула, и туда возят туристов. Он расположен над нами, на холмах города, рядом со Святой Софией. Его построили тысячу лет тому назад на случай осады. Это гигантский подземный резервуар ярдов сто длиной и пятьдесят шириной. Там можно хранить миллионы галлонов воды. Лет четыреста назад его снова открыл человек по имени Гиллес. Однажды мне попалось описание этого резервуара, сделанное им. Там говорилось, что зимой резервуар наполнялся «через огромную трубу, и вода вливалась с мощным ревом». Мне пришло в голову, что где-то должна быть «огромная труба», через которую можно очень быстро опорожнить резервуар, если враги захватывали город. Я отправился в Колонный Зал, подкупил сторожа и однажды ночью в резиновой лодке с одним из моих парней проплыл вдоль стен резервуара, постукивая их молотком и прислушиваясь к эху. В одном месте, которое показалось мне наиболее многообещающим, мы обнаружили за стеной пустоту. Я снова обратился к своим друзьям в министерстве общественных работ, и Колонный Зал закрыли на неделю — для очистки. Нам пришлось немало потрудиться.— Керим снова наклонился и заглянул в окуляры.— Мы пробили стену над уровнем воды и обнаружили древнюю арку туннеля, спустились в него, пошли вниз. Это было очень интересно, Джеймс! Ведь мы не знали, куда он приведет нас. Туннель шел прямо вниз, по уклону холма, под Книжной улицей, где находится русское консульство, и дальше к Золотому Рогу, недалеко от Галата Бридж. Значит, в двадцати ярдах от моего склада. Потом мы вернулись обратно, заложили сделанный нами пролом в стене и принялись копать со своего конца. Это было два года назад. Понадобился целый год работы и тщательные геодезические изыскания, чтобы выйти прямо под русским консульством,— Керим засмеялся.— Наступит время, когда русские захотят переехать в другое здание. Надеюсь, что к этому времени во главе станции Т. будет уже кто-то другой.

Керим наклонился и заглянул в окуляры. Бонд увидел, что его пальцы, сжимающие ручки перископа, замерли.

— Открывается дверь,— произнес он.— Быстрее становись к перископу! Это она...

ПЕРЕДЫШКА

Было уже семь вечера, когда Бонд вернулся к себе в гостиницу. Он принял горячую ванну, холодный душ, и теперь ему казалось, что он наконец сумел избавиться от вони и запаха сырости.

Джеймс Бонд сидел в одних трусах у окна комнаты, держа в руке стакан с коктейлем — как всегда, это были водка и тоник, — и смотрел на фантастический закат над Золотым Рогом. Но глаза его не видели игры перемежающихся цветов крови и золота на горизонте, рассеченном копьями минаретов и плавными очертаниями мечетей.

Он думал о высокой прелестной девушке, походкой балерины вошедшей в комнату с листом бумаги в руке. Она остановилась рядом с резидентом и передала ему документ. Находящиеся в комнате как по команде повернулись в ее сторону и уставились на нее. Татьяна покраснела и опустила глаза. Что выражали взгляды мужчин? Это совсем не походило на восхищение, с каким они обычно смотрят на прелестную молодую девушку. Нет, в их взглядах было любопытство, впрочем, легко объяснимое: хотелось узнать, что написано в шифровке, из-за которой прервано совещание. И все же это было брезгливое любопытство: они смотрели на девушку с плохо скрытым отвращением и презрением — как на проститутку.

Бонд не мог этого понять. За столом сидели шесть офицеров, представляющих полувоенную организацию, скованную строжайшей дисциплиной, организацию, в которой каждый опасался каждого. Девушка была одной из них и выполняла свои обычные обязанности. Тогда почему все без исключения смотрели на нее с таким откровенным презрением — как будто она была шпионкой, которую раскрыли и теперь готовятся наказать? Неужели ее заподозрили? Может быть, она чем-то выдала себя? Однако по мере того, как действие разворачивалось дальше, Бонд понял, что ошибся. Резидент прочитал шифровку, и взгляды сидящих за столом обратились в его сторону. Он что-то сказал. Наверное, сообщил текст полученного документа. Затем резидент посмотрел на девушку. Остальные тоже повернулись к ней. Выражение лица резидента было более дружеским. Девушка покачала головой и кратко ответила. Резидент еще о чем-то спросил ее. Она снова покраснела и кивнула, не поднимая глаз. Сидящие вокруг стола улыкну-

лись — может быть, несколько двусмысленно, но с очевидным одобрением. «Нет, — подумал Джеймс Бонд, — ее ни в чем не подозревают». В заключение резидент произнес несколько слов, девушка ответила и, повернувшись, вышла из комнаты. Когда за ней закрылась дверь, резидент что-то сказал, обращаясь к остальным. Те засмеялись с таким выражением на лицах, будто он рассказал им какой-то неприличный анекдот. Затем продолжили разговор.

Все время, пока Бонд шел обратно по туннелю, и потом, в кабинете Керима, когда Бонд рассказал ему об увиденном, он ломал себе голову, пытаясь понять ситуацию, в которой находилась Татьяна, но фактов для анализа почти не было.

...Татьяна Романова. Одна из Романовых. Да, она действительно походила на русскую принцессу — высокая, стройная, с поразительной грацией. Густые волосы падают на плечи. Прелестное лицо юной Греты Гарбо смотрит на мир с удивительно застенчивой безмятежностью. Поразительный контраст между невинным взглядом больших синих глаз и страстным обещанием красиво очерченных полных губ. А как она покраснела, как опустились длинные ресницы! Может быть, это стыдливость девственницы? Вряд ли. Во всей ее фигуре, высокой груди, в движениях бедер чувствовалась уверенность женщины, знающей о своей привлекательности.

Могла эта девушка влюбиться в его фотографию? Бонд не мог дать ответ на этот вопрос. Кто знает? Такая девушка способна на романтическое увлечение. Она наверняка мечтательна, и безжалостная машина МГБ, требующая безусловного повиновения, еще не успела выжечь человеческие чувства из ее души, а кровь Романовых побуждает стремиться к чему-то новому, не похожему на серых и скучных мужчин, окружающих ее.

Не исключено, что эта девушка говорила правду. По крайней мере, Бонду этого очень хотелось.

Зазвонил телефон.

— Ничего нового? — спросил Керим.

— Ничего.

— Тогда я приеду за тобой в восемь.

— Буду ждать.

Бонд положил трубку и начал медленно одеваться.

Да, Керим был непреклонен. Он знал, что Бонду хотелось остаться в гостинице, в своей комнате, — на случай, если девушка захочет дать знать о себе. Когда он сказал об этом Кериму, тот возразил. Татьяна твердо заявила,

что сама найдет Бонда, сказал он. Было бы ошибкой проявить нетерпение.

— Это психологически неверно, — убеждал он Бонда. — Женщины не любят, когда мужчины бегут к ним по мановению пальца. Татьяна будет презирать тебя, если ты окажешься слишком доступным. По твоей фотографии и досье у нее создалось впечатление, что твое поведение по отношению к ней будет подчеркнуто небрежным. Именно этого она и будет ждать. Ей хочется заставить тебя полюбить ее, — Керим подмигнул Бонду, — сорвать поцелуй с этих жестоких губ. Она влюбилась в твой образ. Постарайся оправдать его.

— Ну хорошо, Дарко, — пожал плечами Бонд. — Наверное, ты прав. Что ты предлагаешь?

— Продолжай жить, как ты жил раньше. Отправляйся в гостиницу, прими душ, выпей пару коктейлей — местная водка вполне прилична, если пить ее с тоником. Если ничего не произойдет, я приеду за тобой в восемь. Мы отправимся на ужин к моему другу-цыгану. Его зовут Вавра. Он — вождь местного племени цыган. Мне все равно нужно повидаться с ним сегодня вечером. Он — один из лучших моих агентов, и я поручил ему выяснить, кто прикрепил бомбу к стене моего кабинета. Юные цыганки будут увеселять нас танцами. Более интимных развлечений я бы тебе не рекомендовал. Тебе следует, так сказать, держать меч наготове.

Бонд улыбнулся, вспомнив разговор с Керимом, и в это мгновение зазвонил телефон: автомобиль прибыл и ждет его у подъезда.

Спускаясь по лестнице, Бонд почувствовал, что разочарован: ему хотелось, чтобы это был звонок Татьяны.

«Роллс-ройс» переехал узкую улицу в районе городских трущоб, когда шофер обернулся и что-то сказал Кериму.

Керим коротко ответил и пояснил Бонду:

— Он говорит, что у нас на хвосте сидит «ламбретта». Это один из «незаметных». Впрочем, неважно. Когда мне нужно, я легко отрываюсь от наблюдения. Нередко они часами ездят за автомобилем, где на заднем сиденье вместо меня находится манекен. Автомобиль, бросающийся в глаза, иногда очень полезен. Им известно, что этот цыган — мой друг, хотя они и не знают почему. Пусть думают, что мы решили поразвлечься сегодня вечером. В субботу, встретив англичанина, прилетевшего из Лондона, такое покажется им вполне естественным.

Бонд повернул голову и посмотрел назад. Из-за трамвая, стоящего на остановке, показался мотороллер и тут же скрылся за такси. Бонд подумал о том, что русские ведут разведывательную работу со своими огромными возможностями и неограниченными средствами, тогда как им противостоит секретная служба — всего лишь горсточка низкооплачиваемых, но преданных своему делу людей вроде Керима с его семьей и подержанным «роллс-ройсом». И все-таки именно Керим обладает непререкаемым авторитетом в Турции и пользуется всеобщим уважением. Наверное, решил Бонд, хорошие кадры лучше большой и неплохо налаженной машины.

В половине девятого машина остановилась на склоне холма где-то в предместье Стамбула, у входа в скромное кафе на открытом воздухе. Позади кафе виднелись высокая каменная стена и верхушки деревьев. Они вышли на тротуар, и машина тут же уехала. Бонд ждал, что сейчас появится «ламбретта». Но он услышал, как осиный шум ее мотора стихает, исчезает где-то совсем вдалеке. Он успел только заметить, что за рулем сидел невысокий коренастый мужчина в защитных очках, закрывающих почти все лицо.

Керим пошел вперед, между столов, стоящих на тротуаре, и распахнул дверь. Внутри кафе было пустым и темным, но навстречу им тут же шагнул человек, держащий руку за спиной. Разглядев их, он нервно улыбнулся, толстый железный прут с лязгом упал на каменный пол. Мужчина дал знак следовать за ним, подошел к массивной двери в стене, постучал и отпер замок. Затем жестом пригласил их войти.

За стеной простирался обширный сад с деревянными столами под кронами деревьев. В центре находился круглый помост для выступлений. За самым длинным столом, поодаль, сидело примерно двадцать человек самого разного возраста. Они ели, но, когда калитка в стене отворилась, все положили ножи на стол и повернулись в сторону пришедших. Дети, которые играли на траве возле стола, тоже замерли. Полная луна ярко освещала сад, и деревья отбрасывали на траву резкие тени.

Керим и Бонд направились к столу. Мужчина, сидевший во главе его, что-то коротко сказал остальным, встал и пошел навстречу Кериму. Сидящие за столом снова принялись за еду, а дети продолжили игру.

Мужчина остановился в нескольких шагах от Керима, сдержанно поздоровался с ним и начал что-то объяснять.

Керим внимательно слушал его, время от времени задавая вопросы.

Цыган выглядел очень представительно в своей театральной одежде македонца — белой рубашке с длинными рукавами, шароварах и высоких ботинках из мягкой кожи, зашнурованных до самых колен. Его голову покрывала шапка спутанных кудрявых волос. Пышные, опускающиеся вниз усы почти закрывали полные красные губы. Холодные жестокие глаза, горбатый нос, изъеденный сифилисом. Правая рука с золотым кольцом на большом пальце покоилась на рукоятке изогнутого кинжала, серебряные ножны были украшены филигранной работой.

Цыган замолчал. Керим произнес несколько слов решительным и, по-видимому, одобрительным тоном. Затем показал в сторону Бонда, и цыган подошел к нему. Какое-то время он внимательно вглядывался в гостя, затем неожиданно поклонился. Бонд последовал его примеру. Цыган мрачно улыбнулся и бросил Кериму несколько слов.

— Он говорит, что если тебе понадобится работа, он возьмет тебя к себе, — засмеялся Керим. — Ты будешь умирять его женщин и убивать врагов. Для чужестранца это неслыханный комплимент. Скажи что-нибудь в ответ, Джеймс.

— Передай ему, что в этих делах ему вряд ли понадобится моя помощь.

Керим перевел слова Бонда. На лице цыгана появилась вежливая улыбка, он что-то произнес, повернулся и направился обратно к столу, резко хлопнув в ладоши. Откуда-то появились две женщины и подошли к нему. Цыган распорядился о чем-то. Женщины подошли к столу, взяли пустую глиняную миску и исчезли за деревьями.

Керим отвел Бонда в сторону.

— Мы пришли сюда в очень неудачное время, — сказал он. — Ресторан закрыт. В семье сейчас большие неприятности, которые родственники хотели бы уладить как можно быстрее в узком семейном кругу. Но я его старый и близкий друг, так что нас пригласили разделить трапезу. Приготовься, что пища будет отвратительной, но я послал за несколькими бутылками ракии. Затем нам позволят остаться, но при одном условии — что бы здесь ни произошло, мы не должны вмешиваться в события ни при каких обстоятельствах. Надеюсь, ты понимаешь меня? — Керим сильно сжал локоть Бонда. — Что бы ни произошло, ты не должен двигаться или делать замечания. Совет племени только что принял решение по спорному вопросу, и сейчас

восторжествует справедливость. Их справедливость. А речь идет о любви и ревности. Две молодые цыганки влюбились в одного из сыновей главы племени. Обе поклялись: если он выберет одну из них, вторая убьет и сына вождя, и свою соперницу. Положение безвыходное, и совет долго обсуждал проблему. Принято такое решение: юношу отослали в горы, а девушки будут драться друг с другом насмерть. Сын вождя возьмет в жены победительницу. Сейчас обе девушки заперты в отдельных комнатах. Зрелище — не для слабонервных. Нам оказана редкая честь: ведь мы для них чужаки. Итак, ты даешь слово, что забудешь правила хорошего тона? Если тебе вдруг придет в голову вмешаться, они убьют тебя и, возможно, меня тоже.

— Дарко,— сказал Бонд,— я не подведу тебя. Когда мужчина дерется с женщиной — это одно дело, но когда женщины дерутся между собой — совершенно другое. Но ведь ты хотел спросить его, кто подложил бомбу к стене твоего кабинета?

— Да, он сказал мне. Руководитель банды «незаметных». Причем сделал это своими руками. Они подплыли на лодке со стороны Золотого Рога, приставили лестницу, он поднялся по ней и прикрепил заряд к стене. Это была тщательно продуманная операция, и она удалась бы, но им просто не повезло. Этого человека зовут Криленку, он один из беженцев из Болгарии, местный гангстер. Мне придется свести с ним счеты. Не знаю, почему им вдруг понадобилось убивать меня, но я, естественно, не могу жить в ожидании смерти каждую минуту. Может быть, я займусь этим сегодня ночью. Мне известно, где живет Криленку. И я уже принял меры — на случай, если Вавра сообщит мне имя того, кто покушался на меня: я распорядился, чтобы шофер привез необходимое снаряжение, когда придет за нами.

К ним подошла прекрасная молодая девушка, дикая и свирепая красота которой удивительно гармонировала с этим племенем, обычаями, и низко поклонилась. При этом у нее на груди зазвенели многочисленные мониста из сотен золотых монет. Она что-то сказала, и Керим ответил.

— Нас приглашают к столу,— пояснил Керим.— Надеюсь, ты умеешь есть пальцами. Обрати внимание, все одеты сегодня очень нарядно. Эта девушка заслуживает того, чтобы на ней жениться. Она вся увешана золотом. Это ее приданое.

Они подошли к столу. Для них были приготовлены места — справа и слева от главы цыганского племени.

Керим поприветствовал сидящих за столом. Мужчины вежливо кивнули. Керим и Бонд сели. Перед ними была поставлена большая глиняная миска с едой — что-то похожее на рагу, только сильно пахнущее чесноком, бутылка ракии, кувшин воды и дешевые бокалы. В середине стола стояло еще несколько бутылок. Когда Керим протянул руку и налил себе половину бокала, все последовали его примеру. Керим разбавил ракию водой и поднял бокал. Бонд поступил так же. Керим произнес короткий выразительный тост и выпил вместе со всеми. Атмосфера за столом стала более дружеской. Бонду передали длинный каравай хлеба. Он с благодарностью кивнул, отломил кусок и передал каравай Кериму. Керим взял хлеб, положил его на стол, пальцами выловил из миски большой кусок мяса и принялся жевать.

Бонд приготовился последовать его примеру и уже почти запустил в миску большой и указательный пальцы левой руки, как был остановлен резким замечанием Керима:

— Ешь только правой рукой, Джеймс! Левая рука у цыган служит для иной цели.

Рука Бонда повисла в воздухе, но, тут же изменив направление ее движения, он взял бутылку с ракией, налил себе еще половину бокала и принялся есть правой рукой. Рагу было поразительно вкусным, но очень горячим и всякий раз обжигало кожу пальцев. Бонд морщился. Сидящие за столом следили, как едят Керим и Бонд. Время от времени старуха, которая оказывалась рядом, окунала свои пальцы в миску Бонда, вылавливала оттуда особенно вкусный кусок и предлагала ему.

Когда миски опустели, для Керима и Бонда был поставлен серебряный таз с водой, в которой плавали лепестки роз. Рядом — чистое полотняное полотенце. Бонд вымыл пальцы и сальный подбородок, повернулся к главе племени и произнес короткую благодарственную речь. Керим перевел ее. За столом послышался гул одобрения. Глава цыганского племени наклонился к Бонду и сказал (переводил Керим), что он ненавидит всех чужаков, за исключением Бонда, которого считает своим другом. Затем он резко хлопнул в ладоши. Все встали, подняли стулья и скамейки, на которых сидели, и принялись расставлять их вокруг танцевальной площадки. Керим подошел к Бонду.

— Ты не забыл, о чем мы говорили с тобой? Сейчас приведут девушек.

Бонд кивнул. Он наслаждался красотой вечера. Окружающая его экзотика была поразительна — полная луна, плывущая в безоблачном небе, ярко освещала темные фи-

гуры цыган, расположившихся вокруг площадки. Лунный свет отражался от золотых монет на груди девушек, падал на темный круг помоста, на черные силуэты деревьев, охраняющих, подобно часовым, это ночное пиршество.

Керим подвел Бонда к скамейке, которую занимал только глава племени. Они сели справа от него.

Черный кот со сверкающими зелеными глазами не спеша пересек помост, прыгнул к детям, сидящим на противоположной его стороне, с достоинством сел и начал лизать себе грудь.

Где-то за высокой стеной раздалось ржание лошади, издалека донесся серебряный звон велосипедного звонка.

Тишину нарушил звук отодвинутого засова. Дверь распахнулась, и две девушки, сцепившиеся друг в друга как разъяренные кошки, клубком выкатились в сад.

Глава 18

СИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Голос главы племени прозвучал подобно удару кнута. Девушки неохотно отошли друг от друга и повернулись к нему. Цыган заговорил резким тоном, будто обвиняя их в чем-то.

— Вавра говорит им, — прошептал Керим, прикрыв рот ладонью, — что они принесли раздор в их дружное цыганское племя, что ненависти среди соплеменников не должно быть и ненавидеть нужно только окружающий мир. Они должны искупить свою вину, чтобы племя снова стало дружным, и потому они будут драться друг с другом. Смерть одной из них унесет с собой рознь, но если побежденная все же уцелеет, она будет изгнана из племени. Это равносильно смерти. Вне племени цыгане не могут выжить. Для одинокого цыгана весь огромный мир — это тюрьма. Все равно, что посадить дикого зверя в клетку.

Слушая перевод Керима, Бонд разглядывал прекрасных диких девушек, стоящих в центре помоста и мрачно смотрящих вниз под ноги.

Обе были смуглыми, с жесткими черными волосами, падающими на плечи. Одеты в лохмотья. Одна — выше, крупнее и на вид явно сильнее соперницы. Но Бонд подумал, что вряд ли она сможет двигаться достаточно быстро. Девушка отличалась хищной красотой львицы, в глазах у нее

горел красный огонь ненависти. Да, пожалуй, она все же одержит верх...

Если первая девушка напредила Бонду львицу, то вторая скорее походила на пантеру — гибкая и быстрая, с хитрыми живыми глазами. Она то и дело оглядывалась по сторонам, готовясь к схватке. Пальцы рук были согнуты, как когти, на стройных ногах играли мышцы, сильные, как у мужчины. В отличие от полной, высокой груди первой девушки, ее груди были едва заметны под разорванным платьем. «Это действительно опасная сука, — решил Бонд. — Именно она нанесет первый удар».

И ошибся. Как только Вавра закончил говорить, высокая девушка (Керим прошептал, что ее имя Зора) резко ударила ногой в живот соперницы, и, когда та, сделав шаг назад, согнулась, Зора, сильно размахнувшись, ударила ее в висок. Девушка рухнула на пол.

— Ой, Вида! — донесся из толпы жалобный возглас. Женщине, которая вскрикнула, не следовало беспокоиться. Даже Бонду было понятно, что Вида, лежащая на полу, притворяется побежденной. Он видел, как сверкнули ее глаза, когда Зора замахнулась ногой, чтобы ударить ее по ребрам, как схватила она эту ногу и быстрым змеиным движением головы ударила Зору в колено. Зора вскрикнула от боли и попыталась вырваться, но было уже поздно. Лежащая успела вскочить на ноги, не отпуская ноги Зоры, затем так резко повернула ее, что Зора с грохотом упала на пол.

Помост содрогнулся под тяжестью ее тела. Не давая ни на секунду опомниться оглушенной падением Зоре, Вида с животным криком бросилась на нее, царапаясь и кусаясь.

«Боже мой, — промелькнуло в голове Бонда, — она будто сошла с ума». Он услышал, как Керим, сидящий рядом, хрипло вздохнул.

Но высокая девушка смогла защититься локтями и коленями и отбросить Виду в сторону. Пошатываясь, она встала на ноги и наклонилась, вытянув руки вперед и оскалив зубы. Лохмотья слетели с ее тела, обнажилась великодушная грудь. Через минуту она бросилась в атаку. В последнее мгновение Вида удалось увернуться, и пальцы Зоры захватили только ее платье и разорвали его до пояса. Теперь шаг вперед сделала Вида, ее кулаки и ноги без устали наносили удары по телу высокой девушки.

Через несколько секунд стало ясно, что тактика ближнего боя оказалась ошибкой для Виды. Сильными руками Зора прижала руки соперницы к бокам: теперь она была

скована сильными объятиями. Высокая девушка теперь уж точно одержит победу... Ей нужно было только повалить Вида на пол, так, чтобы та ударилась головой, и Зора может делать с ней все, что хочет. Но внезапно раздался пронзительный крик. Бонд видел голову Виды, тесно прижатую к груди Зоры, и то, как яростно она впилась зубами в эту грудь.

Зора оттолкнула от себя маленькую девушку. Теперь они снова стояли друг против друга, потные и тяжело дышащие. По левой груди Зоры стекала струйка крови. Теперь уже обе были почти голые.

У Бонда захватило дыхание при виде двух блестящих от пота, обнаженных тел. Он почувствовал, как напряглось тело Керима. Цыгане, кольцом окружающие площадку, ставшую рингом, придвинулись к ней, казалось, еще ближе. Горячее прерывистое дыхание зрителей наполняло сад.

Первой в новую атаку бросилась Зора. И Вида на этот раз была готова отразить ее: правая нога маленькой девушки молниеносно выпрямилась и ударила Зору в пах. Когда та вскрикнула, схватившись за живот, Вида еще раз ударила Зору ногой и бросилась на согнувшуюся от боли девушку.

Возбужденное рычание толпы раздалось в тишине: Зора опустилась на колени, подняла руки, чтобы защитить лицо, но было уже слишком поздно — Вида всей тяжестью навалилась ей на спину и оскаленные белые зубы впились в незащищенную шею.

— Б-У-У-М!

Внезапно прогремевший где-то совсем рядом взрыв ошеломил цыган. Ослепленный язык пламени рассек темноту позади танцевальной площадки, и осколок каменной стены пролетел рядом с Бондом. Сад стал наполняться бегущими со стороны стены людьми. Цыган, сидевший рядом, вскочил и бросился им навстречу, обнажив кинжал и вытянув его перед собой. За ним устремился Керим с пистолетом в руке. Пробегая мимо девушек на помосте, прервавших свою борьбу и уже изнемогающих от напряжения и усталости, цыган что-то резко крикнул им. Девушки исчезли в тени деревьев вслед за остальными женщинами и детьми.

Бонд сжал в руке «Беретту» и неуверенно пошел за Керимом к тому месту, где взрыв пробил в стене широкую брешь. Лишь когда он приблизился к месту уже начавшейся рукопашной схватки, ему удалось отличить нападающих, одетых в обычные темные костюмы, от цыган в их яркой

живописной одежде. «Незаметных» было, казалось, гораздо больше. Внезапно из толпы сражающихся мужчин отделился молодой цыган, обхвативший обеими руками живот. Неуверенными шагами он двинулся по направлению к Бонду, кашляя и отхаркиваясь кровью. Вдогонку за ним бросились с ножами в руках двое смуглых мужчин в темных костюмах.

Инстинктивно Бонд сделал пару шагов в сторону, поднял пистолет и дважды выстрелил, целясь нападающим в ноги. Те упали, будто споткнувшись, и неподвижно замерли на траве.

Потрачено два патрона. Осталось еще шесть.

Мимо уха Бонда просвистел нож. Бросивший его целился в Керима, выбежавшего из темноты и преследуемого сразу двумя противниками. Один из них поднял руку с ножом и приготовился к броску. Бонд выстрелил с бедра, не целясь. Человек упал. Другой повернулся и скрылся в тени деревьев. Керим опустился на колено рядом с Бондом, лихорадочно дергая затвор своего пистолета.

— Прикрой меня! — крикнул он. — Заклинило при первом же выстреле! Эти проклятые гангстеры! Не понимаю, что они затеяли!

Жесткая рука, пахнувшая карболовым мылом и никотином, схватила Бонда за горло. Он был опрокинут на спину, на ребра обрушились удары тяжелых сапог. Бонд не исключал, что в следующее мгновение он получит удар ножом в бок. Но нападающие — их было трое — оставили его и бросились на Керима. Бонд с трудом поднял голову. Он увидел, что Керим рухнул на траву и почти скрылся под навалившимися на него черными фигурами.

Бонд заставил себя подняться на ноги, сделал шаг вперед и изо всех сил ударил рукояткой пистолета по коротко остриженному затылку. В это мгновение что-то сверкнуло рядом с ним: кинжал старого цыгана вонзился в спину другого гангстера. Третий вскочил и бросился бежать к пролому в стене. Там стоял мужчина, который размахивал руками и беспрестанно выкрикивал одно слово. Нападающие один за другим прекращали схватку, ныряли в пролом и исчезали за стеной.

— Стреляй, Джеймс, стреляй! — закричал Керим. — Это Криленку!

Пистолет Бонда выплюнул язык пламени. Но мужчина успел отпрянуть. Сделал несколько шагов и тоже исчез за высокой стеной. Да, тридцать ярдов — слишком большое расстояние для стрельбы из пистолета ночью. Из-за стены

донесся осиный шум двигателей мотороллеров и вскоре затих вдали.

Наступившую тишину нарушали только стоны раненых. Бонд апатично смотрел на Керима в Вавру, которые возвращались от пролома в стене и по дороге останавливались около распростертых на траве тел, иногда переворачивали их ногами. Из темноты выбежали женщины и наклонились над ранеными.

Бонд недоуменно потряс головой. Что же произошло, черт побери? Убито не меньше дюжины людей. Ради чего? Если это покушение, то явно не на Бонда: когда его опрокинули на спину, ничего не стоило убить его. Но нападающие бросились на Керима. Это уже вторая попытка убить его. Может быть, нападение все-таки как-то связано с делом Татьяны Романовой?

Бонд повернул голову и дважды выстрелил, почти не целясь. Летящий нож рукояткой ударился в спину Керима и упал на траву. Бросавший медленно повернулся на месте, подобно танцору в балете, и упал вниз лицом. Да, и на этот раз Бонд выстрелил в последнее мгновение: лунный свет ярко сверкнул на лезвии поднятого для броска кинжала. Бонд успел заметить этот блеск металла. Керим наклонился и посмотрел на судорожно вздрагивающее тело.

— Ну как можно быть таким идиотом! — взорвался Бонд. — Неужели так трудно смотреть по сторонам! Тебе нужна нянька! — Бонд чувствовал, что это он навлек смертельную опасность на Керима, и его гнев был направлен против самого себя.

На лице Дарко Керима появилась неуверенная улыбка.

— Теперь уже поздно, Джеймс, — заметил он, пожимая плечами. — Ты слишком часто спасаешь мне жизнь. Мы могли стать друзьями. Но пропасть между нами стала слишком широкой. Извини меня, но я никогда не смогу вернуть тебе этот долг.

— Не говори глупости, Дарко, — огрызнулся Бонд. — Просто я лучше ухаживаю за своим оружием, вот и все. Заведи себе другой пистолет, более надежный. И объясни мне, ради бога, что здесь сейчас произошло. Боже мой, сколько крови пролилось сегодня! Мне даже думать об этом страшно. Пошли, допьем нашу ракию.

Когда они подходили к столу, откуда-то из глубины сада донесся ужасный пронзительный крик. Рука Бонда вновь сжала рукоятку пистолета, но Керим покачал головой.

— Сейчас мы узнаем, зачем эти гангстеры напали на

нас,— мрачно произнес он.— Мои друзья допрашивают одного из них. Но я и так догадываюсь. Боюсь, что Вавра никогда не простит мне этот вечер. Погибло пять его соплеменников.

— Вместо них могла погибнуть женщина,— сухо заметил Бонд.— По крайней мере, ты спас ей жизнь. Не валяй дурака, Дарко. Эти цыгане знали, на что идут, когда стали твоими агентами.— Бонд налил ракию в два бокала и добавил немного воды.

Они выпили. Из темноты появился старый цыган, вытиравший лезвие кинжала пучком травы, сел рядом с ними и взял из рук Бонда бокал с ракией. Казалось, он получил удовольствие от схватки. Цыган повернулся к Бонду и что-то сказал, торжествующе улыбаясь.

— Вавра говорит, что не ошибся в тебе,— усмехнулся Керим.— Ты умеешь убивать. Теперь он хочет, чтобы ты переспал с этими двумя девушками.

— Передай ему, что мне сейчас не справиться даже с одной. Объясни ему еще, что девушки очень красивы и я буду рад, если он удовлетворит мою просьбу и отменит продолжение схватки между ними. Сегодня погибло несколько мужчин его племени. Ему понадобятся женщины, чтобы рожать детей.

Керим перевел. Цыган посмотрел на Бонда с очевидным неудовольствием и что-то пробормотал.

— Он говорит, что тебе не следовало обращаться к нему с такой трудной просьбой. У тебя слишком мягкое сердце для настоящего мужчины. Но он пообещал сделать так, как ты хочешь.

Недовольный цыган не обратил внимания на благодарную улыбку Бонда. Он начал быстро говорить что-то Кериму, который внимательно слушал и иногда задавал короткие вопросы. Несколько раз прозвучало имя Криленку. Потом говорил Керим. В его голосе слышалось глубое раскаяние, а когда цыган попытался прервать Керима, тот отказался слушать. Наконец Керим повернулся к Бонду.

— Слушай, мой друг,— начал он.— То, что произошло сегодня,— не поддается объяснению. Гангстерам был дан приказ убить Вавру и как можно больше его людей. Это понятно. Они знали, что цыган работает на меня. Здесь странно лишь одно — русские применили слишком уж крутые меры. Впрочем, когда заходит речь об убийстве, им не хватает артистичности. Они любят убивать как можно больше. Но вот слушай дальше. Им был дан приказ не

причинять тебе вреда. Чтобы не произошло случайной ошибки, они получили твое точное описание. Вот это тоже кажется очень странным. Хотели избежать дипломатического скандала? Кто знает? Нападение было хорошо продумано. Они кружным путем поднялись на вершину холма и затем спустились по дороге с выключенными двигателями, так что мы ничего не слышали. Это пустынное место, где никогда не бывает полицейских. Признаю свою вину: я не принял этих бандитов всерьез.

Керим выглядел несчастным и озадаченным. Он задумался.

— Уже полночь,— сказал он наконец.— «Роллс» ждет нас. Перед тем как лечь спать, я должен сделать еще кое-что. А сейчас нам нужно уезжать отсюда. Сегодня ночью немало трупов будет сброшено в Босфор. Кроме того, им нужно отремонтировать стену и заделать пролом. К утру не должно остаться никаких следов происшедшего. Вавра желает тебе успеха. Он надеется, что ты когда-нибудь вернешься. Зора и Вида принадлежат тебе. Он отказался признать мою вину в случившемся. Сказал, чтобы я присылал ему побольше болгарских гангстеров. Сегодня цыгане убили десятерых и готовы убивать еще. А теперь попрощаемся с ним. Мы хорошие друзья, но все-таки чужие. Кроме того, он не хочет, чтобы мы видели, как его женщины оплакивают погибших.

Керим протянул цыгану свою огромную руку. Вавра сжал ее и посмотрел ему в глаза. На мгновение глаза цыгана утратили обычную свирепость. Затем он выпустил руку Керима и повернулся к Бонду. Его сухая и жесткая рука напоминала лапу большого хищного зверя. Снова глаза Вавры на краткий миг словно покрылись какой-то непрозрачной пленкой, притушившей их обычный блеск. Он что-то резко и решительно произнес, обращаясь к Кериму, повернулся и пошел в сторону деревьев.

Никто не обратил внимания на Керима и Бонда, когда они пролезали через брешь в стене. Хорошо видимый в лунном свете «роллс-ройс» ждал их у входа в кафе. Рядом с шофером сидел молодой человек. Керим махнул рукой в его сторону.

— Это мой десятый сын. Его зовут Борис. Я думал, что он может понадобится сегодня. Как видишь, я не ошибся.

Молодой человек повернул голову в сторону Бонда. «Добрый вечер, сэр»,— вежливо произнес он. Бонд узнал в нем одного из служащих склада. Он был таким же смуг-

лым и худощавым, как старший клерк, и у него тоже были синие глаза.

Автомобиль тронулся с места и плавно покатился по склону.

— На маленькую улочку рядом с Хипподром Скуэр — площадью Ипподрома, — по-английски сказал Керим шоферу. — Я покажу, где остановиться. Вы захватили мундиры и снаряжение?

— Да, Керим-бей.

— Отлично. Поехали побыстрее. Уже поздно, и всем нам пора спать.

Керим откинулся на мягкие подушки сиденья и закурил. Бонд смотрел в окно на проносящиеся мимо дома предместья. Большое расстояние от одного уличного фонаря до другого указывало на то, что это бедный район.

— Цыган сказал, что над нами распростерты крылья смерти, — заметил Керим, нарушив длительное молчание. — По его мнению, мне следует остерегаться сына снегов, а ты должен опасаться человека, принадлежащего луне, — он рассмеялся. — Цыгане любят такой вздор и верят в него. Он заметил при этом, что Криленку не является одним из них. Это хорошо.

— Почему?

— Я не буду спокойно спать, пока не убью его. Мне неизвестно, имеет ли то, что происходит в течение нескольких последних дней, и то, что случилось сегодня, отношение к тебе и твоему делу. Но для меня это не имеет значения. По какой-то причине мне объявили войну. Если я не убью Криленку сейчас, он совершит третье покушение на мою жизнь и, несомненно, убьет меня. Так что нам вскоре предстоит встреча с ним — в Самарре.

Глава 19

РОГ МЭРИЛИН МОНРО

Автомобиль мчался вдоль пустынных улиц — мимо темных мечетей, минаретов, вонзающихся в ночное небо. Они проехали под разрушенным акведуком, пересекли бульвар Ататюрка, миновали ворота Центрального базара. У колонны Константина автомобиль свернул направо, в лабиринт узких извивающихся улочек, где пахло отбросами, и въехал наконец на длинную красивую площадь, украшенную тремя высокими каменными колоннами, вздымающимися к небу подобно космическим ракетам.

— Медленнее,— тихо скомандовал Керим. «Роллс-ройс» резко сбавил скорость и покатил вокруг площади. В конце длинной улицы, на восточной части площади, над мысом Сераглио мигал огромный желтый глаз маяка.

— Стоп!

Автомобиль остановился в густой тени деревьев. Керим взялся за ручку двери.

— Подожди нас в машине, Джеймс. Мы скоро вернемся. Садись на место водителя и, если подойдет полицейский, скажи ему: «Бен бей Керимин ортагийум». Сможешь запомнить? Это значит: «Я — знакомый Керим-бея». Тогда полиция оставит тебя в покое.

— Очень тебе благодарен,— буркнул Бонд.— Но я пойду с вами. Без меня с тобой обязательно что-нибудь случится. К тому же я не собираюсь сидеть в машине и бормотать полицейскому какие-то непонятные слова. Когда знаешь только одну — пусть очень важную фразу, у собеседника может создаться впечатление, что ты говоришь на этом языке. Полицейский начнет расспрашивать меня по-турецки и, когда я не отвечу ему, тут же заподозрит неладное. Не надо спорить, Дарко.

— Ну что же, только не обижайся, если тебе придется не по нраву то, что я намереваюсь сделать. Это будет обычное, заранее рассчитанное хладнокровное убийство.— Было видно, что Керим уступает Бонду очень неохотно.— В этой стране мы стараемся не тревожить спящих собак, но если одна из них просыпается и кусает тебя, ее надо убить. Так что не думай, что станешь свидетелем дуэли. Это тебя устраивает?

— Вполне,— кивнул Бонд.— Если ты промахнешься, у меня осталась еще одна пуля.

— Тогда пошли,— согласился Керим.— Нам предстоит неблизкий путь. Эти двое пойдут другой дорогой.

Керим взял из рук шофера длинную трость и кожаную сумку, перекинул их через плечо и направился в сторону маяка, мигающего желтым светом. Бонд последовал за ним. Их шаги гулко раздавались в тишине. На пустынной улице не было ни души. Не было даже кошек, и Бонд подумал: как хорошо, что он не один идет по этой безлюдной ночной улице навстречу воспаленному глазу маяка.

С того самого момента, когда он прилетел в Стамбул, в нем крепло убеждение, что с наступлением темноты даже городские камни здесь начинают источать ужас. Казалось, что в городе, на протяжении многих веков купающемся в крови и насилии, с наступлением ночи улицы населяют

призраки мертвых. Инстинкт подсказывал ему, что, если удастся выбраться из Стамбула живым, он должен считать себя счастливчиком.

Они подошли к узкому, зловонному переулку, круто спускающемуся по склону холма. Керим повернул в него и медленно, рассчитывая каждый шаг, пошел по булыжной мостовой.

— Смотри под ноги, — прошептал он. — Отбросы — это вежливое название того, что выбрасывают на улицу мои очаровательные соотечественники.

Луна сияла белым светом над влажной рекой булыжников, спускающихся круто вниз. Бонд старался дышать ртом. Он осторожно ступал всей подошвой, стараясь закрепитесь на этой скользкой тропе и для страховки согнув колени, будто спускался по снежному склону. Он подумал о своей постели в гостинице, комфортабельном сиденье автомобиля, стоявшего сейчас в тени ароматно пахнущих лип. Интересно, сколько еще отвратительных впечатлений предстоит ему испытать при выполнении этого задания?

Они дошли до самого конца переулка и остановились. Керим повернулся к нему и, широко улыбнувшись, показал рукой в сторону огромного темного здания: «Мечеть султана Ахмета. Знаменитые византийские фрески. Ты уж извини, что у меня не было времени показать тебе все достопримечательности». Не ожидая ответа Бонда, он свернул направо и пошел вдоль пыльного бульвара с дешевыми магазинами по обеим его сторонам. Вдали поблескивала поверхность Мраморного моря. Так они шли минут десять. Молча, не глядя по сторонам. Наконец Керим остановился и притянул Бонда в тень.

— Нам предстоит несложная операция, — тихо сказал он. — Криленку живет вон там, рядом с железнодорожным полотном, в сарае за рекламным щитом. В сарай ведет только одна дверь. Но через заднюю стену есть ход, заканчивающийся люком в рекламном щите. Криленку думает, что его потайной ход никому не известен. Мои люди сейчас подойдут к сараю и постучат в переднюю дверь. Криленку попытается уйти через люк, и в этот момент я застрелю его. Понятно?

— Полагаюсь на тебя.

Они прошли по бульвару, вплотную прижимаясь к стене. На перекрестке улиц стоял огромный рекламный щит, футов двадцать высотой. Луна была позади щита, и рекламу на нем было трудно разглядеть. Теперь Керим шел осторожно, выбирая место, куда поставить ногу. Примерно в сотне

ярдов от огромного щита дома кончились, и лунный свет заливал открытое пространство. Керим остановился в тени последнего дома и дал знак Бонду, чтобы тот встал рядом.

— Надо подождать,— прошептал Керим.

Бонд слышал каждое движение Керима. Тот отстегнул крышку кожаной сумки, замок щелкнул, и Керим сунул в руку Бонду длинный цилиндр, расширяющийся на обоих концах, длиной в два фута.

— Немецкий оптический прицел,— прошептал Керим на ухо Бонду.— Работает в инфракрасных лучах — прибор ночного видения. Посмотри на рекламный щит. Обрати внимание на лицо, изображенное там: под самым носом — замаскированный люк.

Бонд оперся локтем о стену и, приложив прицел к правому глазу, повернул винт фокусировки. В поле зрения показалось огромное женское лицо и какие-то буквы. Медленно смещая объектив прицела, Бонд прочитал надпись: «Ниагара. Мэрилин Монро и Джозеф Коттен». Он опустил объектив ниже, к огромному носу, к соблазнительно изогнутым губам и, напрягая зрение, увидел едва заметные очертания прямоугольника в верхней губе актрисы. Расстояние от люка до тротуара было немалым.

Сзади послышалось несколько щелчков. Как Бонд и предполагал, трость Керима была ни чем иным, как винтовкой, причем ручка трости служила прикладом и затвором одновременно. На месте резинового наконечника торчал глушитель.

— Ствол от нового винчестера,— с гордостью прошептал Керим.— Рассчитан на патрон калибра 0,308. В обойме три патрона. Дай прицел. Я хочу сориентироваться и быть наготове до того, как мои люди постучат в дверь сарая. Ты не будешь возражать, если я воспользуюсь твоим плечом вместо упора?

— Пожалуйста,— Бонд передал Кериму оптический прицел. Керим закрепил его на стволе винтовки и положил ее на плечо Бонда.

— А вот и он,— прошептал Керим.— Точно в том месте, где сказал Вавра.

В это мгновение на перекрестке показались два полицейских. Бонд замер.

— Все в порядке, не беспокойся,— раздался шепот Керима.— Это шофер и мой сын,— он сунул в рот два пальца и как-то странно свистнул: свист был очень низким по тону и, как показалось Бонду, едва слышным. Один из полицейских поднял руку к лицу. Затем оба поверну-

лись и пошли дальше, громко стуча сапогами по мостовой.

— Еще несколько минут,— прошептал Керим.— Им нужно обойти рекламный щит сзади.— Бонд почувствовал, как тяжелый ствол винтовки лег ему на плечо.

Ночную тишину нарушил резкий металлический звук, донесшийся из сигнального ящика, расположенного рядом с железной дорогой. Стрелка семафора опустилась, среди созвездия красных огней вспыхнул зеленый. Вдалеке, где-то у мыса Сераглию, послышалось тяжелое пыхтение локомотива. Поезд приближался. Уже можно было различить звон буферов плохо сцепленных грузовых вагонов. Слева показался желтый свет прожектора, установленного на паровозе, и из-за поворота выполз весь состав.

С пыхтением и лязгом поезд медленно продолжал свой стомильный путь к греческой границе. Тяжелое облако дыма, поднимающееся из паровозной трубы, окутывало весь состав. Показался красный фонарь на последнем вагоне и скрылся, и шум локомотива стал исчезать вдали. Прозвучало два резких протяжных гудка — машинист предупреждал маленькую станцию Буют, в миле отсюда, о приближении поезда.

Бонд почувствовал, что ствол вдавился ему в плечо. Он напряженно вглядывался в темноту, пытаясь разобрать, что происходит в тени рекламного щита. В центре его стал виден темный квадрат.

Над ухом Бонда прошелестел хриплый шепот: «Вот он, вылезает».

В темном квадрате показалась черная тень человека, который повис на руках, держась за край люка, затем разжал руки и упал вниз, мягко приземлившись на тротуар. Корабль, плывущий по Босфору, заревел в ночи, как проснувшийся в клетке зверь. Бонд почувствовал, как по его лбу пробежала струйка пота. Человек встал, выпрямился и сделал шаг вперед. Ствол винтовки еще больше вдавился в плечо Бонда и медленно поворачивался.

«Как только Криленку подойдет к краю тени,— подумал Бонд,— он тут же бросится бежать». Точно. Человек наклонился вперед и приготовился пересечь пустынную улицу, залитую лунным светом. Он вышел из-под прикрытия тени: вот показалась нога, опущенное (чтобы придать рывку дополнительное ускорение) плечо...

Звук, раздавшийся у самого уха Бонда, напоминал удар топора, вонзившегося в ствол дерева. Человек рухнул на

мостовую, вытянув перед собой руки и ударившись головой о камни.

Рядом звякнула пустая гильза, выброшенная из патронника. Щелчок затвора, загнавшего в канал ствола свежий патрон...

Пальцы лежащего зашевелились, царапая мостовую, ноги дернулись — и он замер. Тело совершенно неподвижно.

Керим удовлетворенно буркнул что-то и убрал ствол винтовки с плеча Бонда. Потом начал разбирать винтовку и укладывать оптический прицел в кожаную сумку.

Бонд отвел взгляд от темной фигуры, распростершейся на мостовой, фигуры, которая только что была человеком, а сейчас превратилась в холодеющую плоть. На миг его охватило чувство протеста против этой жизни, заставившей его, Бонда, стать свидетелем холодного убийства. Это возмущение не было направлено против Керима, на которого убитый покушался дважды. По сути дела, это была дуэль, длившаяся долгое время, в течение которого Криленку стрелял в Керима дважды, тогда как тот ответил лишь одним выстрелом. Керим оказался умнее и хладнокровнее, да и счастье было на его стороне. Но сам Бонд никогда не убивал бесстрастно и равнодушно, поэтому мысль о том, что он оказался невольным свидетелем — и соучастником — такого убийства, вызвала у него отвращение.

Керим молча положил руку ему на плечо, и они пошли обратно.

— Жизнь и смерть неразрывно связаны, мой друг, — Керим словно читал мысли Бонда. — Иногда ты превращаешься в орудие смерти. Мне не жаль этого человека, равно как я не испытываю жалости к русским, которых мы видели сегодня. Это жестокие люди. К ним нельзя обращаться с просьбой о милосердии: такое им непонятно. От них можно только требовать, и, если сила на твоей стороне, они уступят. Жаль, что ваше правительство не понимает этого.

Теперь они поднимались по узкому переулку, круто идущему вверх. В пространстве между двумя рядами домов царил ужасная вонь. Выйдя из переулочка, они остановились передохнуть и потом медленно пошли к деревьям на площади Ипподрома.

— Скажи, ты простил меня? — Это был странный вопрос, который трудно было ожидать от человека, привыкшего к риску и жестокости.

— За что? Ведь ты выполнял свою работу. Наоборот, я поражен блестящей организацией, которую ты создал. Это мне нужно просить у тебя прощения. Я принес тебе массу неприятностей, и ты быстро справился с ними, предоставив мне роль стороннего наблюдателя. К тому же мое собственное задание не сдвинулось с места. М. будет недоволен. Может быть, в гостинице я что-то узнаю.

Но когда «роллс-ройс» остановился у входа в гостиницу и Керим зашел в вестибюль вслед за Бондом, у портье не было никаких новостей.

— Не расстраивайся, мой друг.— Керим ободряюще похлопал Бонда по спине.— Надежда — это превосходный завтрак. Потерпи. Утром я пришлю за тобой машину, и мы придумаем, как лучше провести время. Почисти оружие и ложись спать. Мы оба заслужили сегодня отдых.

Бонд поднялся по лестнице, открыл дверь номера и запер ее за собой. Сквозь раздвинутые шторы в комнату лились потоки лунного света. Он подошел к столу, включил лампу с розовым абажуром, разделся, прошел в ванную и несколько минут стоял под душем. Как много событий произошло четырнадцатого августа по сравнению с пятницей тринадцатого числа! Он почистил зубы, выключил в ванной свет, вернулся в спальню и широко распахнул окно. Прохладный ночной ветерок приятно ласкал его обнаженное тело. Бонд посмотрел на часы. Уже два.

Он закрыл окно, наклонился, чтобы выключить настольную лампу, и внезапно замер — из глубины комнаты донесся сдавленный женский смех: «Бедный мистер Бонд! Вы, наверное, устали. Ложитесь спать».

Глава 20

ЧЕРНОЕ НА РОЗОВОМ

Бонд мгновенно обернулся в сторону кровати, но его глаза еще ничего не видели в темноте. Сделав несколько шагов, он включил ночник на тумбочке: розовый свет вырвал из темноты очертания стройного женского тела, укрытого простыней. Волна каштановых волос лежала на подушке. Лицо тоже было закрыто и над простыней виднелись только кончики пальцев, сжимающих ее.

Бонд коротко засмеялся. Он протянул руку, схватил пучок волос и потянул. Из-под простыни донесся протестующий возглас. Через несколько мгновений оттуда выглянул большой синий глаз.

— Вы неприлично выглядите,— приглушенно прозвучало из-под простыни.

— Вот как? А вы? И как вы попали ко мне в кровать?

— Спустилась по лестнице. Я живу в этой же гостинице, двумя этажами выше.— Голос был низким и приятным. Акцента почти не чувствовалось.

— Ну что ж, тогда я ложусь спать.

Простыня тут же опустилась до уровня подбородка, и девушка приподнялась на подушке, покраснев от смущения.

-- Нет, нет. Только не в эту кровать.

— Но это моя кровать. Да и вы сами пригласили меня.— Бонд посмотрел на нее изучающим взглядом: лицо было действительно прелестным.

— Но это просто так, к слову пришлось. Мне хотелось напомнить о своем существовании и представиться.

— Рад познакомиться с вами. Меня зовут Джеймс Бонд.

— Меня — Татьяна Романова. Друзья зовут меня Таня.

Наступила тишина. Они разглядывали друг друга — девушка с любопытством и очевидным облегчением, Джеймс Бонд — с подозрением.

Девушка первой нарушила молчание.

— Вы очень похожи на свои фотографии,— сказала она и снова покраснела.— Прошу вас, наденьте что-нибудь. Вы не даете мне собраться с мыслями.

— А вы — мне. Ничего не поделаешь. Мы — мужчина и женщина. Если я лягу рядом с вами, необходимость в одежде исчезнет. Между прочим, а во что вы сами одеты?

Она опустила простыню чуть ниже и дотронулась до черной бархатной ленточки вокруг шеи: «Вот в это».

Бонд посмотрел в дразнящие синие глаза, будто спрашивающие, достаточной ли одеждой является узкая ленточка на шее. Он чувствовал, что теряет над собой контроль.

— Черт побери, а где ваша одежда? Вы так и спускались по лестнице с одной ленточкой на шее?

— О нет! Это было бы неприлично. Я спрятала платье и белье под кровать.

— Если вы думаете, что вам удастся сейчас уйти из комнаты, уйти просто так...

Бонд не договорил, встал с кровати, подошел к шкафу и надел темно-синюю шелковую пижаму.

— Неэтично делать такие намеки...

— Неужели? — саркастически улыбнулся Бонд, придвигая стул к кровати.— Тогда я скажу вам что-то дей-

ствительно этичное. Вы — одна из самых красивых женщин в мире.

Девушка снова залилась краской.

— Вы действительно так считаете? По-моему, у меня слишком широкий рот. Я такая же красивая, как девушки на Западе? Однажды мне сказали, что я похожа на Грету Гарбо. Это правда?

— Вы красивее ее, — заверил Бонд. — Ваше лицо светится. И рот совсем не слишком широкий, вам очень идет именно такой. По крайней мере, мне он нравится.

— Что это значит — «лицо светится»? Что вы хотите сказать этим?

Бонду хотелось сказать, что она совсем не похожа на русскую шпионку: в ней нет хладнокровия, необходимого для этой профессии, нет расчетливости, а есть радость жизни, и глаза лучатся теплом.

— У вас веселый и радостный взгляд, — сказал он несколько неловко.

— Вот как? — Лицо Татьяны стало серьезным. — У нас в России мало радости и веселья. Об этом редко кто говорит.

«...Веселье? В моем взгляде? Как я могу выглядеть радостной после всего, что произошло за последние два месяца», — подумала она. Впрочем, на душе у нее и впрямь было легко. Может быть, она легкомысленна по природе? Или причина заключается в этом мужчине, первая встреча с которым принесла чувство облегчения, сменившее мучительные раздумья о предстоящем испытании? Все оказалось куда проще, чем она предполагала. И сам Джеймс Бонд искренний и простой, с таким мужественным лицом. Поймет ли он и простит ее, если она расскажет, что ее послали соблазнить его? Может, он не придаст этому большого значения? В конце концов она не собирается причинить ему никакого вреда. Ей просто нужно с его помощью попасть в Англию. Попасть в Англию и сообщить в Центр, выполнить свое задание. «Ваше лицо светится!» Может быть, это так и есть? Ее охватило удивительное, ни с чем не сравнимое чувство свободы, радости от того, что она наедине с мужчиной, — таким, как Джеймс Бонд, — что она не понесет за это никакого наказания. Это такое волнующее, такое пьянящее чувство!

— Вы очень привлекательны, — сказала она, пытаясь отыскать какое-нибудь сравнение, которое могло бы доставить ему удовольствие. — Как герой американского кино...

Гримаса отвращения, появившаяся на лице Бонда, озадачила и огорчила девушку.

— Боже мой, Таня! Худшего оскорбления вы просто не могли придумать!

Девушке захотелось исправить свою ошибку, но как странно: ей казалось, что все мужчины на Западе стремятся походить на кинозвезд.

— Простите меня,— сказала она извиняющимся тоном.— Мне хотелось сказать вам что-то приятное. Говоря по правде, вы очень походите на моего любимого героя из книги русского писателя Лермонтова. Когда-нибудь я расскажу вам о нем.

Когда-нибудь! Бонд решил, что пора переходить к делу.

— Послушайте, Таня,— начал он, стараясь не смотреть на прелестное лицо, обрамленное каштановыми волосами.— Давайте кончим глупости и займемся серьезными вещами. Что все это значит? Вы действительно хотите ехать со мной в Англию? — Он взглянул ей прямо в глаза, и она ответила ему тем же.

— Ну конечно!

— Вы уверены в этом?

— Уверена.— Бонд не сомневался, что она кончила флиртовать и говорит правду.

— И вы не боитесь?

По ее лицу промелькнула тень, но он не придавал этому значения. А Таня просто вспомнила, что не должна выходить за рамки своей роли: ей нужно было сыграть, что она испугана, очень испугана. Но как не хотелось ей сейчас играть эту роль...

— Да, я очень боюсь. Но теперь, когда вы со мной, мне не страшно. Вы защитите меня.

— Ну конечно, можете на меня положиться.— Бонд подумал было о ее родственниках, оставшихся в далекой России, но тут же выбросил эту мысль из головы. Разве ему хочется отговорить ее?

— У вас нет никаких оснований для беспокойства. Я не буду спускать с вас глаз.— Бонд никак не мог заставить себя задать главный вопрос. Чувство ужасного смущения охватило его. Девушка оказалась совсем не такой, как он себе ее представлял. Но он обязан спросить.

— А как относительно шифровальной машины?

В глазах Тани отразилась нескрываемая боль. Она потянула простыню наверх и закрыла половину лица.

— Значит, именно это вам нужно?

— Послушайте, Таня! (...Черт побери, как это жестоко с моей стороны!)... Машина не имеет никакого отношения к нам. Но мое начальство в Лондоне не прочь взглянуть на

нее,— он вспомнил, что не следует подчеркивать, насколько сейчас это важно.— Шифровальная машина не имеет такого уж большого значения. Мы все о ней знаем. Это отличное изобретение русских, и нам просто хочется скопировать ее, как вы копируете иностранные аппараты и все остальное.— Боже мой, как все это глупо!

— Вы обманываете меня,— синие глаза были полны слез.

Бонд положил руку на плечо Тани. Она резко отстранилась.

— Пропади она пропадом, эта проклятая машина! — с досадой воскликнул Бонд.— Я просто хочу, Таня, чтобы вы поняли меня. Мне дано такое задание, и я должен передать в Лондон ваш ответ. Просто скажите «да» или «нет», и мы больше не будем говорить об этом. У нас много других забот — и прежде всего нужно подумать о том, как вернуться в Англию...

Татьяна вытерла глаза уголком простыни. Господи, она дала волю чувствам, забыв о том, что поручено сделать. Но так хотелось, чтобы он сказал, что машина не имеет для него никакого значения и он приехал только за ней... Впрочем, разве можно рассчитывать на это: ему так же, как ей, дано задание.

— Я принесу ее с собой,— ответила она уже спокойно.— Не беспокойтесь,— девушка приподнялась на подушке.— Мы должны уехать сегодня вечером. Это моя единственная возможность. У меня ночное дежурство с шести вечера. Когда все уйдут домой, я смогу вынести с собой «Спектр».

Бонд лихорадочно думал о том, где ему спрятать девушку. Как затем вылететь первым же самолетом, пока не будет замечено русскими исчезновение шифровального аппарата? Все это очень опасно. Русские не остановятся ни перед чем, чтобы вернуть «Спектр»: могут устроить засаду на шоссе, ведущем в аэропорт, могут подложить в самолет взрывное устройство.

— Ну что ж, Таня, это просто великолепно. Мы спрячем вас в надежном месте и на следующее утро вылетим самолетом.

— Не говорите глупостей.— Ее заранее предупредили, что именно здесь могут появиться сложности и ей необходимо убедить его принять ее условия.— Мы отправимся поездом — на «Восточном экспрессе» — сегодня в десять вечера. Неужели вы думаете, что я не рассчитала все до мельчайших подробностей? Я не хочу оставаться в Стам-

буле ни одной лишней минуты. На рассвете поезд пересечет границу. Вам нужно достать билеты и паспорт. Я поеду как ваша жена.— Девушка посмотрела на Бонда со счастливой улыбкой.— Я мечтаю о том, что мы будем одни в роскошном купе, о которых я столько читала. Вроде маленького домика на колесах. Днем мы будем разговаривать друг с другом и читать, а ночью вы будете стоять в коридоре у двери и сторожить меня.

— Этого мне еще не хватало! — возразил Бонд.— То, что вы предлагаете, Таня,— безумие. Они обязательно где-нибудь перехватят нас. «Восточный экспресс» идет до Лондона четверо суток. Нужно придумать что-то другое.

— Нет,— решительно сказала девушка.— Я поеду только поездом. Как нас перехватят, если мы проявим осторожность? И откуда им станет известно, что мы поехали поездом?

«...Боже мой,— думала она,— почему они так настаивали на поезде?» Но приказ не обсуждают, и к тому же у нее будет четверо суток, чтобы заставить его влюбиться. А потом, когда они приедут в Лондон, все будет просто. Джеймс Бонд защитит ее. Если же они отправятся в Англию самолетом, то сразу же после приземления ее ждет тюрьма. Ей самой необходимы эти четверо суток. Да, ее предупредили, что на поезде будут люди, которые не допустят, чтобы они с Бондом где-нибудь вышли. Так что исполняй приказ и не рассуждай! Господи, о Господи! Но ей действительно так хотелось провести четыре дня в домике на колесах наедине с этим мужчиной. Как странно: сначала это было заданием — стать для Бонда близким человеком, но теперь превратилось в ее самое страстное желание...

Таня смотрела на задумавшегося Бонда. Ей хотелось коснуться его плеча и объяснить, что это всего лишь невинная «конспирация», цель которой — ее приезд в Англию, что им ничто не угрожает.

— Мне все-таки кажется, что это безумие,— покачал головой Бонд. Интересно, как М. будет реагировать на это? Впрочем, идея может оказаться неплохой. Паспорта для нас готовы. Только не думайте, что мы поедем через Болгарию. Несколько вагонов идут транзитом через Белград, и мы поедем через Югославию. Иначе мне может показаться, что вы хотите похитить меня.

— Конечно, хочу! — засмеялась Таня.— В этом все дело!

— Помолчите, Таня. Нужно все обдумать и тщательно подготовиться. Я куплю билеты и попрошу одного из наших

людей сопровождать нас. Это мой хороший друг. Уверен, что он вам понравится. Ваше имя — Кэролайн Сомерсет. Не забудьте его. Как вы собираетесь приехать на станцию?

— Кэролайн Сомерсет,— задумчиво повторила девушка.— Красивое имя. А вы — мистер Сомерсет? Неплохо! Не беспокойтесь обо мне. Я приеду на станцию Сиркечи перед отправлением поезда. Так что все в порядке.

— Ну а вдруг вы испугаетесь? Вдруг вас схватят? — Уверенность девушки вызвала подозрительность у Бонда.— Почему вы так спокойны?

— До встречи с вами я боялась. Теперь — нет, не испугаюсь. И они не схватят меня. Я оставлю все свои вещи дома и возьму с собой на дежурство маленькую сумку, как всегда. Вот только не могу заставить себя бросить меховую шубку. Я очень люблю ее. Но уже воскресенье, и я придумаю повод одеться понаряднее. Сегодня вечером в половине десятого, я выйду из дома, где расположено консульство, возьму такси и приеду на станцию. А теперь перестаньте хмуриться и выглядеть озабоченным. Скажите мне, что вы счастливы.

Бонд сел на край кровати, взял руку Татьяны и заглянул ей в глаза. «Боже мой, как мне хочется, чтобы наш безумный план осуществился. Неужели эта прелестная девушка обманывает меня, и она совсем не та, за кого себя выдает? Но как сияют глаза! Нет-нет, она не может лгать».

Татьяна обняла Бонда за шею и потянулась к нему. Бонд наклонился, поцеловал девушку и вплотную пододвинулся к ней. Левая рука его легла на грудь Татьяны, и он почувствовал, как напряглось все ее тело. Бонд медленно вел рукой по ее животу, все ниже и ниже. Ноги женщины раздвинулись, она застонала и прижалась к нему еще теснее.

Бонд рывком сбросил простыню на пол. На обнаженном теле девушки была только уже знакомая Бонду ленточка на шее и черные шелковые чулки...

Они не знали, что в крошечной комнате над ними скрыта наблюдательная щель, искусно замаскированная зеркалом в позолоченной раме, висевшим над кроватью. В этой комнате уже давно сидели два фотографа из СМЕРШа — как не раз сидели здесь друзья хозяина гостиницы, который для развлечения приглашал их понаблюдать за первой ночью новобрачных. Видоискатели бесстрастно ловили причудливые переплетения двух нагих тел, их игру и любовные объятия; стрекотали моторы кинокамер, фикси-

рующих каждое движение мужчины и женщины. Из груди фотографов вырывалось хриплое дыхание. Пот градом капался по их возбужденным лицам, на дешевые воротники рубашек, давно ставшие мокрыми.

Глава 21

ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС

Три раза в неделю «Восточный экспресс» отправляется из Стамбула в Париж, покрывая по сверкающим стальным рельсам путь в полторы тысячи миль.

Как всегда, под ярким светом дуговых ламп во главе состава стоял длинный немецкий локомотив, который пыхтел, как дракон, умирающий от астмы. Казалось, что на каждый вздох машина тратит последние силы. Но следовал еще один, потом еще. Струйки пара, время от времени окутывающие состав, поднимались кверху и исчезали в теплом августовском воздухе. «Восточный экспресс» был единственным поездом, который готовился к отправлению в гигантском ангаре центральной железнодорожной станции Стамбула. Остальные составы стояли без паровозов, пустые и заброшенные — ждали наступления утра. Лишь возле «Восточного экспресса» суетились те, кто готовил рейс в далекое путешествие.

Вдоль темно-синего вагона тянулись сверкающие бронзовые буквы:

**COMPANIE INTERNATIONALE DES WAGON — LITS
ET DES GRANDS EXPRESS EUROPEENS.**

Над ними — эмалированная табличка с надписью на белом фоне: «ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС», под ней шло перечисление городов, через которые шел поезд:

**СТАМБУЛ САЛОНИКИ БЕЛГРАД
ВЕНЕЦИЯ МИЛАН
ЛОЗАННА ПАРИЖ**

Джеймс Бонд рассеянно смотрел на эту, такую романтическую, надпись. Вот уже который раз он нетерпеливо поглядывал на часы. 8.51. Куда она запропастилась? Он достал платок и вытер лицо. Неужели схвачена? Или передумала? А может быть, вчера вечером — или, вернее, сегодня утром, — он, как мужчина, не оправдал ее ожиданий?

8.55. Медленное пыхтение локомотива стихло, затем раздалось шипение — автоматический клапан выпустил

лишний пар. В сотне ярдов от Бонда начальник станции поднял руку, подавая сигнал машинисту и кочегару, и медленно пошел вдоль поезда, закрывая двери вагонов третьего класса. Пассажиры, главным образом крестьяне, возвращающиеся обратно в Грецию после пары дней, проведенных с родственниками, через открытые окна переговаривались с теми, кто их провожал.

Впереди, там где виднелось черное ночное небо с яркой луной и сверкающими звездами, красный огонь светофора сменился на зеленый. Начальник станции подходил все ближе и ближе. Проводник спального вагона, одетый в коричневую форму, коснулся плеча Бонда. «Поднимитесь в вагон, сэр», — сказал он по-французски. Два богатых турка поцеловали своих любовниц. — «Да, они слишком красивы, чтобы быть женами», — подумал Бонд, — и поднялись внутрь. Из пассажиров спального вагона на перроне остался один Бонд. Проводник неприязненно оглянулся на высокого англичанина, поднял и закрепил нижнюю железную ступеньку, поднялся на площадку.

Начальник станции решительными шагами прошел мимо Бонда, который в последний раз посмотрел в конец поезда. Нет, там не было видно спешащей фигуры. Минутная стрелка огромных электрических часов под самой крышей станции перескочила еще через одно деление и остановилась на цифре девять.

В вагоне над головой Бонда открылось окно. Он взглянул вверх. Она! Правда, ячейки черной вуали, закрывающей лицо Татьяны, слишком широки: ее попытка замаскировать прекрасные губы и сияющие синие глаза — безуспешна.

— Быстрее, сейчас отправляемся!

Поезд двинулся с места. Бонд протянул руку, схватил проплывающий поручень и рывком взлетел на площадку. Проводник все еще держал дверь открытой.

— Мадам опаздывала, — сказал проводник. — Она прошла, должно быть, через несколько вагонов.

Бонд направился к купе в центре вагона. На ромбовидной белой табличке виднелись цифры «7» и «8». Дверь была приоткрыта. Бонд вошел в купе и захлопнул дверь. Девушка уже сняла черную шляпку и вуаль. Под длинным распахнутым мантио из соболя виднелось шелковое платье с плиссированной юбкой, светло-желтые нейлоновые чулки, черный пояс и туфли из крокодиловой кожи. Татьяна счастливо улыбалась.

— Джеймс, ты не поверил мне?

Бонд опустил на банкетку рядом с ней.

— Таня,— сказал он,— если бы здесь было больше места, я положил бы тебя к себе на колени и как следует отшлепал. У меня чуть не случился сердечный приступ. Что произошло?

— Ничего,— Татьяна посмотрела на него невинными глазами.— Что могло произойти? Я обещала приехать к отходу поезда и приехала. Просто ты мне не поверил. Я, конечно, не сомневаюсь, что тебя больше интересует мое приданое. Вот оно.

Бонд взглянул в угол купе. На багажной полке, рядом с его чемоданом, лежали две небольшие сумки. Он взял девушку за руку: «Боже мой, как я рад, что с тобой ничего не случилось!»

Выражение его глаз убедило девушку, что он беспокоится о ней больше, чем о шифровальном аппарате. Она успокоилась и, не отпуская руку Бонда, опустилась рядом с ним на банкетку.

Постукивая на стыках, поезд медленно огибал мыс Се-раглио. Всплески огня на вершине маяка освещали полуразвалившиеся строения, вытянувшиеся вдоль железнодорожного полотна. Бонд закурил. Скоро они будут проезжать мимо огромного рекламного щита, за которым жил Криленку — менее двадцати четырех часов назад. Перед мысленным взглядом Бонда мгновенно пробежала цепь происшедших событий: пустынные улицы, ярко освещенные лунным светом, перекресток, убийцы, замершие в тени домов, и приговоренный к смерти человек, пытавшийся спастись через люк, так ловко замаскированный в пурпурных губах Мэрилин Монро.

Татьяна не отрываясь смотрела на Бонда. О чем она сейчас думает, этот почти незнакомый ей человек с бесстрастными серыми глазами, которые иногда бывают так нежны, а иногда, как это было прошлой ночью, когда она сжимала его в своих объятиях, горят страстью и желанием? Он глубоко задумался — о чем? Может быть, беспокоится об их судьбе? Их безопасности? Ей хотелось сказать ему, что беспокоиться не надо, что он — всего лишь ее паспорт для проезда в Англию. Он и этот тяжелый ящик, переданный ей резидентом. Резидент так и сказал, когда она вошла к нему в кабинет: «Вот ваш паспорт в Англию, сержант. Совершенно новый «Спектр». Не выпускайте его из виду, пока не приедете в Англию. Не оставляйте купе без присмотра, иначе этот англичанин отнимет его у вас, и вы больше не будете представлять для него никакого интереса. Прежде всего им нужна эта шифровальная машина. Если вы позво-

лите им забрать «Спектр», на вас падет вся вина за срыв задания. Понятно?»

За окном, совсем рядом с полотном железной дороги, проплыл сигнальный пост. Бонд встал и выглянул в открытое окно. «Он вновь рядом,— подумала Татьяна и прижалась к его ноге.— Почему с самой первой минуты знакомства меня переполняет такая страстная нежность? Это так похоже на фантастику: наша близость и внезапно вспыхнувшая страсть — между двумя секретными агентами, приехавшими в Стамбул из стран, находящихся за тысячи миль одна от другой, по сути дела, врагами, которые стали любовниками по приказу своих правительств».

Татьяна протянула руку, взялась за полу пиджака и потянула его вниз. Бонд закрыл окно, повернулся к ней и улыбнулся. Ее глаза были зовуще-настойчивы и нежны. Бонд раздвинул полы мехового мантио и положил руки ей на грудь. Татьяна упала на спину, увлекая его за собой.

Раздался короткий стук в дверь. Бонд встал и вытер с лица следы губной помады.

— Это мой друг Керим,— объяснил он.— Мне нужно поговорить с ним. Я скажу проводнику, чтобы он приготовил постели. Не выходи из купе. Я буду рядом, в коридоре,— он наклонился и ласково погладил ее по щеке, заглянул в расстроенные глаза.— У нас впереди целая ночь. А сейчас нужно позаботиться о безопасности.

Бонд открыл дверь и выскользнул из купе. Огромная фигура Дарко Керима, казалось, закрывала половину коридора. Он стоял у окна, опираясь на бронзовый поручень, курил и смотрел на Мраморное море, исчезающее вдаль по мере того, как поезд удалялся от побережья. Бонд подошел и встал рядом. Керим увидел его отражение в окне.

— Плохие новости,— тихо произнес он.— Трое из них едут с нами — те, недавно приехавшие, которых мы видели вчера. Я не сомневаюсь, что они следят за тобой и девушкой. Значит, она двойной агент. Или у тебя иное мнение?

— Так,— электрическая искра пробежала по спине Бонда, но мозг работал спокойно и холодно, как вычислительная машина. Значит, им подсунили приманку? Нет, она не могла притворяться. Шифровальный аппарат... Может быть, и его нет в сумке? «Подожди меня здесь»,— сказал Бонд и постучал в дверь своего купе. Он услышал, как Татьяна отперла дверь и сняла цепочку. Бонд запер дверь за собой. На лице девушки отразилось удивление.

— Я думала, что это пришел проводник, чтобы приготовить постели. Ты уже закончил? — радостно улыбнулась она.

— Сядь напротив меня, Таня. Мне нужно поговорить с тобой.

Она увидела его холодное лицо и послушно села, положив руки на колени.

Бонд стоял, опустив глаза. Он не заметил на ее лице ни чувства вины, ни страха — всего лишь удивление.

— Слушай, Таня, — голос Бонда звучал твердо и жестко. — У нас большие неприятности. Я должен заглянуть в эту сумку.

— Сними ее с полки и посмотри, — равнодушно пожала плечами девушка.

...Итак, все кончилось. Именно об этом говорил ей резидент: они заберут шифровальный аппарат и высадят ее на любой станции. Боже мой! Неужели он, ее любимый, сможет поступить так жестоко?

Бонд снял сверху тяжелую сумку, поставил ее на нижнюю полку, расстегнул молнию и заглянул внутрь. Там лежал металлический футляр с тремя рядами клавиш, покрытый черным лаком и похожий на пишущую машинку. Он подвинул открытую сумку к девушке.

— Это «Спектр»?

Она повернула голову и равнодушно посмотрела внутрь.

— Да.

Бонд застегнул сумку и поставил ее обратно на багажную полку.

— С нами на этом поезде едут три агента МГБ. Мы знаем, что в понедельник они прибыли к вам из Центра. Как они оказались в поезде, Татьяна? — голос его был мягким, а нервы напряжены до предела.

Девушка посмотрела на Бонда глазами, полными слез. Были ли это слезы ребенка, которого застали за шалостью? Но тогда почему в ее лице нет раскаяния, а только испуг?

Татьяна робко протянула к нему руку и тут же отдернула ее.

— Теперь, когда шифровальная машина в твоих руках, ты не высадишь меня из поезда?

— Разумеется, нет, — нетерпеливо ответил Бонд. — Не говори глупости. Но мы должны знать, что делают здесь эти люди. Ты можешь объяснить мне, почему они едут этим же поездом? — Бонд пристально смотрел ей в лицо: у него не было сомнения — она что-то скрывает. Но что?

Татьяна вытерла слезы и положила ладонь на его колено.

— Джеймс,— сказала девушка, заглядывая ему в глаза.— Я не знаю, как оказались на этом поезде люди Центра. Мне сказали, что сегодня они уезжают. Уезжают в Германию. Я решила, что они летят самолетом. Это все, что я могу сейчас сказать тебе. До тех пор, пока мы не приедем в Англию, пока мы не окажемся за пределами досягаемости людей из моей организации, ты не должен ни о чем расспрашивать меня. Я выполнила данное мной обещание. Села в поезд и принесла с собой шифровальный аппарат. Доверяй мне. Не беспокойся о нашей безопасности. Я уверена, что эти люди не имеют к нам никакого отношения. Совершенно уверена. Верь мне («Верю ли я сама себе?» — подумала Татьяна. Рассказала ли ей полковник Клебб всю правду о порученном задании? Но ведь и ей, Татьяне, нужно верить — верить в приказы, которые она выполняет. Наверное, эти люди просто следят за тем, чтобы они с Бондом не сошли где-нибудь с поезда. Потом, когда они приедут в Лондон и Джеймс спрячет ее, вот тогда она расскажет ему всю правду. Сейчас нужно выполнять приказ, а потом, когда опасность исчезнет, она ничего не скроет от него. Если же она предаст ИХ сейчас, это раскроется... А ОНИ безжалостны с предателями. Пока она играет порученную ей роль, все будет в порядке. Она должна сделать все, чтобы Бонд поверил ее словам.)

Бонд встал и пожал плечами.

— Я не знаю, что и думать, Татьяна. Ты что-то скрываешь от меня, но мне кажется, что ты считаешь это неважным. Ты уверена, что мы в безопасности? Не исключено, что эти люди оказались в нашем поезде по чистой случайности. Мне нужно посоветоваться с Керимом. Не беспокойся, мы будем охранять тебя. Но теперь всем нам придется быть настороже.

Бонд оглянулся по сторонам. Он подергал ручку двери, ведущей в соседнее купе. Она была заперта, но Бонд решил загнать под нее клин — после того, как уйдет проводник. То же самое придется сделать с дверью, которая выходит в коридор. Теперь ему вряд ли удастся спать ночью. «Хорошенький у нас медовый месяц в домике на колесах!» — Бонд мрачно усмехнулся и вызвал звонком проводника. Татьяна не сводила с него обеспокоенного взгляда.

— Не беспокойся, Таня, и, когда проводник уйдет, ложись спать. Только не открывай дверь, пока не убедишься, что это я. Мне не придется спать этой ночью. Может быть, завтра положение изменится. Мы с Керимом что-нибудь

придумаем. У него светлая голова, и на него можно положиться.

В дверь постучал проводник. Бонд впустил его и вышел в коридор. Керим безучастно смотрел в окно. Поезд уже набрал скорость и теперь мчался сквозь ночную тьму, разрывая ее пронзительным печальным гудком. Лицо Керима было непривычно угрюмым.

Бонд пересказал ему свой разговор с Татьяной. Труднее всего было объяснить, почему он поверил девушке: на все попытки Бонда оправдать Татьяну Керим отвечал иронической улыбкой.

— Послушай, Джеймс, эта часть операции у тебя в руках. Мы уже все обсудили сегодня — риск, связанный с поездом, возможность отправить шифровальную машину дипломатической почтой, честность — или нечестность — девушки. На первый взгляд кажется очевидным, что она полностью находится под твоим влиянием. С другой стороны, ты сам признаешь, что она сумела убедить тебя и ты решил довериться ей. Когда сегодня утром мы говорили по телефону с М., он сказал, что последнее слово принадлежит тебе. Пусть так и будет. Но ведь ни ему, ни нам не было тогда известно, что нас будут сопровождать три офицера МГБ. Это могло бы изменить все наши планы. Ты согласен?

— Согласен.

— Я так же, как и ты, не верю в совпадения. И нам придется избавиться от них. Мы не можем ехать с ними одним поездом. Верно?

— Верно.

— Положись на меня. По крайней мере, мы еще не покинули пределы Турции, где я пользуюсь определенным влиянием. Кроме того, у меня с собой много денег. Убить их нельзя — это повлечет за собой непредсказуемые последствия: поезд будет задержан, вас с девушкой могут привлечь как свидетелей... Но я что-нибудь придумаю. У двух из них спальные вагоны. Старший — который с усами — в купе номер 6 рядом с тобой. У него немецкий паспорт на имя Мельхиора Бенца, коммерсанта. Смуглый — армянин — в купе номер 12. У него тоже немецкий паспорт — Курт Гольдфарб, инженер-строитель. У обоих билеты до Парижа. Я проверил их документы — у меня удостоверение инспектора турецкой уголовной полиции. Их паспорта и билеты у проводника. Я показал удостоверение проводнику, и он будет выполнять мои распоряжения. У третьего — глупая отвратительная харя, фурункулы на шее и на лице. Я не сумел заглянуть в его паспорт. Он едет

в одном вагоне со мной, у него сидячее место, и до границы ему не нужно предъявлять паспорт. А вот билет ему пришлось предъявить! — Керим, подобно фокуснику, извлек желтый билет из кармана своего пиджака, показал его Бонду и сунул обратно, довольно улыбаясь.

— Как это тебе удалось?

— Перед тем как расположиться на ночь, этот глупый осел отправился в туалет, — засмеялся Керим. — Я стоял в коридоре, увидел, что он вошел в туалет, и тут же вспомнил, как мы доставали билеты в молодости. Подождав минуту, я подошел к двери туалета, постучал и произнес: «Проверка билетов», затем изо всех сил навалился на ручку двери. Изнутри донеслось какое-то бормотание. Я почувствовал, что он пытается открыть дверь. Когда он пришел к выводу, что замок заклинило, я сказал: «Не обязательно выходить из туалета, сэр. Суньте билет под дверь». Он еще немного подергал за ручку, и затем из-под двери показался билет. Я поднял билет, поблагодарил его и прошел в соседний вагон, — Керим небрежно махнул рукой. — Дурачок, наверно, уже спит сном праведника. Он полагает, что билет ему вернут на границе. В этом он ошибается. Через несколько минут билет превратится в пепел, а пепел вылетит из окна. Я позабочусь, чтобы его сняли с поезда, сколько бы денег у него ни было. Ему скажут, что необходимо провести тщательное расследование и его заявление о покупке билета должно быть подтверждено кассой, в которой он приобрел билет. Он сможет отправиться следующим поездом.

Бонд улыбнулся, представив себе, как ловко Керим сыграл с агентом МГБ свою ребяческую шутку.

— Ну и нахал же ты, Дарко! А что будем делать с остальными?

Керим небрежно пожал плечами.

— Что-нибудь придумаем! Мы заставим русских ошибаться, если поставим их в дурацкое положение. Надо посмеяться над ними. Этого они не выносят. Мы заставим их попотеть. Не сомневаюсь: их расстреляют за срыв задания, выслушав сначала нелепые объяснения.

Пока они разговаривали, проводник вышел из купе Бонда. Керим повернулся к англичанину и положил ему руку на плечо.

— А сейчас выбрось все из головы — мы перехитрим их. Иди к своей девушке. Встретимся утром. Боюсь, нам не придется поспать сегодня ночью, но тут уж ничего не поделаешь. Утро вечера мудренее. Может быть, выспимся завтра.

Керим повернулся и пошел по коридору. Бонд заметил, что, несмотря на вагонную болтанку, широкие плечи Керими ни разу не коснулись стенок узкого коридора. Бонд еще раз почувствовал огромное уважение к этому изобретательному, уверенному в себе профессиональному разведчику.

Керим скрылся за дверью служебного купе. Бонд подошел к двери своего очень беспокойного домика на колесах.

Глава 22

НА ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЕ

Поезд с ревом мчался сквозь ночную тьму. Бонд сидел, смотрел на проносящийся за окном ландшафт, залитый лунным светом, и старался не спать. Это было нелегко: ритмичный стук колес, дуги серебряных телеграфных проводов, взлетающие и опускающиеся с гипнотическим однообразием, грустный звук паровозного свистка, металлический лязг вагонных сцепок, убаюкивающее потрескивание деревянных перегородок маленького купе — все это как нельзя лучше клонило ко сну. Даже фиолетовый свет ночника над дверью, подмигивая, казалось, говорил ему: «Я подежурю. Ничего не случится, пока я на страже. Закрой глаза и спи, спи».

Голова спящей девушки покоилась на коленях Бонда, которого так и тянуло скользнуть к ней под белую простыню, тесно прижаться к ее спине и бедрам, зарыться лицом в каштановую копну волос.

Бонд посмотрел на запястье. Четыре часа. Еще час до турецкой границы. Возможно, ему удастся немного поспать днем. Он передаст Татьяне своей пистолет, сунет деревянный клин под дверь и заснет.

Он наклонился над безмятежно спящей Татьяной. Как спокойно спит она, эта девушка из русской секретной службы — длинные ресницы упали на розовые щеки, губы чуть-чуть приоткрыты, ритмично бьется на незащитной шее голубая жилка. Волна нежности захлестнула Бонда. Ему захотелось крепко прижать ее к себе, прервать глубокий сон, чтобы сказать: все идет хорошо...

Девушка настояла, чтобы он позволил ей спать, положив голову ему на колени: «Я не засну, если не буду чувствовать, что ты рядом со мной. Так ужасно проснуться ночью и увидеть, что тебя нет. Ну пожалуйста, Джеймс!»

Перед тем как Татьяна легла спать, Бонд снял пиджак и галстук, положил ноги на чемодан и сунул под подушку «Беретту». Она заметила пистолет, но ничего не сказала. Разделась, оставив лишь бархатную ленточку на шее, и с наигранной невинностью легла, накрывшись простыней и поудобнее устроив свою голову на коленях Бонда. Затем девушка протянула к нему руки. Бонд крепко поцеловал ее и приказал спать. Сам он откинулся на спинку дивана, приказав успокоиться собственному телу. Засыпая, девушка прошептала что-то, постепенно ее сонное тело расслабилось, и в купе послышалось мерное глубокое дыхание.

Итак, подумал Бонд, скоро они пересекут турецкую границу. Но будут ли они чувствовать себя безопаснее в Греции? Англичан не очень-то любят в этой стране. Потом поезд пересечет Югославию. На чьей стороне сейчас Тито? Скорее всего, на обеих. Каким бы ни было задание трех сотрудников МГБ, они или уже знают, что Бонд и Татьяна едут этим же поездом, или им скоро сообщат об этом. Он не сможет просидеть в купе четверо суток, не выходя ни на минуту. Их обнаружат, сообщат в Стамбул — по телефону на одной из станций, а утром откроется исчезновение «Спектра». Что тогда? Поспешное дипломатическое вмешательство через русское посольство в Белграде? Требование, чтобы девушку сняли с поезда, как обычную воровку? Не слишком ли он упрощает все? Может быть, на самом деле обстановка гораздо сложнее, и он — просто пешка в каком-то таинственном заговоре, осуществляемом русскими? Тогда предпочтительнее скрыться: сойти вместе с Татьяной с поезда на какой-нибудь безымянной станции, прихватив «Спектр», наняв автомобиль, попытаться добраться до ближайшего аэродрома и вылететь в Лондон самолетом...

В тусклом свете наступающего утра стали видны верхушки проносящихся мимо деревьев. Бонд снова посмотрел на часы. Пять утра. Через несколько минут остановка в Узункепрю. Что происходит сейчас в поезде? Удалось ли Кериму что-нибудь предпринять?

И тут у Бонда созрело решение. В конце концов, из этого положения есть только один выход: если удастся быстро избавиться от агентов МГБ, они поедут дальше; если нет, то они вместе с девушкой и шифровальной машиной сойдут с поезда где-нибудь в Греции и будут добираться до Англии кружным путем. Они с Керимом — находчивые люди, в Белграде их встретит надежный агент, в крайнем случае можно обратиться за помощью в посольство.

Бонд лихорадочно размышлял, взвешивая все за и против. Он не мог не признаться себе, что его не покидает упрямое желание довести игру до конца и выяснить, какую цель преследуют противники. Неплохо было бы встретиться с ними лицом к лицу, разгадать мучающую его тайну и, если это заговор против него, одержать верх... М. сказал, что поддержит любое решение, принятое Бондом. Девушка спит рядом с ним, шифровальный аппарат лежит на багажной полке. Зачем впадать в панику? Было бы безумием, пытаюсь скрыться, угодить в другую, еще более опасную ловушку.

Раздался пронзительный свисток, и поезд стал сбавлять скорость. Сейчас начнется первый раунд поединка. Но если Керим потерпел неудачу, и все три агента остались в поезде?..

Мимо окна промелькнули грузовые вагоны, которые с трудом тащил пытящий паровоз. Показались и исчезли силуэты пакгаузов. «Восточный экспресс» со скрежетом пересек путевые стрелки и перешел на другой путь, ведущий в сторону от основного. Поезд все сбавлял и сбавлял скорость, пока наконец не остановился. Резкий звук выпущенного пара — и девушка зашевелилась во сне, но не проснулась. Бонд осторожно переложил ее голову на подушку и вышел в коридор.

За окном типичная балканская станция: мрачные облупившиеся здания, грязная платформа, по которой бродили куры. Несколько небритых служащих в потрепанных мундирах. В конце поезда, у вагонов третьего класса, стояла толпа крестьян со свертками и плетеными корзинами. Они терпеливо ждали полицейских и таможенников, чтобы затем забраться в вагоны и так набитые до отказа.

На одноэтажном строении по другую сторону платформы виднелась надпись — «Полиция». Бонду показалось, что за темным от пыли и грязи окном полицейского участка мелькнула фигура Керима.

— Паспортный контроль. Приготовиться к таможенному досмотру.

В коридоре появились таможенный чиновник и двое полицейских в темно-зеленых мундирах и с кобурами на поясе. Их сопровождал проводник, который стучал в двери купе.

Перед дверью купе номер 12 проводник остановился и с негодованием что-то произнес, глядя на паспорта и билеты, раздвинутые в его руке веером, как игральные карты. Когда он закончил свою тираду, человек в штатском подзывал к себе полицейских и резко постучал в дверь. Она

открылась, и мужчина вошел внутрь. Полицейские стояли настороже, держа руки на рукоятках пистолетов.

Бонд сделал несколько шагов в сторону открытой двери. Из купе доносилась ломаная немецкая речь. Голос одного из собеседников был холодным и уверенным, другого — испуганным и растерянным. «Паспорт и билет герра Курта Гольдфарба исчезли. Может быть, герр Гольдфарб забрал их у проводника?» — «Разумеется, нет», — ответил «Гольдфарб». — «А сдавал ли герр Гольдфарб свои документы вообще?» — «Конечно». — «Тогда это всего лишь неприятное недоразумение. Придется провести расследование случившегося. Несомненно, посольство ФРГ в Стамбуле все уладит, но герру Гольдфарбу придется сойти с поезда. Он сможет возобновить прерванную поездку завтра. Прошу герра Гольдфарба одеться и взять вещи».

Агент МГБ — в майке и пижамных брюках — пулей вылетел в коридор. Его смуглое лицо побледнело от страха и было искажено отчаянием, волосы были всклокочены. Он промчался мимо Бонда, остановился у двери купе номер 6, выпрямился и постучал. Дверь приоткрыли, не снимая предохранительной цепочки, и Бонд заметил в щели толстый нос и пышные усы. Затем цепочку быстро сбросили, и «Гольдфарб» исчез за дверью. Наступила тишина. Инспектор, одетый в штатское, за это время проверил паспорта двух пожилых француженок в купе номер 9 и подошел к Бонду.

Он едва взглянул на паспорт Бонда, вернул его и спросил: «Вы едете с Керим-беем?»

— Да.

— Счастливого пути, — инспектор прошел вперед и резко постучал в дверь купе номер 6. Его впустили, но через пять минут дверь купе распахнулась, и инспектор, вид которого говорил об оскорбленном достоинстве, подозвал к себе полицейских. Он, обращаясь к ним, произнес что-то по-турецки и резко повернулся к стоящим в купе.

— Вы арестованы, герр Гольдфарб. Подкуп должностного лица при исполнении им служебных обязанностей — очень серьезное преступление в Турции.

Из купе послышались шумные протесты «Гольдфарба» на ломаном немецком, которые мгновенно стихли после короткой, как удар хлыста, фразы на русском языке. Потом Бонд увидел уже другого «Гольдфарба»: еле переставляя ноги, он, как слепой, прошел по коридору и исчез за дверью своего купе. Полицейский последовал за ним и встал у открытой двери купе номер 12, глядя внутрь.

— Ваши документы, майн герр. Прошу выйти в коридор. Я должен проверить вашу фотографию. Подойдите к окну.— Инспектор держал в руке зеленый паспорт гражданина ФРГ, повернув его к свету.

Агент МГБ «Бенц» вышел в коридор неохотно, с побелевшим от ярости лицом. Холодный взгляд его скользнул по лицу Бонда.

Инспектор захлопнул паспорт и вернул его хозяину.

— Ваши документы в порядке, герр Бенц. Разрешите взглянуть на ваш багаж.

Инспектор в сопровождении полицейского вошел в купе. Агент МГБ повернулся спиной к Бонду и внимательно следил за таможенным досмотром.

Бонд заметил ремень, скрытый под ярко-синим халатом,— герр «Бенц» носил пистолетную кобурку под мышкой левой руки. Сказать инспектору? Нет, лучше промолчать. Как бы его самого ни привлекли в качестве свидетеля...

Досмотр багажа закончился. Инспектор небрежно поднял ладонь к козырьку и вышел в коридор. Дверь купе номер 6 захлопнулась.

«Одному удалось спастись»,— подумал Бонд, глядя в окно: к двери с надписью «Полиция» подвели крупного мужчину в серой шляпе и с фурункулом на шее. В конце коридора хлопнула дверь. «Гольдфарб» в сопровождении полицейского спустился на грязный перрон и неверными шагами пошел к той же двери.

Раздался паровозный гудок — бравый пронзительный гудок нового локомотива, в будке которого стоял теперь греческий машинист. Двери спального вагона захлопнулись. Инспектор в штатском и второй полицейский вышли на платформу и направились к зданию станции. Кондуктор последнего вагона посмотрел на часы и поднял флаг. Поезд дернулся, локомотив натужно запыхтел, и первая половина «Восточного экспресса» сдвинулась с места. Вторая половина поезда — та, которая поедет по северному маршруту, через Болгарию,— осталась у грязной платформы.

Бонд потянул оконные ремни, опустил стекло и последний раз взглянул на турецкую пограничную станцию, где в комнате сидели сейчас два человека, фактически приговоренные к смерти. Итак, остался один, и теперь шансов на победу стало значительно больше.

Он смотрел на опустевшую грязную платформу, проплывающую мимо, на кур, что-то деловито клюющих в пыли, на ставшую крохотной черную фигуру охранника, а поезд

тем временем пересек стрелки и с резким толчком вырвался на главный путь. Последний раз Бонд взглянул и на бесплодные высохшие поля. Желтое солнце поднималось из-за горизонта на краю турецкой равнины, и день обещал быть великолепным.

Бонд вдохнул прохладный утренний воздух и закрыл окно. Он принял окончательное решение: они останутся в поезде.

Глава 23

ЧЕРЕЗ ГРЕЦИЮ

Горячий кофе в крошечном буфете Пифиона, краткая проверка паспортов и таможенный досмотр на ближайшей греческой станции...

Проводник убрал постели. Поезд мчался на юг по направлению к Энносскому заливу, где начиналось Эгейское море. Воздух стал светлым и сухим, пейзаж за окном — более радостным и живописным. Люди на маленьких железнодорожных станциях и крестьяне, работающие на полях, были куда более стройными и красивыми. Под ярким летним солнцем зрели поля подсолнечника, кукурузы, табака. По склонам гор виднелись виноградники. Начинался новый день.

Бонд побрился и умылся. Татьяна с любопытством наблюдала за каждым его движением. Ей понравилось, что он не пользуется жидкостью для волос.

— Отвратительная привычка, — заметила она. — Мне говорили, что многие европейцы любят это, а у нас, в России, это не принято. И пятна на наволочках остаются. Скажи, Джеймс, а ты не пользуешься одеколоном, как наши мужчины?

— Мне это не нужно. Я просто моюсь, — сухо ответил Бонд.

Раздался стук в дверь. Бонд открыл ее, впустил Керима и снова защелкнул замок. Керим приветливо поклонился.

— Какая трогательная семейная сцена, — произнес он, опускаясь на нижнюю полку. — Мне еще не доводилось видеть таких красивых шпионов!

Татьяна сердито посмотрела на него.

— Я не привыкла к западным шуткам такого рода!

— Вы быстро научитесь этому, дорогуша, — рассмеялся Керим. — В Англии любят шутить, причем по любому поводу. Я тоже научился шутить и считаю, что это полез-

но — помогает сближению людей. Сегодня с самого утра я смеюсь, не переставая. Эти двое бедняг в Узункепрю! Как бы мне хотелось присутствовать там, когда начальник полиции позвонит в Стамбул! Представляю себе, что ответит ему консул ФРГ! Самый главный недостаток поддельных паспортов в том, что, хотя их нетрудно изготовить, практически невозможно подделать документы, на основе которых они якобы выданы и которые хранятся в министерстве иностранных дел ФРГ. Боюсь, миссис Сомерсет, что карьера двух ваших коллег бесславно завершена.

— Как это тебе удалось, Дарко? — заинтересовался Бонд, завязывая галстук.

— Всего лишь деньги и влияние. Пятьсот долларов проводнику. Туманные намеки начальнику полиции. К счастью, наш приятель сделал попытку подкупить инспектора. Жаль, что этому хитрецу, — Керим показал пальцем на соседнее купе, — этому «Бенцу» удалось ускользнуть. К сожалению, я не смог дважды проделать один и тот же фокус с паспортами. Придется устранить его по-другому. Парень с фурункулами не доставил нам никаких трудностей. Он не говорил по-немецки, да и безбилетный проезд — дело серьезное. Ну ладно, день начался удачно. Мы одержали победу в первом раунде, но дальше будет труднее. Этот приятель «Бенц» предпримет все меры предосторожности. Теперь он знает, какая опасность угрожает ему. Может быть, это к лучшему. Согласитесь, вам было нелегко скрываться в купе целый день. А теперь можно свободно передвигаться и даже вместе пообедать. Не забудьте только прихватить с собой семейные драгоценности. Необходимо внимательно следить за «герром Бенцем» — он может попытаться позвонить на одной из станций. Сомневаюсь, впрочем, что ему удастся справиться с греческой телефонной службой, и, видимо, он подождет приезда в Югославию. Но у меня и там неплохая организация. Если понадобится, затребуем подкрепление. В общем, ваше свадебное путешествие будет очень интересным. На «Восточном экспрессе» всегда масса приключений, романтики, а также любви. — Керим встал, открыл дверь купе. — Я зайду за вами перед обедом. Греческая кухня еще хуже турецкой, но я весь на службе ее королевского высочества, включая мой желудок.

Бонд запер за ним дверь.

— У твоего друга очень плохие манеры! — недовольно заметила Татьяна. — Разве можно так говорить о королеве Англии?

Бонд сел рядом с ней.

— Таня, это — великолепный человек и мой хороший друг. Пусть говорит все, что взбредет ему в голову. Он просто ревнует меня. Ему тоже хотелось бы иметь такую же красивую подругу. Поэтому прими его шутки как комплимент.

— Ты так считаешь? Нет, то, что он сказал о своем желудке и главе вашего государства, у нас сочли бы крайне невежливым.

Через несколько минут поезд остановился у залитого солнцем перрона Александруполиса. Бонд распахнул дверь в коридор, и солнце, отражающееся от безграничного бледно-голубого зеркала моря, наполнило маленькое купе ярким сиянием.

Керим зашел за ними, и они, взяв с собой тяжелую сумку со «Спектром», пообедали в ресторане. Из окна они видели, как «Бенц» спустился на платформу и купил в буфете бутерброды. Керим предложил: «А не пригласить его поиграть с нами в бридж?» Но Бонд почувствовал, что очень устал. Ему стало казаться, что они начали превращать опасную поездку в какой-то пикник. Татьяна, заметив его изменившееся настроение, поспешила встать из-за стола. Когда они вышли из вагона-ресторана, Керим, решивший остаться, заказал себе бренди и сигары.

— Теперь тебе нужно поспать, — сказала Татьяна, как только они вошли в купе. Она опустила штору, притушив солнечный свет. Бонд загнал клинышки под обе двери и с наслаждением вытянулся на нижней полке. Татьяне он дал свой пистолет и тут же уснул, положив голову к девушке на колени.

Длинный поезд извивался, подобно змее, у подножья Родопских гор. Они миновали Ксанти, затем Драму и Серры. Наконец поезд помчался по Македонскому плато, направляясь на юг, к Салоникам.

Когда Бонд проснулся, уже стемнело. Татьяна взяла его лицо в ладони, нежно посмотрела в глаза и спросила: «Милый, сколько у нас времени?»

— Много, — машинально ответил Бонд, наслаждаясь последними минутами сна.

— Как много?

У нее были такие прекрасные и такие тревожные глаза, что Бонд сразу вспомнил ситуацию, в которой они находились. Сон прошел... Он не мог знать, как закончится это путешествие в спальном вагоне экспресса, что случится с ними по прибытии в Лондон. Эта девушка — вражеский агент для тех, кто начнет допрашивать ее, и чувства, ко-

торые испытывал к ней Бонд, не имеют для них никакого значения. Ее ждут мастера допроса и из разведывательных служб, и из разных министерств. Наверно, ее сразу же отвезут в хорошо охраняемый дом рядом с Гилфордом. Там она будет жить в удобной, отлично прослушиваемой комнате. Опытные специалисты в штатском будут сменять друг друга и допрашивать, не давая ей передышки. Искусно скрытые микрофоны запишут каждый звук. Затем записи расшифруют и начнут по зернышку выискивать в ее словах новую, еще неизвестную информацию. Конечно, попытаются поймать ее на противоречиях. Может быть, к ней подсадят приятную русскую девушку, которая проявит безграничное сочувствие, возмутится жестоким обращением и непрерывными допросами, предложит передать весточку родным в России. Она может предложить стать двойным агентом или свои услуги в организации побега. Татьяну будут допрашивать долгие месяцы. А Бонду тактично объяснят, что ему лучше пока не встречаться с ней. Не исключено, что мастера допросов разрешат им встретиться, если встреча Бонда и Татьяны покажется им полезной для дела. А потом? Для него — другое имя, другое задание. К примеру, в Канаде, тысяча фунтов в год из секретных фондов, и когда ее выпустят на свободу, он, Джеймс Бонд, будет где-нибудь на другом континенте. Но если даже в момент ее освобождения он будет в Лондоне, сохранится ли у нее какое-нибудь чувство к нему, останется ли что-нибудь в душе после мучительных месяцев заключения? Можно только себе представить, как будет она ненавидеть англичан. Да и что останется к этому времени от его собственной любви к ней?

— Милый, — вновь услышал он настойчивый вопрос Татьяны, — сколько у нас времени?

— Трудно сказать. Наши отношения будут зависеть от многих людей. Нас разлучат, и жизнь уже не будетходить на ту, которую мы ведем сейчас в этой маленькой комнатке. Через несколько дней мы покинем ее и выйдем в мир, где нам будет нелегко. Я не хочу обманывать тебя.

Лицо Татьяны прояснилось.

— Ты прав, Джеймс. Я больше не буду задавать глупых вопросов. Теперь мне ясно, что у нас мало времени, и давай не будем тратить его понапрасну. — Она переложил голову Бонда с колен на подушку и легла рядом...

Через час, когда Бонд стоял в коридоре, у окна, появилась массивная фигура Керима.

— Ты слишком долго спал, — хитро сказал Керим, —

и не видел исторический ландшафт северной Греции. Время ужинать...

— Ты только и думаешь о еде,— запротестовал Бонд и жестом показал в сторону соседнего купе.— Как там наш друг?

— Закрылся у себя. Проводник наблюдает за ним. Знаешь, он скоро будет самым богатым проводником спальных вагонов. Я заплатил ему пятьсот долларов за операцию «Гольдфарб», да к тому же он получает от меня по сотне в день и намерен это делать до конца нашего путешествия.— Керим засмеялся.— Я пообещал, что после возвращения в Турцию его могут наградить орденом — за исключительные заслуги перед родиной. Он считает, что мы следим за группой контрабандистов, пытающихся провезти в Париж крупную партию турецкого опиума. Так что он не удивлен происходящим, а обрадован, потому что ему так хорошо платят. Ну, а что ты узнал от нашей русской принцессы? Меня не покидает чувство беспокойства. Все идет слишком уж гладко. Те двое, которые остались на турецкой границе, могли действительно ехать в Берлин. А «Бенц» не покидает купе, потому что боится нас. Пока все идет у нас слишком хорошо.— Керим с сомнением покачал головой.— Эти русские — блестящие шахматисты. Они рассчитывают игру на много ходов вперед, маневры врага предвидят заранее и принимают ответные меры. Меня не оставляет чувство, что ты, я и девушка — всего лишь пешки на огромной шахматной доске, что нам разрешают действовать так лишь потому, что это не мешает замыслу русских.

— Но что это за замысел? — Бонд смотрел в темноту за окном.— Какова его цель? Мы все время возвращаемся к этому вопросу. Разумеется, с самого начала чувствовалось что-то неладное, завязка какой-то игры. И девушка может не знать, какую роль она играет. Я предполагаю, она что-то скрывает от меня, потому что это кажется ей незначительным, второстепенным. Она обещала рассказать обо всем сразу после приезда в Англию. Но что именно? Что? И все-таки ты должен признать, Дарко,— Бонд испытующе посмотрел на Керима, втайне надеясь, что тот согласится с ним,— что девушка выполнила свое обещание.

Керим молчал. Его лицо было бесстрастным. Бонд пожал плечами.

— Я и не отрицаю, что влюбился в нее. Но ведь я не дурак, Дарко. Каждую секунду, пока мы были с ней наедине, я следил за ней, пытаюсь найти разгадку. Ты знаешь,

что, когда между мужчиной и женщиной исчезают последние преграды, многое становится ясным. Эти преграды исчезли, и я уверен, что она говорит правду. По крайней мере, почти всю правду. Если она обманывает меня, то по незнанию — значит, ее тоже обманывают. Но и тут опять возникает вопрос — зачем? — Голос Бонда стал ледяным. — Если ты хочешь знать мое мнение, то единственное, что я прошу, — это продолжить игру и выяснить, чем она кончится.

Упрямое выражение лица Бонда неожиданно развеселило Керима.

— Дружище, если бы я оказался на твоём месте, я сошел бы с поезда в Салониках, прихватив с собой шифровальную машину и, если так уж тебе хочется, девушку. Последнее, правда, не так обязательно. Затем я отправился бы на автомобиле в Афины и тут же вылетел в Лондон. Я не искатель приключений, и все это для меня не спорт, а всего лишь работа. А ты — игрок. Да и М. тоже не прочь рискнуть и сделать крупную ставку, иначе он не дал бы тебе право принимать любые решения. К тому же ему очень хочется узнать, чем кончится вся эта история. Он не выносит неразгаданных тайн. Хорошо, пусть будет по-вашему. И все-таки позволь мне принять меры, не оставлять все на волю случая. Вот сейчас ты думаешь, что ситуация изменилась и счастье на твоей стороне. Верно? Но послушай, мой хороший друг, — сказал он, опуская огромную руку на плечо Бонда. Его голос смягчился и стал даже умоляющим: — Представь себе, что перед нами бильярдный стол. Обычный, ровный, плоский бильярдный стол, покрытый зеленым сукном. Ты все рассчитал, нанес удар, и белый шар плавно катится по направлению к красному. Луза совсем рядом. Нет никаких сомнений в том, что твой белый шар попадет в красный и тот упадет в соседнюю лузу. Это закон бильярда, закон бильярдного стола. Но где-то, за пределами происходящего в бильярдном зале, летчик, сидящий в реактивном истребителе, потерял сознание, и его истребитель падает прямо на здание, где находится бильярдный зал. Или газовая магистраль, проходящая рядом, вот-вот взорвется. Или гремит гроза, и молния вот-вот ударит в игроков. А может быть, здание рухнет и погребет под собой всех, кто находится в нем. И что тогда произойдет с белым шаром, который должен был неизбежно попасть в красный, и с красным, готовым упасть в соседнюю лузу? По законам бильярдного стола белый шар должен бить по цели. Однако эти законы не есть единственные законы, и законы, управ-

ляющие движением поезда, в котором мы находимся, не являются единственными законами в нашей игре.

— А, да тебе все это уже давно известно! — сказал Керим, махнув рукой, будто извиняясь за пустое словозиливание. — И у меня пересохло в горле от этого банального разговора. Так что поторопи свою девушку и пойдем ужинать. Единственно, о чем я прошу тебя, — остерегайся неожиданностей. — Он поднял руку и перекрестился над пиджаком. — Обрати внимание, что я крещу не свое сердце — это было бы слишком серьезно. Я перекрестил свой живот, а для меня это достаточно важная клятва. Нас с тобой, Джеймс, ждут неприятные сюрпризы — помнишь, цыган предсказал их нам. И я с ним согласен: мы играем с тобой на бильярдном столе и упускаем из виду, что может произойти за пределами игорного зала. Мой нос, — он постучал по нему указательным пальцем, — предупреждает меня об этом.

В это же мгновение у Керима забурчало в животе.

— Видишь, — сказал он, — пора ужинать.

...Они закончили ужин, когда экспресс подъехал к перрону современной до безобразия станции Салоники. Бонд достал из-под стола тяжелую сумку со «Спектром». Они прошли вдоль коридоров поезда и попрощались на ночь.

— Скоро вас разбудят, — предупредил Керим. — В час ночи мы будем на границе. Греки пропустят вас, не обращая внимания, но югославы любят будить всех, кто едет в спальнях вагонах. Если они слишком будут вас раздражать, позови меня. Даже в этой стране я могу подействовать на них, назвав кое-какие имена. Сейчас я еду во втором купе соседнего с вами вагона, завтра перемещусь в купе номер 12 и займу место нашего общего приятеля Гольдфарба. Пока мне удобно и в купе первого класса.

Пыхтящий локомотив тащил длинный поезд вверх по долине Вардара. Бонд сидел у себя в купе и дремал. Как и в прошлую ночь, Татьяна спала, положив голову на его колени. Бонд не мог забыть слова Керима. Не отослать ли его обратно в Стамбул после того, как они приедут в Белград? Зачем тащить Керима через всю Европу, тем более, что тот явно не одобряет действий Бонда. Дарко считает, что влюбленный Бонд не в состоянии трезво оценить происходящее. И в этом, признавался себе Бонд, есть немалая доля правды. Несомненно, куда безопаснее сойти с поезда и добираться до Лондона другим путем. Но Бонд уже не мог заставить себя сбежать от опасности, не узнав, что приго-

товил для него противник. И так хотелось провести вместе с Татьяной оставшиеся им дни.

Бонд выбросил сомнения из головы: все идет хорошо, не надо впадать в панику...

Через десять минут после прибытия на греческую пограничную станцию Идомени раздался громкий стук в дверь. Он разбудил девушку. Бонд встал и приложил к двери ухо.

— Кто это?

— Это проводник, мсье. С вашим другом, Керим-беем, случилось несчастье.

— Подождите меня.— Бонд сунул «Беретту» в кобуру, надел пиджак и вышел в коридор.

— Что случилось?

Лицо проводника посерело от испуга. Он жестом показал Бонду: там, в следующем вагоне...

Дверь второго купе была открыта, и возле нее стояла группа греческих полицейских и таможенников.

Проводник что-то произнес, и они расступились. Бонд заглянул в купе.

Волосы зашевелились у него на голове. На диване в смертельном объятии застыли два мертвых тела.

Внизу лежал Керим, подогнув колени и будто пытаясь встать. В его шее, рядом с яремной веной, торчала ручка кинжала. Голова была откинута назад, налитые кровью глаза неподвижно смотрели в потолок. Изо рта, искаженного свирепой гримасой, стекала по подбородку струйка крови.

В другом мертвце Бонд узнал «Бенца». Левая рука Керима заостенела на его шее — Бонд видел пышные усы и почерневшее лицо «Бенца» — правая лежала на спине врага, сжатая в массивный кулак, сжимающий рукоятку ножа. По спине «Бенца» расплылось широкое кровавое пятно.

Бонд понял, что произошло: Дарко спал, когда «Бенц» неслышно проскользнул в дверь и нанес смертельный удар в яремную вену. Умиравший Дарко смог прижать к себе убийцу и всадил ему нож под пятое ребро.

Этот поразительный человек был мертв. Бонд повернулся и вышел из купе, не в силах больше смотреть на друга, погибшего из-за него.

Встав у окна, он начал отвечать на вопросы полицейских, тщательно обдумывая слова.

ВНЕ ОПАСНОСТИ

В три часа пополудни «Восточный экспресс» въехал в центральную станцию Белграда и остановился у перрона. Здесь он будет стоять восемь часов, ожидая прибытия вагонов, следовавших через Болгарию.

Бонд смотрел в окно на толпы людей на перроне и ждал, когда раздастся стук в дверь и к ним придет человек Керима. Татьяна сидела в углу, завернувшись в меховое манто, и не сводила глаз с Бонда. Она видела все, что произошло на маленькой пограничной станции. К соседнему вагону принесли длинные плетеные корзины, сверкнули вспышки — фотограф снимал трупы, кондуктор суетился, стараясь ускорить исполнение формальностей. И за окном несколько раз промелькнула высокая напряженная фигура Джеймса Бонда.

Затем он вернулся в купе и, глядя ей в лицо, начал задавать прямые, жестокие вопросы. Татьяна отвечала, стараясь ни в чем не отступать от своей легенды, понимая, что если сейчас расскажет ему о том, что в происшедшем замешан СМЕРШ, Бонд никогда не простит ей этой лжи. Точнее, молчания.

Она смотрела на Бонда, смертельно подавленная происшедшим, запутавшаяся в паутине лжи и обмана. Сейчас она потеряет, наверно, и его, этого мужчину с таким холодным лицом и ледяным голосом, его, который стал самым главным в ее жизни.

В дверь постучали. Бонд открыл, и улыбающийся коренастый мужчина, похожий на каучуковый мяч, ворвался в купе.

— Стефан Темпо к вашим услугам. Друзья зовут меня «Темпо». А где шеф?

— Сядьте,— тихо произнес Бонд. «Боже мой,— подумал он, глядя на голубоглазое молодое лицо,— это же еще один сын Керима!»

Мужчина сел, не спуская глаз с Бонда. Улыбка сползла с его лица, в глазах появились страх и подозрение. Правая рука скользнула в карман плаща.

...Когда Бонд закончил рассказ, мужчина встал. Он не задал ни единого вопроса.

— Спасибо, сэр. Прощу идти за мной. Я отвезу вас к себе домой. Мне надо многое сделать,— он вышел в коридор и замер у окна, уставясь вниз, на рельсы, невидящим

взглядом. Только когда из купе вышла девушка, он заставил себя повернуться и не оглядываясь пошел к выходу. Бонд шел за Татьяной, держа в одной руке небольшую тяжелую сумку со «Спектром», в другой — свой атташе-кейс.

Они прошли вдоль перрона и спустились на привокзальную площадь. Шел мелкий дождь. Вид темных зданий, окружающих замусоренную площадь, ряды потрепанных такси у вокзала — все выглядело угнетающе мрачным. Мужчина открыл заднюю дверцу старого «морриса», жестом пригласил их в машину и сел за руль. Автомобиль затрясся по булыжнику площади, выехал на скользкий асфальт бульвара и минут пятнадцать мчался по широким пустым улицам.

Свернув в узкий переулок «моррис» остановился. Темпо повел их к широкой двери многоэтажного дома, потом — по лестнице, пахнувшей по-балкански — потом, табачным дымом, вареной капустой, открыл ключом дверь небольшой двухкомнатной квартиры и попросил гостей войти. На серванте стоял поднос, уставленный бутылками, вазами с фруктами и печеньем — угощением, приготовленным для Дарко и его друзей.

— Прошу вас чувствовать себя как дома. Если вам захочется освежиться, то ванная вон там. А меня прошу извинить. Я должен позвонить. — Было видно, что Темпо с трудом сдерживает рыдания. Он повернулся и исчез за дверью, ведущей в спальню. Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Прошло два часа, а Бонд все сидел и смотрел на соседний дом. Время от времени он вставал, делал несколько шагов по комнате и снова садился. Вначале Татьяна делала вид, что просматривает журналы, затем неожиданно встала и прошла в ванную. Оттуда послышался шум воды.

Примерно в шесть вечера Темпо вышел из спальни и сказал Бонду, что уходит по неотложному делу.

— Еда в кухне. Я вернусь в девять часов и отвезу вас на вокзал. — Не ожидая ответа, он вышел из квартиры и снизу до Бонда донесся звук мотора «морриса».

Бонд подошел к телефону в спальне, снял трубку и по-немецки заказал разговор с Лондоном. Через полчаса его соединили с М.

Бонд говорил по телефону, как коммивояжер, докладывающий директору фирмы о результатах своей поездки. Он сообщил, что его партнер заболел. Какие будут указания?

— Серьезно заболел?

— Да, сэр, очень серьезно.

— А как дела у наших конкурентов?

— Их было трое, сэр. Один из них тоже серьезно простудился. Остальные почувствовали себя не в своей тарелке еще в Турции. Они сшли с поезда в Узункепрю — это пограничная станция.

— Значит, конкуренция нам больше не угрожает?

Бонд представил себе напряженное лицо М.: он, наверное, взвешивает каждое услышанное слово. На потолке кабинета медленно вращается вентилятор. М. держит в руке трубку, а начальник штаба слушает их разговор по отводной трубке.

— Как вы считаете, может быть, вам с женой стоит поскорее вернуться домой?

— Мне хотелось бы, сэр, чтобы этот вопрос решили вы. Жена чувствует себя хорошо. Товар в отличном состоянии. Может быть, есть смысл закончить обследование территории. Иначе мы так и не узнаем, насколько велико ее потенциальное значение.

— Может быть, послать вам на помощь одного из наших специалистов?

— Откровенно говоря, особой необходимости не вижу. Но я полагаюсь на ваш опыт.

— Хорошо, я подумаю. Итак, по вашему мнению, нам следует довести обследование до конца?

Бонд чувствовал скрытое любопытство в вопросах М., и ему было понятно стремление начальства поскорее раскрыть странную тайну.

— Да, сэр. По-моему, нам не следует останавливаться на полпути.

— Ну что ж, пусть будет так. Я подумаю о том, чтобы выслать кого-нибудь на помощь. — Наступило молчание. — У вас все?

— Да, сэр.

— До свиданья.

— До свиданья, сэр.

Бонд положил трубку. Внезапно он пожалел о том, что не принял предложение М. о высылке подкрепления — так, на всякий случай. Ну ничего, скоро они покинут эти мрачные Балканы и окажутся в Италии; затем Швейцария, Франция — кругом приветливые доброжелательные люди. Предательство и интриги останутся позади.

Виновата ли девушка в смерти Керима? Бонд вошел в столовую и снова встал у окна, вспоминая каждую минуту,

проведенную вместе с ней, начиная с того момента, когда они встретились в «Кристэл Палас». Нет, он ни в чем не мог винить ее. Если она подослана к нему, то и сама не знала конечной цели игры. Не может быть, чтобы девушка в ее возрасте играла роль так расчетливо, хладнокровно, так правдиво. Может, их заговор должен был кончиться смертью Керима? Когда-нибудь Бонд узнает все подробности. Сейчас он был уверен в одном — Татьяна не была сознательной участницей этого заговора.

Бонд подошел к двери ванной комнаты и постучал. Дверь открылась. Татьяна вышла, и Бонд обнял ее. Девушка прильнула к его груди, и они стояли, прижавшись друг к другу, пытаясь теплотой своих тел прогнать призрак смерти Керима.

Наконец Татьяна отбросила голову назад, посмотрела ему в глаза и отвела с его лба прядь волос. Радость жизни вернулась к ней.

— Я так рада, что ты снова со мной, Джеймс. А теперь нам нужно поесть и начать нашу жизнь заново.

В девять часов появился Темпо и отвез их на станцию, где у перрона стоял «Восточный экспресс», словно замерший под слишком ярким светом дуговых ламп. Он попрощался быстро и холодно и исчез с перрона — и из их жизни — в глубине неведомого им существования.

Точно по расписанию прозвучал гудок, поезд тронулся и поехал, набирая скорость, по долине Савы.

Бонд снова сидел в купе, держа голову спящей Татьяны на своих коленях. Они миновали Винковци, затем Брод, и когда начало светать, поезд остановился в Загребе. После короткой стоянки путешествие продолжалось. «Восточный экспресс» с грохотом летел по долинам Словении, где яблоневые сады и горные шале так напоминали Австрию. Наконец показалась Любляна. Девушка проснулась. Они умылись и отправились в ресторан. На завтрак им подали яичницу, жесткий черный хлеб и кофе из одного цикория. За соседними столами расположились оживленные английские и американские туристы, возвращающиеся с Адриатического побережья, и Бонд с облегчением подумал о том, что к вечеру поезд будет в Западной Европе и третья опасная ночь миновала.

Он спал до Сезана. По вагонам прошли югославские пограничники в штатском, и Югославия осталась позади. Поезд остановился в Поггиореале, и Бонд впервые ощутил, что они возвращаются к светлой жизни — весело болтающие итальянские таможенники, беззаботная толпа на

перроне. Дизельный локомотив лихо свистнул, в воздухе замелькали смуглые руки провожающих, которые долго махали вслед поезду, направляющемуся к Триесту и голубым волнам Адриатики.

«Мы ускользнули от них,— подумал Бонд.— Мы действительно ускользнули от них. Больше нам ничто не угрожает». Воспоминания последних трех суток остались где-то далеко. Татьяна заметила, что напряжение исчезло с его лица. Бонд опустил окно. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу и глядя на живописные виллы на побережье, яхты и быстрые катера, за которыми мчались на водных лыжах легкие загорелые фигурки.

Поезд простучал по стрелкам и въехал в Триест. Бонд не мог оторваться от окна. Он был счастлив. В порыве чувств он обнял Татьяну за талию, и они, улыбаясь, глядели на праздничную толпу. Солнечные лучи осветили огромные окна станции. Чистота и оживление, царящее на перроне, были по-особому праздничны по сравнению с темной и опасностью стран, оставшихся где-то там, за далеким горизонтом, в их прежней жизни.

До отхода поезда было еще много времени. В празднично шумящей толпе Бонд заметил мужчину, который шел по перрону не спеша, с любопытством оглядываясь по сторонам. Бонд почему-то решил, что это англичанин. Может быть, на такую мысль его навел бежевый поношенный макинтош — верный спутник английского туриста — или серые фланелевые брюки. Мужчина приближался к их спальному вагону, и Бонд мог рассмотреть заинтересовавшего его человека. В одной руке незнакомец нес выдавший виды чемодан, локтем другой прижимал к телу толстую книгу и газеты. Бонд подумал, что он походит на атлета: широкие плечи, бронзовое лицо теннисиста-профессионала, возвращающегося домой после зарубежного тура.

Подойдя ближе, мужчина поднял голову и в упор посмотрел на Бонда. Неужели они когда-то встречались? Бонд напряг память. Нет, он никогда не видел это лицо, потому что его нельзя было бы забыть: матовые, какие-то мертвые глаза, неподвижно и холодно смотрящие из-под белесых ресниц, — глаза утопленника. Странно, что они оживились, в них появился блеск, словно человек на перроне узнал Бонда...

Бонд почувствовал, что от этого взгляда по его спине пробежала легкая дрожь. Что было в нем — предостережение? Угроза?

Мужчина прошел мимо. Его туфли на резиновой подошве беззвучно касались платформы. Он подошел к вагону первого класса, взялся рукой за поручень и легко поднялся на верхнюю ступеньку.

И тут Бонд понял, что означает этот взгляд. Ну конечно! Судя по всему, М. решил перестраховаться и послал ему на помощь одного из зарубежных агентов. Вот что пытались сказать ему эти странные глаза! Бонд не сомневался, что через несколько минут они встретятся и обменяются паролями.

Глава 25

ГАЛСТУК С ШИРОКИМ УЗЛОМ

Бонд решил не отходить от окна, чтобы не затруднять встречу. Он перебрал в памяти детали пароля, который состоял из нескольких безобидных фраз, но менялся каждый месяц. Агенты знали пароли всех месяцев — на год.

Поезд дернулся с места и медленно выполз из затемненной станции под яркий свет солнца. В конце коридора хлопнула дверь. Бонд не слышал шагов, но внезапно рядом с ним появилась высокая атлетическая фигура мужчины, только что проходившего по перрону.

— Извините, у вас не найдется спичек?

— Только зажигалка.— Бонд достал из кармана свой «Ронсон» и передал его мужчине.

— Еще лучше.

— Пока не кончится газ.

Бонд посмотрел в лицо стоящего рядом агента секретной службы. Толстые губы мужчины чуть раздвинулись в подобии улыбки, но удивительно — бледно-голубые глаза сохранили застывшее выражение.

Мужчина снял плащ у себя в купе, и сейчас на нем были поношенный красновато-коричневый пиджак, фланелевые брюки, светло-желтая летняя рубашка и синий с красными зигзагами галстук корпуса королевских саперов. Галстук был завязан широким виндзорским узлом. Бонд поморщился: он замечал, что чаще всего этот узел нравится тщеславным, грубым и невежественным. На этот раз Бонд решил отбросить предрассудки в сторону. На мизинце короткопалой широкой руки, лежащей на поручне, виднелся золотой перстень с непонятной надписью. Из грудного кармана пиджака торчал угол красного платка. На кисти левой руки были поношенные серебряные часы на старом кожаном ремешке.

Бонду был знаком этот тип людей. Учился в провинциальной частной школе, готовился к университету, и тут началась война. В армии попал, наверно, в контрразведку. После окончания войны не знал, что делать дальше, решил остаться в оккупационных войсках. Сначала служил в военной полиции, потом, когда старшие по должности демобилизовывались и отправлялись домой, был назначен в службу безопасности. Переведен в Триест, где спешно справился с работой. Решил остаться за границей и там пережить трудности первых послевоенных лет. Возможно, женился на итальянке. После того, как отсюда были выведены оккупационные войска, секретной службе понадобился резидент для этого, не слишком важного района. Поскольку он уже имел опыт работы, ему предложили этот пост, и он согласился. Ему не поручали ответственных заданий — он собирал кое-какую информацию в итальянской и югославской полиции, а также передавал в центр сведения, которые его просили передать. Тысяча фунтов в год. Спокойная тихая жизнь. И вдруг совершенно неожиданно прибыла шифровка с грифом «Совершенно секретно». Он, наверно, побаивается Бонда. Странное выражение лица, да и глаза какие-то безумные. Впрочем, такое характерно для агентов, постоянно живущих за границей. Но какие плечи, какая физическая сила! Вряд ли он годится на роль секретного агента, скорее — охранника. По-видимому, М. просто взял сотрудника службы в одной из стран, через которые пролегал маршрут поезда, и дал ему задание встретить Бонда.

Все эти мысли промелькнули в его голове, пока он рассматривал незнакомца.

— Рад встрече, — сказал Бонд улыбаясь. — Оторвали от повседневной работы?

— Прибыла шифровка — поздно вечером. Лично от М. Должен признаться я был здорово потрясен, старина.

Какой странный акцент! Интересно, в каком районе Англии он родился? Где-то в провинции, наверно. Может быть, в Ирландии? И что-то еще есть в его речи, не поддающееся определению. Скорее всего, из-за длительного пребывания за границей. И это ужасное «старина» в конце фразы! Действительно, он несколько смущен и, видимо, стесняется Бонда.

— Бывает, — кивнул Бонд. — Что в ней говорилось?

— Встретить «Восточный экспресс» и отыскать в спальном вагоне мужчину, сопровождающего девушку. Ваше описание. Не отходить от вас ни на секунду до самого прибытия в веселый город Париж. Вот и все, старина.

Бонд повернул голову к незнакомцу и встретился взглядом с бледно-голубыми глазами, в которых промелькнул отблеск красного пламени — будто на мгновение приоткрылась дверца топки, где бушевал неукротимый огонь. И тут же дверца захлопнулась, глаза снова стали застывшими и непроницаемыми — глазами человека, сосредоточенного в самом себе.

Да, на него только что смотрело безумие, подумал Бонд, потрясенный случившимся. Наверно, контузия или шизофрения. Несчастный парень, с таким великолепным телосложением... Придет время, и он не выдержит. Безумие одержит верх над разумом. После приезда в Лондон, решил Бонд, нужно взглянуть в его досье и поговорить с руководителем зарубежных кадров. Между прочим, как его зовут?

— Ну что ж, рад познакомиться. Надеюсь, у вас не будет слишком много работы. Когда мы отправились в путь, нас сопровождало три красных агента. Нам удалось избавиться от них, но не исключено, что в поезде скрывается кто-то еще. А мне просто необходимо доставить девушку в Лондон. Давайте сделаем так: вы проведете ночь у нас в купе, и мы будем дежурить по очереди. Осталась всего лишь одна ночь, и мне не хочется рисковать. Между прочим, меня зовут Джеймс Бонд. Паспорт на имя Дэвида Сомерсета. Девушка — Кэролайн Сомерсет.

Мужчина сунул руку во внутренний карман пиджака и достал пухлый бумажник, набитый, казалось, деньгами. Из бумажника он извлек визитную карточку и передал ее Бонду. На ней было выгравировано: «Капитан Норман Нэш», а в нижнем левом углу, мелкими буквами — «Королевский автомобильный клуб».

— Спасибо,— сказал Бонд и положил карточку в карман.— А сейчас, Нэш, я представляю вас миссис Сомерсет. Нам все равно придется ехать вместе.

В глазах Нэша снова мелькнул красный отблеск огня, губы исказились в подобии улыбки.

— Очень любезно с вашей стороны, старина.

Бонд повернулся к двери, постучал и назвал себя.

Дверь отворилась. Бонд пригласил Нэша войти и снова запер ее.

Девушка смотрела на Бонда с удивлением.

— Это капитан Нэш, Норман Нэш. Ему поручили присматривать за нами.

— Как поживаете, капитан? — Девушка неуверенно протянула руку. Мужчина на мгновение прикоснулся к ней, молча с бесстрастным лицом. Девушка в замешательстве

взглянула на Бонда. — Не хотите присесть? — Она снова повернулась к мужчине.

— Э-э, спасибо. — Нэш неохотно опустил на край дивана. Затем он вспомнил, чем можно воспользоваться, когда не о чем говорить. Он опустил руку в боковой карман пиджака и достал пачку сигарет.

— Не хотите закурить? — Он сравнительно чистым ногтем большого пальца подцепил целлофановую обертку, разорвал ее и открыл пачку. Татьяна взяла сигарету. Другой рукой Нэш выхватил зажигалку и с угодливостью официанта поднес пламя к сигарете, которую держала девушка.

Бонд стоял, опираясь плечом на притолоку двери, и думал о том, как помочь этому неуклюжему, смущенному человеку. Нэш жестом, которым предлагают бисер вождю туземного племени, протянул ему сигареты и зажигалку.

— А как вы, старина?

— Спасибо, — ответил Бонд. Он не выносил виргинский табак, но был готов сделать все, что в его силах, чтобы Нэш перестал так смущаться. Он взял сигарету и закурил.

Как-то раньше ему не приходило в голову, что их служба испытывает такой отчаянный недостаток кадров. Неужели теперь им приходится вербовать таких людей, как Нэш? И как он справляется со своими обязанностями, исполнение которых требует, чтобы он был своим человеком в полудипломатическом обществе Триеста?

— У вас очень спортивный вид, Нэш, — заметил Бонд. — Как это вам удается? Играете в теннис?

— Много плаваю.

— Давно в Триесте?

Снова мгновенный блеск красного пламени.

— Года три.

— Вам нравится работа?

— Иногда. Сами понимаете, старина.

Бонд подумал, как бы ему повежливее попросить Нэша, чтобы тот перестал называть его «старина». Наступило молчание.

Судя по всему, Нэш пришел к выводу, что пришла его очередь попытаться смягчить напряжение. Он достал из кармана вырезку из газеты — первую страницу из «Коррьере делла сера» — и протянул Бонду.

— Вы еще не читали об этом, старина? — Глаза на мгновение вспыхнули яростным пламенем и потухли.

Газета была свежая, типографская краска еще не успела высохнуть. Огромный заголовок гласил:

**УЖАСНЫЙ ВЗРЫВ В СОВЕТСКОМ КОНСУЛЬСТВЕ
В СТАМБУЛЕ
ЗДАНИЕ ПОЛНОСТЬЮ РАЗРУШЕНО
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ЖЕРТВЫ**

Бонд свернул газетную страницу и возвратил ее Нэшу. «Что известно ему о моем задании? Пожалуй, почти ничего. Лучше всего рассматривать Нэша как телохранителя, не больше...»

— Какое несчастье! Утечка газа, наверно.— Бонд вспомнил мрачное полушарие огромной бомбы над головой, провода, ведущие к подрывной машинке в кабинете Керима. Кто нажал на ручку вчера вечером, после того, как Темпо позвонил по телефону в Стамбул? Старший клерк? Или они бросили жребий, стояли кругом и смотрели, как рука мстителя берется за ручку подрывной машинки, и услышали глухой раскат взрыва на Книжной улице? Несомненно, все они, полные ненависти, собрались там, в прохладном кабинете Керима. Слезы придут позже, сначала мщение. А крысы? Сколько тысяч, десятков тысяч крыс погибло от взрыва в туннеле? Взрыв произошел около четырех во время очередного совещания. Погибли трое сотрудников разведывательных служб. Сколько еще было в это время в консульстве? Друзья Татьяны, наверно. Лучше не говорить ей о случившемся. Следил ли Дарко за происходившим из окна в темной Валгалле? Бонду казалось, что он слышит насмешливый хохот Керима. По крайней мере, многие из его врагов последовали за ним.

Нэш равнодушно смотрел на Бонда «Да, наверно, утечка газа»,— сказал он, пожав плечами.

В коридоре послышался звон приближающегося колокольчика.

«Приглашаем на обед! Приглашаем на обед!»

Бонд взглянул на Татьяну. Она побледнела, и в глазах девушки Бонд прочитал просьбу спасти ее от общества этого неприятного человека.

— Пойдем на обед? — спросил Бонд, и девушка тут же встала.— А вы, Нэш?

Капитан Нэш уже шел к двери. «Я пообедал, старина. Мне хотелось бы осмотреться вокруг. Пройду вдоль поезда. Вы не знаете, проводник...» — его большой и указательный пальцы потеряли друг о друга.

— О да, он окажет вам любую услугу, если ему заплатить,— ответил Бонд. Он протянул руку и снял небольшую тяжелую сумку с багажной полки.— Скоро увидимся.

Капитан Нэш вышел в коридор, обернулся и утвердительно кивнул:

— Обязательно, старина!

Он пошел к выходу, легко сохраняя равновесие в раскачивающемся вагоне.

В ресторане Бонд заказал пару коктейлей и бутылку кьянти. Принесли закуску. Татьяна повеселела.

— Какой-то он странный,— заметил Бонд, глядя, как Татьяна кладет на тарелку еду.— Но я все-таки рад, что его прислали нам на помощь. По крайней мере, этой ночью мне удастся немного поспать. Когда приедем в Лондон, буду отсыпаться целую неделю.

— Мне он не понравился,— покачала головой Татьяна.— Неотесанный мужлан. И у него такой тяжелый взгляд.

— Тебе все кажутся неотесанными,— засмеялся Бонд.

— Ты был с ним раньше знаком?

— Нет. Но я знаю, что он из нашей фирмы.

— Скажи мне еще раз его имя.

— Нэш. Норман Нэш.

Татьяна произнесла по буквам: «Эн—А—ШЭ? Произносится — Нэш?»

— Да.

На лице девушки появилось озадаченное выражение.

— Надеюсь, ты знаешь, что «Нэш» пишется «Наш» и означает на жаргоне русской секретной службы, что это советский агент. Говоря о вражеском агенте, мы говорим «свой». Как странно, что фамилия вашего агента — Нэш.

— Брось, Татьяна! — рассмеялся Бонд.— Тебе приходят в голову такие невероятные мысли. Нэш — самая обычная фамилия в Англии. Он совершенно безобидный человек. По крайней мере, нам он может пригодиться.

Девушка сделала гримасу и принялась за еду.

Подали салат, вино и, наконец, восхитительные эскалопы.

— Боже, как вкусно! — произнесла Татьяна, отодвигая пустую тарелку.— После отъезда из России я превратилась в сплошной желудок,— она посмотрела на Бонда вопросительным взглядом.— Но ты ведь не допустишь, чтобы я стала слишком толстой, Джеймс? Тогда я не буду пригодна для любви. Ты уж следи за мной, а то я весь день буду есть, а ночью — спать. Обещай, что, если я буду много есть, ты побьешь меня?

— Конечно. Как только замечу, что увлекаешься едой, сразу начну бить.

Татьяна смешно поморщилась. Бонд почувствовал, как ее ноги сжали его колено. Большие синие глаза под длинными ресницами невинно смотрели вниз.

— Мне что-то захотелось спать,— сказала она.— Расплачивайся и пойдем.

Поезд подъезжал к Местре. По обеим сторонам появились каналы с плавающими по ним гондолами.

— Но ведь сейчас будет Венеция! — запротестовал Бонд.— Неужели тебе не хочется посмотреть на нее?

— Это всего лишь еще одна станция. А Венецию я посмотрю в другой раз. Сейчас мне хочется любви. Пожалуйста, Джеймс,— Татьяна умоляюще посмотрела на него.— У нас так мало времени...

И снова маленькая комната на колесах, свежий морской воздух из полуоткрытого окна. Две кучки одежды на полу и двое обнявшихся на диване. Ласковые руки, тела, сплетающиеся в любовный узел,— и последний стон, когда поезд простучал по стыкам рельсов при въезде в Венецию...

Осталась позади Венеция, затем Падуя и Виченца, и сказочный закат над Вероной осветил крошечную комнатку золотыми и красными лучами через неплотно задернутую штору. Снова в коридоре прозвенел колокольчик. Мужчина и женщина проснулись. Бонд оделся и вышел в коридор. Он стоял у окна, смотрел на розовые сумерки над равниной Ломбардии, думал о Татьяне и их совместном будущем, которое скоро наступит.

В темном зеркале оконного стекла отразилось лицо Нэша. Он встал так близко к Бонду, что их локти касались. «Мне кажется, я заметил одного из вражеских агентов»,— произнес он тихим голосом.

Это ничуть не удивило Бонда. Он ожидал, что такое случится. Если противник собирается предпринять решительные действия, то это должно произойти сегодня.

— Кто это? — спросил он почти равнодушно.

— Не знаю его настоящего имени, но он проезжал пару раз через Триест. Имеет какое-то отношение к Албании. Думаю, он тамошний резидент. Сейчас у него американский паспорт на имя Вильбура Фрэнка, банкира. Едет в купе номер 9, рядом с вашим. Не думаю, что я ошибаюсь, старина.

Бонд взглянул на широкое загорелое лицо. В глазах его собеседника снова вспыхнул и тут же потух красный огонь.

— Хорошо, что вам удалось заметить его. Судя по всему,

вам предстоит нелегкая ночь. Думаю, вам лучше всего сопровождать нас повсюду.

— И у меня такое же мнение, старина.

В ресторане за столом царило молчание. Нэш сидел рядом с девушкой, уткнувшись в тарелку. Свой нож он держал, как авторучку, и часто вытирал его об вилку. Его движения были неуклюжи. Доставая солонку, Нэш опрокинул бокал кьянти, стоящий возле прибора Татьяны, начал извиняться, поздравил официанта, потребовал новый бокал и сам наполнил его.

Принесли кофе. На этот раз Татьяна неверным движением опрокинула свою чашку. Она вдруг тяжело и часто задыхалась, и ее лицо побледнело. Бонд встал, но его опередил капитан Нэш.

— Даме нехорошо, — коротко произнес он. — Разрешите.

Он обнял девушку за талию и помог ей подняться со стула.

— Я провожу ее в купе, а вы присмотрите за сумкой. И заплатите за ужин.

— Все в порядке, — запротестовала Татьяна, едва выговаривая слова. — Не беспокойся, Джеймс. Я немного полежу.

Ее голова упала на плечо Нэша, который легко, без усилий, повел девушку к выходу из вагона-ресторана.

Бонд нетерпеливо щелкнул пальцами, подзывая официанта. Бедняжка! Конечно, она невероятно устала. Почему он не подумал об этом раньше? А вот Нэш молодец: несмотря на всю свою неотесанность, умело справился с происшедшим.

Оплатив счет, Бонд взял из-под стола тяжелую сумку и быстро, насколько это позволял переполненный поезд, направился в спальный вагон.

У двери купе он остановился и тихонько постучал. Нэш открыл дверь и прижал палец к губам.

— Как только мы вошли сюда, она потеряла сознание, — прошептал он, запирая дверь. — Но сейчас все в порядке. Я уложил ее на верхней полке. Наверно, старина, она слишком перевознолась.

Бонд молча кивнул и посмотрел на верхнюю полку. Рука Татьяны свисала из-под собольего манти, укрывавшего ее. Бонд встал на нижнюю полку, поднял руку и бережно уложил ее на полку. Рука показалась ему очень холодной.

«Пусть спит. Это лучшее лекарство». Он повернулся и вышел в коридор вместе с Нэшем.

Нэш посмотрел на него пустыми невыразительными глазами.

— Ну что ж, давайте готовиться к ночи. Я приготовил книгу,— он поднял толстый том, который казался маленьким в его огромной ладони.— «Война и мир». Пытаюсь справиться с ней вот уже несколько месяцев. Ложитесь спать, старина. Я подежурю. Вы тоже выглядите усталым. Когда у меня начнут закрываться глаза, я разбуджу вас.

Нэш показал в сторону купе номер 9.

— Еще не выходил. Между прочим, старина, у вас есть оружие?

— Да. А вы что, безоружны?

Нэш виновато посмотрел на Бонда.

— К сожалению. У меня «Люгер». Пришлось оставить дома. Для такой работы он слишком тяжел.

— Ладно,— неохотно кивнул Бонд.— Я дам вам свой пистолет.

Они вернулись в купе. Бонд запер дверь, затем достал «Беретту» и протянул пистолет Нэшу: «Восемь патронов. Сейчас на предохранителе».

Нэш взял пистолет, окинул его взглядом профессионала и подбросил на ладони.

Бонд не любил передавать кому-нибудь свое оружие. Без него он чувствовал себя голым и беззащитным.

— У него малая убойная сила,— заметил он.— Поэтому нужно тщательно выбирать цель.

Нэш кивнул и сел за столик у окна.

— Здесь — лучшее место,— прошептал он.— Все видно, и открытое поле для огня.

Он положил книгу на колени и повернулся спиной к стенке.

Бонд снял пиджак, развязал галстук и положил их рядом с собой на полку. Затем он откинулся на подушку, уперся ногами в сумку со «Спектром», которую он поставил на пол рядом с атташе-кейсом, взял своего Эмблера и попытался читать. Он быстро понял, что слишком устал и не может сконцентрировать внимание на чтении. Что-то беспокоило его. Принял ли он все необходимые меры предосторожности?

Ах да, клинышки! Бонд встал с дивана, наклонился и подсунул их под обе двери. Затем снова улегся и выключил лампочку над головой.

Единственным освещением в купе остался фиолетовый глаз ночника.

— Спасибо, старина,— услышал Бонд тихий голос Нэша.

Раздался паровозный гудок, и поезд нырнул в туннель.

Глава 26

В РУКАХ ПАЛАЧА

Легкое прикосновение к лодыжке разбудило Бонда. Он мгновенно проснулся, но не двинулся с места. Все его органы чувств ожили и напряглись, как у дикого зверя.

В купе все было по-прежнему. Поезд, оставляя позади километры пути, все так же мчался через ночь с железным стуком колес, потрескиванием деревянной обшивки купе, звоном стаканов над умывальником.

Что разбудило его? Призрачный свет ночника едва освещал купе. С верхней полки не доносилось ни единого звука. У окна сидел капитан Нэш с толстой книгой на коленях.

Его глаза смотрели прямо в лицо Бонда «Почему он так пристально глядит на меня?» — подумал Бонд. Черные губы Нэша шевельнулись, в темноте отчетливо сверкнули зубы.

— Извините, что разбудил вас, старина, но мне захотелось поговорить.

В его голосе звучали какие-то новые интонации, от чего у Бонда побежали по спине мурашки. Бонд медленно опустил ноги на пол. Его в который раз за эти дни охватило чувство смертельной опасности. словно в купе кроме них присутствовал кто-то еще, невидимый, но грозный. Нет, никого... Но чувство не уходило и все более властно охватывало Бонда, вытесняя остатки сна и усталости...

— Ну что ж, говорите,— ответил небрежно Бонд. Почему все же от слов Нэша по спине Бонда пробежали мурашки? Бонд вдруг подумал: может, Нэш сошел с ума и купе наполняет не ощущение опасности, а безумие? Неужели его предчувствие относительно этого человека оправдалось? Тогда надо как можно быстрее избавиться от него, к примеру заставить Нэша сойти на следующей станции. Где они сейчас? Когда будет граница?

Бонд поднял левую руку, решив взглянуть на часы. Фиолетовый свет ночника был слишком слаб, чтобы разглядеть цифры. Бонд наклонил циферблат в сторону окна, откуда шел яркий поток лунного света. И тотчас со стороны окна, оттуда, где сидел Нэш, донесся резкий щелчок. Бонд

почувствовал сильный удар по кисти. Осколки стекла, закрывавшего циферблат, разлетелись в разные стороны, слегка поранив ему лицо. Руку отбросило от удара. «Неужели пробита кость?» — подумал Бонд и пошевелил пальцами. Нет, рука просто онемела.

Открытая книга по-прежнему лежала у Нэша на коленях, из отверстия в переплете поднималась тонкая струйка дыма, и в купе пахло порохом.

Значит, это все-таки ловушка. Капитан Нэш послан Москвой, а не М. И нет никакого агента МГБ в купе номер 9, человека с американским паспортом. И Бонд сам вручил Нэшу свой пистолет. Он даже сунул клинья под обе двери, чтобы Нэш чувствовал себя в безопасности.

Бонда передернуло от презрения к себе.

Нэш снова заговорил. Его голос больше не был тихим и неуверенным, напротив, он звучал громко и насмешливо.

— Мне сразу хотелось избавить вас от иллюзий, старина. Это маленькая демонстрация. Я научился здорово обращаться с этой хитрой штукой. В ней десять патронов калибра 6,35 мм с разрывными пулями и электрическим спусковым механизмом. Полагаю, вы согласитесь, что русские просто волшебники, когда нужно придумать что-то вроде этого. Жаль, что ваша книга годится только для чтения, старина.

— Ради бога, перестаньте называть меня «старина»!

«Глупо», — подумал Бонд: над ним нависла смертельная опасность, нужно искать выход из отчаянного положения, а ему пришло в голову требовать, чтобы Нэш перестал произносить это дурацкое слово. Впрочем, типичная первоначальная реакция на неожиданную катастрофу: люди всегда выносят из горящего дома самые ненужные вещи.

— Извините, старина. Вошло в привычку. Меня научили этому, чтобы я мог сыграть роль джентльмена, как научили носить и эту одежду. Они сказали, что я справлюсь с этой ролью. И ведь действительно справился, верно, старина? Но ближе к делу. Наверно, вам хочется узнать подробности. Я с радостью посвящу вас в них. До вашей смерти еще полчаса, и я не откажу себе в удовольствии объяснить знаменитому мистеру Бонду из секретной службы, что он всего лишь неуклюжий дурак и не более. Видите ли, старина, вы совсем не такой уж ловкий и умный, как думаете о себе. Вы всего лишь чуело, набитое опилками, и мне поручили выпотрошить вас. — Голос звучал холодно, предложения заканчивались на одной и той же бесстрастной ноте. Казалось, будто Нэшу надоело говорить.

— Да,— сказал Бонд,— мне хотелось бы услышать подробности. Могу уделить вам полчаса.

В голове у него лихорадочно метались мысли — как нарушить спокойствие этого человека? Как заставить его нервничать?

— Не пытайтесь обмануть себя, старина,— в голосе Нэша, словно прочитавшего мысли Бонда, не было совершенно никакого интереса к противнику. В этой предельно ясной ситуации Нэш был хозяином положения, а Бонд — всего лишь его безоружной жертвой.— Через полчаса вы умрете, так что не надо строить иллюзий. Я не допускаю ошибок. Иначе меня не назначили бы на эту должность.

— И какая же это должность?

— Я — главный палач СМЕРШа.— Впервые в его голосе прозвучало что-то живое, нотка гордости. В следующее мгновение голос Нэша снова стал бесстрастным и равнодушным, как у робота.— Полагаю, это название вам знакомо, старина.

...Вот где таится разгадка! Значит, СМЕРШ. И перед ним — главный убийца. Теперь Бонд понял: вот в чем разгадка того красного пламени, иногда вспыхивающего в глазах Нэша — убийцы-психопата, страдающего, скорее всего, маниакально-депрессивным психозом. Смерть для него — источник наслаждения. Идеальный человек для СМЕРШа! Бонд неожиданно вспомнил предсказание Вавры и спросил с наигранной небрежностью: «Какое влияние оказывает на вас Луна, Нэш?»

Черные губы исказились в злобной гримасе.

— Вы ищете выход, думаете, что вам удастся спасти, мистер Бонд из секретной службы? Рассчитываете, что я чокнутый? Ошибаетесь. Если бы я был чокнутым, мне не поручили бы такое задание.

Нескрываемая злоба в голосе показала, что Бонд попал в цель. Но чего ему удалось добиться этим? Необходимо тянуть время. Может быть, спросить про Татьяну...

— А какую роль в этом деле играет девушка?

— Одна из приманок,— голос снова стал равнодушным.— Не беспокойтесь, она не помешает нашей беседе. Наливая новый бокал вина, я подсыпал ей хлоргидрата. Теперь она до утра не проснется, если проснется вообще. Она составит вам компанию.

— Вот как? — Бонд медленно поднял онемевшую руку, положил ее на колено и медленно пошевелил пальцами.— Ну что ж, продолжайте рассказ.

— Осторожно, старина, без фокусов. Если хотя бы одно ваше движение покажется мне подозрительным, я тут же пушу вам пулю в сердце. Только одну. В конце концов, этого вполне достаточно. Именно это ждет вас — пуля в сердце. Если будете дергаться, получите ее быстрее. Я не промахиваюсь никогда. Доказательство — ваши ручные часы...

— Молодец, — небрежно заметил Бонд. — Только не пугайтесь. Вам нечего бояться — ведь мой пистолет у вас. Продолжайте.

— Хорошо, старина. Только не вздумайте чесать ухо, пока я говорю, — иначе у вас будет одним ухом меньше. Так вот, СМЕРШ решил убрать вас и как можно быстрее. Это решение было принято на высшем уровне. По-видимому, настало время прищемить хвост вашей секретной службе.

— Но почему для этого выбрали меня?

— Не знаю, старина. Я слышал, что у вас там отличная репутация. Секретная служба не скоро оправится от вашей смерти. СМЕРШ разрабатывал этот план целых три месяца, и там обдумали каждую деталь. Откровенно говоря, в течение последнего времени СМЕРШу не слишком везло. Взять хотя бы дело Хохлова. Помните, взрывное устройство в портсигаре и все такое? А все потому, что поручили работу ненадежному человеку. Дали бы ее мне. Уж я-то не перебежал бы к янки. Ладно, ближе к делу. Видите ли, старина, у нас в СМЕРШе есть просто гений по планированию таких конспираций. Кронштейн, чемпион по шахматам. Он сказал, что вас привлечет в этом заговоре жадность, тщеславие и любовь к эксцентричности. По его мнению, эксцентричность — одно из главных качеств англичан, и вы поддадитесь на такую уловку. Так и произошло, верно, старина?

Неужели это так? Бонд вспомнил, как заинтересовали их странные аспекты всей этой истории. Тщеславие? Да, следует признаться: когда ему сообщили, что в него влюбилась русская девушка, он заинтересовался этим. Но именно «Спектр» был, пожалуй, решающим фактором — обыкновенная жадность.

— Это действительно возбудило наш интерес, — произнес он небрежно.

— И вот настало время осуществить операцию. Во главе отдела операций у нас в СМЕРШе стоит в высшей степени необычный человек. Женщина. Ее зовут Клебб — Роза Клебб. Вообще-то, она отвратительная свинья. Но дело свое знает.

Роза Клебб! Значит, одним из руководителей СМЕРШа

является женщина! Если бы ему удалось спастись и сообщить об этом, а потом отправиться за ней! Пальцы правой руки Бонда инстинктивно сжались подобно когтям.

— Итак, это она нашла Романову и подготовила ее к выполнению задания,— продолжал бесстрастный голос.— Между прочим, как она в постели? Вы довольны?

Нет! Этого не может быть! Бонд не верил, что Татьяна могла так притворяться. Допустим, первая ночь была подготовлена. Но потом? Потом была настоящая любовь. Он воспользовался возможностью и пожал плечами. Надо, чтобы Нэш привык к его движениям.

— Впрочем, неважно. Самого меня это мало интересует. Но у нас целый ролик ваших фотографий — там, где вы вдвоем в постели. Я положу его к ней в сумку. Газетам такие снимки очень понравятся.— В полутьме купе прозвучал металлический смех.— Жаль, что самые интересные кадры им придется вырезать.

...Смена комнат в гостинице. Номер для новобрачных. Огромное зеркало над кроватью. Как тщательно все обдумано! Бонд вытер потные ладони о брюки.

— Аккуратнее, старина! Сейчас я чуть было не нажал на кнопку. Ведь я предупреждал, чтобы вы не двигались.

— Продолжайте.— Бонд положил руки на колени.— А девушка знала об этих фотографиях? О том, что операция проводит СМЕРШ?

Нэш презрительно хмыкнул.

— Разумеется, нет. Роза не доверяла ей. Слишком много эмоций, говорила она. Впрочем, я мало что знаю об этом. До сегодняшнего дня я даже не видел ее. Конечно, девушка знала, что выполняет, задание СМЕРШа. Ей сказали, что ее задача — попасть в Лондон и выяснить кое-что.

Какая дура, подумал Бонд. Ну что ей стоило намекнуть, что в это дело замешан СМЕРШ? Наверно, ее так напугали, что она боялась даже произнести это слово. Думала, что Бонд сразу посадит ее в тюрьму. Она все время говорила, что все расскажет ему сразу после приезда в Лондон и что он должен доверять ей. Доверять! Да она не имела ни малейшего представления, в какую паутину попала. Ничего не поделаешь. Бедная девочка. Ее обманули, как и его. Но ведь даже простого намека было достаточно — хотя бы для спасения жизни Керима. А что теперь будет с ним? Да и с самой Татьяной?

— Затем пришлось изрядно потрудиться, чтобы избавиться от вашего турка. Я слышал, что это было нелегко.

Наверно, наш центр в Стамбуле был взорван его людьми. Уничтожена почти вся наша организация в Турции.

— Очень жаль, — саркастически заметил Бонд.

— А мне наплевать, старина. Мне нужно выполнить поставленную передо мной задачу. Вряд ли при этом возникнут трудности. — Нэш быстро взглянул на часы. — Через двадцать минут начинается Симплонский туннель. Я должен разделаться с вами именно там. Они считают, что это сделает происшествие еще более драматичным. Как только въедем в туннель, одна пуля для вас. Прямо в сердце. Грохот поезда в туннеле заглушит шум от предсмертных судорог, стука ваших ног и тому подобное. Затем пуля в затылок девушке — из вашего пистолета, и я выбрасываю ее из окна. Наконец, еще одна пуля вам в сердце из вашего же пистолета, вложенного вам в руку. Пороховой ожог на коже. Самоубийство. Разумеется, то, что в сердце две пули, скоро раскроют. Но это будет позже. Тогда снова начнутся поиски в Симплонском туннеле! А кто этот светловосый мужчина? Новая тайна. У нее в сумке найдут ролик с фотографиями, а у вас в кармане — длинное любовное письмо от нее к вам в угрожающем тоне. Это письмо написано ее почерком — эксперты СМЕРШа постарались. Там говорится, что она опубликует фотографии в газетах, если вы откажетесь жениться на ней. Дескать, вы дали обещание взять ее в жены, если она украдет «Спектр»... — Нэш помолчал и добавил, как бы между прочим: — Кстати, старина, «Спектр» заминирован. Когда ваши шифровальщики начнут копаться с ним, заложенное в него взрывное устройство всех их отправит на небеса. Дополнительный выигрыш, так сказать.

Нэш хихикнул: «Письмо гласит, что она отдает шифровальную машину и свое тело в обмен на вашу любовь — и подробно описывает, что вы делали с этим прекрасным телом. Газетам только это и надо. Им намекнут, что неплохо бы встретить «Восточный экспресс» в Париже на вокзале. Поверьте мне, старина, вот это будет сенсация! Роскошный вагон. Прелестная русская шпионка убита в Симплонском туннеле. Порнографические фотографии. Секретная шифровальная машина. Известный английский разведчик, карьера которого на грани краха, убивает русскую девушку и кончает жизнь самоубийством. Секс, шпионы, мистер и миссис Сомерсет... Эта история несколько месяцев будет на первых страницах газет! О деле Хохлова тем временем совершенно забудут. А какой удар для английской секретной службы! Их знаменитый разведчик, агент 007, сам Джеймс Бонд! И тут взрыв шифровальной машины. Что

подумает о вас глава секретной службы? Читатели? А какое будет мнение американцев? Начнутся сомнения в надежности ваших спецслужб. Янки перестанут делиться с англичанами своими тайнами. Да, это будет сенсация века!»

«Он прав,— подумал Бонд.— Французские газеты поднимут такой шум, что их не остановишь. Им только подавай сенсации. Их не остановит ни откровенность любовного письма, ни обнаженные тела на фотографиях. Да и вся мировая пресса подхватит скандал. А взрывное устройство в «Спектре»? Придет ли в голову людям М. или специалистам Второго отдела — людям Матиса — проверить, не подложена ли бомба в «Спектр»? А сколько лучших криптографов Запада погибнет при взрыве? Боже мой, нужно обязательно выбраться из этой ловушки! Но как?»

Отверстие в корешке «Войны и мира» было направлено прямо на него. Думай, думай, думай... Когда поезд ворвется в туннель, грохот резко усилится. Затем щелчок и пуля в сердце... Глаза Бонда блуждали по фиолетовому полумраку: он соображал, где стоит сейчас атташе-кейс.

— Вы многим рисковали, приехав в Триест на встречу со мной,— заметил он.— А как вам стал известен пароль именно этого месяца?

— Вы все еще не понимаете, старина,— терпеливо, поскольку еще позволяло время, разъяснял Нэш,— что СМЕРШ — по-настоящему эффективная организация. Лучшая в мире. Если бы вы были более наблюдательны, то заметили бы, что ежегодно именно в январе исчезает один из ваших сотрудников. Нет, не из числа тех, кто занимает видный пост, а так — всякая мелочь. Исчезает в Токио, Тимбукту или где-нибудь еще. От них СМЕРШ узнает все, что нужно: коды, пароль на каждый месяц текущего года. Просто и надежно.

Бонд до боли сжал кулаки.

— Что касается встречи в Триесте, старина, то вот уж где я ничем не рисковал. Ехал тем же поездом — в первом вагоне. В Триесте вышел и прогулялся по перрону. Видите ли, старина, мы поджидали вас в Белграде, зная, что вы должны будете позвонить либо своему шефу, либо в посольство. Телефон в квартире югослава прослушивали несколько недель. К сожалению, не разобрали кодовое слово, которое он передал в Стамбул. Тогда, по крайней мере, могли бы предупредить наших сотрудников и наверняка спасти их. Но для нас главной целью были вы, старина, и

уж за вами следили, как надо. Вы были «под колпаком» с того момента, как сошли с самолета в Стамбуле.— Нэш бросил быстрый взгляд на часы. Черные губы его раздвинулись в улыбке, блеснули зубы, фиолетовые от света ночника.— Уже недолго, старина, каких-то пятнадцать минут...

...Кто не знал, что СМЕРШ — серьезный противник, промелькнуло в голове Бонда, но чтобы он оказался настолько опасен... Он не имеет права умереть! Он обязан, ОБЯЗАН сообщить об этом. Но как же ничтожны шансы на спасение! И все-таки они есть — план уже начал созревать в голове Бонда.

— Да, СМЕРШ продумал почти все, до мельчайших подробностей. Вот только...— Бонд не договорил, и интригующая фраза повисла в воздухе.

— Что, старина? — Нэш, который уже представлял себе, как он будет докладывать о выполнении задания, казался, чуточку встревожился.

Поезд начал сбавлять скорость. Домодоссоло. Итальянская граница. Таможенный досмотр? Это было бы очень кстати, но Бонд вспомнил, что пассажиры, следующие транзитом, таможенному досмотру не подвергаются. Они проходят контроль на французской границе. Таможню проходят лишь те, кто сходит в Бриге ли Лозанне.

— Ну-ну, что вы хотели сказать, старина? — В голосе Нэша звучало любопытство.

— Только если разрешите закурить.

— Хорошо. Но без фокусов! Стреляю при первом подозрительном движении.

Бонд сунул правую руку в карман и достал массивный бронзовый портсигар. Открыл его, взял сигарету, затем достал зажигалку. Закурил и положил зажигалку обратно. Портсигар он не убрал, а положил на колени рядом с книгой. Чтобы вещи не соскользнули на пол, Бонд придерживал их рукой. Итак, он добился своей цели и остался пока живым.

— Дело в том, что...— правая рука Бонда, в которой было дымящаяся сигарета, описала круг в воздухе. Пока внимание Нэша было сосредоточено на движении светящейся точки, Бонд левой рукой незаметно задвинул портсигар между страницами книги,— на первый взгляд все выглядит идеально. Но что будет с вами? Куда денетесь вы после того, как поезд покинет Симплонский туннель? Проводник знает, что вы ехали в нашем купе.

— Ах, это...— в голосе Нэша послышались разоча-

рованные нотки. — Еще раз повторяю вам, что русские продумывают операции до малейших деталей. Я схожу с поезда в Дижоне и еду на машине в Париж. А там мои следы исчезают. Таинственный незнакомец лишь сделает сенсацию еще интереснее. К тому же интерес к моей особе возникнет только после того, как из вашего сердца извлекут вторую пулю. Время будет упущено, и они меня не поймают: завтра в полдень в номере 204 отеля «Ритц» я уже буду докладывать Розе о проведенной операции. Она уверена, что эта операция будет высоко оценена Москвой. Затем мы едем в Берлин. Я — под видом ее шофера.

Поезд начал набирать скорость. Бонд напрягся: до смертельного туннеля всего несколько минут. Какая глупая смерть! Его — и Татьяны! Боже мой, было столько благоприятных возможностей ускользнуть из ловушки, и он не воспользовался ни одной из них. Наоборот: самоуверенность, любопытство, четыре дня любви, к тому же внешнее благополучное течение операции ослабило его бдительность, усыпило чувство опасности, и он безвольно поплыл по течению. Ах, как будут торжествовать в СМЕРШе! «Товарищи, вы не сомневайтесь, ничего не стоит обмануть такого самодовольного кретина, как этот Бонд. Вот увидите, с какой готовностью он клюнет на нашу приманку. Уверю вас, он просто полный дурак, как и все англичане...» А Татьяна, эта прелестная приманка? Бонд вспомнил первую ночь, проведенную с ней. Черные шелковые чулки, бархатная ленточка на шее, и — в это время фотографии СМЕРШа не сводили с них объективов. Какое пятно на репутации секретной службы, на самом М! Вот если бы... Если бы его план, его такой ненадежный план сработал!

Издали, от первого вагона поезда донесся глухой гудок: начинался туннель. Еще несколько ярдов.

Еще несколько секунд...

Бонду казалось, что отверстие между переплетом и белыми страницами книги становилось все шире. Вот сейчас исчезнет лунный свет, темный туннель поглотит их, и из отверстия вылетит язык голубого пламени.

— Спокойных снов, английская падаль!

Глухой рев гудка превратился в оглушительный грохот: пуля, направленная прямо в сердце Бонда, пролетела положенные два ярда и попала в цель.

Бонд согнулся, рухнул на пол, тело его неподвижно застыло в похоронном свете фиолетовой лампы.

ДЕСЯТЬ ПИНТ КРОВИ

Здесь все зависело от точного расчета. Нэш заявил, что пуля попадет Бонду прямо в сердце. Бонд знал, что Нэш будет верен своему слову. И Нэш не обманул его ожидания.

Бонд лежал, как лежат трупы. За полсекунды до того, как Нэш выстрелил, Бонд воскресил в памяти, как выглядят убитые. И он распростерся на полу подобно тряпичной кукле, раскинув руки и ноги.

Замерев, Бонд прислушался к своему телу: в том месте, куда ударила пуля, ребра будто обожгло раскаленным железом. Должно быть, пуля пробила портсигар и наружнюю часть книги. Ощущение, что ему в грудь влили расплавленный свинец. Но Бонд видел стоящие возле его лица ботинки, видел, как отражается на их коже фиолетовый свет ночника, и сознавал, что остался жив.

Мысленно Бонд тщательно проанализировал положение своего тела: сейчас надо было высчитать каждое движение, которое ему предстоит сделать. Раскинутые ноги. Наполовину согнутое колено, которым он оттолкнется от пола, когда понадобится вскочить на ноги. Правая рука, закрывающая пробитое пулей сердце — она в нескольких дюймах от края атташе-кейса, под косым швом которого — два острых, как бритва, метательных ножа. Стоило ли так издеваться над начальником технического отдела, когда тот демонстрировал, как и где нужно нажимать на шов? Левая рука безвольно отброшена в сторону — нет, она сильна, готова к тому, чтобы...

В купе, прямо над его головой, послышался глубокий длинный зевок. Сейчас Нэш должен встать ногами на нижнюю полку... Он раздвинет густые волосы девушки и приложит дуло пистолета к ее затылку. Грохот поезда, мчащегося в туннеле, заглушит выстрел.

Теперь Бонд старался вспомнить анатомию человеческого тела. Где расположены самые незащищенные места в его нижней части? Где проходит главная артерия? Бедренная артерия — по внутренней стороне бедра. А подвздошная артерия, переходящая в бедренную? Через середину паха. Если его удар пройдет мимо цели, ему конец. Бонд не сомневался, что в рукопашной схватке с Нэшем у него нет никаких шансов победить. Первый удар будет решающим.

Носки ботинок повернулись в сторону дивана. Что де-

лает сейчас Нэш? Грохот поезда, мчащегося через Симплонский туннель под массивами Васенхорна и Монте-Леоне, заглушал все звуки. Впереди и сзади в других купе спального вагона спали, дремали или просто лежали сотни людей, думали о своей жизни, строили планы, может быть, радовались предстоящей встрече с близкими на перроне Лионского вокзала в Париже. И не знали, что совсем рядом с ними, по тем же самым стальным рельсам кто-то мчался навстречу своей смерти...

Коричневый ботинок отделился от пола. Чтобы встать на нижнюю полку, Нэшу придется одной ногой перешагнуть через тело, и тогда над головой Бонда, между двумя широко расставленными ногами, откроется ничем не защищенный пах.

Мышцы Бонда напряглись, как у змеи, приготовившейся к броску. Правая рука скользнула к углу кейса, нажала на косой шов, и узкая рукоятка ножа оказалась в ладони.

Вверх поднялся второй ботинок. Вот единственно нужное положение! Бонд подтянул левую руку, оперся ею в пол, переместив вес тела на другую сторону, и крепко сжал рукоятку ножа, чтобы он не вырвался из руки, если лезвие заденет кость. Медлить уже нельзя: забыв про боль, Бонд вскочил на ноги. Его рука, с зажатым в ней смертельным стальным жалом, молниеносно устремилась вверх, и нож до самой рукоятки вошел в чужое тело. Бонд старался утопить его в теле противника как можно глубже.

Сверху со стуком упала на пол «Беретта». Затем мужчина резко повернулся, и глубоко вошедший в плоть нож вырвался из руки Бонда. Огромное тело обрушилось вниз.

Бонд рванулся к окну, но рука падающего Нэша задела его по плечу, и удар опрокинул Бонда на диван. С пола медленно поднималось и приближалось к Бонду страшное оскаленное лицо с пылающими фиолетовыми глазами. Огромные руки, подобно клешням, протянулись к Бонду.

Полулежа на спине, Бонд ударил его ногой. Он почувствовал, что удар попал в цель, но тут же могучие руки сжали его колено и потянули вниз. Бонд попробовал схватиться за что-нибудь и удержаться на диване, но руки обхватили его колено железными тисками и упорно тянули вниз. Скоро ему в бедро вопьются и зубы. Бонд бесполезно пытался ударить Нэша свободной ногой. Внезапно его пальцы, цепляющиеся за обивку дивана, натолкнулись на что-то твердое. Книга! Но в какую сторону она выстрелит, если нажать на корешок? В Нэша или в него, Бонда? В отчаянии он направил книгу в огромное потное лицо и нажал...

Раздался резкий щелчок, корешок засветился с противоположной от него стороны книги, и Бонд стал беспрерывно нажимать на корешок. Щелчки следовали теперь один за другим. Обложка книги стала теплой. Тиски, сжимающие колено Бонда, ослабли. Потное оскаленное лицо медленно поползло вниз. Из горла умирающего вырвался жуткий булькающий звук. Затем тело опрокинулось на пол...

Бонд лежал на диване, стиснув зубы, и тяжело дышал. Над дверью купе неровно, словно вздрагивая, горел ночник: волосок накала внутри лампы то ярко вспыхивал, то снова затухал.

«Наверное, — подумал Бонд, — неисправно динамо под вагоном». Он закрыл глаза, потом снова открыл их, пытаясь сосредоточиться. По его лицу стекали струйки пота.

Грохот поезда начал затихать. «Восточный экспресс» вырвался из туннеля, сбавил скорость и наконец остановился.

Бонд встал с дивана и отодвинул край шторки. Он увидел пакгаузы и запасные пути. Станцию освещали мощные прожектора на мачтах. Швейцария!

В наступившей тишине он расслышал какой-то звук, доносившийся снизу. Бонд наклонился к распростертому на полу телу, проклиная себя за то, что чуть было не повторил ошибку Нэша — не убедился в смерти противника. Книгу с огнестрельным отверстием в корешке он направил на Нэша, но тело было неподвижно. Бонд приложил ладонь к шейной вене. Пульс отсутствовал. Мертв! Это просто оседало вниз безжизненное тело.

Бонд снова сел и стал с нетерпением ждать, когда экспресс снова отправится в путь. Предстоит сделать так много! Разбудить Татьяну... Нет, прежде привести в порядок купе...

Рывок, и длинный поезд тронулся. Скоро он помчится по извилистому пути в предгорьях Альп. Бонду казалось, что в звуке спешащих колес уже слышалось что-то новое — какое-то нетерпеливое ожидание.

Он встал, переступил через тело, распростертое на полу, и включил свет. Купе походило на бойню. Какое страшное зрелище! Повсюду виднелись следы крови. Сколько крови в теле человека? Бонд вспомнил: десять пинт. Скоро вся эта кровь вытечет на пол. Только бы она не просочилась в коридор! Бонд сорвал с нижней полки постельное белье и принялся за работу.

Наконец уборка подошла к концу — стены купе протерты, мертвое тело завернуто в простыни и одеяло. Бонд

поспешно уложил чемоданы — в Дижоне они должны сойти.

Бонд слегка потряс Татьяну за плечо, покрытое собольим манто.

Девушка не шевельнулась. Неужели Нэш солгал и она мертва?

В панике Бонд раздвинул пышные волосы и коснулся шеи. Кожа была теплой. Он сжал пальцами мочку уха девушки и ущипнул. Татьяна зашевелилась. Раздался едва слышимый стон. Бонд снова ущипнул ее за мочку уха. Наконец донесся глухой голос: «Не надо, больно».

Бонд улыбнулся и с новой силой принялся трясти ее за плечо. Татьяна медленно повернулась на спину. Сонные глаза открылись, посмотрели вокруг отсутствующим взглядом и снова закрылись. «Что случилось?» — на этот раз голос звучал уже сердито.

В течение нескольких минут Бонд уговаривал девушку. Ругался и угрожал. Снова начинал трясти ее, все сильнее и сильнее. Наконец ему удалось стащить ее с верхней полки и усадить на диван.

Вид у нее был ужасный: вялые губы, сонные, упорно не открывающиеся глаза, спутанные мокрые волосы. Бонд достал полотенце, гребень и взялся за дело.

Проехали Лозанну, через час миновали французскую границу. Бонд запер Татьяну в купе и на всякий случай вышел в коридор. Французские пограничники и таможенники прошли мимо, не обратив на него никакого внимания, и скрылись в служебном купе. Через пять минут они вышли и отправились в другие вагоны.

Бонд вернулся в купе. Татьяна спала. Бонд взглянул на серебряные часы, которые он снял с запястья мертвого Нэша. 4.30. Еще час до Дижона. Он вздохнул и вновь принялся будить Татьяну.

Наконец глаза девушки открылись, и она посмотрела на Бонда осмысленным взглядом.

— Хватит, Джеймс, — сказала она.

Бонд вытер потное лицо, вынес чемоданы к выходу из вагона, затем подошел к проводнику и предупредил, что его жене нехорошо и они решили сойти с поезда в Дижоне.

— Не провожайте нас, — Бонд вручил проводнику пачку долларов. — Я уже вынес багаж, чтобы не беспокоить мадам Сомерсет. Мой приятель, мужчина со светлыми волосами, всю ночь присматривал за ней. Он врач. Я уложил его спать. Он очень устал. Не будите его, пожалуйста, пусть спит до самого Парижа.

— Ну конечно, мсье.— Проводник не видал таких щедрых чаевых с тех пор, когда кончилась добрая старая эпоха путешествующих миллионеров. Он вручил Бонду его паспорт и билеты. Поезд начал тормозить, приближаясь к станции.

Бонд поднял Татьяну на ноги, вывел в коридор и запер дверь, оставив в купе укутанный в белое кокон смерти.

Наконец они спустились по ступенькам и после многих часов пребывания в раскочивающемся поезде встали на благословенную твердь перрона. Носильщик, одетый в си-ную форму, нес за ними багаж.

Рассветало, но было еще очень рано, и почти все пассажиры спали. Только небольшая группа путешественников, которые провели ночь, сидя на жестких скамейках вагона третьего класса, видела, как высокий молодой мужчина вел по перрону девушку, поддерживая за талию...

Глава 28

ВЯЗАЛЬЩИЦА

Такси остановилось на улице Гамбон, у входа в отель «Ритц». Бонд посмотрел на свой трофей — часы Нэша, красовавшиеся на его запястье. 11.45. Необходимо быть совершенно точным. Он знал, что, если русский разведчик приходил на встречу на несколько минут раньше или опаздывал, даже чуть-чуть, встреча автоматически отменялась. Бонд расплатился с таксистом и вошел в дверь, ведущую в бар отеля.

Он подошел к стойке, заказал двойное мартини с водкой вместо джина и выпил половину. Настроение у него было великолепное. Как будто в его жизни не было последних четырех дней, не было и этой ночи с ее ужасами. Теперь он снова действовал один, ни за кого больше не отвечая: девушка спала в английском посольстве; «Спектром» со всеми его взрывными зарядами внутри уже занимались специалисты «Дьюксим Бюро» — Второго отдела французской контрразведки. С утра Бонд переговаривал со своим старым другом Рене Матисом, который стоял теперь во главе Второго отдела. Тот позвонил в отель «Ритц» и распорядился, чтобы портье дал Бонду ключ от номера 204, не задавая никаких вопросов.

Рене был счастлив узнать, что Бонду нужна его помощь в каком-то таинственном деле. «Положись на меня, Джеймс,— сказал он.— Когда у тебя будет время, рас-

скажешь мне подробности своих темных махинаций. Итак, рабочие прачечной — два моих переодетых и вооруженных агента — должны войти в дверь комнаты 204 ровно в 12.15 с большой плетеной корзиной для грязного белья. Я буду сопровождать их в качестве шофера машины. Забираем грязное белье и везем в аэропорт Орли. Там ждем прибытия самолета ВВС из Лондона, который должен прилететь в 14.00, и грузим корзину на самолет. В результате грязное белье из Франции попадает в Англию. Так?»

Начальник станции Ф. уже говорил с М. по закрытой линии связи. Он передал главе секретной службы содержание краткого письменного доклада Бонда и попросил, чтобы «Канберра» английских ВВС прибыла в Париж. Нет, объяснил начальник станции Ф., ему неизвестно, зачем потребовался самолет. Бонд появился в посольстве с девушкой и «Спектром», позавтракал и тут же ушел, сказав, что вернется после обеда.

Бонд снова взглянул на часы, допил коктейль, расплатился и вышел из бара. Он поднялся по ступенькам, ведущим в вестибюль гостиницы, и подошел к стойке портье.

Тот посмотрел на Бонда пристальным взглядом и дал ему ключ. Бонд кивнул, повернулся и направился к лифту. Поднявшись на второй этаж, он пошел вдоль коридора, отыскивая нужный ему номер — 204.

Бонд сунул правую руку под пиджак и коснулся рукоятки «Беретты», заткнутой за пояс брюк. Длинный цилиндр глушителя больно врезался ему в живот. Бонд постучал в дверь.

— Войдите,— донесся изнутри дрожащий старческий голос.

Бонд повернул ручку двери. Она была не заперта. Бонд положил ключ в карман, толкнул дверь, вошел и быстро закрыл ее за собой.

Перед ним была типичная гостиная «Ритца», элегантно обставленная. Белые стены, занавески и чехлы на стульях из белого ситца с маленькими красными розами. Огромный ковер темно-красного цвета, покрывающий пол от стены до стены.

В светлой, залитой солнцем комнате, в низком кресле рядом с письменным столом сидела и вязала маленькая старая женщина.

Не переставая вязать, она посмотрела на Бонда с вежливым любопытством.

— Да, мсье? — Ее голос был низким и хриплым. На-

пудренное одутловатое лицо под шапкой седых волос не выражало ничего, кроме учтивого интереса.

Рука Бонда, сжимающая под пиджаком рукоятку пистолета, напряглась, как стальная пружина. Его взгляд мгновенно obeжал комнату и снова вернулся к маленькой старушке в кресле.

Это очень похоже на ошибку, и он пришел не туда, куда ему нужно. Эта пожилая женщина — скорее всего почтенная богатая вдова, живущая в дорогом отеле и коротающая время за вязанием. У нее есть свое любимое место в ресторане на первом этаже отеля, ее обслуживает официант, к которому она давно привыкла. После обеда старушка поспит, затем в элегантном черном лимузине отправится в чайную на улице Рю де Берри, чтобы встретиться с какой-нибудь старой подругой. Да и одета соответственно: старомодное черное платье с полоской кружев на рукавах и на шее, лорнет с тонкой золотой цепочкой свисал на бесформенную грудь, небольшие ноги обуты в черные аккуратные туфли и едва касались пола. Она — один из руководителей СМЕРШа Роза Клебб? Бонд почувствовал, что под мышками побежали струйки пота. Нужно извиниться и уйти. Однако ничего не поделаешь, подумал он, отчего не повести игру до конца.

— Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд.

— А меня, мсье, графиня Меттерстейн. Чем могу быть полезна? — Ее французский звучал как-то невнятно. «Должно быть, старушка родом из немецкой Швейцарии», — решил Бонд. Вязальные спицы мелькали, не переставая.

— Боюсь, что капитан Нэш не сможет прийти к вам сегодня. С ним произошел несчастный случай. Я пришел вместо него.

Показалось или нет? Старческие глаза за светло-голубыми стеклами очков на мгновение будто бы сузились...

— Не имею чести быть знакомой с капитаном, мсье. Равно как и с вами. Садитесь и объясните, что вам нужно от меня. — Женщина кивком показала на стул напротив письменного стола.

Да, ее не в чем упрекнуть. Безупречное поведение и вежливость были поразительны. Бонд подошел к стулу и сел. Стол был пуст — за исключением старомодного телефона и кнопки звонка рядом с локтем старушки.

Бонд внимательно посмотрел на ее лицо, стараясь не упустить ни малейшей детали. Это было отвратительное старческое лицо, покрытое густым слоем пудры и румян, под шапкой седых волос. Глаза настолько светло-карие,

что казались желтыми. Влажные бледные губы под узкой полоской волос, пожелтевших, видимо, от никотина. Никотина? Но где сигареты? В комнате не было пепельницы, не пахло табачным дымом.

Рука Бонда стиснула рукоятку пистолета. Он взглянул на клубки шерстяных ниток, на стальные спицы. Странные спицы: концы потемнели, будто их прокаливали в пламени. Неужели все вязальные спицы такие?

— Итак, мсье? — в голосе вязальщицы слышалась какая-то напряженность. О чем она думает?

Бонд улыбнулся, мысленно приказав себе быть бдительнее: — Вы напрасно стараетесь обмануть меня. Я знаю что вы — Роза Клебб, начальник Второго отдела СМЕРШа. Инквизитор и убийца. Ваша задача — убить меня и Татьяну Романову. Наконец-то мы встретились.

Лицо женщины не изменилось, голос оставался таким же хриплым и вежливым. Она тянула левую руку к звонку.

— Вы сошли с ума, мсье. Придется вызвать портье, чтобы он вывел вас из моей комнаты.

Бонд так и не понял, что спасло ему жизнь. Может быть, он вдруг заметил, что не видно проводов, которые должны были идти от кнопки звонка к ковру и стене. А может быть, неожиданно вспомнил, что в ответ на стук в дверь слово «Войдите» было произнесено по-английски. Когда старушка нажала кнопку звонка, Бонда уже не было на стуле — он за секунду до этого вскочил и бросился в сторону.

Он упал на ковер. Послышался резкий треск разрываемой ткани: от спинки стула, на котором он только что сидел, летели щепки, а затем стул опрокинулся на пол.

Бонд приподнялся и потянул из пиджака пистолет. Краем глаза он увидел, что из отверстия, неожиданно появившегося в телефонном аппарате, поднималась вверх тоненькая струйка голубого дыма. В следующее мгновение женщина вскочила, бросилась к Бонду, не выпуская из рук вязальные спицы и, наклонившись над ним, попыталась уколоть ими противника в ноги. И тут он понял: концы спиц, по всей вероятности, отравлены, скорее всего одним из немецких нервно-паралитических ядов. Стоит ей лишь чуть-чуть опарапать его, даже сквозь одежду... Вот почему у них такой странный цвет...

Он резко ударил женщину ногой, отбросил ее в сторону, вскочил, прежде чем она снова кинулась на него. Бонд изо всех сил рванул рукоятку пистолета, но глушитель за что-то зацепился. Женщина взмахнула рукой. Бонд увернулся от летящей в него спицы, которая удари-

лась о стену и упала на ковер. Оскалив желтые зубы, женщина устремилась к нему. Не желая рисковать — как обороняться голыми руками против смертельного оружия? — он оперся на стол и перемахнул на другую его сторону.

Роза Клебб, тяжело дыша и бормоча что-то по-русски, мелкими шажками обежала вокруг стола. Руку с оставшейся спицей она вытянула перед собой наподобие рапиры. Бонд отступил назад, отчаянно держа за рукоятку пистолета, пока не наткнулся на спасательный стул. Он отпустил рукоятку, протянул руку назад, схватил стул и, держа его за спинку, направил ножки стула в сторону Розы Клебб. Но она уже стояла рядом с телефонным аппаратом, направляя его отверстие на Бонда. Агент 007 быстро присел, и поток пуль врезался в карниз. Куски штукатурки посыпались на ковер.

Бонд выпрямился, вытянул перед собой ножки стула, шагнул вперед. Ножки обхватили женщину по обеим сторонам поясицы и над плечами. Но какой сильной она оказалась! Всей своей тяжестью навалившись на стул, Бонд медленно, шаг за шагом, отодвигал ее к стене, пока, наконец, ей больше некуда стало отступать. Зажатая со всех сторон, Роза Клебб плюнула ему в лицо. На раздувшихся губах ее выступила пена. Рука сжимала отравленную спицу, похожую на жало скорпиона, и Роза не оставляла попыток уколоть Бонда.

Изю всех сил прижимая Розу к стене ножками стула, Бонд точным ударом ноги выбил спицу из кулака обезумевшей женщины. Спица пролетела через комнату и упала на ковер.

Теперь Бонд мог передохнуть и спокойно оценить обстановку. Стул надежно прижимает женщину к стене. Руки и ноги ее свободны. Но тело сковано, и вырваться она не может.

— Представление окончено, Роза, — сказал Бонд. — Сейчас сюда приедут агенты французской контрразведки, и через час ты будешь уже в Лондоне. Никто не увидит, как тебя вынесут из отеля. Честно говоря, тебя вообще теперь мало кто увидит. С этого момента ты всего лишь номер в секретной картотеке. Твоим единственным и последним пристанищем в этой жизни будет психиатрическая лечебница.

Жабье лицо женщины, которое находилось всего в нескольких футах от Бонда, начало меняться: кровь отхлынула от щек, кожа стала совсем желтой. «Нет, это не от страха, — подумал Бонд. — Роза Клебб не собирается сдаваться».

Влажный бесформенный рот женщины искривила злобная усмешка.

— А где будете вы, мистер Бонд, когда меня запрут в лечебнице?

— Наслаждаться жизнью, Роза.

— Ошибаешься, английский шпион.

Но Бонд даже не услышал этих слов. Внезапно сзади него распахнулась дверь, и комнату наполнил взрыв хохота.

— Вот это да! — послышался такой знакомый голос Рене Матиса. — Положение номер семьдесят! Теперь меня уже ничто не удивит. И подумать только, его изобрел англичанин! Джеймс, это оскорбление для моих соотечественников!

— Не рекомендую пользоваться им слишком часто, — бросил Бонд через плечо. — От него очень устаешь. Впрочем, теперь ты будешь заниматься ей. Позволь представить. Это — Роза. Уверен, что вы станете друзьями. Она большая шишка в СМЕРШе — руководит организацией убийств, между прочим.

Матис вошел в комнату. За ним последовали широкое плечо мужчины в форме рабочих прачечной. Все трое остановились, с удивлением и любопытством разглядывая Розу, ее ужасное лицо.

— Роза... — задумчиво произнес Матис. — Роза? Ну конечно. Роза Малье! Так, так. Боюсь, что ей не слишком удобно в таком положении. Эй вы, давайте сюда корзину! В ней даме будет куда спокойнее.

Женщина по-прежнему не сводила глаз с Бонда. Она переступила с ноги на ногу и незаметно для всех носком левой ноги нажала на подъем правой. Из подошвы правой туфли выскользнуло вперед крошечное острие того же грязно-синего цвета, как и кончики вязальных спиц.

Мужчины подошли ближе и опустили на пол большую плетеную корзину.

Бонд «снял осаду», опустив стул.

— Берите ее! — приказал Матис и вежливо наклонил голову. — Был рад знакомству, мадам.

— До свиданья, Роза — сказал Бонд шагнувшей к нему Малье.

Мужчинам показалось, что Роза «лягнула» Бонда ногой в порыве последней, уже бессильной ярости. Они готовы были рассмеяться.

Но желтые глаза пленницы торжествующе сверкнули.

— Нет — не «до свиданья»! Прощайте, мистер Бонд.

Бонд почувствовал острую боль в икре правой ноги. Он поморщился и сделал шаг назад. Сильные руки мужчин схватили Розу Клебб.

Матис рассмеялся:

— Бедный Джеймс, опять последнее слово осталось за СМЕРШем!

Крошечный язык цвета грязно-синей стали, скрытый в обуви женщины, остался ими незамеченным. В длинную бельевую корзину усадили всего лишь беспомощную старуху.

— Ты поработал сегодня на славу, Джеймс,— Матис повернулся к Бонду.— Но выглядишь усталым. Отправляйся в посольство и выпишись как следует. Сегодня вечером в Париже я угощу тебя лучшим ужином. И найду тебе самую красивую девушку.

Бонд почувствовал, что тело его начало неметь. Ему стало очень холодно. Он хотел поднять руку, чтобы отбросить волосы со лба, но не смог даже пошевелить пальцами. Стало трудно дышать. Он до боли сжал челюсти и закрыл глаза, как обычно поступают люди, чтобы не казаться пьяными.

Корзину тем временем подняли и понесли к двери. Бонд отчаянным усилием воли приоткрыл глаза. Ему показалось, что Матис сделал шаг в его сторону.

— Мне не понадобится девушка, Рене,— пробормотал он.

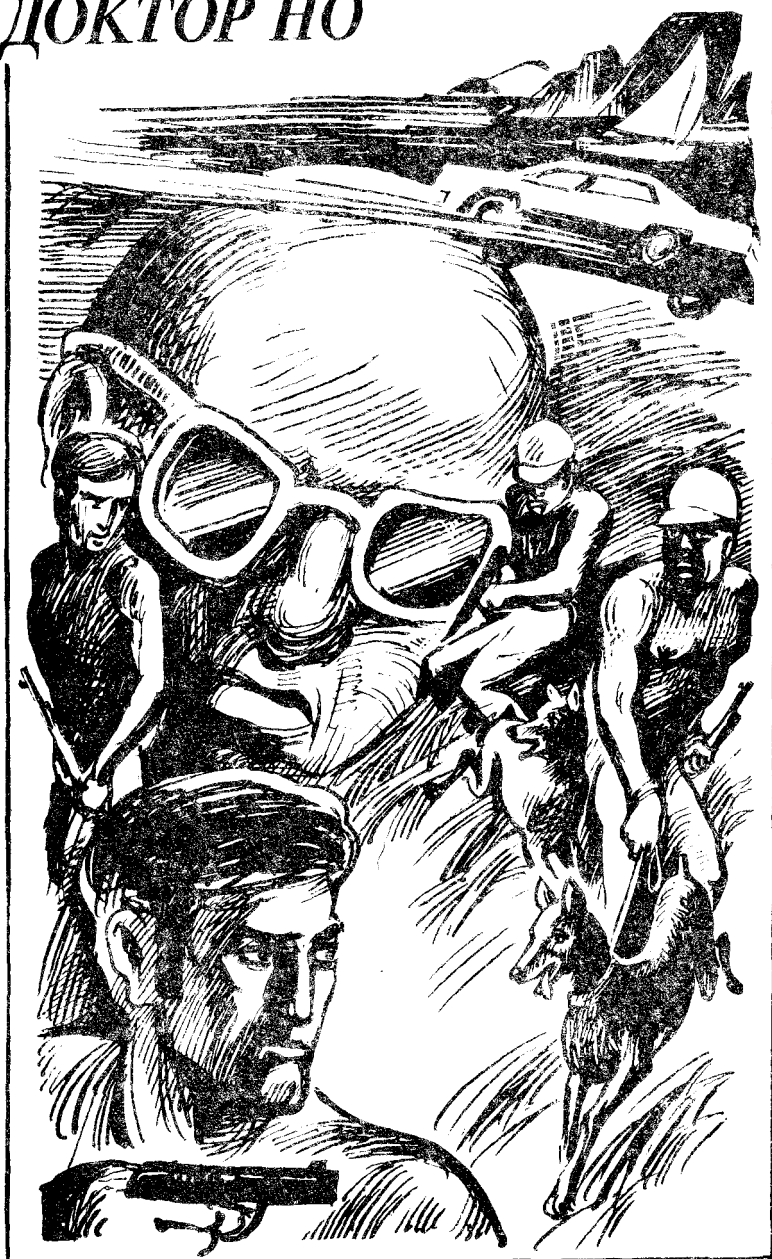
Дыхание становилось все более затрудненным.

Бонд почувствовал, что у него подгибаются колени.

Он сказал... или подумал, что сказал: «У меня уже есть самая прелестная...»

Потом медленно повернулся и во весь рост упал на темно-красный ковер.

ДОКТОР НО

Глава 1

Часам к шести вечера последние лучи солнца угасали за Голубыми горами. На Ричмонд-роуд опускались сиреневые сумерки, и в ухоженных садиках раздавалось лишь кваkanie лягушек да жужжание стрекоз.

Кроме гудения насекомых на пустынной улице не было слышно ни звука. Владельцы роскошных особняков — банкиры, директора компаний, важные чиновники — уже с пяти часов сидели в семейном кругу, принимали душ или переодевались. Через каких-нибудь полчаса улица снова оживится, наступит время коктейлей. Но пока этот небольшой участок длиной не более километра, который кингстонские торговцы называют «Ричроуд», напоминал пустую сцену, где разливался одуряющий аромат жасмина.

Ричмонд-роуд на Ямайке — это все равно, что Парк-Авеню в Нью-Йорке, Кинсингтон Палас Гарденс в Лондоне или улица Фош в Париже. Здесь живет высшее кингстонское общество, занимая огромные старинные дома, окруженные идеально подстриженными газонами, экзотическими деревьями и цветами, достойными Хоупского ботанического сада. Эта длинная, прямая, тенистая улица резко отличается от остальной части города — пыльной, душной, кишашей людьми, вульгарной — но элегантные обитатели Рич-роуд все же не брезгают делать там бешеные деньги. Для завершения картины нужно добавить, что в начале улицы располагается обширный парк Кинг Хауз, где живет губернатор и главный комендант Ямайки.

Дом номер один представляет собой солидный двухэтажный особняк с двумя верандами, выкрашенными в белый цвет. Ко входу с колоннами ведет покрытая гравием дорожка, по обеим ее сторонам — великолепные газоны и

теннисные корты, которые в этот вечер, как, впрочем, и во все остальные, поливали несколько молодых негров. Это своего рода Мекка кингстонской элиты — Королевский клуб. Уже пятьдесят лет здесь собираются сливки общества, гордые своим могуществом и заботливо оберегающие свои привилегии.

Маловероятно, что подобные местечки просуществуют на Ямайке долго. Однажды его окна, наверняка, закидают камнями или просто подожгут. Но пока Королевский клуб — одно из приятнейших заведений на этом субтропическом острове. Обстановка и обслуживание здесь отличные, а кухня и винный погреб слывут лучшими на всем Карибском море.

Как обычно в это время, около клуба стояли четыре автомобиля. Они принадлежали четырем заядлым любителям бриджа, которые каждый вечер обязательно собирались здесь и играли, начиная с пяти часов и до полуночи. По их автомобилям можно было бы проверять часы. Первой стояла машина генерала сил обороны Карибского бассейна, потом — машины выдающегося кингстонского адвоката и профессора с кафедры математики Университета. И завершал ряд небольшой черный «санбим» майора Джона Стренжвейза, офицера в отставке, занимающегося вопросами регионального контроля, или, проще говоря, местного представителя британской секретной службы.

Ровно в 6 часов 13 минут типина Ричмонд-роуд была нарушена стуком палок. Трое нищих слепых показались из-за угла и медленно направились к стоящим у клуба машинам. Это были негры с примесью китайской крови, крупные мужчины с бесстрастными лицами. Сгорбившись, они двигались цепочкой, держась за плечи друг друга и постукивая по мостовой своими белыми тросточками. У первого на носу были очки с синими стеклами, а в руке — сума для подаваний, в которой уже позвякивало несколько монет. На всех троих болтались грязные лохмотья, на головах — ветхие бейсбольные шапочки с длинными козырьками. Шли они совершенно молча, с закрытыми глазами, и об их появлении свидетельствовало только постукивание палок. В самом Кингстоне, где на каждом шагу попадаются нищие и калеки, на них, несомненно, не обратили бы никакого внимания. Но на элегантной пустынной Ричмонд-роуд вид этих мужчин вызывал какое-то болезненное, неприятное ощущение. Не каждый день увидишь полунегров-полукитайцев: смешение этих кровей встречается нечасто.

А в это время в зале для игр заканчивалась очередная

партия. Загорелая рука Джона Стренжвейза бросила последние карты.

— Сто,— сообщил он.— И девяносто снизу.

Он взглянул на часы и встал.

— Я вернусь через двадцать минут. Закажите выпить, Билл. Я плачú. Для меня всё, как обычно. И не пытайтесь тут без меня жульничать. У меня на такие вещи нюх.

Билл Темплар, генерал, звучно рассмеялся.

— Хорошо-хорошо, только не задерживайтесь. С вашей стороны шикарно — бросить карты, когда партнеры в выигрыше.

Стренжвейз был уже у дверей. Вошел негр-официант. Игроки заказали выпивку, в том числе виски с содовой для Стренжвейза. Это повторялось каждый вечер. Ровно в 6.15 Стренжвейз извинялся и вставал, даже если партия была в самом разгаре. Ему необходимо срочно позвонить в свою контору. Стренжвейз был отличным малым и достойным соперником, поэтому его партнерам волей-неволей приходилось терпеть этот ежедневный короткий перерыв в игре. Стренжвейз не давал никаких объяснений на этот счет. Впрочем, его друзья, хорошо знавшие жизнь, не отличались чрезмерным любопытством. Стренжвейз редко отсутствовал больше двадцати минут, и стало уже ритуалом, что в виде извинения он оплачивает выпивку.

Сидя за столиком для бриджа в ожидании Стренжвейза, игроки с увлечением заговорили о скачках

* * *

На самом деле, эта отлучка была для Стренжвейза самым важным моментом за весь день. В это время он выходил на радиокontakt, принимаемый мощной радиостанцией лондонской резиденции секретной службы, расположенной в квартале Реджент-парк.

Ровно в половине седьмого по местному времени Стренжвейз передавал свой ежедневный рапорт и получал приказы из Лондона. Это повторялось каждый день, кроме тех случаев, когда он заранее сообщал о своей отлучке на другой остров его «территории», или когда он серьезно заболел. Этого, впрочем, с ним еще ни разу не случалось.

В случае невыхода на связь в половине седьмого Лондон посылал повторные позывные ровно в семь — так называемый «синий» вызов. Если агент молчал и на этот раз, в семь тридцать подавался последний сигнал — «красный» вызов. После этого отсутствие ответа автоматически расце-

нивалось в Лондоне как сигнал тревоги. Секция № 3, к которой принадлежал Стренжвейз, поднималась на ноги и должна была выяснить, что произошло с резидентом.

Даже при наличии неоспоримой уважительной причины «синий» вызов рассматривался как показатель плохой работы агента. Лондонская радиосеть чрезвычайно перегружена, поэтому все работники приучены к строжайшей пунктуальности. Надо ли говорить, что Стренжвейз никогда не прибегал ни к «синему», ни к «красному» вызову и уже давно вычеркнул их из своего цветного спектра.

Каждый вечер в половине седьмого он выходил из Королевского клуба, садился в машину и доезжал до своего дома у подножия голубых гор, откуда открывался чудесный вид на Кенсингтонскую долину. В шесть двадцать пять он пересекал холл, заходил в кабинет и закрывал дверь на ключ. Мисс Трублад, его секретарша и правая рука, тоже офицер в отставке, надев наушники и передавая позывные WXN на четырнадцатой частоте. На ее круглых симпатичных коленках лежал блокнот для стенографирования. Стренжвейз садился рядом, и, готовый к контакту, надевал вторую пару наушников. Ровно в шесть двадцать восемь он сменял мисс Трублад и ждал необычную для загруженного эфира паузу, подтверждающую, что Лондон готов к ответу.

Ежедневная железная дисциплина, вполне соответствовала характеру Стренжвейза. Он был высоким, худым, темноволосым мужчиной, казалось, способным отразить любой удар.

Стренжвейз пересек холл Королевского клуба, толкнул двери, затянутые тонкой сеткой от комаров, и спустился по ступенькам, ведущим к аллее. Он испытывал почти чувственное наслаждение от только что закончившейся партии. Он выиграл ее очень хитро и красиво. На улице посвежело, поднялся легкий ветерок. Дело, которым Стренжвейз занимался по приказу своего шефа «М» вот уже две недели, проходило весьма успешно. Ему неожиданно удалось найти ценного осведомителя в китайской колонии Кингстона. Но с другой стороны, можно ли доверять сведениям, полученным от какого-то истеричного китайца? «Странная история», — подумал Стренжвейз. — «Как бы не нарваться на неприятности!» Он пожал плечами. На Ямайке никогда не происходит ничего неприятного. Наверное, и эта история — пшик. Как обычно...

Впереди он заметил кавыляющих по мостовой троих слепцов, подсчитал, что обгонит их раньше, чем дойдет до машины, и порывлся в кармане в поисках мелочи. Нашупал

горсть монет и достал один флорин. Он уже поравнялся с нищими. «Смотри-ка, полунегры-полукитайцы! Забавно...»

Монета упала в сумку для подаяний.

— Да благословит Вас Господь, мистер,— сказал первый.

— Господь, Господь...— эхом повторили двое других.

Стренжвейз уже держал в руке ключ зажигания. Вдруг он услышал, что постукивание палок за спиной прекратилось. Он резко обернулся. Но было уже поздно. Все трое держали в руках револьверы с глушителями. Они разошлись в стороны, чтобы не мешать друг другу. Один целился в живот, другой в сердце, третий в голову. Выстрелили они одновременно.

Стренжвейза отбросило, он упал на мостовую, поднял облачко пыли и замер. Умер он еще в падении.

Было шесть часов семнадцать минут. Послышалось шуршание шин, и перед тремя мужчинами остановился катафалк, украшенный черными перьями. Задние дверцы его были открыты. Мужчины бросили туда тело Стренжвейза и забрались сами. Закрыли дверцы, уложили труп в открытый гроб и уселись на стоящие по бокам скамеечки. Потом быстро стащили с себя лохмотья и надели черные шелковые плащи. Три цилиндра заменили бейсбольные шапочки.

— Чего ждешь? Поехали! — крикнул самый высокий из убийц водителю, тоже полукровке.

Затем бросил взгляд на светящийся циферблат своих часов. Шесть часов двадцать минут. Три минуты — и дело сделано! В намеченные сроки они уложились точно.

Катафалк описал величественный полукруг и, важно покачивая на ветру черными перьями, медленно покатыл в сторону Голубых гор, увозя трех скорбящих людей, скрестивших в знак траура руки на груди.

* * *

WXN вызывает WWN... WXN вызывает WWN... WXN... Розовый пальчик Мэри Трублад стучал ключом передатчика.

Шесть часов двадцать восемь минут. Стренжвейз на минуту опаздывал. Мэри Трублад улыбнулась, думая о мчащемся по побережью черном автомобиле. Стренжвейз должен вот-вот появиться. Она уже слышала его быстрые шаги. Он наклонится к ней с извиняющейся улыбкой и наденет наушники.

— Простите, Мэри,— скажет он.— Машина никак не заводилась.

Или:

— Я был уверен, что полиции прекрасно известен номер моего «санбима». И что же вы думаете? Они остановили меня в Хаф Уэй Три для проверки документов!

Чтобы сэкономить время, Мэри достала вторую пару наушников. Она по-прежнему передавала:

— WXN вызывает WWN... WXN вызывает WWN... На ее часах было уже 6.29. Мэри всерьез забеспокоилась. Через несколько секунд Лондон ответит. Боже мой! Что она будет делать, если Стренжвейз не придет? Она понимала, что ей самой бесполезно и опасно пытаться передать ежедневный рапорт вместо него. Служба безопасности прослушивает все радиোগраммы, а у каждого агента свой неповторимый почерк. Есть специальная аппаратура, отмечающая все особенности этого почерка и способная моментально выявить чужую руку.

Пять лет назад, до отъезда Мэри на Ямайку, шеф службы контроля показал ей настоящие джунгли машин, чьи длинные названия внушили ей уважительный трепет. Ей объяснили, что контакт-радио автоматически подключается, когда радиогрammu передает незнакомая рука. Это мера предосторожности на случай, если рация попадет к врагу. А если агента хватают и силой заставляют вызывать Лондон, ему достаточно слегка изменить почерк, чтобы предупредить спецслужбу, и его поймут совершенно безошибочно, как если бы он передал сообщение о провале прямым текстом.

Ну вот! Вызывает Лондон...

Шаги в холле... Наконец-то! Он успел. Оставалось выиграть какие-то секунды.

— WWN вызывает WXN... WWN вызывает WXN... Вы меня слышите? — спросил Лондон.

Шаги уже приблизились к двери.

Мэри Трублад спокойно передала:

— Отвечает WXN... WXN... Я вас отлично слышу.

Позади раздался грохот взрыва. Что-то больно ударило ее в бедро. Это оказался кусок замка. Она в ужасе обернулась. В дверях кабинета стоял мужчина. Нет, не Стренжвейз, а огромный негр с желтой кожей и раскосыми глазами. В его руке поблескивал револьвер.

Мэри Трублад открыла рот, чтобы закричать. На лице незнакомца появилась задумчивая, загадочная улыбка. Он медленно, с удовольствием прицелился и выпустил три пули прямо ей в сердце.

Девушка соскользнула со стула, как тряпичная кукла. Еще секунду в комнате раздавался писк лондонских позывных, потом все стихло.

В зале контроля за тысячами километров отсюда кто-то выругался:

— Черт подери! О чем они там думают, мерзавцы?

Таково было надгробное слово над Джоном Стренжвейзом и Мэри Трублад.

В это время убийца поставил на пол коробку с надписью «ВЗРЫВООПАСНО» и стал засовывать тело Мэри Трублад в холщовый мешок. Ноги не влезали, и их пришлось согнуть в коленях. Потом он взвалил на плечи эту тяжелую ношу, отнес ее к дверям дома, бросил и вернулся в кабинет. Сребрники кодов и позывных, предназначенные для переговоров с Лондоном. Сложил их в стопку возле коробки «ВЗРЫВООПАСНО» вместе с остальными бумагами, которые смог отыскать. Методично разорвал портьеры, швырнул их в ту же кучу, а сверху уложил пару стульев. Затем зажег маленький веселый огонек, схватил мешок и отбежал на безопасное расстояние. Наконец-то он мог спокойно удалиться, унося то, что осталось от Мэри Трублад и испытывая приятное чувство хорошо выполненного дела.

Спрятанный за кустами катафалк терпеливо его дождался. Уже стемнело, слышалось только надоедливое жужжание стрекоз и тихий шум мотора. На улице не было ни души. Высокий китаец обернулся. Из холла клубами валил дым. Чтобы огонь разгорелся, убийца оставил дверь открытой настежь.

Он подал мешок двум своим напарникам. Они с большим трудом втиснули его в гроб, где уже лежало тело Стренжвейза. Китаец тоже забрался в машину и закрыл за собой дверцы.

Со вздохом облегчения он опустил на сидение и снова надел цилиндр. Приличия прежде всего!

В окнах второго этажа уже мелькали язычки пламени. Водитель катафалка неторопливо нажал на газ, выехал на узкую боковую дорогу и повел машину в направлении ущелья Мона.

Там, на глубине ста метров, и остался лежать тяжелый гроб.

Ровно за сорок пять минут все архивы и персонал английской секретной службы в Карибском бассейне были уничтожены. Радиопередатчик здесь никогда больше не заработает.

Глава 2

Спустя три недели в Лондоне наступил март. Приход его сопровождался большим шумом. На рассвете первого марта разразилась настоящая буря. Яростный ветер с ледяным дождем и градом хлестал несчастных прохожих в мокрых плащах, испуганно жавшихся к стенам по дороге на работу.

Погода, как говорится, просто собачья, и даже сам «М», редко удостаивающий своим вниманием такого рода детали, отметил это, вылезая из черного роллса без номерных знаков, остановившегося перед большим зданием на Редженс Парк. Порыв ветра с крупным градом хлестнул «М» по лицу. Однако, вместо того, чтобы где-нибудь укрыться, он важно обошел машину и наклонился к шоферу.

— Вы можете возвращаться домой, Смит. Сегодня вечером я поеду на метро. Не самая лучшая погода для прогулок на автомобиле.

— Да, хозяин. Благодарю вас.

Смит, бывший старший механик на крейсере военно-морских сил Ее Величества, с умилением улыбнулся, наблюдая за «М», который строевым шагом удалялся под пеленой дождя. Это вполне в его стиле! Смит протер ветровое стекло изнутри, потом нажал на газ, и машина медленно тронулась. «Да, таких людей нынче встретишь нечасто», — вздохнул он.

Промокший до нитки «М», шеф английской службы информации, вошел в свой кабинет. И только когда за ним закрылась дверь, он вытащил голубой шелковый платок и вытер лицо. Ни за что на свете он не сделал бы этого на глазах у лифтера или портъе. Затем, вновь обретя достойный вид, он сел за письменный стол и нажал кнопку интерфона.

— Я пришел, мисс Манипенни, — сказал он. — Принесите последние сообщения и свяжите меня с сэром Джеймсом Молони. В это время он должен быть в госпитале Сент-Мэри. И еще. Я приму 007 через полчаса. Но до этого вам необходимо принести мне досье Стренжвейза.

«М» услышал металлическое «Хорошо, шеф» и отпустил кнопку.

Затем, по давно заведенному обычаю, достал трубку и принялся ее набивать. Когда вошла секретарша, он не поднял головы и даже не взглянул на полдюжины депеш, которые она старательно разложила на столе. Он прекрасно знал, что если бы произошло нечто необычное, его уведомили бы еще ночью. Один из телефонов загудел.

— Это вы, сэр Джеймс?.. Не могли бы вы уделить мне пять минут?

На другом конце провода послышался легкий смешок:

— Могу даже шесть. Что случилось? Хотите, чтобы я обследовал одного из министров Ее Величества, который вызывает у вас подозрения?

— Речь не об этом, — ответил «М» без тени улыбки.

Он принадлежал к старой школе и не любил шуток подобного рода. Впрочем, продолжил он весьма вежливо:

— Мне бы хотелось узнать ваше мнение по поводу одного из наших сотрудников, не будем называть его имя, который вчера вышел из госпиталя. Вы понимаете, о ком я говорю?

Последовала короткая пауза.

— Прекрасно понимаю, — сказал наконец сэр Джеймс. Голос его зазвучал с профессиональным бесстрашием.

— Физически парень в отличной форме, — продолжил он. — Раны на ноге полностью зажили. Откровенно говоря, я считаю, что он еще легко отделался. Но если вы собираетесь поручить ему какое-нибудь новое дело, я бы вас попросил его побереечь. У него все-таки было нелегкое испытание.

— За это ему и платят, — проворчал «М». — Так я не понял, он здоров или нет?

— Дорогой мой, — ответил сэр Джеймс. — Это довольно сложный вопрос. Боль, ее действие, порог, границы еще мало изучены. Очень трудно измерить страдания женщины при родах или мужчины — при почечных коликах. Слава Богу, человеческое тело невероятно выносливо. Но не заблуждайтесь, ваш агент действительно испытал адские мучения. Конечно, у него ничего не сломано но если быть точным...

— Ладно, ладно, — с целомудренной стыдливостью проговорил «М».

Что бы там ни было, Бонд совершил ошибку и, естественно, за это поплатился. И не сэру Джеймсу Молони учить «М», как руководить своими агентами. Ему показалось, что в голосе знаменитого врача звучал легкий упрек...

— Кстати, сэр Джеймс, вы когда-нибудь слышали о некоем докторе Питере Стейнкрене?

— Нет, не доводилось.

— Это американский медик. Он недавно опубликовал работу о сопротивляемости человеческого организма. Среди всего прочего я обнаружил там список частей тела, без которых человек теоретически может обойтись. Я его переписал дословно. Зачитываю: желчный пузырь, селезенка, минда-

лины, аппендикс, одно из двух легких, одна почка, две пятых крови, две пятых печени, большая часть желудка, 1 м 25 см кишечника и половина мозга. Что вы на это скажете?

— Я удивляюсь,— ответил сэр Джеймс ледяным тоном,— что ваш автор не включил в список обе ноги и обе руки. По-моему, все это чушь. Но куда вы клоните и что пытаетесь доказать?

— Просто подтверждаю, что наш приятель легко отделался. На самом деле,— продолжил он как можно более твердо,— у меня не было намерений поручать ему какое-либо сложное дело. Напротив, я хочу предложить ему поездку на курорт. На Ямайке исчезли двое наших агентов. Мужчина и женщина. Всё указывает на то, что они скрылись вместе. Но мне нужны доказательства. Теперь убедились — не слишком трудная задача.

— В таком случае, я не возражаю,— сказал сэр Джеймс.— Не подумайте, что я суюсь не в свое дело, но человеческая смелость имеет свои пределы. Я знаю, парни, которыми вы руководите, не из слабаков. Но не думаю, что вам будет приятно увидеть, как кто-то из них сломается. Тот, о котором мы говорим, силен и вынослив. Я уверен, он еще долго проработает для вас. Но вспомните, что Моран говорит о бесстрашии.

— Не помню.

— Он говорит, что бесстрашие, как капитал — чем больше расходуешь, тем меньше остается. А наш приятель транжирит этот капитал, начиная с войны. Подумайте об этом. Он еще настоящий боец, но всему есть предел.

— Правильно,— отрезал «М», решив на этом завершить обсуждение.— Я посылаю его на Ямайку погреться на солнышке. Не волнуйтесь. Кстати, вы выяснили, чем его отравила эта русская?

— Вчера я получил результаты анализа,— сказал сэр Джеймс, тоже весьма довольный переменной темы.

У старины «М» характер капризней, чем погода. Сумел ли он правильно понять?

— На это у нас ушло три месяца. По части ядов русским можно доверять. Они обязательно придумают такой составчик, о котором никто и не слыхивал. На этот раз речь шла о фугу. Научное название — Тетродоксин. Его выделяют из мелок одной японской рыбы. Сами японцы часто используют его при самоубийствах. Этот состав по своему действию немного напоминает яд кураре. Сначала — паралич нервной системы. Потом парализуются мышцы моторно-двигательного и дыхательного аппаратов. У человека двоит-

ся в глазах, потом он просто не может их открыть. Затем отказывают дыхательные мышцы, голова откидывается и начинается паралич органов дыхания.

— Если я правильно понял, Бонд остался жив только чудом?

— Да, это на самом деле так. Он выжил благодаря одному французу, который находился рядом. Тот его немедленно уложил и стал делать искусственное дыхание до прихода врача. Вторым чудом было то, что этот доктор в свое время практиковал в Южной Америке и хорошо знал действие яда кураре. Один шанс из миллиона, что все это совпало... Кстати, а что стало с русской?

— Она умерла,— ответил «М» своим самым сладчайшим голосом.— Ну ладно, сэр Джеймс, я бесконечно вам благодарен. И не волнуйтесь. Я не буду перегружать вашего пациента. До свидания.

Сказав это, он повесил трубку и принялся за лежащие на столе бумаги. Скоро перед ним осталась лишь бежевая папка с красной звездочкой «совершенно секретно». На обложке стояли крупные буквы «КАРИБЫ», а чуть пониже было подписано «Стренжвейз и Трублад».

На интерфоне зажглась лампочка.

— Пришел 007, шеф,— прозвучал голос мисс Маниппени.

— Пусть войдет. И вызовите ко мне, пожалуйста, минут через пять главного эксперта по оружию.

«М» выпрямился и раскурил трубку. Он не отводил внимательного, безжалостного взгляда от двери.

Джеймс Бонд вошел и сел.

— Добрый день, 007,— сказал «М» сухо.

— Здравствуйте, шеф,— ответил Бонд.

Молчание. «М» яростно тянул трубку. Бонд казался совершенно спокойным. Но как долго он ждал и боялся этого момента! В течение долгих месяцев, пока его перевозили из больницы в больницу, в течение нескончаемых недель выздоровления, пока он вновь и вновь тренировал ослабшее тело, он думал только о том мгновении, когда снова сядет напротив «М». Это будет означать, что он опять стал человеком.

Холодные серые глаза «М» разглядывали его без тени снисхождения. Зачем он вызвал его? Чтобы устроить выволочку по поводу ошибки, едва не ставшей роковой? Или, хуже того, собирается перевести Бонда на работу в контору, забыв обо всех его прошлых заслугах?

«Но может быть... может быть,— говорил себе Бонд,— шеф приготовил для него какое-нибудь стоящее задание,

которое поможет ему снова проявить себя асом секретной службы?»

«М» откинулся на спинку кресла и наконец заговорил:

— Как вы себя чувствуете? Рады встрече?

— Очень рад, шеф. И чувствую себя отлично.

— Что вы думаете по поводу последнего дела? Мне не хотелось бы показаться надоедливым, но, как вам известно, я предпринял некоторое расследование. Впрочем, начальник главного штаба уже получил ваши свидетельские показания. Хотите что-нибудь добавить?

Интонации «М» Бонду не понравились. Сухой, деловой тон, не предвещающий ничего хорошего. Однако, он прямо ответил:

— Мне нечего сказать, шеф. Во всем случившемся виноват только я.

«М» медленно наклонился вперед и обеими руками оперся на стол. Взгляд его был жестким.

— Это совпадает с моим мнением,— проговорил он пугающе мягким голосом.— Если я правильно помню, ваш пистолет дал осечку. Это была «Беретта» с глушителем, так? Агент с индексом 00 не имеет права на подобную оплошность. Если, конечно, он не собирается менять профессию...

Бонд окаменел. Для агента право носить 00 является высшей честью и означает риск и опасность, то есть те вещи, которые Бонд по-настоящему любил. Вопрос «М» прозвучал, как пощечина. Но Бонд сдержался.

— Это не входит в мои планы, шеф,— коротко ответил он.

— В таком случае,— продолжал «М»,— вам необходимо полностью сменить оружие. Впрочем, это не только мое мнение. Так же решила и комиссия по расследованию.

На этот раз Бонд возразил:

— Я привык к своему пистолету. Он мне подходит, и я его люблю. Любое другое оружие как и «Беретта» могло дать осечку.

— Комиссия по расследованию считает иначе. Но хватит спорить. Нам остается решить, каким оружием вы будете пользоваться в дальнейшем.

«М» наклонился к интерфону.

— Будьте добры, пригласите эксперта.

И, повернувшись к Бонду, добавил:

— Майор Ботроуд — лучший в мире специалист по оружию мелкого калибра. Поэтому я его и пригласил. Послушаем, что он нам скажет.

Эксперт вошел и сел. Это был худой маленький человек со светло-серыми глазами и белесыми волосами.

— Прежде всего,— обратился к нему «М»,— мне бы хотелось услышать ваше мнение о «Беретте» 25 калибра.

— Дамский пистолетик, шеф,— уронил человек, едва разжав губы.

— Что вы имеете в виду? — спросил «М», глядя на Бонда с убийственной иронией.

— Тугой взвод, но потом палит без передышки. К тому же, он красив и очень нравится женщинам.

— А если использовать глушитель?

— Еще хуже,— ответил эксперт с некоторым раздражением.— Когда выхватываешь пистолет, глушитель может запутаться в одежде. Нет, подобное сочетание я бы никому не посоветовал. Особенно в делах серьезных.

«М» добродушно улыбнулся Бонду.

— У вас есть какие-нибудь возражения?

— Да, я не согласен,— упрямо проговорил Бонд.— Я пользуюсь «Береттой» уже пятнадцать лет и не имел повода жаловаться. Конечно, я пробовал оружие и покрупнее; например, Кольт 45 калибра с длинным стволом. Но для ближнего боя «Беретта» с ее небольшими размерами просто незаменима. Да и для дальнего — тоже. Все дело в глушителе, я уверен. К сожалению, мы вынуждены иногда им пользоваться.

— Результат нам уже известен,— сухо произнес «М». Но потом, смягчившись, добавил:

— Не сомневаюсь, что вы легко привыкните к другому оружию. Впрочем, с этим все ясно. Будьте добры, встаньте. Я бы хотел, чтобы наш эксперт до принятия решения посмотрел на ваше телосложение.

Бонд неохотно поднялся. Ботроуд внимательно его оглядел. Пощупал мускулы, потрогал запястья. Потом спросил холодным профессиональным тоном:

— Могу я взглянуть на ваш пистолет?

Бонд откинул полу пиджака и достал «Беретту» со спиленным стволом. Ботроуд взвесил ее на ладони, тщательно осмотрел и положил на стол.

— Кобуру и ремень тоже, прошу вас.

В напряженной тишине Бонд покорно стащил пиджак, отстегнул замшевый ремень и кобуру. Взглянув на них, Ботроуд с саркастической улыбкой бросил все это на стол.

— Думаю, мы сможем подобрать кое-что получше.

Таким же тоном с Бондом разговаривал портной, у которого он шил свой первый костюм. Бонд снова сел. Он пере-

стал с раздраженным видом изучать потолок и перевел бесстрастный взгляд на «М».

— И что же вы предлагаете? — спросил последний.

Майор Ботроуд перешел на тон человека, хорошо знающего свое дело.

— Вы знаете, шеф, — сказал он скромно. — Я сам испытал большинство автоматических пистолетов мелкого калибра — пять тысяч выстрелов с двадцати метров. И наиболее подходящим считаю «Вальтер ППК» 7,65 мм. Он занимает всего лишь четвертое место после японского «М 14», русского «Токарева» и «М 38 Зауера». Мне нравится его мягкий спуск. Специальная форма магазина делает его очень удобным. Думаю, 007 он подойдет. Это действенное оружие. Конечно, калибр 32 потяжелее «Беретты» 25, но более легкого пистолета не подобрать. К тому же патроны для «Вальтера» продаются во всем мире. Что выгодно отличает его от русского и японского оружия.

«М» повернулся к Бонду.

— Есть вопросы?

— Пистолет хорош, — признал Бонд, — хотя и не такой изящный, как «Беретта». А как я буду его носить?

— В кобуре «Бернс Мартэн», — без колебания ответил Ботроуд. — Из нее вы сможете достать пистолет намного быстрее, чем из этогохлама.

Он презрительно мотнул головой в сторону стола.

— В среднем 3/5 секунды, чтобы попасть в человека с 10 метров. По-моему, неплохо?

— Ну что ж, — сказал «М», — вопрос решен. А как с оружием крупного калибра?

— Наиболее подходящим мне кажется «Смит и Вессон» 38, — безапелляционно произнес Ботроуд. — На пистолете ни единого выступа, он не зацепится за одежду и весит не более 350 грамм. Чтобы не утяжелять, придется ограничиться пятью патронами. Но когда их используешь, — добавил Ботроуд, — это, как минимум, один труп. Со стандартными патронами у этого оружия невероятная мощь. Существуют разные длины ствола и...

— Во всем полагаюсь на вас, — быстро прервал его «М». — Итак, «Вальтер» и «Смит и Вессон». Будьте любезны, пришлите нам их немедленно. 007 должен за неделю натренироваться до совершенства. Спасибо большое. Я вас больше не задерживаю.

Эксперт кивнул и бесшумно вышел. Возникло молчание. Бонд с грустью думал, что его пятнадцатилетний союз с «Береттой» подходит к концу. Сколько раз этот холодный

кусочек металла спасал ему жизнь? Он вспоминал, как вечерами, сидя в гостиничных номерах в любом уголке земного шара, он доставал «Беретту», разбирал ее на детали, чистил и смазывал в ожидании переделки. Бонд, к своему удивлению, почувствовал себя расстроенным.

— Мне очень неприятно, Джеймс,— прозвучал низкий голос «М». — Я знаю, как вы привязались к своей «Беретте». Но в нашем деле и так слишком много риска.

— Я знаю,— ответил Бонд с извиняющейся улыбкой.

— У меня для вас есть дело,— продолжил «М». — Расследование на Ямайке. Там одновременно исчезли два наших агента. Любовная история. По крайней мере, это кажется наиболее вероятным. Ничего серьезного. Солнце пойдет вам на пользу. Поупражняйтесь с новым оружием на морских черепахах: Настоящий отпуск! Что скажете?

Бонд с горечью подумал: «И это все, что он может предложить? Да, похоже, после провала он мне не доверяет». Он сказал:

— Прекрасная мысль. Правда, в последнее время я привык к делам посерьезнее. Но надо — значит, надо. Если вы приказываете...

— Да,— ответил «М»,— приказываю.

Глава 3

Начало темнеть. Погода еще больше ухудшилась. «М» зажег настольную лампу. В свете желтого абажура обтянутый кожей стол принял кроваво-красный оттенок.

«М» подвинул Бонду большую папку, на обложке которой тот прочел «Стренжвейз — Трублад». Что случилось со Стренжвейзом? И кто такая Трублад? «М» нажал на кнопку.

Словно для того, чтобы ответить не безмолвные вопросы Бонда, в кабинет вошел начальник штаба, полковник, примерно одного возраста с Бондом. Его обязанности были весьма нелегкими, и только крепкое телосложение и хорошее чувство юмора спасали его от нервных срывов. Он был одним из лучших друзей Бонда. Они приветливо улыбнулись друг другу. «М» обратился к вошедшему:

— Я только что передал Бонду дело Стренжвейза. Он выяснит, что произошло, и все это время будет выполнять функции главного тамошнего агента. Послушайте, Бонд, вы ведь, кажется, работали со Стренжвейзом лет пять назад? Что вы можете о нем сказать?

— Отличный парень,— просто ответил Бонд. — Но я

думал, что его перевели куда-нибудь в другое место. Пять лет в тропиках — это слишком!

«М» пропустил замечание мимо ушей.

— А его подручную Мэри Трублад вы знали?

— Нет, шеф.

— Отзывы о ней великолепные. И, судя по фотографиям, очень хорошенькая. Может быть, в этом ключ ко всей истории. Как по-вашему, Стренжвейз интересовался женщинами?

— Вполне возможно, — сказал Бонд, подумав при этом о себе. — Но что с ним все-таки произошло?

— Именно это вам и предстоит выяснить. Ровно три недели назад Джон Стренжвейз и Мэри Трублад пропали. Исчезли в один вечер, оставив после себя только горку пепла. Бунгало Стренжвейза, сборники кодов, досье, передатчик — все сгорело. Девушка не забрала ничего из своих вещей, даже паспорт. Но это еще ни о чем не говорит: Стренжвейз легко мог достать ей другой. Они могли улететь самолетом во Флориду или Южную Америку. Полиция проверяет списки пассажиров. Результаты — ноль. Но, учитывая эффективность работы этой конторы, я не удивляюсь. Возможно, ничего так и не обнаружится.

Начальник главного штаба нахмурился и повернулся к Бонду:

— Не могу не отметить: в этой истории есть одна странная деталь. Я имею в виду их последний радио-контакт с нами. В 18.30 они, как обычно, вышли на связь с Лондоном. Служба безопасности сработала четко: сообщили, что передавала Мэри Трублад. Потом связь внезапно прервалась. Никакого ответа ни на «синий», ни на «красный» вызовы. На следующий день секция № 3 послала туда агента из Вашингтона. Он виделся с губернатором. Тот был в курсе. Бунгало само загореться не могло. К тому же, за Стренжвейзом уже числились любовные истории. Хотя можно ли его за это осуждать? На Ямайке совершенно нечего делать. Губернатор, вашингтонский агент и местная полиция заключили, что Стренжвейз и Мэри Трублад сбежали вместе. Дело закрыли.

Начальник штаба извиняющимся тоном обратился к «М»:

— Я знаю, вы склоняетесь к тому же мнению, но у меня все равно остается неуверенность. Прежде всего, из-за последней радиосвязи, которая не стыкуется со всем остальным. Во-вторых, потому что все друзья Стренжвейза дали одинаковые показания: 18.15 он вышел из клуба, как делал это каждый вечер, заказав всем выпивку и пообещав вернуться

через двадцать минут. Все подтвердили, что он выглядел совершенно нормально, не нервничал и не торопился. И начиная с этого момента, он буквально испарился. Даже не сел в машину. Она осталась стоять у клуба. Если он решил бежать с девушкой, то почему бы ему не уехать утром? Или еще лучше ночью, после передачи нам ежедневного рапорта?

— Позволю себе заметить,— проворчал «М»,— что влюбленные часто ведут себя по-идиотски. И к тому же, другого объяснения пока нет. На Ямайке уже лет пять не происходит ничего серьезного. После вашего последнего дела, Бонд. Время от времени на остров пытаются пролезть кое-какие кубинские коммунисты. Там прячутся отдельные английские уголовники, наивно считая себя в безопасности. Вот, пожалуй, и все. Что вы об этом думаете, Бонд?

— Не верю,— четко проговорил Бонд.— Не верю, чтобы Стренжвейз мог все бросить ради женщины. Возможно, у них с секретаршей и была интрижка, но он не из тех людей, которые путают дело и удовольствие. А главное, Стренжвейз любил свою работу. Нет, он не мог сбежать, это невероятно.

— В таком случае, какие вы можете предложить объяснения? — с легким раздражением спросил «М». И медленно принялся набивать трубку. Эта история начинала ему надоедать. Он ненавидел путаницу и всякие любовные дела. Похоже, Бонд со своим расследованием может зайти в тупик. Но Бонд придерживался другого мнения. Он хорошо знал Стренжвейза и решил его защитить.

— Чем занимался Стренжвейз в последнее время? — спросил он.

— Абсолютно ничего интересного,— ответил «М», повернувшись за подтверждением к начальнику главного штаба.

— Точно,— отреагировал тот.— Не считая дурацкой истории с птицами...

— Ах да,— сказал «М» с глубочайшим презрением,— ну это уже из компетенции зоопарков. Морское ведомство подсунуло нам эту историю, по-моему, неделю шесть назад.

— Именно так,— подтвердил начальник штаба.— Американское общество Одюбон по охране исчезающих птиц пожаловалось нашему послу в Вашингтоне. Министерство иностранных дел переслало жалобу в Морское ведомство, а те перекинули ее нам.

Это общество Одюбон — могущественная организация. Ему даже удалось перенести в другое место центр атомных испытаний, мешавший какой-то птичке откладывать яйца.

— Ну хватит об этом,— передернул плечами «М».

Но Бонд не был удовлетворен.

— А что оно хочет от нас, это общество Одюбон? — поинтересовался он.

Трубка в зубах «М» угрожающе закачалась. Он протянул папку начальнику главного штаба.

— Держите. Здесь все. Объясните ему.

— Двадцатого января мы переслали дело Стренжвейзу. Он подтвердил получение. И после этого полное молчание. В двух словах, речь идет о разновидности розовых фламинго, несколько лет назад находившихся на грани уничтожения. Только у берегов Флориды еще оставалось незначительное количество. И вдруг выясняется, что обнаружена большая колония этих птиц, гнездящаяся на крошечном островке Крэб Ки, расположенном между Кубой и Ямайкой. Он принадлежал Ямайке и, следовательно, являлся британской территорией. Раньше на нем добывали гуано¹, но из-за низкого качества добыча прекратилась. Уже лет пятьдесят остров оставался необитаемым. Общество Одюбон сняло часть территории и устроило там своеобразный заповедник для редких птиц. На остров отправили двух охранников и изменили маршруты проходящих там авиалиний. Количество птиц стало быстро расти. По последним данным с Крэб Ки оно достигло пяти тысяч.

Потом началась война. Цены на гуано резко подскочили, и какой-то тип решил купить остров и начать разработки. Он снюхался с правительством Ямайки, и те согласились, при условии, что это не отразится на птицах из ведомства Одюбон. Это произошло в 1943 году. Новый владелец привез дешевую рабочую силу и стал заколачивать бешеные деньги. Но потом цены на гуано опять упали, и бедняга едва смог свести концы с концами.

— Кто этот человек? — спросил Бонд.

— Один китаец. Или, точнее, полукитаец-полу немец. У него еще такое забавное имя — доктор Джулиус Но.

— Но, Н...О?

— Именно так.

— Что еще о нем известно?

— В общем-то мало. Он живет очень замкнуто. После заключения договора с правительством Ямайки нигде не появляется. Между Крэб Ки и другими островами нет сообщения. Это его остров, и он хочет жить там в полном покое. Он говорит, что гуано может вытеснить птиц. И это, конечно,

¹ Гуано — птичий помет

правильно. До последнего Рождества мы, практически, не имели с ним никаких контактов.

— А как сейчас?

— Одному охраннику из ведомства Одюбон удалось доплыть на лодке до северного побережья Ямайки. Это был огромный барбадосец, невероятно сильный и выносливый — настоящая скала. Все его тело покрывали глубокие раны, и через несколько дней он умер, успев, однако, рассказать невообразимую историю. На лагерь охранников напал дракон, изрыгающий огонь. Он убил его товарища, спалил лагерь и принялся уничтожать птиц. Бедняга, конечно, помешался. В общество Одюбон было послано сообщение, и те немедленно отправили на Крэб Ки самолет с двумя важными шишками для расследования. На острове есть посадочная площадка. Доктор Но пользуется самолетом для пополнения запасов продовольствия.

— Американцам действительно больше некуда деньги девать, кроме как на этих чертовых птиц! — раздраженно воскликнул «М».

Бонд с большим трудом удержался от улыбки.

— В любом случае, беднягам не повезло. Самолет разбился при посадке. В живых не осталось никого.

Новое несчастье заставило мирное общество Одюбон прибегнуть к более серьезным средствам. На этот раз, для выяснения отношений с проклятым доктором Но к острову был послан эсминец. Я говорю о таких деталях, чтобы показать вам возможности, которыми располагают эти любители фауны.

Капитан эсминца был встречен доктором Но с величайшей любезностью. Ему показали остов сгоревшего самолета. Ничего подозрительного. Тела двух пассажиров и пилота были заботливо захоронены доктором Но. Он торжественно передал эти останки капитану, чрезвычайно польщенному теплым приемом.

Капитан также захотел осмотреть лагерь охранников. Его туда отвели. По словам доктора Но, ребята просто спятили от жары и одиночества. Один спалил лагерь, а заодно и своего товарища. Объяснения показались капитану весьма правдоподобными, когда он увидел забытое Богом и людьми болото, на котором охранники прожили почти десять лет.

Так как больше смотреть было не на что, капитана галантно проводили на корабль. На этом история могла и закончиться, если бы капитан на свою голову не рассказал, что заметил на острове совсем немного птиц. Общество Одюбон впало в настоящую истерику и потребовало от нас более

скрупулезного расследования. Для этого дело и передали Стренжвейзу.

«М» бросил на Бонда тяжелый, укоризненный взгляд.

— Видите,— сказал он,— стоило ли огород городить? Кучка старых маразматичек основывает общество по охране летучих рыб или миниатюр восемнадцатого века, и начинаются неприятности. Этих дам ничего не остановит. У них есть и деньги, и связи. Если понадобится, они обратятся к самому Господу Вседержителю. И наступает момент, когда приходится принимать меры для их успокоения. И все это сваливается мне на голову, ведь речь идет о британской территории. А так как остров — еще и частная собственность, никто официально вмешиваться не желает. Что им всем от меня надо?! Чтобы я послал подводную лодку выяснить, что произошло с выводком розовых аистов?

«М» в ярости затряс головой, потом агрессивно добавил:

— Таково последнее дело Стренжвейза. Надеюсь, вам в общих чертах все понятно? У меня сегодня еще очень много дел.

Бонд встал.

— Я бы хотел забрать папку. Здесь много непонятного. В той или иной связи с этими птицами уже погибли четыре человека. Кроме того, мы еще не знаем, что стало со Стренжвейзом и Мэри Трублад. Может, это лишь абсурдное совпадение, но начинать нам больше не с чего.

— Берите, берите,— нетерпеливо сказал «М». — Отправляйтесь на курорт и возвращайтесь как можно быстрее. Все это — такая путаница. Я на вас надеюсь.

Бонд забрал папку и протянул руку к лежащей на столе «Беретте».

— Нет, это оставьте здесь,— резко остановил его «М». — Лучше как следует поупражняйтесь со своим новым оружием. В конце недели увидимся.

Бонд в упор взглянул на «М». Впервые в жизни он почувствовал к нему настоящую ненависть. Он прекрасно знал, почему «М» ведет себя с ним так оскорбительно. Но не слишком ли это суровое наказание? Ведь Бонд и так едва не погиб во время последнего задания. А «М» еще издевается, посылая его погреться на солнышке.

В глубине души Бонд понимал, что это так называемое «дело», эта увеселительная поездка в большей степени должна послужить для его унижения. Старая обезьяна!

Вне себя от ярости, но с улыбкой на лице, Бонд попрощался с высоким начальством и вышел, пробормотав:

— Птицы — вот что меня всегда интересовало.

Самолет пошел на снижение. Внизу, на расстоянии нескольких тысяч километров, показалось зелено-коричневое шахматное поле — Куба. Самолет стал медленно разворачиваться в сторону Ямайки. Бонд наблюдал, как в иллюминаторе вырастает огромный зеленый остров, похожий на черепаший панцирь. Если вокруг Кубы океан был густо-синим, то здесь из-за подводных рифов он становился бледно-голубым, почти молочным. Индейцы аравак называли остров «Ксаймака» — страна рек и холмов. Что верно, то верно: внизу словно натянули голубую сеть из ручьев и рек. Как она прекрасна, эта земля, и как богата!

Склоны Голубых гор уже погрузились в фиолетовую тень. В Кингстоне один за другим вспыхивали огни. Долину и аэропорт еще освещали последние лучи солнца. Монотонно мигал маяк в Порт Руаяль.

Самолет плавно пошел на посадку. На несколько секунд он, казалось, окунулся в золотое море догорающего солнца, а потом мягко коснулся земли и побежал по посадочной полосе.

Стоило Бонду выйти из самолета, как его окутал хорошо знакомый влажный тропический воздух. Он понял, что еще не успев дойти до таможни, совершенно промокнет.

В паспорте значилась профессия «экспортер-импортер».

— Какую кампанию представляете, мистер? — вежливо осведомился служащий.

— «Универсал Экспорт», — ответил Бонд, не задумываясь.

— Вы здесь по работе?

— Нет, только для отдыха.

— Желаю удачи, мистер, — сказал служащий и вернул паспорт.

Первым, кого Бонд увидел у таможни, был высокий смуглый мужчина, небрежно опирающийся на перегородку. На нем была все та же вылинявшая рубашка и, видимо, те же брюки хаки, что и пять лет назад, когда Бонд встретился с ним впервые.

— Куоррел! — позвал Бонд.

Смуглое лицо за перегородкой расплылось в широчайшей улыбке. Мужчина помахал рукой в знак приветствия.

— Все в порядке, кэп? — спросил он радостно.

— Отлично, — сказал Бонд. — Надо только получить чемодан, и можем ехать. Ты на машине?

— Конечно, кэп.

Таможенный офицер, который, как и все на острове, прекрасно знал Куоррела, заговорщически подмигнул Бонду и протянул чемодан, даже не открывая.

Бонд дружески сжал крепкую, мозолистую ладонь Куоррела. Он взглянул в его темно-серые глаза, унаследованные, наверняка, от какого-нибудь предка пирата.

— Ты не изменился, Куоррел,— сказал он.— Что черепахи? Хороший улов?

— Когда да, когда нет. Как обычно.

Куоррел вдруг нахмурился и принялся строго разглядывать Бонда.

— Вы болели, кэп?

— Да, было дело,— ответил он.— Но я уже давно на ногах. А почему ты спросил?

У Куоррела появился смущенный, несчастный вид. Он боялся огорчить своего дорогого кэпа, как он звал Бонда.

— Да так, извините. Я просто хорошо знаю ваше лицо.

— Мне пришлось несладко,— признался Бонд.— И я пока далеко не в лучшей форме. Так что мне будут нужны твои тренировки, как в прошлый раз.

Болтая, они направились к машине. Неожиданно рядом сверкнула фотовспышка.

К ним приблизилась очаровательная китайка в ямайском костюме, с фотоаппаратом на шее и листком бумаги в руках. Загадочно улыбаясь, она обратилась к ним:

— Спасибо, господа. Я — фоторепортер из «Дейли Глинер». Вы — мистер Бонд, не так ли? Сколько времени собираетесь пробыть на острове?

Бонд едва смог скрыть раздражение. Хорошенькое начало!

— Я здесь проездом,— коротко ответил он.— Уверен, что для вас найдутся более интересные пассажиры.

— Не думаю, мистер Бонд,— сказала девушка с лукавой улыбкой.— Могу ли я узнать, в каком отеле вы собираетесь остановиться?

«Черт бы ее побрал!» — выругался про себя Бонд.

— В «Миртл Бэнк»,— сказал он.

— Большое спасибо, мистер Бонд,— прозвенел нежный голосок.— Желаю удачи.

Подойдя к стоянке, Бонд подозрительно спросил Куоррела:

— Скажи, ты уже видел ее в аэропорту?

Куоррел наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Потом помотал головой.

— По-моему, нет, кэп. Но в «Глинере» полно таких дев ченок.

Бонд задумался. С чего бы это газеты стали охотиться за его фотографией? Он не был на острове уже пять лет, да и в те времена пресса им не интересовалась.

Они подошли к машине. Это был черный «санбим». Увидев номер, Бонд вздрогнул. Этого только не хватало! Автомобиль Стренжвейза!

— Где ты взял эту машину? — спросил он спокойно.

— В гараже других не было. А чем она плоха?

— Да нет, все в порядке, — покорно ответил Бонд. — Поехали.

Куоррел сел за руль. Бонд продолжал размышлять. Черт возьми, и как это он сам не догадался позаботиться о машине! А теперь попробуй поработай незаметно с такой визитной карточкой.

По обеим сторонам дороги росли огромные кактусы. Вдалеке уже сиял золотыми огнями Кингстон. В жарком воздухе плыли тропические ароматы. Но Бонд ничего не замечал. Он злился на самого себя. В телеграмме он просил губернатора острова отыскать Куоррела, с которым работал пять лет назад. Крепкий парень с Кайманских островов¹ и весьма ценный проводник — здесь немало мест, куда Бонд без Куоррела даже не сунулся бы. Всеобщий любимец, надежный спутник и отличный моряк. Бонд знал, что без помощи Куоррела его миссия на этом острове обречена на неудачу.

Он заранее заказал номер с душем в отеле «Голубые горы» и попросил, чтобы ему подготовили машину. На ней-то Куоррел и приехал за ним в аэропорт.

Бонд вздохнул. Надо было добираться в отель на такси и только потом встречаться в Куоррелом. Тогда он, увидев «санбим», смог бы его поменять.

Теперь же дело выглядело так, словно он каждому встречному-поперечному сообщил о целях своего визита. Остается еще только увидеть в «Глинере» свою физиономию с подписью. Бонд был профессионалом и не мог не знать, что первые промахи в деле самые опасные — потом их невозможно исправить. Они заставляют противника действовать первым и могут привести к провалу.

Но есть ли противник? Бонд повернулся на сидении. Метрах в ста позади, в темноте слабо светились фары. На

¹ Кайманская дуга — цепь островов в Карибском море.

Ямайке все водители включают фары на полную мощность. Бонд наклонился к Куоррелу:

— Сейчас подъедем к развилке. Левая дорога — на Кингстон, правая — на Моран. Сверни направо, выключи фары и остановись. Понял? Действуй.

— Ясно, кэп, — радостно сказал Куоррел. Опять в его жизни начинались приключения.

Мотор взревел, и они резко рванулись вперед. Задняя машина скрылась из вида. Доехав до развилки, Куоррел совершил великолепный поворот и остановился на обочине. Почти тотчас же послышался шум мощного мотора. На огромной скорости мимо проехала машина с включенными фарами. Несомненно, искали «санбим». Автомобиль свернул на кингстонское шоссе. Бонд успел заметить, что это было такси американской марки. За рулем — шофер, пассажиров нет.

Еще минут десять они не двигались. Потом Бонд обратился к Куоррелу:

— Можешь ехать в Кингстон. Они, конечно, преследовали именно нас. Такси пустым из аэропорта не поедет. Слишком накладно. В любом случае, надо быть начеку. Может, мы их не провели, и они сейчас где-нибудь затаились.

— Будьте спокойны, кэп, я не подведу, — сказал Куоррел, потирая руки.

Вскоре они влились в поток кингстонских машин. В толчее автобусов, автомобилей, повозок и тяжело нагруженных осликов трудно было понять, есть ли за ними слежка. Через четверть часа они выехали на Джанкин-роуд, главную магистраль острова. И вскоре заметили огромную зеленую неоновую пальму и надпись «Голубые горы. Отель для вас». У входа росли аккуратно подстриженные кусты.

Куоррел вошел, следом за ним — Бонд.

В этот момент метрах в пятидесяти от гостиницы черное такси развернулось и исчезло за холмом.

* * *

Отель «Голубые горы» оказался заведением со всеми современными удобствами и старинными традициями. Бонда встретили с особым вниманием, ведь о его приезде предупредили прямо из губернаторского дворца Кинг Хауз.

Ему отвели просторный угловой номер с балконом, откуда виднелись сверкавшие вдали огни кингстонской долины.

Млея от наслаждения, Бонд залез под холодный душ: и минут пять обливал вспотевшее от тропической жары тело.

Затем перешел к более серьезным делам и заказал двойной джин-тоник и зеленый лимон. Разрезал лимон пополам, опустил в бокал и добавил несколько кубиков льда. Критически взглянул на приготовленный напиток, попробовал его и, вполне довольный результатом, вышел с бокалом на балкон.

Он простоял там довольно долго, сладострастно вдыхая вечерний воздух и предаваясь приятным размышлениям. Итак, он здесь, вдали от Лондона, вдали от госпиталя. Он с нежностью вспомнил об «М» и улыбнулся. Этот старый краб небось и впрямь думает, что отправил его на курорт. Но чутье подсказывало Бонду — дело предстоит серьезное и трудное, вполне в его вкусе.

Четверть восьмого. Куоррел никогда не опаздывает. Они собирались поужинать вместе. Куоррел долго чесал в затылке и, наконец, предложил кабачок на берегу моря, «Бато-Лавуар».

— Хозяин — мой приятель. Его зовут Ники-Спрут, потому что один раз он дрался с огромным спрутом. Едва не отдал Богу душу. Кухня там хорошая, вино еще лучше, да и музыка имеется.

Улыбка Куоррела ясно говорила, что о лучшем нечего и мечтать.

Бонд надел белую рубашку и легкий темно-синий костюм. Во избежание всяких сюрпризов проверил «Вальтер», убедился, что его не видно под пиджаком, и спустился вниз.

Куоррел уже ждал в машине. Они неспеша поехали вдоль порта, миновали два-три дорогих ресторана и несколько ночных клубов, откуда выглядывали аппетитные красотишки. Дальше начинался бедняцкий район. Дорога сворачивала. Бонд заметил желтую неоновую вывеску в форме испанского галеона — «Бато-Лавуар». Они прошли в небольшой пальмовый садик, за которым виднелся песчаный пляж и океан. Под пальмами стояли столики, а чуть подальше Бонд различил пустую танцевальную площадку. Трое негров наигрывали вариации на тему «Парень, увези ее на Ямайку, здесь отличный ром».

Половина столиков была свободна, за остальными сидели, в основном, негры. Кроме них были еще английские и американские матросы с девушками.

Огромный чернокожий толстяк в смокинге, увидев двух новых клиентов, вскочил и бросился им навстречу.

— Да это же мистер Куоррел! — воскликнул он. — Сейчас организуем отличный столик на двоих.

— Привет, Ники-Спрут, — с улыбкой поздоровался

Куоррел.— Выбери нам местечко поближе к кухне и подальше от музыки.

Толстяк хохотнул.

— Что желаете? — спросил он.

Бонд попросил джин-тоник с лимоном, Куоррел выбрал пиво. Потом они заказали холодного омара и бифштекс с овощами.

Трио снова заиграло. Вечерний бриз шумел в пальмовых листьях. В нескольких метрах глухо плескались морские волны.

— Здесь хорошо, — заметил Бонд.

— Он просто молодчага, этот Ники-Спрут, — довольно сказал Куоррел. — Тоже кайманец, как я. Ему известно все, что происходит в Кингстоне. Но вы не беспокойтесь. В свое время у нас с ним было небольшое суденышко. И ему взбрело в голову отправиться на Крэб Ки. Хотел насобирать бакланьих яиц, а наткнулся на спрута. Настоящее чудовище! Они сцепились, и гадина продырявила Ники легкое. Тут он малость струхнул и, вернувшись в Кингстон, продал мне свою половину судна. Это было еще до войны. Теперь он богачей. А я все еще ловлю черепах.

Куоррел грустно развел руками.

— А что это за Крэб Ки? — безразлично поинтересовался Бонд.

Куоррел бросил на него быстрый взгляд.

— Паршивое местечко, кэп, — ответил он просто.

— Почему?

— Его купил во время войны один китаец. Из-за гуано. Навез туда кучу людей. И с тех пор о них ни слуху, ни духу. Сгинули. Этот остров, как могила, — закончил он мрачно.

— Даже так? — насмешливо спросил Бонд.

— Там охрана с автоматами. И радар. И самолет. Кое-кто из моих друзей пытался туда пробраться. Больше я их не встречал. Честно, кэп, от этого острова надо держаться подальше.

Официант принес омаров. За едой Бонд рассказал Куорреллу о деле Стренжвейза. Тот внимательно его слушал, время от времени уточняя детали. Когда Бонд дошел до птиц на Крэб Ки, Куоррел нахмурился, что являлось у него признаком глубочайшего внимания. Потом он узнал о последних словах охранника их общества Одюбон, и его серые глаза превратились в узкие щелочки. Бонд описал взрыв самолета при посадке.

Куоррел отодвинул тарелку и ладонью вытер губы.

— Слушайте, кэп,— сказал он, наклонившись к Бонду,— я не знаю, кто водится на этом чертовом острове — птицы, бабочки или пчелы. Но готов поспорить на последний доллар, что любой, кому захочется сунуть туда нос, живым от китайца не уйдет.

— Почему ты так думаешь?

Куоррел развел руками.

— Все очень просто. Китаец никого к себе не пускает. Он убил моих друзей и всех остальных, кто приближался к острову. Он — важная шишка. И прикончит каждого, кто встанет у него на пути.

— В самом деле?

— Точно, конечно, не известно. Всякие ходят слухи. Но, не сомневайтесь, с ним шутки плохи.

Вспышка. Бонд резко обернулся. В тени пальмы стояла маленькая китайка с аэродрома. Она была одета в черное сатиновое сари, разрезанное сбоку до самого бедра. На шее по-прежнему болтался фотоаппарат. На губах — лукавая улыбка.

— Приведи мне эту девчонку,— сказал Бонд Куоррелу.

Куоррел неторопливо поднялся.

— Привет, красотка,— произнес он негромко и вытянул руку.

Девушка провела язычком по губам и взялась за руку Куоррела. Тогда он крутанул ее, как в танце, и, не разжимая пальцев, сильно прижал к себе.

— Осторожней, мне больно! — воскликнула девушка.

— Ну что вы,— отозвался Куоррел с добродушной улыбкой.

Ее кошачьи глаза на побледневшем лице засверкали от ярости.

— Немедленно отпустите меня,— прошипела она.

— А куда торопиться? — заметил Куоррел.— Пойдем к нам, выпьем по стаканчику. И не стоит волноваться.

В обнимку они подошли к сидящему за столиком Бонду. Куоррел по-прежнему сжимал руку китайки. Они уселись, как влюбленная парочка.

— Добрый вечер,— галантно поздоровался Бонд.— Похоже, если вас не остановить, мое изображение заполнит все страницы «Глинера».

— Сегодня вечером я обхожу бары,— объяснила девушка самым искренним тоном.— Первый снимок вышел плохо. Надо переделать. Вот и все. Не могли бы вы попросить этого господина меня отпустить?

— Вы работаете на «Глинер»,— сказал Бонд, пропустив ее слова мимо ушей.— Как вас зовут?

— Не ваше дело.

Бонд подал Куоррелу знак, и тот принялся неторопливо выкручивать ей руку. Девушка кусала губы и молчала. Куоррел поднажал.

Она сдавленно вскрикнула, потом сказала:

— Ладно. Меня зовут Анабелла Чанг.

Ее глаза метали молнии.

— Прелестное имя,— заметил Бонд.

И обратился к Куоррелу:

— Позови хозяина.

Свободной рукой Куоррел взял вилку и постучал ею по рюмке. Тотчас подбежал толстяк.

— Вы когда-нибудь видели эту девушку?

— Да,— ответил тот.— А что, пристаёт? Хотите, я выброшу ее вон?

— Ну зачем же,— отказался Бонд.— Она очаровательна. Я только попрошу Вас позвонить в «Глинер» и узнать, работает ли она сегодня вечером для газеты. Если, конечно, у них вообще числится фоторепортер Анабелла Чанг.

— Сию минуту,— сказал Ники-Спрут и исчез.

— Почему Вы не позвали хозяина на помощь? — любезно осведомился Бонд.

Девушка бросила на него злобный взгляд и не ответила.

— Я в отчаянии, что нам пришлось применить силу,— сказал Бонд,— но хотелось бы узнать, зачем Вам так нужна моя карточка. Отвечайте.

— Я уже отвечала,— раздраженно бросила она.— Я выполняю свою работу.

Вернулся запыхавшийся Ники.

— Точно,— сказал он.— У них есть Анабелла Чанг. Но она работает самостоятельно, и газета покупает лишь то, что представляет для нее интерес. Сказали, что девчонка отлично фотографирует.

— Спасибо,— сказал Бонд.— Но и это не объясняет, зачем ей нужно мое фото. Хватит, шутки кончились. Отвечайте.

Их взгляды встретились. В ее глазах Бон прочел презрение.

— Никогда,— произнесла она медленно.

— Ну что ж. Действуй, Куоррел.

Правое плечо Куоррела незаметно опустилось. Девушка изогнулась на стуле. Она попыталась придвинуться к Ку-

оррелу поближе, чтобы уменьшить боль. Но тот резко оттолкнул ее свободной рукой.

Она посмотрела прямо ему в глаза и плюнула. Куоррел улыбнулся, словно оценив удачную шутку, и продолжал выкручивать ей руку.

В дикой ярости девушка принялась бить ногой по ножке стола. Но внезапно замерла. По ее лицу пробежала струйка пота.

— Говорите же, — мягко сказал Бонд. — Отвечайте на вопрос, и Вас отпустят.

Он подумал о руке девушки, которая вот-вот сломается. Девушка забормотала какие-то китайские слова. И вдруг собрав оставшиеся силы, левой рукой бросила Куоррелу что-то в лицо. Бонд не успел ее остановить. Раздался взрыв и звон разбитого стекла. Девушка кинула в него фотовспышкой, едва не угодив в глаз.

Куоррел провел рукой по щеке, и ладонь его тут же наполнилась кровью.

— Черт! — сказал он коротко.

В этом ругательстве не было ни тени злости. Только восхищение, даже какое-то чувственное удовольствие. Он повернулся к Бонду.

— От нее ничего не добьешься, кэп. Кремень, а не девка. Может, ей руку сломать?

— Не стоит, — поспешил ответить Бонд. Пусть идет.

И все-таки он кое-что узнал. Человек, который стоит за Анабеллой Чанг — крепкий орешек. Он хорошо знает, кого использовать. Девчонка ничего бы не сказала, это ясно.

Куоррел все еще держал ее за руку. Он приподнял ее повыше.

— Вы меня задели, — сказал он. — Теперь моя очередь.

Его серые глаза неотрывно смотрели на китаянку. Он нащупал на ее ладони нежный выпуклый треугольник возле большого пальца, называемый холмом Венеры, и принялся его выдирать и выкручивать. Бонд заметил, как стальные пальцы Куоррела побелели от напряжения.

Девушка истошно завопила. Куоррел удвоил усилия, потом выпустил ее руку.

Анабелла Чанг вскочила, словно пронзенная электрическим разрядом. Прижимая к груди помертвевшую руку, она взглянула на них сверкающими от ненависти глазами.

— Подонки, — прошипела она. — Вы у меня еще попляшете!

Фотоаппарат качнулся у нее на шее, и она убежала.

Куоррел добродушно расхохотался. Потом взял со стола салфетку и осторожно промокнул щеку.

— Моя щека зарубцется скорей, чем ее ладошка! — сказал он лукаво.

Он перевел мечтательный взгляд на Бонда:

— Такой огромный холм Венеры, как у этой девчонки, увидишь нечасто. В постели она, наверное, суший черт. Нет вернее знака. Вы в курсе, кэп?

— Нет, — ответил Бонд.

— Ее рука долго еще будет болеть. Но ничего серьезного.

Он вздохнул.

— Надо будет познакомиться с малышкой поближе, чтобы проверить мою теорию.

Оркестр заиграл «Налей рома своему мужчине».

Бонд посоветовал Куоррелу:

— Поверь мне, старина, — женись-ка ты поскорей и оставь её в покое. Иначе рано или поздно заработаешь нож в спину. А сейчас пора возвращаться. Спать ляжем и так поздно, а силы нам еще, судя по всему, пригодятся. К тому же, тебе надо побыстрее перевязать щеку. Позови хозяина.

— И все-таки, какая красивая, чертовка, — сказал Куоррел и постучал вилкой по бокалу.

Глава 4

На следующее утро, пока Бонд завтракал, сидя на балконе, в его ушах еще звучала угроза, брошенная Анабеллой Чанг вместо прощания: «Вы у меня еще попляшете!»

Не зная почему, Бонд теперь был уверен, что Стренжвейз и Мэри Трублад были убиты.

Возможно, они обнаружили важные сведения и, чтобы заставить их замолчать, кто-то убрал их вместе со всеми документами. Этот «кто-то», конечно, знал, что секретная служба обязательно займется расследованием причин исчезновения двух агентов. Непонятным образом таинственный «кто-то» узнал о приезде Бонда. «Кто-то» его сфотографировал и будет за ним следить. Если Бонд станет опасным, «кто-то» не задумываясь его уничтожит. Автомобильная катастрофа, уголовная резня — да мало ли способов безнаказанно убить человека!

«А как, — спросил себя Бонд, — этот «кто-то» отреагирует на обращение с его подручной китайкой?» Если Бонд

правильно оценил противника, для того это явится открытым объявлением войны.

Поведение Бонда могло навести на мысль, что ему уже что-то известно — возможно, Стренжвейз перед смертью успел послать в центр предварительный рапорт.

После случая с Чанг противник, безусловно, постарается как можно быстрее избавиться от Куоррела, и, конечно, от Бонда.

Бонд закурил первую сигарету. Глядя, как в воздух поднимается тонкая струйка дыма, он думал, что для начала нужно ответить на самый важный вопрос — кто его противник?

Пока вырисовывается только один достойный кандидат: милейший доктор Джулиус Но, полунемец — полукитаец, владеющий Крэб Ки, островом, откуда никто не возвращается. В английских досье о нем никаких сведений. Запрос, посланный в американское ФБР, тоже не дал результатов.

Для Бонда немаловажную роль играла также реакция Куоррела. Бесстрашный моряк, готовый в любую минуту броситься в самые отчаянные авантюры, бледнел от ужаса при одном упоминании Крэб Ки.

Для чего нужна окружающая остров таинственность и строгие меры предосторожности, принимаемые доктором Но? Для охраны гуано? Чушь!

На десять утра у Бонда была назначена встреча с губернатором. Необходимо повидаться также с представителем Колониального управления и получить точные сведения о Крэб Ки и, если удастся, о докторе Но.

В дверь постучали. Вошел Куоррел. На его щеке красовался наклеенный крест-накрест пластырь, делавший его похожим на корсара.

— Доброе утро, кэп. Вы сказали — к восьми тридцати.

— Входи, входи, Куоррел. Нам предстоит тяжелый день. Хочешь позавтракать?

— Спасибо, кэп, я уже ел. Копченая рыба и здоровенный стакан рома.

Бонд восхищенно присвистнул.

— В восемь утра? Неплохо!

— Это так освежает, — скромно сказал Куоррел.

— Сегодня я буду целый день занят, — продолжил Бонд. — Но на это время тебе тоже работы хватит.

— К Вашим услугам, кэп.

— Прежде всего машина. Ее надо поменять. Поедешь в гараж, занимающийся прокатом автомобилей, «Мотта», например, и возьмешь сроком на месяц что-нибудь поно-

вее. Потом погуляешь по набережным, будешь искать двух мужчин, похожих на нас и умеющих водить машину. Купи им такие же, как у нас, костюмы, и скажи, что завтра утром они должны приехать в испанский городок Монтего. Пока пусть поставят «санбим» в гараж Леви. А Леви предупреди по телефону.

У Куоррела азартно заблестели глаза:

— Вы хотите кого-то надуть и выдать их за нас, кэп?

— Именно так. Ты дашь каждому по 16 ливров. И объяснишь им, что я чокнутый американский толстосум, которому в шесть утра в Монтего может понадобиться «санбим».

— Положитесь на меня, кэп.

— И еще. Помнишь дом на северном берегу, который мы снимали пять лет назад? Не знаешь, он свободен? Попробуй снять его на месяц. Вот деньги на расходы.

Куоррел удивленно поднял брови, увидев толстую пачку банкнот. Молча взял ее и закинул под рубашку, поближе к телу.

— Больше ничего, кэп?

— Это все. Но главное, будь осторожен. Каждый раз, когда тебе понадобится куда-нибудь зайти, оставляй машину в стороне. И особенно остерегайся, если заметишь поблизости какого-нибудь китайца. Встречаемся завтра утром в четверть седьмого.

— Понял, кэп,— ответил Куоррел и закрыл за собой дверь.

Через полчаса Бонд вышел из отеля, поймал такси и поехал в Кинг Хауз. В холле он не стал расписываться в журнале для посетителей, а сразу же прошел в приемную. Там его продержали добрых четверть часа, давая почувствовать всю незначительность его особы. Наконец секретарь соизволил провести его на второй этаж, в святая святых.

В кабинете губернатора плавал дым гаванской сигары. На огромном столе стояла ваза со свежими цветами, и лежали номера «Дейли Глинер» и «Таймс Уикли».

Губернатору на вид было лет шестьдесят. Он сидел, положив на стол холеные руки. Увидев посетителя, не встал и не улыбнулся, только проговорил утомленным голосом:

— Садитесь, прошу Вас, мистер... мм... Бонд, если не ошибаюсь.

Бонд был готов к подобному ледяному приему. Один из друзей в Лондоне его предупреждал. Губернатор почти достиг пенсионного возраста. Несколько месяцев терпения, и он получит в Лондоне пост генерального директора или главного администратора. А пока его девизом было: «Ника-

ких историй, никаких неприятностей». Приход Бодна, однако, не предвещал ничего тревожного.

— Вы хотели со мной увидеться? — спросил он более любезным тоном.

— Совершенно верно, — ответил Бонд. — Я хотел встретиться с Вами, как только прилетел. Я здесь по делу Стренжвейза. Впрочем, вы, вероятно, получили об этом сообщение от государственного секретаря.

Это был изящный способ дать губернатору понять, что Бонда не так просто сбить с толку.

— Получил, — высокомерно проронил представитель Ее Величества. — Но чем я могу Вам помочь? Мы уже во всем разобрались.

— Разобрались? И что же выяснили? — поинтересовался Бонд, изобразив на лице невинное удивление.

— Все совершенно ясно, — ответил губернатор терпеливым тоном, каким разговаривают с несколько туповатым собеседником. — Стренжвейз закрутил любовную интрижку, это понятно с первого взгляда. Некоторые из ваших... мм... коллег просто голову теряют, завидев какую-нибудь юбку.

Бонд, вне всякого сомнения, тоже был отнесен к этой порочной категории людей. Надутый старикашка продолжал:

— С ним это случается не впервые. Что, замечу в скобках, очень дурно отражается на авторитете нашего государства, мистер мм... Бонд. Я был бы рад узнать, что в следующий раз ваше начальство пришлет сюда кого-нибудь посерьезнее. По-моему, это просто необходимо. А что касается дела Стренжвейза, тут я во всем доверяю вашей доблестной полиции.

Бонд любезно улыбнулся.

— Непременно сообщу ваше мнение по возвращении в Лондон, — сказал он. — Мой непосредственный шеф, несомненно, им заинтересуется. Да и министр обороны с государственным секретарем тоже. Может быть, вы хотите еще чего-нибудь передать? С удовольствием помогу вам в этом. Кстати, я тоже целиком и полностью доверяю комиссару полиции Ямайки.

Губернатор поднял на Бонда подозрительный взгляд. Да, этот парень не прост. С ним надо поосторожнее.

— Дорогой мистер Бонд, сказал он. — Это ведь всего лишь дружеский обмен мнениями. Вы, наверное, захотите еще с кем-нибудь встретиться, пока будете на острове?

— Я бы хотел встретиться с представителем Колониального управления.

— А что именно вас интересует? — озабоченно спросил губернатор.

— Речь идет о птицах с Крэб Ки. Это дело нам передали из Колониального управления. Мне нужны некоторые уточнения.

— Чудесно, чудесно, — сказал губернатор с видимым облегчением. — Я попрошу господина Плейдл-Смита незамедлительно вас принять. И, поверьте мне, дело Стренжвейза разъяснится само собой. Увидите, скоро оба они вернутся.

Он встал и церемонно протянул Бонду руку.

— Ну что же, всего доброго, мой друг. Рад был с вами познакомиться. Сам я никогда не был на Крэб Ки, но это, наверняка, очень милый уголок.

— Ничуть не сомневаюсь, — ответил Бонд, представив себе выражение лица Куоррела, если бы тот слышал подобную оценку. И тихо закрыл за собой дверь.

— Юный прохвост, — процедил сквозь зубы губернатор Ямайки.

Принимавший Бонда представитель Колониального управления оказался рослым парнем с жесткими волосами и глазами нашкодившего ребенка. Он принадлежал к числу заядлых курильщиков трубок, которые постоянно донимают своих близких просьбами найти их кисет или спички. На протяжении трех минут разговора он занимался подобными поисками, шаря в ящиках стола, и только после этого немного успокоился.

— Бонд... Бонд... — произнес он задумчиво. — Я где-то слышал это имя. Ах, да, вспомнил! Ведь это вы занимались делом о сокровищах четыре-пять лет назад! Потрясающая авантюра. Хорошо бы вы снова внесли в нашу жизнь хоть немного оживления. Что за страна! Они говорят только о федерации и самоопределении, а сами даже не могут наладить работу общественного транспорта! А расовая проблема! Знаете ли, друг мой, между малайцем с прямыми волосами и малайцем с курчавой шевелюрой больше разницы, чем между мной и моей чернокожей кухаркой. Вот такие дела!

— Но скажите, чем я все-таки могу быть вам полезен? Это, наверняка, интересней, чем все эти идиотские дела, которыми забит мой стол.

Бонд улыбнулся. Похоже, он нашел себе одного союзника на этом острове.

— Я приехал,— начал он,— чтобы разобраться в деле Стренжвейза. Но, прежде всего, могу ли я задать вам один странный вопрос? При каких обстоятельствах вы наткнулись на дело, которым я занимался? Может, им кто-нибудь интересовался? Я не хочу показаться нескромным, но любопытно было бы узнать.

— Такая уж у вас профессия,— сказал Плейдл-Смит с симпатией.— Дайте подумать... Ага, помню! Я увидел досье на столе моей секретарши. Она только недавно устроилась на это место и теперь пытается во всем разобраться. Хотя должен заметить, что на столе лежала целая куча папок, и вашу я раскрыл случайно, наугад. Вот и все.

— Благодарю вас,— сказал Бонд.— Не сердитесь, но стоило мне прилететь, как слишком много людей заинтересовались моими планами и намерениями. Теперь к делу: Я хотел бы с вами поговорить о Крэб Ки. Что Вы знаете о докторе Но, о гуано?

— О гуано я мог бы рассказывать вам часами, бедняга! — рассмеялся Плейдл-Смит.— Я начинал работать в Перу, и все время встречался там с людьми из Административной компании гуано. Можете себе представить! А что касается доктора Но, то мы сейчас попросим его досье.

Он позвонил. За спиной Бонда открылась дверь.

— Мисс Торо,— сказал Плейдл-Смит,— принесите, пожалуйста досье на Крэб Ки. Хотя, подождите, их там два: одно о продаже острова, другое о предсмертных показаниях охранника. Мисс Лонгфеллоу знает, где их найти.

— Хорошо, шеф,— прозвучал мелодичный голосок, и дверь закрылась.

— Итак, вернемся к гуано,— продолжил Плейдл-Смит.— Оно образуется из птичьего помета. На Крэб Ки, в частности, из помета зеленых бакланов. Они поглощают тонны хамсы и перерабатывают ее в гуано. Вот, в двух словах, и вся технология. Так возникают гуановые острова. И если Вы вспомните, что процесс непрерывно продолжается, начиная с сотворения мира, то сможете представить себе масштабы: миллионы и миллионы тонн гуано. В середине прошлого века обнаружили, что гуано является уникальным естественным удобрением, содержащим огромное количество нитратов и фосфатов. Тогда целые флотилии устремились к островам и принялись их опустошать. Началась своего рода гуановая лихорадка. Жестокая конкуренция. Соперники, не задумываясь, убивали друг друга. Неизвестные острова держались в страшной тайне.

— А Крэб Ки? — напомнил Бонд.

— Крэб Ки — единственный из гуановых островов, расположенный у северного берега. Но его гуано содержит сравнительно небольшой процент фосфата. Разработки начинались, когда подскочили цены на гуано. Но потом немцы выбросили на рынок химические удобрения. Правительство Перу — страны, владеющей богатейшими запасами гуано — поняло, что оно должно их беречь, а не разбазаривать направо и налево. Оно национализировало гуановую промышленность и принялось разводить птиц. Время все расставило по своим местам, когда выяснилось, что гуано приносит сельскому хозяйству гораздо большую пользу, нежели химические удобрения. Тут снова вспомнили про Крэб Ки. В начале войны один китаец решил купить остров и возобновить разработки. Он привез туда рабочую силу, установил новейшее оборудование и теперь поставляет удобрения каждый месяц прямым в Антверпен.

Остров превратился в настоящую крепость. Поползли разные слухи, но еще никто не жаловался.

— А что, Крэб Ки в самом деле так дорого стоит?

— Каждая пара бакланов в год производит гуано на два доллара. Не считая центов. Каждая самка откладывает по три яйца два раза в год. Таким образом, одна пара стоит долларов пятнадцать, а на острове более ста тысяч птиц. По нашим сведениям, цифра верная. Итак, птички стоят полтора миллиона долларов, что само по себе уже немало. Прибавьте стоимость оборудования — еще миллион. Надеюсь, Вы поняли, что эта мерзкая дыра является неплохим состоянием.

Но куда же подевалась моя секретарша с досье на Крэб Ки? Сейчас выясним.

Он нажал на кнопку. Дверь снова открылась.

— Послушайте, мисс Торо, — спросил он раздраженно, — где досье, за которым я Вас послал?

— Мне очень жаль, шеф, — сказал нежный голосок, — но мы нигде не можем их найти. Они исчезли.

— То есть как исчезли?! — разъярился Плейдл-Смит. — Этого не может быть! Кто последний держал их в руках?

— Последним их брал майор Стренжвейз, шеф.

— Но я совершенно точно помню, что он принес их обратно!

— Не знаю, шеф, — сказала секретарша бесстрастно. — Папки на месте, а внутри пусто.

Бонд осторожно повернулся на стуле. Он бросил на девушку быстрый взгляд.

И вздрогнул. Теперь он знал, куда подевались досье на Крэб Ки и каким образом его прошлое дело попало на стол к секретарше. Он понял, откуда в этой истории так много необъяснимых деталей.

Как доктор Но, как Анабелла Чанг, маленькая секретарша с непроницаемым взглядом за стеклами темных очков тоже была китайкой.

Глава 6

Плейдл-Смит с Бондом обедали в Королевском клубе. Разговор, естественно, шел о Ямайке.

— Не забывайте, — говорил Плейдл-Смит, попивая кофе, — что житель Ямайки — это одновременное воплощение равнодушия и очарования. Он обладает всеми достоинствами и недостатками ребенка. Он живет на богатейшей земле, но не способен наживать на этом деньги. Он просто не знает, как за это взяться, он слишком ленив.

Потом приходят англичане. Они берут все, что плывет в руки, и обогащаются. Впрочем, за последние двести лет никто из англичан не нажил здесь по-настоящему крупного состояния. Они не задерживаются надолго. Радуются, получив пакет акций, и отбывают.

А вот португальские евреи смогли воспользоваться ситуацией лучше. Они приехали одновременно с англичанами, но, в отличие от них, остались. К несчастью, они очень тщеславны и выбрасывают бешеные суммы на постройку великолепных домов и пышные приемы. Их имена мелькают в колонках светской хроники «Глинера». Деньги они наживают главным образом на роме и табаке. К тому же, они представляют на острове интересы крупных британских фирм, заводов по производству автомобилей, страховых компаний и т. д.

Потом появились сирийцы. У них немалые капиталы, но, к сожалению, нет такой практической сметки, как у евреев. Они владеют большей частью дорогих магазинов и фешенебельных отелей.

И, наконец, остаются китайцы — деловитые, основательные, скрытные. Их колония — наиболее могущественная на Ямайке. В их руках сосредоточены булочные, прачечные и почти все продовольственные магазины. Китайцы не ассимилируются и тщательно оберегают свои традиции. Время от времени, случается, они спутываются с негритянками. Результаты вы можете увидеть в Кингстоне. Так воз-

никает новая, совершенно необычная раса. Ее представители имеют большое влияние на черных, но сами целиком и полностью зависят от китайцев. Как и китайцы, они очень умны, но при этом обладают самыми низкими пороками негров. Эти полукровки могут стать опасными, если за ними не следить. У полиции с ними вечно полно неприятностей.

— Ваша секретарша, — спросил Бонд, — тоже, по-моему, принадлежит к этой расе?

— Так и есть. Работает она просто великолепно. Я взял ее всего полгода назад. Она оказалась самой блестящей из всех кандидаток на место секретаря.

— И что, это сообщество как-то организовано, имеет лидера?

— Пока еще нет. Но скоро, безусловно, они к этому придут. Сейчас же это меньшинство, с которым приходится считаться. Кстати, я вспомнил про историю с досье, — добавил Плейдл-Смит, взглянув на часы. — Неслыханно! Я прекрасно помню...

От растерянности он даже не закончил фразу.

— Впрочем, — продолжил он, — я обязательно во всем разберусь. Пока ясно одно — я ничем не могу вам помочь. Но не расстраивайтесь, в досье не было особо интересных сведений. Этот доктор Но — весьма скрытный субъект. До того, как вмешалось это общество Одюбон, на Ямайке про него вообще не слышали. Что касается самого Крэб Ки, в досье была одна или две карты, сделанные еще до войны, и копия последних топографических измерений. Как мне кажется, этот остров — гиблое место. Километры болот, и на берегу огромная куча гуано.

Услышав подобное описание, Бонд улыбнулся.

— Вы, быть может, хотите, — спросил Плейдл-Смит, — чтобы я дал вам пропуск в Институт? Там-то, конечно, найдется карта Крэб Ки.

— Я бы вас очень попросил, — сказал Бонд.

Через час он уже сидел в темном зале Института. Пахло затхлостью, как обычно в редко проветриваемых помещениях. Перед Бондом лежала карта Крэб Ки, датированная 1910 годом. Он тщательно скопировал ее на листок кальки, любезно предоставленной сотрудником института.

Остров был размером около восьмидесяти квадратных километров. Три четверти занимали болото и неглубокое озеро. Из озера вытекала узкая речушка, мелевшая в песчаной долине на южном побережье. Бонд предположил, что охранники общества Одюбон должны были разбить лагерь недалеко от устья реки. На западной стороне остров закан-

чивался мысом, длиной более ста пятидесяти метров. Под ним на карте было написано красными чернилами: «Залежи гуано. Разработки прекращены в 1880 году».

Никакого намека на дорогу или хотя бы тропинку. Домов, естественно, тоже нет.

Вот, пожалуй, и вся информация. Остров расположен примерно в пятидесяти километрах от Ямайки, и в ста километрах к югу от Кубы. Океан вокруг Крэб Ки неглубокий, за исключением западного побережья.

Бонд вдруг почувствовал, что совершенно выдохся. Было всего четыре часа дня, но воздух раскалился, как в доменной печи. Рубашка прилипла к телу. Бонд вышел из Института с приятным чувством сделанного дела и остановил такси.

— В отель «Голубые горы», — бросил он.

В холле Куоррел не оставил для него никакой записки.

— Сразу после завтрака вам прислали из Кинг Хауза корзину фруктов.

В голосе молоденькой служащей сквозило уважение.

— Кто ее принес? — спросил Бонд.

— Какой-то цветной. Он сказал, что это от губернатора.

— Благодарю вас, мисс.

Он взял ключ и поднялся наверх, прыгая через две ступеньки. Проверил, заряжен ли пистолет. Возможно, его опасения и смешны, но мало ли что может случиться. Он бесшумно повернул ключ в замочной скважине и ударом ноги распахнул дверь.

Комната была пуста. Он тщательно осмотрел все уголки и потом запер за собой дверь на ключ. На самом видном месте, на столе, возвышалась великолепная корзина, украшенная ленточками и полная фруктов: крупных золотистых мандаринов, грейпфрутов, розоватых бананов, спелых яблок. Наверху даже лежали два оранжерейных брюньона.

Все это сооружение венчал небольшой конверт. Бонд осторожно вытащил его и вскрыл. На плотном листе бristolской бумаги было написано: «С наилучшими пожеланиями от Его превосходительства губернатора».

— Гмм, — пробормотал Бонд, — это на него не похоже.

Он приподнял корзину и, приложив к ней ухо, прислушался. Ни звука. Тогда он высыпал фрукты на ковер. По-прежнему ничего подозрительного.

Бонд пожал плечами. Столько страхов из-за невинного подарка. Но вдруг он нахмурился. Оставалась еще одна возможность. Он взял золотистый брюньон, который показался ему наиболее аппетитным, и отнес его в ванную. Положил в

раковину и вернулся в комнату. Неторопливо достал чемодан. Тонкий слой талька, который он предусмотрительно насыпал вокруг замочка, сказал ему все, также как и легкие царапинки на коже чемодана. «Эти люди менее осторожны, чем те, с которыми я в свое время сталкивался» — сказал себе Бонд.

Он тщательно проверил содержимое чемодана. Все было на месте. Из специального «ящичка для инструментов» он достал ювелирную лупу. Вставил ее в глаз, вернулся в ванную и зажег свет над раковиной. Потом взял плод двумя пальцами и принялся медленно его поворачивать. Нет, он не ошибся: в золотой кожуре было крошечное отверстие от иглы, заметное только при очень сильном увеличении.

Бонд отложил брюнзон. На лбу у него опять выступили капли пота. Итак, война — война не на жизнь, а на смерть. Он улыбнулся себе в зеркало, но глаза оставались холодными.

Еле слышный сигнал тревоги, который прозвучал у него в мозгу, когда он увидел в аэропорту очаровательную китайночку, его не обманул. Опасность!

Стренжвейз и Мэри Трублад, вне всякого сомнения, были убиты, а документы уничтожены. Эта парочка слишком много знала.

Потом появился Бонд. Благодаря стараниям мисс Таро, секретарши Плейдл-Смита, его уже поджидали. Встреча прошла достойно. Об этом позаботились Анабелла Чанг и шофер пустого такси, который, конечно, следил за Бондом до самого отеля «Голубые горы».

— Что же, господа китайцы, стреляйте первыми!

Ситуация постепенно прояснялась. Их первый удар не попал в цель. Но на них можно положиться — на этом они не остановятся.

Кто же за ними стоит? С этого момента Бонд был готов к встрече и не отказался бы от нее ни за что на свете.

— До скорого свидания, доктор Но, — сказал он.

Потом, не торопясь, вернулся в спальную и внимательно осмотрел с лупой все фрукты. В каждом было маленькое игольное отверстие, старательно замаскированное возле плодоножки.

Бонд позвонил и попросил картонную коробку, веревку и бумагу. Затем соорудил пакет, аккуратно уложил туда фрукты и перевязал. Потом набрал номер Плейдл-Смита.

— Это опять я, — сказал он. — Мне бы хотелось узнать, есть ли в Кингстоне лаборатория для химических анализов... Есть? Прекрасно! Тогда я пошлю вам небольшой па-

кет. Будьте любезны, отправьте его в лабораторию сами. Мне бы не хотелось, чтобы фигурировало мое имя. Я потом вам объясняю, почему. Когда получите результаты анализов, перешлите их, пожалуйста, мне. Всю неделю я буду в Бэ Дезер — это в морганском порту. Мне очень неприятно навредить такую таинственность, но я вам все расскажу при первой же встрече. Огромное спасибо. До свидания.

Бонд спустился, отдал пакет таксисту и прибавил огромные чаевые.

— Передать только в собственные руки, — добавил он.

Было шесть вечера. Бонд принял душ, переоделся и заказал первый бокал. Зазвонил телефон. Это был Куоррел.

— Все в порядке, кэп, — довольно сообщил он.

— Отлично. А как дела с домом?

— Он пустовал. Я все сделал, как вы велели.

— Тогда до завтрашнего утра. Пока.

Да, на Куоррела можно положиться. Он действует умело и скрытно. Бонд вышел на балкон. Садилось солнце. На город и порт напозла темно-фиолетовая тень. В Кингстоне один за другим зажигались огни окон и реклам. В небе проурчал самолет. Вот на таком же летел накануне Бонд. Его взгляд рассеянно скользнул по стене. Сколько всего произошло за сорок восемь часов! «М» был бы весьма удивлен, узнай он о ситуации. Бонд все еще слышал брошенное им презрительное словечко «курорт».

У Бонда был передатчик. Может, стоит сообщить обо всем «М»? Но сообщить о чем?

«Шеф, этот проклятый доктор Но прислал мне корзину с отравленными фруктами!»

Он представил себе реакцию «М». Тот побагровеет и нажмет на кнопку интерфона. Вызовет начальника главного штаба:

— Наш 007, — скажет он, — окончательно спятил. Утверждает, что ему подсунули ядовитый банан. Как Вам это нравится? Он слишком долго валялся в госпитале из-за отравления. Теперь он ничего не стоит. Немедленно отзовите его обратно.

Бонд иронически поморщился. С некоторыми поправками, все произойдет именно так. Нет, он ничего не будет сообщать. Надо дожидаться более веских доказательств. Конечно, если ситуация обострится, а он не предупредит начальство — не миновать неприятностей.

Бонд выпрямился. Надо быть начеку.

А губернатор? Может, стоит ему позвонить? Но при од-

ном воспоминании о напыщенном старикашке, Бонд отказался от этой мысли.

Пужинал он рано. И в девять вечера решил ложиться. К завтрашнему дню все было готово. Он подвел итоги и попросил коридорного разбудить его в половине шестого.

Он забаррикадировал дверь и для большей безопасности опустил жалюзи. Ночь будет душной — что ж, тем хуже для него. Осторожность прежде всего. Бонд разделся догола и скользнул под прохладную простыню, положив под подушку «Вальтер». Он не любил спать один.

В середине ночи он внезапно проснулся. Светящиеся стрелки показывали три часа утра. Неподвижно вытянувшись, он прислушался. В комнате — ни звука. За окном тоже. Только где-то вдалеке раздавался собачий лай. Он продолжался несколько минут и прекратился также резко, как и начался. Снова повисла гнетущая тишина. Сквозь опущенные жалюзи пробивался лунный свет. Что же все-таки разбудило Бонда? Он осторожно шевельнулся, готовый сразу же выскочить из постели. И тут же снова замер.

По правой лодыжке что-то ползло. Через некоторое время это «что-то» достигло колена. Бонд почувствовал десятки лапок, царапающих кожу на ноге. Похоже на какое-то насекомое. Бонд решился слегка приподнять голову. Боже правый! Да оно величиной с ладонь!

И тут Бонд услышал звук, которого никогда еще в жизни не слышал. Он отчетливо услышал, как у него на голове дымом встают волосы. Невероятно! А он-то считал, что так говорится для красного словца, чтобы поразить воображение. И вот теперь испытал это сам!

«Что-то» медленно перемещалось. Вдруг Бонд подумал, что попросту поддался панике. Инстинкт сработал раньше разума. Бонд понял, что по нему ползет ядовитая сколопендра.

Напрягшись, он неподвижно лежал на кровати, обливаясь холодным потом. Но сознание оставалось ясным. Он вспомнил, что однажды уже видел тропическую сколопендру, выставленную в бутылке со спиртом в Британском музее. Насекомое достигало в длину двадцати сантиметров, как и это, у него на ноге. Куча плоских светло-коричневых лапок. По обеим сторонам головки сколопендры Бонд заметил два согнутых усика, на концах которых, как сообщала подпись, содержался яд, убивающий при проникновении в кровь.

Сколопендра пересекла колено и отправилась дальше.

«Что бы ни случилось, — приказал себе Бонд, — не двигаться и не дрожать». Он чувствовал только одно — цара-

панье двух рядов ножек. Цепляясь, они направлялись к паху, привлеченные теплом. Бонд стиснул зубы. Непреодолимое желание сбросить тварь... Нет, не двигаться, иначе укус неизбежен!

Живот покрылся гусиной кожей. Тут уж Бонд ничего не мог поделать. Но сколопендра продолжала ползти. Она двигалась к груди, цепляясь лапками за мурашки на теле.

— Так,— сказал себе Бонд,— она на сердце. Если сейчас укусит — конец.

Но сколопендра великодушно продолжала свой путь и переползла на правую грудь. Оттуда направилась к шее и замерла.

Что происходит? Насекомое словно что-то ищет, колеблется... возможно, заинтересовано пульсацией сонной артерии. Если бы Бонд мог остановить ток крови! В отчаянии он пытался договориться со сколопендрой, успокоить ее.

«Не бойся,— шептал он про себя,— этот стук для тебя не опасен. Уходи отсюда!»

Словно услышав эти призывы, насекомое снова отправилось в путь. Залезло на подбородок Бонда, пересекло губы и поползло вдоль носа.

«Только не двигаться!» — повторял про себя Бонд. Насекомое быстро миновало глаз, достигло лба и там остановилось. Секунды казались нескончаемыми.

«Господи, что она там делает?!»

Она пила! Пила капельки пота, выступившие на человеческом лбу. Бонд, похолодевший от ужаса, чувствовал, как пот струями заливает его тело и простыню. Он начал дрожать. Сдерживаться больше не было сил. Бонд приоткрыл рот, пытаясь восстановить дыхание. Так, так, спокойствие! Насекомое снова зашевелилось. Заползло в волосы. А если оно там останется? Если ему понравится в этом лесу? Интересно, как спят сколопендры? Лежа? Стоя?

«Выходи отсюда. Уползай!» — в отчаянии передавал мозг Бонда.

Наконец сколопендра решила и переползла на подушку. Бонд слышал легкое царапанье лапок о ткань. Он сдержался и еще секунду лежал неподвижно. Потом, снова почувствовал себя свободным, живым, прыгнул с кровати и бросился к выключателю. Его тело била нервная дрожь.

Вспыхнул свет, и Бонд вернулся к постели. Вот она, гадина, во вмятине на подушке! Первым его желанием было отбросить подушку подальше. Но он опять сдержался.

— Спокойно,— прошептал он.— Возьми себя в руки. Торопиться уже некуда.

Снова овладев собой, он осторожно взял подушку за уголок и сбросил ее на пол. Упав на ковер, сколопендра попыталась поползти. Бонд огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого. Ботинок — это то, что нужно.

Он почувствовал, что опасность позади, и уже задумывался, как насекомое могло попасть к нему в кровать. Он медленно поднял ботинок и ударил им по полу. Раздался хруст.

Сколопендра извивалась в предсмертной агонии.

Бонд ударил еще раз.

Теперь на ковре осталось только желтоватое пятно.

Бонд отбросил ботинок и кинулся в ванную.

Руки дрожали, по лицу струился пот. Его вырвало.

Глава 7

— Послушай, Куоррел,— небрежно спросил Бонд,— на Ямайке много сколопендр?

— Да, иногда попадается эта мерзость, кэп. Могут и убить. Они водятся в старых заброшенных домах, в гнилом дереве. По ночам вылезают. А почему Вы спросили, кэп? Вы видели сколопендру?

Бонд сделал вид, что не расслышал вопроса. Он решил также не посвящать Куоррела в историю с фруктами. Хоть Куоррел и смельчак, но зачем его волновать попусту?

— А могут они заползти в жилой дом? В шкаф, например, или в обувь?

— Никогда в жизни,— решительно ответил Куоррел.— Если их, конечно, не сунут туда нарочно. Эти дряни не любят чистоты. Они прячутся в дырах и щелях. Вы можете их найти под сгнившими бревнами или камнями. Но в жилом доме — исключено.

— Понятно,— сказал Бонд.

И заговорил на другую тему:

— А что наши двойники? Уехали в «санбиме»?

— Да, кэп. Парни были просто в восторге. Приятная прогулка, да еще за десять ливров, их можно понять! Они очень похожи на нас, только погрязней. Хотя нельзя сказать,— сокрушенно покачал он головой, чтобы они были достойными гражданами. Ничего не поделаешь, я взял то, что смог отыскать. Меня изображает один нищий. А с вами, кэп, еще хуже. Я нашел вам двойника у Бетси.

— Кто такая Бетси?

— Хозяйка самого большого кингстонского борделя. Этот тип занимается у нее регистрацией клиентов.

— Ну, нам выбирать не приходится,— рассмеялся Бонд.— Лишь бы он умел водить машину, остальное — ерунда. Надеюсь, они добрались до Монтего без приключений.

— Не беспокойтесь, кэп. Я таких ребят хорошо знаю. Я им сказал, что если они застрянут по дороге, я тут же сообщая в полицию об угоне автомобиля.

Беспокойство Бонда объяснялось совсем другими причинами. Но он не стал делиться ими со своим верным помощником.

У взятого Куоррелом напрокат маленького «остина» был отличный мотор. Бонд вел машину, испытывая настоящее удовольствие. На дороге почти никого не было. Время от времени они обгоняли крестьянина с косой на плече, жующего вместо завтрака корень сахарного тростника, или женщину с тяжелой корзиной овощей и фруктов в руке, направляющуюся на базар в Стони Хилл. На голове у нее покоились ботинки, которые она наденет только при входе в деревню.

Мирная патриархальная атмосфера, царящая здесь уже более двух веков.

— Прошу прощения, кэп,— сказал Куоррел,— но не затруднит ли вас посвятить меня в свои дальнейшие планы? Я вчера целый день об этом думал.

— Я и сам пока толком не знаю,— признался Бонд. Как я тебе уже говорил, меня послали на остров выяснить обстоятельства исчезновения двух наших агентов. Местные власти считают, что они вместе сбежали. Но я уверен — их убили.

— Не может быть! — сказал Куоррелл, впрочем, без особого волнения.— Вы что, знаете, кто это сделал?

— Я поразмышлял на досуге, и склонился к мнению, что это — наш милейший доктор Но с Крэб Ки. Стренжвейз сунул нос в его дела и поплатился. Заметь, что пока это всего лишь предположение. Но после моего приезда здесь стали происходить забавные вещи. Поэтому я и послал «санбим» в Монтего, чтобы замести следы. А мы пока спрячемся на несколько дней в Бо Дезер.

— А дальше, кэп?

— Наша первая задача — привести меня в нужную форму. Придется потренироваться, как в прошлый раз. Помнишь?

— Еще бы. Будете в отличной форме, кэп, я отвечаю.

— И вот тут мы с тобой совершим небольшую прогулку на Крэб Ки.

Вместо ответа Куоррелл присвистнул. Потом по-мрачнел.

— Мы только взглянем на остров и постараемся не встретиться с доктором Но. Я хотел бы увидеть знаменитый заповедник птиц и осмотреть место лагеря охранников из общества Одюбон. Если обнаружится, что дело нечисто, мы туда еще вернемся. И на этот раз с куда большим шумом. Но пока не проведено серьезное расследование, это невозможно. Что скажешь?

Куоррелл закурил сигарету, и, только выпустив большой клуб дыма, высказал свое мнение.

— Я вас очень уважаю, кэп,— проворчал он,— но, помоему, вы спятили. Хотите, чтобы вас там прикончили, на этом Богом забытом острове?

Бонд, не отрываясь, смотрел на дорогу. Куоррелл бросил на него косой взгляд.

— Ну хорошо, кэп,— сказал он.— Только, знаете, у меня на Кайманах семья. И я бы хотел,— в его голосе слышалось смущение,— я бы хотел перед отъездом застраховать свою жизнь.

Старина Куоррелл! Бонд обнял его одной рукой и взглянул в глаза. На этом суровом лице между бровями пролегла глубокая морщина — верный признак того, что бравый моряк волнуется.

— Договорились,— сказал Бонд,— Завтра же поеду в Порт-Мария и застрахую тебя на приличную сумму. Беру это на себя. А как мы доберемся до острова? На шлюпке?

— Это самое подходящее,— покорно ответил Куоррелл.— Нам нужен спокойный океан и легкий ветер. Дождемся северо-восточного бриза и ночи потемней. К концу недели луна войдет во вторую четверть. Тогда можно и отправляться. Где Вы собираетесь высадиться, кэп?

— На южном берегу. Возле устья реки. По ней мы доберемся до острова. Лагерь охранников наверняка был именно там. К тому же там у нас будет вдоволь пресной воды. Сможем даже рыбку половить.

Куоррелл кивнул без всякого воодушевления.

— Сколько времени мы пробудем на острове, кэп? Мы ведь не сможем взять с собой много еды. Хлеб, сыр, солонина. И никакого табака, дым может нас выдать. Паршивое место — сплошные болота, да затонувшие деревья.

— Думаю, надо рассчитывать дня на три. Погода может испортиться и задержать нас на одну, а то и на две ночи.

Возьмем с собой пару хороших охотничьих ножей и пистолет. Никогда не знаешь, что может случиться.

— Вот это точно, кэп,— подтвердил Куоррел мрачно.

Он опустил голову и до самого Порта-Мария не проронил больше ни слова.

Они пересекли небольшой тихий городишко и поехали вдоль мыса к Морганскому порту. Все вокруг было именно таким, как помнил Бонд: конусообразный столб острова Неожиданностей торчал, как огромный палец, на песке виднелись ряды аккуратно разложенных лодок, рядом поблескивали на солнце груды пустых ракушек. Издалека доносился негромкий шум прибоя, разбивающегося о скалы, которые пять лет назад едва не оказались для Бонда роковыми.

В голове Бонда замелькали воспоминания. Он выехал на узкую дорогу, петлявшую среди плантаций сахарного тростника. Вскоре он заметил развалины бастиона Бо Дезер, возвышавшиеся на береговой скале подобно разбитому кораблю. Куоррел вылез из машины и пошел открывать ворота, ведущие к снятому ими бунгалу. Бонд въехал во двор и остановился за длинным одноэтажным белым зданием.

Все вокруг казалось спокойным и мирным. Бонд обошел дом, пересек газон и увидел океан. Рассеянно посмотрел на него и остановился, вспомнив о Солитэр — раненой, истекающей кровью девушке, которую он спас на острове Неожиданностей. Он никогда не забудет, как шел по газону последние метры, не опуская ее тело, казавшееся невероятно тяжелым!

Интересно, что с ней стало? Где она сейчас?.. Бонд пожал плечами и отогнал это приятное воспоминание.

Была половина девятого. Он занес в дом вещи и переоделся в шорты и сандалии. Куоррел завладел кухней, и вскоре оттуда донесся восхитительный запах поджаренного бекона и свежего кофе. За завтраком они обсудили режим дня. В семь часов подъем, затем час плавания, завтрак, час солнечных ванн, бег на 3 километра, плавание, обед, отдых, солнечные ванны, подводное плавание. Вечером горячая ванна, массаж, потом ужин. В девять — отбой.

Они немедленно принялись за выполнение программы. За эту полную тренировок неделю не произошло никаких событий. Бонд чувствовал себя отлично. И тут пришло сразу два сообщения.

Первое заключалось в нескольких строчках из «Глине-ра»: черный «санбим» под номером H2473 врезался в гру-

зовик, водитель которого до сих пор не найден... От удара обе машины съехали с дороги и упали в ущелье. Оба пассажира «санбима» — Бен Гиббонс из Кингстона и Джозиан Смит, без определенного места жительства, погибли. Некого мистера Бонда, английского туриста, нанявшего машину, убедительно просят прийти в ближайший полицейский участок.

Бонд сжег газету, чтобы не пугать Куоррела.

В рекордно короткий срок — всего один день — пришла телеграмма от Плейдл-Смита. В ней говорилось следующее:

«Каждый предмет содержал дозу цианистого калия, достаточную, чтобы убить лошадь. Почему бы не подыскать другую овощную лавку? Желаю удачи. Плейдл-Смит.»

Телеграмму Бонд тоже сжег.

* * *

Куоррелу легко удалось нанять лодку, на которой они тренировались целых три дня. Она представляла собой грубо обработанный, выдолбленный внутри ствол гигантского древовидного хлопчатника. Две узких скамеечки, два тяжелых весла, да небольшой грязный парус — вот и все.

— На вид, конечно, не блеск, — сказал Куоррел, — но вы увидите ее в деле. Часов семь-восемь пойдем под парусом. Остаток пути — на веслах, чтоб радар нас не сразу засек.

Погода по-прежнему стояла отличная, и, судя по метeosводкам, изменений не предвиделось. Ночи были темными, хоть глаз выколи. Подготовка проходила очень тщательно. Бонд ходил в старых брюках из черной холстины, темной рубашке и веревочных сандалиях.

Наконец, наступил последний вечер. Бонд был рад снова начать действовать. За это время он выезжал из дому только один раз — чтобы запастись продовольствием и выполнить желание Куоррела, застраховав его жизнь. Бонд даже нервничал от нетерпения — впереди его ждало настоящее приключение. С тайной, с безжалостным противником и физическим напряжением. Именно такое, как он любил. Рядом — надежный спутник, и борьба пойдет за правое дело — что еще нужно мужчине! В глубине души Бонду приятно было думать, что он покажет «М», как он понимает отдых на курорте. Это презрительное, унижительное словечко крепко засело у Бонда в голове.

Он вынул оба пистолета и внимательно их оглядел. Конечно, ни один из них не будет ему дороже «Беретты». Но,

испытав их во время тренировок, Бонд понял настойчивость «М» в вопросе смены оружия. В конце концов он выбрал «Смит и Вессон», более тяжелый и с более дальним радиусом действия. Если на Крэб Ки начнется заваруха, дело вряд ли дойдет до ближнего боя.

Он приладил кобуру к ремню на брюках и взял хороший запас патронов. Пикник? Отлично, но пистолет никогда не помешает.

Потом Бонд вынес в сад бутылку джина, лед и содовую, и с бокалом в руке стал наблюдать за наступлением ночи. Скоро все вокруг окутала непроглядная темнота. Ветер, дувший из глубины острова, казался хорошим предзнаменованием. Около кустов тихонько квакали лягушки. Светлячки уже начали свои причудливые ночные танцы.

Тропическая темнота всегда навевала на Бонда какую-то тоску. К счастью, под рукой было отличное лекарство. Бонд налил себе хороший глоток джина. Он и сам не мог объяснить, почему пьет. Возможно, из-за пятидесяти миль, которые предстоит проплыть по ночному океану? Или от боязни неизвестности? А может, просто чтобы прогнать мысли о таинственном докторе Но? Ну нет, этого наш приятель не дожидается!

Из темноты вынырнул Куоррел. Он возвращался с пляжа.

— Пора, кэп,— сказал он.

Бонд неторопливо допил бокал.

Волны негромко бились о борт лодки. Бонд устроился на передней скамейке, Куоррел сел сзади. Парус, обернутый вокруг мачты, был у него под рукой.

Бонд оттолкнулся веслом от берега. Лодка мягко развернулась, и, направляемая умелой рукой Куоррела, поплыла в пролив между подводными рифами, над которыми поднималась легкая завеса мельчайших брызг. Мужчины принялись слаженно грести. Весла бесшумно входили в воду. Вокруг была крошечная темнота. Их отплытия, конечно, никто не мог заметить.

Задача Бонда заключалась в том, чтобы грести, не останавливаясь, в то время как Куоррел ловко направлял лодку. При выходе из пролива они попали в водоворот. Лавируя между коралловыми зарослями и острыми, как лезвия, рифами, Куоррел и Бонд с силой налегали на весла. Раз десять весло Бонда глухо ударилось о скалу. В какое-то мгновение ему показалось, что лодка вот-вот врежется на огромной скорости в выросший вдруг впереди коралловый массив. Но Куоррел в последний момент успел его обогнуть.

Трудный участок был позади. Они вышли на глубокую воду.

— Слава Богу, кэп,— облегченно вздохнул Куоррел.

Бонд выпрямился и прекратил грести. Он услышал, как Куоррел разворачивает парус. С легким хлопком парус натянулся, надуваемый ветром. Брызги ударили Бонду в лицо. Воздух посвежел, скоро станет холодно. Бонд съежился, обхватив колени руками. Деревянная скамейка была жесткой и грубой. Похоже, что ночка будет не из приятных, длинная и тяжелая.

Над их головами успокаивающе мерцал Млечный путь. Бонд обернулся. За сторбленной фигурой Куоррела вырисовывалось огромное темное пятно — Ямайка. Маленькие светящиеся точки, которые он заметил слева, были, наверное, огнями Порта-Мария. Они уже прошли мили две. Скоро позади останется десятая часть пути, потом четверть, половина. Это наступит около полуночи, и тогда настанет очередь Бонда управлять лодкой. Он вздохнул, положил голову на колени и закрыл глаза.

Он, должно быть, незаметно заснул, потому что вдруг очнулся от удара весла о борт лодки. Стрелки на светящемся циферблате показывали четверть первого. Он потянулся, размял затекшее тело и повернулся к Куоррелу.

— Извини, старина,— сказал он.— Тебе надо было растолкать меня пораньше.

Звук собственного голоса показался ему непривычно гулким. В ответ блеснула белая полоска зубов. Куоррел улыбнулся:

— Зато вы отлично выпались, кэп.

Они осторожно поменялись местами. Бонд сел позади. Куоррел заботливо закрепил пеньковый трос руля за крючок. Бонд уточнил курс по Полярной звезде.

Ночь казалась необъятной, бесконечной, океан словно задремал. Плеск волн походил на спокойное дыхание огромного уснувшего существа. Они пересекли фосфоресцирующее пятно. Брызги сверкали, как изумруды. Потом темнота снова мягко окутала смешное утлое суденышко.

Стайка летучих рыб спугнула ночную тишину метрах в десяти от лодки. Потом они снова нырнули, и опять воцарилось безмолвие.

Прошел час. Потом два, три, и вот, наконец, половина пятого утра. Куоррел проснулся.

— Пахнет землей, кэп,— прошептал он.

Темнота впереди сгущалась. Бесформенное пятно перед ними постепенно приняло очертания огромной морской

крысы, сзади светила бледная луна. Теперь остров был ясно виден. Слышался отдаленный шум прибоя.

Куоррел и Бонд поднялись, свернули парус и снова взяли за весла. Еще примерно километр, размышлял Бонд, они проплывут незамеченными, слившись с волнами. Никакой радар их не засечет. Самым опасным будет последний километр. Его надо пройти очень быстро — скоро начнет светать.

Теперь и Бонд почувствовал запах земли. Он не был особенно сильным — просто легкое дуновение, которое можно различить только после долгих часов, проведенных в открытом море.

Возле берега волны вспенивались барашками и перехлестывали через борт. Куоррел и Бонд налегли на весла, и пот заструился по их уставшим лицам. Лодка, которая под парусом словно летела по воде, теперь отяжелела и едва двигалась. Плечи Бонда горели, ободранные колени саднили. На руках вздулись мозоли, и весла, казалось, весили целую тонну.

Но земля была близко. Уже виднелось пятно песчаной косы. Шум прибоя перерос в грохот. Вокруг острова высился настоящий заслон из рифов, но, благодаря ловкости Куоррелла, они успешно достигли пролива.

Теперь их подхватило попутное течение. Куоррел придвинулся к самой корме лодки. И вскоре океанская зыбь сменилась спокойной водой.

— Все в порядке! — воскликнул Куоррел. — Мы поднимаемся по реке.

Куоррел направил лодку по ветру, к небольшому скалистому заливу в конце песчаной косы. Бонд спросил себя, почему пляж не сверкает в лунном свете. Лодка уткнулась в берег. Бонд выпрыгнул на песок. И тут же понял. Пляж был черным. Песок под ногами казался мелким и мягким; но на самом деле это была вулканистая лава, за века превратившаяся в пыль. На черном фоне босые ступни Бонда походили на двух белых крабов.

Не теряя ни минуты, они спрятали лодку, предварительно очистив дно от водорослей. Для этого ее пришлось протаскать метров десять до прибрежных деревьев. Здесь они укрыли ее высохшими водорослями и ветками. Куоррел отошел, чтобы полюбоваться работой. Обнаружить лодку было невозможно. Потом он собрал в пучок пальмовые листья и тщательно замел все следы на песке.

Бонд вытер со лба пот.

Светлая полоска на востоке указывала на близость рас-

света. Было пять часов утра. Мужчины смертельно устали. Они перекинулись короткими фразами, и Куоррел скрылся среди скал. Бонд расчистил на сухом песке место, скрытое густым кустарником. Убил нескольких притаившихся там крабов и бросил их в болото. Потом, не думая больше ни о каких возможных соседях, растянулся на песке, перевернулся на спину и замер.

Он спал.

Глава 8

Бонд лениво открыл глаза. Ощутив под головой мягкий песок, он вспомнил, где находится. Посмотрел на часы. Десять утра. Солнце уже сильно припекало, несмотря на затенявшие лицо широкие листья кустарника. Бонд заметил впереди на песке какую-то тень. Куоррел? Он осторожно раздвинул скрывавшие его ветки. И едва сдержал удивленный возглас. Чтобы удержаться, пришлось глубоко вздохнуть. В светлых глазах Бонда заплясали лукавые огоньки. Перед ним, повернувшись спиной, стояла обнаженная девушка.

Впрочем, она не была совершенно голой. На талии застегнутый широкий кожаный пояс, на правом бедре висит чехол с огромным охотничьим ножом. Пояс только подчеркивал наготу и делал ее еще более восхитительной.

Девушка стояла меньше чем в трех метрах от Бонда и внимательно разглядывала какой-то предмет, лежащий у нее на ладони. У нее была очень красивая спина. Гладкая кожа цвета кофе с молоком блестела, как шелк. Необычайно мускулистая для женщины, спина завершалась очаровательной попкой, крепкой и круглой, как у мальчика. Ноги длинные и стройные. На приподнятой пятке виден светлый участок незагорелой кожи. Значит, она не полукровка. На плечи падают влажные пряди длинных пепельных волос. На лоб сдвинута маска для подводного плавания с зеленой трубкой.

Вся эта сцена, с пустынным пляжем, лазурным морем и юной обнаженной девушкой с длинными мокрыми волосами что-то напомнила Бонду... Венера Ботичелли, вид со спины. Именно она!

Как сюда попала эта девушка? Что она здесь делает? Взгляд Бонда скользнул по пляжу. Песок оказался не чер-

ным, как ему показалось вначале, а коричневато-шоколадным. Справа виднелась река. Пляж был совершенно пуст. На песке ничего, кроме кучки розовых ракушек, поблескивающих на солнце. Метрах в десяти слева возвышался скалистый утес, и рядом, на земле, лежала длинная узкая лодка, укрытая в тени камней.

Лодка, вероятно, очень легкая, иначе девушка не смогла бы сама ее вытащить. А может, она не одна?

Однако других следов на песке не было. Возможно, она здесь живет? Или тоже приплыла с Ямайки этой ночью? Маловероятно. Как могла девушка проделать путь в пятьдесят миль по ночному океану, если даже двое таких крепких мужчин, как Бонд и Куоррел, выбились из сил?

В любом случае, чем она может здесь заниматься? Словно чтобы ответить на этот безмолвный вопрос, девушка быстро взмахнула рукой, и на песок у ее ног упали несколько ракушек. Они были ярко-розовые. Такие же, подумал Бонд, какие он уже видел на берегу.

Потом она приблизила ладонь к лицу и стала тихонько насвистывать. В ее голосе слышны были победные нотки. Она насвистывала «Марион» — тягучий мотив, который Бонд, однако, очень любил. Он принялся едва слышно подпевать:

Весь день и всю ночь, Марион,
На горячем песке у воды я тебя поджидал...

Девушка внезапно замерла, испуганно прислушиваясь. Бонд улыбнулся и продолжил припев:

В глубине твоих глаз я могу утонуть,
Запутавшись в сеть твоих длинных волос...

Руки девушки опустились. Она слушала, слегка опустив голову и спрятав лицо во влажных волнах волос.

Наконец она решилась снова тихонько засвистеть, потом нерешительно замолкла. Бонд ответил.

Тогда девушка резко обернулась. Она даже не пыталась скрыть свою наготу. Только закрыла лицо руками.

— Кто здесь? — прошептала она испуганно.

Бонд неторопливо поднялся и вышел из-за кустов. Он развел руки, чтобы показать, что в них ничего нет, и улыбнулся.

— Только я, — сказал он. — Не пугайтесь.

Девушка быстро выхватила нож. Бонд с интересом за ней наблюдал. Он понял, почему она только что машинально прикрыла лицо. Оно было очень красивым, с темно-синими

глазами и пушистыми, золотистыми от солнца ресницами. Полные, нежные губы. Серьезное, волевое лицо человека, привыкшего самому за себя постоять. Однако ей, очевидно, не всегда это удавалось — нос у нее был грубо перебит, как у боксера. Бонд испытал настоящий гнев при мысли, что кто-то мог так ударить это нежное, невероятно красивое существо. Именно из-за носа она и закрывала лицо, а не великолепную грудь, упругую и загорелую, как и все тело.

Ее глаза поймали взгляд Бонда и смело его выдержали.

— Кто вы? Что вам здесь надо? — спросила она.

У нее был мягкий, мелодичный акцент жительницы Ямайки. Но голос твердый, привыкший командовать.

— Я англичанин, — сказал Бонд, — и интересуюсь птицами.

— Правда? — спросила она недоверчиво.

Ее рука не отпускала рукоятки ножа.

— И долго вы за мной следите? Как вы сюда попали?

— Это, моя дорогая, долгая история. Сейчас гораздо важнее узнать, кто вы такая.

— Весьма интересная личность. Я приплыла с Ямайки. Собираю ракушки. А вы добирались на лодке?

— Ну конечно.

— И где же она?

— Мы с другом спрятали ее у прибрежных деревьев.

— Но здесь не видно никаких следов.

— Потому что мы их уничтожили. Мы — осторожные люди. В отличие от вас. Кстати, вы приплыли под парусом?

— Что за вопрос! Конечно, как обычно.

— Тогда о вашем присутствии уже известно. На острове есть радар.

— Им ни разу не удалось меня поймать! — сказала она с вызовом.

Тут она, составив, по-видимому, о Бонде определенное мнение, спрятала нож. Маску со лба она тоже сняла. Голос ее смягчился:

— Как вас зовут?

— Бонд. Джеймс Бонд... А вас?

Вопрос, казалось, застал ее врасплох. Она на секунду задумалась, потом проговорила:

— Ридер.

— Ридер? Но это, вероятно, фамилия? А имя?

— Ханничайлд.

Бонд улыбнулся.

— Что вы нашли в этом смешного? — обиженно спросила она.

— Да нет, ничего... Чудесное имя. Ханничайлд Ридер.

— Все зовут меня просто Ханни.

— Очень рад с вами познакомиться, Ханни.

Эта избитая фраза, казалось, напомнила девушке о ее наготe. Она покраснела и неуверенно сказала:

— Мне надо одеться.

И посмотрела на лежащие у ее ног ракушки. Было ясно, что ей очень хочется их унести. Ее глаза выдавали это желание лучше всяких слов.

— Не смейте их трогать, пока я не вернусь! — приказала она строго.

Глаза Бонда заискрились от смеха. Его от души разве-селил этот детский вызов, но он вежливо ответил:

— Не беспокойтесь, я их посторожу.

Она снова на него посмотрела, словно сомневаясь в его искренности. Потом махнув рукой, скрылась за ска-лами.

Бонд сделал несколько шагов и подобрал одну ракушку. Она была еще живой, створки плотно сжаты. Похожа на лиловый камешек. Ракушка показалась Бонду совершенно обыкновенной, и он бросил ее рядом с остальными. Интересно, девушка действительно приехала за ними? Похоже, что да. Но какой невероятный риск — долгое ночное путеше-ствие в полном одиночестве, да еще не менее трудный путь обратно! Да к тому же ей, кажется, известно, что Крэб Ки — опасное место. Разве она не сказала: «Им ни разу не удалось меня поймать?»

Забавная девочка! При мысли о ней Бонд почувствовал теплоту, даже нежность. Он уже забыл о перебитом носе. Но хорошо запомнил глаза, губы, великолепное тело. В ее фигу-ре, осанке было что-то царственное.

А эта манера нападать! Не раздумывая, она выхватила нож, чтобы защищаться, как дикая самка, защищающая своих детенышей. Откуда она, где живет? Кто ее родители? Она казалась совершенно одинокой. Да, кто она все-таки, эта Ханничайлд Ридер?

За спиной послышались быстрые шаги. Бонд обернулся. На Ханни были надеты какие-то лохмотья — коричневая холщовая рубашка с оторванными рукавами и темная про-дранная юбка, стянутая на талии кожаным ремнем. На прав-ом боку по-прежнему висел нож. На плече — холщовый мешок.

Она осторожно приблизилась, словно гибкая лесная

кошка. Подошла к нему совсем близко и молча принялась собирать ракушки, бросая их в мешок.

— Они редкие? — спросил Бонд.

Она выпрямилась и посмотрела ему в лицо, словно ища следы какой-нибудь задней мысли. Потом, видимо, успокоившись, сказала заговорщицким тоном:

— Обещайте не говорить никому ни слова. Могила?

— Могила! — сказал Бонд с серьезным выражением лица.

— Ну ладно, — сказала она дрожащим от гордости голосом. — Эти ракушки очень редкие! В Майами мне дадут по пять долларов за штуку. Этот вид называется «Элегантная Венера».

Ее глаза блестели от возбуждения. Она доверяла страшную тайну.

— Сегодня утром я обнаружила здесь целую колонию, — она махнула рукой в сторону океана. Потом вдруг снисходительно взглянула на Бонда.

— Вы-то не можете их найти. Они умеют хорошо прятаться. Кроме того, надо нырять на большую глубину. Я бы удивилась, если бы вам это удалось. А я непременно сегодня же обшарю все дно. Если хотите, могу подарить вам несколько штук похуже.

— Благодарю за любезность, — ответил Бонд со смехом. — Но у меня другие планы. Мне совсем не нужны ваши ракушки... Могила! — добавил он, глядя ей в глаза.

Мешок был полон. Она выпрямилась.

— А птицы? — спросила она. — Какие они? За них хорошо платят? Скажите честно, я никому не проболтаюсь. Могила! Меня интересуют только ракушки.

— Ну хорошо, — сказал Бонд. — Это разнообразие розовых фламинго, с плоским клювом. Вы видели их здесь?

— Ах, эти! — протянула она с разочарованием. — В свое время их здесь были тысячи. Но теперь почти не осталось. Их спугнули.

Перестав бояться подвоха от этого симпатичного орнитолога, она уселась на песке, обхватив колени загорелыми руками, очень гордая своими познаниями. Бонд прилег рядом, небрежно опираясь на согнутый локоть. Он старался не спугнуть атмосферу пикника, детской дружбы, общности, чтобы попытаться узнать побольше об этой забавной и красивой девушке.

— Не может быть! — сказал он. — И вы знаете, кто их спугнул?

Она нетерпеливо передернула плечами.

— Люди, которые здесь живут... Не знаю, кто они такие, но тут есть один китаец, и он очень не любит птиц. А еще есть дракон... Китаец послал дракона, а тот выпустил пламя и сжег гнезда. Тогда все птицы улетели. Потом еще были два охранника, следившие за птицами. Дракон их тоже убил. По крайней мере, я так думаю.

Создавалось впечатление, что она рассказывает сказку о Синей Бороде и очень в нее верит.

— Этот дракон, какой он? — спросил Бонд. — Вы его видели?

— Да, видела.

Она с трудом слотнула слюну, борясь с неприятным воспоминанием.

— Я приехала сюда впервые год назад, чтобы насобирать ракушек или хотя бы обойти остров. Но повезло мне только месяц назад, когда я нашла эти, — она похлопала по мешку. — Прежде я находила много других, но не таких редких.

Как раз перед Рождеством я собралась обследовать речку. Поднялась по ней до лагеря охранников. Все было разгромлено. Надвигалась ночь, и я решила там остаться. А посреди ночи проснулась оттого, что надо мной появился дракон. У него были горящие глаза и длиннющий язык. Еще короткие крылья и острый хвост. Сам весь черный, с золотом...

Увидев выражение лица Бонда, Ханни нахмурилась.

— Я его видела! — воскликнула она упрямо. — Ярко светила луна, а он был совсем близко. Громко рычал. И прошел по кустам. Потом увидел гнезда. Выпустил струю огня и сжег всех птиц. Я даже почувствовала запах паленого мяса. Это было ужасно. Страшнее я ничего в жизни не видела.

Она искоса посмотрела на Бонда, потом перевела взгляд на океан.

— Я вижу, — сказала она рассерженно, — вы мне не верите. Вы из этих городских жителей, которые ничему не верят. Фу!

Ее передернуло от отвращения.

— Послушайте, Ханни, — ласково сказал Бонд. — Но драконов не существует! Вы увидели нечто, похожее на дракона. И я спрашиваю себя, что бы это могло быть.

— Почему это вы думаете, что они не существуют?! — запальчиво возразила девушка. На этот раз она разозлилась по-настоящему. — В этой части острова нет ни одной живой

души. И здесь прекрасно мог поселиться дракон... И вообще, что вы о них знаете? Что вы понимаете в животных? Я, например, с раннего детства живу среди змей. Одна. Уверена, вам никогда не приходилось видеть, как самка богомола пожирает своего самца... А танец спрута? Вы видели танец спрута? А змея с колокольчиком на шее, которая им трясет, чтобы вас разбудить — такое вы встречали?! Скорпион, убивающий себя собственным жалом — это вы видели? А подводные растения, ночью, вам когда-нибудь попадались? И в тот раз, с драконом, я не ошиблась!

Она замолчала, задыхаясь от возмущения.

— Вы такой же городской тип, как и все остальные. Чего от вас еще ждать!

— Послушайте, Ханни, — терпеливо ответил Бонд. — Вам известны вещи, которых не знаю я. Но не моя вина, что я родился в городе. Мне бы очень хотелось увидеть все, о чем вы говорите. Но жизнь распорядилась иначе. Хотя мне тоже известно не так уж мало. Например...

Бонд запнулся, думая о том, что могло бы заинтересовать юную дикарку. Наконец он продолжил:

— Например, то, что на этот раз китаец не даст вам спокойно улечь с острова. И мне тоже.

Она удивленно повернулась к нему.

— С чего вы взяли? Не бойтесь. Надо только спрятаться до ночи, а потом улизнуть. Они уже посылали собак и даже самолет, чтобы меня поймать. И остались с носом.

Она вновь с интересом оглядела Бонда.

— Они за вами охотятся? — спросила она.

— Боюсь, что да, — признался Бонд. — Последние километры мы специально плыли на веслах, чтобы радар нас не засек. Но ваш парус он засек наверняка. Думаю, что китаец принял вашу лодку за мою и теперь захочет со мной повидаться... Сейчас я пойду разбужу своего приятеля, и мы вместе подумаем, как нам быть дальше. Моего друга зовут Куоррел. Надеюсь, он вам понравится.

— Мне очень неприятно, что...

Она не закончила фразу.

— Я не могла знать.

— Конечно, — сказал Бонд. — Нам просто не повезло, вот и все. И вам тоже. Вы-то им не нужны. А вот мной, боюсь, они серьезно заинтересуются.

Куоррел сумел хорошо спрятаться. Бонду понадобилось не меньше пяти минут, чтобы его отыскать. Забравшись в расщелину между скал, он крепко спал. Его смуглое лицо во сне казалось воплощением детской невинности. Бонд

негромко свистнул и улыбнулся, увидев, как Куоррел встретился, словно напуганный зверь. Он тут же заметил Бонда и принял виноватый вид.

— Привет, кэп,— сказал он.— Я, кажется, проспал.

Бонд уселся рядом и рассказал о встрече с Ханничайлд Ридер, о ее ракушках и о последствиях, которые им теперь грозили.

— Одиннадцать часов,— закончил он,— и нам необходимо составить новый план действий.

— Я надеюсь, вы не собираетесь тащить девчонку с нами? — с надеждой спросил Куоррел.— Ей там нечего делать.

Он вдруг осекся, поднял голову и прислушался. Бонд затаил дыхание. Куоррел резко вскочил на ноги.

— Быстро, кэп,— негромко бросил он.— Они приближаются.

Глава 9

На пляже по-прежнему не было ни души. Только с песка исчезли ракушки Ханничайлд и следы ног. Куоррел все тщательно замел. Мужчины затащили лодку девушки в расщелину между скал и прикрыли ее водорослями.

Куоррел отправился на оконечность мыса, чтобы наблюдать за океаном. Бонд с Ханни поджидали его немного в стороне. Вдруг примерно в полукилометре от берега они заметили катер. Шум мотора едва пробивался сквозь грохот прибоя. Но, судя по всему, это был очень мощный катер.

Плывет ли на борту доктор Но? Решил ли он сам заняться поисками? Нет, маловероятно. Он наверняка поручает такую работу простым охранникам.

Над головой пролетели бакланы. Бонд с интересом следил за птицами. Если верить объяснениям Плейдл-Смита, это, вероятно, разведчики, оправляющиеся на поиски хамсы — любимого бакланьего лакомства. Бонд увидел, как птицы стали описывать круги совсем низко над водой, и наконец, вытянув вперед головки, нырнули, и через долю секунды взлетели с рыбой в клювах.

Бонд почувствовал на плече руку Ханничайлд. Показав на бакланов, она проговорила:

— Вот курочки, которые несут золотые яйца. Главное богатство китайца.

Бонд повернулся к девушке. Она выглядела совершенно

беззаботной, ничуть не встревоженной тем, что их могло ожидать. Все происходящее, вероятно, казалось ей своего рода игрой в прятки, а играть она умела неплохо. Бонд от всей души пожелал, чтобы не случилось ничего серьезного.

Теперь уже стали отчетливо видны блестящие на солнце детали катера. Бонд последний раз посмотрел на мирный тихий пляж, затем перевел решительный взгляд на оконечность мыса, откуда неслся шум моторов.

Он разглядел восьмиметровую пустую палубу, над которой возвышалась небольшая кабинка с сиреной и радиоантенной на крыше. Через стекло можно было разглядеть фигуру мужчины. Скоро к нему присоединился второй. Оба были неграми, но с довольно светлой кожей, одетые в рубашки и брюки цвета хаки и бейсбольные шапочки с длинными козырьками. В руках у одного был громкоговоритель, перед вторым на треноге стоял автомат.

Человек с громкоговорителем взял бинокль и принялся внимательно оглядывать пляж. Несмотря на шум моторов, можно было расслышать обрывки слов.

Мужчина не торопясь рассматривал пляж и прибрежные скалы. Потом вдруг остановил бинокль как раз на том месте, где укрылись Бонд с Ханничайлд, а затем быстро перевел его на расщелину, где лежала замаскированная лодка девушки. До берега донеслось неразборчивое восклицание. Негр передал бинокль своему напарнику, тот взглянул на берег и утвердительно закивал.

«Похоже, мы обнаружены,— сказал себе Бонд.— Эти ребята знают свое дело».

Он видел направленный прямо на них ствол автомата. Негр поднес ко рту громкоговоритель, и на весь пляж загремел раскатистый металлический голос:

— Слушайте, парни. Выходите, вам не сделают ничего плохого.

«Американский акцент»,— отметил Бонд машинально.

— Вас засекли, так что поторапливайтесь,— грохотал громкоговоритель.— Мы видим лодку. Поэтому не стоит придуливаться. Вылезайте живей, руки за голову, и все будет хорошо.

Наступила тишина. Раздавался лишь мерный шум прибоя, да отдаленные крики бакланов. Рядом слышалось прерывистое дыхание Ханничайлд.

Бонд осторожно коснулся ее руки.

— Двигайтесь поближе ко мне,— сказал он.— Тогда мы не будем для них такой большой мишенью.

Он ощутил рядом теплоту женского тела. Щека Ханни коснулась его плеча.

— Заройтесь в песок,— бросил Бонд.— И как можно глубже.

Он принялся делать то же самое. Всем своим весом вжавшись в песок, он стал зарываться. Девушка последовала его примеру. Чуть-чуть приподняв голову, Бонд снова увидел катер. Негр снова поднял громкоговоритель:

— Ну, как знаете, парни! — яростно прогремел он.— Вас предупреждали, так что не обижайтесь.

Он опустил руку, и сразу раздалась автоматная очередь. Последний раз Бонду приходилось слышать автоматную стрельбу во время заварухи в Арденнах.

«Что и говорить,— подумал он.— От нашей чертовой работенки не помолодеешь».

Пули со свистом ударялись о скалы, поднимали фонтанчики песка. Наконец снова стало тихо.

Высоко в небе кружила стайка испуганных бакланов. Бонд снова взглянул на катер. Мужчины на борту перекинулись несколькими словами. Громкоговоритель снова ожил:

— Ну, ладно. Вам все равно крышка.

Катер описал дугу вдоль плажа.

— Все в порядке, Ханни,— прошептал Бонд.— Теперь уже недолго осталось.

«Бедная девочка! — думал он.— Все это по нашей вине».

Он едва успел спрятать голову в песок. Автомат снова начал стрелять, на этот раз без предупреждения. Со всех сторон свистели пули. Вокруг падали обломки крошащегося камня. Автомат продолжал свои методичные плевки.

Опять тишина. «Похоже, мы на очереди»,— решил Бонд. Он чувствовал, как к нему прижимается дрожащее тело девушки. Бонд успокаивающе обнял ее за хрупкие плечи.

Снова свист пуль. Скрывавшие их кусты прошила автоматная очередь. Вокруг посыпались срезанные ветки. Бонд почувствовал дуновение ветра и подумал, что теперь они совсем на виду. Возможно, кустарник был их единственным прикрытием. Впрочем, сейчас это уже не важно... Стук автомата не прекращался, но огонь перенесся несколько дальше. Потом, наконец стих.

Ханни задыхалась от ужаса.

— Если вы меня еще слышите, парни,— рявкнул громкоговоритель,— то знайте — мы скоро вернемся собирать вас по кусочкам. И на этот раз с собаками... До встречи!

Взревел мотор. Катер обогнул мыс и пошел в западном

направлении. Прошло несколько минут. Не было слышно ни звука.

Бонд решился высунуть голову. Впереди расстился пустынный пляж.

Ханни приподняла лицо, на котором были следы слез. Она походила на смертельно перепуганного ребенка.

— Это было ужасно,— с трудом выдавила она.— Что им нужно? Они ведь могли нас убить...

«Именно этого они и добиваются»,— подумал Бонд. Он понял, что если Ханничайлд и привыкла сама себя защищать, то только от окружающей природы. Она хорошо знала зверей, насекомых, рыб, фазы луны и приметы. Это ее мир, и она его любит. Но в безжалостном мире людей она беззащитна. Он сказал:

— Успокойтесь, Ханни. Это всего лишь кучка грязных подонков. Они сами нас боятся. Ничего страшного... Им нас не поймать. А вы держались молодцом, получше иного мужчины. А теперь вставайте. Нам надо разыскать Куоррела. И потом, мне кажется, самое время перекусить. Кстати, что вы тут обычно едите, во время ваших экспедиций?

— Чаще всего морских ежей... Еще можно собирать диких бананов и корней. Я никогда не беру с собой еду.

В нескольких метрах от них показалась голова Куоррела. Он рассматривал лодку Ханничайлд, которая превратилась в решето.

Девушка в отчаянии воскликнула:

— Моя лодка! Как же я теперь вернусь обратно!

— Не расстраивайтесь, мисс,— сочувственно сказал Куоррел.— Кэп даст вам другую. Мы возьмем вас с собой. Возле скал у нас спрятана отличная лодка. Я только что оттуда. Ни одна пуля не задела.

В его голосе чувствовались искренние симпатия и сочувствие. Он лучше Бонда понимал, что может означать для девушки потеря лодки — вероятно, ее единственного достояния.

Он обернулся к Бонду:

— Я же говорил вам, кэп. Эти типы умеют работать. Не надо было с ними связываться. Теперь еще явятся с собаками... Собаки-то полицейские, пинчеры, по-моему... мне ребята рассказывали — этих зверюг здесь не меньше двадцати. Надо решить, что мы будем делать дальше. И не ошибиться.

— Конечно, Куоррел. Но сначала давайте что-нибудь съедем. В любом случае, эти подонки ошибаются, если думают, что они нас напугали. Ни за что на свете не уеду с

острова, пока все не осмотрю. А Ханни возьмем с собой.

И продолжил, повернувшись к Ханни:

— Если вы не против, пойдёте с нами. А потом мы отвезем вас на Ямайку.

— Мне кажется,— тихо произнесла Ханни,— что у меня нет другого выхода. То есть, я хочу сказать... Я буду очень рада, если вы возьмете меня с собой. Я вам не помешаю. Только прошу вас, отвезите меня поскорее обратно. Я совсем не хочу больше встречаться с этими типами. Скажите, у вас много времени займут ваши птицы?

— Не очень,— ответил Бонд уклончиво.— Но мне необходимо выяснить, что с ними произошло и почему. Итак. Сейчас двенадцать часов. Подождите нас здесь и постарайтесь не оставлять следов. Мы с Куоррелом попытаемся понадежней спрятать лодку. Это сейчас главное.

* * *

Через час приготовления закончились. Бонд с Куоррелом набросали в лодку камней и песка и утопили ее в мелком месте под скалами. Все следы за собой они уничтожили. Это не составило никакого труда, так как после обстрела на земле лежал настоящий ковер из опавших листьев и сломанных веток. Затем они выложили провизию и поели; мужчины — с большим аппетитом, Ханни же едва притронулась к еде.

Потом начался тяжелый переход через болото. Стояла невыносимая жара. С северо-востока дул обжигающий ветер.

— И так здесь всегда,— сказал Куоррел.— Не будь ветра, гуано не смогло бы просохнуть.

Бонд порадовался, что его кожа уже достаточно задубела на солнце и не обгорит.

Возле устья реки тянулась широкая песчаная полоса и неглубокое озерцо с застоявшейся водой. Другого выхода не оставалось, пройти можно было только здесь. Бонд повернулся к девушке:

— Сейчас придется забыть про стыдливость. Оставим рубашки, чтобы не обгореть на солнце. Что касается остального, то советую все снять. Пойдете позади нас.

Не дожидаясь ответа, мужчины скинули брюки. Куоррел свернул их и положил в мешок с провиантом, где лежал и пистолет Бонда.

Вода доходила им до пояса. Озеро сузилось, и на берегу начали появляться деревца. Наконец они дошли до холодной протоки. Река оказалась довольно глубокой и извили-

той. Дно покрывал толстый слой ила, и при каждом шаге ноги их погружались в густую жижу. Мелкие рыбешки и креветки щекотали лодыжки. Время от времени приходилось останавливаться и отрывать пиявок.

Но все это было не так страшно. По крайней мере, вблизи воды зной не казался таким невыносимым. Хотя, чем сильнее они удалялись от океана, тем мучительней становился гнилой запах болот. В воздухе разносилась вонь тухлых яиц, характерная для поднимающихся из болота газов. Появились комары, которые тут же набросились на Бонда.

— У вас на коже соль. Похоже, что вы пришли им по вкусу, — подшучивал Куоррел.

Бонд снял рубашку, и намочил ее в реке. Стало немного легче. Но с каждым шагом запах делался все непереносимее.

Деревца поределели. Речка расширилась, дно стало по-тверже.

— Осторожно, — предупредила Ханни. — Здесь начнется самый опасный отрезок. Километра полтора придется идти прямо на виду. Надо быть внимательней. Потом, перед озером, река опять сузится. — Лагерь охранников стоял на песчаном берегу, совсем рядом.

Они остановились в тени последних деревьев. Ближе к центру острова на реке появились легкие волны. На берегу рос только бамбук — весьма ненадежное укрытие.

Через несколько километров они прошли мимо высокого столба, так называемой гуандры. У ее подножья стояло несколько хижин. К ним загагами тянулась серебристая полоска. Конечно, следы грузовика, привозившего гуано на измельчение и сортировку.

Верхушка столба была совершенно белой, и на ней четко выделялись черные точки — вероятно, бакланы. Они походили на вьющихся возле улья пчел.

«Итак, — подумал Бонд, — вот оно, царство доктора Но! Давно я не видел такого унылого местечка».

Он внимательно осмотрел берег между рекой и гуандрой. Это были наслоения мертвых кораллов тускло-серого цвета. Чуть далее виднелась полоска земли, по краям которой росли чахлые кустики. Вероятно, дорога, или взлетная полоса, ведущая к озеру и болотам. Вся растительность клонилась к западу. Бонд на мгновение представил себе, как он жил бы годами, подобно доктору Но, на этом острове, постоянно продуваемом обжигающим ветром, среди тошнотворного запаха болот и гуано. В такое зловещее место, пожалуй, не решились бы отправлять даже каторжников.

На востоке пейзаж был хоть немного поуютней, благодаря зелени деревьев, в которых гнездились стайки бакланов.

— Кэп, вот они,— внезапно сказал Куоррел.

Со стороны хижин по дороге двигался большой грузовик, поднимавший тучи пыли. Они долго за ним следили, пока он не скрылся из вида за деревьями у реки. Издали донесся лай собак.

— Они поехали вдоль берега, кэп,— сказал Куоррел.— Им прекрасно известно, что если мы еще живы, то можем прятаться только здесь. Они прочешут всю реку, это точно. Я бы, по крайней мере, на их месте поступил именно так.

— Да, они так и делают, когда меня ищут,— подтвердила Ханни.— Но достаточно срезать кусок бамбука. Когда они приближаются, надо нырнуть под воду, дышать через бамбуковую трубочку и ждать, пока они не уедут.

Бонд бросил быстрый взгляд на Куоррела.

— Ты займешься бамбуком. А я пойду поищу место где мы могли бы укрыться.— Он повернулся в сторону затонувших деревьев, стараясь не смотреть на девушку.

— Сейчас не время для стыдливости,— сказала Ханни.— Вы же сами говорили.

Бонд взглянул на нее. Рубашка Ханни доходила до самой воды. Девушка улыбнулась. Ее перебитый нос хорошо гармонировал с окружавшим их мрачным пейзажем. Она, казалось, почувствовала озабоченность своего спутника и пошла за ним, пока он продвигался к деревьям. Он, наконец, нашел то, что искал — щель в стене, образованной торчащими из воды стволами.

— Постарайтесь, проходя, не сломать ни одной ветки,— бросил он.

Они пригнулись. Дыра тянулась несколько метров и завершалась заболоченным тупиком. Дальше пройти было невозможно. Их ноги увязли в густой грязи. Бонд остановился. Ханни приблизилась к нему.

— Настоящие прятки, правда? — спросила она возбужденно.

Он вспомнил о своем пистолете и подумал, можно ли будет еще им пользоваться после купания, которое он ему приготовил. Бонд не мог справиться с беспокойством, вызванным присутствием Ханни. Нет, он на нее не сердился. Просто, теперь у противника будет одной мишенью больше. Бонда мучила ужасная жажда. Он наклонился к воде и сделал большой глоток, потом еще один. На плечо Бонда легла легкая рука.

— Не пейте слишком много,— посоветовала Ханни.— Не то подцепите лихорадку. Ополосните рот и выплюньте.

Бонд так и сделал. Тут раздался негромкий свист Куоррела. Бонд двинулся ему навстречу. Куоррел поливал водой корни деревьев в тех местах, где, как ему казалось, они могли задеть их тела.

— Так собакам будет сложнее нас обнаружить,— коротко объяснил он.— Бамбук я срезал, все в порядке.

Бонд вынул из мешка пистолет и запас пуль. Потом они все вместе вернулись в найденный Бондом заболоченный тупик и остановились, чтобы осел ил. На воде искрились золотые блики солнечных лучей. Кроветки щекотали ноги.

Они напряженно ждали, задыхаясь от гнилостных болотных испарений.

И почти с облегчением услышали лай приближающихся собак.

Глава 10

Двое мужчин в сапогах выше колен и в плавках бежали следом за собаками, с трудом удерживая поводки. Оба — высокие негры с желтой кожей. Их потные тела были перехвачены кожаными портупеями. Время от времени они отчаянно матерились. Свора доберман-пинчеров с лаем барахтались в воде. Собаки неистово дергали поводки и рвались вперед.

— Может, крокодила учуяли? — крикнул один сквозь весь этот гвалт.

В руке он держал короткий хлыст и время от времени щелкал по воздуху, чтобы подбодрить собак.

Подошел второй — глаза его так и сверкали от возбуждения.

— Ну да! Как же! Зуб даю, что это и есть тот сукин сын... Прячется, должно быть, в зарослях. Будем осторожны — он может в нас пальнуть! — Он вытащил револьвер и приблизился, держа палец на курке.

Они стояли у самого прохода в чащу деревьев. Первый поднес к губам свисток. Раздался пронзительный звук. Собаки, казалось, не понимали, что от них требуется: их собачий инстинкт толкал их к неповиновению — вперед. Человек принялся зверски хлестать их по бокам. Собаки застыли на месте, заскулив от боли.

Двое мужчин проверили оружие и медленным шагом углубились в заросли. Они добрались до узкого прохода, который обнаружил Бонд.

Первый отвязал собаку и указал ей направление. Пес тотчас же бросился в эту брешь, принюхиваясь по сторонам. Человек внимательно разглядывал ветви по обе стороны просеки — сломаны они или нет.

Человек и собака подошли к пруду. Высокий негр огляделся по сторонам с видимым отвращением и снова подозвал пса. Тот нехотя подошел. Негр вернулся назад и, отыскав глазами приятеля, отрицательно покачал головой. Щелчок хлыста — и они ушли.

Мало-помалу собачий лай становился все тише и, наконец, затих.

Минут пять все было спокойно. Затем у края пруда показался бамбуковый перископ. Бонд высунул голову. Спутанные черные волосы придавали его лицу вид утопленника. В правой руке он держал револьвер. Он настороженно прислушался. Полная тишина. И все же Бонду послышался тихий плеск воды, словно кто-то очень осторожно ступал вдоль берега. Резко Бонд пихнул Ханни и Куоррела. Когда они высунулись на поверхность, он приложил палец к губам. Но — слишком поздно — Куоррел кашлянул. Бонд поморщился и сделал повелительный жест рукой. Они прислушались. Мертвая тишина. Затем шлепки послышались вновь, совсем близко.

Одновременно все трое взяли в рот бамбуковые трубки, и три головы снова ушли под воду.

Лежа затылком в грязи, Бонд левой рукой зажимал нос, плотно обхватив бамбуковый стержень губами. Он знал, что один раз пруд уже обыскали: он чувствовал как собака рассекает лапами воду. Им повезло: в тот раз их не обнаружили. А теперь? Успеет ли осесть грязь, которую они всколыхнули? Если человек, приближающийся к ним кошачьей походкой, увидит в воде более темное пятно — наверняка выстрелит... Бонд решил не рисковать. Как только он почувствует малейшее движение рядом с собой, он выскочит из воды на свой страх и риск и выстрелит. Насторожившись и застыв в неподвижности, Бонд старался следить за дыханием и не думать о креветках, копошащихся вокруг его тела. «Да... Положение не из приятных», — думал он. Но если бы Ханни не пришла в голову эта замечательная идея с трубками, собаки отыскивали бы их наверняка.

Вдруг тело его напряглось. Резиновый сапог надавил ему на подбородок. Может, человек подумает, что наступил на ветку...? Бонд не дал ему времени поразмыслить на этот счет: резким рывком он выскочил из воды, выплевывая бамбуковую трубку. Он едва разглядел тело, показавшееся ему

огромным, поднял левую руку, чтобы защитить голову и выстрелил в упор. Человек рухнул словно дерево, пораженное молнией. Бонд успел все же разглядеть желтое лицо с открывшимся ртом, пока вода не сомкнулась над мертвым телом. Черноватая грязь медленно окрашивалась красным.

Бонд повернулся. Куоррел и девушка стояли мокрые с головы до ног. Куоррел улыбался до ушей радужной улыбкой, тогда как Ханничайлд дрожала мелкой дрожью, уставившись в красное пятно, расширяющееся у нее на глазах.

— Сожалею, Ханни, — отрывисто произнес Бонд, — я не мог поступить иначе. Он стоял как раз над нами... Пошли отсюда.

Он схватил ее за руку и увлек за собой к реке. Там никого не было. Бонд взглянул на часы. Они остановились на цифре три. Он посмотрел на солнце и прикинул, что сейчас, должно быть, часа четыре. Усталость свалилась ему на плечи словно мешок со свинцом. И это еще далеко не конец! Даже если их преследователи не слышали выстрела, то очень скоро заметят отсутствие одного из своих людей. Вернутся ли они за своим товарищем?... Нет, прежде чем они удостоверятся, что человек пропал — стемнеет... Свистопляска начнется завтра утром. Собаки без труда отыщут труп. Итак...

Ханни потянула его за рукав.

— Я бы хотела знать, — сказала она голосом, полным гнева и страха, — какого черта вы палите друг в друга! И вообще, кто вы?... Не верю я в вашу историю с птичками. Любители птиц не носят с собой пистолетов...

Бронд посмотрел ей в лицо своими голубыми глазами:

— Бедная моя Ханни — произнес он, — вы действительно попали в переплет! И надо же было вам оказаться у нас на дороге! Я расскажу вам все начистоту сегодня вечером, как только мы доберемся до сторожевого лагеря. Клянусь вам! Вы уже догадались, что у меня с этими людьми серьезные счеты. Они уже несколько раз пытались покончить со мной, но теперь я знаю о них достаточно и у меня лишь одно желание: покинуть остров вместе с вами обоими — живыми и невредимыми. А затем, обещаю вам, что я вернусь сюда в открытую и с мощной поддержкой!

— Что вы хотите этим сказать? Вы что — из полиции?... Вы хотите посадить в тюрьму этого китайца?

— Что-то вроде того, — засмеялся Бонд. — Во всяком случае, успокойтесь. Вы на стороне порядка. А теперь скажите мне, как далеко мы от лагеря?

— О! примерно в часе ходьбы.

— Скажите-ка, там можно как-нибудь спрятаться? Или я спрошу вас по-другому: легко ли им будет нас там обнаружить?

— Им для этого нужно или пересечь озеро, или же подняться вверх по реке. Нам нечего опасаться, если они не напустят на нас дракона. Его ничто не остановит. Он идет по воде, я видела.

— Ну ладно! — сказал Бонд самым непринужденным тоном, — будем надеяться, что он сломает лапу.

Девушка надула губы.

— Ну, ну... — сказала она, — можете изображать из себя всезнайку. Вот увидите!

Куоррел вынырнул из зарослей:

— Я подумал, — пробормотал он извиняющимся тоном, — что лишнее оружие нам не помешает. Боюсь, оно нам очень даже пригодится.

Бонд взял ружье. Это был карабин «Ремингтон» американского образца. Определенно, эти люди отлично экипированы. Он протянул карабин Куоррелу.

— Эти парни очень хитры, кэп, — сказал Куоррел, как бы продолжив мысль Бонда. — Ловкий ход — подослать еще одного после того как другие ушли — и захватить нас врасплох... Ну и дьявол же этот доктор Но!

— Я начинаю в это верить, — произнес Бонд задумчиво... — А теперь — в путь! Ханни сказала, что до лагеря час ходьбы. Сколько же идти вдоль левого берега. Спрячемся за холмом.

Куоррел возглавил отряд. Они продвигались вперед сквозь заросли бамбука и утесника, но теперь встречный ветер резкими порывами задувал им в лицо. Они вынуждены были окунаться в воду, чтобы смягчить его обжигающее дыхание. Песок слепил глаза Бонда, нестерпимая боль пронзила руку. Он спрашивал себя: когда же наконец они смогут перекусить и отдохнуть. Прошлой ночью они почти не спали. И в эту ночь им тоже не придется сомкнуть глаз. А Ханни?.. Она и вовсе не спала. Нужно будет им с Куоррелом установить дежурство. На следующий день они, по всей видимости, спустятся по реке до того места, где спрятано каноэ, а ночью отойдут от берега. Веселенькая перспектива! Бонд подумал о «курорте», обещанном «М». Дорого бы он дал, чтобы старый краб оказался сейчас здесь.

Река сузилась и превратилась в тонкий ручеек меж зарослей бамбука. Затем снова расширилась до грязноватого устья, сходящегося в неглубокое озеро серо-голубоватого

цвета. Над ним виднелась взлетная полоса и крыша ангара из рифленого железа.

— Нужно двигаться на запад,— сказала Ханни.

Они медленно двигались вперед, с трудом продираясь сквозь густую растительность. Куоррел вдруг остановился, подавшись вперед, словно сторожевая собака: две глубоких параллельных борозды разрезали густую жижу. Между ними просматривалась менее глубокая полоска. Это были следы чего-то, что спустилось с холма и пересекло трясину по направлению к озеру.

Ханни заявила, торжествуя:

— Я же сказала вам! Здесь прошел дракон.

Куоррел помотрел Ханничайлд прямо в глаза.

Бонд принялся рассматривать следы. Внешние борозды были сделаны колесами, но они были очень широкими. След посередине — того же происхождения, но всего лишь в несколько сантиметров — след от велосипедной шины. Отпечатки, казалось, были свежими. Они шли прямо; и кусты, по которым они проходили, были прибиты к земле, словно по ним проехал танк.

Как Бонд ни старался, он не мог представить себе, что за транспорт, если это транспорт, мог оставить подобный след.

Голос девушки зазвучал на почти что торжествующей ноте:

— Теперь,— сказала она,— вы просто обязаны мне поверить!

— Во всяком случае,— сказал Бонд, соглашаясь,— если это не дракон, то нечто такое, чего я никогда не видел.

— Вот здесь,— прошептала она,— смотрите!

Она указала на пышный обожженный куст, в центре которого можно было разглядеть останки птичьего гнезда.

— Дракон обжег их своим дыханием,— сказала Ханни взволнованно.

Бонд склонился над кустом. Почему именно этот куст, а не какой-нибудь другой? Все это, действительно, очень странно.

Следы вели к озеру и исчезали под водой. Бонд охотно бы проследил их до конца, но и речи не было о том, чтобы играть в следопытов. Молча они продолжили путь, каждый — погрузившись в свои мысли.

День клонился к закату. Вдруг Ханни вытянула палец прямо перед собой. Сквозь кустарник Бонд увидел песчаную полосу, окруженную густой зеленью, в сотне метров от берега.

Место было вполне пригодным для ночлега, а вода, окружавшая этот маленький островок, казалась некоторой защитой. Ветер стих, вода была чуть прохладной. С каким облегчением они наконец скинули одежды, насквозь пропитанные жижей. Можно будет помыться в озере. После долгих часов ходьбы по трясине они смогут наконец отдохнуть на сухом песке.

Солнце медленно заходило за пятачок, в небе исчезал последний багрянец. Заквакали лягушки. Трое спутников добрались до полуразрушенного шалаша, где когда-то жили сторожа. Таинственные следы выходили из воды с каждой стороны песчаного островка. Большая часть зелени была сожжена или помята. У шалаша они отыскали место для очага, несколько кухонных сосудов и пустые миски. Куоррел нашел даже две нетронутые банки консервов — со свиной и фасолью. Ханни нашла сильно измятый спальный мешок, а Бонд маленький кожаный кошелек — и в нем пять долларов, три ямайских ливра и мелочь. Двое сторожей, должно быть, покидали свое жилище в сильной спешке. Сквозь траву они видели отражающиеся в воде огни — в километрах трех отсюда, около холма.

На западе — только темная вода и такое же черное небо.

Бонд сказал:

— Пока мы не разведем огонь, мы здесь в безопасности. Первым делом — мыться. Оставайтесь здесь, Ханни. Мы же с Куоррелом пойдем на другой конец. Встречаемся к ужину через полчаса.

Девушка в первый раз весело рассмеялась.

— К ужину одеться? — спросила она.

— Конечно, — ответил Бонд важно. — Парадные брюки.

— Кэп, — прервал его Куоррел, — я попробую открыть банки, пока еще хоть что-то видно, и посмотрю, как можно устроиться на ночлег.

Он порылся в мешке.

— Держите, вот ваши брюки и пистолет.

Он выложил провизию.

— Хлеб выглядит не так уж аппетитно — подмок. Если оставить подсохнуть до утра, то завтра он будет вполне съедобен. Сегодня мы съедем консервы. А завтра придется довольствоваться сыром и свиной.

— Замечательно! — сказал Бонд. — Назначаю тебя шеф-повором.

В нескольких метрах от лагеря Бонд нашел бухточку, прикрытую зарослями бамбука. Облегченно вздохнув, он снял рубашку и нырнул в воду. Вода была мягкая, но ужас-

но теплая. Бонд потер кожу горсткой песка. В тиши ночи он вдруг почувствовал себя посвежевшим и совершенно отдохнувшим.

Звезды одна за другой вспыхивали на небе, звезды, которые указывали им путь к острову прошлой ночью, а завтра выведут их на Ямайку. От одной ночи до другой прошла целая вечность. Ну и приключение! Оплаченное, по крайней мере: теперь у Бонда было достаточно доказательств и свидетелей, чтобы пойти к губернатору и потребовать полного расследования по факту загадочной деятельности доктора Но. Как никак, нельзя использовать пулеметы против людей, даже когда они без разрешения вторгаются в частные владения! Если кто и нарушил право частной собственности, так это сам доктор Но в отношении концессии Одюбон. И что это за таинственный «дракон», разгромивший лагерь и, по всей видимости, убивший одного из сторожей? Это тоже надо выяснить. Бонд пытался представить себе, какова будет реакция доктора Но, когда они вернутся на остров на миноносце. Что скрывает этот человек? Чего он боится? Почему он держится за Крэб Ки, да так, что убивает каждого, кто пытается ступить на его землю. Кто такой доктор Но?

Он услышал всплеск воды справа от себя. Тут он вспомнил про девушку. Кто же на самом деле Ханничайлд Ридер? Ну это, по крайней мере, он узнает прежде, чем наступит ночь.

Он надел измятые брюки, сел на песок и разобрал свой пистолет часть за частью. Тщательно протер их рубашкой. Затем патроны — один за другим. Потом снова собрал оружие и проверил курок. Все в порядке. Тогда он зарядил пистолет и вложил его в кобуру на пояс.

Он чуть было не наткнулся на Ханни.

— Идите сюда, — сказала она, — мы умираем с голоду. Ждем только вас... Я вымыла одну миску, и мы положили туда фасоль. На каждого — примерно по горсточке. Ну, а мне не стыдно есть вашу еду, потому что из-за вас мне пришлось работать больше, чем обычно, когда я приезжаю одна. Протяните руку.

Бонд улыбнулся: в темноте голос девушки зазвучал неожиданно властно. Он едва различал стройные очертания ее тела. Он пытался представить себе какие у Ханни волосы, когда они сухие и причесаны, и на кого она похожа в чистой одежде. Почему она не сделала операцию, чтобы выправить свой сломанный нос? Это ведь очень просто. Если бы она решилась на нее, то стала бы одной из самых красивых девушек Ямайки. Он чувствовал ее рядом. Бонд про-

тянул руку и получил причитающуюся ему порцию фасоли.

Вдруг он явственно ощутил тепловатый запах ее тела. Здоровый, немного животный и такой возбуждающий, что не удержался и придвинулся поближе. Он с наслаждением закрыл глаза. Ханни тихонько засмеялась. В этом смехе была и радость, и гордость, и нежность.

— Так не пойдет! — сказала она. И мягко, по-матерински, оттолкнула его.

Глава 11

Было, должно быть, часов восемь вечера. В тишине раздавалось только кваканье лягушек. Совсем рядом Бонд различал тень Куоррела. Послышался металлический щелчок, и Бонд понял, что Куоррел тоже разбирает свой «Ремингтон» для просушки.

Было свежо. Одежда Бонда высохла. Три пригоршни тушенки и фасоли утолили чувство голода. Он совершенно успокоился и его клонило в сон. Завтрашний день как бы отодвинулся дальше в будущее и не представлял для него никаких видимых трудностей, кроме, разве что, больших физических усилий. Итак, жизнь хороша и прекрасна!

Ханни лежала рядом в спальном мешке. Он различал только лишь ее лицо — светлое пятнышко в темноте.

— Джеймс, — тихо сказала она, — вы обещали мне все рассказать сегодня вечером. А то я не засну.

Бонд засмеялся.

— Я расскажу вам все о себе в обмен на ваш рассказ.

— Мне нечего скрывать. Но сперва вы!

— Ладно, — согласился он.

Бонд уселся поудобнее, обхватив колени руками.

— Ну так вот... Я что-то вроде частного детектива. Когда в мире происходит что-нибудь необычное, меня посылают разобраться... Не так давно на Ямайке исчез человек по фамилии Стренжвейз. Он работал в генштабе губернатора. Вместе с ним исчезла и секретарша, хорошенькая девушка... Полагают, что они просто сбежали. Но я так не думаю. Я...

Плохие... хорошие... Бонд рассказывал Ханни историю про большого злого волка. Он старался объяснить ей все как можно понятнее.

— Видите Ханни, — заключил он, — теперь осталось только благополучно вернуться на Ямайку. Втроем, на лодке, следующей ночью. Губернатор будет вынужден выслушать нас, и он пошлет своих солдат, чтобы выяснить всю

подноготную доктора Но, что, безусловно, приведет того в тюрьму. И так как доктор это тоже понимает, он делает все возможное и невозможное, чтобы нас уничтожить. Вот и все. Теперь вы все знаете... Ваша очередь рассказывать.

— У вас, должно быть, очень интересная жизнь,— сказала Ханничайлд.— Но ваша жена, наверно, не очень любит, когда вы отсутствуете. Она не боится, что с вами что-нибудь случится?

— Я не женат,— ответил Бонд.— Если кто и заинтересован в моей судьбе, так это чиновники страховой компании.

— Но у вас ведь есть женщины,— настаивала она.

— Честное слово, их не так много как вы думаете.

— А...— сказала девушка, краснея.

К ним подошел Куоррел.

— Кэп,— позвал он,— если хотите, я буду дежурить первым. Я приду за вами в полночь. Вы сменили меня до пяти часов утра, а затем двинемся в путь. Лучше выйти пока не рассвело.

— Замечательный план,— согласился Бонд.— Но разбуди меня, если заметишь что-нибудь подозрительное. Ты проверил карабин?

— Он в полной боевой готовности,— заверил его Куоррел, широко улыбаясь.

Он пожелал девушке спокойной ночи и исчез в темноте.

— Мне очень нравится Куоррел,— сказала Ханни. И немного подумав, добавила:

— Вы действительно хотите, чтобы я рассказала вам свою историю? Она не так интересна, как ваша.

— Ну да, конечно — ответил Бонд.— И, пожалуйста, ничего не упустите.

— Знаете, история моей жизни уместится на одной почтовой открытке. Я никогда не покидала Ямайку и все время жила в местечке, которое называется Бо Дезер. Знаете, это на северном берегу, возле порта Моргана.

— Надо же как забавно! Мы с Куоррелом как раз там и остановились. Но Бо Дезер не такой уж большой уголок. Я вас там не видел... Вы ведь не на дереве живете...

— Вы, наверно, снимали бунгало,— сказала Ханни.— Я туда никогда не хожу. Я живу в усадьбе.

— Но ведь это же развалины! Несколько камней в зарослях сахарного тростника.

— Я живу в подземелье с самого детства. Мне было пять лет, когда случился пожар и мои родители погибли. Я их не помню. Я жила с няней, негритянкой. Она умерла, когда мне исполнилось пятнадцать, и с тех пор я живу одна.

— Боже мой! — воскликнул Бонд. — У вас нет никого, кто бы мог о вас позаботиться?.. Родители не оставили вам денег?

— Ни сантима.

В голосе Ханни не было ни капли горечи. Только гордость.

— Ридер, — продолжила она, — одна из самых древних семей Ямайки. Земли в Бо Дезер им дал Кромвель в благодарность за верную службу. Мои предки выстроили усадьбу «Грэйт Хауз», и в течение многих веков она принадлежала семье Ридер. Но потом упали цены на сахар, да и, как мне кажется, имением плохо управляли. Поэтому, когда его унаследовал мой отец, оно было заложено, и остались одни долги. А когда мои родители умерли, имение было продано. Мне было не до того: я была слишком маленькой. Нани, кормилица, оказалась удивительной женщиной. Меня хотели удочерить — сначала юрист, потом священник... Но Нани ничего и слышать не хотела. Она собрала все, что осталось от пожара: какую-то мебель, немного серебра, и мы устроились в подземелье. Очень быстро, впрочем, нами перестали интересоваться. Моя няня шила и стирала в деревне. Мы посадили несколько банановых деревьев и развели небольшой огород. А у старого дома росло хлебное дерево. И сахарный тростник — повсюду, вокруг развалин. У нас было немного рыбы, и мы жили, как все простые жители Ямайки. Кормилица научила меня читать и писать. Кроме кое-какой мебели, от пожара уцелела целая куча старых книг. Среди них я отыскала энциклопедию. Когда мне исполнилось восемь лет, я начал с буквы «А», а теперь я на середине буквы «Т»... Я уверена, — заявила она вызывающим тоном, — что о некоторых вещах я знаю гораздо больше, чем вы.

— Несомненно, — согласился Бонд.

Все это походило на сон. Он представил себе развалины огромного дома, а рядом — маленькая девочка с распущенными волосами. И няня-негритянка, которая следит за ней и заставляет учить уроки. Обыкновенные школьные уроки, которые для любой кормилицы ну все равно, что древнегреческий язык.

— Ваша кормилица, должно быть, и впрямь была замечательной женщиной.

— Да, она была просто чудо, — согласилась Ханни. — Я думала, что умру, когда ее не стало. До этого дня я не знала забот. И вдруг поняла, что теперь могу рассчитывать только на себя. Потом вокруг меня стали крутиться мужчи-

ны. Они говорили мне о любви... Я была очень хорошенькая в то время.

— Вы и сейчас очень привлекательны,— возразил Бонд,— вы самая красивая девушка, какую я когда-либо встречал.

— С таким-то носом! — воскликнула она.— Вы что, смеетесь!

Бонд подыскивал слова, которые могли бы ее убедить.

— Поймите меня привильно. Конечно же все видят, что у вас сломан нос. Но вот я, к примеру,— я увидел вас впервые сегодня утром — и я даже не обратил внимания на ваш нос. Когда смотришь на человека, первым делом видишь глаза, очертания губ... словом, то, что придает лицу живое выражение. Сломанный нос все равно, что оттопыренное ухо.. это менее важно, чем все остальное. У вас замечательная внешность, а если бы еще и нос был хорошенький, вы были бы самой красивой девушкой на Ямайке.

— Вы действительно так думаете? — спросила Ханни дрожащим голосом.— Вы искренне полагаете, что я могла бы стать красавицей? Когда я смотрюсь в зеркало, то вижу только сломанный нос. Я ведь в каком-то смысле калека.

— Не говорите глупости! — возразил Бонд.— Вы вовсе не калека. Во всяком случае, достаточно простой операции, и все будет в порядке. Вы поедете в Америку, и через неделю все будет улажено.

— Как вы себе это представляете? — воскликнула она с явным возмущением.— Все, что у меня есть — это пятнадцать ливров, спрятанных под камнем в подвале. У меня три юбки и три блузки — весь мой гардероб. Вы думаете я не справлялась насчет операции? Один врач из Пор-Мория мне все объяснил. Он сказал, что для того, чтобы все было как следует, мне потребуется пятьсот ливров, не считая поездки в Нью-Йорк и платы за место в больнице... Так вот,— заключила она совсем уж отчаявшимся голосом,— где, по-вашему, я возьму такую сумму?

Бонд уже все решил, но ограничился лишь тем, что произнес самым непринужденным тоном:

— Я уверен, что есть масса способов уладить это дело. Но продолжайте вашу историю... Она очень увлекательна. И, по-моему, гораздо интереснее моей. Вы остановились на том, что ваша кормилица умерла. Что случилось дальше? Девушка улыбнулась.

— Вы сами виноваты. Это вы прервали мой рассказ. И вообще, вам не следует так смело рассуждать о том, чего вы не знаете. У вас нет проблем: вы красивы, и люди, конеч-

но же, говорят вам об этом. Любая девушка будет ваша, если вы пожелаете... Все было бы иначе, если бы у вас был нос пуговкой или родимое пятно в пол-лица... Но подождите, когда мы вернемся на Ямайку, я пойду к гадалке и узнаю вашу судьбу. Тогда мы будем квиты.

— У меня другие планы,— сказал Бонд, погладив ее по руке.— Но продолжайте... Я очень хочу услышать конец вашей истории.

— Так вот,— продолжила девушка, улыбаясь,— я должна немного вернуться назад. Все имение, как я уже сказала, это заросли сахарного тростника, а дом был выстроен как раз в центре. Два раза в год люди приходят собирать тростник. И это самое неблагоприятное время для животных и насекомых. Люди разоряют их норы и гнезда и в конечном итоге просто уничтожают их... Они пытаются спастись в руинах дома. Моя кормилица очень боялась, так как там были и змеи, и скорпионы, и прочие ядовитые насекомые. Но мне они никогда не причиняли вреда. Мне кажется, они чувствуют, что я их защищаю. И они как-то умеют сообщать друг другу о надвигающейся опасности, потому что теперь они все взяли привычку прятаться в подвалах дома, как только начинает появляться молодая поросль сахарного тростника. И вы знаете, я их приручила, а также очень много о них узнала. Конечно же, когда сборщики тростника видели меня со змеей вокруг шеи, они очень боялись. И никто меня не трогал. Но вот, однажды, появился незнакомый мужчина. Мне было лет пятнадцать. Это был ужасный человек. Его звали Мэндер.

Ханничайлд съежилась и с трудом продолжила рассказ.

— Этот Мэндер был белым управляющим. Он меня не боялся. Он мне много чего обещал и зазывал к себе в дом на Пор-Мория. Я его просто ненавидела и всегда пряталась, заслышав стук копыт его лошади. Как-то раз ночью он пришел пешком, и я не слышала, как он подошел к дому... Он был пьян. Мэндер тихонько пробрался в подвал, где я спала, и мы подрались, потому что я не хотела делать того, что он хотел от меня. То есть... вы понимаете... то, что делают люди, которые любят друг друга.

— Понимаю,— кивнул Бонд.

— Я пыталась убить его ножом, но он оказался сильнее и ударил меня. Он сломал мне нос. Мне было так больно, что я потеряла сознание. И тогда он сделал то, что хотел... На следующее утро я думала покончить с собой, когда увидела свой нос и поняла, что со мной случилось. Я думала, что у меня будет ребенок. Я бы действительно

покончила с собой, если бы у меня родился ребенок от этого человека. Но, к счастью, этого не произошло. Я сходилa к врачу. Он мне вправил нос, насколько это было возможно без операции и не взял денег. Про остальное я ему не сказала, так как мне было очень стыдно. Мэндер больше не появлялся. Я ждала. У меня уже был план. Я ждала урожая сахарного тростника, когда мои друзья придут ко мне в укрытие, как обычно. Как только они появились, я поймала самого большого скорпиона — самку — и положила ее в коробку. И вот, ночью, когда не было луны, я взяла коробку подмышку и направилась к дому Мэндера. Я спряталась в кустах у него в саду и стала ждать пока он не ляжет спать. Затем я забралась на дерево рядом с домом и залезла на балкон. И едва заслышав его храп я открыла коробку... Он спал совершенно раздетый под марлевой сеткой. Когда я собралась уходить, скорпион сидел у него на животе... Я слезла с дерева и вернулась домой.

— Боже милостивый! — воскликнул Бонд. — Что с ним произошло?

— Он умирал ровно неделю, — ответила Ханни совершенно спокойно. — Он, должно быть, очень страдал.

Видя, что Бонд больше никак не реагирует на ее слова, она спросила озабоченно:

— Вы думаете, я плохо поступила?

— Хорошо бы это не вошло у вас в привычку. Но принимая во внимание все обстоятельства, я думаю, вас нельзя осудить. Что произошло дальше?

— Я стала жить так же, как и прежде. Только я пыталась заработать денег, чтобы привести свой нос в порядок. Вы знаете, у меня был очень красивый нос. Вы думаете, что когда-нибудь он станет таким как был?

— Конечно же! — сказал Бонд без тени сомнения. — Вам могут сделать такой нос, какой вы пожелаете. А каким образом вы стали зарабатывать деньги?

— В энциклопедии я прочла, что некоторые коллекционеры собирают редкие ракушки. Я поговорила с учителем, и он сказал мне, что есть один американский журнал — «Наутилус» — специально для людей, которые покупают и продают ракушки. У меня как раз была нужная сумма на подписку. И я стала читать объявления о покупке некоторых редких экземпляров. Я написала одному торговцу на Майами, и он пообещал мне покупать все, что его заинтересует. Поначалу я плохо разбиралась и наделала много глупостей. Мне казалось, что люди ищут самые красивые ракушки. Но это не так... Представьте себе, — прошептала

она, — в большинстве случаев они покупают как раз самые безобразные! Затем, когда я научилась находить то, что нужно, я чистила и полировала эти ракушки, чтобы они выглядели лучше. Это была вторая ошибка. Коллекционеры собирают раковины в том виде, в каком они находятся в море: с моллюском внутри и всем остальным... И вдруг мне повезло. Как раз накануне Рождества я нашла на Крэб Ки пурпурные ракушки, за которые дают пять долларов за штуку. Но торговец взял с меня обещание держать в тайне место, где я их отыскала, чтобы не сбить цену. Это была такая удача, как если бы я наткнулась на золотую жилу. Думаю, лет через пять у меня будет достаточно денег, чтобы сделать операцию. Поэтому-то я с таким недоверием отнеслась к вам, когда увидела вас с Куоррелом на пляже.

— А я-то подумал, что вы любовница доктора Но!

— Благодарю покорно! — сказала Ханничайлд, поджав губы.

— А что вы будете делать после операции? Не собираетесь же вы всю жизнь оставаться в подвале в полном одиночестве?

— Я буду «девушкой по вызову», — уверенно ответила Ханни.

Это «девушка по вызову» прозвучало в ее устах так, словно речь шла о секретарше или бонне.

— Вот как! — сказал Бонд. — А как вы это себе представляете — быть «девушкой по вызову»?

— Вы же знаете. Это женщина, которая живет в роскошной квартире и имеет красивые платья. Понимаете, что я хочу сказать... Ей звонят по телефону: она приходит, занимается любовью с клиентом, и он ей за это платит. В Нью-Йорке за визит дают сто долларов... Я хочу попробовать. Наверное, для начала нужно соглашаться и за меньшую сумму, пока я не овладею мастерством... Вот вы, к примеру, сколько платите?

Бонд рассмеялся.

— Я и понятия не имею, сколько это стоит.

Она вздохнула.

— Ну да, конечно, вам не нужно платить женщинам. Платят только уроды. Но что вы хотите, нужно ведь и через это пройти. В большом городе любая работа достаточно противна. Так лучше уж быть «девушкой по вызову», по крайней мере, платят хорошо. А когда я стану богатой, я вернусь на Ямайку, выкуплю Бо Дезер, найду хорошего мужа и обзаведусь детьми... Хорошая перспектива, не правда ли?

— Последняя часть мне нравится больше. О первой я этого сказать не могу. Скажите, откуда вы узнали о такой профессии? Неужели из энциклопедии на букву «Д»?

— Ну какой же вы идиот! Два года назад в Нью-Йорке было целое дело по поводу этих самых «девушек по вызову». Я прочла об этом в «Глинер»... Там были указаны цены и все прочее...

— Не думаю, что эта работа придется вам по вкусу. Послушайте, с вашими познаниями в области животных и насекомых вы легко найдете работу в каком-нибудь американском зоопарке или в институте на Ямайке, я уверен... И вы встретите мужчину, который вам понравится. Вы красивые и должны беречь себя для того, кого полюбите.

— Это только в книгах так написано,— сказала Ханни с сомнением.— Самое ужасное, что я еще ни разу не встретила на Ямайке мужчину, который бы мне понравился. Вы первый англичанин, с которым я вообще разговариваю,— призналась она, краснея.— Вы мне сразу понравились. И мне было не стыдно рассказать вам правду.

— Вы удивительная девушка,— сказал Бонд.— Я это понял, как только увидел вас.

— Когда вы увидели мой зад,— поправила она устало.

— О, со спины вы смотрите просто великолепно,— согласился Бонд.— Да и спереди тоже...

Они замолчали.

Бонд тряхнул головой и проговорил угрюмо:

— Ладно, Ханни, пора спать. У нас будет время обо всем поговорить на Ямайке.

— Да, действительно,— сказала она.— Вы обещаете, что мы с вами еще увидимся на Ямайке?

— Обещаю, Ханни,— сказал Бонд.— А теперь, спокойной ночи.

Вокруг царила полная тишина. Становилось прохладно. Бонд прижал колени к груди. Только не заснуть! Вдруг он почувствовал как его тянут за рукав.

Тоненький голосок произнес:

— Почему вы не спите? Вам холодно?

— Нет, мне хорошо.

— Знаете, в спальном мешке очень тепло. Не хотите забраться ко мне? Есть место.

— Нет, Ханни, спасибо. Мне и так неплохо.

Снова молчание. Затем Ханни прошептала:

— Вы не думайте... Я хочу сказать... Вы не обязаны заниматься любовью со мной, если не хотите.

— Ханни, малышка, вам нужно спать. Это было бы замечательно, но не этой ночью... И потом, я с минуты на минуту должен сменить Куоррела.

— Понимаю,— ответила она грустно.— Тогда, может быть, на Ямайке?

— Может быть...

— Обещайте мне! А то я не засну.

— Ну хорошо, обещаю вам,— сказал Бонд, отбросив последние сомнения.— А теперь спать!

— Вы пообещали, вы пообещали,— напевала она торжествуя.— Спокойной ночи, Джеймс, милый.

— Спите спокойно, Ханни, дорогая моя.

Через минуту Ханни спала глубоким сном, как ребенок. На ее спокойном и умиротворенном лице блуждала нежная улыбка.

Глава 12

Бонда похлопали по плечу. Он сразу же вскочил.

— Быстро,— прошептал Куоррел.— К нам что-то движется по воде, кэп. Это дракон.

Ханни зашевелилась в спальном мешке.

— Что случилось? — прошептала она испуганно.

— Не двигайтесь, Ханни, я сейчас вернусь,— сказал Бонд.

Он бесшумно бежал за Куоррелом по песку. Они подбежали к мысу и остановились за кустами. Бонд осторожно раздвинул ветви.

Меньше чем в километре бесформенный предмет с двумя оранжевыми глазами двигался по воде прямо на них. Меж глаз, чуть пониже, плясал синий огонек. Ночь была очень светлой, и можно было разобрать очертания огромной головы, возвышавшейся над двумя короткими крыльями, как у летучей мыши. Это «нечто» издавало глубокий ритмичный гул.

— Боже мой, кэп! — простонал Куоррел.— Это дракон.

— Да нет,— бросил Бонд отрывисто.— Это что-то вроде трактора, замаскированного под чудовище. Во всяком случае, я ничего не слышал о драконах с дизельным мотором... Бежать бесполезно — он нагонит нас в два счета. Нужно ждать его здесь... Посмотрим, какие у этой машины могут быть слабые места. Водители — раз. Они, должно быть, хорошо защищены. Так... Куоррел, ты начинаешь стрелять в

голову — это, наверняка, кабина. Как только они будут в ста метрах от нас. Целься хорошенько и стреляй без остановки. Я займусь фарами. И шинами. Это вероятно, авиационные шины. Ты остаешься здесь... Я отойду в сторону... Готов?

И ласково шлепнув его по спине, добавил:

— И ничего не бойся. Это не дракон, а всего лишь очередная игрушка доктора Но. Мы убьем водителей и завладеем машиной. Таким образом мы выиграем время, чтобы добраться до лодки... Порядок?

— Порядок, кэп. Раз вы так говорите... — прошептал Куоррел стойчески. — Но только бы, Боже Всемогущий, я тоже был уверен, что это не дракон!

Пригнувшись, Бонд побежал обратно. Он тихонько позвал:

— Ханни!

— Да, Джеймс, — отозвалась она с некоторым облегчением в голосе.

— Сделайте ямку в песке и спрячьтесь. За самыми густыми кустами. И главное — не двигайтесь и ничего не бойтесь. Это не дракон, а всего лишь замаскированная машина доктора Но. Я буду рядом.

— Хорошо, Джеймс, — сказала Ханни дрожащим голосом. — Будьте осторожны.

Бонд сел на корточки в кустах. Адская машина была уже в двухстах метрах, и свет ее желтых глаз отражался на песке. Пасть изрыгала синий огонь. Теперь была видна огромная челюсть золотистого цвета. Внутри, по-видимому, установлен огнемет, что и объясняет обожженные кусты и всю эту историю с чудом спасшимся охранником.

В глубине души Бонд вынужден был признать, что эта машина действительно имела весьма устрашающий вид. Отличное средство против местных туземцев. Но против вооруженных и отчаянных парней...

В ночи послышался первый щелчок карабина Куоррела. Пуля всего лишь звонко ударилась о кабину. Куоррел выстрелил снова. Пули отскакивали от кабины, словно безобидные детские игрушки. Куоррел стрелял без остановки.

Машина даже не замедлила ход. Только свернула в сторону Куоррела.

Бонд тщательно прицелился. Выстрелил — и одна фара разбилась вдребезги. Он выстрелил четыре раза и только на пятый попал в другую. Но эту чертову штуку ничто не брало, она двигалась прямо на Куоррела. Бонд перезарядил револьвер и принялся стрелять по шинам. Они уже были не

более, чем в двадцати метрах. Бонд готов был поклясться, что всадил в них, по крайней мере, четыре пули. Хоть бы что...

А если они из сплошной резины? И тут ему в первый раз стало страшно. Он снова зарядил револьвер. Может, попробовать сзади? Обойти эту штуку... Он сделал шаг, всего один — и вдруг — короткая вспышка озарила ночь желтовато-синим пламенем. И... крик, душераздирающий крик, переходящий в хрипение. Машина остановилась, нацелившись прямо на Бонда. Застыв от ужаса, он приготовился к самому худшему. Он даже разглядел тоненькую красную ниточку внутри огнемета. Он представил себе изуродованное тело Куоррела, так как самого Куоррела на этом свете уже не существовало. На секунду он представил себе маленькую кучку на песке — все, что от него осталось. Теперь его очередь. Вскрик и... очередь Ханни. Вот куда он завел своих спутников... Со своим полным спокойствием и абсурдной верой в себя! Он сжал зубы. «Торопитесь, мерзавцы, я-то уж не закричу».

Застрекотал громкоговоритель:

— Выходи, парень... Девчонка тоже... И побыстрее! Или вас зажарят, как того приятеля.

В качестве доказательства последовала короткая вспышка. Бонд отступил, буквально задохнувшись от огня. Он наткнулся на Ханни.

— Я должна выйти, я должна выйти! — завывала она.

— Спокойно, Ханни, — сказал Бонд невозмутимо. — Стойте у меня за спиной.

Решение принято. Даже если их убьют, то, по крайней мере, не таким ужасным способом. Он взял девушку за руку и поднял руки вверх.

— Отлично! Не двигайтесь! — завыл металлический голос. — Бросай оружие и не выпендривайся!

Бонд повиновался.

— Не беспокойтесь, Ханни, — сказал он. — Мы что-нибудь придумаем.

Он прекрасно знал, что **это** ложь. Он услышал, как открылась бронированная дверь. Оттуда вышел человек и направился к ним. В руках он держал револьвер. Он отошел в сторону от огнемета. Отблеск света упал на его потное лицо — лицо желтокожего негра. Это был высокий детина в джинсах, голый по пояс. В руках у него что-то бряцало. Когда он подошел поближе, Бонд увидел, что это наручники. Человек остановился в метре от них.

— Отцепитесь друг от друга! — рявкнул он. — Теперь

поднимите руки, запястья вместе. И идите ко мне. Ты — первый. И полегче, а то мы устроим тебе праздничный фейерверк.

Бонд подчинился. Подойдя, он почувствовал кислый запах пота. Человек взял револьвер в зубы и защелкнул наручники на запястьях Бонда.

— Эх ты, дурик! — засмеялся он.

Бонд развернулся и медленно пошел прочь. Ему нужно было посмотреть на Куоррела. Сказать ему «прощай».

Раздался выстрел, и пуля просвистела по песку у ног Бонда. Он остановился и медленно повернул голову.

— Не надо нервничать, — сказал он, — я только хочу посмотреть на человека, которого вы только что угробили. Я сейчас вернусь.

— Ладно, — разрешил тот, опуская револьвер. — Иди, позабавься, но тотчас же возвращайся, иначе мы поджарим девчонку. Я даю тебе две минуты.

Бонд направился прямо к выжженным кустам. Он опустил голову. Это было еще хуже, чем он мог себе представить. Он тихо прошептал:

— Прости, Куоррел.

Он нагнулся, зацепил горсточку песка связанными руками и высыпал его на то, что было глазами Куоррела. Затем он неспеша вернулся назад и встал рядом с Ханничайлд.

Жестом человек пригласил их следовать за ним. Они обошли так называемого дракона. Сзади была маленькая квадратная дверь. Изнутри чудовища послышался голос:

— Входите и садитесь на пол. Ничего не трогайте, а то пожалеете.

Они прижались друг к другу в тесной железной кабинке. Она вся была пропитана запахом пота и бензина. Им едва хватило места сесть на корточки.

Человек с револьвером последовал за ними захлопнул дверь. Он нажал одну из кнопок и сел на сиденье рядом с водителем.

— Порядок, Сэм, — рявкнул он, — поехали. Выключи огнемет.

Водитель взял управление, и Бонд почувствовал как машина развернулась и тронулась с места.

— Куда они нас везут? — жалобно прошептала Ханни.

Бонд повернул голову и посмотрел на нее: лицо ее было совершенно белым от страха. Он пожал плечами с самым беззаботным видом, хотя это не соответствовало тому, что он ощущал в действительности.

— Я думаю,— прошептал он в ответ,— нас ждет свидание с доктором Но. Не волнуйтесь, Ханни, эти люди всего лишь мелкие гангстеры. А с доктором все будет по-другому. Во всяком случае, не раскрывайте рта: я буду говорить за двоих.

Он прижался к ее плечу.

— Мне нравятся ваши волосы,— сказал он.— Вы правильно сделали, что не подстригли их слишком коротко. Лицо Ханни несколько расслабилось.

— Как вы можете думать об этом в такую минуту? — сказала она, пытаясь изобразить улыбку.— Но мне все равно приятно это слышать. Вы знаете, я мою волосы молоком кокосового ореха раз в неделю.

При воспоминании о своей прежней жизни глаза ее наполнились влагой. Чтобы скрыть слезы она нагнула голову и закрыла лицо руками.

— Я постараюсь держаться,— пробормотала она.— Пока вы рядом, мне не страшно.

Бонд разглядывал наручники. Доктор Но ни в чем себе не отказывал. Последняя модель американской полиции.

Он сжал левую руку — она была чуть тоньше правой — и попытался выскользнуть из стального круга. Но все усилия были напрасны: ничего не вышло.

Водитель и его компаньон сидели молча на своих местах. Спинной к своим узникам, так как полностью были уверены в успехе. Бонда бесило их спокойствие. Новички в этом деле ведут себя иначе — матерятся, угрожают, издеваются. По крайней мере — держат своих пленников на прицеле. Эти же знали себе цену. Они понимали, что Бонд целиком и полностью находится в их власти. Они не поздравляли друг друга с успехом, не жаловались на усталость. Ни слова о том, куда они едут. Спокойно, как заправские работяги, они завершали свою работу. Профессионалы, ничего не скажешь...

Бонд был под сильным впечатлением от мастерства и организации, которые стояли за всем этим. Он знал, что вскоре ему предстоит встреча с доктором Но, и он узнает в чем тут дело. Но это ни на шаг не приблизит их к свободе.

Он горько усмехнулся. Он прекрасно понимал, что его ждет страшная смерть. Если только ему не удастся убежать. А Ханни? Сможет ли он доказать непричастность девушки и добиться, чтобы ее отпустили? Может быть. Но ей не дадут покинуть остров. Она, по всей видимости, станет любовницей или женой одного из людей, а может и самого доктора Но, если тому понравится.

Его мысли были прерваны звуком мотора. Характерный звук, при переходе на другой режим работы. Бонд догадался, что они вышли на твердую почву. Они ехали по дороге, ведущей к шалашам рабочих. Пять минут, и они на месте.

Один из людей обернулся и посмотрел на Бонда и девушку.

Бонд любезно улыбнулся.

— По-моему, вы заслужили медаль, — пошутил он.

Темные глаза уставились на него без всякого выражения.

— Заткнись, сволочь, — сказал тот сквозь зубы.

— Почему они такие грубые? — прошептала Ханни. — И за что они нас так ненавидят?

— Я думаю, — сказал Бонд, — что они нас боятся. А главное, не могут нам простить, что мы их не боимся. Собственно, что и следует делать в подобной ситуации.

Девушка сильнее прижалась к нему.

— Я постараюсь вам во всем подражать, — сказала она уверенно.

В кабину проникал грязноватый серый свет. Новый день был на подходе: опять жара, обжигающий ветер и вонь от потных тел. Куоррел, великан Куоррел его уже не увидит. Бонд вспомнил о страховке. Куоррел словно предчувствовал, что идет на смерть, но слепо последовал за Бондом, не задав ни единого вопроса. Его вера в Бонда оказалась выше всех опасений. А Ханничайлд? Ее ждет та же участь. И все из-за него!

Водитель включил сирену. Затем взял микрофон. Его голос эхом отозвался в громкоговорителе.

— Все в порядке. Мы схватили парня и девушку. Третий мертв. Кончено.

Железная дверь медленно повернулась на петлях. Они проехали еще несколько метров, и водитель выключил двигатель. Струя свежего воздуха ворвалась в кабину. Грубые руки схватили Бонда и мягко поставили на землю. Он почувствовал дуло револьвера у поясицы. Сзади кто-то сказал:

— Стой на месте и не рыпайся!

Он обернулся. Еще один полунегр-полукитаец такого же внушительного размера, как и его приспешники. Его холодные глаза взирали на Бонда с явным любопытством.

Другой человек подтолкнул Ханни. Бонд гаркнул решительным голосом:

— Оставьте ее!

И твердым шагом подошел и встал рядом с девушкой. Оба китайца, казалось, удивились. Они топтались на месте.

Бонд огляделся. Они находились в гараже, который одновременно служил мастерской. «Дракон» стоял на эстакаде. На верстаке валялся разобранный подвесной мотор. Под потолком — неоновые лампы. Воняло бензином. Водитель с приятелем в последний раз оглядели машину и подошли к остальным.

— Как прошло? — спросил один из них. Водитель, должно быть старший по чину, ответил небрежно:

— Настоящий фейерверк. Разбиты фары, да и шины начинены пулями. Одну мы вытащили. Что касается этих двоих, мне приказано отвести их сами знаете куда... Потом я иду спать.

Он повернулся к Бонду:

— Пошел!

— Сам пошел! — сказал Бонд, — и будь повежливее. А своим гориллам скажи, чтобы убрали пушки, а то они могут покалечить друг друга.

Человек приблизился. Остальные трое встали вокруг. Глаза их налились кровью. Старший огромным кулаком съездил Бонду по носу. При этом сам едва удержался на ногах.

— Честное слово, — процедил он сквозь зубы, — праздник движется к финалу! В прошлый раз их мучали целую неделю. Попался бы ты мне!..

Он посмотрел на девушку с видимым злорадством. Он ничего не сказал, но в этом взгляде было все. Другие тоже посмотрели на Ханни. Все трое были похожи на детей — троих детей-монстров перед нарядной новогодней елкой.

Подумав, что не стоит больше пугать девушку, Бонд сказал:

— Ладно, вас четверо, а нас двое, да еще руки связаны. Пошли. Только не толкайтесь: доктору Но это может не понравиться.

При этом имени все четверо побледнели. Шеф посмотрел на Бонда, судорожно соображая, не допустил ли он, случаев, ошибку. Не был ли этот человек со связанными руками еще круче его патрона. Он хотел что-то сказать, но замаялся и буквально выдавил из себя:

— Мы пошутили. Не так ли, ребята?

— Конечно! — закивали трое с испуганными лицами.

— Прошу вас, мсье, — сказал старший и вежливым жестом указал Бонду, куда идти.

Он повел Ханни за собой. Он был просто ошарашен от

того, какое впечатление произвело на этих верзил одно лишь упоминание о докторе Но. Надо будет взять на заметку. Ему еще придется разбираться с людьми этого загадочного человека.

Они оказались перед бревенчатой дверью. Старший нажал на кнопку два раза и подождал.

Дверь распахнулась, и Бонд увидел длинный коридор, метров в десять, устланный ковровой дорожкой. В глубине виднелась другая дверь кремового цвета.

Старший отошел в сторону, пропуская их вперед.

— Идите прямо, мсье,— сказал он.— Постучите в дверь. Вас встретят.— В его голосе не было и тени иронии.

Бонд повел за собой Ханни, и дверь за ними захлопнулась. Он остановился и посмотрел на девушку.

— Все в порядке, Ханни? — спросил он ласково.

— Как приятно ступать по ковру,— сказала она, немного осмелев.

Кончиком пальца он погладил ее по руке. Они вместе подошли к кремовой двери и постучали. Дверь бесшумно раскрылась. Бонд вошел первым и остановился. Девушка за ним.

Глава 13

Они оказались как бы в шикарном холле самого фешенебельного небоскреба Нью-Йорка. Это была большая зала с обивкой приятного серого цвета. Весь пол был застлан пушистым красным ковром. Современные лампы освещали комнату мягким приятным для глаза светом. На стенах — прекрасные копии «Танцовщиц» Дега. Справа от Бонда изящная стойка с яркой кожаной обивкой. На ней — несколько предметов из такой же кожи и последняя модель интерфона. Два кресла с высокими спинками явно поджидали клиентов. На другом конце комнаты — низенький столик. На нем небрежно разбросаны роскошные журналы и каталоги. Пышные тропические цветы в вазонах источали тонкий аромат. В комнате находились две женщины.

За стойкой, склонившись над бумагами, сидела китаянка с умным выражением лица в очках с черепаховой оправой. Густые черные волосы были коротко подстрижены по последней моде. Она улыбалась. Дежурная улыбка вышколенного метрдотеля высшей категории: разумная, услужливая и слегка испытующая. Женщина постарше держала дверь, в которую они только что вошли. Она ждала, когда они сде-

дают несколько шагов вперед, чтобы, не дай Бог, не задеть кого-нибудь. Тип почтенной матроны. Тоже с примесью китайской крови. Она держалась очень грациозно, но вид у нее был скорее добродушный — бонна из добропорядочного семейства. Обе — в белоснежных одеждах, белых чулках и накрахмаленных головных уборах, как в самых шикарных институтах красоты Америки. Прекрасная гладкая кожа, но все же, слегка бледная, как у людей, которые редко выходят на улицу.

Пока Бонд озирался по сторонам, женщина, открывшая дверь, произнесла несколько общепринятых фраз, означающих приветствие. Можно было подумать, что они попали в бурю и их давно и с нетерпением ждут.

— Бедные мои,— сказала дама с симпатией,— мы так боялись, что вы до нас не доберетесь! Нас предупредили, что вы в дороге, но мы действительно очень беспокоились. Мы ждали вас вчера вечером к чаю. Нас только полчаса назад предупредили, что вы будете к завтраку. Вы, должно быть, сильно проголодались?

Элегантная матрона прервалась на секунду, чтобы перевести дыхание. Затем тем же изысканным тоном она продолжила:

— Подойдите, пожалуйста, вы поможете сестре Роуз заполнить карточки прибытия, а затем немедленно отдыхать. Вы совершенно без сил, я уверена.

Она подвела их к креслам и сказала:

— Позвольте представиться. Я сестра Лайли, а это — сестра Роуз. Она задаст вам несколько вопросов. Хотите сигарету?

Она протянула открытую кожаную коробку с тремя отделениями.

— Американские, Плейерс, турецкие?

Бонд поднял скованные руки. Сестра Лайли с ужасом воскликнула:

— О, сестра Роуз, дайте мне скорее ключ! Сколько раз я просила, чтобы клиентов не приводили в таком виде. Внешний персонал просто невозможен.

Сестра Роуз, казалось, тоже очень смущена. Она поспешно раскрыла две пары наручников и с отвращением бросила их в корзину для бумаг, словно это не наручники, а грязные бинты.

— А теперь я обещаю вам оформить все как можно быстрее. Ваше имя, пожалуйста, мсье?..

— Брайс. Джон Брайс.

— Адрес?

— Королевское зоологическое общество Реджент Парк, Лондон, Англия.

— Профессия?

— Орнитолог.

— Боже мой, не могли бы вы произнести по буквам, пожалуйста?

Бонд выполнил ее просьбу.

— Цель визита?

— Птицы, — ответил Бонд коротко. — Я представитель общества Одюбон из Нью-Йорка. У них концессия на этот остров.

— В самом деле? — спросила сестра Роуз, не поднимая глаз.

Она в точности записывала то, что говорил Бонд.

— А вы, мадам?

С услужливой улыбкой она перевела взгляд на Ханничайлд.

— Это ваша супруга? Она тоже интересуется птицами?

— Да, конечно, — ответил Бонд.

— Ваше имя?

— Ханничайлд.

— Какое восхитительное имя! — воскликнула сестра Роуз.

— Ваши самые близкие родственники, и это все.

Бонд назвал подлинное имя «М», в качестве дяди. Генеральный директор по импорту-экспорту, Реджент Парк, Лондон.

Сестра Роуз заполнила формуляр и подняла наконец глаза.

— Я вам очень признательна, мистер Брайс, — сказала она. — Надеюсь, вам у нас понравится.

Подошла сестра Лайли.

— А теперь, дорогие мои, пойдёмте со мной. О Боже, я забыла номера их комнат!

— Это по кремовому коридору, — подсказала сестра Роуз. — Номер четырнадцать и пятнадцать.

— Ах да, спасибо, дорогая. Пожалуйста, прошу вас. Идти нужно довольно далеко. Доктор часто заговаривает о том, что надо установить скользящую дорожку, но вы же знаете... деловой человек, — сказала она с веселым смешком в голосе. — У него столько идей в голове!

— Да, конечно, — вежливо согласился Бонд.

Он взял Ханни за руку, и они пошли следом за сестрой Лайли. Они шли нескончаемыми коридорами по ковровым дорожкам. На стенах — изящные бра. Бонд вежливо под-

держивал разговор. Но мысли его были заняты другим — приемом, который им был оказан на самом высшем уровне. Он готов был поклясться, что обе сестры были совершенно искренни. Он не почувствовал фальши ни в голосе, ни в жестах. Отсутствие резонанса в комнате, а затем в коридорах подтверждало его догадку, что они находятся под холмом. Шли они на восток, по направлению к утесу, которым заканчивался остров с этой стороны. Вентиляция работала отлично: на стенах ни единого следа плесени, что часто бывает в подземных строениях. Бонд прикинул во что это обошлось доктору — выстроить такой подземный дворец. И это не считая отличного технического оснащения.

Бледность обеих женщин доказывала, что они, должно быть, всю жизнь провели под землей. По словам сестры Лайли они составляли внутренний персонал, который не имел никакого отношения к людям наверху. Они, казалось, даже не в курсе, что там наверху происходит, и чем там ребята занимаются.

«Все это очень забавно», — заключил он про себя. Но это очень опасные забавы. Так или иначе, внутри гораздо приятнее, чем снаружи...

Длинный коридор заканчивался дверью. Сестра Лайли позвонила. Их уже ждали, так как дверь тотчас же отворилась. Восхитительная китаянка в цветастом кимоно встретила их на пороге и низко поклонилась. На лице — та же приветливая улыбка. И та же бледность: нежный полураскрывшийся цветок.

— Ну вот и они наконец, Мэй! — крикнула сестра Лайли. — Позвольте представить вам мсье и мадам Брайс. Они очень устали, поэтому давайте сразу же проводим их в комнаты. Там они и позавтракают, и отдохнут.

Она повернулась к Бонду.

— Это Мэй... Она просто ангел. Она позаботится о вас обоих. Ну а если вам что-нибудь будет нужно от меня, звоните. Все наши пациенты просто без ума от Мэй... Вам здесь будет хорошо.

«Пациенты», — подумал Бонд. Вот уже второй раз она произносит это слово!

— Рад с вами познакомиться, Мэй.

Мэй улыбнулась в ответ и сказала бархатным голосом:

— Я надеюсь, вам здесь понравится. Вам и вашей супруге, мистер Брайс. Я позволила себе заказать вам завтрак, как только узнала о вашем прибытии. Пожалуйста, следуйте за мной...

Она повела их по другому коридору — бледно-розовые стены и серый пушистый ковер. По обе стороны — двери с номерами. Мэй открыла дверь четырнадцатого номера, и они вошли за ней следом.

Это была чудная спальня с мебелью из бамбука. На белоснежном ковре отчетливо выделялись кресла, обитые кретоном с крупными красными розами. Еще одна дверь вела в мужскую спальню, а та, в свою очередь, в супер-роскошную ванную комнату. Как в самом дорогом отеле Флориды, если бы не две детали: комнаты были без окон, и с внутренней стороны двери отсутствовала ручка...

Мэй переводила взгляд с Бонда на Ханничайлд. В глазах ее светилась надежда.

Бонд улыбнулся ей в ответ.

— Я уверен, что нам здесь будет очень хорошо.

Раздался робкий стук в дверь, и показалась другая девушка, такая же красивая как и Мэй. В руках она держала поднос. Она поставила его на маленький столик в центре комнаты и придвинула два стула. Отработанным жестом сняла белоснежную батистовую салфетку и бесшумно вышла из комнаты. От подноса исходил неотразимый аромат кофе и поджаренного бекона.

Мэй и сестра Лайли удалились. Сестра Лайли сочла своим долгом по-матерински сказать им несколько слов на прощанье.

— Теперь, дорогие мои, мы не будем вам мешать. Если что-нибудь будет нужно — звоните. Кнопки рядом с кроватью. О, я совсем забыла! В шкафу вы найдете чистую одежду. Это китайская одежда, но по размеру вам подойдет. Нам сообщили ваши размеры вчера вечером. Доктор распорядился, чтобы вас не беспокоили. Он был бы очень рад, если бы вы оказали ему удовольствие отужинать с ним сегодня вечером. А пока вы вправе распоряжаться своим временем. Устраивайтесь.

Она замолчала, затем спросила озабоченно:

— Так я могу сказать, что вы...

— Да, конечно,— перебил ее Бонд.— Вы можете сказать доктору, что мы охотно примем его предложение.

— О! Он будет так рад, так рад,— заохала сестра Лайли.

Поклонившись, женщины вышли и закрыли за собой дверь.

Бонд повернулся к Ханни. Она была сильно смущена и избегала смотреть ему в глаза. И вдруг ему пришло в голову, что она ни разу в жизни не видала такой роскоши и

столь изысканный прием нагнал на нее еще больше страху, чем дракон предыдущей ночью.

Она стояла, как столб, в своем дикарском наряде, и не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Лицо ее все было покрыто пылью, потом и морской солью. Голые ноги по колено вымазаны грязью, а большие пальцы судорожно впились в густой пушистый ковер.

И тут он весело рассмеялся, подумав, какую забавную картину являли они оба: она в своем отрепье, а он — в грязной рубашке и рваных джинсах.

Он взял ее за руки. Они были совсем холодные.

— Ханни,— сказал он,— мы похожи на два огородных пугала. Но это неважно. Самое главное — решить, что мы будем делать сначала: завтракать или мыться. Если второе, то завтрак остынет. Обо всем остальном не беспокойтесь. Завтрак превыше всего.

Она продолжала задумчиво улыбаться. Ее голубые глаза вопросительно уставились на Бонда.

— Вы не боитесь того, что с нами может произойти? Вам не кажется, что это ловушка?

— Ну конечно же это ловушка! — сказал Бонд тоном фаталиста,— и мы в нее уже попались! Ханни, свыкнитесь с мыслью, что мышеловка захлопнулась и единственное, что мы можем сделать — это съесть сыр. Так холодный или горячий?

Бонд снова взял ее за руки и продолжил уверенным тоном:

— Прошу вас, Ханни, не думайте ни о чем. Предоставьте это мне. Вспомните, где мы были еще час назад. Теперь ведь гораздо лучше? Ну так решайте: ванна или завтрак?

— Если вы думаете...— начала она.— Я хочу сказать... Ладно, лично я предпочитаю сперва помыться. Но вы должны мне помочь. Я ни разу в жизни не пользовалась всеми этими предметами,— она кивнула в сторону ванной комнаты, где поблескивали разные краники.

— Это очень просто,— сказал Бонд, ничуть не смутившись.— Я все приготавливаю. А пока вы будете принимать ванну, я позавтракаю. И закрою вашу порцию, чтобы она не остыла.

В стенном шкафу нашлось с полдюжины шелковых и хлопчатобумажных кимоно. Бонд взял одно из них и протянул Ханни.

— Спасибо, Джеймс,— промолвила она.

И начала расстегивать блузку. Бонду очень хотелось обнять ее и целовать до потери сознания. Но он подавил же-

лание и пошел в ванную комнату. Там было все, что нужно: морская соль для ванн, душистое дорогое мыло и туалетные принадлежности самого лучшего качества.

В зеркале он увидел отражение: бронзовое от загара тело на фоне белоснежного интерьера.

Не успел он шевельнуться, как Ханничайлд подбежала к нему и стала покрывать страстными поцелуями его волосы, лицо, руки... Сердце ее бешено колотилось. Он привлек ее к себе. Она прошептала ему на ухо:

— В кимоно я буду выглядеть смешной, без него лучше... И потом, вы же сказали им, что мы муж и жена.

У нее были нежные и теплые груди. Всем своим худеньким телом она прильнула к нему.

«Почему бы и нет? — сказал себе Бонд. — Почему? Нет! Только без глупостей! Сейчас не время. Мы стоим на пороге смерти, и не стоит рисковать. Нельзя дать себе расслабиться. Не поддавайся, будь тверд».

Мягко, но решительно он отстранил девушку. Он едва коснулся ее розовых губ. Затем оттолкнул. Какое-то время они смотрели друг на друга, не в силах отвести глаз. Ханни тяжело дышала, губы ее раскрылись, показывая ослепительной белизны зубы.

— Ханни, — сказал Бонд глухо, — залезайте в ванну, пока я вас не отшлепал!

Она улынулась и, не говоря ни слова, ступила в ванну и растянулась в воде. Краешком глаза она наблюдала за ним.

— Джеймс, — заговорила она, — вы должны меня помыть... Я не умею... Покажите мне, как это делается.

— Замолчите, Ханни, — рассердился Бонд. — Берите мыло, губку и трите! Сейчас совсем не время заниматься любовью, поймите. А я пойду завтракать, — сказал он, угловаривая скорее себя, чем ее.

Он взялся за ручку двери и решительным жестом распахнул ее.

— Джеймс, — пролепетала она ласково.

Он повернулся. Ханни показывала ему язык. Он сердито улыбнулся и хлопнул дверью.

Сердце его бешено колотилось. Он заставил себя успокоиться и выбросить Ханни из головы. Нужно было проверить возможные пути бегства из этих роскошных апартаментов. Сначала он стал искать что-нибудь, что могло бы послужить оружием. Затем встроенные микрофоны и другие ловушки. Ничего. Электронные часы на стене показывали половину девятого. У кровати — ряд кнопок с надписями: парикмахер, маникюрша, горничная... Телефона нет. В углу,

под самым потолком — маленький вентилятор. Слишком маленький, к сожалению. Двери сделаны из легкого металла и покрашены в тот же цвет, что и стены. Бонд изо всех сил навалился на дверь плечом. Она даже не шелохнулась. Он потер плечо. Да... хорошенькая тюрьма! Но все же тюрьма... Ничего не поделаешь. Он уселся за стол и принялся за еду. Из ванной комнаты раздавался тоненький голосок — Ханни напевала популярную песенку. Бонд мысленно заткнул уши и накинулся на яичницу.

Через десять минут дверь ванной открылась. Бонд поспешно закрыл голову руками. Ханни выдала презрительный смешок и сказала:

— Да это же просто трус! Он боится самой обыкновенной девушки.

Бонд слышал как она роется в шкафу. Она продолжала бормотать вполголоса, как бы самой себе:

— Хотела бы я знать, чего он боится. Если мы поборемся, то я одержу верх, это точно. Может быть он этого боится... Может он просто слабак. Однако, глядя на его мускулы и грудную клетку, этого не скажешь... Остальное я еще не видела. Ему явно стыдно за что-то. Поэтому-то он и не раздевается... Хм... посмотрим... Вот это кимоно ему понравится? Джеймс, дорогой,— сказала она чуть громче,— что вы скажете о белой тунике с голубыми птицами? Вам понравится?

— Да, черт вас побери! — проговорил Бонд сквозь зубы.— Идите завтракать. Я просто засыпаю.

— О! — воскликнула она.— Если вы считаете, что пора в кровать, то я быстро!

Бонд открыл глаза. Она улыбалась. Она была просто восхитительна. Ее длинные белокурые волосы были зачесаны на сторону и едва касались щеки. Она вся так и сияла, а огромные голубые глаза сверкали от удовольствия. Теперь Бонд был совершенно уверен: ему очень нравился ее сломанный нос. Он признался себе, что был бы огорчен, если бы она стала просто красивой девушкой среди других красивых девушек.

— Послушайте, Ханни,— сказал он так строго, как только мог.— Вы очаровательны, но не стоит выставлять напоказ ваши прелести: кимоно так не носят. Ради всего святого, перестаньте изображать из себя «девушку по вызову». Тем более за завтраком.

— Злюка! — сказала она, запахивая кимоно.— Почему вы не хотите поиграть? Мне очень хочется поиграть в мужа и жену.

— Но не за завтраком,— повторил Бонд твердо.— Идите есть, все очень вкусно. Посмотрите на кого я похож. Я пойду побреюсь и приму ванну.

Он поднялся, подошел к ней и поцеловал в голову.

— А что касается игры, как вы это называете,— добавил он,— клянусь вам, из всех женщин в мире я выбрал бы вас в качестве партнера. Но не теперь.

И не дожидаясь ответа он быстро направился в ванную. Под душем ему вдруг безумно захотелось спать. Сон накатывался на него волнами, глаза его просто слипались. Он едва смог вычистить зубы. Все симптомы налицо: ему подсыпали снотворное. В кофе, наверное, или в апельсиновый сок... Какая теперь разница, куда именно. У него было лишь одно желание — спать. Словно сомнамбула он доковылял до двери, совершенно забыв при этом, что не одет. Это не имело значения: Ханни уже позавтракала. Так и есть. Она лежала голая в кровати, под простыней, и спала глубоким сном. Он погасил свет в комнате и рухнул на свою постель.

Электронные часы показывали половину десятого.

* * *

В десять часов дверь медленно открылась. В проеме показался человек. Стройный, высокий, очень худощавый. Это был мужчина ростом не менее ста восьмидесяти пяти сантиметров. Некоторое время он прислушивался, не решаясь зайти в комнату. Затем, успокоившись, зашел и склонился над кроватью, где спала Ханничайлд. Она размеренно и глубоко дышала. Человек зажег мощный фонарь, который висел у него на груди. Несколько минут он внимательно разглядывал лицо спящей девушки. Затем протянул руку и медленно стянул простыню. Но это была не рука... а стальная клешня на шарнирах, которая тут же исчезла в широком рукаве кимоно из черного шелка.

Человек долго разглядывал обнаженное тело с мечтательной полуулыбкой на лице. Затем также медленно стальная рука ухватила край простыни и заботливо укрыла Ханни.

Далее он подошел к кровати Бонда. Он исследовал каждую линию прекрасного смуглого лица, которое безжизненно покоилось на подушке. Затем человек проверил пульсацию шейной артерии и сосчитал удары. Потом стянул простыню и прислушался к биению сердца. Оценивающим взглядом он окинул мускулатуру рук и груди. Долго рассматривал свисающую с кровати кисть. И наконец, также заботливо

накрыл простыней. С минуту еще высокий силуэт возвышался над спящим Бондом. Посмотрев все, что ему было нужно, незнакомец покинул комнату.

Глава 14

Было четыре часа тридцать минут. Вдоль залежей гуано медленно ползла последняя за этот день вагонетка с грузом. Сотня мужчин и женщин лениво разбредались по сторонам, заслышав свисток мастера, означавший конец работы. Мужчины взяли трубки и, напевая, направились к шалашам. Завтра по другую сторону холма будет праздник. К берегу пристанет корабль с провиантом, который приходит раз в месяц. То есть, будет большое оживление: свежие продукты, дешевая бижутерия, танцы, потасовки. Жизнь прекрасна...

Жизнь прекрасна и для персонала. Все полунегры-полукитайцы, которые отлавливали Бонда, Куоррела и Ханничайлд, тоже получают отпуск. И завтра, за исключением охраны и дежурных по кухне, для всех наступит праздник.

Глубоко под землей, в самом центре холма, Бонд проснулся в своей кровати. У него слегка болела голова, но он чувствовал себя совершенно отдохнувшим. Ханни уже встала: он слышал как она напевала в ванной комнате. Она появилась со стопкой сложенных кимоно, спокойная, свеженькая, улыбающаяся. На ней было шелковое кимоно голубого цвета, что самым замечательным образом гармонировало с золотистым оттенком ее кожи. Бонд потянулся.

— Только не переодевайтесь!

— Ну что же вы еще в кровати! — сказала она с деланным удивлением. — Я думала вы никогда не проспите. Я несколько раз приходила. Может поедим?

— Почему бы и нет? — ответил Бонд, обнимая ее за талию.

Он пробежал глазами по кнопкам и нажал на «внутреннюю службу».

— Может все попробуем? — спросил он. — Раз уж мы оказались здесь, пусть нас обслуживают по полной программе.

— Что такое маникюрша? — спросила Ханни, давась от смеха.

— Это женщина, которая приводит ногти в порядок...

Но сейчас он думал о другом: нужно во что бы то ни стало достать какое-нибудь оружие. Иначе отсюда не выбраться. Даже пара маникюрных ножниц лучше, чем ничего.

В дверь робко постучали. Очаровательная Мэй впорхнула в комнату. За ней — две миниатюрные китаянки. Без лишних разговоров Бонд заказал чай, бутерброды, парикмахера и маникюршу.

— Не будете ли вы так любезны,— сказала Мэй почтительно кланяясь,— сказать, что вы желаете на ужин?

Она протянула им два толстых меню в красивом переплете. Без всякого энтузиазма Бонд заказал черную икру, бараньи котлеты и профитроли.

Мэй слегка кивнула головой в знак одобрения.

— Доктор спрашивает,— продолжила она,— устроит ли вас время ужина в четверть девятого?

— Да, вполне,— ответил Бонд.

— Я вам очень признательна, мистер Брайс. Я зайду за вами на десять минут раньше.

В это время Ханни была уже в ловких руках парикмахера и маникюрши.

Бонд налил себе джину и пошел в свою комнату. Этот план рухнул: тут стянуть ничего не удастся. Ножницы и другие маникюрные принадлежности были пристегнуты к поясу на стальной цепочке. Ножницы парикмахера — тоже.

Со стаканом в руках Бонд погрузился в мрачные размышления. Чуть позже он услышал, как китаянки уходят. Он вернулся, посмотрел на Ханничайлд и воскликнул:

— Боже, как вы прекрасны!

Он налил себе второй стакан, посмотрел на часы и надел черное кимоно.

— А я в этом кимоно выгляжу как законченный идиот! — вздохнул он.

С точностью до минуты Мэй пришла за ними, как и обещала. Не говоря ни слова, они последовали за ней по тому же нескончаемому коридору. Мэй вызвала лифт. Дверцу открыла совсем молоденькая китаянка. Спускаясь вниз, Бонд отметил про себя, что даже лифт был самой последней модели. Эта деталь повергла его в еще большее уныние. Он не знал, что их ожидает, но не мог заставить себя не думать о самом страшном исходе.

Ханни тронула его за плечо.

— Вы на меня не сердитесь, Джеймс? — прошептала она.

— Нет,— ответил Бонд с натянутой улыбкой.— Я сержусь на себя.

Он склонился к ней и прошептал совсем тихо:

— Я хочу вас предупредить о сегодняшнем вечере. Вы

должны молчать. Говорить буду я, за нас обоих. А вы постарайтесь быть естественной. И не бойтесь доктора Но. Он, скорее всего, сумасшедший.

Лифт остановился. Бонд не имел ни малейшего представления о глубине, на которой они находились. Триста метров, пятьсот?.. Двери автоматически распахнулись. Бонд и Ханничайлд оказались в просторной комнате. В ней никого не было. Три стены сплошь заняты книжными стеллажами, до потолка. Четвертая — огромное темно-синее стекло. Комната, должно быть, служила одновременно кабинетом и библиотекой. В углу стоял письменный стол, немного дальше — удобные кресла, журнальный столик. Мягкий ковер темно-зеленого цвета и приглушенный свет. Перед стеклянной стеной еще один столик. На нем — поднос с фужерами и виски.

Бонд подошел к стене. В синеватой массе воды промелькнули маленькие рыбки, за ними рыбки побольше. Затем все исчезло. Что это такое? Аквариум? Бонд поднял голову. В нескольких сантиметрах от потолка короткие волны набегали на стекло. И тоненькая полоска неба, усеянного звездами... Это был не аквариум, а настоящий океан и ночное небо. Стена была сделана из оргстекла, а они находились на глубине метров в семь. Ханничайлд зачарованно смотрела на стекло и не могла вымолвить ни слова. Да и сам Бонд не мог оторвать глаз от этой без конца меняющейся картины, от этих рыб, блестящих раковин. И вдруг зажглись два мощных прожектора. Их лучи пересеклись посередине, высвечивая огромную серую акулу. Бонд разглядел ее розовые свинячьи глаза, которые бешено вращались от ослепительного света. Акула презрительно вильнула хвостом и исчезла, стремительно рассекая воду гигантским телом. Огни погасли. Бонд обернулся. Он ожидал увидеть доктора, но комната была по-прежнему пуста. Кому в голову могла прийти такая безумная идея? А главное, как это все сделано? И каких денег стоило?

— Миллион долларов, — произнес глухой голос с легким американским акцентом.

Медленно, почти что с сожалением, Бонд повернулся в ту сторону, откуда слышался голос.

Доктор Но вошел в дверь за письменным столом. Он стоял и смотрел на них, благодушно улыбаясь своими тонкими губами.

— Я полагаю, — сказал он, — вы думаете сколько это может стоить. Обычно все мои гости задают один и тот же вопрос. Я не ошибся?

— Вы абсолютно правы,— ответил Бонд холодно.

По-прежнему улыбаясь,— должно быть, это уже вошло в привычку — Доктор подошел к ним. Казалось он не идет, а скользит по ковру. Он был очень высок. К тому же он держался прямо, и Бонд со своим ростом в метр восемьдесят казался рядом с ним маленьким мальчиком. Голова его была гладко выбрита, подбородок заострен. Это придавало его лицу вид перевернутой капли воды, или даже скорее, капли масла, так как кожа имела желтый оттенок. Невозможно было определить возраст этого человека. На лице ни одной морщинки: это придавало его физиономии довольно забавное выражение — гладкий лоб плавно переходил в такой же гладкий череп. Очень впалые щеки и выступающие скулы, очертаниями напоминавшие старую слоновую кость. Черные тонкие брови, казалось, были нарисованы. Под ними сверкали черные, как уголь, глаза без ресниц... Не глаза, а две черные точки — пристальные, неумолимые и совершенно лишённые какого бы то ни было выражения. Тонкий прямой нос заканчивался почти у самых губ. И улыбка — жесткая и решительная.

Остановившись в нескольких метрах от Бонда, доктор Но поклонился. Улыбка его стала совершенно невыносимой.

— Извините, что я не предлагаю вам руки. Я не могу этого сделать.

Медленно он развел рукава кимоно в стороны.

— У меня нет рук,— сказал он глухо.

Две пары стальных зажимов, напоминающие усики богомола, высунулись из шелковых рукавов, затем исчезли.

Ханничайлд в ужасе отпрыгнула.

Он протянул рукава в сторону девушки и сказал важно:

— Да, это большое несчастье.

И затем повернувшись к Бонду:

— Вы любуетесь моим аквариумом? Человеку свойственно любить животных и птиц, я же решил полюбить рыб... Это гораздо интереснее. Я уверен, вы вскоре разделите мои пристрастия.

— Я вас поздравляю от всей души,— ответил Бонд спокойно.— Я никогда не забуду этой комнаты.

— Безусловно,— проговорил доктор Но несколько сардоническим тоном.— ...Но нам так много нужно сказать друг другу, а у нас так мало времени!... Садитесь, пожалуйста. Хотите выпить?.. Сигареты рядом с вами.

Доктор Но уселся на высокий стул, Бонд напротив.

К ним подошел маленький негр-китаец в черных шароварах и белой курточке.

— Вот мой телохранитель,— любезно представил его доктор Но.— Это эксперт по многим вопросам... Не удивляйтесь, что он появился так неожиданно. У меня всегда при себе передатчик...— Он кивком показал на грудь.

— Что вам налить, мадмуазель?

«Он не сказал „мадам“»,— подумал Бонд, поворачиваясь к Ханничайлд.

Глаза девушки вспыхнули.

— Кока-колы, пожалуйста.

Бонд облегченно вздохнул. Ханни выдержит. Она не даст себя одурачить всей этой показухой.

— Я предпочел бы мартини-драй с русской или польской водкой и лимонной цедрой,— сказал он мягким голосом.— Охлажденный, но не слишком.

— Понимаю,— кивнул доктор Но, улыбнувшись своей загадочной улыбкой.— Я вижу, вы один из тех, кто знает, чего он хочет. На этот раз ваши пожелания будут учтены... Вы не заметили, что когда действительно хочешь чего-нибудь, всегда добиваешься? Я часто размышляю об этом.

— Это верно, когда речь идет о мелочах,— ответил Бонд.

— Ну, если вам не удаются сложные вещи, значит у вас нет честолюбия. Достаточно иметь сильную волю и уметь сосредоточиться на желаемом объекте. Остальное приложится само собой. Дайте мне точку опоры, и я переверну вселенную... Если мне, действительно, захочется ее перевернуть. Я вам наскучил, может быть? Мы болтаем о том о сем и ждем серьезного разговора, не так ли?.. Мартини вам по вкусу? Сам-Сам,— позвал он повернувшись к своему телохранителю,— поставьте шакер¹ рядом с господином, а девушке еще одну бутылку кока-колы... Сейчас десять минут девятого. Мы приступим к ужину ровно в девять.

Доктор Но выпрямился в красивом кожаном кресле. На какое-то мгновение в комнате воцарилась полная тишина. Затем он сказал:

— А теперь, мистер Бонд из «Секретной службы», поговорим о наших маленьких секретах. Сперва, чтобы доказать вам, что я ничего не скрываю, я поделюсь своими, затем — ваша очередь.

Глаза доктора Но сверкали, словно два черных уголька.

¹ шакер — стакан для приготовления коктейлей.

— Но мы ведь будем говорить только правду, не так ли? — добавил он. — Только правду.

Он повертел своими клешнями у Бонда перед носом.

— Если вы солжете, — отчеканил он, — эти штуки дадут мне знать.

И осторожно доктор Но поднес зажимы к глазам, словно хотел пронзить их своим взглядом. Послышался легкий металлический щелчок.

— Эти штуки все видят, — сказал он.

Глава 15

Джеймс Бонд взял свой стакан и стал задумчиво потягивать коктейль. Итак, его карта бита. История с представительством общества Одюбон не выдержит критики. Оставалось придумать, как ему выпутать Ханничайлд. И прежде всего, как ее подбодрить. Он любезно улыбнулся доктору Но и сказал:

— Несколько дней назад мне посчастливилось встретиться с вашим агентом, мисс Таро, в резиденции губернатора. Я написал рапорт и этот факт будет обнародован в самое ближайшее время.

Ни один мускул не дрогнул на лице доктора Но. Никакого интереса.

— Как впрочем, — продолжил Бонд, — и многое другое. Но раз уж мы затеяли серьезный разговор, оставим все как есть, прошу вас. Вы очень интересный человек, но к чему вам вызывать лишний интерес к своей персоне? С вами случилось несчастье — вы потеряли руки и носите протезы. Эта участь постигла многих, кто был ранен на войне. Вы также носите контактные линзы вместо очков и используете карманную рацию вместо звонка для вызова слуг. У вас, наверняка, есть и другие забавные штучки. Но несмотря на это, доктор Но, вы всего лишь человек, который спит и ест, как и все люди... Приберегите ваши штучки для землекопов. Я и не такое видал.

Доктор Но слегка наклонил голову.

— Хорошо сказано, мистер Бонд. Я принимаю ваш урок. Вы безусловно правы, у меня есть свои маленькие слабости, так как долгое время я жил среди людей недостойных. Но все же, будьте осторожны, я ведь технарь. Я пригоняю инструмент к материи, и у меня имеется богатый выбор инструментов специально для упорных материалов. Но продолжайте, мне очень приятно беседовать с таким умным че-

ловеком как вы. Очень редко мне доводится говорить на равных. Я хотел бы поведать вам историю самого выдающегося человека в мире. Вы первый, кто услышит эту историю, так как до сегодняшнего дня я ее никому не рассказывал. Вы единственный человек, который способен оценить ее по достоинству. А также,— доктор Но выдержал паузу,— оставить ее при себе. Последнее замечание относится также и к мадмуазель.

Ну вот! Занавес приподнимается, но ни Бонд, ни Ханничайлд никогда никому не смогут рассказать о том, что они здесь видели и слышали. Теперь Бонд знал точно: доктор Но очень силен и хорошо экипирован. Тем не менее, он сделал последнюю попытку.

— Не стоит,— проговорил он вяло,— впутывать девушку в наши дела. Она не имеет ко мне никакого отношения. Я увидел ее впервые здесь, на пляже, вчера утром. Она собирала ракушки. И так как ваши люди сломали ее лодку, я вынужден был взять ее с собой. Отправьте ее домой. Она будет молчать. Она даст вам слово.

— Я буду молчать?! — возмутилась Ханничайлд.— Я все расскажу. Я не хочу домой — я остаюсь с вами.

— Вы мне уже надоели,— заявил Бонд ледяным тоном.

— Послушайте,— сказал доктор Но, блаженно улыбаясь.— Не разыгрывайте из себя героев! Это ни к чему. Никто никогда не возвращался с этого острова. Никто, слышите? Не надо ни спорить, ни пытаться меня задобрить — это совершенно бесполезно.

Бонд посмотрел на Ханни, улыбаясь:

— Сам не знаю, что я говорю, Ханни. Я очень хочу, чтобы вы остались со мной. Послушаем вместе, что нам расскажет этот маньяк.

— Это правда, мистер Бонд,— тихо сказал доктор Но,— я маньяк. Великие ученые, художники, философы, святые — все маньяки. Я, видите ли, страдаю манией власти. Она придает моей жизни смысл, и именно потому я здесь. И вы тоже. И Крэб Ки не совсем обычный остров тоже именно поэтому.

Бонд допил свой стакан и налил другой.

— Это не удивительно,— сказал он степенно.— Знакомая история. Мир полон людей, которые мнят себя то королем Англии, то президентом Соединенных Штатов, то самим Господом Богом. Сумасшедшие дома ими просто переполнены. Разница лишь в том, что вместо того, чтобы отдыхать в государственной или частной клинике, вы построили себе индивидуальную психушку. Но я пытаюсь понять как

вы, находясь здесь, в полной изоляции от остального человечества, строите иллюзии о мировом господстве.

— Мистер Бонд,— сказал доктор Но с некоторым раздражением в голосе,— неужели вы не понимаете, что власть — это полная самостоятельность. Вы говорите о королях, президентах... Какая у них власть?.. Только та, что дает им их народ. Какой властелин в нашем современном мире имеет еще право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных? Теперь, когда Сталин мертв, можете ли вы назвать мне хоть одно имя, кроме моего? А как это возможно, что я обладаю именно такой властью? Да очень просто, потому что никто об этом не ЗНАЕТ... Потому что я ни перед кем не должен отчитываться.

— Это иллюзия власти,— сказал Бонд, пожимая плечами.— Всякий человек с револьвером в руке распоряжается жизнью и смертью своего ближнего. Даже если кто-то убьет втихаря, и никто при этом не узнает, он не избежит наказания. Этот человек окажется в полной изоляции, так как есть высшая власть — власть общества. И вас ждет та же участь, доктор Но. Говорю вам: ваши поиски абсолютной власти — иллюзия, потому что власть сама по себе иллюзия.

— Красота тоже, мистер Бонд, иллюзия. И искусство, и деньги, и смерть. И жизнь, вероятно. Это всего лишь относительные понятия. Вы играете словами. Мне это безразлично. Вернемся, если хотите, к началу нашего разговора — о моей мании власти. И прошу вас,— сказал он с неизменной улыбкой,— не думайте, что эти полчаса нашего разговора что-либо изменят в моей линии поведения. Послушайте лучше историю, которую я хочу вам рассказать...

Искусственность всей этой сцены: три человека в мягких креслах, преспокойно попивающих разные напитки, приглушенный свет, пушистые ковры... все это вдруг показалось Бонду полным абсурдом. Надвигающаяся опасность, трагизм их положения превратились в ничто по сравнению с грациозным передвижением раковины в форме тюльпана за стеклом. А что, если стекло лопнет?.. Что если сопротивляемость стекла плохо рассчитана, или рабочие допустили небрежность в работе?.. И что если, просто-напросто, море чуть-чуть сильнее надавит на стекло?..

— Я,— начал доктор Но не спеша,— единственный сын миссионера методистской церкви, немца по происхождению и юной китайки из добропорядочной семьи. Я родился в Пекине, но по ту сторону баррикад, как говорится. Я всем был помехой. Тетушке моей матери хорошо заплати-

ли за то, что она взяла меня к себе и воспитала. Никакой любви, понимаете, мистер Бонд! Отсутствие эмоций. Семя посеяно — и дало всходы. Я начал работать в Шанхае, где связался с тонгами. Благодаря им я полюбил конспирацию, кражи, убийства, поджоги... Это был протест против отца, которого мне недоставало, который меня предал... Я полюбил убивать, уничтожать предметы и людей. Я стал большим специалистом в преступном мире. Тогда-то и начались неприятности. Тонги слишком меня ценили, чтобы использовать как простого убийцу. Меня послали в Нью-Йорк. У меня было зашифрованное рекомендательное письмо к одному из двух главарей тонгов в Америке. Я так и не узнал, что было в письме, но он принял меня как человека, которому можно доверять. В тридцать лет я стал у них казначеем. Я ведал суммой в миллион долларов. И тут началась война между двумя группировками тонгов. Это было в двадцатые годы. В течение буквально нескольких недель и с той и с другой стороны были убиты сотни людей. пытки, убийства, поджоги — я чувствовал себя в своей стихии... Дело испортилось, когда для наведения порядка мобилизовали всю полицию Нью-Йорка. Тогда я перевел миллион долларов в золото и исчез в Гарлеме... Это было ошибкой: мне следовало покинуть Америку, забраться как можно дальше, так как тонги разыскивали меня даже в камерах Синг-Синга¹. И они меня отыскивали. Убийцы пришли ночью. Меня пытали, но я так и не сказал, где спрятано золото. Они пытали меня всю ночь, а наутро, убедившись, что ничего не добьются, они отрубили мне руки, в доказательство того, что я вор, и пустили пулю в сердце... Но они не учли одного: что у человека с миллионом долларов в кармане сердце находится справа, и что этим человеком был я. Я выжил. Операция, месяц в больнице... все это время я размышлял. Я не переставал думать о той минуте, когда получу деньги: как мне их сохранить и как потратить.

Доктор Но замолчал. На его скулах появились красные пятна. Он заерзал в кресле — видимо, заново переживал свои воспоминания. Он закрыл глаза, как бы погружившись внутрь себя самого.

Бонд подумал: «Подходящий момент: я разобью стакан и перережу ему горло». Но глаза без ресниц тотчас же открылись.

— Я вам не наскучил еще? — спросил доктор Но едва слышно.

¹ Синг-Синг — крупнейшая американская тюрьма.

— Нет,— ответил Бонд.

Момент был упущен. Представится ли такая возможность еще раз?

— Когда я вышел из больницы, мистер Бонд,— продолжил этот страшный человек,— я отправился прямо к Зильберштейну, самому крупному продавцу марок в Нью-Йорке. Я купил конверт, единственный в своем роде конверт, в котором были самые редкие в мире марки. Я вложил все свое золото в эти марки. Я догадывался о том, что будет мировая война. Я знал, что будет инфляция, и только самые редкие вещи не упадут в цене. Тогда же я изменил свою внешность. Я вырвал волосы — каждый волосок отдельно, с корнем. При помощи пластической операции мой нос из большого и широкого превратился в прямой и тонкий, рот стал больше, губы — тоньше. Так как я не мог стать ниже ростом, я стал выше: носил специальную обувь, несколько месяцев мне вытягивали позвоночник — у меня изменилась осанка. Я заменил металлические протезы на восковые и носил перчатки. Я также сменил имя. Я взял имя своего отца — Джулиус и фамилию Но, в знак того, что я от него отрекся. От него и от остального мира. Я первым в мире надел контактные линзы. Затем я уехал в Милуоки, где нет китайцев, и поступил на Медицинский факультет. Там я занялся изучением человеческого тела и мозга. Зачем, спросите вы? Потому что я хотел знать все: на что это тело и мозг способны. Мне нужно было научиться пользоваться своими инструментами. Я хотел научиться делать другим то, что эти другие проделали со мной, стать единственным судьей. Именно это, нравится вам или нет, и есть суть земной власти.

Бонд посмотрел на Ханничайлд. Она ему улыбалась.

— Вы, должно быть, проголодались оба,— сказал доктор Но с неожиданным участием в голосе.— Теперь уже немного осталось. Я окончил учебу, покинул Америку и изъездил весь свет. Я назывался «доктором», так как доктор вызывает доверие и может задавать вопросы, не вызывая подозрений. Я стал искать свою будущую резиденцию. Надежное место на случай войны: стало быть — остров. Мне необходимо было стать полновластным хозяином на этом острове. Второе неперемное условие: чтобы он был пригоден к большим индустриальным работам. Я нашел Крэб Ки и живу здесь вот уже четырнадцать лет. Гуано — идеальная отрасль промышленности. Птицы не нуждаются в каком бы то ни было уходе — им нужен только покой. Единственная трудность — это стоимость рабочей силы. Шел 1942 год. Простой кубинский или ямайский рабочий получал десять шил-

лингов в неделю на тростниковых плантациях. Среди них я нашел около сотни людей за двенадцать шиллингов в неделю, но с одним условием: что их зарплата будет неизменной. Таким образом я застраховал свою общину от мировой инфляции. Не скрою, время от времени мне приходилось прибегать к насилию. Но мои рабочие довольны своим заработком, так как это самая высокая зарплата, о которой они когда-либо слышали. Затем я выписал дюжину негров-китайцев с семьями, чтобы охранять весь этот прекрасный мир. Они получают полтора ливра в неделю. Это надежные и сообразительные ребята. Они быстро поняли, что мне от них нужно и очень довольны тем, что имеют. Я выписал также несколько инженеров и архитекторов, и мы начали подземные работы. Время от времени я вызываю команду специалистов, которым плачу очень большие деньги — но они никак не сообщаются с другой частью общины. Они живут под землей, а когда их работа заканчивается, уезжают. Я полагаю, вы признаете, что вам оказали достойный прием, и что убранство этого дома ничем не уступает резиденции какого-нибудь американского миллиардера. Я начинаю распространять свою власть на внешний мир. Я уже сказал вам, что провел здесь четырнадцать безоблачных лет. Это не совсем так. Одно облачко все же омрачало мое присутствие на этом острове — это дурацкие птички общества Одюбон. Я не буду вас утомлять подробностями. Вы знаете, что было двое охранников, которые жили на острове в центре озера. Они получали провизию с Кубы. Время от времени какой-нибудь американский орнитолог проводил несколько дней в лагере, затем убирался восвояси. Меня это не волновало, так как эта зона была запретной для моих людей, а охранники, в свою очередь, не имели права выходить за пределы лагеря. Но однажды, я получил письмо — его привез корабль, который приходит раз в месяц. Общество Одюбон сообщало о своем намерении построить отель на своей территории, на берегу реки, которая вам знакома. Любители птиц со всего света съедутся сюда; они будут снимать фильмы, и Крэб Ки станет всемирно известным, сообщали мне... Какая горькая история! Я отвоевал свою независимость, задумал грандиозный план на будущее — и все насмарку из-за стайки птичек и компании полоумных старух!.. Я предложил огромную сумму, чтобы выкупить концессию на эту часть острова. Они отказались. Я был просто в бешенстве. Я стал изучать повадки этих птиц, и вдруг, решение пришло само собой, как луч света в пасмурный день. Их просто-напросто нужно напугать, и они сами

покинут остров. Я купил во Флориде автомобиль-амфибию, который используют для разведки нефтяных месторождений, и сделал из него смертоносное орудие. Оно наводит страх и сжигает все на своем пути — не только птичек, но и людей. Нужно было ликвидировать охранников. Зимней ночью я сжег лагерь. Мне сказали, что оба охранника погибли. На самом деле, к моему великому сожалению, один из этих идиотов добрался все-таки до Ямайки, чтобы подохнуть там. Что касается птичек — эффект был полный. Они умирали тысячами. Но общество Одюбон сильно забеспокоилось. Они обратились ко мне с просьбой посадить самолет на Крэб Ки и провести расследование. Я согласился, чтобы не вызвать подозрений. Несчастный случай... — сказал он с неотразимой улыбкой, — произошел в тот же день... Увы, им этого было мало. Они послали миноносец. На этот раз я принял капитана и помощников. Они были очень довольны оказанным приемом, и мир был восстановлен.

Доктор Но деликатно кашлянул. Глаза его попеременно останавливались то на Бонде, то на девушке.

— Вот, — заключил он, — и вся моя история. Или скорее первая глава моей истории. Так как теперь обществу Одюбон успокоилось, и я снова свободен.

— Все это очень интересно, — сказал Бонд. — Теперь я понимаю, почему вы ликвидировали Стрэнжвейза и секретаршу. Так где же они все-таки?

— На дне ущелья Мона, — ответил Но бесцветным голосом. — Стрэнжвейз становился опасным — он много знал. Я думал, что смогу разделаться с вами тем же способом, но вам повезло. Я читал ваше досье и представлял себе, что вы за человек. Я был уверен, что вы доберетесь до острова и никуда от меня не денетесь. Мой радар обнаружил вашу лодку. Я ждал вас.

— Ваш радар, — сказал Бонд, — не такой уж мощный, так как было две лодки, и вы обнаружили не мою, а каноэ этой девушки, которая не имеет ко мне никакого отношения.

— Это очень кстати, — заметил доктор Но, — мне как раз нужна белая женщина для небольшого эксперимента.

— Все это очень увлекательно, доктор Но, — заявил Бонд почти вызывающе, — но боюсь, что вы не учли одну маленькую деталь: вам не удастся спастись, даже если вы нас уничтожите. Я подготовил рапорт о вашей деятельности: три покушения на убийство и подстроенный несчастный случай с самолетом, при котором погибли двое невинных людей; имена ваших агентов — мисс Тонд и мисс Таро... —

там все указано. Рапорт будет вскрыт, согласно моим инструкциям, если я не вернусь с Крэб Ки через три дня.

Лицо доктора Но было непроницаемо.

— Но ради этой девушки, и только ради нее, — продолжил Бонд, — я хочу вам сделать интересное предложение. В обмен на наше возвращение на Ямайку я даю вам отсрочку в неделю. Этого времени будет достаточно, чтобы еще раз положить в конверт вашу маленькую коллекцию марок, сесть в самолет и постараться исчезнуть. Что вы на это скажете?

— Ужин подан, мсье, — произнесли у него за спиной. Бонд обернулся. В дверях стояли два человека — телохранитель и еще один китаец. Оба похожи друг на друга, как братья-близнецы. Засунув руки в широкие рукава кимоно, они почтительно поклонились хозяину.

— Уже девять! — вздохнул доктор Но, словно пробудившись от долгого сна. — Пойдемте, мы продолжим этот интересный разговор в более интимном месте. Спасибо, что вы оба выслушали меня с таким вниманием. Смее надеяться, что непритязательность моей скромной кухни и не менее скромный погреб будут достойны вас.

Двойная дверь бесшумно раскрылась. Бонд и Ханни последовали за доктором Но в маленькую восьмиугольную комнату. Прекрасная люстра венецианского стекла освещала изысканные деревянные панели, которыми были обиты стены. Интерьер вполне достойный Малого Трианона. Столик, на котором поблескивали хрусталь и серебро, был накрыт на троих. Почтительным жестом доктор Но указал Ханни куда ей следует сесть. Они уселись и развернули салфетки из белого шелка. Эта роскошь приводила Бонда просто в бешенство. У него было желание задушить доктора Но этой самой шелковой салфеткой. Сжимать его горло до тех пор, пока его драгоценные контактные линзы не выпадут из-под век.

Двое телохранителей с большим мастерством подавали кушанья. Оба — в белых перчатках. Время от времени доктор Но обращался к ним по-китайски. В самом начале, когда они приступили к еде, он, казалось, чем-то озабочен.

Бонд старался есть с самым непринужденным видом и очень много пил. Прежде всего он хотел скрыть свои страхи от Ханни, и светским тоном рассказывал ей о Ямайке, ее флоре и фауне, которые он очень хорошо знал. Он чувствовал ее ногу рядом со своей под столом. Она почти что развеселилась. Глядя на них можно было подумать, что это молодая парочка, приглашенная на ужин к злобному дя-

дюшке, на чье наследство они сильно рассчитывают. Он спрашивал себя: подействовал ли на доктора Но его рассказ о рапорте. Он уже ни на что не надеялся. Какой бы чудовищной ни казалась на первый взгляд биография этого китайца, она была правдоподобной. Продолжая разговор на светские темы, он готовился к худшему. Прежде всего необходимо раздобыть оружие. Когда принесли бараньи котлеты, он умышленно не взял нож, используя в этом качестве корочку хлеба. Непринужденно болтая он легонько подталкивал свой нож к тарелке. Затем неловким жестом опрокинул бокал с шампанским и, воспользовавшись замешательством, засунул нож в широкий рукав кимоно. Рассыпавшись в извинениях, он протолкнул нож дальше, за пояс. Затем небрежным жестом подтянул шелковый пояс, плотно прижав нож к животу.

Глава 16

Ужин подходил к концу. Подали кофе. Двое телохранителей стояли позади Бонда и девушки, сложив руки на груди. На лицах — никакого выражения: невозмутимые, спокойные, словно палачи перед казнью.

Доктор Но встал и едва заметно поклонился в сторону Бонда. На его лице не осталось и тени заботы. Глаза жестко сверкали.

— Надеюсь, ужин пришелся вам по вкусу, мсье Бонд, — прошептал он язвительно.

Бонд взял сигарету из серебряной коробочки на столе и медленно закурил. Затем стал играть с зажигалкой. Дело портилось, он это чувствовал. Необходимо завладеть и зажигалкой тоже, огонь всегда пригодится.

— Превосходный ужин, — ответил Бонд самым что ни на есть светским тоном. Облокотившись на стол, он наклонился к Ханни. Улыбаясь, он скрестил руки.

— Все было очень вкусно, не правда ли, дорогая?

— Отличный ужин, — согласилась Ханни.

Бонд то и дело менял позу. Он повернулся к доктору Но.

И пока злобещие глаза доктора пристально уставились на него, он ловко спрятал зажигалку в рукав.

Доктор Но сказал с расстановкой:

— Я тщательно обдумал ваше предложение. Сожалею, но я не могу его принять.

— Напрасно, — ответил Бонд, пожимая плечами.

— Нет, мистер Бонд. Я определенно не верю тому, что вы сказали. Если я ошибаюсь, тем хуже, я буду отвечать за последствия. Предположим, что нагрянет полиция и солдаты захватят остров. Они разыскивают мужчину и девушку. Какого мужчину, какую девушку? Я ничего не знаю. «Прошу вас, оставьте меня в покое, вы распугаете птиц с моей гуанеры. Где ваши доказательства, ордер на обыск? С английскими законами не шутят, господа...» А теперь представим себе худшее: один из моих агентов проговорится. Что, впрочем, маловероятно,— добавил он со своей изумительной улыбочкой.— Я его уничтожу, только и всего. Одним, двумя трупами больше, какая разница? Вы еще что-нибудь хотите сказать?.. Вам обоим предстоит очень насыщенная ночь... А время идет. Мне же пора спать. Завтра утром мне нужно встать рано, чтобы проследить за погрузкой корабля, который приходит раз в месяц. Что скажете, мсье Бонд?..

Бонд посмотрел на Ханничайлд. Она была смертельно бледна. Глаза ее пристально смотрели на него в ожидании какого-нибудь чуда. В ожидании невозможного...

— Я бы хотел знать,— выговорил Бонд с расстановкой, чтобы протянуть время,— продолжение вашей программы.

— Вы любопытны, мсье Бонд. Это ваша работа. Но это также качество, которое мне очень нравится в человеке, которому осталось жить всего несколько часов. Я отвечу на ваш вопрос. Чтобы утешить вас, скажу, что вы не ошиблись. Крэб Ки имеет совсем другое назначение. Гуано лишь прикрытие. Этот остров, мистер Бонд,— сказал он повысив голос и чеканя каждое слово,— со дня на день станет одним из самых значительных секретных центров в мире.

— О, это невозможно! — воскликнул Бонд.

— Вы знаете,— продолжил доктор Но,— что Текс Айленд, расположенный в пятистах километрах отсюда — это остров, на котором американцы испытывают свои телеуправляемые ракеты.

— Неужто?

— Вы, наверно, читали в газетах, что последние «Рокеты», запущенные совсем недавно, потерпели неудачу... «Смарк», к примеру, закончил полет в лесах Бразилии, вместо того, чтобы погрузиться в воды Южной Атлантики. Вы помните, что он отказался следовать полученным инструкциям... А проявил, так сказать, собственную инициативу.

— Да, напоминаю,— ответил Бонд.

— Были и другие промахи, тоже весьма обидные... Я забыл названия всех типов ракет, которые были испытаны:

«Зуни», «Матадор», «Регулус», «Бомарк» и многие другие... Но что я знаю наверняка, мистер Бонд, — его голос задрожал от гордости, — и что вам будет также небезинтересно — Крэб Ки причина всех этих неудач...

— Что вы говорите!

— Вы мне не верите? И не надо! Зато другие мне доверяют. Те, кто принимали участие в крушении целой серии прототипов — «Мастодонты» потерпели неудачу по причине повторяющихся ошибок в системе воздушной навигации и нежелания следовать инструкциям с Текс Айлэнд. Я имею в виду русских. Русские — мои партнеры в этом деле. Они обучили всех моих людей. Обучили всему, что касается радиочастот и телеуправляемых ракет. На этом острове одного только специального оборудования на миллион долларов, мсье Бонд. Приборы, контролирующие сигналы, другие — которые их глушат, обсерватория, которой нет равной в мире и многое другое... Достаточно вам будет знать, что здесь мы можем влиять на электронный мозг ракет и приказывать им уничтожать самих себя... Результат — паника в Пентагоне. Они берут новых инженеров, конструкторов и начинают все сначала... Что вы думаете, мистер Бонд, о моем маленьком хобби? К тому же эта побочная деятельность весьма прибыльна и может приносить еще больший доход. Кто знает? Возможно, у коммунистического Китая будет другое будущее.

«Ну вот! — подумал Бонд. — Все части кроссворда сошлись. Чтобы сохранить свое место на рынке мирового шпионажа, доктору Но нужно лишь одно — уничтожить Ханничайлд Ридер и Джеймса Бонда из „Секретной службы“».

— Покончим с этим, доктор Но, — сказал он твердо. — Какова ваша программа? Нож, пуля, яд, веревка? Но побыстрее, я на вас уже достаточно насмотрелся.

Глаза доктора Но были холодны, как сталь, и больше не улыбались. Маска вежливости спала с лица. Он сказал что-то двум телохранителям, и те схватили Бонда и девушку за локти, не давая им встать.

— Я очень сожалею, Ханничайлд, — сказал Бонд. — Боюсь, что не смогу выполнить обещание, которое дал вам прошлой ночью.

— Это плохо кончится? — спросила Ханни с дрожью в голосе.

— Замолчите! — крикнул доктор Но. — И довольноглупостей! Разумеется, это кончится плохо, мадмуазель. Я очень интересуюсь пределом сопротивляемости человеческого тела. Иногда я имею возможность ставить опыты на

тех из моих людей, которым необходимо преподавать маленький урок, а также на тех несчастных, которые, как вы, отваживаются высадиться на Крэб Ки. Вы оба доставили мне массу хлопот. За это я подвергну вас невероятным страданиям. Это справедливо, не так ли?.. За вами будут наблюдать в течение всего эксперимента, ваша реакция будет записываться. И когда-нибудь я потрясу мир своими открытиями. Таким образом, ваша смерть послужит развитию науки... Это то, что делали немцы во время войны. Год назад я подверг женщину смерти, которая ждет и вас, мадмуазель. Это была негритянка. Она продержалась три часа и умерла от страха... Я безумно рад, что наконец имею белую женщину, для сравнения.

Безжалостным взглядом он посмотрел на Ханничайлд. Глаза ее широко открылись. Она смотрела на доктора Но, словно птичка, замороженная взглядом змеи.

Бонд сжал зубы.

— Вы жительница Ямайки,— продолжил доктор Но,— и догадываетесь, о чем я говорю. Этот остров называется Крэб Ки, потому что он заполнен крабами. Крабами, которых на Ямайке называют черными. Они не очень крупные, но все же каждый весит не менее фунта. В это время года они тысячами выползают из своих дыр у реки и медленно поднимаются вверх по холму. Ничто не в силах их остановить. Они проходят везде. На Ямайке они даже забираются в дома. Также как и лемминги в Норвегии. Они откладывают яйца на вершине холма и пожирают все, что встречается им на пути. Сейчас они в дороге. Десятками тысяч они ползут у нас над головой, толкают друг друга, чтобы поскорее добраться до места. И этой ночью, прямо на полпути, они натолкнутся на голое женское тело, привязанное к земле. Королевский обед... Они будут вгрызаться в теплую человеческую плоть своими огромными клешнями. Самый от-
важный сделает первую рану. А затем...

Ханничайлд вскрикнула от ужаса. Голова ее упала на грудь: она потеряла сознание.

Бонд чуть не выпрыгнул из кресла; громадные лапы китаяца вдавили его в сиденье. Он разразился бранью и обрушился на доктора Но:

— Сукин сын! Ты будешь корчиться в адских муках за все то, что ты сделал!

Доктор Но улыбнулся тонкими губами. Он сказал что-то по-китайски. Один из охранников взвалил бездыханное тело девушки на плечо и вышел.

В комнате воцарилось гробовое молчание. Бонд думал

только о лезвии ножа, которое впивалось ему в тело, и яростно сжимал подмышкой зажигалку.

— Я вам говорил, мистер Бонд, что сопротивляемость организма это единственное, что меня интересует. Но как ее измерить? Как измерить инстинкт самосохранения, терпимость к боли, терпимость к страху? Я думаю, эта проблема разрешима. И вы первый, кто будет подвергнут этому испытанию... Я дал вам снотворное, чтобы ваш организм отдохнул. Я вас хорошо накормил, чтобы вы были в прекрасной исходной форме. Мои будущие пациенты также будут пользоваться этим преимуществом. На старте все будут равны. Что произойдет дальше — это вопрос индивидуального мужества и способности к сопротивлению. Я создал полосу различных препятствий для этой смертельной гонки. Больше я вам ничего не скажу, так как неожиданность является одним из элементов страха. Но могу сообщить, что вас ожидает много сюрпризов. Особенно интересно будет понаблюдать, мистер Бонд, какова будет реакция человека, наделенного такими физическими качествами, как ваши... Я возлагаю на вас большие надежды. Но в конце концов вам придется сдаться, я в этом совершенно уверен. Когда мне принесут ваше тело, клянусь, я исследую его самым тщательным образом... вернее, то, что останется от вашего тела. Надеюсь, вы оценили какую честь я вам оказываю тем, что первым запускаю в этот опыт?

Бонд ничего не сказал. Он пытался представить, что уготовил ему доктор Но. Возможно ли будет выжить, убежать и освободить Ханни, пока еще не поздно? Даже если придется прикончить ее, чтобы освободить от мук... Страх подступил к горлу. Он собрал все свое мужество. Мысленно вооружился против неожиданных сюрпризов, сосредоточился на единственном желании — выжить.

Доктор Но поднялся и медленно направился к дверям. Черные угольки его глаз испытующе смотрели на Бонда. — Покажите мне, на что вы способны, мистер Бонд. Я буду с вами, мысленно.

Он сделал полоборота, и дверь мягко закрылась за ним.

Глава 17

Распахнутые двери лифта уже поджидали Бонда. «Ангел-хранитель» подтолкнул его вперед. «Обеденная комната, должно быть, опустела, — думал он. — Сколько времени может пройти, пока они заметят пропажу ножа и зажигалки?»

Лифтер закрыл двери и нажал на кнопку. Они поднимались вверх. Бонд пытался прикинуть расстояние. Лифт остановился. Бонду показалось, что прошло чуть меньше времени, чем на спуске. Двери раскрылись и перед его взором открылся совершенно пустой коридор, выкрашенный тусклой серой краской.

— Подождите меня, Жое,— сказал охранник лифтеру.— Я сейчас вернусь.

Вдоль коридора располагались двери, на каждой из которых прикреплена табличка с буквой алфавита. Слышался тихий гул двигателя. За одной из дверей, как показалось Бонду, работал передатчик. По всей видимости, они находились неподалеку от машинного зала. Последняя дверь по коридору была отмечена черной буквой «О». Охранник открыл ее и толкнул Бонда в камеру такого же серого цвета, площадью примерно в четыре квадратных метра. В камере был только деревянный стул, на котором лежали выстиранные и выглаженные джинсы и голубая рубашка Бонда. Охранник отпустил Бонда. В его глазах светилось любопытство и удовольствие одновременно. Задержав руку на дверной ручке он сказал:

— Ну вот, парень, приехали!.. Тебе остается взять старт. Если ты не предпочтешь остаться здесь. Выбирайся как знаешь.

— Что ты скажешь,— тихо проговорил Бонд,— о десяти тысячах долларов и билет в любой конец света?

— Спасибо, парень, но я предпочитаю остаться в живых.

Человек уже почти закрыл дверь. Бонд прошептал настойчиво:

— Мы могли бы выбраться отсюда вдвоем.

— И с твоей тетей впридачу! — хмыкнул охранник, захлопывая дверь.

Бонд пожал плечами. Он осмотрел замочную скважину. Дверь была из железобетона, ручка отсутствовала. Бесполезно искать способ выбраться этим способом. Он сел на стул и оглядел комнату. В одном углу под потолком была вентиляционная решетка из толстых железных прутьев. Отверстие шире его плеч. Это, по-видимому, и был выход.

Над дверью толстое стекло пропускало в камеру свет от коридора. Больше в камере ничего не было. Было, должно быть, около половины одиннадцатого. Нужно торопиться. Где-то там, на холме, лежала Ханничайлд — лакомый кусочек для крабов. Бонд сжал зубы и вскочил на стул. Нужно выбраться отсюда во что бы то ни стало. Что его ждет за

этой решеткой? Наплевать! Это единственный путь к спасению!

Он вытащил нож и зажигалку. Затем снял кимоно и надел свои вещи. Зажигалку засунул в карман для револьвера. Большим пальцем провел по лезвию ножа — достаточно острое, но не слишком. Он уселся на корточки и принялся точить лезвие о каменный пол. Прошло десять минут. Нельзя сказать, что это был готовый стилет, но достаточно грозное оружие, чтобы перерезать кому-нибудь горло. Он зажал нож зубами, поставил стул к решетке и попытался дотянуться до нее.

Резкая боль пронзила плечо. Бонд упал на спину, стукнувшись затылком об пол. Он лежал на полу, в голове у него все звенело. Все, что он мог вспомнить — синеватая вспышка и потрескивание электричества. Ему удалось встать на колени. Он машинально тряхнул головой, словно раненый зверь. В воздухе стоял запах горелого мяса. Он осмотрел правую кисть. На сгибе пальцев — ярко-красный ожог. Его чуть не стошнило. Он сжал зубы и встал на ноги. Поднял стул и снова приставил его к стене. Затем взял нож, отрезал кусок шелка и перевязал им руку. Забравшись на стул, он внимательно осмотрел решетку.

Выход был здесь. Решетка была под напряжением, вероятно, затем, чтобы немного охладить его пыл. Интуиция подсказывала ему, что теперь они выключили ток. Осторожно, кончиками пальцев он дотронулся до нее. Ничего. Ничего не произошло. Он расслабился. Ухватился за решетку и потянул на себя. Изо всех сил он уперся ногой в стену и вырвал два медных прута, затем спустился вниз и перевел дыхание. Прутья могли пригодиться. Довольно долго он орудовал стулом в качестве молотка, чтобы выпрямить их. В конце концов у него получился довольно длинный, около метра, стержень. Один конец прута был перекушен плоскогубцами. Ему удалось согнуть его о металлическую дверь, так, чтобы получился большой крючок. Затем он измерил стержень по ноге — он был слишком длинный. Он сложил его пополам и засунул в штанину, зацепив крючком за пояс. Как раз то, что нужно — он доходил до колена. «Ничего нельзя знать наперед, — подумал Бонд, задыхаясь от ярости, — может быть именно этой штукой я и задую доктора Но».

Еще раз он забрался на стул и, не раздумывая, вырвал вентилятор. Ток был отключен. Он протиснулся в отверстие. Оно было лишь на несколько сантиметров шире его плеч. Эта была круглая металлическая труба. Лежа на живо-

те, Бонд нащупал зажигалку, радуясь, что ему в голову пришла эта замечательная мысль: украсть ее. При слабом свете пламени он разглядел, что труба была цинковая, и вид у нее был совершенно новенький. Погасив зажигалку, он начал ползти по трубе. Воздуха было достаточно, так как это была вентиляционная труба. Но Бонд не чувствовал запаха моря. В конце туннеля мерцал слабый огонек. Бонд подполз поближе, насторожившись. Огонек превратился в свет. Здесь труба заканчивалась, переходя в другую, вертикальную. Бонд перевернулся на спину. Прямо над ним, в пятидесяти метрах — яркий свет. Впечатление было такое, как если бы он заглянул в ствол ружья. Ему предстояло подняться вверх по гладкой металлической трубе, не имея никакой опоры. Возможно ли это? Бонд протиснул плечи — в самый раз — можно держаться, надавливая на стенки. Но что делать с ногами? Упереться не во что — они скользили по гладкой поверхности. Он оглядел трубу и заметил, что на сочленениях были небольшие шероховатости. Значит нужно попробовать. Он скинул ботинки и начал мучительное восхождение, упираясь, в основном, на плечи — то напрягая, то расслабляя их. Это было невероятно трудно: казалось, трубе нет конца. Каждый раз как его ноги достигали сочленения, он позволял себе малость передохнуть. Главное — не смотреть вверх, не подсчитывать сколько сантиметров он уже преодолел и сколько ему еще осталось. Не думать о свете наверху — становится ли он ярче... Ни в коем случае нельзя было потерять опору и соскользнуть обратно — вниз. Не думать о судорогах, которыми сводило его мускулы, ободренных плечах, обожженной руке, скользящих от пота ступнях...

Нужно ползти вверх и только вверх, ни о чем не задумываясь. Ноги его вспотели, и два раз он не удержался и соскользнул немного вниз. Тогда он решил остановиться, упершись в сочленения и передохнуть минут десять, чтобы немного проветриться. По его телу струился пот. На лезвии ножа, которое он держал в зубах, промелькнуло едва различимое отражение его лица. Он не уступил искушающему желанию посмотреть наверх, чтобы определить расстояние, которое ему осталось преодолеть. Тщательно он вытер каждую ступню о джинсы. И снова начал этот тягостный путь наверх. Вдруг, голова его на что-то натолкнулась. От неожиданности он чуть было не рухнул вниз. И только теперь он заметил яркий свет и почувствовал сильную струю воздуха возле левого уха. Очень осторожно он повернул голову — это была еще одна труба, боковая. А над ним — электриче-

ский свет проходящий сквозь круглое окошко с толстым стеклом. Он медленно переполз в эту боковую трубу. Сердце его прямо разрывалось на части при мысли о том, что он совершил ложный шаг и может потерять площадку.

Позже — он совершенно потерял ощущение времени — он открыл глаза и перевернулся на спину. Он понял, что заснул и спал какое-то время, и только ощущение холода вывело его из того беззаботного состояния, в котором он пребывал, лежа здесь. Плечи и ступни ног ломило от боли. Он заметил, что за ним наблюдали через иллюминатор: два глаза и огромный желтый нос... Глаза смотрели на него без всякого любопытства, а с явно профессиональным вниманием. Бонд **выругался** сквозь зубы. Итак, за ним велось наблюдение, и о его успехах будет доложено доктору Но!

— Пошли вы все к черту! — закричал он.

Глаза исчезли. Бонд поднял голову и посмотрел прямо перед собой: туннель был совершенно темен. Итак, нужно продолжать!

Сумерки стужались. Время от времени, он останавливался и щелкал зажигалкой. Но впереди — только темень, и больше ничего. Воздух слегка потеплел, затем стал совсем теплым, и наконец горячим. К горлу подступал резкий запах раскаленного металла. Бонд снова начал потеть. Вскоре все его тело было пропитано потом: он вынужден был останавливаться каждые пять минут и протирать глаза. Туннель сворачивал вправо. Дышать было нечем. Пропахнув локоть **вправо**, он включил зажигалку и понял, что его ждет впереди. Так... теперь он поджарится, как на сковороде...

Бонд громко застонал. Как его израненное тело перенесет это испытание? Как защитить кожу от **раскаленного** металла? Но другого пути не было. Разве что, **вернуться** назад или остаться здесь навсегда. Нет, нужно **двигаться** вперед, и только вперед! Он был уверен лишь в одном — этот адский жар не убьет его, а только обожжет. Это было единственное утешение. Его интуиция подсказывала, что это не конец его мучений, самое худшее ждет его впереди, и нужно вынести эту пытку...

Он подумал о Ханни и тотчас же отогнал эту мысль. Не думать о ней, не давать себе расслабиться. Не думать ни о ней, ни о себе. Он взял нож и начал резать рубашку на **полосы**, чтобы **обязать** ими те части тела, которые **придут** в непосредственный контакт с раскаленным металлом. Руки и ноги. Колени хоть как-то защищены джинсами, а локти — рукавами рубашки. Он был готов. Раз, два, три — пошел...

Он свернул за угол и вполз в раскаленную печь. Нельзя допустить, чтобы его обнаженный живот касался металла. Так — сначала плечи! Руки, колени, пальцы ног, колени, пальцы, быстро, еще быстрее... Давай, скорей, скорей!

Хуже всего было коленям: они несли на себе всю тяжесть. Тряпки на руках начали гореть. Искра, другая — полоска огня. Дым разъедал глаза; Бонд задыхался без воздуха. Боже мой, он не может двигаться дальше, силы на исходе! Легкие просто разрываются от жара. Руки почти голые, так как тряпки сгорели. Кожа на руках тоже начала гореть. Он двигался вперед, словно слепец, не разбирая дороги. Изодранным плечом он задел раскаленный металл и завопил от боли. И продолжал кричать всякий раз, как его руки, ноги, колени или плечи касались раскаленных пластин. Он больше не мог терпеть. Похоже, это конец. Остается лечь и жариться на решетке, пока он не потеряет сознание... Нет! Нужно двигаться вперед, выть от боли, но двигаться, даже если руки и ноги сгорят до костей. Колени превратились в две открытых раны, и только пот, струящийся градом по рукам и ногам, не давал вспыхнуть лохмотьям, в которые превратились тряпки. Кричать, кричать, кричать! Чтобы знать, что ты жив. Продвигаться во что бы то ни стало. Теперь уже не долго. Умереть тебе предстоит не здесь. Не останавливайся. Так нужно.

И вдруг правая рука Бонда коснулась чего-то очень холодного. Затем другая рука, голова. Перед ним возвышалась стена. Вслепую он ощупывал ледяную стену; направо — налево. В правом углу он нашарил выемку и, не раздумывая, залез туда. Легкие наполнились свежим воздухом; кончиками пальцев он ощупал металл. Да, он был совершенно холодный. С мучительным стоном он упал лицом в пол и потерял сознание.

Он очнулся от боли. Перевернулся на спину. На миг ему показалось, что над ним иллюминатор, и два черных глаза внимательно смотрят сквозь стекло. Затем он снова погрузился в небытие.

Медленно он стал приходить в себя. Колени, руки, ноги, израненные, залитые кровью плечи, причиняли ему нестерпимую боль. Все его тело, казалось, утыкано острыми иглами, а укусы свежего воздуха буквально раздирали на части его обожженные легкие. Но сердце по-прежнему ритмично и сильно билось в груди. Мало-помалу приток кислорода возвращал его к жизни, нормализовал кровообращение, укреплял нервы. Наконец он окончательно пришел в себя. Ему показалось, что прошла целая вечность. Он при-

поднял голову, и глаза его встретились с другой парой глаз за стеклом. Этот пристальный взгляд снова причинил ему боль. И чтобы не видеть этого безжалостного очевидца его страданий, избежать стыда, ужаса и закипавшей в нем ярости, он перевернулся на живот и уткнулся лицом в ладони.

Затем он успокоился и стал осматривать свое тело, стараясь не проявлять при этом никаких эмоций. Готов ли он вынести еще одно испытание? Губы его разжались, и он застонал. Это был почти звериный вой. Он был на грани человеческих возможностей, страдания его дошли до предела. На этот раз доктор Но, действительно, прижал его к стенке. Но в нем еще были жизненные резервы: животный инстинкт самосохранения и способность не отчаиваться.

Бонд прополз несколько метров, чтобы уйти от черных блестящих глаз, которые все еще смотрели на него сквозь стекло. Он вытащил зажигалку. Перед ним по-прежнему простиралась темная пасть туннеля. Он загасил пламя, глубоко вздохнул и встал на четвереньки. Боль приутихла. Он пополз дальше. Колени и локти — открытые раны. «Это можно стерпеть, — повторял он про себя. Предположим, я попал в авиакатастрофу — какой бы поставили диагноз? Поверхностные ушибы и ожоги... Это пустяки. Несколько дней больницы. Предположим, я единственный кто выжил. Мне больно, но это ничего. Подумай лучше о тех, кто погиб и возблаговари небо, что дешево отделался».

Далеко впереди, в кромешной тьме плясали малюсенькие красные точки. Что это? Галлюцинация, усталость?.. Он остановился и долго тер глаза. Затем тряхнул головой. Точки были на месте. Он пополз дальше. Теперь красные точки шевелились. Он прислушался и уловил едва различимый шорох. Красные точки множились. Их было уже больше тридцати. Он снова зажег огонь. Завидев желтое пламя, точки прыснули в стороны. В метре от Бонда была решетка — тонкая металлическая сетка, преграждающая туннель. За ней — что-то вроде клетки, в которой находились красные точки. Змеи? Скорпионы? Сколопендры?..

Бонд подполз к сетке, стараясь производить как можно меньше шума. Приблизившись к ней вплотную, он резко щелкнул зажигалкой. Он успел лишь разглядеть лес тонких лапок, маленькие волосистые тела и на них — большие головы насекомых с огромными, во всю величину головы, глазами. Коричневые тельца спешно ретировались вглубь клетки. Бонд осмотрел клетку, и у него вырвался стон отчаяния. Выхода не было: нужно было разорвать сетку или

остановиться здесь. А по ту сторону преграды его поджидали двадцать гигантских остервенелых тарантулов.

«Так, так,— сказал он себе,— интересно, их укусы смертельны? Они наверняка могут убить животное. А человека?..» Бонд вздрогнул. Он вспомнил сколопендру у себя на животе. Прикосновение тарантула более нежно... Словно к тебе прикоснется маленький коричневый медвежонок... а затем вдруг укусит и выпустит тебе в кровь пузырек с ядом. И еще раз он спросил себя — это ли конец туннеля, та ли это смерть, которую доктор Но выбрал для него? Но доктор Но все рассчитал, не принимая во внимание зажигалку, нож и медный прут. Подумав, Бонд решил, что ему удастся выбраться. Ничего не бояться и действовать с предельной осторожностью. Он подкрутил фитиль, чтобы сделать пламя побольше, зажег его и в то время как тарантулы отпрыгнули вглубь клетки, разорвал тонкую сетку ножом, сделав широкое отверстие. Затем он снова зажал нож зубами и проскользнул в дырку...

Тарантулы отступали перед огнем, в беспорядке перепрыгивая друг через друга. Бонд вытащил из штанины медный прут и принялся дико хлестать им по груде насекомых. Некоторые пытались подобраться к нему, но замороженные пламенем, останавливались, не решаясь напасть. Он прикончил их одного за другим. Теперь, оставшиеся в живых тарантулы, набросились на убитых и раненых собратьев, и Бонду оставалось передавить прутом эту массу шерсти и крови. Несколько конвульсивных движений, и все было кончено. Теперь нужно взять себя в руки и пройти по этой каше трупов. Огонек пламени становился все слабее. Бонд решительно пересек клетку и разорвал металлическую сеть... Он спасен!

Он прополз еще несколько метров и лег, чтобы перевести дыхание и успокоиться. У него над головой зажегся яркий свет. Бонд уже знал, что за этим последует. Сквозь толстое стекло на него смотрели насмешливые желтые глаза. Наблюдатель медленно покачал головой. В его взгляде было что-то вроде жалости пополам с иронией. Он махнул рукой как бы на прощанье, и свет потух.

Бонд прижался щекой к холодному металлу. Последний жест наблюдателя со всей очевидностью указывал, что он наконец подошел к главному испытанию, и с ним попрощались, не надеясь больше увидеть его в живых.

Ему стало даже обидно, что человек за стеклом не выразил ни одобрения, ни восхищения по поводу его выносливости. Эти китайцы ненавидели его всем сердцем, единствен-

ное их желание — видеть как он подохнет. Причем самой страшной смертью.

Бонд подумал о Ханничайлд. Воспоминание о девушке прибавило ему сил. Он разложил так называемое оружие по местам и с трудом двинулся дальше. Туннель слегка шел на спуск. Это облегчало продвижение вперед. Спуск становился ошутимее. Бонд мог почти что скользить вниз, не делая при этом никаких движений. Это было поистине замечательно — дать отдых разбитым мускулам. Вдали брезжил серый свет. Сумерки стали разряжаться. Воздух также изменился. Да, точно так, это был запах моря.

Внезапно Бонд понял, что он на бешеной скорости скользит вниз по гибкому шлангу. Он расправил плечи и расставил ноги, чтобы притормозить, но только причинил себе боль. С неумолимой быстротой он продолжал падать вниз. Теперь туннель стал расширяться. Зацепиться было не за что. Скорость увеличивалась. Труба все больше загибалась вниз.

Он думал, что его тело разорвется на части. Его подбросило — поворот — и он полетел дальше, вниз головой. Кожа стерлась до крови о металлическую трубу. Совершенно отчаявшись, он напрягал ноги и руки, чтобы за что-нибудь зацепиться. Все напрасно — он продолжал лететь, словно пуля по стволу ружья, не в силах ни остановиться, ни замедлить скорости.

Далеко внизу — кружок серого цвета. Это могли быть и воздух и море. Свет приближался с невероятной быстротой. Он падал, словно камень с крутого обрыва, собирая последние силы, чтобы набрать воздуха в легкие. Чтобы остаться в живых.

Глава 18

Тело Бонда вылетело из туннеля головой вперед. Он перевернулся в воздухе и бомбой плюхнулся в воду.

Прежде чем вылететь из туннеля он вытащил нож и инстинктивно вытянул руки вперед, зажав голову как перед прыжком с вышки. В последнюю долю секунды он сделал глубокий вдох и вошел в воду. Удар был такой сильный, что он потерял сознание. Прыжок с высоты метров в семь, да еще на скорости шестьдесят километров в час. Очнувшись, он стал медленно выбираться на поверхность. Он изо всех сил колотил руками и ногами, и наконец голова его вышла наружу, выплевывая набравшуюся воду. Не переставая кашлять, он машинально поплыл. Движения его становились

все слаженнее, сквозь кровавую завесу он наконец различил свет.

Вдруг его штанина зацепилась за колючую проволоку. Он остановился и так и остался болтаться на крючке. Время от времени его тошнило. Наконец он собрался с силами, чтобы повернуть голову и оглядеться.

Перед ним, вокруг, наверху — толстая канатная сетка отделяла его от остальной части океана. Сзади — очертания холма, возвышавшегося над Крэб Ки. Он находился в узкой и глубокой сетке. Со всех сторон канаты уходили под воду. Вокруг копошились маленькие рыбки. Они облепили его ноги, и казалось, что-то едят. Они приближались стройными рядами, затем отплывали, возвращались снова.

И вдруг он понял, что они пьют его кровь. Он содрогнулся от ужаса. Да, кровь убывала из тела через раны на плечах, коленях, ступнях. Только теперь он почувствовал жжение от соленой морской воды. Эта боль привела его в чувство, мозг заработал с необычайной ясностью. К чему эта толстая сетка, в которую он попал? Чтобы сюда не смогли заплывать большие рыбы? Или может наоборот? Если даже маленькие рыбки жадно пили его кровь, что сделала бы акула или другая хищная рыба?.. Но если его предположения верны, почему он еще жив?

Он оттолкнул эти мрачные мысли.

Первым делом нужно было забраться по сетке вверх и попробовать перебраться на другую сторону. Место, в которое он попал, находилось в густой серой тени, под утесом. Но вдалеке, на морской глади, сиреневый отблеск возвещал для остальной части света наступление нового дня. А в аквариуме царила крошечная тьма.

Силы его были на исходе... Он исчерпал до дна свои физические резервы. Последний отрезок пути по туннелю, прыжок в воду, сильный удар и пребывание под водой в полубессознательном состоянии выжали его словно губку. Он почти готов сдаться, пойти на дно. На мгновение он представил себе как хорошо было бы расслабиться, отказаться от жизни и дать морю грустно сомкнуть свои черные воды у него над головой!..

Маленькие рыбки нервно засуетились вокруг его тела. Они словно обезумели — что и вывело Бонда из состояния отрешенности. Он отбросил мысль о смерти.

В черно зловещей глубине моря, на самом дне, что-то словно зашевелилось. Это «что-то» медленно всплывало на поверхность. Тело Бонда инстинктивно сжалось. Мысль о надвигающейся опасности пронзила его, словно электриче-

ский ток. Он разжал онемевшие пальцы, которыми все это время судорожно сжимал рукоятку ножа, потряс кистями и снова взял нож в руки. Затем вытащил медный прут и стал ждать, пристально глядя в воду.

Вода под ним забурилась. Что-то очень большое подымалось из бездны моря. Вдруг из воды резко вынырнуло щупальце, толстое, как рука Бонда. На конце его — узкий овал с присосками. Длинная нечеловеческая рука стала шарить по воде, в том самом месте, где секунду назад копошились рыбки. Уж не...

В ответ на его мысль, два огромных, как футбольные мячи, глаза медленно рассекли поверхность моря. Они остановились в нескольких метрах от Бонда и уставились прямо ему в глаза.

Бонд вздрогнул всем телом. Так вот он, последний сюрприз доктора Но! Конец пути!

Зачарованный, он не мог отвести глаз от этих желтых шаров. Прямо перед ним находился гигантский спрут — то самое морское чудовище, если верить легендам, которое способно потопить корабль — монстр величиной в пятнадцать метров, который легко вступает в битву с самыми большими китами. Дюжина щупалец... а меж глаз — огромный крючковатый клюв. Бонд знал, что спрут — чрезвычайно хитрое животное, он сражается с почти что человеческой изощренностью ума. Чудовище приближалось. Теперь Бонд разглядел целый лес щупалец, плавно колеблющихся на воде, словно огромное змеиное гнездо. Присоски втягивали воду.

Неспеша, он закрепил ноги, затем руки — опутав их колючей проволокой. Нужно было хорошенько закрепиться, чтобы спрут не смог присосать его тело. Этой гадине придется сначала вырвать человека из железной клетки, а потом уже рассчитывать на добычу.

Бонд стоял не шевелясь, моля небо, чтобы спрут потерял к нему интерес. В противном случае...

Пальцы его прямо-таки впились в рукоятку ножа.

Холодные желтые глаза терпеливо рассмаривали добычу, словно прикидывая, стоит или не стоит...

Плавно, словно хобот слона, одно из щупалец высунулось из воды и погладило Бонда по ноге. Тот даже не шелохнулся, стерпел это мерзостное прикосновение. Затем щупальце поползло вверх по ноге и остановилось на кровоточащем колене.

Бонд прикусил губы, подавляя вопль ужаса. Он представил себе сигнал, который эта гигантская конечность посы-

дает в мозг: «Да, это очень вкусно!» И мозг отвечает: «Хватай!»

Легкий ветерок, первый ветерок занимающегося дня, пробежался по синеватой воде, поднимая мелкие волны и направляя их в сторону утеса. Пролетела стайка бакланов, и Бонд услышал звук, который, очевидно, спугнул их: вой сирены с корабля, совсем близко, слева от себя. Это должно быть, рядом, за утесом.

И вдруг второе щупальце развернулось прямо у него перед носом. Теперь или никогда! Он сжал рукоять ножа и изо всех сил вонзил лезвие в отвратительную плоть животного. Раненая конечность упала в воду. Некоторое время море просто бурливо вокруг Бонда. Другое щупальце ухватило его за живот, всасывая с чудовишной силой кожу, раздирая ее на части...

Словно умалишенный, Бонд яростно орудовал ножом. Поднялась прямо-таки настоящая буря. Проволока ходила ходуном. В пене брызг вновь показалась голова спрута. Глаза монстра смотрели на Бонда с диким выражением. Колочая проволока впивалась под мышки. Если он отступит, его разорвут на куски. Глаза и хищный треугольный клюв подбирались к животу. Осталась последняя надежда.

Бонд зажал нож зубами, вытащил прут и яростно воткнул крючок в глаз монстра. Море словно взорвалось. Все стало черным. Что происходит? Он что, ослеп? Он ничего не видел... Глаза словно обожгло, а во рту — чудовищный вкус рыбы. Но он все еще чувствовал проволоку, опутавшую его колени. Значит он жив.

Бонд провел рукой по глазам. Теперь он видел. Посмотрел на руку: она была черной и липкой. Все его тело было покрыто черной вязкой смолой. Так вот оно что... Раненый спрут выпустил на него весь свой чернильный запас. Но где он? Что с ним стало?

Взгляд его судорожно пробежался по поверхности океана. Никого. Все спокойно. Ни единой морщинки на воде. «Нужно торопиться», — сказал он себе. — Бежать, бежать как можно быстрее». Он посмотрел направо, затем налево. Слева — корабль. Но это снова доктор Но! Справа — ничего. Чтобы построить эту клеть, люди, должно быть, зашли с левой стороны. Значит, там должен быть какой-то проход. Тропинка, может быть.

Бонд подтянулся к крайнему канату и зацепился за него. Пятнадцать метров отделяло его от скалы, где, видимо, крепился пеньковый трос. Нужно было преодолеть это пространство.

Бонд сам не мог понять, откуда в нем столько упорства, почему он не выпустил канат из обессиленных рук. Метр за метром он приближался к цели. Он не думал о кровоточащих пальцах, содранной до мяса коже, он двигался вперед, словно автомат. И вот он у скалы. Тряпичная кукла, коей он ощущал себя до этого момента, снова превратилась в человека. Прежде всего — вымыться. Отмыться от этих ужасных липких чернил, собственной крови и тошнотворного запаха рыбы.

Несмотря на чудовищную усталость, он скинул с себя лохмотья и вымылся, стараясь не смотреть на свое тело, чтобы не потерять сознание.

Через несколько минут он был на полпути к вершине утеса. Так и есть — узенькая тропинка петляла вокруг скалы. Совсем рядом воздух вибрировал от разнообразных шумов. Бонд разобрал звук мотора подъемного крана, стук молотов, шум двигателя корабля и звук откачиваемой при помощи насоса воды.

Небо, нежного голубого цвета, было усыпано мелкими золотистыми тучками. В вышине, стая бакланов выписывала круги над гуанерой. Было, должно быть, шесть часов утра. Заря нового, прекрасного дня...

Он шел, оставляя на камнях кровавый след. Шум усиливался. Бонд ступал осторожно, так, чтобы ни один камешек не покатился вниз. И вот уже совсем близко кто-то крикнул:

— Готово!

И чуть подальше:

— Порядок!

Заработал мотор подъемного крана. Еще несколько метров... Еще один выступ... Есть!

Бонд припал к скале. Сейчас он узнает, что там, с другой стороны. И осторожно высунул голову.

Глава 19

Одним взглядом он охватил всю картину. И отпрыгнул назад, припал к скале и подождал пока дыхание придет в норму. Задумчиво он взял нож и осмотрел лезвие. Затем, с видимым удовлетворением, засунул его за пояс. Зажигалка была при нем, на месте, но она уже ни на что не годилась, и Бонд выбросил ее. Он сел и стал восстанавливать в памяти то, что он увидел за скалой.

Меньше чем в десяти метрах стоял подъемный кран. В кабине не было задней стенки, внутри сидел человек и управ-

лял рычагами. Бонд узнал водителя «дракона», убийцу Куоррела. Перед ним — двадцать метров водной глади отделяли площадку от мола, на конце которого, на якоре, стоял старенький нефтевоз. Корма выступала метра на четыре над причалом. Корабль назывался «Бланш» и прибыл из Антверпена. На борту — никакого движения. Лишь один человек застыл у штурвала, остальные члены экипажа, видимо, сошли на берег.

Рядом с танкером — мощный грузовик, доверху заполненный гуано. А дальше, слева на молу... высокий силуэт доктора Но... Так, это все.

Утренний ветерок отдавал прохладой. Мотор подъемного крана непрерывно журчал. Шла погрузка гуано на корабль. В нескольких метрах доктор Но с невозмутимым видом наблюдал за погрузкой. С другой стороны холма, должно быть, работали люди.

Бонд продолжал сидеть, мысленно измеряя расстояние, вспоминая, где в точности располагались руки и ноги крановщика. Его загорелое лицо медленно расплылось в улыбке. Да, это вполне возможно. Но не спешить. Медленно и верно!..

Он осмотрел ладони. Они еще должны ему послужить. Затем нащупал нож, поднялся на ноги и несколько раз глубоко вдохнул. Пошевелил пальцами. Он был готов.

Еще раз он отважился высунуться из-за скалы. Все было на своих местах. Прикидка расстояния была абсолютно точной. Крановщик сосредоточенно выполнял свою работу, ему некогда было смотреть по сторонам. Крепкая шея торчала над воротничком рубашки цвета хаки. Голая, незащищенная...

В пятнадцати метрах от площадки доктор Но, стоя спиной к Бонду, смотрел в направлении залежей гуано. Матрос на палубе зажег сигарету...

Бонд окинул взглядом расстояние, которое ему предстояло преодолеть, чтобы подобраться к крану. Он отметил все места, куда следует ступать. Затем вышел из-за скалы и побежал, стараясь не производить шума. Он зашел справа, за кабину, так, чтобы ни крановщик, ни доктор Но не заметили его. Добравшись до места он остановился, сел на корточки и прислушался.

Шум мотора не прерывался. Два железных поручня у задней части кабины на вид были прочны. Гул мотора поглощает другие звуки, но все же действовать нужно быстро, чтобы стащить крановщика с сиденья и занять его место. Один удар ножом, но этот удар должен быть смертельным.

Он послушал еще несколько секунд, затем выхватил нож и устремился по железным ступенькам к кабине, мягко, как пантера.

Крановщик повернулся к нему в пол-оборота. Бонду показалось, что тот узнал его.

— Это от Куоррела! — прошептал он.

Из открытого рта вырвался сдавленный звук, огромное тело свесилось на бок и рухнуло на пол кабины.

Бонд даже не посмотрел на него. Он уже сидел на сиденье, нащупывая ногами педали и рычаги. Мотор глох. Ковш медленно шел вниз, словно шея жирафа, переноса груз в трюм корабля. Доктор Но поднял голову, рот его был открыт. Может, он что-то кричал.

С ледяным спокойствием Бонд схватился за железный руль и неспеша начал маневрировать. Кран послушно повернулся вправо. Глаза Бонда были прикованы к молу. Доктор Но зашевелился. В руке он держал переносной телефон. Бонд видел как его рука судорожно жмет на кнопки, как бы привлекая к себе внимание.

Боже, как медленно идет руль! Пара секунд, и будет поздно, доктор Но ускользнет от него навсегда!

Кран медленно развернулся. Пять метров, четыре метра, три метра, два... Не оборачивайся, скотина! Так... остановить руль, дернуть рычаг... Ваше здоровье, доктор Но!

Тот едва успел заметить как на него движется громадная масса гуано. Он поднял руки, открыл рот... И на молу не было больше ничего, кроме желтой кучи гуано, которая становилась все больше и больше...

О чем подумал доктор Но в последнюю секунду, прежде чем задохнуться в этой вонючей каше? Что взяло верх: ярость, ужас или ощущение того, что он проиграл?

Он повернул голову в сторону корабля. В эту мигу слышались три коротких вопля сирены. Они эхом отдались в скалах. Затем последовал четвертый, который уже не прерывался. Бонд представил себе часового, мечущегося по палубе, бьющего тревогу. Нужно было срочно уносить ноги...

Он наклонился к мертвому крановщику и вытащил у него пистолет, «Смит и Вессон» 38 калибра, засунул его за пояс, затем спрыгнул на землю. Тут он заметил широкую трубу, метра два в диаметре, которая выходила из скалистой стены и доходила почти до кормы танкера. Отбросив колебания, он забрался туда. Запах гуано подступил к горлу. Какова глубина туннеля? Сто метров? Двести?.. Судя по запаху, он выводит к шалашам рабочих, что рядом с гуанерой. Все, на что Бонд мог надеяться выбравшись из туннеля, — это соз-

дать панику пальбой из пистолета, схватить одного из людей и заставить его сказать где Ханничайлд. А потом?.. Допустим он поднимется на холм, что он там увидит?..

Бонд бежал пригнув голову. И вдруг он наткнулся на лежащее тело и почувствовал как кто-то схватил его за ноги. Стрелять было поздно. Он упал на колени и, в свою очередь, ухватил противника за ноги. И тут раздался пронзительный крик. Нет, это невозможно! Он с ума сошел! Это не она!

Острые зубы впились ему в голень, маленький кулак с силой ударил в низ живота. Он скорчился от боли и успел только крикнуть: «Ханни!»

— Остановитесь, Ханни, это я!

— Джеймс!

Он изо всех сил сжал ее в своих объятьях.

— О, Ханни, Ханни, вам не больно!

— Нет, Джеймс, нет!

Он чувствовал ее руки: они гладили его спину, волосы.

— Джеймс, дорогой,— проговорила она рыдая...

— Все в порядке, Ханни,— заверил Бонд, глядя ее по голове.— Доктор Но мертв. Но нужно поскорее выбираться отсюда. Пошли... Но как вы оказались здесь, в этой трубе?

Бонд поднялся на ноги. На ней был грязный синий комбинезон, рукава и штанины которого были закатаны. Она выглядела, словно маленькая девочка в папиной пижаме.

— Сюда,— сказала она.— Есть туннель, который ведет в машинный зал и гараж. Вы думаете они нас могут схватить?

Времени на разговоры не было.

— Быстро, за мной! — сказал Бонд настойчиво. И они побежали. Они свернули в боковой туннель. В глубине слышались голоса.

— Очень сожалею, Ханни, но мне придется кое-кого прибить.

— Конечно,— кивнула Ханничайлд, ни секунды не задумываясь.

Он пожал ей руку. Затем проверил пистолет. Шесть пуль. Голоса приближались. Трое мужчин громко разговаривали, с явным раздражением в голосе.

— Ты мне должен шесть мешков, Сэм,— говорил один.

Бонд услышал шум шагов.

— Подожди до вечера,— отвечал второй.— Мы сыграем на них в кости.

— Никаких игр сегодня вечером, приятель! Вечером я развлекаюсь с девочкой!

Бонд рывкнул:

— Неужто, приятель? Я в этом сильно сомневаюсь!

Все трое оглянулись. Бонд выстрелил одному в голову, другому в живот. Третья пуля просвистела и растворилась в глубине туннеля. Бонд снова выстрелил — третий человек схватился за горло руками и рухнул навзничь.

Человек с пулей в животе корчился на земле. Бонд засунул дымящийся пистолет за пояс и увлек Ханни в боковой туннель.

— Сожалею, Ханни, я не мог поступить иначе, — сказал он.

— Не разыгрывайте из себя идиота, — ответила Ханни.

Они бежали в полной тишине, слышно было только шлепанье их босых ног по трубе. Становилось свежо. Бонд двигался, словно автомат. Все его тело ныло от боли. Но мозг продолжал работать, сосредоточившись на том, чтобы эту боль не замечать. Какие трудности их ждут в конце туннеля? Услышали ли наверху выстрелы? Он не мог ответить на эти вопросы. План его был таков: стрелять в каждого, кто попадется у них на дороге и помешает им добраться до гаража, где стоит «дракон»-амфибия доктора Но.

Это была единственная возможность быстро добраться до побережья. За его спиной тяжело дышала Ханни. Бонд остановился.

— Извините, Джеймс, — еле выговорила она, — но я больше не могу...

Бонд обнял ее и спросил встревоженно:

— Вы не ранены?

— Нет, — ответила она. — Я только очень устала. И у меня совершенно стерты ноги. Может пройдем немного? Мы уже почти добрались. Чуть дальше — дверь в гараж. Здесь можно пройти, как вы думаете?

— Именно это я и собирался сделать, — сказал Бонд сильно волнуясь. — Это единственная надежда выбраться отсюда. Если вы немного потерпите, считайте, что мы спасены.

Бонд обхватил ее за талию и так они пошли дальше. Лицо Бонда сводило судорогой, а ступни Ханни чейлд оставляли кровавые следы на полу. Они почти сразу же вышли к деревянной двери в стене туннеля. Она была приоткрыта. Внутри — тишина.

Бонд вынул пистолет и пнул ногой дверь. Длинный гараж был совершенно пуст. Под светом неоновых рампы черный блестящий «дракон» выглядел словно карнавальная колесница. Он стоял лицом к раздвижным воротам, кабина была открыта. Бонд взмолился чтобы бак был залит горючим и механики успели починить эту чудовищную машину.

Внезапно снаружи раздались голоса. Разговорили несколько человек. Бонд взял Ханничайлд за руку, и они побежали. Спрятаться можно было только в одном месте: внутри «дракона». Ханни залезла первой, Бонд — за ней. Он закрыл дверь. Тяжело дыша, они присели на корточки. Бонд подумал: «У меня только три пули». Голоса были уже совсем рядом. Дверь раздвинулась, и до них долетели обрывки фраз:

— Откуда ты знаешь, что они стреляли?

— Я в этом уверен. Я знаю, что говорю!

— Тогда прихватим оружие, на всякий случай. Держи... это Лемму, а ты, Джо, бери кольт. И гранаты. Кто знает... Коробка под столом.

Послышался металлический звук.

— Там какой-то парень, видимо чокнутый. Во всяком случае, это не тот идиот англичанин. Он наверняка мертв... Ты видел когда-нибудь гигантского спрута в бухточке?... Этот гад, должно быть, полакомился сегодня... Ну и гнида же этот доктор Но!

— А девчка? — спросил Джо. — От нее, верно, мало что осталось. Кто-нибудь ходил туда сегодня утром?

— Нет, — ответили голоса хором.

— Ха! Хотел бы я оказаться на месте одного из этих крабов! — хихикнул Лемми.

— Порядок, пошли, — сказал один из них. — Идем па-рами до основного туннеля. Кого встретите — стреляйте в ноги. Даже если это сумасшедший, лучше привести его живым. Доктор Но будет доволен.

Бонд затаил дыхание. Заметили они, что дверь «дракона» закрыта? Нет. Они вошли в туннель. Звук их шагов гулко отозвался в тишине. Затем все стихло.

Бонд тронул девушку за плечо и прижал палец к губам. Он тихонько открыл дверь и прислушался. Убедившись, что в гараже никого нет, он прыгнул на пол. Со стороны туннеля — ни звука. Тогда он притворил дверь и запер ее на ключ. Затем подошел к стойке с оружием, взял один «Смит и Вессон», карабин «Ремингтон», проверил, есть ли там пули и протянул Ханни. Затем так же бесшумно он раздвинул двери гаража и снова забрался в кабину «дракона». Он сел на водительское место и, повернувшись к Ханни, скомандовал:

— Закройте дверцу... Быстро!

Затем включил зажигание. Стрелка горючего была на максимуме. Лишь бы только побыстрее двинуться с места. Он потянул стартер. Шум мотора оглушил их. Бонду показалось, что его слышно на весь остров. Мотор заглох. Вспотевшими ладонями он снова завел мотор. Тот ритмично

заурчал. Бонд тронулся с места и на ходу переключил скорость, наугад. Все шло нормально. От волнения он чуть было не выпустил руль из рук.

Они выехали на дорогу. Бонд выжал акселератор до упора.

— За нами нет погони? — закричал он зычно, чтобы перекрыть шум дизеля.

— Нет... Подождите! Я вижу человека, который выходит из шалаша. Еще один... Они машут руками... кричат в нашу сторону. А вот еще один. С ружьем... Он в нас стреляет.

Стрелка скорости показывала сорок пять километров в час. Такая махина не могла двигаться быстрее. Пуля рикошетом отскочила от кабины, затем другая...

— Ханни, не могли бы вы посмотреть?

— Они перестали стрелять, но их целая толпа. Они... Я думаю, они спустили собак по нашему следу. Скажите, а они нас не сожрут?

— Не беспокойтесь, Ханни,— успокоил ее Бонд.— Едем дальше... Когда мы остановимся, я застрелю одного пса, и вся свора набросится на него.

Он прижал Ханни к себе и закричал бодрым голосом:

— Мы выберемся отсюда! Когда они узнают, что Но мертв, им будет не до нас — нужно будет убираться отсюда подобру-поздорову. Отвечаю вам... Через час мы будем на берегу. Погода прекрасная. Этой ночью мы отправимся на Ямайку. Вы сможете продержаться?

— Конечно, Джеймс. А вы? Что они с вами сделали?

— Я вам расскажу обо всем позже... Но скажите, как получилось, что крабы вами побрезговали?

— Видите ли,— сказала Ханни важно,— доктор Но полагал, что он все знает. По правде говоря, он боялся черных крабов гораздо больше, чем я... И он не знал, что эти животные с большим удовольствием едят растения и водоросли, нежели живые организмы. Конечно же, если бы у меня были раны на теле, все было бы иначе. Впрочем,— сказала она сжимая его руку,— если я и упала в обморок во время ужина, то только потому, что мне стало страшно при мысли, что он сделает с вами.

— Если бы я знал это раньше! — простонал Бонд.— Я бы меньше попортил себе крови.

— Разумеется,— продолжала Ханни,— это была вовсе не увеселительная прогулка по окрестностям Крэб Ки. Эти скоты положили меня совершенно голую и привязали к земле. Но они не осмелились притронуться ко мне. Они тупо хотали и отпускали всякие скабрезные шуточки. А потом

оставили совсем одну... Я думала о вас и о том, как лучше убить доктора Но. Крабы начали приближаться тесными рядами. Я лежала не двигаясь до самого утра. Они мне даже стали нравиться, эти крабы. Они составили мне компанию этой ночью. А на рассвете я стала дергать за веревки, и мне удалось высвободить правую руку. Остальное было несложно. Я добралась до шалашей. Все еще спали. Я стала искать какую-нибудь одежду. В гараже я нашла этот отвратительный костюм. Но это лучше, чем ничего... А потом я пробралась в туннель, потому что думала, что на том конце найду доктора Но, а единственное, что я хотела сделать — это убить его, чтобы отомстить за нас обоих. Вот, я вам все рассказала.

Она прижалась к нему.

— Мой дорогой, — прошептала Ханни, — надеюсь я вам не очень больно сделала, когда мы подрались? Это кормилица научила меня, что бить нужно в это место.

Бонд расхохотался.

— Так я и думал... Ваша кормилица была замечательная женщина.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

«Дракон» слегка вильнул в сторону. Они въехали в чашу деревьев у реки.

Глава 20

— Как? — воскликнул губернатор с вытаращенными глазами. — Вы вполне уверены в том, что рассказываете?

Несчастный имел жалкий вид, в глазах его светился упрек. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он не допустит и мысли о том, что подобные вещи могли происходить у него под носом, на одном из принадлежащих Ямайке островов. Он, чьим девизом было — «только без приключений» — на пороге отставки, рисковал получить публичный выговор от колониального ведомства. Он уже представил себе длинный светло-голубой конверт с отметкой «срочно передать в собственные руки». Он открывает его дрожащими пальцами и читает следующие слова: «По просьбе Государственного Секретаря выражаю вам мое совершеннейшее удивление...»

— Мсье, — сказал Бонд сухим тоном, — я не сказал вам ничего такого, что нельзя было бы проверить.

Он не испытывал ни малейшей симпатии к губернатору и не мог забыть весьма прохладный прием, который был ему

оказан этим высоким чиновником. Более того, Бонд не мог простить губернатору ехидных комментариев по поводу исчезновения Стрэнжвейза и Мэри Трублад, в особенности теперь, когда он знал, что их тела покоятся на дне ущелья Мона.

— Прежде всего,— говорил губернатор,— никакого скандала! Только не скандал!.. И ни слова в прессу. Понятно? Я отправлю рапорт Госсекретарю ближайшей диппочтой. Могу я рассчитывать на вашу скромность, мистер Бонд?

— Если мне будет позволено, мсье,— прервал его генерал, отвечающий за безопасность Карибского бассейна,— то я считаю, что нужно немедленно приступить к действию, не дожидаясь указаний из Лондона. У вас под рукой стоит «Нарвик». Я предлагаю немедленно высадить десант на Крэб Ки.

— Я совершенно согласен с генералом, мсье,— сказал шеф полиции.— Как нам совершенно справедливо заметил майор Бонд, большая часть гангстеров, вероятно, уже попробовала добраться до Кубы. Нужно как можно скорее прочесать местность. И войти в контакт с Гаваной, чтобы потребовать выдачи тех, кому удалось сбежать.

— Я хотел бы отметить,— сказал Плейдл-Смит, первый раз взявший слово,— восхитительное поведение майора Бонда. Мне кажется, что мы не можем сделать ничего лучшего, как последовать его советам, то есть высадиться на Крэб Ки как можно быстрее и пролить свет на это грязное дело. Майор Бонд сильно облегчил нам задачу. Он один проделал три четверти работы. Самое умное, что мы можем сделать, это закончить ее.

— Я вижу, господа,— сказал губернатор,— что вы все заодно. Тогда я сдаюсь.

Раз уж он не мог поступить по-своему, следовало использовать ситуацию с наибольшей выгодой для себя. Если грамотно подойти к газетчикам, они могут дать эффектные заголовки: «Губернатор принимает решительные меры», «Правитель Ямайки берется за дело», «Высадка морской пехоты».

— Господа,— продолжил он,— я полагаюсь на вас в плане подготовки операции и благодарю за помощь.

Он встал, сделал грациозный жест рукой и исчез.

— Видели, как старая обезьяна повернула дело? — говорил Плейдл-Смит Бонду.

— Я благодарю вас за поддержку, — ответил Бонд коротко. — А теперь я думаю вернуться в Бо Дезер.

— Это безумие! — воскликнул Плейдл-Смит. — В больнице сказали, что вы должны пролежать не менее недели.

— Ну так я вернусь туда завтра, — ответил Бонд, пожав плечами. — Но прежде мне нужно проведать девушку. Вы отослали мою телеграмму в Лондон?

— Да, — ответил Плейдл-Смит. И он в точности повторил текст: «Сожалею вынужден просить отпуск по здоровью точка медицинское заключение высылаю точка прошу сообщить оружейнику, что Смит и Вессон совершенно непригодны против огнемета точка».

Конечно, это не очень понравится «М», но Бонду все еще не давал покоя этот «лечебный отдых». Он всегда сможет извиниться в следующем рапорте.

— Я хотел бы, — сказал Бонд напрямик, — спросить вас кое о чем. Видите ли, — продолжил он, — эта девушка, Ханничайлд Ридер, очень хорошая и умная. Естественная история не представляет для нее никакого труда... Если бы можно было устроить ее в институт, я был бы вам очень признателен... Мне хотелось бы знать, что она устроена. Сначала я отвезу ее в Нью-Йорк, чтобы ей сделали операцию и выправили сломанный нос. Вы сможете, когда она вернется, уделить ей немного внимания, вы и ваша супруга... Это действительно, — заключил он выдавливая из себя каждое слово, — очень хороший человек.

— Я понимаю, — сказал Плейдл-Смит, опустив глаза. — Вы можете на меня положиться.

— Спасибо, — сказал Бонд. — Спасибо за все.

Он помахал рукой и сел в машину. У него было лишь одно желание: как можно быстрее добраться до Бо Дезер. Послать подальше всех этих чересчур любезных людей, которые его немного раздражали.

По дороге он как бы снова переживал возвращение с Крэб Ки на Ямайку. Все прошло как по маслу. Никто не пытался их задержать. Он отделался от собак. А в остальном никаких трудностей не было. Ханни почти всю ночь провела у паруса. У него же не было сил на разговоры. Он упал на дно лодки и заснул как убитый.

А теперь он снова увидит ее. Нога его яростно жала на газ, ветер напевал «Ханни, Ханни...»

В Бо Дезер его ожидало письмо. Записка, написанная крупным детским почерком: «Я сейчас вернусь, я с моими животными. Не забудьте: сегодня вечером вы остаетесь со мной. Вы дали честное слово. Я вернусь в семь часов. Ваша Ханничайлд».

На газоне появилась тень. Бонд допивал третий «бурбон», когда она появилась. На ней была ситцевая юбка в черно-белую полоску и розовая приталенная кофточка. Ее золотистые волосы колыхались от ходьбы. Она была невероятно свежая и красивая.

Ханни взяла его за руку и повела в свое жилище.

Бонд не мог себе представить, что он сейчас увидит. Во всяком случае, не это: подвал Ханни выглядел словно большая коробка из-под сигар. Пол и потолок — из полированного кедра, что наполняло комнату приятным запахом дерева. Стены покрыты циновками из бамбука. Тяжелая серебряная люстра на двенадцать рожков давала мягкий свет. Наверху — три квадратных окна открывали полоску моря и неба. Мебели было мало, но красного дерева. А под люстрой стоял столик, накрытый на двоих. На нем поблескивало серебро самой тонкой выделки.

— Да у вас просто восхитительно, — сказал Бонд, не скрывая своего удивления. — После всего, что вы мне рассказали, я представлял себе, что вы живете в зоопарке.

Ханни засмеялась, явно польщенная.

— Знаете, — сказала она, — я вытащила все свое серебро. Это все, что у меня есть. Мне пришлось потратить целый день, чтобы его начистить. Пошли, я покажу вам свою спальню... Она крохотная, но на двоих места хватит. Надеюсь вы ничего не имеете против холодного ужина? Есть омары и фрукты...

Не говоря ни слова, Бонд обнял ее и прижался к ее губам.

— Ханни, — прошептал он, — вы удивительная девушка. Вы самая восхитительная девушка, какую я когда-либо встречал. Надеюсь, вы не слишком изменитесь когда выйдете в свет. Вы уверены, что хотите сделать эту операцию?

— Не будем говорить о серьезных вещах сегодня, — сказала Ханничайлд, смешно хмуря брови. — Эта ночь принадлежит мне. Говорите мне лучше о любви, хотите?

Бонд сел.

— Да, очень хочу, Ханни.

Он взглянул на нее: она покраснела. Ее голубые глаза при свете свечей были просто неотразимы. Ее полные губы дрожали от нетерпения.

— Вы действительно намереваетесь есть, Ханни? — спросил он хрипло.

Пламя свечей над ними стало легонько пританцовывать. Вдруг Ханни высвободилась из его объятий. Не говоря ни слова, она расстегнула блузку и скинула ее. Затем юбку. Она нагнулась к Бонду, взяла его за руку и заставила подняться. Одну за другой, она расстегнула пуговицы его рубашки и стянула ее.

— Идемте, Джеймс, — прошептала она.

Она увлекла его в спальню. На кровати лежал большой раскрытый спальный мешок. Она выпустила его руку и скользнула внутрь. Затем медленно подняла на него глаза.

— Вы знаете, я купила его сегодня днем... Это спальный мешок на двоих, самый лучший, что был в магазине... Я заплатила ужасно дорого. Идите сюда. Вы обещали, Джеймс.

— Честное слово, — сказал Бонд, склоняясь к ней.

— Вы обещали, Джеймс. Вам не улизнуть теперь!

— Но...

— Повинуйтесь!

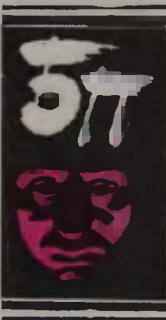
СОДЕРЖАНИЕ

БРИЛЛИАНТЫ ВЕЧНЫ	3
ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ	189
ДОКТОР НО	375

COSY PALACE

ОЛИМП

2

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.